



ДЕМОКРАТИЯ

ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГРАХ США



МАЙКЛ ПАРЕНТИ

Annotation

Принято считать, что США выдают себя за мировой оплот гражданских свобод, тем самым присваивая право «экспортировать» собственный тип демократии в другие страны. Что же представляет собой американская демократия на самом деле и можно ли вообще называть этот режим демократией?

Майкл Паренти — профессор политологии и гражданин США. В своей книге он дает нелицеприятную оценку господствующему в Америке политическому строю, который он метко характеризует как «демократию для избранных». Автор обличает лицемерие официальной идеологии США, выдающей власть привилегированного меньшинства за служение народу, и выдвигает американскому правительству впечатляющий список обвинений в нарушении прав человека. Его книга открывает для читателя совершенно другую Америку.

- [Майкл Паренти](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [1. Ангажированная политика](#)
 -
 - [Выходя за рамки учебников](#)
 - [Политико-экономическая система](#)
 - [2.](#)
 -
 - [Капитал и труд](#)
 - [Накопление и экспансия](#)
 - [Кто владеет Америкой?](#)
 - [Концентрация корпораций](#)
 - [Монополии в сельском хозяйстве](#)
 - [Сокращение численности работников и снижение квалификационных требований на рабочих местах](#)
 - [Прибыль — цена — инфляция](#)
 - [Рыночный спрос и личные потребности](#)
 - [Производительность — противоречивый Божий дар](#)
 - [«Желательная» безработица](#)

- [Нужда и лишения трудящихся в Америке](#)
 - [Человеческая цена экономической несправедливости](#)
- [3.](#)
 -
 - [Правление корпоративной плутократии\[65\]](#)
 - [Сохранение идеологических традиций](#)
 - [Правые, левые и центр](#)
 - [Общественное мнение — какое принять направление?](#)
 - [Демократия — форма и содержание](#)
- [4.](#)
 -
 - [Классовая власть на раннем этапе развития Америки](#)
 - [Сдерживание распространения демократии](#)
 - [Разделение власти большинства](#)
 - [Заговорщики или патриоты?](#)
 - [Демократические уступки](#)
- [5.](#)
 -
 - [На службе у бизнеса — ранние годы](#)
 - [Прибыли корпорации](#)
 - [Закон на службе бизнеса](#)
 - [Не настолько уж прогрессивная эра](#)
 - [Война и «красная угроза»](#)
 - [«Новый курс» — тяжелые времена и жесткие реформы](#)
- [6.](#)
 -
 - [Благодеяние для богатых](#)
 - [Федеральные власти спасают испытывающие трудности частные предприятия, а штаты и местные власти раздают им помощь из общественных фондов](#)
 - [Налоги — помощь богатым](#)
 - [Недоброжелательные налоговые сокращения, несправедливые налоговые тарифы](#)
 - [Дефицитное финансирование и государственный долг](#)
 - [Некоторые случаи скрытого дефицита](#)
- [7.](#)
 -
 - [Глобальная поражающая способность](#)

- [Растраты и жульничество военных](#)
- [Выгоды Пентагона](#)
- [Скрытая расточительность военных](#)
- [Экономический империализм](#)
- [Террористическое государство](#)
- [8.](#)
 -
 - [Бедные получают все меньше и меньше](#)
 - [Социальная незащищенность — передача всего в частную собственность](#)
 - [Сколько здоровья вы можете себе позволить?](#)
 - [Покупатели опасаются, и рабочие тоже](#)
 - [Порождение кризисов — школы и жилье](#)
 - [«Общественный транспорт» — то, что хорошо для General Motors...](#)
 - [Отравление земли](#)
 - [Экологический апокалипсис](#)
 - [Правительство для грабителей](#)
- [9.](#)
 -
 - [Преступления в офисах](#)
 - [Классовый характер права](#)
 - [Мода на жесткость по отношению к преступности](#)
 - [Преступления в тюрьмах](#)
 - [Непричастный виновный](#)
 - [Правосудие, допускающее неравноправие по отношению к женщинам](#)
 - [Их жертвы — дети](#)
 - [Полиция в спальне](#)
 - [Расистское правоприменение](#)
- [10.](#)
 -
 - [Подавление инакомыслия](#)
 - [Политические узники в США](#)
 - [Политические убийства в США](#)
 - [Близость с правым политическим насилием](#)
 - [Единовластие национальной безопасности](#)

- ЦРУ: Международная армия капитализма или Агентство по импорту кокаина?
 - Уотергейт и Иран-контрас
- 11.
 -
 - Правящий класс
 - Трудящиеся в осаде
 - Профсоюзы и цели их борьбы
 - Глобализация, Всемирная торговая организация и конец демократии
- 12.
 -
 - Тот, кто заказывает музыку
 - Идеологическая монополия
 - Манипуляции должностями
 - Политический характер развлечений
 - Есть ли место альтернативам?
- 13.
 -
 - Республикраты и демопубликанцы
 - Монополия двух партий
 - Пропорциональное представительство — каждый голос, поданный на выборах, получает представительство
 - Мошенничество в игре
 - Деньги — одно из необходимых условий
 - Борьба за избирательное право
 - «Безразличие» и активность избирателей
 - Влияние фактора демократии
- 14.
 -
 - Конгресс борется за деньги
 - Лоббисты: другие законодатели
 - Лоббирование на уровне широких народных масс
 - Оказание помощи самим себе: разновидности коррупции
 - Система специализированных комитетов
 - Безопасность, секретность и процедура «ускоренного рассмотрения»
 - Законодательный лабиринт

- [Ограничения сроков пребывания на выборной должности](#)
 - [Достижения демократии](#)
- [15.](#)
 -
 - [Торговый агент системы](#)
 - [Два лица президента](#)
 - [Роль президента в системе власти](#)
 - [Первоначальное предназначение коллегии выборщиков](#)
 - [Уловка «Нового федерализма»](#)
 - [Усиление власти президента](#)
 - [Потенциальный монарх](#)
 - [«Консервативная» обстановка](#)
- [16.](#)
 -
 - [Мифы и реальность неэффективности](#)
 - [Отмена государственного регулирования и приватизация](#)
 - [Секретность, обман и коррупция](#)
 - [Бюрократическое действие и бездействие](#)
 - [Обслуживают интересы тех, чью деятельность контролируют](#)
 - [Государственная власть в частных руках](#)
 - [Государственно-монополистическое регулирование в сопоставлении с регулированием государственными органами](#)
- [17.](#)
 -
 - [Кто отправляет правосудие?](#)
 - [Консервативный судебный активизм\[760\]](#)
 - [Обход первой поправки к Конституции](#)
 - [Свобода для революционеров?](#)
 - [Перемены в курсе Верховного суда](#)
 - [Влияние Верховного суда](#)
- [18.](#)
 -
 - [Плюрализм для избранных](#)
 - [Пределы реформ](#)
 - [Демократия — как классовая борьба](#)
 - [Роли государства](#)

- [Что делать?](#)
- [Реальность государственного сектора производства](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)

- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)

- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)

- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)

- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)

- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)

- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)

- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)

- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)

- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)

- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)

- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)

- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)

- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)

- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)

- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)

- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)

- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)

- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)

- [834](#)
 - [835](#)
 - [836](#)
 - [837](#)
 - [838](#)
 - [839](#)
 - [840](#)
 - [841](#)
 - [842](#)
 - [843](#)
 - [844](#)
 - [845](#)
 - [846](#)
 - [847](#)
 - [848](#)
 - [849](#)
 - [850](#)
 - [851](#)
 - [852](#)
 - [853](#)
 - [854](#)
 - [855](#)
 - [856](#)
 - [857](#)
 - [858](#)
 - [859](#)
 - [860](#)
 - [861](#)
 - [862](#)
 - [863](#)
 - [864](#)
-

Майкл Паренти

**ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ
НАСТОЛЬНАЯ КНИГА О
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГРАХ США**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посвящается Салли Сориано, которая ведет борьбу за социальную справедливость

Изучение политики само по себе есть акт политический, в котором почти нет места беспристрастности. Все мы можем прийти к единому мнению по поводу таких нейтральных фактов, как, например, структура государственной власти и тому подобное. Однако книга, в которой не сделано попытки подняться выше подобного рода общих описаний, обратит на себя внимание немногих читателей и мало кого заинтересует. Любое исследование на тему, как и почему происходят те или иные события, затянет нас в высшей степени спорные области. Большая часть пособий и руководств в области политики заявляют об объективном изложении материала, которого на самом деле нет. Претендуя на объективность, они фактически демонстрируют общепринятую политическую корректность, а на самом деле — избегают темных сторон политической жизни США.

Десятилетиями ученые-политологи и другие апологеты существующего в США общественного устройства не жалели сил, представляя практически любой недостаток американской социально-политической системы в качестве свидетельства ее силы. Им хотелось бы убедить нас в том, что миллионы граждан США, не принимающих участия в выборах, довольны существующими социальными условиями, что наличие влиятельных лоббистов не должно служить основанием для беспокойства, поскольку они осуществляют информационную функцию, необходимую и важную для системы власти, представляющей интересы народа, и что усиление исполнительной ветви власти является положительным фактором, так как президент демократичен и отзывается скорее на широкие, общенациональные интересы, чем на узкие, частные. Апологеты-конформисты доказывали, что исключение из процесса выборов любой третьей партии, по существу, идет обществу на пользу, поскольку слишком много политических партий (то есть больше двух имеющихся в настоящее время) может привести к дроблению и дестабилизации политической системы. Кроме того, со временем крупные партии

включают в свои программы требования, выдвигаемые мелкими партиями. Такие доводы звучат странно для социалистических и других реформаторских партий, чьи требования на протяжении жизни нескольких поколений американцев не находили должного отражения в программах двух главных политических партий США.

Реагируя на господствующую тенденцию именовать пороки системы достоинствами, некоторые радикальные критики существующего состояния вещей ощущают потребность называть любое достоинство системы пороком. Так, они доказывают, что борьба в ходе избирательных кампаний не имеет смысла, что наши гражданские свободы на поверку оказываются фарсом, что федеральные программы помощи нуждающимся бесполезны, что реформы в основном являются подачками угнетенным, а самодовольные профсоюзы сотрудничают с работодателями. Эти критики оказались очень востребованным отрезвляющим средством для восторженных сторонников многорасового общества, которые склонны рисовать луч надежды на каждом мрачном небосклоне. Однако критики не правы, поскольку не видят достижений, «реального» прогресса в ходе демократической борьбы и ее побед.

Книга *Демократия для избранных* имеет целью установить некое равновесие. В ней сделана попытка объяснить, что демократия несовместима с сегодняшним капитализмом, как капиталистический общественный порядок постоянно нарушает демократию и как народные силы продолжают вести борьбу и нередко добиваются успеха.

В книге *Демократия для избранных* можно найти объяснения, которые учащиеся, скорее всего, не получают ни в начальной школе и высших учебных заведениях, ни в университетских колледжах. Они не найдут их ни в средствах массовой информации, ни в публикациях большинства направлений политической литературы. Некоторые ученые-политологи всю жизнь пишут об американском государственном устройстве, институте президентства и публичной политике, ни разу не упомянув о капитализме. Это можно было бы принять за невероятную ловкость в замалчивании, если бы это не было настолько общим местом. В этой книге я обсуждаю запретную тему — капитализм, чтобы лучше понять основы изучаемой нами политической системы. Эта тема может оказаться неожиданной для некоторых академических ученых, но между экономической и политической властью имеется очевидная взаимосвязь.

Для анализа я попробовал соединить различные подходы. Внимание было уделено таким традиционным политическим институтам, как Конгресс США, президентство, бюрократия, Верховный суд, политические партии, выборы и система правоохранительных органов. Но эти составные части американского государственного устройства в целях анализа рассматривались в единстве и связи с реальной властью и влиянием классов.

Кроме того, в этой книге изучается *зарождение и история развития политических взглядов* в Америке, создание Конституции, рост роли правительства, а также политическая культура. Анализу подвергнуты периоды крупных реформ с целью выявления характеристик классов, исследуется американская политическая жизнь, борьба демократических сил и трудности реформ.

В книге подвергнут критическому анализу не только вопрос о том, кто правит, но также и о том, кто что получает. Иными словами — результаты функционирования общественно-политической системы. Вместо того чтобы сосредоточиться исключительно на процессе государственного управления, как это делается во многих исследованиях, я также уделяю внимание содержанию и сути практики государственного управления. Таким образом, основной акцент в книге делается на *политической экономии* государственного управления. Значение системы государственного управления заключается в конечном итоге не в ее структуре как таковой, а в том, что она делает и как ее политика оказывает влияние на людей внутри страны и за рубежом. Я включил в книгу много информации по такого рода вопросам, во-первых, потому, что студенты и общественность обычно плохо информированы по вопросам политики, а во-вторых, по той причине, что нет смысла обсуждать политические процессы в отрыве от актуальных для общества вопросов, в частности касающихся власти и влияния. Эта информация приводится в книге с целью привлечь читателя к анализу и обобщениям фактов американской политической реальности.

В этой книге используется подход, который можно было бы назвать «структурным». Вместо того чтобы рассматривать развитие политических событий как результат цепи случайностей или сознательных действий определенных лиц и влияния определенных событий, я пытаюсь показать, что большая часть происходящих событий (но не обязательно все), являются результатом организации

системы власти, благосостояния и богатства, общественных классов и институтов, которые формируют господствующие политические структуры, экономику и само общество.

К сожалению, есть люди, которые считают, что при структурном анализе следует исключать из рассмотрения деятельность заговорщиков, а также расценивать результаты сознательных человеческих усилий в определенном направлении как не имеющие большого значения. Они доходят до того, что делят нынешних исследователей на два лагеря, которые они называют соответственно «структуралистами» и «сторонниками теории тайных заговоров». В этой книге я рассматриваю заговоры (под которыми большинство людей понимают секретные планы и программы, сознательно и с определенными целями разрабатываемые лицами на важных государственных постах) как часть реальной действительности, анализ которой полностью отвечает требованиям структурного подхода. Не существует общественной структуры или системы без участия человека. Органы управления должны прилагать целенаправленные усилия для поддержания условий, способствующих сохранению их правления. Крупные общественные образования и силы действуют не как мистические создания. Ими управляют люди, которые сознательно стремятся достичь определенных целей, используя при этом весь арсенал властных методов, включая пропаганду, убеждение, выборы, мошенничество, ложь, запугивание, подстрекательство, принуждение, уступки и т. д. Иногда все это происходит в обстановке секретности или сопровождается насилием или другими ухищрениями криминального характера. Уотергейт и Иран-контрас — вот два только наиболее известных случая такого рода преступных заговоров, организованных в интересах определенных органов власти. Вместо того чтобы рассматривать конспирологический и структурный подходы как взаимоисключающие друг друга, можно исследовать заговор как один из инструментов структурного варианта развития событий. Одни заговоры являются продуктом вымысла, другие — вполне реальны. И некоторые из тех, которые реальны, являются частью существующей политической структуры, а не исключением из нее.

Это седьмое издание включает новую главу, посвященную мировому господству США. Полностью обновлен раздел по соглашениям о «свободной торговле», Всемирной торговой организации (ВТО) и угрозе нашему демократическому народовластию.

Приводятся новые аргументы по спорным вопросам вокруг системы социального обеспечения, дополнительные материалы в отношении здравоохранения, охраны окружающей среды, смертной казни, уголовного судопроизводства, состояния государственной безопасности, торговли наркотиками, а также нарушений в ходе выборов 2000 года. Кроме того, почти каждая страница этого издания подверглась переработке и обновлению с целью повышения ее информативности и углубления анализа. Я надеюсь, что новое издание книги по-прежнему будет полезным для студентов и интересным для простых читателей.

Ряд преподавателей, которые использовали эту книгу при создании курса своих лекций, внесли полезные предложения при подготовке нового издания.

Среди них: Мишель Брофи-Баерман из университета штата Висконсин; Кэтрин Эдварде из колледжа округа Эшланд, штат Кентукки; Денис Харт из университета города Кент; Кристофер Лью из университета штата Калифорния, город Нортридж; Шелли Левин из колледжа Джонсон, штат Вермонт; Ричард Сталер-Шолк из университета восточного Мичигана и многие другие преподаватели.

Все они предоставили достойные внимания материалы и оказали поддержку и помощь. Я хочу выразить всем этим людям мою глубокую благодарность.

Майкл Паренти

1. Ангажированная политика

Как функционирует политическая система США? Какие основные силы формируют политическую жизнь? Кто правит в Соединенных Штатах Америки? Кто и что получает, когда, как и почему? Кто за это платит и каким образом? Вот вопросы, поставленные на обсуждение в этой книге.

Выходя за рамки учебников

Многие из нас изучали несколько идеализированную версию структуры американской системы государственной власти, которую можно в целом охарактеризовать следующими моментами.

Соединенные Штаты Америки созданы на основе Конституции. Она задумана таким образом, чтобы ограничивать органы государственной власти и предотвращать злоупотребления властными полномочиями. На протяжении жизни ряда поколений американская Конституция подтвердила, что является живым документом. Благодаря новым интерпретациям и поправкам она по-прежнему надежно служит гражданам.

Политические пожелания народа выявляются посредством выборов, через политические партии и свободную прессу. Авторы решений властных органов удерживает под контролем система взаимнобалансированных полномочий. А необходимость соответствовать пожеланиям электората позволяет им удержаться у власти. Народ не управляет напрямую, а делает это через своих избранных. Таким образом, властные решения базируются на волеизъявлении большинства избирателей с ограничениями, предусмотренными Конституцией, в интересах защиты прав меньшинства.

Соединенные Штаты Америки являются свободным и многонациональным государством, в котором можно выделить различные социальные и экономические группы населения. Роль государственной власти заключается в том, чтобы сглаживать и примирять противоречивые требования этих групп. Это означает, что каждая такая крупная группа имеет право высказывать свое мнение, но ни одна из групп не может относительно долго занимать доминирующее положение.

Благодаря этим институциональным механизмам мы имеем власть законов, а не отдельных лиц. Эта власть, хотя в целом и оставляет желать лучшего, тем не менее предоставляет нам достаточно высокую степень свободы и возможности участия граждан в процессе управления.

Представление о Соединенных Штатах Америки как о благополучном плюралистическом государстве предполагает, что существующие политические институты действуют высокоэффективно, что власть не подвергается чрезмерной концентрации и не слишком смещена в сторону тех, кто владеет большими состояниями. Предполагается также, что государство представляет собой нейтральное образование, оно не имеет специальных тесных связей с теми, кто владеет землей, производственными предприятиями и капиталом. Эти и подобные предположения как раз и будут подвергнуты сомнению на последующих страницах этой книги.

Главная мысль книги состоит в том, что американская система государственного управления чаще представляет интересы привилегированного меньшинства, чем общества в целом, и что система выборов и деятельность политических партий являются недостаточными средствами защиты от влияния богатых корпораций. Будут приведены доводы в доказательство того, что законы в США писаны в основном для обеспечения интересов имущих граждан за счет всех остальных. Даже когда на бумаге закон выглядит справедливым, практика его применения обычно имеет весьма дискриминационный характер. Подобная «демократия для избранных» является не только результатом коррупции отдельных государственных чиновников и служащих, но и отражением характера всей политико-экономической системы в целом, способа распределения властных полномочий.

Американский народ не всегда является пассивной жертвой (или добровольным соучастником) всего этого. Массы простых людей добились важных политических и экономических завоеваний, как правило, в результате длительной и ожесточенной борьбы, которая нередко выходила за пределы электорального процесса. Эта демократическая борьба займет важное место в той истории, которая будет изложена на последующих страницах.

В этой книге предпринята попытка продемонстрировать, как каждая часть этой политико-экономической системы — будь то средства массовой информации, институт лоббистов, уголовное судопроизводство, военные кампании за рубежом или политика защиты окружающей среды — отражает характер системы в целом. Каждая часть системы по-своему служит ее защите и сохранению — особенно сохранению основных классовых интересов. Поэтому совершенно

различные на первый взгляд вопросы и социальные проблемы часто оказываются взаимосвязанными.

Политическая система включает различные ветви власти, политические партии, законодательство и судебные органы, группы лоббистов и группы защиты частных интересов, которые оказывают влияние на государственную политику. Под государственной политикой я подразумеваю решения, принимаемые системой государственного управления. Политические решения редко имеют нейтральный характер. Они обычно благоприятствуют интересам одних групп больше, чем интересам других. Точно таким же образом производятся государственные расходы на общественные нужды — они редко распределяются справедливо. Формирование бюджета, принятие какого-либо закона и разработка административной программы — все это политические решения и одновременно решения, имеющие узкопартийный характер. Поэтому невозможно исполнить эти решения и получить нейтральный эффект. Если бы можно было автоматически удовлетворить потребности всех заинтересованных лиц, тогда бы не было нужды устанавливать приоритеты в удовлетворении потребностей и предоставлять интересам одних преимущества перед интересами других. Иными словами, не было бы нужды ни в политике, ни в политических махинациях.

Политическая деятельность простирается дальше избирательных кампаний и действий системы государственного управления. Решения, которые принимаются по некоторым вопросам «частными» центрами власти, например о сохранении на частном рынке арендных платежей или расходов на здравоохранение, имеют явно политический характер, хотя это редко признают открыто. Власть в той сфере, где имеется частная собственность, обычно неравноправна и недемократична. Она часто является источником конфликтов, всплывающих на политическую сцену. Например, конфликты между работниками и работодателями или же дискриминация по расовому или половому признаку.

Кто-то однажды определил политика как человека, который получает на выборах голоса бедных, а деньги от богатых, и все это — за обещание защищать одних от других. Президент Джимми Картер как-то заметил: «Политик — это вторая древнейшая профессия в мире, тесно связанная с первой». Многие разделяют эту точку зрения. Для них политика — это ненамного больше, чем искусство

манипулирования своей внешностью для того, чтобы продать себя. При этом политик ведет себя как проститутка. Признавая определенную правоту таких мнений, я тем не менее придерживаюсь более широкого взгляда на это явление. Политика — это несколько больше, чем только то, что делают политики. Политика — процесс согласования и улаживания конфликтных интересов, которые выходят на политическую сцену. Политика включает не только соперничество конкурирующих групп в составе системы, но и деятельность, направленную на изменение самой этой системы. Она заключается не только в стремлении достичь поставленных целей, но и в борьбе за постановку этих целей и за выбор возможных альтернатив существующей политико-экономической системе.

Политико-экономическая система

Сегодня политика имеет отношение к любому вопросу — от аборт до школьной молитвы. Однако подавляющая часть вопросов государственной политики имеет отношение к экономике. Именно поэтому некоторые авторы, говоря об общественной системе, называют ее «политико-экономической системой». Самым важным документом, который ежегодно составляет правительство, является бюджет. Самые важные функции государственной власти заключаются в сборе налогов и в расходовании собранных финансовых средств. Конечно, необходимо и все остальное, чем занимается государственная власть, — с доставки почты и до ведения военных действий. Сама организационная структура федерального правительства отражает его тесную связь с экономикой. В нем имеются следующие министерства: торговли, труда, сельского хозяйства, внутренних дел, транспорта, финансов, а также Федеральная комиссия по торговле, Национальное управление по трудовым отношениям, Комиссия по торговле между штатами, Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям, а также ряд других агентств и ведомств, занимающихся экономическими проблемами. Подобным же образом функции большей части комитетов Конгресса можно отнести к области экономики, причем наиболее важные комитеты занимаются вопросами налогообложения и бюджетными ассигнованиями.

Политика и экономика — две стороны одной и той же медали. Экономика, в частности, занимается распределением дефицитных ресурсов, а также конфликтами между общественными классами, группами и отдельными индивидами в составе классов. Большая часть политики представляет собой борьбу по поводу этих проблем. Экономика и политика связаны с выживанием и материальным благосостоянием миллионов людей. И экономика, и политика занимаются обеспечением основных условий общественной жизни как таковой.

Тесная взаимозависимость между политикой и экономикой не является ни случайной, ни нейтральной. На протяжении всей истории цивилизации формы государственного правления развивались с целью обеспечивать защиту накопленной собственности и богатства. В

обществах кочевников и охотников, где материальный излишек был невелик, системы правления были в зачаточном состоянии и имели общинный характер. В тех обществах, где богатство и собственность контролируются представителями класса собственников, для защиты интересов имущих возникает институт государства. Вот что писал по этому поводу философ Джон Локк в 1689 году: «Главная причина и цель... объединения людей в государства и их подчинения государственной власти заключалась в желании защитить и сохранить свою собственность». А Адам Смит — автор экономического анализа раннего капитализма — писал в 1776 году: «Необходимость в системе государственного правления усиливается по мере появления значительной собственности». А также: «Пока нет собственности, можно обходиться без системы государственного правления, задача которого состоит в сохранении собственности и защите богатых от бедных»^[1].

Многие государствоведы, рассматривая место крупных корпораций в обществе, ухитряются игнорировать взаимосвязь между системой государственного правления и богатством. Они относят корпорации к разновидности группы, объединенной общими интересами. На любой научный подход, связывающий социальный класс, богатство и капитализм с политикой, они наклеивают ярлык «марксизм». Конечно, Карл Маркс видел такую взаимосвязь, но на эту связь указывали такие более консервативные ученые, как Томас Джоббс, Джон Локк, Адам Смит, а в Америке — Александр Гамильтон и Джеймс Мэдисон. Более того, почти каждый ученый-теоретик и политик-практик в XVII, XVIII и начале XIX века считали взаимосвязь между политической организацией и экономическими интересами, между государством и социальным классом не только важной, но и желательной и необходимой для процветания государства и общества. «Люди, которым принадлежит страна, должны ею управлять», — заявлял Джон Джей. «Власть над народом в стране должна принадлежать "людям богатым и знатным"», — утверждал Александр Гамильтон. Карл Маркс, в отличие от большинства ученых-теоретиков до него, был одним из первых в современную ему эпоху, кто рассматривал существующую взаимосвязь между собственностью и властью как нежелательную и имеющую эксплуататорский характер. В этом заключалась его непростительная ошибка. Стремление избегать

критического анализа корпоративного капитализма и в наши дни устойчиво сохраняется в среде деловых людей, журналистов и большинства представителей ученого мира^[2].

Власть не меньше связана с политикой, поскольку она представляет экономику. Под словом «власть» я имею в виду возможность получить то, что хочется, вынудив признать превосходство своих интересов над чужими или путем победы в конфликте, или предотвратив выдвижение своих требований другими. Обладание властью предполагает возможность манипулировать социальным окружением в своих интересах. Власть принадлежит тем, кто располагает ресурсами, дающими возможность формировать политические планы и программы и управлять действиями и мнениями других. Речь идет о таких ресурсах, как рабочие места, подконтрольные организации, технологические приемы, средства рекламы, средства массовой информации, статус в обществе, высококвалифицированные кадры, основные товары и услуги, организованные силы, а также та компонента, которая определяет наличие всего вышеперечисленного, — деньги.

Одни утверждают, что американская политико-экономическая система не работает как следует, поэтому ее необходимо заменить или свергнуть. Другие говорят, что система действительно не работает как надо. Однако мы не можем с ней бороться и поэтому в любом случае должны работать внутри нее. Есть люди, которые утверждают, что существующая у нас система — единственная, другой нет и, более того, она — единственно возможная. Они опасаются, что разрушение общественного порядка этой системы будет означать разрушение всего общественного порядка или появление чего-то намного худшего. Такие пугающие представления удерживают многих людей не только от проявлений интереса к идеям о новом общественном устройстве, но и от критического взгляда на существующее.

Иногда можно услышать такие жалобы: «Вы горазды критиковать эту систему, но что вы можете предложить ей взамен?» Но если у вас нет готового плана более совершенного общества, вы должны избегать критики существующих недостатков и несправедливости. В основу этой книги положена мысль о том, что гражданам демократических убеждений желательно и необходимо давать оценку обществу, в котором они живут. Такую оценку можно считать неким шагом вперед в

реализации ее дальнейших усовершенствований. Едва ли разумно требовать от нас отказа от постановки диагноза болезни до тех пор, пока мы не довели до сведения общества наилучшие лечебные средства. Да и как мы можем надеяться найти решение, если мы по-настоящему не понимаем проблемы? В следующей главе и в других главах этой книги будет предложено большое число решений и вариантов коренных изменений.

Политическая жизнь полна обмана, коррупции и краж. Неудивительно, что многие люди не хотели бы принимать в ней участие. Но, независимо от того, нравится она нам или нет, политика и система государственного управления играют решающую роль в формировании условий нашей жизни. Люди могут оставить политику, но политика никогда их не оставит. Люди могут уйти от политической трескотни и абсурда, но не от их влияния на условия жизни. Отдельный гражданин может «отвлечься» от того, что делает государство, но только на свой собственный страх и риск.

Если картина, которая появится на последующих страницах, покажется не слишком привлекательной, не следует считать, что это посягательство на интересы Соединенных Штатов Америки. Эта страна и ее народ несравненно величественнее, чем злоупотребления, совершенные теми, кто живет ради власти и прибылей. Обнажить эти злоупотребления не означает опорочить нацию, которая сама является их жертвой. Величие страны следует мерить чем-то более значительным, чем ее правители, ее военный бюджет, ее средства господства и разрушения и спекуляции ее крупных корпораций. Величие страны может быть измерено демократическим характером ее общественных и политических институтов, ее способностью создавать общество, свободное от нищеты, расизма, дискриминации по половому признаку, империализма и опустошения природной среды. Альбер Камю однажды сказал: «Я бы хотел любить мою страну, а также справедливость». На самом деле нет лучшего способа любить свою страну и бороться за ее величие, чем сохраняя критический подход, который дает нам возможность поддерживать социальную справедливость у себя дома и за рубежом.

2.

Богатство и бедность в Соединенных Штатах Америки

Большинство исследователей, которые рассказывают или пишут о политической системе США, никогда даже не упоминают о капитализме. Но капиталистическая экономика оказывает ни с чем не сравнимое воздействие на американскую политическую и общественную жизнь. И уже только по этой причине капитализм в США заслуживает нашего критического внимания.

Капитал и труд

Следует проводить различие между теми, кто владеет всем богатством общества, и теми, кто вынужден работать, добывая себе средства на жизнь. Очень богатые семьи и отдельные лица, которых можно назвать «классом собственников», живут в основном на доходы от инвестиций: облигации, рента и другие доходы от собственности. Класс «лиц наемного труда», или «рабочий класс», живет в основном на заработную плату, оклад, вознаграждение и пенсию. Последняя категория включает не только «синих воротничков», но и представителей всех других слоев, кто не располагает накопленным богатством. Граница между собственниками и лицами наемного труда несколько размыта за счет тех, кто недавно вступил в оба этих класса. К классу собственников относятся как сказочно богатые акционеры крупных корпораций, так и едва сводящие концы с концами хозяева небольших магазинчиков. Но хозяева магазинчиков контролируют относительно небольшую часть общественного богатства, и их едва ли можно отнести к классу корпоративных собственников. Жертвами большого бизнеса является также и мелкий бизнес. Владельцы мелкого бизнеса, которых прославляют как носителей духа предпринимательства, слишком часто похожи на белок, танцующих среди слонов. Каждый год около семидесяти тысяч или более таких предприятий вытесняются из бизнеса в результате падения конъюнктуры рынка или вторжения крупных конкурентов.

К классу лиц наемного труда относятся профессионалы и работники среднего звена управления, которых по уровню зарплаты, образованию и образу жизни можно отнести к представителям среднего класса и даже верхней части среднего класса. Кроме них там можно найти юрисконсультов, врачей, представителей индустрии развлечений и спорта и руководящий административный персонал, которые накопили достаточно богатства для того, чтобы жить на нетрудовые доходы — с вложенных денежных средств, перейдя, таким образом, в класс собственников.

Членом класса собственников становятся тогда, когда личный доход достигает очень значительных размеров и он образуется за счет труда других людей, работающих или на предприятии этого

собственника, или в других компаниях, куда вложены финансовые средства. Тяжелый и упорный труд редко делает кого-то богатым. Секрет богатства заключается в том, чтобы заставить других упорно работать на себя. Это объясняет, почему рабочие и служащие, которые всю жизнь тянут лямку на предприятиях или в офисах, выходят на пенсию с небольшими накоплениями или совсем без них, в то время как владельцы акций этого бизнеса, не работая на этих предприятиях и даже никогда их не посещая, могут накапливать значительные состояния.

Богатство создается трудом тех, кто работает. Как заметил Адам Смит в 1776 году: «Только труд... является высшей и реальной мерой, с помощью которой можно оценить и сравнить ценность всех вещей, произведенных в разное время и в разном месте. Труд — реальная мера всех вещей. Это — их реальная цена, но цена в деньгах — это только номинальная цена»^[3]. Именно труд превращает дерево в такие полезные потребительские товары, как бумага или мебель. Труд затрачивается на рубку леса, распил бревен, а также на производство изделий, их транспортировку, рекламу и продажу. Кроме того, труд необходим для изготовления оборудования, используемого в процессе производства и продажи изделий.

Зарплата работников составляет только часть стоимости, созданной их трудом. Неоплаченная часть труда присваивается владельцами предприятия. По некоторым данным, в настоящее время работник предприятия частного сектора только два часа из всего рабочего дня работает на себя (создает стоимость, которая выплачивается ему в виде зарплаты) и шесть или более часов работает на хозяина (создает стоимость, которая после вычета затрат присваивается хозяевами). Последняя часть стоимости представляет собой то, что К. Маркс называл «прибавочной стоимостью», и именно она является источником богатства хозяев предприятий. Сами капиталисты для обозначения этой части стоимости используют похожее понятие: «стоимость, добавленная в процессе производства». Например, в 1995 году, по оценке руководства корпорации General Motors, среднестатистический работник на автомобильном заводе создал стоимости на сумму \$155 000, а получил за это в качестве зарплаты \$38 000, или четвертую часть созданной им стоимости. Работники, нанятые корпорациями Intel или Exxon, получили только

девятую часть стоимости, которую они создали. А в таких отраслях, как табачная и фармацевтическая, доля оплаты работников составила всего лишь двадцатую часть в созданной ими стоимости. В период между 1954 и 1994 годами средняя относительная величина добавленной стоимости (та часть, которая идет хозяевам) в США возросла со 162 до 425%, то есть норма эксплуатации в США намного превысила этот показатель в других западных промышленно развитых странах^[4].

Сегодня труд наемных работников подвергается такой же эксплуатации, как когда-то и труд рабов или крепостных крестьян. Раб или крепостной крестьянин выполнял тяжелую работу за пропитание. (Джеймс Мэдисон вскоре после американской революции рассказывал своему гостю, что каждый его раб приносил ему за год \$257, а расходы на содержание раба составляли от \$12 до \$13.) Издольщики, вынужденные отдавать от трети до половины урожая, также подвергались жестокой эксплуатации. Однако при капитализме часть стоимости труда, которую забирают у работников, не видна. Работникам просто выплачивают значительно меньше той стоимости, которую они создают. Единственная цель их найма на работу заключается в том, чтобы делать деньги на их труде. Если бы заработная плата выплачивалась за всю созданную наемным трудом стоимость (за вычетом расходов и затрат на модернизацию), тогда бы не возникала прибавочная стоимость, не было бы прибыли для хозяина и больших состояний для тех, кто не трудится.

Исполнительные директора и менеджеры компаний являются служащими и представляют интересы владельцев. Их задача — всемерно повышать производительность труда работников. Доход от владения компанией не включает заработной платы работников и даже оклады высших администраторов. Доход состоит из прибыли — то есть тех денег, которые *присваивают не работая*. Например, автор книги не имеет прибылей от ее издания. Он получает некий доход (авторский гонорар со странным названием «роялти») за свой труд написания книги. Аналогичным образом редакторы, корректоры, типографские работники и торговые служащие вкладывают свой труд, который увеличивает стоимость книги. Прибыль же идет тем, кто владеет издательством и кто ничего не добавляет к рыночной стоимости книги. Деньги, получаемые владельцами издательства, в налоговой отчетности соответственно называются «нетрудовой доход».

Корпорации часто называют «производителями», но на самом деле они ничего не производят. Они являются организационным устройством для эксплуатации труда и накопления капитала. Настоящие производители — это рабочие с мышцами, мозгами и талантами, производящие товары и услуги. Примат труда был провозглашен 140 лет назад президентом Авраамом Линкольном в послании к Конгрессу: «Труд — первичен и не зависит от капитала. Капитал является продуктом труда. Он не мог бы появиться, если бы до него не было труда. Труд создает капитал и заслуживает высокого уважения». Слова Линкольна остались без внимания. Господство денег над трудом остается основой экономической системы США.

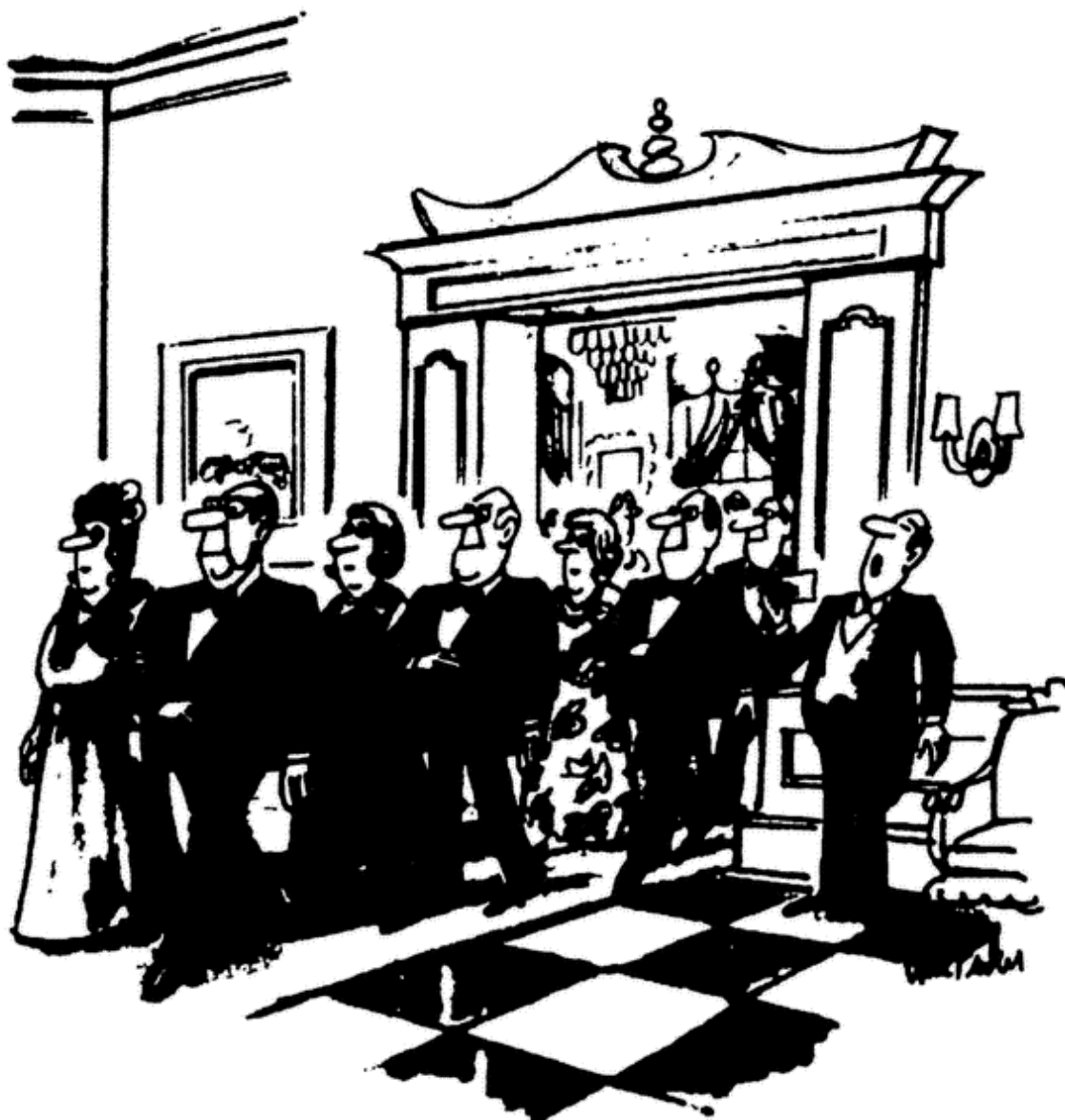
Накопление и экспансия

Капиталисты любят говорить, что они запускают свои деньги в работу. Однако деньги, как таковые, не могут создавать нового богатства. На самом деле капиталисты имеют в виду, что они включают в работу абстрактный человеческий труд, платя рабочим зарплату меньше, чем та новая стоимость, которую они создают, и, таким образом, откачивая прибыль для себя. Вот так происходит «рост» денег. При капитализме капитал соединяется с живым трудом для того, чтобы превратиться в товары и услуги, которые принесут еще больше капитала^[5]. Все капиталы Рокфеллеров сами по себе не смогли бы построить дома или машины или даже сделать зубочистку. Только человеческий труд может это сделать. Капитал сам по себе ничего не может произвести. Только труд производит вещи.

Главная цель капиталистической корпорации заключается не в производстве товаров и услуг, а в извлечении максимально возможной прибыли для инвестора. Стальной магнат Дэвид Родерик сказал однажды, что бизнес компании состоит не в производстве стали: «Мы занимаемся производством прибылей»^[6]. Общественная польза продукта и его влияние на благосостояние общества и природную среду при капиталистическом производстве признаются только тогда, когда обеспечивается требуемый уровень прибыли. Непрерывная гонка за прибылью является следствием чего-то большего, чем простая алчность, хотя и ее более чем достаточно. Чтобы выжить при капитализме, предприятия должны постоянно расширять свою деятельность. Остановить рост — означает прийти в упадок не только относительный, но и абсолютный. Медленно растущая фирма менее способна осваивать новые рынки, удерживать позиции на старых, привлекать инвестиции и контролировать поставщиков. Поэтому даже крупнейшие корпорации вынуждены непрерывно предпринимать шаги для своего развития и расширения и поиска новых возможностей делать деньги.

Кто владеет Америкой?

Вопреки широко распространенному мифу, богатство в США не принадлежит многочисленному среднему классу: 10% самых богатых американских семей владеют 98% не облагаемых налогами государственных и местных облигаций промьпиленных предприятий, 94% активов коммерческих предприятий и 95% активов доверительных фондов; 1 процент самых богатых людей Америки владеют 60% всех акций и производственных фондов корпораций. Справедливости ради следует отметить, что акциями и облигациями владеют 40% американских семей, но почти у всех средняя стоимость такого пакета ценных бумаг менее \$2000. Если принять во внимание долги и закладные по ипотечному кредитованию, то у 90% американских семей или очень мало чистых активов, или их нет совсем^[7].



Герцог и герцогиня А.Т.&Т., граф и графиня Citicorp, граф Еххон и маркиза Аусо. Граф Warnaco...

Самым крупным источником индивидуального богатства является институт наследования. Если вы не богаты, это значит, что у вас не хватило предусмотрительности обзавестись подходящими родителями. Исследования показывают, что истории о быстром и счастливом преуспевании бедной героини очень редки и составляют исключение. Большинство людей умирают в том же социальном классе, в котором и

родились. Подавляющее большинство из 400 самых богатых людей из списка *Forbes*, добившихся успеха собственными силами, получили от кого-либо из членов семьи богатое наследство или серьезный начальный капитал^[8].

Четко проявляется тенденция растущего экономического неравенства. В середине 1990-х годов прибыли американских корпораций более чем удвоились; доход от инвестиций рос в два-три раза быстрее, чем доход от работы. В период с 1980 по 1992 год активы 500 крупнейших корпораций США, сокративших за это же время свыше 5 миллионов рабочих мест, увеличились с \$1,8 до \$2,7 триллиона. Согласно данным газеты *Wall Street Journal*, «последующие годы принесли американским корпорациям наивысшие прибыли за послевоенный период^[9]. За последние три десятилетия у 1% самых богатых американцев средний доход после уплаты всех налогов вырос на 115%, в то время как доходы 5% населения в нижней части этой шкалы снизились почти на 10%^[10]. В исследовании доходов населения, проведенном Бюро переписи населения, говорится о «20% самых богатых», которые получают в 13 раз больше «20% самых бедных». Однако, для того чтобы оказаться в числе 20% самых богатых, необходимо иметь доход от \$65 000 и выше. Фактически 20% самых богатых не настолько уж богаты, а всего лишь входят в верхнюю часть американского среднего класса.

Прослойка самых богатых включает лишь небольшую часть населения, составляющую 1% его общей численности. Эта прослойка контролирует подавляющую часть богатства нации, и она не в тринадцать, а в тысячи раз богаче 20% американцев, входящих в нижнюю часть шкалы распределения дохода граждан США^[11]. Среди тех, кто изучает картину распределения доходов, по-видимому, лишь немногие по-настоящему осознают, насколько велики состояния богатых людей в Америке.

В конце XX столетия продажа дорогостоящих вещей — роскошных автомобилей и квартир, произведений искусства, антиквариата, драгоценных камней, яхт и частных самолетов — приобрела характер бума. Диспропорции в доходах и богатстве стали больше, чем в любой другой период времени за предыдущие шестьдесят лет. Выдающийся экономист П. Самуэльсон охарактеризовал такое положение следующим образом: «Если бы мы

строили пирамиду доходов из детских кубиков и каждый новый слой кубиков отражал бы разницу в доходах в размере одной тысячи долларов, тогда вершина пирамиды оказалась бы на уровне Эйфелевой башни, но каждый из нас был бы от пола не выше одного ярда»^[12].

Огромное богатство превращается в большую власть. Власть класса предпринимателей такова, что с ней не может сравниться власть ни одного другого класса в американском обществе. Гигантские корпорации определяют темпы технического развития, предоставляют источники средств к существованию, задают стандарты потребления и вкусы публики. Они решают, какой рынок труда использовать, а какой оставить, нередко обрекая целые территории и населенные пункты на прозябание. Они поглощают природные ресурсы, уничтожая леса и отравляя землю, воду и воздух. Они располагают огромными резервными капиталами и в то же время создают и сохраняют в острой нужде миллионы людей у себя в стране и за рубежом. И, как мы увидим в последующих главах, они имеют доминирующее влияние в высших правительственных инстанциях.

Концентрация корпораций

Нас учили, что хозяйство страны состоит из множества независимых производителей, которые конкурируют друг с другом за потребительский рынок. На самом деле небольшое число крупных корпораций контролирует подавляющую часть частного рынка. В настоящее время просматривается устойчивая тенденция к еще большей концентрации капитала, когда крупные компании поглощаются еще более крупными — особенно в таких отраслях, как нефтяная, автомобильная, фармацевтическая, телекоммуникационная, средствах массовой информации, издательском деле, страховом бизнесе, производстве оружия и банковском деле. При ослаблении государственного регулирования экономики активизируются процессы слияния и поглощения, снижения уровня прибыли, наблюдается бум на фондовой бирже. В течение первой половины 1998 года только в банковском секторе произошло почти 1500 слияний, крупнейшим из которых стало приобретение за \$30 миллиардов банком Banc One Corp. банка First Chicago и покупка банком Nations Bank за \$62,4 миллиарда контрольного пакета акций банка Bank of America. В 2000 году произошло слияние двух крупных банков — Chase Manhattan и J. P. Morgan — с образованием нового банка с капиталом в \$35,2 миллиарда^[13].

В пользу слияний приводят доводы о том, что они повышают конкурентоспособность. Но объединенные компании редко демонстрируют лучшие показатели. Многие миллиарды, потраченные на объединение, поглощают ресурсы, которые могли бы быть с большей пользой вложены в новые технологии и производство. Концентрация приносит выгоду крупным держателям акций, кредиторам и руководителям высшего ранга, которые после объединения уходят с мегаприбылями, в то время как потребители и рабочие остаются оплачивать расходы. Неоднократно корпорации обращались с пенсионными фондами своих работников как с частью своих активов. При слиянии корпораций или покупке пенсионный фонд переходит под контроль новой объединенной структуры. Поэтому работники больше никогда не видят ни цента из тех денег, которые они вносили в такой фонд на протяжении длительного времени^[14].

Слияние корпораций ведет к увеличению задолженности. При объединении большой бизнес тратит около половины заработанных средств только на выплаты процентов банкам и другим кредиторам (и все это исключается из сумм, подлежащих налогообложению). Если корпорация хочет воспрепятствовать агрессивному поглощению со стороны корпоративных рейдеров, ей приходится тратить крупные суммы денег за выкуп контрольного пакета своих собственных акций. Если она пытается приобрести другую компанию, ей необходимы финансовые средства для покупки акций этой компании. В таких ситуациях при любом развитии событий собственных финансовых резервов редко бывает достаточно и компании вынуждены брать крупные займы у банков. Для выполнения долговых обязательств компания начинает сокращать зарплаты и другие выплаты, распродавать производственные подразделения, увольнять работников и внедрять потогонные системы труда. Именно после слияния Bank of America сократил штат своих работников на 31 тысячу человек. Иногда объединенная корпорация в поисках более дешевых трудовых ресурсов перемещает деятельность за границу. В последнее десятилетие базирующиеся в США транснациональные компании создали за границей 345 000 рабочих мест, одновременно сократив 783 000 рабочих мест в США [\[15\]](#).

В настоящее время в американской экономике доминирует небольшое число крупных диверсифицированных корпораций (промышленных конгломератов), контролируемых семействами Меллонов, Морганов, Дюпонов, Рокфеллеров и рядом других. Дюпоны контролируют десять корпораций с капитализацией в миллиарды долларов каждая, включая General Motors, Coca-Cola и United Brands, а также большое число компаний меньшего размера. Дюпоны создали попечительские фонды для дюжины американских университетов. Только в штате Делавэр они владеют примерно сорока поместьями и частными музеями и создали тридцать одно благотворительное учреждение, освобожденное от налогообложения. Дюпоны известны как крупнейшие жертвователи в фонд Республиканской партии на выборах Президента США, а также как инициаторы различных правых и антипрофсоюзных судебных процессов.

Другой могущественной финансовой империей является семейство Рокфеллеров, которое имеет деловые интересы почти в каждой отрасли

экономики в каждом штате США и в каждой стране мира. Рокфеллеры контролируют пять из двенадцати крупнейших нефтяных компаний и четыре самых крупных банка в мире. В разное время они или их близкие партнеры занимали посты президента, вице-президента, государственного секретаря, министра торговли, министра обороны и другие посты в правительстве США, губернаторов нескольких штатов, а также ключевые позиции в Федеральной резервной системе, Центральном разведывательном управлении, Совете по международным отношениям, в Сенате и Палате представителей Конгресса США

Высших исполнительных директоров корпораций едва ли можно отнести к числу нейтральных технократов, целиком посвящающих себя общественному благосостоянию. Они относятся к классу крупных собственников и занимаются в первую очередь собственным обогащением. За последние пятнадцать лет оклады главных управляющих и генеральных директоров корпораций увеличились в среднем на 500%. За 1998 год руководитель корпорации Disney Майкл Эйснер положил в карман \$575 миллионов, Миллард Дрекслер из корпорации Gap отнес домой \$495 миллионов, Тимоти Кугл из Yahoo получил \$476 миллионов, а Луис Герстнер из IBM — \$336 миллионов. В том же году 500 крупнейших компаний США выдали поощрение своим высшим администраторам, продав им по гарантированной льготной цене акции на сумму \$10,4 *миллиарда*. На вершине этой пирамиды находился владелец корпорации Microsoft Бил Гейтс, размер богатства которого снизился с \$85 миллиардов до \$63 миллиардов. Однако по данным 2000 года он все еще остается самым богатым человеком в США. Ричард Манро, один из исполнительных директоров корпорации, заметил по этому поводу: «По образу жизни менеджеров корпораций можно считать самыми привилегированными людьми в нашем обществе»^[17]. При этом не следует забывать, что зарплата и бонусы высших исполнительных директоров корпораций составляют небольшую часть — обычно не более 3 — 4% — объема прибылей, выплачиваемых акционерам. Иными словами, среди сверхбогатых есть еще одна категория людей — они не работают и занимают еще более привилегированное положение, чем высшие исполнительные директора корпораций.

Монополии в сельском хозяйстве

В то время, когда агропромышленные фирмы^[18], крупные банки и коммерческие корпорации держат под контролем подавляющую часть снабжения страны продовольствием и сельскохозяйственных угодий страны, мы рассматриваем фермеров в качестве одной из групп хотя и объединенных общими интересами, но отдельно от бизнеса. Примером может служить Р. Дж. Рейнольде, который наряду с его крупным холдингом, объединяющим производство сигарет, транспорт и добычу нефти, владеет еще и транснациональной агропромышленной фирмой Del Monte. На внутреннем американском и международном рынке зерна доминирует пять крупных корпораций. Всего 1% общего числа продовольственных корпораций держат под контролем 80% активов пищевой промышленности и близки к 90% объема получаемых прибылей^[19]. В это же время независимые семейные фермерские хозяйства все больше обрастают долгами или полностью вытесняются из бизнеса, поскольку цены, которые оптовые закупочные фирмы предлагают им за их скоропортящийся урожай, зачастую ниже расходов на сельскохозяйственные машины, семена и удобрения. Сегодня совокупный долг фермерских хозяйств во много раз превышает их чистый доход. Фермеру достается только 2 или 3% всей производимой продукции сельского хозяйства, а остальное забирают корпоративные оптовые торговцы. Из двух миллионов действующих семейных фермерских хозяйств (в 1940 году их было шесть миллионов), большая часть выживает за счет дополнительной работы, которую они находят за пределами своих фермерских хозяйств^[20].

Вопреки широко распространенному мнению, крупные коммерческие агропромышленные хозяйства не отличаются более высокой производительностью по сравнению с мелкими фермами, особенно если принять во внимание действующие цены. Переход от мелких семейных ферм к агропромышленным фирмам привел к массовой бесхозяйственности. Семейные фермы расходуют меньше пестицидов и гербицидов, не прибегают к генным технологиям и заботятся об удалении и захоронении отходов и сохранении в чистоте

фунтовых вод, которые они используют для потребления в хозяйстве и орошения земель.

Семейные фермы содержат скотину в более здоровых условиях, более экономны в расходовании горючего и сохранении верхнего слоя почвы, и, поскольку они поставляют свои продукты главным образом на местные рынки, у них ниже транспортные расходы.

С ростом корпоративного агробизнеса региональное самообеспечение регионов страны продовольствием фактически снизилось. Северо-восток Соединенных Штатов, например, стал импортировать из других районов более 70% продовольствия. На каждые два доллара, которые направляются в США на выращивание продовольственных продуктов, затрачивается еще один доллар на их транспортировку. Крупные агропромышленные фермы ориентируются на обширные посадки пропашных сельскохозяйственных культур и интенсивное применение искусственных удобрений, что ведет к выдуванию верхнего слоя почвы на миллионах акров сельскохозяйственных земель. Способность нации прокормить себя ставится под угрозу по мере роста эрозии и токсификации почвы за счет крупномасштабного промышленного производства сельскохозяйственной продукции биотехнологическими методами с расчетом на быстрое извлечение прибыли. Мы не говорим уже о вреде, которые наносятся здоровью нации в результате употребления продуктов, произведенных с помощью таких технологий на основе широкого применения химических веществ^[21]. Положение безземельных сельскохозяйственных рабочих на таких крупных коммерческих агропромышленных фирмах постоянно ухудшается. Применение пестицидов и неблагоприятные бытовые условия создают серьезную угрозу их здоровью. Их реальные зарплаты (с учетом инфляции) за последние двадцать лет снизились на 20 или более процентов^[22].

Сокращение численности работников и снижение квалификационных требований на рабочих местах

В унисон с крупными корпорациям действуют и крупные агентства по найму работников. Следует признать, что многие действия корпораций направлены на то, чтобы ликвидировать рабочие места. Две сотни самых крупных корпораций производят более четверти мирового объема продукции, но при этом используют труд всего менее одной сотой процента (0,01%) населения земли. Как заметил один писатель: «Сегодня чем больше компания увольняет своих сотрудников, тем более любит ее Уолл-стрит и тем сильнее растет цена ее акций»^[23].

Капиталист стремится поднять прибыльность путем сокращения численности работников (увольнения), ускорения ритма работы (заставляя работников при меньшем числе работать быстрее и напряженнее), снижения квалификации (изменения категории рабочего места на более низкую в целях понижения уровня полагающейся для него заработной платы) и широкого применения неполной загрузки работников (неполный рабочий день, неполная рабочая неделя) и привлечения подрядных работников (наем работников без выплат пособий, компенсаций за стаж и выслугу лет, а также непрерывную работу). Были ликвидированы сотни тысяч более высокооплачиваемых рабочих мест, и в то же время 80% новых низкооплачиваемых рабочих мест были созданы в розничной торговле, ресторанах, конторских офисах и временных службах. При последних сокращениях численности работников произошло также снижение числа менеджеров и администраторов, но в значительно меньшей мере, так что теперь относительно большая часть национального дохода идет администраторам за счет производственных рабочих^[24].

Заработная плата как часть стоимости производства должна снижаться, а как источник потребительских расходов заработная плата должна повышаться. Снижая зарплаты, работодатели уменьшают покупательную способность того самого общества, которое покупает их продукты и товары, создавая тем самым постоянную тенденцию к перепроизводству и спаду конъюнктуры. Для крупных капиталистов

экономический спад не означает непоправимой беды. При спаде более слабые конкуренты исчезают, профсоюзы теряют влияние и нередко разваливаются, забастовочное движение идет на убыль, появление дополнительного числа безработных помогает снижать заработную плату, а прибыли растут быстрее зарплат. Идею о том, что все американцы находятся в одной лодке и все вместе переживают и хорошие и плохие времена, можно отвести в сторону. Даже если экономика переживает спад, богатые становятся богаче, хватая кусок покрупнее. Так, во время спада деловой активности в 1992 году прибыли корпораций выросли до рекордного уровня, поскольку компании сумели выжать максимум отдачи из каждого работника при одновременном снижении зарплат и различных выплат^[25].

Бывший министр финансов США Николас Брэди заметил однажды, что экономические спады «это не конец света» и «не бог весть какая беда». Разумеется, это не беда для Брэди, который весьма уютно пребывает со своим изрядным состоянием, а также для его состоятельных партнеров, которых радуют возможности приобрести обанкротившиеся холдинги по пониженным ценам^[26]. Брэди и его друзья понимают, что удобство и благосостояние богатых требуют постоянного притока тех, кто под давлением нужды ухаживает за газонами загородных клубов, обслуживает банкетные ланчи, работает в шахтах, на заводах, на плантациях и в офисах, выполняя сотни неблагодарных, а иногда и вредных для здоровья обязанностей за весьма низкие зарплаты.

Богатство и бедность не только идут рядом, они находятся в тесных и активных взаимоотношениях. Богатство порождает бедность и рассчитывает на нее в дальнейшем процветании. Как хозяин и господин смогут жить привычным для себя образом без рабов и крепостных? Как праздный богач сможет обойтись без работающего бедняка? Кто будет привилегированным в отсутствие тех, кто лишен привилегий?

Прибыль — цена — инфляция

Инфляция — общая проблема современного капитализма. Она появляется, когда суммарное количество поступающих в экономику денег и кредита увеличивается быстрее объема произведенных товаров и услуг. При этом происходит непрерывный рост цен. Инфляция возникает также тогда, когда крупные компании достигают близкого к монопольному контроля над рынком и поднимают цены с целью увеличения своих прибылей. Даже умеренная инфляция в 3 — 4% в течение нескольких лет существенно снижает покупательную способность тех, кто получает зарплаты, и лиц с фиксированными доходами. Руководители корпораций утверждают, что инфляция происходит из-за выдвигания требований о повышении зарплаты. Обычно, однако, цены и прибыли росли быстрее зарплат. Более всего подвержены инфляции четыре главных составляющих: продовольственные товары, горючее, оплата жилья и медицинское обслуживание, которые вместе поглощают 70% среднего семейного дохода. Однако доля оплаты труда в этих четырех отраслях экономики неуклонно сокращается. Вину за круто взлетающие вверх расходы на оплату жилья в таких штатах, как Калифорния, нельзя возложить на строительных рабочих, страдающих от снижения зарплат. Рост цен на продукты питания не вызван находящимися в долгах семейными фермерами, доведенными до бедности сельскохозяйственными рабочими или низкооплачиваемыми служащими закусочных McDonald's. А в астрономическом росте расходов на медицинское обслуживание нельзя винить низкие зарплаты работников медико-санитарной помощи.

В большинстве отраслей промышленности та часть производственных расходов, которая идет на оплату работников, постоянно сокращается, в то время как расходы, идущие на выплаты высшим администраторам, акционерам и банкам в качестве процентов, возросли невероятно. Как сказал бывший министр труда Роберт Б. Рейч: «Зарплаты не вызывают инфляции»^[27]. Спираль «зарплата — цены» — обычно спираль «прибыли — цены», и рабочие — скорее жертвы, чем причина инфляции. (Нельзя отрицать, что при понижении

зарплаты бизнес нередко способен поддерживать более медленный темп инфляции, одновременно увеличивая свои прибыли.)

Поскольку финансовое могущество сосредоточивается у сокращающегося числа людей, появляется возможность манипулировать ценами. Вместо понижения цен во время падения продаж, крупные монопольные фирмы зачастую повышают их в целях компенсации своих потерь. То же происходит и в агробизнесе. Вне зависимости от того, низкий урожай или высокий, цены на продовольствие на уровне потребителя имеют тенденцию только к повышению. Цены подталкиваются вверх путем ограничения объемов производства, как это обычно и происходит, когда нефтяные картели создают искусственный дефицит моторного топлива и бензина, который после повышения цен каким-то образом исчезает.

Большие военные ассигнования «иногда оказываются чрезвычайно инфляционными федеральными расходами», признает газета *Wall Street Journal*. Гражданская война, Первая и Вторая мировые войны, война в Корее и во Вьетнаме повлекли за собой периоды инфляции. Даже в мирное время огромные ассигнования на военные нужды поглощают огромное количество рабочей силы и материальных ресурсов, а военное ведомство является крупнейшим потребителем горючего в Соединенных Штатах. Военные расходы создают рабочие места и повышают покупательную способность населения, однако они не производят потребительских товаров и услуг. В результате рост покупательной способности порождает рост цен, в особенности в том случае, когда ассигнования по военному бюджету частично производятся в порядке дефицитного финансирования, то есть правительственные расходы превышают объем налоговых поступлений в бюджет.

Рыночный спрос и личные потребности

Те, кто говорит, что частное производство может удовлетворить наши потребности, по-видимому, упускают из виду такой факт: у частного предприятия нет к ним интереса. Его функция заключается в извлечении максимально возможной прибыли. Людям нужна пища, но рынок ничего не предложит им до тех пор, пока их потребности не будут подкреплены покупательной способностью и не станут рыночным *спросом*. Один производитель продовольственных товаров на вопрос, что они делали в то время, когда некоторые люди в США голодали, ответил с откровенной прямоотой: «Если бы мы увидели возможность прибыли, мы могли бы рассмотреть этот вопрос»^[29].

Разницу между потребностями и спросом также наглядно демонстрирует и международный рынок. Пока вопрос об использовании ресурсов решает свободный рынок, а не потребности людей, бедные государства кормят богатых. Говядина, рыба и другие белковые продукты из Перу, Мексики, Панамы, Индии и других стран «третьего мира» поступают на прибыльные рынки США, а не используются для питания голодных детей в этих странах. Детям нужны продукты питания, но у них нет денег, поэтому нет платежеспособного спроса. Свободный рынок — это все, что угодно, только не «свободный» рынок. Деньги инвестируются только туда, где они могут принести новые деньги. При капитализме можно наблюдать избыток вещей и услуг, в которых нет реальной необходимости, для тех, у кого есть деньги, и дефицит жизненно важных товаров и услуг для тех, у кого нет денег. Магазины ломятся от непроданных товаров, в то время как миллионы людей живут в условиях острой нужды.

Ценность производства какой-либо продукции с точки зрения будущего всего человечества заключается в цели, которую ставит перед собой общество. Является ли такой целью разграбление земли, невзирая на экологические проблемы, промышленное производство для удовлетворения нескончаемых потребностей потребителей, выпуск низкопробных товаров, быстро идущих на выброс, потакание снобизму и мании приобретательства, принуждение рабочих к тяжелому труду при минимально возможной оплате, создание искусственного дефицита для повышения цен — и все это с целью извлечь еще больше прибыли

для немногих? А может быть, производство продукции следует направить на удовлетворение в первую очередь существенных, общих для всех людей потребностей и лишь в последнюю очередь — на удовлетворение избыточных желаний. Может быть, производство следует вести с заботой о сохранении окружающей среды, здоровья и благосостояния человечества в целом? Способствует ли производство расширению возможностей повышения образования и роста культурного уровня? Капиталистическое производство ради прибыли оставляет мало возможностей для достижения этих целей.

Производительность — противоречивый Божий дар

Защитники капитализма утверждают, что эффективность производства или производительность труда в корпорациях является основой всеобщего процветания. Но эффективность производства нельзя рассматривать отдельно от последствий его воздействия на общество. Например, высокопроизводительные и высокорентабельные угледобывающие компании в районе Аппалачских гор занимались мошенническим вытеснением местных жителей с их земель, заставляли их работать в опасных условиях, разрушали экологию района путем открытой разработки месторождений и отказывались оплачивать расходы на общественные нужды.

Создается впечатление, что плоды эффективного производства корпораций не делятся честным образом. В период между 1973 и 1997 годами производительность труда рабочих (выпуск продукции за 1 час работы) возросла более чем на 20%, в то же время их реальная заработная плата (с учетом инфляции) *снизилась* на 22,6%.^[30] Увеличение производительности труда, измеренное в отношении прироста валового внутреннего продукта (или ВВП — общая стоимость всех товаров и услуг за истекший год), не является надежным мерилем благосостояния общества. Такие важные нерыночные услуги, как домашняя работа, воспитание детей и уход за ними, в расчет не принимаются. Но в то же время принимаются в расчет многие отрицательные социальные явления. Так, например, криминальные преступления и аварии на дорогах вызывают рост расходов на страхование, больничное лечение и содержание полиции. Эти расходы только в незначительной степени добавляются к ВВП, но в действительности забирают у общества массы средств. То, что называют эффективностью производства, в количественном отношении может в результате приводить к ухудшению качества жизни.

Высказываются мнения, что накопление крупных состояний создает условия для экономического роста, поскольку только состоятельные люди могут предложить крупные суммы денежных средств, необходимые для долгосрочного финансирования новых

предприятий. Однако во многих отраслях, например на железнодорожном и авиационном транспорте, в атомной энергетике, в разработках и производстве компьютеров, большая часть первоначального капитала выделяется правительством (то есть за счет средств налогоплательщика). Но одно дело доказывать, что крупномасштабное производство требует накопления капитала, и совсем другое — высказывать предположения, что источником накопленных средств должны быть кошельки богатых.





Крупные корпорации получают субсидии правительства на масштабные научно-исследовательские работы. И они передают большую часть новаторских исследований более мелким компаниям и индивидуальным предпринимателям. Перечень новаторских заслуг крупных нефтяных компаний Exxon и Shell на удивление непримечателен. Коснувшись в беседе темы производства бытовых электроприборов, вице-президент корпорации General Electric заметил: «Мне не известны оригинальные новые товары, будь то электробритва или электрогрелка, разработанные какой-либо крупной лабораторией или корпорацией... Крупные корпорации захватывают позиции, скупают то, что считают нужным, и поглощают мелких разработчиков новых конструкций»^[31]. То же самое относится и к последним достижениям в отрасли программного обеспечения.

Защитники свободного рынка утверждают, что крупные производственные предприятия в современную эпоху абсолютно необходимы. Однако крупные размеры большого бизнеса в меньшей степени вызваны технологической необходимостью и в большей мере представляют собой следствие покупки и слияний ради увеличения прибыли. Например, одна и та же корпорация владеет холдингами в

производстве, страховании, коммунальных службах, парках с аттракционами, электронных средствах массовой информации и издательском деле.

В хорошие времена капиталисты поют гимны чудесам системы свободного рынка. Но в плохие времена во всех бедах капитализма они обвиняют трудящихся.

Они говорят: «Рабочие должны научиться работать интенсивнее за меньшую оплату для того, чтобы сохранить конкурентоспособность в мировой экономике. Тогда бизнес не будет уходить на более дешевые рынки труда в страны «третьего мира». Но те рабочие, которые соглашались на снижение заработной платы, в конце концов сталкиваются с тем, что их рабочие места все равно уходят за границу.

Одной из причин низкой производительности труда является технологическая отсталость. Не желая тратить деньги на модернизацию предприятий, крупные компании, ссылаясь на бедность массы людей, требуют финансирования из федерального бюджета для модернизации технологий — вероятно, для того, чтобы укрепить свои конкурентные позиции в борьбе с иностранными фирмами. Однако затем эти же компании создают огромные финансовые резервы для слияний и поглощений других компаний. Например, в 1981 году после сокращения двадцати тысяч рабочих мест, отказа модернизировать устаревающие предприятия и получения от правительства сотен миллионов долларов в виде субсидий, а также списания налоговой задолженности корпорация U. S. Steel затеяла покупку компании Marathon Oil за \$6,2 миллиарда.

«Желательная» безработица

В период 1997 — 2000 годов инфляция снижалась, безработица была на самом низком уровне за несколько лет, в федеральном бюджете впервые за последние десятилетия образовался профицит, счета корпораций переполнялись прибылью, а показатели фондового рынка взлетели до небес. Этот период называли «Процветанием эпохи Клинтона». Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что реальные зарплаты оказались ниже уровня 1973 года, потребительская задолженность и индивидуальные банкротства — на рекордной высоте, а разрыв между доходами самых богатых и остальным большинством общества — самым высоким по сравнению с любым периодом с 1920 года. «Приливная волна поднимает все яхты», — пошутил по этому поводу один остряк. Работников низкооплачиваемых категорий это процветание не коснулось. Им пришлось восстанавливать свой уровень доходов после резкого снижения заработков, от которого они страдали предыдущие два десятилетия. «Процветание эпохи Клинтона» оставило после себя 32,2 миллиона американцев, доходы которых оказались ниже прожиточного минимума, рекордное число людей, нуждающихся в поддержке продуктами питания со стороны благотворительных организаций^[32].

Если человек в капиталистическом обществе не может найти работу, это считается его личной неудачей. Ни одной стране свободного рынка никогда не удавалось приблизиться к полной занятости. Скорее наоборот: считается, что безработица полезна для капитализма. Без резервной армии безработных, конкурирующих за рабочие места (что приводит к понижению заработной платы), прибыли корпораций сократились бы существенно. В последние годы официальные цифры безработицы сохраняются в интервале от 5 до 7%, что составило свыше девяти миллионов человек. Но эти цифры не включают приблизительно от четырех до пяти миллионов безработных, переставших искать работу. Эти люди исчерпали возможности получать пособия по безработице и были исключены из списков. Кроме того, к этой категории относятся миллионы частично безработных или работающих на условиях неполной занятости, они ищут рабочие места с полной занятостью. К этой категории относятся люди, вынужденные уйти на

пенсию раньше установленного срока, те, кто поступил в Вооруженные силы и так и не смог найти работу (по этой причине эти люди считаются занятыми), выйдя в отставку. К этой категории относятся также лица, отбывающие тюремное наказание, которые не внесены в списки безработных в связи с тюремным заключением^[33].

В период между 1965 и 1995 годами число частично занятых работников возросло с 12,6 до 27,8 миллиона человек. (Конечно, некоторые люди предпочитают частичную занятость по причине учебы или по семейным обстоятельствам. Но они не составляют большинства частично занятых работников.) Средний размер почасовой заработной платы частично занятых работников — на треть ниже почасовой зарплаты работников той же профессии, занятых полный рабочий день. Между 1975 и 1995 годами число работников, считавших целесообразным сохранить два рабочих места, возросло с 3,7 до 8 миллионов человек. К числу частично занятых относятся миллионы внештатных работников, нанятых по контракту, которые получают оплату по числу отработанных часов и без обещания постоянной занятости. Примерно пятая часть из них, что составляет более миллиона человек, вернулись к своим прежним работодателям и работают на прежних рабочих местах, но теперь — уже без медицинской страховки, оплачиваемого отпуска, без взносов в пенсионный фонд, без учета трудового стажа и без надежд на продвижение по службе. Статистика Министерства труда США показывает, что только 35% уволенных работников с полной занятостью удается вновь устроиться на работу с такой же или лучшей оплатой труда^[34].

Некоторые утверждают, что имеется много свободных рабочих мест, а поэтому безработица является результатом простой лени некоторых людей. Но во время экономического кризиса число безработных подскакивает на полмиллиона человек или более. Является ли это результатом того, что людям внезапно надоела их работа и они предпочли лишиться дохода, жилищ, автомашин, медицинской страховки и пенсий? Когда появляется вакансия на достойную работу, в очередь за ней выстраивается огромное число «ленивых». Вот несколько примеров, относящихся к «периоду экономического подъема» 1995 — 1998 годов. На заводе фирмы John Deere в городе Оттумва, штат Айова, 4000 человек подали заявления на

53 рабочих места. В городе Элеанор, штат Западная Вирджиния, 27 500 человек подали заявления на 250 открывшихся вакансий на новом заводе фирмы Toyota. А в городе Нью-Йорк 4000 человек выстроились в очередь на 700 вакансий на сравнительно низкооплачиваемые рабочие места в отеле.

Прогресс технологии и автоматизация производства могут повысить производительность труда работников без увеличения числа рабочих мест. Например, корпорация Chrysler однажды объявила о вложении \$225 миллионов в новую линию по производству грузовиков Dodge, при этом было создано всего лишь 70 новых рабочих мест. Корпорация Chrysler продолжала увольнять работников. Другой причиной сокращения сравнительно хорошо оплачиваемых рабочих мест является перевод производств за границу. Американские фирмы перемещаются на более дешевые рынки труда в страны «третьего мира», по-видимому, с целью поддержать конкурентоспособность в мировой экономике. Один высокопоставленный работник (Стенли Михелик) крупной компании (из Goodyear Rubber) заявил в этой связи буквально следующее: «Пока мы не доведем реальную заработную плату до уровня Бразилии и Южной Кореи, мы не можем превращать рост производительности труда в зарплаты и при этом оставаться конкурентоспособными»^[35]. Другими словами, трудящиеся станут получать часть растущих прибылей только после того, как их зарплаты понизятся до уровня нищенских зарплат стран «третьего мира».

Нужда и лишения трудящихся в Америке

Мы часто слышим о том, что Соединенные Штаты Америки — страна, где доминирует средний класс. На самом деле американцы — рабочий класс. Источником их дохода является почасовая оплата, а труд имеет в основном ручной, неквалифицированный или полуквалифицированный характер. Даже среди конторских служащих подавляющее большинство относятся к неуправленческому персоналу и имеют низкую заработную плату^[36]. По сравнению с тем, что было двадцать лет назад, трудящиеся США каждый год затрачивают на работу дополнительно 180 часов, что составляет более шести недель труда в год. Их принуждают к сверхурочной работе, сокращают число оплачиваемых выходных дней и отпусков, а также размеры дополнительных выплат, уменьшают продолжительность отпуска по болезни. Семьи представителей среднего класса все больше обременены долгами. Люди работают все более напряженно за относительно меньшую оплату для того, чтобы получить для себя и своих близких достаточный доход, необходимость в котором становится все острее при стагнирующих зарплатах, сокращении рабочих мест с достойной оплатой и дополнительных государственных выплат^[37].

Так, в одном исследовании отмечалось, что за последние годы 70% участников опросов сообщают, что испытывают на работе чувство незащищенности, а 73% живут в условиях повышенного стресса. В исследовании Боба Герберта говорилось о том, что около ста миллионов постоянных жителей США обеспокоены нехваткой совокупного дохода для оплаты всех расходов^[38]. Даже консервативный руководитель промышленного предприятия Мортимер Цукерман признал, что «в настоящее время содержание семьи из четырех человек обеспечивает зарплата только одного рабочего места из пяти, предлагаемых на рынке рабочей силы»^[39].

По данным Бюро переписи населения, к концу XX столетия 12,7% населения США, или 34,4 миллиона человек, жили ниже уровня бедности. Эта цифра приуменьшает масштаб проблемы, так как она не учитывает многих работников и других бедных людей, не имеющих соответствующих документов и вследствие этого не вошедших в

данные переписи. Почти в двух третях семей, живущих ниже официального уровня бедности, имеется лишь один работник с полной занятостью. Они работают за средства к существованию, а не за заработную плату в размере прожиточного минимума. В самый апогей «Эры процветания Клинтона» около 5,6 миллиона работников с полной занятостью жили в бедности^[40]. Среди работающих бедняков по всей стране можно насчитать тысячи дворников, которые в 2000 году проводили согласованные акции борьбы за заработную плату в размере прожиточного минимума. В Лос-Анджелесе дворники добились 26%-го повышения оплаты труда, и все равно их годовая заработная плата в 2003 году составила \$19 000, и это в районе, где плата за аренду квартиры зачастую значительно выше, чем общий доход этих работников^[41]. За ними идут сельскохозяйственные рабочие, которые получают еще более скромную оплату. Они работают и живут в нищенских условиях, за ними — растущее число работников предприятий с поточными линиями, которые долгие часы работают за зарплату ниже минимального уровня, а также женщины-иммигранты — которые работают в качестве домашней прислуги в состоятельных семьях. Они работают от двенадцати до пятнадцати часов в смену по шесть дней в неделю и при оплате — всего два доллара в час^[42].

В Соединенных Штатах Америки остается еще одна группа занятых численностью в 25 миллионов человек, которая хоть и живет выше официального уровня бедности, но находится в очень тяжелом финансовом положении. У них нет медицинского страхования, они зачастую не могут оплачивать счета за коммунальные услуги и содержать машины, бывает, что в течение нескольких дней у них нет средств даже на оплату продуктов питания^[43]. И совсем не лень держит этих людей в таком плачевном состоянии, а низкая оплата труда, высокие цены, запредельная квартирная плата и непомерные налоги.

По данным Бюро переписи населения США в 2000 году официальный уровень бедности для семьи из четырех человек составлял \$17 500. Этот уровень регулярно пересматривается и публикуется в Индексе потребительских цен с целью учета инфляции. Однако для людей со скромными доходами растущая часть их денежных поступлений в семейный бюджет идет на оплату основных жизненных потребностей — квартирной платы, продуктов питания, топлива и медицинских услуг. Стоимость оплаты этих потребностей

росла значительно быстрее общего индекса цен. Однако Бюро переписи населения не учитывает этого и, таким образом, значительно недооценивает число бедных в стране^[44].



Американцев всегда учили, что они — самый богатый и процветающий народ в мире. В действительности из двадцати крупных промышленно развитых стран Соединенные Штаты Америки занимают пятнадцатое место по средней продолжительности жизни, имеют самую высокую долю бедных в составе населения, самую высокую детскую смертность, самую высокую смертность молодежи от несчастных случаев, в результате самоубийств и других видов насилия^[45].

За многие вещи в Америке бедные платят больше: 30% — за покупку в кредит подержанного автомобиля; непомерную плату за жилье в аварийных и опасных для проживания домах, хозяева которых отказываются их ремонтировать; за продажи в рассрочку, которые приходится оплачивать в размере от 200 до 300% стоимости. Нерегламентированные и чрезвычайно прибыльные мелкие банки и компании по оплате чеков наличными деньгами ежегодно получают

миллиарды долларов, обкладывая людей с низкими доходами комиссионными сборами, доходящими до 10% за инкассацию чеков государственных пособий, а также чеков системы социального страхования. Такие заведения выдают краткосрочные ссуды людям, которые испытывают нехватку денег в периоды между выплатами пособий. Этот «бизнес» в 2000 году принес \$2 миллиарда. При пересчете на годовой период платы по таким ссудам могут достигать до 500% и выше. Многие из таких ростовщических заведений принадлежат или финансируются крупными банками и корпорациями, включая банки Chase Manhattan, NationsBank, Ford и American Express. Расширение этих учреждений поддерживалось ростом числа семей, утративших банковские счета, и увеличением численности населения с низкими доходами^[46].

В особенно тяжелом положении находятся афроамериканцы и латиноамериканцы, которых непропорционально много на низкооплачиваемых рабочих местах. Они являются жертвами безработицы и бедности в два раза более высокого уровня по сравнению с белой частью населения страны^[47]. Несмотря на разговоры о правовой защите интересов исторически ущемленных групп и определенный протекционизм в отношении лиц с небелым цветом кожи, цветные граждане Америки на самом деле продолжают страдать от расовой дискриминации при поисках работы и в других областях жизни. В одном исследовании было показано, что, когда белые и афроамериканцы, специально подобранные по одинаковому уровню квалификации, обращаются в поисках трудоустройства на одно и то же рабочее место, у белого в три раза больше шансов получить работу и меньше вероятности натолкнуться на противодействие и пренебрежительное отношение^[48]. Представители этнических меньшинств, вне зависимости от размера получаемого ими дохода, в три раза чаще получают отказ, чем белые, например, при обращении за ипотечным кредитом^[49]. Имеют место проявления неофициального положительного отношения к защите интересов исторически ущемленных групп, однако это заметно только со стороны белых американцев, принадлежащих к среднему и высшему классам общества.

Среди тех, кто подвергается чрезмерной эксплуатации, много женщин. Из более 58 миллионов работающих женщин их

непропорционально большое число занято на секретарской работе и в сфере обслуживания. В середине 1960-х годов на каждый доллар, заработанный мужчинами, приходилось 69 центов заработка женщин. После тридцати лет борьбы и тяжелой работы женщины в настоящее время зарабатывают 76 центов на каждый доллар, полученный мужчинами. При таком соотношении женщинам потребуется еще сто лет жертв и борьбы для достижения равенства в оплате труда с мужчинами. Хотя в настоящее время в Америке работают 20 миллионов матерей, 44% одиноких матерей живут ниже уровня бедности. Двое из трех американцев, живущих в бедности, — женщины^[50].

Человеческая цена экономической несправедливости

В 2000 году 13 миллионов американских детей жили в условиях бедности, что превышает уровень двадцатилетней давности. Выборные официальные лица и защитники прав детей по всей стране приводили в качестве основных факторов распространенности детской бедности низкие зарплаты и высокую стоимость жизни. Дети, живущие в бедности, скорее всего, рождаются с низким весом, умирают в младенческом или раннем детском возрасте, приобретают серьезные заболевания, в том числе и связанные с недостаточным питанием. Весьма вероятно, что они будут испытывать голод, страдать от неизлечимых заболеваний, загрязненности окружающей среды, станут жертвами насилия со стороны членов своей семьи и соседей и будут иметь замедленную реакцию и задержки в умственном и психическом развитии^[51]. В отчете главного врача Министерства здравоохранения и социальных служб говорится о том, что бедные молодые люди и люди старших возрастов страдают от «повседневного неблагоприятного воздействия на ротовую полость вредных веществ, содержащихся в окружающей среде», что проявляется с простого разрушения зубов до рака ротовой полости по причине общей слабости здоровья бедных людей и отсутствия возможностей платить за стоматологическое обслуживание и зубоврачебную страховку^[52].

К концу 1990-х годов, в период самого долгого в истории США экономического подъема, почти каждая десятая американская семья (около 30 миллионов человек и до 25 миллионов человек в 1985 году) сообщала о том, что в течение некоторой части месяца не располагала достаточными средствами на питание. Пункты продовольственной помощи и столовые для нуждающихся пользовались спросом более чем когда-либо. Голод или близкая к голоду ситуация были наиболее острыми в таких штатах, как: Нью-Мексико, Миссисипи, Техас, Аризона и Луизиана, и именно в таком порядке. Значительно менее острая ситуация была в штатах Северная Дакота, Массачусетс, Южная Дакота, Делавэр и Миннесота. Сотрудники организаций по борьбе с голодом отмечали, что значительное число семей, особенно одинокие

работающие матери, выстраивались в очередь за стандартными наборами продуктов питания с целью получить прибавки к своим недостаточным заработкам^[53].

В крупных городах и провинциальных городках нуждающиеся ищут съестное в контейнерах для пищевых отходов и на свалках. Как отметил обозреватель одной газеты: «Если президент в ходе своего визита в Китай был очевидцем того, как китайские крестьяне собирали остатки пищи из контейнера для пищевых отходов, он почти наверняка должен был бы воспринять это как свидетельство того, что коммунизм как следует не работает. А о чем надо думать, когда такое происходит в успешной капиталистической Америке?»^[54]

Один из пяти взрослых жителей США функционально неграмотен, включая большинство одиноких матерей. Один из четырех американцев находится в неблагоприятных жилищных условиях — без канализации и отопления. Оплата жилья — самый крупный расход для семей с низкими доходами, эти расходы поглощают от 60 до 70% доходов. Из-за спекуляций недвижимостью, возрождения исторической центральной части (джентрификации)^[55] городов, скупки квартир, безработицы, низких зарплат и отсутствия регулирования квартирной и арендной платы людей со скромными доходами выдавливают с рынка жилья в значительно большей степени, чем раньше. За последние двадцать лет исчезли более двух миллионов доступных по цене единиц жилья^[56], что вынуждает растущее число семей сокращать размеры занимаемой жилой площади и испытывать трудности и напряжение в семейных отношениях^[57].

Оценки числа бездомных колеблются от одного до трех миллионов человек, из которых почти треть составляют семьи с детьми. Жизнь бездомного означает голод, антисанитарные условия, лишения, одиночество, психическую депрессию и неожиданные болезни. В ходе одного из исследований выяснилось, что многие люди, проживающие в приютах или временных уличных сооружениях для бездомных, имели работу на условиях полной занятости. Однако при слишком высокой квартплате и чрезмерно низкой заработной плате они не могли позволить себе приобрести или снять нормальное жилье^[58]. Даже среди тех, кто имеет жилье, есть миллионы людей, кого от улицы отделяет только одна зарплата.

Несмотря на широко распространенное мнение о состоятельности пожилых людей, почти половину тех, кто живет в бедности, составляют лица старше 65 лет. Пять миллионов среди них регулярно испытывают угрозу голода и не имеют достаточного количества продуктов питания. Несмотря на наличие правительственной программы медицинского страхования Medicare, пожилым людям приходится нести за свой счет самые высокие расходы на медицинское обслуживание. Миллионы людей обнаруживают, что социальное обеспечение, пенсий и накоплений явно недостаточно. Почти половина всех людей пожилого возраста вернулись на работу или ищут ее^[59].

Для тех, кто никогда не испытывал серьезной материальной нужды, трудно представить себе страдания и социальную деградацию, к которым она может привести. Исследования показывают, что снижение доходов и даже скромное увеличение общего уровня безработицы приводят к осязаемому возрастанию числа заболеваний, эмоциональных расстройств, злоупотреблений алкоголем и наркотиками, самоубийств, преступности и ранней смерти^[60].

Свыше 30% американцев испытывали какую-либо форму психического расстройства, в том числе тяжелую форму депрессии. Десятки миллионов употребляют алкоголь, курят или принимают наркотики. Миллионы злоупотребляют такими медицинскими препаратами, как амфетамины и барбитураты. Доктора торгуют наркотиками, наркобизнес поставляет наркотики. Прибыли здесь — гигантские^[61].

Каждый год в среднем 30 000 американцев сводят счеты с жизнью. Еще около 17 000 человек становятся жертвами убийств. С 1958 года число молодых людей, совершающих самоубийства, утроилось^[62]. Миллионы женщин в США подвергаются избиениям со стороны мужчин; почти пять миллионов из них каждый год получают тяжелые телесные повреждения^[63]. Свыше двух миллионов детей ежегодно — в основном (но не исключительно) из семей с низкими доходами — подвергаются избиениям, жестокому обращению, их оставляют родители, — так или иначе они лишаются заботы и опеки со стороны взрослых^[64]. Многие пожилые люди также подвергаются жестокому обращению, случаи которого, как и в ситуации с детьми, драматически множатся по мере ухудшения экономических условий.

В общем, история большого богатства Соединенных Штатов Америки имеет и мрачную сторону. Свободный рынок очень хорош для победителей. Он предлагает им все награды, которые только можно купить за деньги. Но он чрезвычайно суров с миллионами остальных. Недостаточно разоблачать неравноправие, существующее между богатыми и большинством населения; необходимо понимать связь между ними. Капиталистическая система расхищает природные ресурсы страны. Она эксплуатирует и недостаточно оплачивает наш труд, порождает лишения и отчаянную социальную нужду, служит меньшинству, что дорого обходится большинству.

Если мы любим свою страну, тогда мы должны также заботиться о ее народе и не допускать того, чтобы его превращали в жертву. Сведения, изложенные в этой главе, являются обвинением не Соединенным Штатам Америки, а свободной от каких-либо ограничений рыночной системе, которая приносит в жертву народ нашей страны.

3.

Культура плутократии — институции и идеологии

Пытаясь понять суть политической системы США, желательно взглянуть на более широкий социальный контекст, в котором она действует: господствующие социальные институты, ценности и идеологические основы американского общества.

Правление корпоративной плутократии^[65]

Американский капитализм — это больше чем просто экономическая система; это — целый культурный и общественный строй. Плутократия — это система правления представителями богатых и в интересах богатых. Большая часть университетов, издательств, массовых журналов, газет, телевизионных и радиостанций, профессиональных спортивных команд, фондов, церквей, частных музеев, благотворительных организаций и больниц организована по принципу корпораций — управляет совет директоров (они могут называться «попечители» или «регенты»). В совет директоров обычно входят состоятельные деловые люди. Эти советы выносят окончательное решение по всем делам этого учреждения^[66].

Возьмем для примера университет. Частные и государственные высшие учебные заведения также являются корпорациями, которыми управляет совет попечителей. Этот совет решает все вопросы финансирования и бюджета, содержания и структуры учебных программ и обучения, найма, увольнения и продвижения профессорско-преподавательского состава и персонала, присуждения ученых званий и степеней, а также размера платы за обучение студентов. Управление повседневными делами поручено администраторам. Попечители в любой момент могут лишить администратора права принимать решения. Большинство попечителей — успешные деловые люди, но без какого-либо административного или научного опыта в высшем образовании. Их решения обеспечены страхованием, оплачиваемым из бюджета университета, и по многим, доверенным их решению вопросам они полагаются на квалифицированных бухгалтеров и контролеров. Короче говоря, они не принимают никаких рискованных решений по финансовым вопросам и не проводят никаких специальных экспертиз. Почему же им предоставлено так много полномочий? Их основная функция, судя по всему, состоит в осуществлении идеологического контроля над учебным заведением.

Корпоративная культура в растущей мере пронизывает учреждения высшего образования. Джек Пелтасон на посту президента Калифорнийского университета с окладом в \$245 000 в год, по некоторым сведениям, одновременно получал от семи корпораций до

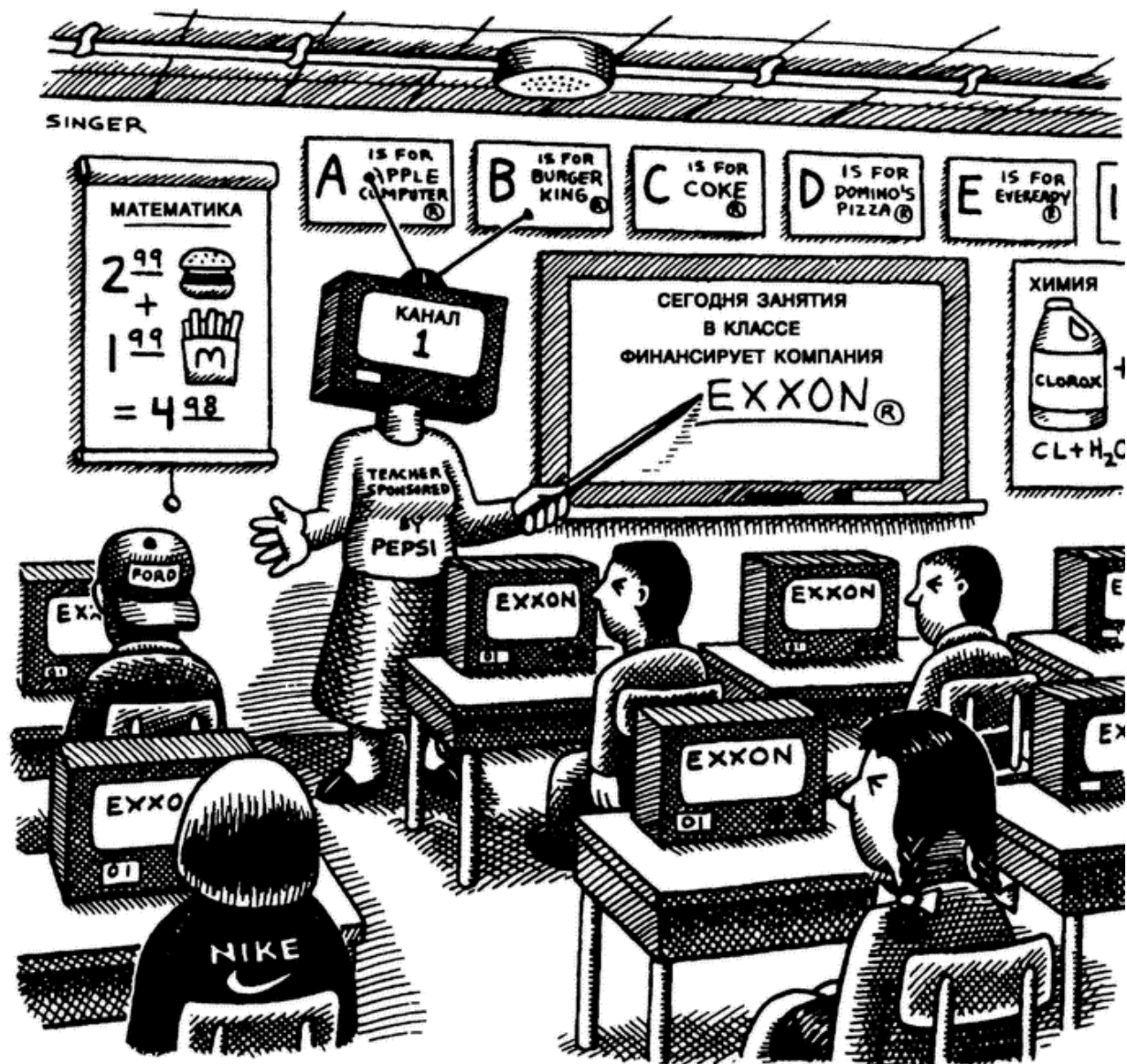
\$100 000 за выполнение функций члена совета директоров^[67]. И это — не исключение. Оклады высших университетских администраторов стремительно растут, в то время как студенческие стипендии и расходы на медицинское обслуживание постоянно урезаются. Корпоративные логотипы появляются в студенческих аудиториях и помещениях студенческого союза. Частные фирмы активно поощряют одаренных профессоров и преподавателей; финансируют группы ученых, работающих над конкретными проблемами, и научно-исследовательские центры; предоставляют гранты и оказывают влияние на политику приема на работу, на тематику исследований и содержание преподаваемых дисциплин^[68].

Для понимания природы политической власти в Америке важен тот факт, что почти все наши культурные институты контролируются плутократией, все они связаны с системой бизнеса и ими управляют избранные, упорно цепляющиеся за власть группы, представляющие интересы богатых корпораций, которые ни перед кем, кроме самих себя, не несут никакой ответственности. В этих институтах мы, как народ, не имеем возможностей выбора, не располагаем правом хотя бы на какую-то часть собственности и не имеем полномочий принимать решения.

Сохранение идеологических традиций

Нас приучают к мысли, что капитализм — это неотъемлемая часть демократии. При этом мало говорится о том, что капитализм процветает при самых жестоких репрессивных режимах. Интересы транснациональных корпораций способствовали свержению демократий во многих странах «третьего мира» и установлению в них власти правых диктаторов, которые сделали эти страны надежными приемниками корпоративных инвестиций. Система свободного предпринимательства, говорят нам, создает равенство возможностей, вознаграждает тех, кто способен и инициативен, переводит паразитирующих и нерадивых на нижние ступени социальной лестницы. Система свободного предпринимательства, говорят нам, обеспечивает национальное процветание на зависть другим народам и гарантирует (с использованием неуказанных средств) свободу личности и политическую независимость.

Система свободного предпринимательства придает очень большое значение рыночным ценностям: как продать, конкурировать и вырваться вперед. Как заметил Ральф Надер, свободный рынок «стимулирует только одну ценность в обществе — стяжательскую, материалистическую, общую величину прибыли». А как с такими ценностями, как справедливость, состояние здоровья, безопасность труда, защита потребителей, забота о будущих поколениях и подотчетность правительства?^[69]



A — компьютер Apple

B — сэндвич Burger King

C —компания Соке

D — пиццы Domino

Одним из институтов плутократической системы является наша система образования. От начальной школы до высшего учебного заведения учащихся и студентов учат верить в добродетели и моральное превосходство Соединенных Штатов Америки над остальным миром, а также придерживаться весьма некритического взгляда на политико-экономические институты США. Опросы показывают, что большая часть молодежи считает наших политических лидеров великодушными, доброжелательными и осмотрительными.

Преподаватели стараются концентрировать внимание на формальных аспектах представительной системы государственного управления и мало говорят о том влиянии, которое могущественные промышленные группы оказывают на политическую жизнь страны. Преподаватели, которые хотят изложить критические взгляды в отношении политико-экономических институтов США, делают это с риском для карьеры. Студенты, которые пытаются обсудить дискуссионные вопросы подобного характера в студенческих газетах, зачастую сталкивались с противодействием администрации и угрозой дисциплинарных мер^[70].

В учебных пособиях редко встречается что-либо более внятное, кроме упоминаний вскользь об истории борьбы трудящихся за свои права и об эксплуатации корпорациями трудящихся внутри страны и за рубежом. Почти ничего не сказано о борьбе «первого народа нашей страны» (также известного под названием «коренные американцы», или «индейцы»), о работниках по контракту, о мелких фермерах, а также об иммигрантах из стран Латинской Америки, Азии и Европы. Историю борьбы с рабством, расизмом, а также описание экспансионистских войн США в наших учебных заведениях не преподают^[71].

Школы переполнены печатными материалами, фильмами и видеокассетами, бесплатно предоставленными Пентагоном и крупными корпорациями, прославляющими военных и вооруженные силы, а также доказывающими необходимость сокращения государственного вмешательства в экономику^[72]. В обществе и в учебных заведениях

широко распространены пропагандистские материалы крупного бизнеса, рекламирующие чудеса свободного рынка. Появилось множество аналитических научных групп и академических центров консервативного направления, а также консервативных журналов, ассоциаций и профессоров, которых щедро финансируют корпорации и фонды правой политической ориентации.

Несмотря на попытки выглядеть «вне связи» с чьими бы то ни было «узкими» интересами, американские университеты осуществляют широкий спектр исследовательских работ и ведут подготовительные курсы, важные для вооруженных сил и крупных корпораций. Даже «нейтральный» университет имеет прямую финансовую связь с корпоративной структурой в форме существенного по объему портфеля ее акций.

Для наказания за инакомыслие и поощрение за конформизм во взглядах широко применяются меры экономического воздействия. В научном сообществе политизированные взгляды со стороны профессорско-преподавательского состава и студентов влекут за собой низкие оценки, а также — потерю окладов, грантов и работы. Точно таким же образом журналисты, менеджеры, чиновники и большинство представителей других свободных профессий или интеллигентного труда, желающие продвижения в карьере, привыкают соглашаться с заведенным порядком вещей и избегают высказывать мнения, которые идут вразрез с доминирующими экономическими интересами капиталистического общества.

Другим институтом политического воспитания является само правительство. Не проходит недели без того, чтобы президент или какой-нибудь другой высокопоставленный официальный чиновник не потчевал нас ободряющими высказываниями по поводу экономики или тревожными заявлениями по поводу враждебной угрозы из-за рубежа. В этом им помогают средства массовой информации, действиям которых в качестве средств политической обработки умов далее в книге посвящена целая глава.

Хотя нас зачастую убеждают думать только о самих себе, нам хочется знать, как американский процесс социальной адаптации позволит нам это сделать. Идеологическая ортодоксия настолько пропитывает культуру духом плутократии под видом «плюрализма», «демократии» и «открытого общества», что зачастую она даже не воспринимается как идеологическая обработка. Наихудшими формами

тирании являются наиболее укоренившиеся, настолько тонко контролирующие человека формы воздействия, что они даже не воспринимаются сознанием как таковые.

В капиталистическом обществе бизнес стремится заставить людей потреблять как можно больше, и подчас даже более того, что они могут себе позволить. Массовая реклама продает не только конкретные товары и продукты, но и образ жизни, восхваляет общество потребителей и приобретательство. Рожденная рыночной экономикой капиталистическая культура является, по существу, рыночной культурой. Она ослабляет совместные усилия и взаимосвязь людей и навязчиво заставляет нас конкурировать в качестве производителей и потребителей.

Нас подгоняют: «добивайтесь своего, обгоняйте». Обгонять кого и что? Обгонять других или свое сегодняшнее материальное положение? Этот вид «индивидуализма» не следует ошибочно принимать за свободу выбора альтернативной политической или экономической практики. От людей ожидают, чтобы они действовали индивидуально, но... в одном направлении. Каждый конкурирует с другими, но... за достижение одних и тех же целей. «Индивидуализм» в культуре, где доминируют корпорации, относится к собственности и потреблению. От нас ожидают, чтобы мы стремились получить для себя все, что сможем, и не принимали слишком близко к сердцу проблемы других. Эту позицию в других обществах расценивают как негуманную, в американском же обществе ее одобрительно называют «честолюбием» и считают одним из наиболее ценных общественных завоеваний.

Позволяет или нет такой «индивидуализм» управлять своей собственной жизнью — другой вопрос. Большинство из нас не принимают решений в отношении качества пищи, которую мы употребляем; товаров, которые мы покупаем; воздуха, которым мы дышим; цен, которые мы уплачиваем; зарплат, которые мы получаем; видов транспорта, которые для нас доступны; и зрелищ, которые нам демонстрируют средства массовой информации.

Лица, занимающие привилегированные позиции в общественной иерархии, считают необходимым сохранять эту иерархию и с неодобрением воспринимают требования установить более справедливую общественную систему. Согласно одному исследованию, проведенному в конце 1970-х годов, лица с высокими доходами в большей степени настроены против уравнивания политического

влияния различных групп населения, в то время как люди с низкими доходами являются самыми последовательными и твердыми сторонниками равенства^[73].

Наряду с расизмом и сексизмом^[74], существует фанатическая классовая приверженность каким-либо вещам или принципам, и в американском обществе это наиболее широко распространенная форма предубеждений, которая к тому же получает в нем наименьшее противодействие. Поскольку материальный успех в США считается единственной мерой ценности человека, то отсюда логически следует, что бедные не представляют большой ценности и тратить на них общественные ресурсы не нужно^[75]. В капиталистическом обществе бедных обычно осуждают как людей «ущербных» — не имеющих ценности для общества и которые сами виноваты в своих трудных жизненных обстоятельствах. Их редко считают жертвами экономических факторов, порождающих бедность: высокой квартирной платы, недостаточной занятости, низкой заработной платы, неожиданных заболеваний и других подобных «благодеяний» рыночного рая. Перефразируя американского юмориста Уилла Роджерса, можно сказать, что бедность — не преступление, но может им и стать.

В условиях сокращения числа рабочих мест, снижения заработной платы, высокой инфляции и растущего бремени налогов многие люди вынуждены работать более напряженно, чтобы сохранить свой статус и социальное положение. В обществе, в котором деньги являются определяющим фактором удачи в жизни, стимулирующее воздействие материального успеха — это не только симптом определенной культуры, в основе которой лежит алчность, но и фактор личного выживания. Вместо стремления к изысканной роскоши, многие американцы бьются за обеспечение основных жизненных потребностей. Если им и нужно денег больше, чем раньше, то это в основном потому, что предметы первой необходимости стали стоить намного дороже.

Система социального обеспечения в США платная, поэтому наличие или отсутствие денег становится вопросом жизни и смерти. Если человек имеет низкий или скромный доход, это означает, что он с большой долей вероятности рискует столкнуться с недостаточным медицинским обслуживанием или с отсутствием уверенности в

получении работы. У него также меньше возможностей для получения образования, организации отдыха, поездок и жизненных удобств. Стремление сделать деньги любой ценой, даже за счет других, — это не только порочная жизненная позиция, это отражение материальных условий капиталистического общества, в котором никто не может чувствовать себя в экономическом плане по-настоящему в безопасности, за исключением очень богатых людей. Но и они всегда стремятся увеличить свое богатство и застраховать себя от случайностей.

Для тех, кому существующее положение вещей очень нравится, эта политическая и экономическая система предоставляет массу возможностей для успеха. Тех, кто относится к числу ее несчастных жертв или кто озабочен благополучием всех членов общества больше, чем своим собственным, система обрекает на прозябание. Тех, кто находится между этими крайними позициями, система держит в состоянии неуверенности. Опасаясь снижения доходов и падения жизненного уровня, люди втягиваются в борьбу за сохранение достойного уровня жизни в рамках существующего общественного порядка.

Правые, левые и центр

Политические идеологии традиционно делились на категории правых, центристов и левых. Я попытаюсь обрисовать в общих чертах все три политических направления, особенно не вдаваясь в их детали и тонкости. Те, кого называют правыми, настроены консервативно и реакционно. К их числу обычно относятся члены корпоративных элит и лица с высокими доходами и крупными состояниями. Эти люди выступают за рыночный капитализм и защищают свободное предпринимательство как главную опору здорового общества. Консервативная идеология проповедует добродетели частной инициативы и уверенность в себе. Согласно этой идеологии, богатые и бедные получают то, что они заслуживают. Люди бедны не из-за неадекватной оплаты труда и недостатка экономических возможностей, а потому что ленивы и не проявляют достаточных способностей. Краеугольным камнем идеологии консерваторов является защита права пользования собственностью, в особенности извлечения из нее прибыли за счет труда других людей, а также права на особые условия жизни привилегированного класса.

Консерваторы считают причинами трудностей в обществе те, которые когда-то перечислил миллиардер Стив Форбс, а именно: «высокомерие, замкнутость и слишком большое доверие к правительству в Вашингтоне». В частном секторе все работает лучше, утверждают они. Большинство консерваторов выступают против контроля государства над бизнесом, в том числе против защиты прав потребителей, законодательства о минимальном уровне заработной платы, о пособиях по безработице, о технике безопасности, компенсациях за травмы и увечья на производстве. Рональд Рейган и Джордж Буш (старший) — президенты США от консерваторов — убеждали нас в том, что частные благотворительные учреждения способны позаботиться о нуждающихся и голодных людях и поэтому нет необходимости в помощи со стороны правительства. Ирония заключается в том, что пожертвования очень богатых на благотворительность составляет меньшую долю их доходов, чем доля всех остальных граждан^[76].



Религиозная свобода — это моя ближайшая цель, а моя отдаленная цель — заняться недвижимостью

На практике консерваторы выступают «за» или «против» правительственной помощи в зависимости от того, кто получает такую помощь. Они хотят сократить расходы на социальное обеспечение и помощь группам граждан с низкими доходами, но энергично поддерживают все виды правительственных субсидий и меры по спасению испытывающих трудности предприятий крупных

корпораций. Консерваторы рассматривают экономические спады как часть естественного цикла производства. Они требуют от американских рабочих трудиться упорнее и за меньшую оплату труда, однако у них не находится слов осуждения в отношении разорительных последствий корпоративных слияний и поглощений, перевода предприятий на заграничные рынки дешевого труда и возрастания экономических тягот трудящихся.

На самом деле консерваторы не являются сторонниками правительства, которое ни во что не вмешивается. Они поддерживают жесткие правительственные меры по обузданию несогласных и контролю над частной жизнью граждан и их моральными устоями. Большинство из них охотно выступают в поддержку вооруженных сил, крупных военных бюджетов и глобальных имперских интересов США. Однако сами они ухитряются уклоняться от военной службы, предпочитая предоставлять другим возможность сражаться и умирать. Именно это и случилось с редактором Норманном Подгоретцем, обозревателем Робертом Новаком, бывшим конгрессменом Ньютом Гингричем, вице-президентом Диком Чейни и бывшим вице-президентом Дэном Куэйлом.

Однако далеко не все консерваторы богаты. Нередко люди с весьма скромными средствами выступают против правительства и хотят его смены. Они не видят для себя результатов его деятельности. Многие считают себя консерваторами, исходя из своего отношения к вопросам «культурного характера». Они хотят, чтобы правительство отказалось от поддержки равных прав для гомосексуалистов, чтобы более последовательно поддерживало смертную казнь и принимало жесткие и последовательные меры против преступности. Как писал один газетный обозреватель (Фрэнк Скотт): «Они хотят, чтобы правительство в первую очередь занялось обеспечением их права убивать себя с помощью оружия, спиртных напитков и табака и лишь в последнюю очередь занялось защитой их прав на получение работы, жилья, образования и пищи»^[77].

Некоторые консерваторы хотят, чтобы правительство прекратило попытки вмешиваться в нашу личную жизнь. Но они также хотят, чтобы правительство объявило вне закона безопасные и легальные аборт, так как считают, что оплодотворенная яйцеклетка представляет собой человеческое существо. Они хотят, чтобы правительство ввело

обязательные молитвы в наших школах и выделило субсидии на религиозное образование. В трудностях, которые переживает страна, они обвиняют падение нравов, гомосексуалистов, феминизм и утрату семейных ценностей. Так, телевизионный евангелист и некогда подававший надежды кандидат от республиканцев на пост президента Пэт Робертсон заявил в своем послании к пастве, что «феминизм подстрекает женщин уходить от мужей, убивать своих детей, заниматься колдовством, разрушать капитализм и становиться лесбиянками»^[78]. Религиозные правые поддерживают на выборах консервативных кандидатов и их программы. В свою очередь, богатые консерваторы, включая руководителей таких корпораций, как Coors, Pepsico, Mobil Oil, Amoco, Heinz, Mariotte, бывшие руководители Radio Corporation of America и Chase Manhattan Bank, финансировали религиозных правых^[79].

На крайнем правом фланге консерваторов находятся те, кто раньше сотрудничал с нацистами, а также неонацисты, антисемиты и активные расисты, многие из которых нашли себе приют в Республиканской партии. Среди них — Дэвид Дьюк, бывший член американской нацистской партии и Ку-клукс-клана, который баллотировался в губернаторы штата Луизиана от Республиканской партии, а в 1992 году принимал участие от тех же республиканцев в первичной кампании президентских выборов^[80]. Лидеры республиканцев отказались одобрить его кандидатуру, но Дьюк вполне обоснованно утверждал, что его программа (крупный военный бюджет, сокращение программ социальной поддержки, отмена правовой поддержки интересов исторически ущемленных групп населения и поддержка крупного бизнеса) не отличалась от основной части программы Республиканской партии.

Ближе к центру и левому центру политического спектра находятся «умеренные» и либералы, между которыми нет особых отличий. Подобно консерваторам, они принимают капиталистическую систему и ее базовые ценности, однако считают, что проблемы общества следует решать путем относительно небольших реформ и повышения эффективности политики. Либеральные центристы поддерживают «свободную торговлю» и глобализацию, полагая, что они послужат интересам не только корпораций, но и всех остальных граждан. Иногда они не одобряют интервенционистскую политику США за рубежом,

считают такие акции иррациональными ошибками, а не обычной практикой поддержания глобального капиталистического порядка. Они поддерживают военные вмешательства в странах «третьего мира», если полагают, что Белый дом ведет морально оправданный крестовый поход против какого-нибудь вновь провозглашенного «зла» или укрепляет дело мира и демократии, как это было в случае поддержки массивных бомбардировок силами НАТО женщин, детей и мужчин в Югославии в 1999 году.

Умеренные центристы и либералы понимают необходимость ассигнования средств на общественные нужды и защиту окружающей среды. Они обычно поддерживают законопроекты об установлении минимально необходимого уровня заработной платы, страховании от безработицы, о мерах социальной защиты, об оплате питания нуждающимся детям, охране труда и т.п. Некоторые центристы даже поддерживают огромные военные бюджеты и ассигнования, а также снижение налогов на бизнес. Они выступают в защиту прав личности против слежки и давления со стороны правительства. Однако в Конгрессе (где многие из них связывают себя с Демократической партией) они поддерживают разведывательные, контрразведывательные и другие специальные ведомства, и иногда одобряют сокращения ассигнований на социальное обеспечение нуждающихся граждан.

На левом фланге политического спектра находятся члены Прогрессивной партии (прогрессисты) и социалисты. Они хотели бы заменить или существенно изменить корпоративную капиталистическую систему с помощью введения государственной и муниципальной собственности, когда многие крупные корпорации были бы национализированы, более мелкие предприятия перешли бы в кооперативную собственность или, по крайней мере, подверглись упорядочению деятельности в интересах общества. Некоторые прогрессисты готовы согласиться с сильными профсоюзами и эффективным контролем над могуществом и привилегиями бизнеса. Они утверждают, что рыночный капитализм в отсутствие сдерживающих факторов использует землю, труд, ресурсы и технологию общества только в целях накопления капитала, концентрирует экономическое богатство и политическое влияние в руках привилегированного меньшинства, одновременно порождая бедность для миллионов людей внутри страны и за рубежом.

Демократически ответственное правительство, считают прогрессисты, должно играть важную роль в защите окружающей среды, в развитии образования и в создании рабочих мест для каждого способного работать, обеспечении пенсий по старости и инвалидности, а также в предоставлении доступного медицинского обслуживания, образования и жилья.

Большинство левых и прогрессистов отвергают уже исчезнувшие социалистические общества как модель для построения социализма в США, указывая при этом, что такие страны, как Советский Союз, имеют другие исторические традиции — здесь было крепостное право и бедность, враждебное капиталистическое окружение и иностранные вторжения. Однако некоторые прогрессисты замечают при этом, что при всех допущенных ошибках, прошлых преступлениях и социальных проблемах социалистических обществ их граждане имели гарантированное право на труд при отсутствии голода и безработицы, пользовались бесплатным медицинским обслуживанием и бесплатным образованием до самого высшего уровня и располагали такими льготами, как субсидируемые государством коммунальные услуги, транспорт и культурно-развлекательные мероприятия, а также гарантированные пенсии после завершения трудовой деятельности. Именно этих прав и льгот они лишились вскоре после перехода этих стран к «демократическому капитализму свободного рынка».

Большинство других левых и социал-демократов в США воздерживаются от позитивных оценок социалистического строя в бывших государствах социалистического лагеря или революционного коммунизма в целом. Напротив — они всячески стараются демонстрировать свой антикоммунизм и разоблачать «сталинизм», что едва ли повышает доверие к ним со стороны консерваторов и основных средств массовой информации. Многих из них, по-видимому, меньше беспокоит глобальный капитализм как система, которая держит весь мир мертвой хваткой корысти, чем борьба со сталинизмом, который до сих пор остается недостаточно исследованным и воспринимается как нечто таящееся где-то на левом краю политического спектра.

Социалисты отличаются от либеральных реформаторов тем, что считают проблемы американского общества неразрешимыми в рамках этой системы, поскольку она сама же их и порождает. Они не думают, что все человеческие проблемы порождены капитализмом, но, по их мнению, наиболее важные из них действительно являются таковыми.

Они считают, что капитализм создает условия, которые увековечивают бедность, расизм, сексизм и эксплуататорские общественные отношения внутри страны и за рубежом. Социалисты считают, что корпоративная и военная экспансия США за рубежом является следствием не «ошибочного мышления», а естественным результатом ориентации капитализма на извлечение максимальной прибыли. Социалисты видят внешнюю политику США не как продукт, на который нередко влияют чьи-то недомыслие и иррационализм, а как вполне успешную деятельность в интересах многонациональных корпораций, имеющую целью подавить социальные перемены во многих странах и поддерживать американское финансовое и военное присутствие в значительной части мира.

Общественное мнение — какое принять направление?

На протяжении нескольких последних десятилетий ученые мужи из средств массовой информации неустанно провозглашают, что общественность США «придерживается консервативных взглядов». В действительности большинство американцев придерживаются более прогрессивных взглядов, чем их политические лидеры и комментаторы в средствах массовой информации. Обзоры показывают, что явное большинство граждан выступают за государственное финансирование системы социального обеспечения, сестринский уход на дому и субсидирование лекарств для пожилых людей. Большинство поддерживают страхование по безработице, государственные денежные пособия, поддержку программ профессиональной переподготовки работающих, дошкольные детские учреждения, поддержание низких цен на продукцию семейных ферм и талоны на льготную продажу продовольствия нуждающимся, возражая в то же время против снижения налогов на богатых и приватизацию системы социального обеспечения. Проведенные в середине и конце 1990-х годов газетой *New York Times* и телерадиокомпанией CBS опросы общественного мнения показали, что подавляющее большинство населения желало улучшений в управлении медицинским обслуживанием, в пропорции 3:1 отвергало предложенные республиканцами сокращения налогов, если это означало также сокращение ассигнований на программу государственной медицинской помощи престарелым (Medicare) и на социальное обеспечение. При этом большая часть населения одобрила идею сбалансировать бюджет путем урезания военных расходов, а не сокращения расходов на социальное обеспечение^[81].

Подавляющее число американцев чувствует, что разрыв между богатыми и бедными увеличивается, экономическая система по сути несправедлива, а правительство обязано принимать меры по борьбе с бедностью. Они считают, что профсоюзы приносят рабочим пользу, в Конгрессе должно быть больше женщин и что следует поддерживать законы, направленные против расовой дискриминации, а также специальные программы образования и профессиональной

переподготовки для этнических меньшинств (а не преимущества для меньшинств при найме на работу и при повышении по службе)^[82].

В целом почти по каждому важному вопросу большинство населения, судя по всему, занимает позиции, противоположные тем, которые отстаивают консервативные политико-экономические элиты (и близкие к тем, которые высказаны в нашей книге). Опросы общественного мнения представляют только часть общей картины. Демократическая борьба в США имеет свою историю, которая продолжается и в наши дни. Однако эту историю практически не преподают в учебных заведениях, о ней не сообщают в средствах массовой информации. Она находит свое отражение в массовых демонстрациях, забастовках, бойкотах, акциях гражданского неповиновения и в тысячах арестов. Эта борьба направлена против голода, безработицы, ненадежных атомных реакторов, площадок для запуска атомных ракет, шествий Ку-клукс-клана, подготовки репрессивного иностранного военного персонала в учебных подразделениях американских Вооруженных сил, против разжигаемых США войн в странах Центральной Америки, на Ближнем Востоке, в Югославии. Это борьба против посягательства на суверенитет государств со стороны Всемирной торговой организации (ВТО), а также против финансовых агрессий Международного валютного фонда и Всемирного банка. Массовые акции происходили также в поддержку легализации аборт, прав женщин, прав геев и лесбиянок и в защиту окружающей среды. Происходили организованные захваты жилья в защиту бездомных, демонстрации и шествия против жестокостей полиции, а также с целью выражения несогласия с постановкой на воинский учет для отбывания воинской повинности. Служба призыва в армию при ограниченной воинской повинности (Selective Service System, SSS) официально признала, что за последние несколько десятилетий примерно 800 000 молодых людей было отказано в приеме (действительное число, вероятно, выше)^[83]. В то же самое время происходили крупные забастовки в различных отраслях промышленности, показывающие, что боевой дух трудящихся не остался в прошлом.

Нельзя отрицать, что остаются миллионы американцев, в том числе с относительно скромными доходами, которые являются открытыми сторонниками расизма, сексизма и враждебного отношения

к гомосексуалистам. Они отрицательно относятся к профсоюзам, презирают бедных, легко принимают на веру заявления консерваторов о том, что правительство — это враг (а не могущественные интересы, которым оно служит), с готовностью объединяются в шовинистическом угаре, когда их лидеры развязывают войну против слабых стран. Также невозможно отрицать, что преступления на основе ненависти к афроамериканцам, выходцам из стран Азии и Латинской Америки, иммигрантам, евреям и лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией продолжаются, а сторонники обязательной беременности совершают множество актов насилия против клиник и врачей, делающих аборты^[84].

В этом обществе не появляется большого числа активистов консервативной политической ориентации. Нет массовых демонстраций с требованиями сократить налоги на большой бизнес, нет массовых демонстраций «за» дальнейшее наступление пустынь из-за ухудшения экологической обстановки, «за» увеличение числа войн, рост объема привилегий для богатых. Нет массовых демонстраций «за» разорение общества корпорациями. Но система производит тысячи тех, кто абсолютно ни о чем не информирован или дезинформирован политикой, кто стал аполитичным из-за бесцветного характера многих общественных выступлений и речей, потерял уверенность в своих силах из-за кажущихся непреодолимыми препятствий и преград к переменам или сбит с толку идиотизмом развлекательных программ массмедиа. Общение между людьми в США носит в основном аполитичный характер, и само это явление имеет глубокое политическое значение.

И все же, несмотря на бесконечные развлекательные мероприятия отупляющей мозг массовой культуры, информационные телерадиопрограммы и телекомментаторов, которые все внимание уделяют пустым программам и манипуляциям с имиджем, а не содержанию политики, несмотря на пропаганду и идеологическую обработку со стороны общественных институтов плутократии, американцы все-таки проявляют реальный интерес к условиям своей жизни и заботу о них. Несоответствие между тем, что устанавливают господствующие интересы, и тем, что эти интересы делают на практике, становится очевидным растущему числу людей. Существует предел эффективности, с которой подслащенная оболочка

капиталистической культуры способна отвлечь американских граждан от восприятия ими горькой реальности экономической жизни.

Вдобавок политическая социализация нередко приводит к неожиданному и противоречивому сопутствующему результату. Когда мастера формирования общественного мнения внушают нам мысль о том, что мы свободный и процветающий народ, мы начинаем требовать себе право быть свободными и процветающими. Ловкий прием использования демократической риторики для маскировки недемократического общественного порядка может привести к обратным результатам, когда народ начинает воспринимать эту риторику всерьез и формировать на ее основе демократические требования.

Более того, есть люди, которые любят справедливость больше денег и профессионального успеха и которые стремятся не к приобретению все большего числа вещей для себя, а к лучшей жизни для всех. Это не означает, что у них нет собственных интересов, но они определяют свои интересы таким образом, что это вступает в конфликт с интересами привилегированных и могущественных мира сего. Вообще, если бы американцам была предоставлена возможность получать правдивую информацию и они могли увидеть путь к переменам, тогда они стали бы продвигаться в правильном направлении по всем проблемам экономики и политики. И они, кстати, демонстрируют признаки того, что хотят это делать.

Демократия — форма и содержание

Американцы любых политических убеждений заявляют о своей приверженности демократии, но все они вкладывают в это понятие разный смысл. В этой книге под словом «демократия» подразумевается система государственного правления, которая как по форме, так и по содержанию представляет интересы широких слоев населения. Те, кто принимает государственные решения, должны править в интересах большинства населения, а не для выгоды привилегированного меньшинства.

Народ выбирает своих представителей таким образом, чтобы они были ему подотчетны. Эта подотчетность выражается в открытой критике представителей, их периодической проверке путем выборов и, если необходимо, отзыве со своих должностей. Демократическое правление имеет ограниченный характер и является противоположностью деспотическому абсолютизму.

Но демократический народ должен иметь гарантии защиты своей свободы от экономического и политического угнетения. При настоящей демократии материальные условия жизни народа должны быть гуманными. Они не могут быть контрастно неравными для различных групп граждан или восприниматься как невыносимые. Кое-кто с этим не согласится, утверждая, что демократия — это просто система правил для политических игр, где Конституция и законы являются своего рода сводом правил. И нам следует стараться не навязывать какие-то особые экономические условия этой игры, пусть даже с допустимыми поправками. Такой подход, без сомнения, сведет демократию к игре. Он предполагает, что формальные правила могут существовать вне зависимости от реальной действительности.

Французский писатель Анатоль Франс однажды заметил, что закон в своем величественном равенстве прав для всех одинаково запрещает и бедным и богатым воровать хлеб и попрошайничать на улицах. При этом закон превращается в некий фарс, фикцию, позволяя говорить «о правах для всех» в отрыве от классовых условий, которые зачастую ставят богатых над законом, а бедных — вне его. Вне связи с определенными материальными условиями формальные права имеют

небольшое значение для миллионов людей, у которых нет средств для того, чтобы реализовать свои права на практике.

Взять хотя бы «право каждого гражданина быть услышанным». В своем величественном равенстве прав для всех закон позволяет и богатым и бедным возвысить свой политический голос. И те и другие свободны в своем праве нанимать влиятельных лоббистов и вашингтонских юристов в целях оказания давления на государственных чиновников. И те и другие вправе свободно формировать общественное мнение через собственную газету или телевизионную станцию. Как богатые, так и бедные имеют право принимать участие в избирательной кампании стоимостью во многие миллионы долларов, чтобы завоевать высокую должность для себя или своих политических фаворитов. Однако это формальное равенство представляет собой некую фикцию. Что хорошего дают эти права миллионам людей, которые исключены из политической игры?

Для консерваторов, либералов и представителей других политических течений от правого края до центра — капитализм и демократия неразрывно связаны. Свободный рынок, по их общему мнению, создает из разнородных политических групп плюралистское «гражданское общество», оно действует независимо от государства и обеспечивает основу для политической свободы. В реальной жизни во многих капиталистических обществах, начиная от нацистской Германии и до нынешних диктаторских режимов «третьего мира», существует система свободного предпринимательства, но нет политической свободы. В таких системах политическая свобода означает свободу эксплуатировать труд бедных и становиться невероятно богатым. Капитализм транснациональных корпораций не дает никаких гарантий политической демократии, а зачастую становится для нее препятствием. Большой бизнес заинтересован в максимальном увеличении частных прибылей в интересах относительного меньшинства населения и одновременно возлагает большую часть отрицательных последствий производства на плечи этого общества. К ним относятся безработица, бедность, деградация окружающей среды, профессиональный травматизм — все это обратная сторона, то есть побочные продукты экономики, основанной на частной собственности.

Когда вся эта система действует с некоторой эффективностью, демократия посвящает себя защите благосостояния большинства, не

обращая внимания на экономическое угнетение и привилегии, которые достаются меньшинству. Демократия считает, что каждый человек одинаково ценен, и стремится сделать все необходимое, чтобы даже те, у кого нет богатства и особого таланта, могли зарабатывать постоянные средства к существованию. Противоречивая природа «капиталистической демократии» состоит в том, что она провозглашает принципы политического равенства и в то же время сама порождает огромное неравенство в материальном благосостоянии и политическом влиянии.

Некоторые люди думают, что если они могут свободно говорить о том, что им нравится, то они живут в условиях демократии. Но демократия — это не только свобода слова. Свобода слова представляет собой лишь одно из необходимых условий демократии. Зачастую мы свободны говорить, что хотим. Но и богатые и могущественные также свободны говорить, что они хотят от нас, не обращая внимания на то, что говорим им мы. Демократия — не семинар, а такая же система власти, как и любая другая. Свобода слова, как и свобода собраний и политических организаций, имеет смысл только в том случае, если это свободное слово услышано, а те, которые облечены властью, ответственны перед теми, кем они управляют.

Выборы и конкуренция партий не являются однозначным тестом на наличие демократии. Финансовые элиты, объединенные общими взглядами, настолько четко и последовательно контролируют некоторые двухпартийные и многопартийные системы, что полностью отбивают интерес участвовать в политической жизни. Они предлагают такую политику, которая служит интересам истеблишмента вне зависимости от того, кто выбран на руководящие политические посты. В следующих главах мы обратим наш критический взгляд на собственную политическую систему. Мы проанализируем ее не с точки зрения несомненной способности проводить выборы, а по ее способности достигать конкретных демократических целей. Мы приведем аргументы в том плане, что политическую систему можно назвать демократической или недемократической не в зависимости от ее политических процедур, а в зависимости от результатов ее деятельности, ощутимых материальных выгод, которые она предоставляет членам общества, и социальной справедливости или несправедливости, которые она создает в обществе. Правительство, проводящее политику, которая умышленно или непреднамеренно

настолько несправедлива, что отказывает людям в самых насущных условиях жизни, не может называться демократическим вне зависимости от того, сколько выборов оно проводит.

И снова следует подчеркнуть, что, когда мы критикуем США за недостаток настоящей демократии, мы не нападаем на наше государство и не проявляем к нему нелояльности. Совсем наоборот. Демократические граждане не должны впадать в некритичное идолопоклонство перед государством. Им следует критически относиться к привилегиям, которые действуют против демократических интересов нашего государства и его народа.

4.

Конституция для избранных

Для понимания политической системы США было бы полезно проанализировать историю ее происхождения и основную структуру, начиная с момента принятия Конституции. Граждане, которые собрались в Филадельфии в 1787 году, стремились создать сильную централизованную систему правления. Они были согласны с Адамом Смитом в том, что система правления «учреждается для защиты богатых от бедных» и что она усиливается вместе с ростом ценности собственности.

Классовая власть на раннем этапе развития Америки

Раннее американское общество описывают как эгалитарное, свободное от крайностей между бедностью и богатством, которые были свойственны странам Европы. В действительности с колониальных времен влиятельные люди получали от королевской власти в дар обширные земельные наделы. К 1700 году вся земля в Нью-Йорке находилась в собственности менее десятка владельцев. К 1760 году менее пятисот лиц контролировали подавляющую часть торговли, коммерческого флота и судовых перевозок, банковского дела, горно-шахтного дела и обрабатывающей промышленности на восточном побережье США. В период между американской революцией и Конституционным Конвентом (1776 — 1787) крупные землевладельцы, торговцы и банкиры оказывали сильное влияние на политико-экономическую жизнь, зачастую путем прямого владения местными газетами, которые выражали идеи и интересы торгово-промышленных кругов^[85].

В 12 — 13 штатах (за исключением штата Пенсильвания) принимать участие в голосовании могли только белые мужчины, владеющие собственностью, что, вероятно, составляло не более 10% всего взрослого населения. Из процесса выборов были исключены все представители местного населения (индейцы), лица африканского происхождения, женщины, служащие по договору об отдаче в ученичество (служащие по контрактам) и белые мужчины без собственности значительного размера. Имущественный ценз для занятия выборной должности был настолько высоким, что исключал из числа возможных кандидатов на выборах большую часть лиц мужского пола, имевших право голоса. Член законодательного органа штата Нью-Джерси должен был иметь собственность стоимостью не менее \$1000, сенатор штата Южная Каролина должен был иметь собственность (свободную от долгов) на сумму не менее \$7000 (эквивалент примерно одного миллиона долларов по нынешним ценам). В штате Мэриленд кандидат на должность губернатора должен был иметь собственность на сумму не менее \$5000. Следует отметить, что отсутствие тайного

голосования и реального выбора между кандидатами и программами приводило к широкому распространению апатии среди избирателей^[86].

Незадолго до Конституционного Конвента поверенный в делах посольства Франции в Америке писал своему правительству:

«Хотя в Америке нет дворянских титулов, здесь есть класс людей, которых называют "джентльменами"... Почти все они опасаются, что народ лишит их принадлежащей им собственности, а поскольку все они занимаются кредитованием, поэтому заинтересованы в усилении власти и строгом исполнении законов... В связи с тем что большинство из них занимаются торговлей, они также заинтересованы в получении Соединенными Штатами кредитов в Европе на основе скрупулезной выплаты долгов. Они хотят предоставить Конгрессу достаточно широкие полномочия с целью заставить народ внести свой вклад в достижение этой цели^[87]».

В 1787 году именно такие богатые и влиятельные «джентльмены» — наши «отцы-основатели», многие из которых были связаны друг с другом родством, браками и деловыми отношениями, собрались в городе Филадельфии, провозгласив целью пересмотреть Статьи Конфедерации^[88] и укрепить систему централизованной власти^[89]. Согласно этим Статьям, Континентальный конгресс Соединенных Штатов^[90] располагал широким перечнем исключительных и обязательных полномочий в отношении заключения договоров, ведения торговли, установления валюты, ведения переговоров с различными государствами, ведения военных действий и поддержания национальной обороны. Но эти и другие действия, включая предоставление займов и ассигнований на различные цели, требовали согласия, как минимум, девяти штатов^[91]. Конгресс также не имел полномочий в области налогообложения, что ставило его в зависимость от согласия штатов на сбор налогов. Конгресс не мог заставить народ внести свой вклад в полную выплату государственного долга, большая часть которого причиталась богатым частным кредиторам.

Собравшиеся в Филадельфии представители хотели установления более сильной центральной власти, которая была бы способна:

- 1) разрешить проблемы торговли и пошлин между тринадцатью штатами,
- 2) обеспечить защиту зарубежных дипломатических и торговых интересов,
- 3) эффективно продвигать финансовые и торговые интересы класса богатых,
- 4) защищать богатых от конкурирующих интересов других классов общества.

Большинство историков игнорируют или отрицают пункты 2) и 4).
[\[92\]](#)

Наибольшее беспокойство авторов Конституции вызывал мятежный дух,

замеченный в народе. В 1787 году Джордж Вашингтон писал своему бывшему сослуживцу в армию: «В каждом штате есть горючий материал, который может воспламенить любая искра». Даже такой плутократ, как Гавернир Моррис, который накануне Конституционного Конвента выступал против сильной федерации, теперь без колебаний сменил позицию: «Осознавая тот факт, что политический альянс с консерваторами из других штатов станет определенной гарантией в том случае, если радикалы захватят влияние в правительстве штата... готов передать права штатов всей нации»[\[93\]](#). Охватившее их стремление создать государство не снизошло на них как внезапное озарение. Частная переписка между ними свидетельствует о том, что это была вполне прагматическая реакция — без промедления поддержать материальные условия, порожденные общим классовым интересом.

Простых людей того периода они изображают как транжиров с ограниченными интересами, которые не возвращают долгов и расплачиваются обесцененными инфляцией бумажными деньгами. Большинство историков мало пишут о положении простого народа. Значительная часть населения состояла из бедных земельных собственников, арендаторов и рабочих и служащих, работавших по контрактам (они на многие годы попадали в настоящее рабство). В исследовании фермерских хозяйств штата Делавэр периода Конституционного Конвента приводятся свидетельства того, что типичная фермерская семья могла иметь большой участок земли, но очень мало другого имущества. Семья проживала в однокомнатном доме или бревенчатой хижине, без конюшни и коровника, без навесов и

какого-либо оборудования, а также без рабочего скота. Фермер и его семья сами тянули плуг^[94]. Мелкие фермеры были обременены крупными арендными выплатами и разорительными налогами при низких доходах. Для того чтобы выжить, они зачастую были вынуждены занимать деньги под высокие проценты. Для выплаты долгов они закладывали свой будущий урожай и еще глубже увязали в долгах, что втягивало их в циклическую сельскую задолженность, которая в настоящее время стала общей судьбой аграрного населения нашей и других стран^[95]. Процентные ставки по долгам достигали 25 — 40%. Налоги больно били по людям со скромными средствами. Ничья собственность не освобождалась от конфискации за неуплату налогов. Исключение составляла лишь одежда на теле должника^[96].

На протяжении всего этого периода газеты выражали недовольство возрастающим числом малолетних нищих на улицах. Арестанты по экономическим приговорам переполняли тюремные камеры. Они оказывались там за долги и за неуплату налогов^[97]. В народе зрело ощущение, что революция против британской короны оказалась сведена на нет. Вооруженные толпы обозленных людей в нескольких штатах начали осаждать пункты продажи заложенного имущества и силой освобождать заложников из тюрем. Зимой 1787 года фермеры-должники на западе штата Массачусетс, которыми руководил Дэниел Шейс, взялись за оружие. Но их восстание было разгромлено, при этом одиннадцать человек погибли и десятки были ранены^[98].

Сдерживание распространения демократии

Призрак восстания Шейса витал над представителями штатов, собравшимися спустя три месяца после этого события на встречу в Филадельфии. Восстание подтверждало их худшие опасения. Они были убеждены, что делами государства должны руководить люди знатные и богатые и что необходимо сдерживать попытки уравнительного подхода, исходящие от массы неимущих, из которых состояла «фракция большинства». «Для того чтобы обеспечить гарантии государственной собственности и частных прав от опасности со стороны такой фракции, — писал Джеймс Мэдисон в сборнике *Federalist* № 10, — и в то же время сохранить дух и форму народного правления — это теперь великая цель наших заседаний». Здесь Мэдисон коснулся самой сути проблемы: как сохранить «форму» — то есть внешнюю видимость народного правления при минимуме соответствующего содержания; как создать систему правления, способную добиться народной поддержки, но которая бы не пыталась изменить существующую классовую структуру общества? Как создать достаточно сильную систему правления, чтобы обеспечивать растущие потребности предпринимательского класса и противостоять демократическим требованиям сторонников равноправия из народа?

Авторы Конституции могли согласиться с Мэдисоном, когда тот писал в издании *Federalist* № 10, что «самой основной и постоянной причиной пополнения этой фракции (большинства. — *Примеч. пер.*) является неравноправие распределения собственности». Владельцы собственности и те, кто ею не располагают, являются носителями различных общественных интересов. Поэтому «главная задача системы государственного правления заключается в обеспечении разнообразных и неравных возможностей приобретения собственности» (то есть богатства).

Авторы Конституции считали, что демократия — «худшее из всех политических зол», как выразился по этому поводу Элбридж Джерри. По словам Эдмунда Рандольфа, проблемы страны вызваны не глупостями и недомыслием демократии. Роджер Шерман соглашался с этим: «Людям следует как можно меньше вмешиваться в дела власти». А Александр Гамильтон писал: «Всякое человеческое общество делится

на меньшинство и большинство. Первые принадлежат к известным фамилиям и богаты, а вторые — масса простого народа. Народ обычно беспокоен и изменчив. Он редко рассуждает здраво и логично». Он рекомендовал установить сильную централизованную государственную власть для того, чтобы «сдерживать опрометчивость демократии». А Джордж Вашингтон, который выполнял функции председателя на Конвенте в Филадельфии, убеждал делегатов не плодить документы только ради того, чтобы «понравиться народу»^[99].

Во всем этом не было большой опасности. Делегаты потратили несколько недель, обсуждая и отстаивая свои интересы, но это были различия в интересах крупных торговцев, рабовладельцев и промышленников, споры состоятельных людей с состоятельными, в которых каждая группа искала гарантий в Конституции собственным интересам. Ко всему Этому добавились разногласия по поводу конституционной организации структур власти. Как организовать учреждения законодательной власти? Насколько многочисленными должны быть представительства крупных и мелких штатов? Как выбирать исполнительную власть? Какой должна быть продолжительность пребывания в должности различных должностных лиц?

Основатели решили создать двухпалатный орган законодательной власти, состоящий из Палаты представителей, полностью переизбираемой раз в два года, и Сената, переизбираемого раз в шесть лет (треть Сената переизбирается каждые два года). Было принято решение распределять места в Палате представителей среди штатов пропорционально численности их населения, а в Сенате каждому штату предоставить два места вне зависимости от численности населения.

Главные вопросы в отношении способности новой системы правления защищать интересы собственников были согласованы на удивление быстро и не вызвали больших споров. В дискуссиях по этим вопросам не принимали участия мелкие фермеры, ремесленники, контрактные работники и рабы, ожидавшие Конвента для того, чтобы высказать противоположную точку зрения. Простые труженики не могли взять на работе четырехмесячный отпуск, чтобы поехать в Филадельфию писать Конституцию. Дискуссия между богатыми и неимущими так никогда и не состоялась.

И неудивительно, что статья 1 раздела 8, которая является наиболее важной частью Конституции и дает федеральной власти полномочия для поддержки и регулирования торговли и защиты интересов собственности, была принята в течение всего нескольких дней и с минимальными спорами. Конгрессу были предоставлены полномочия регулировать торговлю между штатами, а также с иностранными государствами и «индейскими племенами», заниматься налогообложением и сбором налогов и акцизов (эта функция позволяет осуществлять все остальные функции власти), устанавливать пошлины и тарифы на импорт (но не на экспорт), платить долги и обеспечивать оборону и общее благосостояние Соединенных Штатов Америки; вводить национальную валюту и обеспечивать ее курс, занимать денежные средства, устанавливать стандартные единицы весов и мер для нужд торговли, защищать ценные бумаги и деньги от подделки и принимать единые для всей страны законы о банкротстве — все это важнейшие меры для инвесторов, торговцев и кредиторов.

Некоторые делегаты занимались спекуляциями землей и вкладывали деньги в холдинговые компании на Западе страны. Поэтому Конгрессу были предоставлены «полномочия устанавливать необходимые нормы и положения относительно территории страны и другой собственности, принадлежащей Соединенным Штатам». Большинство делегатов занимались спекуляциями ценными бумагами Конфедерации, которые представляли собой сильно обесценившиеся бумажные сертификаты, выпущенные Конфедерацией на раннем этапе для выплат солдатам и мелким поставщикам. Богатые спекулянты задешево скупили у обнищавших держателей огромное количество этих сертификатов. Согласно статье 6, все долги Конфедерации были признаны новым правительством, и это позволило спекулянтам получить огромные доходы, когда государство стало принимать эти ценные бумаги по номинальной стоимости^[100].

Признав этот долг, федеральное правительство, следуя линии первого министра финансов Александра Гамильтона, создало огромную массу частного капитала и кредитов для крупных инвесторов на основе недавно полученных полномочий облагать все население налогами. Выплата долга производилась из карманов всего народа и шла напрямую в карманы класса богатых. Финансирование этого признанного правительством долга поглощало почти 80% доходов

государственного бюджета на протяжении 1790-х годов^[101]. Процесс использования налогообложения для сбора денег трудящегося народа с целью создания частного инвестиционного капитала продолжается и поныне. Мы увидим это и в последующих главах.

В интересах торговцев и кредиторов штатам было запрещено выпускать бумажные деньги и устанавливать пошлины на импорт и экспорт, а также вмешиваться в выплату долгов путем принятия любых нормативных актов, снижающих обязательства федерального правительства по этому закону. Конституция гарантировала полное доверие в каждом штате к «нормативным актам, архивам и юридическим процедурам» в других штатах, что давало возможность кредиторам преследовать в судебном порядке своих должников, невзирая на границы между штатами.

Рабовладельчеству — одной из самых крупных форм собственности — в Конституции было уделено особое внимание. Три пятых числа рабов в каждом штате должны были учитываться при расчете численности представительства штата в Нижней палате Конгресса, давая рабовладельческим штатам непропорционально больше мест в палате по сравнению с количеством мест, рассчитываемым по численности населения с правом голоса. Конституция никогда не отменяла работорговлю. Более того, ввоз рабов был со всей определенностью гарантирован на последующие двадцать лет до 1808 года, после чего сохранялось право выбора решения, но требования отмены работорговли не выдвигались. Многие рабовладельцы считали, что к тому времени у них останется достаточно политического влияния для сохранения работорговли и после этого срока. Рабы, убежавшие из одного штата в другой, подлежали выдаче своему первому хозяину по его требованию. Конвент проголосовал за это положение единогласно^[102].

Авторы Конституции сочли, что штаты действовали недостаточно решительно против народных мятежей и бунтов, поэтому перед Конвентом была поставлена задача создать, вооружить и подготовить военизированные формирования (ополчение), призванные «подавлять выступления мятежников». Федеральному правительству были предоставлены полномочия защищать штаты «от внутреннего насилия». Специальный пункт был посвящен возведению «фортов, военных складов, арсеналов, судостроительных верфей и других

необходимых объектов», а также содержанию армии и флота как для обороны государства, так и для поддержания вооруженного присутствия федеральной власти в потенциально мятежных штатах. Эта мера оказалась очень кстати промышленным баронам столетия спустя, когда вооруженные силы США использовались для подавления забастовок шахтеров, а также железнодорожников и фабричных рабочих.

Разделение власти большинства

По-прежнему желая сдержать возможные инициативы большинства, составители Конституции ввели в нее положение, которое Мэдисон назвал «дополнительными мерами предосторожности», предназначенными для разделения власти при ее демократизации. Разделив исполнительную, законодательную и судебную функции и предусмотрев систему взаимных сдержек и противовесов по отношению к каждой из этих трех ветвей власти, включая проведение выборов во взаимно смещенные сроки, вето исполнительной власти, подтверждение Сенатом назначений на должности и ратификацию им договоров, а также создав двухпалатный законодательный орган, составители Конституции надеялись выхолостить влияние пожеланий народа. Они изо всех сил старались придумать тщательно разработанный сложный процесс внесения в Конституцию поправок, требующий их принятия двумя третями составов как Палаты представителей, так и Сената, а также их ратификации тремя четвертями состава Законодательного собрания штатов^[103]. Принцип большинства был неразрывно связан с вето меньшинства, что делало менее вероятной возможность быстрой и решительной народной акции.

Как указывал Мэдисон в издании *Federalist* № 10, нельзя допускать согласованного объединения сил против класса имущих и установленного ими общественного порядка. Чем крупнее страна, тем «более разнообразными будут партии и интересы» и тем труднее становится координация действий массы большинства. Как говорил Мэдисон, «неистовство в отношении бумажных денег, движения за отмену долгов, за равный раздел собственности или в связи с любой другой опасной общественной инициативой менее способны быстро распространяться и охватывать всю федерацию, чем это происходит с одним человеком». Мятеж обнищавших фермеров может угрожать в одно время штату Массачусетс, в другое — штату Род-Айленд, но любая система государственного правления должна быть достаточно широкой и разветвленной, чтобы сдерживать и тот и другой мятеж, и одновременно изолировать остальную часть страны от мятежной заразы.

Необходимо было предотвратить установление в массе населения не только горизонтальных связей, но и всякого силового движения вверх. Давление на власть следовало нейтрализовать путем введения непрямых форм представительства. Так, например, членов Сената от каждого штата следовало избирать на сессиях Законодательного собрания штатов, а не прямым голосованием избирателей. Глава исполнительной власти должен избираться коллегией избранных народом выборщиков, но, как планировали составители Конституции, выборщиков, состоящих из политических лидеров и состоятельных людей, которые через несколько месяцев должны были собраться в различных штатах и выбрать предводителей по своему усмотрению. Считалось, что они, как правило, не смогут сформировать большинство в поддержку любого одного кандидата и окончательный выбор произойдет в палате, в которой каждая делегация от штатов будет иметь только один голос.

Коллегия выборщиков действует и в настоящее время. Ее основная задача заключается в искусственном создании сильного большинства по результатам выборов с относительно небольшим большинством. С 1838 года и по настоящее время тринадцать раз такой кандидат с самым большим процентом поданных за него голосов (но все же не достигшим уровня большинства голосов) избирался президентом страны большинством голосов коллегии выборщиков. Это происходит потому, что кандидат может получить в одном штате 47% голосов (остальные 53% распределяются между несколькими другими кандидатами), но завоевать 100% голосов коллегии выборщиков, что в итоге резко повышает его победный рейтинг.

Недемократичный характер коллегии выборщиков ощущался даже через двести лет после Конституционного Конвента во время президентских выборов 2000 года. Вице-президент Эл Гор победил на выборах с перевесом в 540 000 голосов избирателей, однако губернатор штата Техас Джордж Буш победил в значительном числе небольших штатов, собрав, таким образом, большинство голосов коллегии выборщиков. Крайне сомнительный подсчет голосов в штате Флорида склонил коллегию выборщиков на сторону Дж. Буша, и когда результат этого подсчета был оспорен в суде, законодательный орган (Нижняя палата) контролируемого республиканцами штата Флорида заявил о намерении отменить все сомнения и принял в целом список избирателей, проголосовавших за Буша. Секретарь штата Флорида, будучи активным

членом избирательной кампании Дж. Буша, уже до этого официально утвердил список как победный. Законодатели штата Флорида не вышли за пределы своих юридических полномочий (и даже морально-нравственных), поскольку в статье 2 раздела 1 Конституции говорится о том, что члены коллегии выборщиков в каждом штате назначаются таким образом, «как это определяет его законодательный орган», что наглядно демонстрирует еще одну антидемократическую особенность системы американских выборов^[104].

Членов Верховного суда США не выбирают. Судей назначал президент страны и утверждал Сенат на пожизненный срок пребывания в должности.

Сенаторов выбирали законодательные собрания штатов. Прямые выборы членов Сената избирателями были введены только с принятием в 1913 году семнадцатой поправки к Конституции, то есть через 126 лет после Конвента в Филадельфии. Это показывает, что Конституция претерпевает изменения в демократическом направлении, но это требует немалого времени.

С самого начала единственной частью системы государственного управления, которая напрямую выбиралась народом, была Палата представителей. Многие делегаты предпочли бы полностью исключить общественность страны от прямого представительства. Их беспокоило, что на выборные должности на волне популизма попадут демагоги, а это приведет к грабежу и разорению государственной казны и нанесению ущерба классу богатых. Джон Мерсер заметил как-то, что в предложенной Конституции нет ничего более нежелательного и вредного, чем сами «народные выборы». А губернатор Моррис предупредил: «Недалеко то время, когда в стране будет полно ремесленников и фабричных рабочих, получающих хлеб от своих работодателей. Будут ли эти люди надежными и преданными хранителями свободы? ...Невежественным и зависимым (читай бедным и неимущим) едва ли можно доверять общественные интересы»^[105].

Когда делегаты наконец согласились принять фразу «народ избирает Нижнюю палату», они имели в виду лишь определенную часть населения, из которой были исключены лица, не имеющие собственности, все женщины, американские аборигены и контрактные работники. Также были исключены рабы, число которых составляло почти четверть всего населения. Из тех афро-американцев, кто получил

свободу на Севере и на Юге страны, только немногие обрели право голоса.

Заговорщики или патриоты?

В подрывающей каноны книге, опубликованной в 1913 году, Чарльз Бирд утверждал, что авторы Конституции руководствовались своими классовыми интересами. Оппоненты Бирда доказывали, что авторы руководствовались более возвышенными мотивами, чем простая забота о собственных кошельках. Справедливости ради следует отметить, что они были людьми богатыми, напрямую сделавшими свои состояния на политическом курсе, проводившемся в результате принятия новой Конституции. Однако они все-таки руководствовались интересами построения государства, которые простирались значительно выше их собственных интересов классового характера. В подтверждение можно привести слова судьи Холмса: «Человеку не чужды высокие устремления».

Именно в этом состоит суть ситуации: «Высокие устремления нередко свойственны людям, даже тогда, когда они или, в особенности, когда они преследуют свои личные и классовые интересы». Ошибочная посылка заключается в предположении, что стремление построить сильное государство и желание сохранить и защитить свое богатство противостоят друг другу и что создателей Конституции якобы не могли вдохновлять обе эти цели одновременно. На самом деле, подобно многим другим людям, создатели Конституции верили: что хорошо для них, в высшей степени хорошо и для их страны. Их стремление построить сильное государство и их классовые интересы неразрывно сочетаются, и наличие возвышенных мотивов не исключает мотива личной заинтересованности.



Большинство людей верят в свои положительные качества. Создатели Конституции никогда не сомневались в благородном характере своих усилий и их большом значении для будущих поколений американцев. Среди них было много тех, кто ощущал свою приверженность принципу «свобода для всех» и в то же время владел рабами, поэтому они могли одновременно принести пользу — как своей стране, так и своему сословию. Дело не в том, что при построении государства у них не было возвышенных мотивов, а в том, что в их концепции построения государства ничто не противоречило их классовым интересам и значительная часть их концепции действовала как раз на пользу этим интересам.

Создатели Конституции, возможно, были заинтересованы не только в том, чтобы запустить руку в кассу, хотя среди них было достаточно и таких, кто хотел только этого, но они, конечно, стремились защитить интересы богатого меньшинства от трудового большинства. «Конституция, — заметил Стаунтон Линд, — стала завершением революции. То, что ставили на карту Гамильтон,

Ливингстон и их оппоненты, было не просто улучшением положения в области безопасности. Главным был вопрос о том, какой общественный строй появится в результате революции — после того, как осядет политическая пыль. И какой класс общества окажется в центре политической жизни»^[106].

Мелкие фермеры и должники, выступавшие против идеи централизованной государственной власти, которая была бы от них намного дальше местной власти и власти штата, изображались как люди с ограниченным кругозором, руководствующиеся только местными, своекорыстными интересами — в отличие от благородных и возвышенных государственных мужей, которые отправились в Филадельфию^[107]. Как и почему именно богатые стали провидцами и основателями государства — это никогда никто не объясняет. Еще незадолго до этого многие из них были сторонниками свободной конкуренции без государственного вмешательства и противниками сильной централизованной государственной власти. Если вдуматься, то шире стал не их взгляд на вещи — шире стали их экономические интересы. Их мотивы были не более возвышенными, чем мотивы любой другой группы общества, которая боролась за свое место и власть в США в 1787 году. Но, располагая свободным временем, большими денежными средствами, информацией и организацией, они добились наилучших результатов.

Можно предположить, что их цели были не эгоистичными, а благородными. Тем не менее делегаты окружили свою деятельность пеленой секретности. Заседания проходили за закрытыми дверями и зашторенными окнами (несмотря на жару). Записи Мэдисона, в которых зафиксирована большая часть дискуссий, по его настоянию были опубликованы только через пятьдесят три года и после смерти всех участников дискуссий. Это было сделано, по-видимому, для того, чтобы не ставить их в неудобное политическое положение^[108].

Те, кто настаивает на том, что создатели Конституции руководствовались главным образом благородными и бескорыстными целями, постоянно упускают из виду тот факт, что они сами неоднократно заявляли о своем намерении создать достаточно сильную власть, чтобы защитить богатых от бедных. Окружив дискуссии секретностью, они дали основания для самых крайних, классово предвзятых и порочащих их мнений об их политической

ангажированности. Они никогда не отрицали того факта (как это делают их нынешние апологеты), что их целью было уменьшить контроль со стороны народа и оказывать сопротивление любым тенденциям уравнилельного подхода к классовому обществу (это называли тогда «уравниловкой»). Их преданность классовым интересам была настолько неприкрытой и общеизвестной, что вынудила делегата от штата Пенсильвания Джеймса Уилсона посетовать на то, что приходилось выслушивать слишком много рассуждений о единственной и главной цели власти — собственности. Воспитание и совершенствование человеческого разума, продолжал он, было самой благородной темой, которая не вызвала возражений ни у кого из его коллег, выступавших в ходе дискуссий.

Если авторы Конституции и стремились ограничить власть путем использования системы «сдержек и противовесов», то, судя по всему, их главной заботой было ограничение власти народных масс при одновременном увековечивании власти собственного класса. Они, по-видимому, придерживались «реалистичного» мнения о хищнической природе человека и охотно излагали подобного рода взгляды, говоря о простом народе. Однако у них образовались весьма оптимистические представления о мотивации действий представителей собственного класса, который, по их мнению, состоял преимущественно из добродетельных людей с «принципами и собственностью».

По словам Мэдисона, богатые люди («фракция меньшинства») не способны принести в жертву права других граждан или поставить под угрозу институты собственности, богатства и беспрепятственного пользования ими, что, в глазах авторов Конституции, составляло главную сущность «свободы»^[109].

В целом Конституция сознательно замышлялась как консервативный документ, продуманно обеспеченный системой сдержек со стороны меньшинства с целью противодействовать давлению «приливов» и «волн» со стороны народных масс. В ней были предусмотрены специальные положения для класса рабовладельцев. Она обеспечивала широкие полномочия по созданию государственных служб и механизмов защиты, необходимых для нарождающейся буржуазии. Для авторов Конституции свобода означала нечто отличное от демократии. Она означала свободу вложения капитала, спекуляций,

торговли и накопления богатства без какого-либо вмешательства простого народа.

Гражданские свободы, предназначенные для того, чтобы дать всем гражданам право принимать участие в общественных делах, получили слабую поддержку делегатов. Когда полковник Мэйсон предложил создать комитет для подготовки Билля о правах, что заняло бы всего несколько часов, другие участники Конвента, немного подискутировав, почти единогласно проголосовали против этого предложения.

Если Конституция несла на себе печать детища элиты, то как она могла быть ратифицирована? В большинстве штатов против нее сформировалась сильная оппозиция. Но превосходство богатства, организованности и контроля со стороны людей с административным ресурсом и прессы позволило богатым монополизировать Конвент в Филадельфии, и на этот раз им удалось провести успешную кампанию ратификации Конституции. Сторонники идеи федерации использовали против оппонентов взятки, запугивание и жульничество. Более того, Конституция никогда не подвергалась процедуре всенародного обсуждения и голосования. Ратификация проходила на созванных в штатах Конвентах с делегатами, избранными, в основном, из того же слоя богатых людей, что и авторы Конституции. Избиратели же этих делегатов сами отбирались, как правило, на основании имущественного ценза^[110].

Демократические уступки

Несмотря на все эти антидемократические особенности, с исторической точки зрения Конституция все-таки имела прогрессивный характер. Обратимся к следующим положениям^[111]:

Само существование писаной Конституции с конкретными ограничениями полномочий представляло собой продвижение вперед по сравнению с более автократическими формами правления.

В отличие от положения в Англии и большей части других стран от лица, занимающего государственную должность, не требовалось соответствовать какому-либо имущественному цензу. Для всех государственных служащих были предусмотрены должностные оклады, то есть была отвергнута повсеместная до этого практика, считающая исполнение обязанностей на государственной должности безвозмездной службой. Такую службу могли нести только очень богатые люди.

Президент и члены Законодательного собрания штатов избирались в должности на ограниченные сроки. Никто не мог претендовать на пожизненный срок пребывания на любой выборной должности.

Статья 6 Конституции гласит: «Отныне в Соединенных Штатах не требуется никакого установления вероисповедной принадлежности в качестве ценза при избрании или назначении на любую государственную или общественную должность» — положение, которое представляло собой явный шаг вперед по сравнению с конституциями ряда других государств, которые запрещали католикам, евреям и неверующим занимать официальные должности.

Законы о лишении прав состояния и лишении имущества, то есть практика объявления Законодательным собранием конкретного лица или группы лиц виновными в преступлении или нарушении закона без судебного разбирательства, отныне признаны неконституционными. Также были отменены законы с обратной силой, то есть практика объявления каких-либо действий незаконными и наказания за них лиц, которые совершили эти действия *до того*, как они были признаны незаконными.

Сторонники новой Конституции признали своей тактической ошибкой факт невключения в нее Билля о правах (десять первых

поправок к Конституции) и приняли на себя обязательство незамедлительно принять такой закон как условие ратификации Конституции. Поэтому на первом заседании Конгресса первые десять поправок были приняты, а в дальнейшем их приняли и штаты. Эти поправки вводили ряд гражданских прав, в частности свободу слова и исповедания, свободу мирных собраний и подачи петиций с целью удовлетворения жалоб, право ношения оружия, свободу от необоснованных обысков и арестов, свободу от самообвинения, запрет дважды привлекать к уголовной ответственности за одно и то же преступление, запрет на жестокие и необычные наказания, запрет чрезмерных по сумме поручительств и штрафов, право на справедливый и беспристрастный суд, а также другие процессуальные гарантии.

Билль о правах также запрещал Конгрессу оказывать государственную поддержку любой религии. Религия была отделена от системы власти и могла получать поддержку только со стороны поборников веры, а не налогоплательщиков. Однако последнее ограничение впоследствии на практике часто нарушалось.

Конституция укрепила национальную независимость, она стала победой республиканской формы правления над британским империализмом. Конституция гарантировала установление республиканской формы правления и открыто отвергала монархию и аристократию. Об этом было заявлено в статье 1 раздела 9: «В Соединенных Штатах Америки государство не будет присваивать никаких дворянских званий и титулов». По признанию делегата от штата Мэриленд Джеймса МакГенри по меньшей мере 21 делегат из общего числа 55, высказали свое предпочтение системе власти в какой-либо форме монархии. Однако только некоторые решились на какие-то шаги в этом направлении из опасения протестов народа. Более того, такие делегаты, как Мэдисон, полагали, что стабильность их классового порядка будет лучше обеспечиваться республиканской формой правления. Для буржуазии пришло время править напрямую, без пагубного вмешательства королей и знати.

В ряде обстоятельств в ходе Конвента в Филадельфии собравшиеся там представители, опасавшиеся и не склонные принимать демократию, сочли необходимым продемонстрировать свое уважение настроениям народа (как, например, в случае согласия на прямые выборы Нижней палаты Конгресса). Если авторы Конституции

собирались добиться ее одобрения штатами и сделать новую форму правления устойчивой, Конституция должна была завоевать народную поддержку. Несмотря на то что делегаты и их социальный класс имели значительное влияние на события 1787 — 1789 годов, они все-таки были далеко не всесильными. То классовое устройство общества, которое они хотели сохранить, само было причиной устойчивого противодействия народа.

Захваты земли бедной частью населения, мятежи из-за нехватки продовольствия и другие общественные беспорядки с применением насилия происходили на протяжении XVIII столетия почти во всех штатах и в прежней колонии. Подобные брожения народа укрепляли намерение авторов Конституции создать сильную централизованную систему правления. Но это же намерение устанавливало предел тому, что они могли сделать. Делегаты не сделали ничего в интересах народа, скорее — как это было с Биллем о правах — они очень неохотно пошли на демократические уступки, да и то — под угрозой восстания народа. Они сопротивлялись, как могли, и неохотно уступили лишь в том, что, по их мнению, сделать было просто необходимо, и не из любви к демократии, а из страха перед ней, и не из любви к народу, а из благоразумного желания избежать нарушений общественного порядка и мятежей. Поэтому Конституция была результатом не только классовых привилегий, но и классовой борьбы, которая продолжается и усиливается по мере роста корпоративной экономики и усиления системы власти.

5.

Рост корпоративного государства

Обычно широко пропагандируется мысль о том, что правительство Соединенных Штатов Америки является нейтральным арбитром, возвышающимся над обществом, свободным от классовых антагонизмов, которые осаждают общество в других странах. Правда состоит в том, что наша история была отмечена напряженной и зачастую ожесточенной классовой борьбой, и в этих конфликтах правительство подчас занимало далеко не беспристрастную позицию, а действовало в основном на стороне большого бизнеса.

На службе у бизнеса — ранние годы

Господство высшего класса в общественной жизни страны, так характерное для поколения отцов-основателей, продолжалось в течение всего XIX столетия. Однако уже в 1816 году Томас Джефферсон выражал недовольство «плутократией корпораций, которые... бросают вызов законам нашей страны»^[112]. На протяжении 1830-х годов, названных периодом «Джексоновской демократии» или, по общему мнению, «эрой простого человека», финансовые воротилы оказывали господствующее влияние на дела нации. Ключевые назначенцы президента Эндрю Джексона почти поголовно были выходцами из числа богатых, и его политика в вопросах торговли, финансов и использования правительственных земель отражала интересы этого класса^[113].



В 1845 году в Нью-Йорке, Балтиморе, Новом Орлеане, Сент-Луисе и других крупных городах 1% самых богатых людей владел львиной долей богатства, в то время как треть всего населения жила в условиях крайней нужды. Нищета и скученность населения вызывали вспышки холеры и эпидемии тифа, когда богатые покидали города, а бедные оставались и умирали. Многие из обнищавших людей пристрастились к алкоголю и наркотикам (в основном — к опиуму). Сообщалось, что в некоторых районах было больше наркоманов, чем алкоголиков. Девушки-подростки трудились с шести утра до полуночи за мизерную зарплату. Дети девяти- и десятилетнего возраста напряженно работали в рабочие смены, длившиеся по четырнадцать часов, и засыпали прямо у машин. Они страдали от недоедания и болезней^[114]. В речи перед участниками конференции «Механизация производства и рабочий класс» в 1827 году один рабочий жаловался: «Нас угнетают со всех сторон, мы тяжело работаем, производя все необходимое для удобной жизни других, а сами получаем за это мизерную зарплату»^[115].

Во время трудовых конфликтов в промышленности «первый народ страны» (американские индейцы) отважно боролся против экспроприации своих земель и уничтожения своих людей — процесса, который начался с появлением в начале XVII века первых европейских поселений и продолжился резней мужчин, женщин и детей племени сиу, которую совершили федеральные войска в 1890 году в поселке Вундед-Ни.

Прибыли корпорации

Вопреки официальной точке зрения о том, что в стране не было классовых конфликтов, классовая борьба в Америке в XIX веке «имела такой же ожесточенный характер, как и во всем остальном индустриальном мире»^[116]. После sporadических бунтов и забастовок первых десятилетий века, в 1870 году произошли забастовки железнодорожных рабочих, за которыми последовали восстания фермеров и крупные забастовки в промышленности в период с 1880-1890-х годов.

Эту борьбу характеризовала высокая организованность и иногда даже революционный дух, она охватила сотни тысяч человек.

В битве между трудом и капиталом гражданские власти неизменно вмешивались в конфликт и занимали сторону класса собственников, используя полицию, военизированные формирования штата и федеральные войска для подавления беспорядков и разгрома забастовок. Уже в 1805 году, когда восемь рабочих обувных предприятий из Филадельфии были отданы под суд «за объединение и заговор с целью добиться повышения заработной платы», работодатели использовали суд для того, чтобы заклеить профсоюзы как заговорщиков против собственности и Конституции^[117].

На протяжении XIX века и большей части XX столетия полиция, военизированные формирования штата, вооруженная охрана частных предприятий и федеральные войска неоднократно нападали на рабочих, забастовщиков и других протестующих, убивая сотнями, избивая, нанося ранения и бросая тысячами в тюрьмы. В 1886 году полиция Чикаго на площади Хей-Маркет-сквер убила по меньшей мере двадцать демонстрантов и ранила около двухсот в ответ на брошенную в их ряды бомбу (погибло семь полицейских). Четыре лидера анархистов, из которых ни один не присутствовал на месте происшествия, были осуждены и повешены за подстрекательство к такого рода действиям. В том же году тридцать рабочих сахарных заводов из числа афроамериканцев были убиты в местечке Тибодо в штате Луизиана группой из военизированного формирования штата, состоящего из богатых горожан. Двух лидеров забастовщиков вытащили из тюрьмы и линчевали. В 1892 году вооруженные охранники, нанятые

сталелитейной компанией, убили девятерых бастовавших рабочих — сталелитейщиков в городе Хомстед в штате Пенсильвания. Забастовка была в конечном итоге разгромлена вооруженными формированиями, впоследствии названными Национальной гвардией. В 1894 году подразделения армии США убили тридцать четыре железнодорожных рабочих, объявивших забастовку против компании Pullman. В течение нескольких последующих лет были убиты десятки бастующих шахтеров-угольщиков.

В получившем широкую известность побоище в местечке Людлоу в 1914 году солдаты Национальной гвардии в штате Колорадо обстреляли палаточный городок шахтеров, бастовавших против компании, принадлежавшей семейству Рокфеллеров. При этом были убиты сорок человек, в том числе две женщины и одиннадцать детей. В 1919 году в штате Арканзас свыше сотни бастовавших сборщиков хлопка были убиты подразделением федеральных войск США и вооруженной группой богатых горожан. В 1915 году помощник шерифа в городке Эверетт, штат Вашингтон, убил одиннадцать и ранил двадцать семь членов объединения «Индустриальные рабочие мира» (IWW), протестовавших против ограничений на свободу слова. В 1932 году частная полиция Генри Форда открыла огонь по безработным заводским рабочим, застрелив при этом четырех и ранив двадцать четыре человека. В 1937 году полиция Чикаго открыла огонь по мирной демонстрации бастующих рабочих-сталелитейщиков, убив десять и ранив свыше сорока человек^[118].

Как видно из этого далеко не полного перечня, нет оснований верить заявлениям о том, что Соединенные Штаты избежали гражданских беспорядков, которые свирепствовали в других капиталистических странах. Начиная с местных шерифов и судей и до президента страны и Верховного суда, силы «закона и порядка» использовались для подавления «трудовых объединений» (профсоюзов). Промышленные бароны регулярно призывали себе на помощь солдат регулярной армии. В этих же целях в главных городах были созданы склады оружия^[119]. Поскольку гарнизонов регулярной армии, постоянно расположенных в промышленных зонах, не хватало, официальные лица в правительстве приняли меры «по созданию эффективного средства борьбы с радикальными движениями — Национальной гвардии»^[120].

Закон на службе бизнеса

То же самое федеральное правительство, которое ничего не предпринимало для борьбы с насилием, направленным против сторонников отмены рабства, и оказалось неспособно остановить нелегальную работорговлю, которая продолжалась вплоть до Гражданской войны, смогло направить отряды судебных приставов для прочесывания местности и поимки беглых рабов с целью возвращения их своим хозяевам. То же самое правительство, которое не смогло найти конституционных средств для ликвидации заражения продовольствия и очистки загрязненных водных источников, использовало федеральные войска для пресечения забастовок, убийства сотен рабочих и резни тысяч американских индейцев. То же самое правительство, у которого не нашлось и доллара для нищих (помощь бедным была полностью возложена на частную благотворительность) предоставило нескольким железнодорожным магнатам 21 миллион акров земли и государственных облигаций на \$51 миллион. Законодательные акты, направленные на запрещение монополизма и сговоров, препятствующих торговле, в XIX столетии использовались редко и только против профсоюзов.

Настаивая на том, что свободный рынок действует в интересах всего общества, большинство бизнесменов не строго соблюдали режим свободного рынка. Вместо этого они охотно прибегали к таким мерам протекционизма и поддержки, как тарифы, государственные субсидии, передача государственной земли в собственность, государственные займы, контракты и корпоративные уставы.

В Конституции ничего не говорится о корпорациях. И в первые десятилетия существования нового государства грамоты о присвоении статуса корпорации выдавались весьма редко и то со специальными целями и на определенный период, обычно на двадцать или тридцать лет. Корпорации не могли владеть акционерным капиталом в других корпорациях и иметь землю больше того количества, которое им необходимо для ведения бизнеса. Протоколы корпораций были открыты для ознакомления общественности, и законодательные органы штатов могли ограничивать назначаемые корпорациями тарифы и расценки. Со временем, по мере роста могущества класса

предпринимателей, все подобные инструменты демократического контроля были ликвидированы^[121].

В первой половине XIX столетия, используя закон о «суверенном праве государства отчуждать за компенсацию частную собственность», правительство забирало земли у фермеров и передавало их компаниям, строящим и эксплуатирующим каналы и железные дороги. При этом идея справедливой цены была заменена доктриной *caveat emptor* («Пусть покупатель будет осмотрителен»)^[122]. Когда рабочие погибали или получали увечья в результате опасных условий работы, работодатели не несли за это никакой ответственности^[123]. В конце XIX столетия еще больше общественного достояния было превращено в частную собственность. Миллионы долларов, собранные правительством «с потребителей и, более того, с... бедных наемных работников и фермеров», давшие огромный бюджетный профицит, были распределены между крупными инвесторами^[124]. Аналогичным образом миллиарды акров государственной земли, составлявшие почти половину нынешней площади континентальной части США, были переданы в частные руки.

«Это щедрое правительство передало своим друзьям или сообразительным людям, которые пришли первыми... все те сокровища угля и нефти, меди, золота и железа, участки государственной земли, площадки под строительство станций и портов, полосы отчуждения и отвода — щедрый дар, который до сегодняшнего дня представляет собой одно из чудес истории. Закон о тарифах 1864 года стал укрытием для субсидий и дальнейшей помощью новым отраслям тяжелой и перерабатывающей промышленности. Через законодательные органы был быстро проведен Закон об иммиграции, позволявший свободно ввозить в страну нанятую по контракту рабочую силу. Была усовершенствована национальная банковская система»^[125].

Поддерживая бизнес, правительство оставалось пассивным в отношении нужд простого народа, обращая недостаточно внимания на бедность, безработицу, небезопасные условия производства, детский труд и разграбление природных ресурсов. И все же борьба за

демократию продолжалась на протяжении всего XIX столетия. Набирало силу движение за избирательные права женщин. А профессиональные союзы неоднократно перегруппировывали свои поредевшие ряды для подготовки решительных сражений против промышленных монстров.

Важной победой, одержанной в ходе Гражданской войны, было поражение рабовладельцев Южных штатов и отмена законодательно разрешенного рабства. Период Реконструкции в штатах бывшей Конфедерации был одним из тех немногих периодов, когда власть федерального правительства при поддержке войск и при участии белых бедняков и бывших рабов, объединенных в союзы и отряды ополчения, была использована для провозглашения равенства прав для всех, предоставления гражданских и политических прав всем мужчинам вне зависимости от дохода, созыва народных ассамблей, введения более справедливых налогов, создания школ для бедных и проведения весьма ограниченной земельной реформы. Но как только капиталисты Севера положили конец периоду Реконструкции и объединились с олигархами Юга для борьбы против рабочих и фермеров, подавляющая часть демократических завоеваний периода Реконструкции была отброшена назад и страна смогла к ним вернуться, хотя бы в некоторой степени, только в следующем столетии^{[\[126\]](#)}.

Не настолько уж прогрессивная эра

В XX столетии интересы богатых по-прежнему были обращены к федеральному правительству в надежде получить от него то, что они сами для себя сделать не могли: подавление демократических сил и поддержку процесса накопления капитала. В период 1900 — 1916 годов, получивший известность как «Прогрессивная эра»^[127], по инициативе сильных и наиболее активных компаний в своих отраслях промышленности, вводилось регулирование цен и рынков. Эта политики затронула мясохладобойную отрасль, производство продуктов питания и медикаментов, банковское дело, лесную и горнорудную отрасли. Целью этих действий было увеличение нормы прибыли для крупных производителей, усиление их контроля над рынками и удаление мелких конкурентов^[128].

Те, кто занимал во время эры прогресса пост президента страны, были верными партнерами большого бизнеса. Теодора Рузвельта, например, называли «разрушителем трестов» из-за его случавшихся время от времени словесных выпадов против «злодеев — крупных капиталистов», однако его крупные законодательные предложения полностью отвечали пожеланиям корпораций. Он был враждебно настроен по отношению к профсоюзам и реформаторам; причем последним он насмешливо дал прозвище «разгребатели грязи», а магнатов бизнеса он приглашал в свою администрацию. Ни Уильям Хауарт Тафт, ни Вудро Вильсон — два других хозяина Белого дома того периода — не видели никаких особых конфликтных противоречий между своими политическими программами и целями крупного бизнеса^[129]. Демократ Вильсон резко высказывался против крупных корпораций, но деньги в фонд его избирательной кампании поступали от нескольких богатых жертвователей, и он так же тесно сотрудничал с партнерами и единомышленниками Морганов и Рокфеллеров, как и любой республиканец. «Прогрессивная эра» была не торжеством мелкого бизнеса над крупными корпорациями, как об этом часто говорилось, а победой крупного бизнеса в модернизации экономики, которую могло обеспечить только федеральное правительство»^[130].

Этот период был назван «Прогрессивная эра» благодаря принятию широко разрекламированного, но в значительной части неэффективного законодательства по контролю над монополиями; шестнадцатой поправки о введении прогрессивного подоходного налога; семнадцатой поправки о прямых выборах членов Сената Конгресса США, а также проведению весьма сомнительных реформ избирательного законодательства, в том числе введению избирательного бюллетеня, предполагающего многовариантный выбор избирателя, а также непартийных выборов. К 1915 году многие штаты приняли законы, ограничивающие продолжительность рабочего дня, а также предусматривающие компенсации рабочим за несчастные случаи на производстве. Несколько штатов приняли законы о минимальном уровне заработной платы, а в тридцати одном штате ввели в действие законодательство в отношении детского труда, которое ограничивало возраст найма детей на работу и продолжительность работы. В ряде отраслей промышленности рабочие добились восьмичасового рабочего дня и полуторной оплаты за сверхурочную работу.

Принятие и введение в действие этих нормативных актов было ответом на многолетние, почти вековой давности требования трудящихся. Они были силой вырваны у класса собственников в результате ожесточенной и нередко кровопролитной борьбы. Даже теперь условия труда оставались далеки от удовлетворительных. Стоит напомнить, что большая часть законодательных актов, принятых в ходе подготовки реформ, оказались нереализованными. «Реальные зарплаты трудящихся, то есть их способность купить определенный объем товаров и услуг, в 1914 году оказались ниже, чем в период 1890-х годов»^[131]. Для миллионов трудящихся рабочий день длился от двенадцати до четырнадцати часов при шести-, семидневной рабочей неделе. Согласно официальной правительственной статистике, два миллиона детей были вынуждены работать, чтобы дополнить доход своих семей.

Война и «красная угроза»

Первая мировая война еще больше сблизил бизнес с системой власти. Значительное число отраслей экономики было переведено на производство для военных нужд в соответствии с предложениями капитанов бизнеса — многие из них теперь возглавляли правительственные агентства, отвечавшие за мобилизацию в целях организации обороны^[132]. По состоянию на 1916 год миллионы людей работали за оплату, на которую невозможно было нормально содержать семью. Каждый год 35 000 человек погибали на производстве в результате слабой охраны труда, еще 700 000 человек по той же причине страдали от увечий, болезней, слепоты и других видов инвалидности, связанных с профессиональной деятельностью^[133].

Война помогла приглушить классовые конфликты в стране за счет отвлечения внимания людей на угрозу со стороны «варваров-Гансов» из Германии. Американцев призывали идти на жертвы ради усилий в войне. Забастовки рассматривались теперь как подрывное вмешательство в военное производство. Федеральные войска совершали налеты и проводили обыски в штаб-квартирах организации «Промышленные рабочие мира», бросали в тюрьмы рабочих, подозреваемых в симпатиях к радикалам. В 1918 году, когда война уже близилась к завершению, Конгресс принял Закон о подстрекательстве, которым были санкционированы судебные приговоры на срок до двадцати пяти лет тюрьмы за любое «нелояльное» мнение или пренебрежительное высказывание в отношении американского правительства, флага или Конституции США. Профсоюзным активистам, социалистам и анархистам выносили жесткие приговоры. В конце того же года Генеральный прокурор США Томас Грегори гордо заявил перед членами Конгресса: «Еще никогда за всю нашу историю в стране не поддерживался такой образцовый порядок»^[134].

Во время послевоенной, 1919 — 1921 годов, политической кампании под названием «красная опасность» федеральное правительство продолжало запрещать публикации радикального характера, издавало судебные постановления о запрете забастовок, жестоко расправлялось с забастовщиками, учиняло массовые аресты, высылки, изгнания, устраивало политические судебные процессы и

расследования в Конгрессе над политическими диссидентами. Общественное мнение обрабатывали мрачными историями о том, как большевики (русские коммунисты) уже готовы вторгнуться в Соединенные Штаты и как они убивали у себя в стране каждого, кто умел читать или писать или даже просто носил белый воротничок^[135]. Буржуазные лидеры по всему миру встретили революцию 1917 года в России как страшный сон наяву: рабочие и крестьяне свергли не только монархический режим царя, но и класс капиталистов, владевший заводами, полезными ископаемыми и большей частью земель царской империи. Государственный секретарь США Роберт Лансинг заметил по этому поводу, что революция послужила плохим примером простому народу других стран, включая народ Соединенных Штатов^[136]. В 1917 году вместе с Англией, Францией и одиннадцатью другими капиталистическими странами Соединенные Штаты вторглись в Советскую Россию в кровавой, но безуспешной трехлетней попытке свергнуть революционное правительство. Это была глава в истории, о которой большинство американцев никогда не слышали.

«Век джаза» 1920-х годов («ревущие двадцатые») был, как считается, периодом процветания. Множились биржевые спекуляции и другие махинации, позволяющие быстро обогатиться. Но основная масса населения жила в условиях острой нужды, зачастую испытывая недостаток в самом необходимом. В 1928 году конгрессмен Фьорелло Лагуардия рассказал о своем посещении бедных районов Нью-Йорка: «Я признаю, что не был готов к тому, что мне пришлось увидеть. Кажется почти невероятным, что такая бедность может быть реальной»^[137]. И в дополнение ко всему крах фондовой биржи 1929 года дал сигнал крупнейшего разрушения производительных сил, возвестившего о наступлении Великой депрессии.

«Новый курс» — тяжелые времена и жесткие реформы

Великая депрессия 1930-х годов принесла нарастание голода, нужды и безработицы. В первые четыре года депрессии пятнадцать миллионов тружеников потеряли свои рабочие места и миллионы людей потеряли пенсионные сбережения. В то время не существовало национальной системы страхования по безработице, было мало программ пенсионного обеспечения. Были лишь благотворительная деятельность и очереди за супом. Те удачливые, кому повезло сохранить работу, оказались перед фактом растущего ухудшения условий работы:

«Широко практиковались потогонная система производства, сокращение рабочей недели, снижение зарплат, увольнение высокооплачиваемых работников и замена их теми, кто согласен работать за меньшую оплату, приходилось работать на изношенном и опасном машинном оборудовании при значительном снижении уровня безопасности и охраны труда. На предприятиях был настолько плотный контроль за поведением работников, что никто не допускал никаких разговоров, кроме вопросов по работе и производственного инструктажа. Нельзя было спросить в отношении вычетов из зарплаты. Практиковались избиения работников детективами — штрейкбрехерами и охранниками предприятия, а также принуждение к согласию на проведение обысков дома людьми компании в целях поиска украденных на производстве изделий»^[138].

Сенатор Хьюго Блэк заметил в 1932 году: «Труд постоянно оплачивают недостаточно, а капиталу переплачивают. Это является одной из главных причин нынешней депрессии... Вы не можете заставлять промышленных рабочих голодать и одновременно — зависеть от результатов их труда как покупатели»^[139]. Даже банкир Фрэнк Вандерлип признал: «Капитал удерживает слишком много, а

рабочие не получают достаточной оплаты для покупки причитающейся им доли производимого продукта»^[140]. Однако большинство представителей плутократии возлагали ответственность за депрессию на ее жертвы. Так, например, миллионер Генри Форд сказал, что кризис возник из-за того, что «средний рабочий фактически не выполнял своего ежедневного задания... Есть много различной работы для людей, если бы они хотели ею заняться». Спустя несколько недель Форд уволил 75 тысяч рабочих^[141].

В период, когда треть нации недоедала, была плохо одета и жила в скверных условиях, а другая треть едва ухитрялась сводить концы с концами, по стране прокатывался бурный шквал забастовок, в которых принимали участие сотни тысяч рабочих. В период между 1936 и 1940 годами недавно созданный Конгресс производственных профсоюзов (СЮ) включал миллионы рабочих и добился больших достижений в повышении заработной платы и улучшении условий работы. Эти победы удалось завоевать только после длительной борьбы, в ходе которой многие тысячи рабочих протестовали — они занимали рабочие места на фабриках — были уволены, занесены в черные списки, избиты или арестованы; сотни других были ранены или убиты полицией, солдатами и охранниками компаний^[142]. Завоевания были настоящими и несомненными. Но они дались дорогой ценой.

Первый из двух сроков пребывания у власти правительства президента Франклина Рузвельта называли «Новым курсом», то есть эрой, которая, как верили многие, принесет большие преобразования в интересах «простого человека». На самом деле основным направлением «Нового курса» было восстановление бизнеса, а не социальные реформы. В первую очередь была создана Национальная администрация восстановления (NRA), сформировавшая органы по соблюдению «кодексов честной конкуренции» в экономике, куда вошли представители ведущих корпораций в каждой отрасли промышленности. Задача этих органов состояла в ограничении объемов производства и установлении минимального уровня цен, что в конечном счете оказалось более выгодным крупным корпорациям, чем их мелким конкурентам^[143]. Стремясь стимулировать производство, только Корпорация финансирования реконструкции выдала займов большому бизнесу на сумму \$15 миллиардов.

Федеральная программа по жилищным вопросам стимулировала частное строительство жилья, выдавая субсидии строительным фирмам и поддерживая ипотечные банки программой страхования займов. Все это не принесло особых выгод многим миллионам людей с плохими жилищными условиями. Мероприятия «Нового курса» в сельском хозяйстве за счет поддержки правительством цен и сокращений объемов производства также были выгодны только крупным агропроизводителям. Многие фермеры-арендаторы и издольщики были лишены обрабатываемой земли в результате введения в действие новых федеральных программ арендной платы, за счет которых земли сельскохозяйственного назначения стали выводиться из производственного использования^[144].

Столкнувшись с массовыми волнениями населения, правительство разработало программу помощи, несколько смягчившую особо острую нужду. Но, как только «Новый курс» перешел к мерам, которые угрожали частным предприятиям конкуренцией и ослаблением позиций предприятий с низкой заработной платой за труд, бизнес перестал оказывать поддержку правительству и занял открыто враждебную позицию. Это приводило Рузвельта в ярость, так как он считал, что принимает меры по спасению капиталистической системы. В то же время оппозиция его действиям со стороны бизнеса укрепила в общественном сознании его имидж реформатора.

Несоответствие между представлениями о «Новом курсе» в общественном сознании и его действительными результатами остается одним из не до конца оцененных аспектов эры президента Рузвельта. Например, Гражданский корпус охраны природных ресурсов (ССС) предоставлял работу за очень низкую зарплату, практически на уровне пропитания, трем из 15 миллионов безработных. В точке кульминации Управление общественных работ (WPA) обеспечивало работой почти 9 миллионов человек, хотя зачастую работа имела непостоянный характер и была непродолжительной и за совершенно неадекватную заработную плату. Из 12 миллионов рабочих, зарабатывавших менее 40 центов в час, только около полумиллиона имели минимальный уровень заработной платы, определенный Законом о минимальной заработной плате. Действие Закона о социальном страховании 1935 года распространялось лишь на половину населения. Закон обеспечивал мизерную месячную зарплату без медицинского страхования и

компенсаций по болезни перед выходом на пенсию. Аналогичным образом страхование по безработице распространялось только на тех, кто имел длительный стаж работы по определенным специальностям. Условия реализации этих положений оставались полностью на усмотрении штатной администрации, которая была вправе установить любые ограничения^[145].

Несмотря на то что правительственные программы явно не отвечали потребностям бедняков, они приобрели широкую известность и способствовали смягчению недовольства в обществе. Как только угроза политических волнений ослабевала, федеральная помощь сокращалась и большое число обездоленных людей выталкивалось с рынка труда, уже и так забитого до отказа безработными^[146].

Налоговая политика администрации Рузвельта фактически была продолжением программ предшествующего президента Гувера с ее щедрыми поблажками для бизнеса. Когда налоги повысились из-за необходимости компенсировать военные расходы, связанные со вступлением страны во Вторую мировую войну, главную тяжесть этого бремени приняли на себя классы со средними и низкими доходами, которых до этого никогда не облагали подоходными налогами^[147].

Однако все это не отменяет того факта, что в ответ на сильное брожение в народе и угрозу его широкой радикализации, администрация президента Рузвельта ввела ряд реальных демократических мер. В частности, ввела давно назревшее законодательство по социальному обеспечению, осуществила ряд крупных проектов по охране природы, рациональному природопользованию и таким общественно-необходимым проектам, как программы электрификации сельской местности в большом числе обедневших районов и сокращение безработицы с 25 до 19%. Политика «Нового курса» позволила создать миллионы новых рабочих мест для безработных в секторе общественных работ, построить по всей стране новые или улучшить действующие дороги, возвести тысячи новых школ, автомобильных парковок, мест отдыха и развлечений, спортивных площадок и аэропортов. Гражданский корпус охраны природных ресурсов обустроил 52 000 акров площадок для проведения общественных мероприятий, построил свыше 13 000 временных дорог и восстановил почти 4000 исторических памятников. Работники Корпуса заселили водные пространства рек и каналов миллионами рыб,

участвовали в улучшении работы службы пожарной охраны, борьбе с грызунами и сельскохозяйственными вредителями, охране и рациональном использовании водных ресурсов и борьбе с почвенной эрозией. За счет мероприятий «Нового курса» были построены сотни больниц, почтовых отделений, мостов, дамб (которые тогда считались полезными сооружениями) и зданий судов. А тысячам безработных писателей, артистов, музыкантов и художников была оказана скромная поддержка и предоставлена возможность скрасить жизнь людей, лишенных культурного досуга.

До введения «Нового курса» власти охотно разваливали профсоюзы запретительными решениями судов, крупными штрафами и жесткими репрессиями. При «Новом курсе» был принят ряд законов, закрепляющих права трудящихся на объединение и коллективное ведение переговоров. Закон Норриса — Лагуардии серьезно ограничил использование судебных запретов и поставил вне закона принудительное заключение трудовых контрактов с обязательством работника не вступать в профсоюз («контракты желтой собаки»). Другие законодательные акты наложили запрет на корпоративные профсоюзные организации, контролируемые руководством компаний. Вероятно, самым важным законом «Нового курса» о труде стал Национальный закон о трудовых отношениях (1935), на основании которого было создано Национальное управление по трудовым отношениям с широкими полномочиями по надзору за регистрацией профсоюзов и наказанию работодателей, нарушающих права трудящихся на объединение в профессиональные союзы. Отныне у рабочих появился федеральный закон, гарантирующий их право на объединение в профсоюз. Такое законодательство было реакцией власти на рост профсоюзного движения и нарастание его боевого духа и одновременно стимулом в этом плане для профсоюзов^[148]. Однако период «Нового курса» едва ли можно считать эпохой великих достижений народа. Народ был готов идти гораздо дальше Рузвельта и, вполне вероятно, он принял бы национализацию банковской системы, менее скупые и более обширные программы, направленные на создание новых рабочих мест и системы медицинского обслуживания. В том, что касается отмены сегрегации, запрещения расовой и религиозной дискриминации при продаже домов и сдаче квартир, приеме на работу, в области избирательных прав для чернокожих американцев,

запрещения самосуда или линчевания, — в этом отношении «Новый курс» не сделал ничего. Чернокожие американцы были исключены из работ, проводимых правительственным Гражданским корпусом охраны окружающей среды. Они получили меньше государственной помощи, пропорционально их числу в составе населения. Им зачастую платили меньше установленной законом минимальной заработной платы^[149].

После вступления Соединенных Штатов Америки во Вторую мировую войну в декабре 1941 года коэффициент загрузки промышленного оборудования предприятий более чем удвоился. Почти все из 8,7 миллиона безработных были или призваны на службу в Вооруженные силы, или возвращены обратно на предприятия в состав рабочей силы вместе с еще 10 миллионами новых работников, в основном — женщинами. Валовой национальный продукт, составлявший в 1940 году \$88 миллиардов, за несколько лет быстро вырос до \$135 миллиардов. Среди тех, кто извлек из всего этого наибольшую выгоду, были промышленные магнаты и поставщики вооружений. США смогли значительно сократить уровень безработицы только за счет вступления в войну и сохранения в дальнейшем военного характера экономики. Правящие политические и экономические элиты были готовы на широкомасштабные военные расходы, влекущие за собой смерть людей в военное время, на которые они бы никогда не пошли в целях оказания помощи людям в мирное время.

В целом вмешательство правительства в дела экономики было не выдумкой вашингтонских бюрократов, а отражением растущей концентрации производства и богатства. Наряду с большим числом мелких трудовых конфликтов, которые разрешались с участием местных властей, нарастала и широкомасштабная классовая борьба, сдерживать которую приходилось центральной государственной властью. Процесс роста и усиления федеральной власти, начало которому положили создатели Конституции с целью обеспечения гарантий интересов класса собственников, продолжался нарастающими темпами на протяжении всего XIX и XX столетий. Власть предоставляла инструменты регулирования, субсидии, услуги и защиту, которую бизнес сам себе не мог обеспечить. Корпоративная экономика нуждалась в корпоративном государстве.

В то время как общество завоевывало формальные права для участия в делах государства в качестве избирателей, государство со

своими судьями, судами, полицией, армией и бюрократическим аппаратом оставалось в основном в распоряжении класса богатых. Законы переписывались и приспособлялись для того, чтобы лучше служить капиталу и ограничивать возможности трудящихся сопротивляться и давать отпор. Однако трудящиеся располагали определенными собственными возможностями, в особенности по срыву и созданию угрозы процессу накопления капитала посредством забастовок и других актов протеста и сопротивления. Брожение в обществе вынуждало класс собственников и государство идти на уступки. Такие победы по результатам нельзя сравнить с массированными атаками на капитализм, но они все-таки представляли собой весьма важные демократические достижения трудящихся.

6.

Политика — кто что получает?

К началу Второй мировой войны бизнес и система власти оказались сильно взаимно переплетены. Занимая посты в системе власти, руководители бизнеса получали возможность устанавливать условия военного производства, замораживать заработную плату и позволять прибылям стремительно расти^[150]. Сразу же после окончания Второй мировой войны тысячи единиц принадлежащего правительству оборудования, технических средств и различных сооружений были распроданы как «излишки военного имущества» за ничтожную часть их реальной цены. Это явилось крупной передачей государственных основных фондов частному бизнесу. Начиная с 1950-х годов и по настоящее время последовательно сменяющие друг друга у власти демократические и республиканские правительства поддерживают систему частного предпринимательства субсидиями, налоговыми льготами и программами военных закупок, которые превратили экономику Соединенных Штатов Америки в систему перманентного военного производства. В противовес системе власти, исповедовавшей принцип невмешательства государства в экономику и допустившей упадок бизнеса во время Великой депрессии, в США сложилось корпоративное государство, которое играет возрастающую роль в поддержании процесса накопления капитала.

Благодеяние для богатых

В период 1950-х годов правительство Эйзенхауэра стремилось упразднить, по определению консерваторов, «ползучий социализм» политики «Нового курса» посредством передачи корпорациям активов стоимостью около \$50 миллиардов, включающих офшорные месторождения нефти, а также государственные заводы синтетического каучука, участки земли и электростанции, в том числе атомные. В течение этого периода федеральное правительство построило сеть скоростных шоссе между штатами стоимостью во много миллиардов долларов, которая обеспечила инфраструктуру для автотранспортной и автомобилестроительной отраслей экономики.

Схема, согласно которой государственные финансовые средства и ресурсы направляются для субсидирования частных предприятий, продолжает применяться и сегодня. Каждый год федеральное правительство выделяет в качестве государственных «пособий» корпорациям от \$125 до \$167 миллиардов (по разным оценкам). Это могут быть: исключения из налогообложения, отсрочки от уплаты налога, установления пониженных налоговых ставок, повышенных списаний амортизационных отчислений, правительственная поддержка цен, гарантии по займам и кредитам, платежи своей продукцией, предоставление грантов на научно-исследовательские работы, субсидирование ставок страховых премий, маркетинговые услуги, экспортные субсидии и программы ирригации и мелиорации земель [\[151\]](#).

Правительство сдает в аренду или продает на миллиарды долларов нефти, угля и минеральных ресурсов по ценам, составляющим часть реальной рыночной стоимости. Оно теряет сотни миллионов долларов, не собирая арендные платежи и лицензионные отчисления, процентные выплаты и штрафные санкции с гигантских нефтяных компаний. Правительство без необходимости выплачивает огромные суммы процентных ставок по займам и кредитам. Оно оставляет миллиарды долларов государственных средств на счетах в частных банках, не взимая за это процентных отчислений. Оно терпит завышение цен со стороны компаний, с которыми сотрудничает, предоставляет крупным компаниям долгосрочные кредиты и тарифную защиту. Правительство

выплачивает миллиарды долларов в качестве компенсации расходов по слиянию крупным корпорациям, на которых размещает военные заказы. Правительство бесплатно раздает частоты для радио- и телевидения на сумму \$37 миллиардов вместо того, чтобы сдавать их в аренду или продавать с аукциона. Этот объем частот для телерадиовещания почти в пять раз превышает объем частот, который крупные вещательные и телевизионные сети контролировали ранее^[152].

Каждый год федеральное правительство теряет десятки миллионов долларов на сборах ниже стоимости с владельцев скотоводческих хозяйств за использование пастбищ на площадях свыше 20 миллионов акров государственных земель. Среди этих владельцев оказываются миллиардеры, крупные нефтяные компании, страховые конгломераты. За последние 50 лет государственные субсидии на сумму по меньшей мере в \$100 миллиардов были направлены в атомную промышленность, а многие результаты финансировавшихся государством научно-исследовательских работ попали прямо в руки корпораций. При этом ими не было уплачено государству ни цента в качестве авторского вознаграждения или платы за лицензию. Компании добывают на государственных землях ценные минералы и металлы, не внося арендную плату за разработку недр или приобретая права на покупку земельного участка за номинальную цену^[153].

Служба охраны лесов США построила на государственных лесных угодьях почти 400 000 миль подъездных дорог, что в восемь раз больше протяженности системы федеральных автомагистралей между штатами. При использовании этих дорог лесопромышленными компаниями для лесозаготовок могут возникать обширные грязевые оползни, которые загрязняют водные ресурсы, оказывают пагубное влияние на нерестовые реки и приводят к гибели людей. После полной вырубki лесных участков правительство заново сажает деревья, что ежегодно обходится налогоплательщикам в дополнительные миллионы долларов.

Управление международного развития (US AID) правительства США за последнее десятилетие потратило \$1 миллиард из средств налогоплательщиков на то, чтобы помочь компаниям в переводе рабочих мест из США в страны с более дешевой рабочей силой. Управление AID предоставляло компаниям займы под низкий процент, освобождало от уплаты налогов, предоставляло средства на

транспортные расходы, профессиональную подготовку персонала и рекламу. Кроме того, оно передавало компаниям так называемые «черные списки», то есть перечни членов и сторонников профсоюзов в различных странах, чтобы дать возможность компаниям заблаговременно исключить их из состава рабочих на своих предприятиях.

Каждый год владельцам крупных сельскохозяйственных предприятий по производству фуражного зерна, пшеницы, хлопка, риса, сои, молока, шерсти, табака, арахиса и вина предоставляются субсидии на общую сумму \$5 — 6 миллиардов. Сравнительно небольшая доля субсидий идет мелким сельскохозяйственным производителям. Субсидии крупным коммерческим сельскохозяйственным предприятиям поощряют практику расточительного использования поливной воды, что влечет за собой увеличение стока в реки и заливы отходов с токсичным содержанием гербицидов, пестицидов и химических удобрений. По оценкам Управления общей бухгалтерской отчетности (GAO), предприятия агробизнеса, использующие лазейки в законодательстве для обхода предельных размеров субсидий, ежегодно получают свыше \$2 миллиардов необоснованных выплат по программам поддержки фермерских цен^[154].

Федеральное правительство поддерживало экспортеров чугуна, стали, текстиля, табака, бумаги и других товаров вместе с предприятиями железнодорожного, морского и авиационного транспорта. За период с 1940 по 1944 год правительство внесло 92% из \$3,7 миллиарда, инвестированных в самолетостроительные компании^[155]. Оно выделяет громадные суммы крупным компаниям в форме грантов и налоговых льгот для поощрения поисковых работ на месторождениях нефти. Несколько крупных нефтедобывающих компаний заключили контракты на аренду участков земли на Аляске с целью поисков месторождений нефти. Стоимость аренды земли составила \$900 миллионов, однако ожидается, что они дадут возможность получить \$50 миллиардов.

**НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ В ОЧЕРЕДИ
НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ ДАЖЕ
НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ В КАЧЕСТВЕ КОРПОРАЦИЙ**



Целые отрасли новых технологий развиваются за государственный счет — ядерная энергетика, электроника, авиация, средства космической связи, разведка полезных ископаемых, системы электронных вычислительных машин, биомедицинская генетика и другие отрасли — и только затем, чтобы потом передать результаты частным предприятиям. Так, корпорации American Telephone&Telegraph (AT&T) удалось получить в собственность целую спутниковую систему

связи, которая была передана под ее управление в 1962 году после того, как американские налогоплательщики затратили на ее создание первые \$20 миллиардов. Расходы были государственными, а доходы стали частными.

В условиях государственного корпоративного капитализма простой гражданин за большинство вещей платит дважды: вначале — как налогоплательщик, который предоставляет субсидии и финансовую поддержку, а затем — как потребитель, покупающий дорогостоящие промышленные изделия и услуги. Разработка многочисленных лекарственных препаратов, реализуемых на рынке фармацевтическими компаниями, была в основном или частично оплачена налогоплательщиками, которые не могут позволить себе купить их из-за высокой цены, даже если лекарство, возможно, и не было настолько дорогостоящим в процессе его разработки и производства.

Федеральные власти спасают испытывающие трудности частные предприятия, а штаты и местные власти раздают им помощь из общественных фондов

Миллиарды долларов налогоплательщиков идут на спасение таких гигантских корпораций, как Chrysler и Lockheed, а мелкому бизнесу предоставляется полное право тонуть или выплывать самостоятельно. Когда один из крупнейших банков страны Continental Illinois оказался на грани краха, он получил \$7,5 миллиарда федеральной помощи. Другие \$8,5 миллиарда пошли Международному валютному фонду для компенсации потерь, понесенных банками США от безнадежных кредитов, предоставленных странам «третьего мира». Правительство потратило миллиарды долларов «на спасение мексиканского песо», а фактически — для помощи богатым фирмам и банкам Уолл-стрит, которые сделали неудачные инвестиции в мексиканские долговые обязательства^[156].

В конце 1980-х и начале 1990-х годов правительство потратило свыше \$500 миллиардов на спасение ссудо-сберегательных ассоциаций (S&L). С отменой регулирования государством рынка сберегательных учреждений, введенного в практику с приходом администрации Рейгана, ссудо-сберегательные ассоциации получили право участвовать деньгами вкладчиков в любом рискованном инвестиционном проекте, зачастую с большой выгодой для себя и с уверенностью, что в случае неудачи или безнадежных долгов на помощь придет правительство. Во многих случаях ссудо-сберегательные учреждения направляли вложенные депозиты напрямую на персональные счета, на зарплату своим руководителям или на мошеннические сделки, нередко с участием криминальных структур и Центрального разведывательного управления (CIA) США^[157]. Когда сотни сберегательных учреждений лопнули, правительство компенсировало потери вкладчиков, 90% которых держали депозиты размером в \$100 000 и выше. Все это вылилось в крупнейшую операцию по спасению сберегательных учреждений и скандал в истории человечества. Больше всех понесли

ущерб простые налогоплательщики, которые платят за спасение ссудо-сберегательной ассоциации \$101 миллиард в год и будут продолжать выплачивать эту сумму в течение следующих 25 лет или даже дольше.

Правительство потратило миллиарды долларов на оказание помощи хеджевым фондам (частный взаимный инвестиционный фонд) в то самое время, когда Конгресс ужесточал правила для обычных граждан. Хеджевые фонды позволяют богатым избегать всякого регулирования при инвестировании денег в самые рискованные предприятия (в связи с высоким уровнем риска они предлагают и высокую норму прибыли). Когда инвестиционная операция проваливается, хеджевый фонд попадает под действие спасительного для него комплекса мероприятий по обеспечению стабильного функционирования финансовой системы. И снова «жирные коты» уходят с полной компенсацией, а налогоплательщики остаются со счетами на оплату^[158].

Правительства штатов и органы местного самоуправления также позволяют большому бизнесу кормиться у «государственного корыта». Они конкурируют друг с другом в привлечении к себе нового частного бизнеса и удержании уже действующего у них бизнеса. В 1999 году штат Пенсильвания предоставил \$307 миллионов норвежской машиностроительной компании, чтобы она открыла судостроительную верфь в Филадельфии. Штат Алабама выделил \$253 миллиона концерну Mercedes-Benz (в настоящее время Mercedes-Benz/Chrysler) на строительство сборочного завода, включая \$30 миллионов на создание учебного центра производственной подготовки, — и это в районе, где бесплатные государственные школы финансируются недостаточно и переполнены. Штат Северная Каролина ежегодно выделяет десятки миллионов долларов страховым компаниям и банкам. Штат Калифорния разрешал распространение в целях финансирования освобожденных от налогов облигаций таким гигантам, как Shell, Mobil, Chevron, PG&E, и другим транснациональным корпорациям. Город Нью-Йорк предоставил огромные налоговые льготы General Motors, Merrill Lynch, Disney и дюжинам других богатых компаний. В городах по всей стране налогоплательщиков вынуждали платить сотни миллионов долларов на строительство спортивных сооружений, в то время как владельцы профессиональных спортивных команд присваивали рекордные барыши^[159].

Правительства штатов и местные власти также предоставляют бизнесу займы под низкий процент, возможности безналоговых инвестиций, привилегии специальных зон и продажу участков земли по ценам ниже рыночных. Они регулярно отказываются от соблюдения требований охраны окружающей среды для того, чтобы привлечь бизнес. В городе Юджин (штат Орегон) корпорации предоставили \$12 миллионов на вырубку огромного участка гигантских исторических деревьев с целью сооружения на его месте автомобильной стоянки и жилых домов. Такие расходы оправдывают необходимостью создания новых рабочих мест. Однако новые рабочие места редко создаются в значительном количестве. Например, город Батон-Руж (штат Луизиана) предоставил компании Еххон налоговую льготу на \$14 миллионов в обмен на создание одного (по оценке самой компании Еххон) рабочего места. Штат Мичиган выделил компании \$81 миллион на строительство завода, на котором было создано только тридцать четыре постоянных рабочих места — то есть \$2,3 миллиона за одно рабочее место^[160].

Несколько сотен тысяч фирм каждый год незаконно не переводят миллиарды долларов отчислений в фонды социального страхования, удерживая налоги из зарплат своих рабочих и служащих. Сравнительно немногие подвергались судебному преследованию^[161]. Свыше сотни крупнейших коммунальных предприятий ежегодно начисляют налоги на ежемесячные счета своим клиентам, но, пользуясь системой списаний кредитов и лазейками в законодательстве, они получают возможность присваивать себе все, что собирают в виде налогов. В различных штатах законодательные органы одобрили продажи на многие миллиарды долларов облигаций и долговых обязательств, которые вынуждают налогоплательщиков спасать коммунальные компании, сделавшие инвестиции в строительство атомных электростанций^[162].

В общем, адвокаты свободного рынка, постоянно уговаривая бедных надеяться только на самих себя, первыми обращаются к власти на всех уровнях за помощью, мерами поддержки, специальными услугами и привилегированными протекциями.

Налоги — помощь богатым

Капиталистическое государство использует налогообложение и государственные расходы в качестве инструментов перераспределения доходов в направлении вверх. Если учесть все налоги на федеральном, штатном и местном уровнях, а также выплаты в систему социального страхования, выяснится, что люди с низкими доходами платят государству в процентном отношении больше (12,5% доходов), чем богатые (7,9% доходов)^[163]. Чем выше доход, тем больше возможностей сократить налогообложение или совсем уклониться от него, включая свободные от налогообложения облигации штатов и местных властей, а также специально разработанные списания с баланса.

В последние два десятилетия рост доходов от владения собственностью (дивидендов, процентов на капитал, арендных платежей) в три раза обгонял рост заработной платы. Богатые становились богаче, в то время как налоговая нагрузка на них возрастала в значительно меньшей степени. Налоговое управление США сообщает, что тысячи лиц, постоянно проживающих в стране и учитываемых в высшей налоговой категории, платят налоги в размере менее 5% дохода. В середине 1990-х годов почти 2400 человек из этой категории совсем не платили налогов, и их число с тех пор выросло^[164]. В 1991 году миллиардер Росс Перо, принимавший участие в президентских выборах, получил доходы от своих инвестиций на сумму \$285 миллионов, а заплатил федеральные налоги на сумму \$15 миллионов, что является довольно большой суммой, однако она составляет только 6% его доходов. В то же время школьная учительница с годовым окладом в \$35 000 может заплатить в виде федерального подоходного налога \$6500, то есть значительно меньше, чем Перо. Однако эта сумма составляет приблизительно 20% ее скромной зарплаты и не включает косвенные налоги (акцизы) и налоги штата, которые она также должна платить. Кроме того, необходимо принимать в расчет регрессивный принцип: чем выше категория доходов, тем ниже фактический уровень ставки налогообложения после вычетов и списаний.

Каждый год примерно дюжина или больше миллиардеров отказывается от американского гражданства и переезжает на Багамские острова или в другой офшорный налоговый «рай», экономя, таким образом, на подоходном налоге и налогах на недвижимость^[165]. (Им, однако, разрешается проводить 124 дня в году в США.) Многие из числа сверхбогатых людей используют различные хитрые уловки для того, чтобы уклониться от налога на прирост рыночной стоимости капитала (федеральный налог на доходы от продажи акций, земельных участков и других активов). В настоящее время основную часть налогов на прирост стоимости капитала платят более мелкие инвесторы, которые являются совладельцами паевых инвестиционных фондов^[166].

Корпорации также стали зарабатывать больше денег, а платить налогов меньше. Доля поступлений в федеральный фонд подоходного налога от корпораций упала с 50% в 1945 году до 8% в настоящее время. Суммарное падение доходов бюджета по этой статье компенсируется увеличением налогов на средний класс и трудящихся и за счет крупных правительственных заимствований. При расчете налогооблагаемой базы корпорации могут делать вычеты производственных расходов, непроизводительных затрат, расходов на зарплату, расходов на маркетинг, затрат на рекламу, расходов на деловые конференции и транспорт. Корпорации могут списывать затраты на деловые ужины, поездки и развлечения, меры по стимулированию капиталовложений, эксплуатационные потери, платежи в счет уплаты процентов и расходы на амортизацию. Они переводят прибыли в заграничные филиалы в странах с низким уровнем налогообложения. Они настолько изощренно укрываются в «налоговых убежищах», что правительственные контролеры нередко не всегда могут их обнаружить. Они несут расходы, связанные со слияниями и поглощениями, которые потом списываются как вычеты. А после этого они посылают лоббистов в Вашингтон, чтобы оказать давление на Конгресс для получения еще больших налоговых льгот. Результат оказывается таков, что в 1998 году такая компания, как General Motors, являющаяся крупнейшей корпорацией США, при заявленных прибылях в \$4,6 миллиарда, заплатила Налоговому управлению США менее 1% налогов^[167]. Если приобретенные служащими компании по льготной цене акции растут в цене, компания может рассматривать эти доходы как свои вычеты. Такой прием

позволил компании Cisco Systems, производящей коммутационное оборудование для Интернета, получить в 2000 году \$2,67 миллиарда прибылей и почти ничего не уплатить в качестве федерального подоходного налога. Компания Microsoft также произвела огромный вычет на сумму льготных акций своих служащих^[168].

Медиамагнат Руперт Мэрдок вообще не платит налогов за свои активы в США, хотя они составляют подавляющую часть его обширного богатства. Каждый год он перекачивает многомиллионные прибыли из США в свое дочернее предприятие на нидерландские Антильские острова — место, где фактически нет никаких подоходных налогов. Кроме того, те \$1,8 миллиарда, которые он заплатил за приобретение в США телевизионных станций, списаны с его счета прибылей, что сократило, таким образом, его налогооблагаемый доход^[169]. Фактически растущую медиаимперию Мэрдока помогает оплачивать Дядя Сэм.

Согласно американскому кодексу законов о налогообложении, свыше пятисот фирм, действующих в Пуэрто-Рико, переводят свои прибыли обратно в родительские компании в США, которые освобождены от уплаты налогов (Пуэрто-Рико — колония США, где почти две трети населения живут в бедности). Принадлежащие американцам судоходные компании в других странах освобождены от уплаты подоходных налогов в США. Заграничные прибыли американских корпораций, не переведенные в США, также освобождаются от уплаты налогов. Арендная плата за разработку недр и добычу нефти и минеральных ресурсов, которую американские фирмы платят за границей, у себя дома в США может рассматриваться как налоговый кредит. Кредит по налогам — это даже лучше, чем налоговая скидка. Снижение налогооблагаемой базы на \$5000 означает, что \$5000 вашего дохода могут рассматриваться как необлагаемая налогом сумма, что сэкономит вам \$1550 (при ставке налога в 31%). Кредит по налогам в \$5000 позволяет вычесть эту сумму из текущих налогов, которые вы должны заплатить, что дает экономию в \$5000. Налоги на разработку недр, которые платят Саудовской Аравии корпорации Exxon и Mobil за добычу нефти, рассматриваются как налоговый кредит и вычитаются из суммы налогов, которые эти компании должны были бы заплатить правительству США.

Работающая мать с двумя детьми, которая зарабатывает \$15 000, платит за год больше налогов, чем любая транснациональная корпорация. Корпорации хвастливо заявляют держателям акций о рекордных прибылях, но при этом свыше 60% корпораций США не платят подоходных налогов. Все это — данные из отчета Управления общей бухгалтерской отчетности США — контрольного органа, занятого проведением исследований по поручению Конгресса США^[170].

Некоторые утверждают, что обложение богатых более высокими налогами не даст налоговому ведомству существенного увеличения поступлений, поскольку число богатых относительно невелико. На самом деле если бы богатые люди и корпорации платили прогрессивный подоходный налог в 70%, как они это делали 20 лет назад, и при этом не использовали лазейки в законодательстве и налоговые укрытия, тогда можно было бы ежегодно дополнительно собирать сотни миллиардов долларов налогов и за счет этого быстро и существенно сократить государственный долг. Только вычеты из налогооблагаемой базы процентов по кредитам и займам, которых требуют корпорации, обходятся правительству почти в \$100 миллиардов в год недополученных доходов в бюджет. А это — не пустячные суммы.

В ответ на давление консервативных законодателей в Конгрессе Налоговое управление США сосредоточило усилия на самых бедных американцах и мелком бизнесе, уделяя меньше внимания богатым людям и крупным компаниям. В 1999 году из общего числа налогоплательщиков, зарабатывающих \$100 000 и более, аудиторской проверке подверглось только 1,1%, что на 11,4% меньше, чем пять лет назад. У подавляющего большинства трудящихся налоги взимаются непосредственно из платежной ведомости, и поэтому они лишены возможности недобросовестно составлять налоговую декларацию. Пониженное внимание налоговой службы создает больше возможностей для уклонения от уплаты налогов в основном для тех, кто получает доход от бизнеса и может разрабатывать достаточно сложные схемы ведения «бухгалтерии» своих доходов. Это относится и к ряду крупнейших мировых компаний. Однако Налоговое управление США существенно сократило объем аудиторских проверок корпораций^[171]. Оно обосновывает это тем, что богатые платят

крупные суммы налогов, поэтому их меньше подвергают аудиторским проверкам.

Недоброжелательные налоговые сокращения, несправедливые налоговые тарифы

Большая часть «налоговых реформ», предпринятых Конгрессом, преподносятся пропагандой как послабления для осажденного со всех сторон среднего класса, представители которого в основном относятся к категории налогоплательщиков с более высокими доходами. Таким образом, на каждый доллар налоговых сокращений, предоставленных 80% налогоплательщиков из «нижнего» дециля, Закон о снижении налогового бремени 1997 года предоставил одному проценту самых богатых налогоплательщиков \$1189. Фактически 60% самых бедных в результате принятия этого закона почти ничего не получили^[172]. Конгресс резко урезал скромные ассигнования на реконструкцию и ремонт старых школ для компенсации сокращений из-за снижения налоговой ставки средств для налогоплательщиков с самыми высокими доходами^[173]. Аналогичным образом «налоговый план для среднего класса» Конгресса в 2000 году предусматривал львиную долю сокращений для самых богатых^[174].

Налогообложение населения можно производить несколькими способами. *Прогрессивный подоходный налог* предусматривает существенно более высокую действующую ставку налога на богатых согласно принципу, что основная тяжесть налогов должна ложиться на тех, кто более всех способен платить. Таким образом, в 1980 году тариф подоходного налога для самых богатых составлял 70%, а для самых бедных — 18%. Такие тарифы не настолько уж велики, как могло бы показаться, поскольку они применялись не ко всей сумме дохода. Налог делился таким образом, что богатые платили по тарифу 70% только за самую «верхнюю» (читай «большую») часть своего дохода. Помимо этого они имеют право на различные вычеты из налогооблагаемого дохода.

Пропорциональный подоходный налог, или «единая ставка подоходного налога», предусматривает один и тот же тариф для всех — вне зависимости от индивидуальной возможности каждого платить налог. Сторонники такой политики налогообложения доказывали, что единая ставка подоходного налога вносит в налоговый кодекс простоту

и ясность. Вместо того чтобы богатые платили 70%, а бедные — 15%, что представляет определенную трудность для понимания, все будут платить 17% или что-нибудь около того. Такой подход к налогообложению якобы лучше понятен простому народу. Единая ставка подоходного налога понизит налогообложение богатых американцев и повысит его для всех остальных.

Те, кто защищает прогрессивный налог, считают единую ставку подоходного налога несправедливой, так как все платят по одному и тому же тарифу, и богатый человек платит более высокую сумму в долларах, а у бедного срезают мясо почти до костей. Если богатые и бедные платят по тарифу, например, 20%, тогда человек с доходом в \$10 000 выплачивает \$2000 налогов и ему остается на жизнь только \$8000, в то время как зарабатывающий \$1 000 000 выплачивает \$200 000, но у него остается \$800 000. Один доллар, изъятый у человека со скромными доходами, представляется ему более значительным изъятием, чем тысяча долларов для богатого. Кроме того, законопроекты о единой ставке подоходного налога будут касаться налогов и пенсий, а не дивидендов, процентов на капитал, доходов от прироста капитала, прибылей корпораций и крупных наследств^[175].

Регрессивная шкала налогов еще более несправедлива по сравнению с единой ставкой подоходного налога. По такой шкале самым высоким налогом облагают тех, кто получает меньше всех. Вместо уплаты налога всеми по единой тарифной ставке, богатые и бедные платят одну и ту же сумму налога. Когда дворник и руководитель высшего звена платят одинаковую сумму налога за галлон бензина, дворник жертвует значительно большей частью своего дохода, чем руководитель. Налог на продажи и акцизные налоги носят в высшей степени регрессивный характер^[176].

Некоторые консерваторы выступают за введение *национального налога с продаж* взамен подоходного налога. Это был бы самый регрессивный налог из всех возможных. Для того чтобы собрать средства такого же объема, как это сейчас позволяет сделать подоходный налог, нам пришлось бы платить налог с продаж в размере 30% на большую часть товаров. Это регрессивное бремя обошлось бы 90% семей в значительно большую часть их дохода, оставшегося после вычета налогов. При внесении своего предложения о введении национального налога с продаж сенатор Ричард Лугар признал

следующее: «Я допускаю, что если смысл налогообложения заключается в установлении пропорциональной шкалы или в так называемой справедливости и перераспределении доходов, тогда мой налоговый план едва ли вам понравится»^[177].

Некоторые законодатели выступают за введение *налога на добавленную стоимость*, который представляет собой более скрытую и сложную версию национального налога с продаж. Этот налог будет добавляться на каждой стадии производства и продаж (предпринимателям придется выполнять столько же бумажной работы, как и сейчас), а потребители будут оплачивать полный счет по завершении производственного процесса.

Далее, существует налог на недвижимость или на наследуемое имущество, который по своему характеру является прогрессивным налогом, поскольку он применяется только к наследству с общей стоимостью свыше \$1 миллиона. В предстоящем десятилетии наследникам самых богатых семейств в Соединенных Штатах, составляющим самый верхний 1% населения или около этого, предстоит унаследовать по меньшей мере несколько *триллионов* долларов. В 2000 году возглавляемый республиканцами Конгресс проголосовал за отмену налога на недвижимость, так что, в случае если бы президент Клинтон не наложил на это предложение вето, сверхбогатые получили бы дополнительно \$105 миллиардов в первые десять лет после введения закона Конгрессом, а затем еще \$750 миллиардов в течение десяти лет после его отмены. Большинство из них вошли бы в одну десятую часть уже упомянутого 1% населения^[178].

Налоги штатов и местных властей имеют еще более регрессивный характер. В сорока пяти из пятидесяти штатов 20% населения, представляющих самую бедную его часть, платят налоги по более высоким тарифам в штате и местных администрациях, чем самый богатый 1% населения. Например, в штате Вашингтон бедные платят 17,4% штатных и местных налогов, а богатые — только 3,4%. В штате Техас это соотношение составляет 17,1 к 3,1; в штате Коннектикут — 11,9 к 4,2.^[179] В начале 1990-х годов налог с продаж и акцизы штата в размере \$12 миллиардов были собраны с людей с пропорционально низкими доходами. К середине десятилетия штаты начали снижать свои

уровни подоходного налога, делая штатную налоговую шкалу еще более регрессивной.

Дефицитное финансирование и государственный долг

Когда государство расходует больше средств, чем получает доходов, это называется дефицитным финансированием. Для покрытия ежегодного дефицита бюджета государство берет деньги в долг у богатых граждан и у финансовых институтов в США и за рубежом. Накопление этих ежегодных дефицитов бюджета представляет собой государственный долг.

К 1940 году в условиях дефицитного финансирования политики «Нового курса» государственный долг вырос до \$43 миллиардов. Затраты на участие во Второй мировой войне довели долг до \$259 миллиардов. К 1981 году долг дошел до \$908 миллиардов. Консервативные государственные деятели, которые пели гимны сбалансированному бюджету, сами оказались среди тех, кто без оглядки предавался дефицитному финансированию. Правительство Рейгана за восемь лет (1981 — 1988) утроило государственный долг и довело его до \$2,7 триллиона. К началу 2000 года размер государственного долга взлетел до уровня свыше \$5,7 триллиона — эту сумму сегодняшнее поколение налогоплательщиков (а также их будущие поколения) должно богатым акционерам и финансовым институтам.

В 1993 году ежегодные выплаты федерального правительства на обслуживание государственного долга составили \$210 миллиардов. К концу десятилетия ежегодные выплаты по долгу достигли \$350 миллиардов. Росту государственного долга способствовали несколько следующих факторов.

Во-первых, миллиарды долларов налоговых сокращений богатым физическим лицам и корпорациям представляют собой потерянный доход, который компенсируют дальнейшими все возрастающими заимствованиями. Правительство безоглядно занимает деньги из тех же прибылей, которые оно должно было облагать налогом.

Во-вторых, на бюджет разрушительно действуют колоссальные военные расходы. За 20 лет военные расходы администраций президентов Рейгана — Буша составили \$3,7 триллиона. За 8 лет

администрация президента Клинтона потратила на военные нужды свыше \$2 триллионов.

В-третьих, государственный долг фактом своего существования способствует накоплению долга, его росту ускоряющимися темпами. Так что выплачиваемые по национальному долгу проценты росли быстрее, чем росла экономика, и вдвое опережали рост бюджета. Каждый год большая часть выплат по долгу направлялась только на уплату процентов и все меньшая часть — на погашение самого долга. К 1990 году свыше 80% всех правительственных заимствований шло на уплату процентов по прежним долгам. Таким образом, долг начинает сам себя подпитывать. Проценты, ежегодно выплачиваемые по федеральному долгу, являются второй самой крупной статьей бюджета (после военных расходов).

Для того чтобы занимать деньги, правительство продает долгосрочные казначейские облигации. Эти облигации представляют собой долговые обязательства или векселя, которые через определенный период времени полностью погашаются. Кто получит сотни миллиардов долларов ежегодных процентных выплат по этим облигациям? В основном это физические лица, инвестиционные компании, банки и иностранные инвесторы со значительными средствами — те, кто мог их купить. Кто будет оплачивать эти проценты? В основном простые американские налогоплательщики. Процентные платежи по федеральному долгу представляют собой перераспределение богатства в направлении вверх от тех, кто работает, к тем, кто живет за счет своего личного богатства. Богатые кредиторы одалживают свои избыточные капиталы правительству США и наблюдают за их надежным ростом за государственный счет и «при полном их обеспечении всеми доходами и заимствованиями государства». Именно такой была формулировка создателей Конституции США. А мы, то есть народ США, будем обслуживать этот астрономический долг на протяжении нескольких последующих поколений. Как писал Карл Маркс: «Единственная часть так называемого национального богатства, которая составляет коллективную собственность нынешнего народа, это — его государственный долг»^[180].

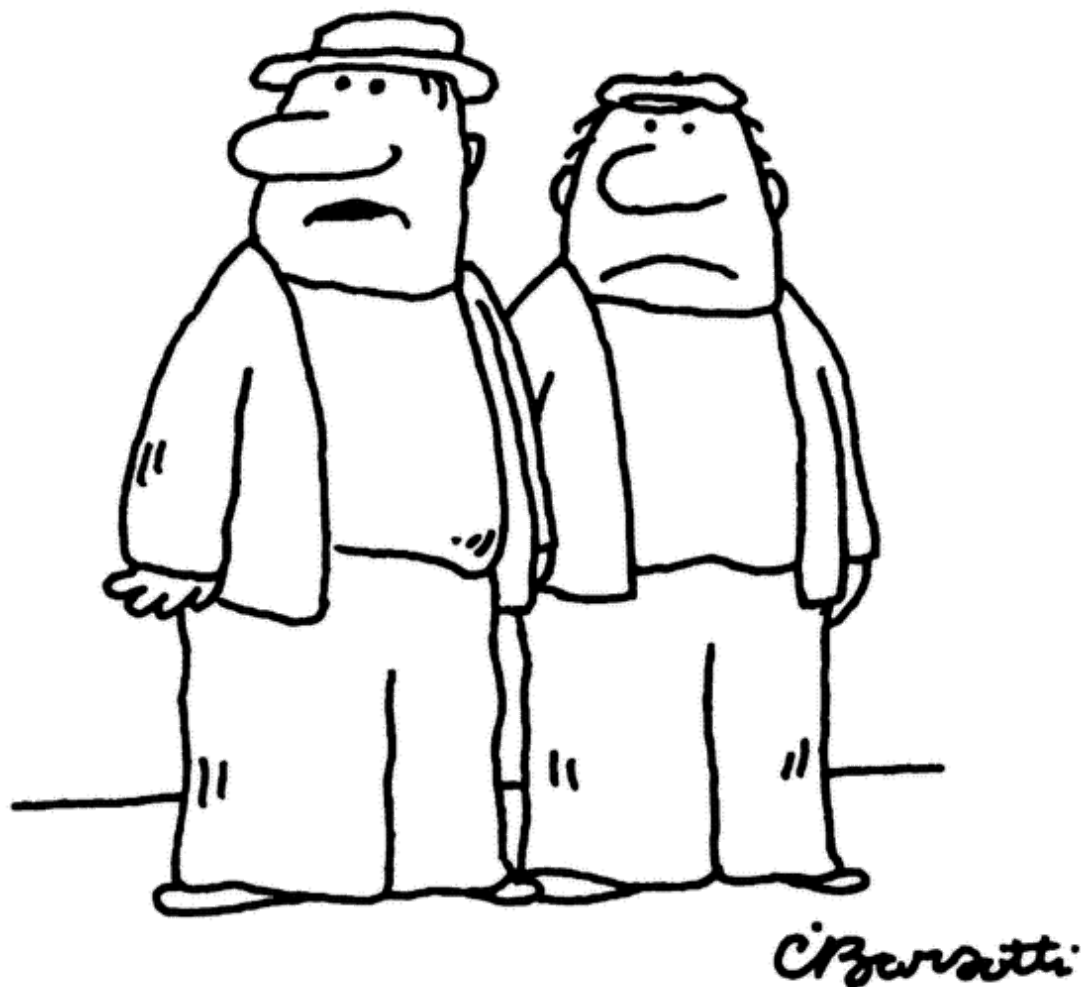
Государственный долг надежно служит классу капиталистов. Вместо инвестирования своего богатства в производство новых

товаров, которые приведут к затовариванию рынка и останутся нераспроданными, капиталисты вкладывают деньги в облигации казначейства США в целях накопления процента на свой капитал. Предоставление денег правительству становится относительно надежным и в то же время выгодным вложением денег в то время, когда возможности для инвестирования отстают из-за стагнации потребительского спроса или все становятся ненадежными из-за изменчивости и неустойчивости фондового рынка.

К 2000 году экономический бум впервые привел к появлению бюджетного профицита. Вместо того чтобы потребовать использования профицита в целях уменьшения государственного долга, лидеры республиканцев в Конгрессе призвали к дополнительному сокращению налогов на богатых. Для того чтобы оправдать такие налоговые льготы, они предсказывали бурный рост экономики и огромное положительное сальдо бюджета на все предстоящее десятилетие, не обращая внимания на возможность внезапных экономических спадов деловой активности.

Некоторые случаи скрытого дефицита

Предсказания крупного положительного бюджетного сальдо привели к недооценке возможности появления дополнительного, но скрытого бюджетного дефицита. Во-первых, имеется «внебюджетный» дефицит, то есть особая уловка в финансовой отчетности, которая позволяет правительству брать займы дополнительные деньги вне обычного бюджета. Создается по видимости правительственная (а на самом деле — частная) корпорация, которая занимает деньги от своего имени. Например, деньги для субсидирования сельскохозяйственных займов собирает Система фермерского кредита — то есть сеть внебюджетных банков делает это вместо получения денег от Министерства сельского хозяйства обычным путем — через бюджет. Конгресс также вместо обращения в Министерство финансов создало внебюджетное ведомство под названием «Финансовая корпорация» для осуществления заимствований сотен миллиардов долларов в целях срочного спасения ссудо-сберегательной ассоциации. Эти суммы взяты из общего источника всех доходов, то есть у американских налогоплательщиков.



Посмотри туда. Там невидимая рука рыночной экономики снова показывает нам кукиш

Другой скрытый дефицит заключается в торговле. Поскольку мы потребляем больше, чем производим, а импортируем и занимаем за границей больше, чем экспортируем, возрастает государственный долг США перед иностранными кредиторами. Выплаты процентов по этим зарубежным заимствованиям в сотни миллиардов долларов приходится нести налогоплательщикам США.

Система социального обеспечения также используется для сокрытия фактического дефицита. Удержания из платежной ведомости работников налога в систему социального обеспечения — это регрессивный налог, который в период пребывания у власти президента Рейгана сильно возрос. Этот налог в настоящее время ежегодно

образует активное сальдо в размере свыше \$120 миллиардов. К 1991 году размер налога на социальное страхование для 38% налогоплательщиков США оказался выше федерального подоходного налога. Многие американцы охотно соглашались с этими удержаниями из платежной ведомости, так как думают, что эти деньги они смогут получить, выйдя на пенсию. На самом деле налог на социальное страхование используется для компенсации дефицита государственного бюджета, для оплаты лимузинов Белого дома, реактивных бомбардировщиков, субсидий корпорациям и процентов по государственному долгу.

Политические лидеры США старательно игнорировали самые надежные средства сокращения астрономического государственного долга: (1) резкое сокращение налоговых кредитов и вычетов из налогооблагаемой базы для физических лиц и корпораций; (2) возвращение к практике прогрессивного подоходного налога, который принесет дополнительные миллиарды долларов поступлений в бюджет, и (3) значительное сокращение раздутого военного бюджета и переадресация бюджетных ассигнований на более производительные и общественно полезные сектора экономики.

И наконец, итог основных положений этой главы: почти в каждой отрасли правительство создало бизнес с возможностями получения личной выгоды за общественный счет. Правительство поддерживает накопление частного капитала путем субсидий, мер поддержки, дефицитного финансирования и неадекватной налоговой системы. От крупных фермеров до владельцев курортных мест, от брокеров до банкиров, от автомобилестроителей до ракетостроителей — у всех доминирует невероятное стремление к созданию «государства всеобщего благоденствия» для богатых. При этом нас хотят заставить восхищаться решительностью владельцев корпораций, когда те призывают нас рассчитывать только на собственные силы, видимо опасаясь, что меньшие формы государственной помощи могут пройти мимо них и попасть в другие руки.

7.

Военная империя и глобальное господство

Принято считать, что США — демократическое государство. Однако США также являются единственной мировой сверхдержавой, в военном отношении — главным в мире государством, если исходить из разрушающей способности его вооруженных сил и частоте его прямых и косвенных интервенций против более слабых стран.

Глобальная поражающая способность

В период пребывания у власти администраций от Рейгана до Буша США разместили тысячи единиц атомного оружия и сотни тысяч военного персонала на крупных базах числом свыше 350 и сотнях более мелких военных сооружений, которые разбросаны по всему земному шару. Эта массивная военная машина, по-видимому, была нужна для сдерживания упорного в своем экспансионизме Советского Союза, хотя факты свидетельствуют о том, что Советы никогда не были настолько сильны и не стремились в такой степени к гонке вооружений, как утверждают наши разработчики политического курса периода «холодной войны»^[181]. Несмотря на распад СССР и других восточноевропейских социалистических стран в 1990 — 1991 годы, военные ассигнования США продолжают оставаться на подрывающем бюджет высоком уровне. Американская военная мощь за рубежом и сейчас остается в значительной мере на том же уровне, как и прежде. В то же время США сохраняют свою триаду атомного оружия периода «холодной войны»: межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты морского базирования и бомбардировщики дальнего радиуса действия с атомными боеголовками. Все эти составляющие стратегической триады США направлены на бывший Советский Союз, то есть на врага, которого больше нет. В период между 1995 и 2000 годами список мест, на которые нацелено атомное оружие США, выросло на 20%, включая цели в России, Беларуси, Украине, Казахстане, Китае, Иране, Ираке и Северной Корее^[182].

Президенту Клинтону не удалось отказаться от некоторых систем оружия, которые были поставлены на вооружение во время «холодной войны», и тем не менее во время его пребывания у власти (1993 — 2000) к ним добавился ряд новых систем. Его военные бюджеты были выше бюджетов периода гонки вооружений 1970-х годов, даже с учетом инфляции. Перед уходом с должности президент Клинтон планировал военный бюджет на период 2000 — 2005 годов на сумму в \$1,87 триллиона^[183].

В отличие от США другие страны сокращали свои военные статьи бюджета. В 1999 году, в то время, когда Конгресс определил военные расходы в сумме \$289 миллиардов, Россия, занимая второе место после

США, ассигновала только \$55 миллиардов. Далее следовала Япония (\$41 миллиард), Китай (\$37,5 миллиарда) и Великобритания (\$34,6 миллиарда). Соединенные Штаты занимают первое место в мире по объему торговли оружием. В 1999 году экспорт вооружения из США составил \$ 53,4 миллиарда, что в два раза больше ближайшего конкурента — Великобритании. Субсидирование продаж оружия ежегодно обходится американским налогоплательщикам в сумму свыше \$7 миллиардов. Федеральное правительство тратит помимо этого еще \$26 миллионов на создание благоприятных условий для этих продаж среди руководителей иностранных государств, а также на проведение международных выставок оружия. Все выгоды от этих субсидируемых правительством зарубежных продаж получают корпорации, заключившие военные контракты^[184].

Если вместе с прямыми военными расходами учесть также (1) пенсии и пособия военным ветеранам, (2) военную долю федеральных выплат по государственному долгу, составляющую ежегодно около \$150 миллиардов, (3) 70% фонда затрат на федеральные научно-исследовательские работы, связанные с военными исследованиями, (4) космические программы военной направленности и (5) другие неучтенные оборонные расходы, которые проходят по невоенным ведомствам (например, по программам ядерных вооружений Министерства энергетики США, составляющим более половины его бюджета), тогда средний годовой уровень нынешних военных расходов США превысит \$500 миллиардов или свыше трети всего федерального бюджета.

Федеральный бюджет включает в себя *дискреционные расходы* (то есть финансовые средства, которые президент и Конгресс ежегодно выделяют и тратят по своему усмотрению) и *обязательные расходы* (то есть финансовые средства, которые выделяются в обязательном порядке в соответствии с уже существующими разрешениями, такие, например, как выплаты по государственному долгу или на систему социального страхования). В дискреционной части бюджета США затраты на военные цели превышают затраты на все остальные вместе взятые внутренние программы США.

Правительство Клинтона ассигновало \$7 миллиардов на восстановление плана администрации Рейгана по усилению поражающей способности вооруженных сил США за счет создания

ракетной системы, действующей в открытом космосе. Программа выглядит невыполнимой и чрезвычайно дорогостоящей. Уже нынешняя ее стоимость составляет \$55 миллиардов. Этот проект, который называют «детищем звездных войн», предназначен для перехвата всех возможных атак против США при помощи ядерных ракет наземного базирования. Если проект окажется успешным, он сделает ядерные арсеналы всех других стран устаревшими и лишит их средств сдерживания против американских ракет. Это, в свою очередь, будет побуждать эти страны к дальнейшим расходам на совершенствование своих наступательных систем с применением ядерного оружия^[185]. Глава Объединенного космического командования Вооруженных сил США Джозеф Эшли заявил: «Мы намерены наносить удары из космоса и в направлении космоса. Когда-нибудь мы сможем поражать из космоса наземные цели — суда, самолеты и наземные объекты»^[186].

Пентагон намерен развернуть противоспутниковое оружие, которое даст возможность США нейтрализовать электронную разведывательную аппаратуру конкурентов, установленную на самолетах или спутниках. Как заявляло Объединенное космическое командование Вооруженных сил США, его цель заключается в установлении господства «в космической зоне проведения военных операций, предназначенных для защиты *интересов США и американских инвестиций*». Такие планы нарушают Договор об использовании космического пространства, подписанный девяносто одним государством, включая и Соединенные Штаты. Договор предусматривает запрет на размещение в космосе оружия массового поражения.

Военные могут теперь направить мощный луч электромагнитного или импульсного излучения из космоса на землю и нанести ущерб интеллектуальным способностям населения всей Земли. Как описывают это представители Военно-воздушных сил США, излучения могут вызывать «серьезные психологические нарушения и дезориентацию восприятия» на длительный период. И против этого невозможно будет защититься. Здесь речь идет о зловещем оружии, против которого нет уравновешивающей военной силы^[188].

Растраты и жульничество военных

У Министерства обороны (которое также называется Пентагон из-за огромного пятиугольного здания его штаб-квартиры) есть программа закупок, в ходе реализации которой сплошь и рядом допускаются мошенничество и спекулятивные сделки. Управление общей бухгалтерской отчетности США — следственный орган Конгресса — обнаружило, что военный бюджет регулярно завышается на миллиарды долларов с целью заранее компенсировать возможные сокращения в ходе его принятия в Конгрессе. Главный инспектор Пентагона признал, что система учета заказов зачастую настолько беспорядочна, что плохо поддается ревизорскому контролю. По оценке большинства экспертов, ежегодно без следа исчезают от \$15 миллиардов до 40 миллиардов, и невозможно их найти или за них соответствующим образом отчитаться^[189]. Такие суммы так просто не испаряются; они находят свой путь в чьи-то карманы.

Растраты, мошенничество и двойной счет, во-видимому, являются частью образа действий военных. Управление общей бухгалтерской отчетности США сообщало, что на складах Пентагона пылятся и ржавеют излишки материально-технического снабжения на сумму в \$41 миллиард^[190]. Сухопутные Вооруженные силы США ассигновали \$1,5 миллиарда на разработку и производство вертолета большой грузоподъемности, хотя вертолеты такого класса у них уже были, Военно-морской флот также заказал аналогичные модели вертолета. Военно-воздушные силы США потратили на производство истребителя F-22 \$64 миллиарда и перерасходовали сверх сметы средства на сумму \$6 — 15 миллиардов. И это все для того, чтобы заменить истребитель F-16, который был лучшим в мире самолетом этого типа. В то же время Военно-морской флот выделил ассигнования на общую сумму \$80 миллиардов для производства одной тысячи новых истребителей F-18. Конгресс проголосовал за постройку новых кораблей для ВМФ, в которых флот не нуждался, и за производство транспортных самолетов C-130, которых Военно-воздушные силы не хотели. Президент Клинтон продавливал постановку на вооружение подводных лодок Sea Wolf и производство дополнительного количества бомбардировщиков B-2, которых Пентагон никогда не заказывал^[191].

Подрядчики Министерства обороны обычно вносят в счета неоправданно высокие суммы расходов на консультации. Известно, что они выставляли два разных счета различным военным ведомствам, заставляя государство дважды платить за одну и ту же услугу. Они фальсифицировали результаты испытаний и технические характеристики для того, чтобы протолкнуть разработку более эффективных видов оружия, чем имеющиеся у них на вооружении. Многие из высокопоставленных подрядчиков военных ведомств оказывались под следствием по серьезным уголовным обвинениям, но мошенничество зачастую так и остается безнаказанным^[192].

Из государственного кошелька воруют и в более мелких масштабах. Военные заплатили \$511 за электрические лампочки, которые стоили 90 центов, а также \$640 за сиденья на унитазах, цена которых — \$12. Заплатив фирме Boeing Aircraft за два устройства грузовых захватов \$5096, настойчивые снабженцы Пентагона в ходе повторных переговоров понизили цену до \$1496, и именно это было его реальной ценой. Фирма McDonnell Douglas за дверные петли для самолета C-17 выставила счет на сумму \$2187, хотя реальная их цена составляет \$31.^[193]

Миллиарды долларов тратятся на пенсии военным, которые в основном идут старшим офицерам с высокими доходами. Крупные суммы были затрачены на устройство на военных базах площадок для игры в гольф, полей для игры в поло, ресторанов, офицерских клубов — и все это оборудовано позолоченными люстрами, дубовыми панелями и мраморной фурнитурой. Пентагон арендует во Флориде шикарный отель, на который ежегодно тратится федеральных субсидий на сумму \$27,2 миллиона. На военно-воздушной базе Эндрюс ВВС США двух площадок для гольфа оказалось недостаточно, была построена третья — за \$5,1 миллиона. В период проведения значительных бюджетных сокращений системы социального страхования Конгресс нашел \$8 миллиардов на закупку 7 шикарных самолетов для обслуживания членов верховного командования Пентагона^[194].

Выгоды Пентагона

С точки зрения налогоплательщика, многие военные расходы непроизводительны и расточительны. Но военных подрядчиков из гигантских корпораций военные расходы приводят в восторг. Эти расходы приносят им прибыли на инвестиции в два или три раза выше прибылей на вложения в рискованные операции в невоенных областях. Рассмотрим также и другие аспекты.

В сделках подобного рода полностью отсутствует риск. В отличие от производителей автомобилей, которые должны беспокоиться о продажах своей продукции, у торговцев оружием сбыт гарантирован контрактом с правительственным ведомством.

Почти все контракты заключаются без конкурса и на основании цены, установленной корпорацией-производителем. Многие крупные военные контракты выполнялись с перерасходом финансовых средств в размере от 100 до 700%. Можно привести всем известный пример программы строительства тяжелых транспортных самолетов С-5А, на которую было затрачено сверх сметы \$4 миллиарда (хотя крылья у этих самолетов продолжают отваливаться)^[195].

Пентагон напрямую субсидирует частный бизнес посредством передачи ему результатов научно-исследовательских работ, государственных земель, зданий, модернизированных и переоборудованных предприятий и ежегодных субсидий, доходящих до \$7 миллиардов^[196].

В капиталистической экономике перепроизводство потребительских товаров может привести к затовариванию рынка, однако оборонные расходы создают зону спроса и инвестиций, где не вступают в конкуренцию с потребительским рынком и практически нет пределов роста. Всегда есть более современные виды оружия, которые можно разрабатывать и производить.

Мир бизнеса предпочитает военные расходы многим другим видам правительственных расходов. Государственные деньги, вложенные в охрану труда, защиту окружающей среды, программы реабилитации наркоманов, государственные школы и другие объекты социального обеспечения удовлетворяют потребности людей, создают рабочие места и повышают покупательную способность населения. Но такие

программы расширяют *некоммерческий* общественный сектор и не приносят бизнесу прямой выгоды, уводя спрос населения от частного рынка. В отличие от этого при контракте на разработку и производство оружия огромные суммы государственных средств напрямую закачиваются в частный корпоративный сектор, давая необычно высокую норму прибыли.

Руководители США утверждают, что военные расходы создают рабочие места. Такой же эффект дают порнография и проституция, но есть более достойные способы потратить деньги и увеличить занятость. При любых условиях ассигнования в гражданские отрасли экономики способствуют созданию большего числа рабочих мест, чем военные расходы. Например, \$1 миллиард (в ценах 1990 года) военных заказов создает в среднем 25 000 рабочих мест, но эта же сумма в жилищном строительстве могла бы создать 36 000 рабочих мест, в образовании — 41 000 и в здравоохранении — 47 000 рабочих мест^[197]. Отчет ревизоров Управления общей бухгалтерской отчетности США свидетельствует о том, что, если закрыть ненужные военные базы, можно сэкономить миллиарды долларов. Можно, конечно, предположить, что ликвидация баз создаст много трудностей для людей, которые обслуживают эти базы. Однако в том же отчете говорится о том, что в некоторых местах, где базы уже ликвидированы, ощущаются негативные последствия закрытия базы на местную экономику, хотя кое-где смогли смягчить неблагоприятные последствия и устроились лучше других^[198].

Общие ежегодные расходы законодательных и судебных органов, а также различных комиссий управления составляют менее 1% того, что тратит Пентагон. В 1997 году Конгресс сэкономил \$800 000 миллионов за счет того, что сократил дополнительное социальное пособие для 150 000 детей-инвалидов. Эта сумма составляет менее одной трети стоимости производства и содержания одного бомбардировщика В-2.^[199] Сотни миллиардов долларов, потраченных за несколько последних лет на новые истребители для ВВС, могли бы дать возможность построить системы общественного транспорта для большинства наших крупных городов. Тех денег, которые жители среднего американского города отдают Пентагону за несколько недель в виде налогов, было бы достаточно, чтобы полностью погасить их муниципальные долги. Пенсии для высших офицеров Вооруженных сил равны в сумме общим

расходам по программам федеральной помощи, обеспечения школьными завтраками и всем другим расходам на питание детей в школах. Расходы в \$5,5 триллиона, потраченные за последнюю более чем половину столетия на атомное оружие, превосходят совокупные федеральные затраты на образование, государственное социальное обеспечение, программу создания рабочих мест, сохранение окружающей среды, развитие науки, производство электроэнергии, сельское хозяйство, деятельность правоохранительных органов, а также муниципальное и региональное развитие^[200].

Для того чтобы удержать Америку на стезе безудержных трат на военные цели, оборонные подрядчики из корпораций повсюду пропагандируют взгляды военных, организуют взносы в пользу избирательных кампаний, лоббирование и массовые рекламные мероприятия. Министерство обороны тратит в целях проталкивания различных систем вооружения сотни миллионов долларов на проведение выставок, фильмов, публикаций и поток пресс-релизов. Оно финансирует проекты исследовательских работ по тематике, связанной с проблемами военных, на отделениях общественно-политических исследований высших учебных заведений. В ходе проведения сотен конференций и в тысячах рекламных буклетов, статей и книг, написанных «независимыми учеными», находящимися на содержании Пентагона, взгляды военных приобретают внешний лоск и академическую респектабельность.

Скрытая расточительность военных

Военные наносят серьезный скрытый ущерб окружающей среде и человеческой жизни. Вооруженные силы используют миллионы акров земли внутри страны и за рубежом для учебных бомбометаний и маневров, нанося долговременный ущерб растительности, животному миру и здоровью людей. Американские военные в течение полувека, невзирая на энергичные протесты, использовали в качестве полигона для бомбардировок пуэрториканский остров Вьекес. В результате бомбардировок территория острова была сильно заражена ураном и другими канцерогенными тяжелыми металлами, что вызвало уровень заболеваемости местного населения раком в несколько сотен раз выше, чем у населения других мест с нормальной экологией. Такие же катастрофические последствия для экологии и здоровья людей можно обнаружить на бомбометательных полигонах в США и Южной Корее^[201].

Военные используют миллионы тонн материалов, разрушающих озоновый слой атмосферы. При этом воздух, почва, грунтовые воды подвергаются загрязнению обедненным ураном, плутонием, тритием, свинцом, моторным топливом и другими токсичными отходами; происходит накопление громадных количеств смертельно опасных химических и биологических соединений. В ходе испытаний атомных бомб заражению подверглось население нашей собственной страны и обширных территорий за рубежом. После десятилетий упорных протестов правительство наконец признает, что американские рабочие, принимавшие участие в производстве атомного оружия, подвергались радиоактивному облучению и воздействию химических веществ, которые вызывают рак и раннюю смерть. Министерство энергетики США считает, что очистка территорий, загрязненных в результате производства и испытаний атомного оружия, потребует более \$200 миллиардов и займет несколько десятилетий. И в то же время министерство ассигнует \$40 миллиардов на строительство девяти новых заводов, предназначенных для производства дополнительного числа ядерных боевых средств^[202].

Военные представляют угрозу для своих собственных военнослужащих. Военнослужащие рядового и унтер-офицерского

состава регулярно погибают на стрельбах, практических полетах, маневрах и в ходе других проверок боеготовности, которые ежегодно в среднем уносят жизни 2534 человек. Это называется «*небоевыми потерями*». Десятки тысяч ветеранов заболели или умерли в результате радиоактивного облучения в ходе атомных испытаний в период 1950-х годов или от токсичных гербицидов во время вьетнамской войны. Более 200 000 ветеранов войны в Персидском заливе, вероятно, подверглись воздействию обедненного урана и других высокотоксичных материалов. Им были сделаны прививки вакцины от сибирской язвы, которые, как полагают, вызвали серьезные заболевания. По-видимому, вакцинацию солдат от сибирской язвы проводили в качестве меры противодействия бактериологической войне. Когда Конгресс запросил о возможности прекратить вакцинацию до окончания исследований, которые могли бы подтвердить безопасность вакцины, Пентагон ответил отказом. Как и 2000 году, за отказ пройти вакцинацию от сибирской язвы солдат мог подвергнуться суду военного трибунала^[204].

Экономический империализм

В последние десятилетия американские промышленные компании и банки активно вкладывали капитал в страны «третьего мира» (страны Азии, Африки и Латинской Америки), привлеченные высокой нормой прибыли. Эта прибыль является результатом недоплаты трудящимся и почти полным отсутствием налогов, природоохранного законодательства, охраны труда и защиты прав потребителей. Правительство США субсидировало такой перевод капиталов и рабочих мест путем оплаты некоторых расходов, связанных с переводом. Оно также предоставляло корпорациям налоговые льготы на зарубежные инвестиции и одновременно гарантировало компенсацию всех потерь в результате возможных войн и конфискации иностранными правительствами. В политическом плане Вашингтон отказывается в помощи любой стране, которая без полной компенсации национализует активы американских фирм.

Инвестиции американских корпораций отнюдь не способствуют улучшению судеб народов «третьего мира», а напротив — значительно их усложняют. Это помогает понять, почему число бедных в мире растет более быстрыми темпами, чем численность населения. Транснациональные корпорации выдавливают из бизнеса местные предприятия и занимают их место на рынках. Картели агробизнеса отчуждают лучшие земли под производство товарных культур — обычно это монокультуры, требующие больших количеств пестицидов — и оставляют меньше площадей для выращивания без применения химических удобрений сотен видов продовольственных культур, которые потребляет местное население^[205].

Вытесняя местное население с его земель и лишая его способности обеспечивать себя пропитанием, корпорации способствуют перенасыщению рынка труда отчаявшимися людьми, которые вынуждены изо всех сил трудиться за нищенскую зарплату, нередко в нарушение законодательства этой страны о минимальной оплате труда. На Гаити, например, такие крупные корпорации, как Disney, Wal-Mart, J.C. Penny и Sears^[206], платят своим рабочим 11 центов в час. Соединенные Штаты являются одной из немногих стран, которые отказались подписать международную конвенцию о запрещении

детского и принудительного труда. Эта позиция обусловлена практикой использования детского труда американскими корпорациями в странах «третьего мира» и в самих США, где дети двенадцатилетнего возраста страдают от высокого травматизма и смертности, а их труд оплачивается ниже минимальной ставки, установленной законом^[207].

Накопления, которые корпорации делают на дешевом труде у себя в стране и за рубежом, не переходят потребителям в виде низких цен. Корпорации перемещаются в отдаленные районы с низкой зарплатой не для того, чтобы сберечь деньги потребителей в США, они стремятся увеличить собственную норму прибыли. Туфли, сделанные индонезийскими детьми, работающими по восемьдесят часов в неделю при тарифе оплаты 13 центов в час, продаются в США по цене выше \$80 (в ценах 1990 года). При этом стоимость труда в цене составляет \$2,60.^[208]

Со времени окончания Второй мировой войны иностранным государствам было передано американской военной помощи на сумму свыше \$230 миллиардов. Соединенные Штаты подготовили и оснастили свыше двух миллионов военнослужащих и полицейских иностранных государств. Цель здесь заключалась не в защите этих государств от внешнего вторжения, а в защите американских инвестиций и правящих олигархов от волнений местного населения^[209].

Деньги американской «помощи» также направляются на создание инфраструктуры, необходимой частным корпоративным инвесторам в иностранных государствах: портов, шоссе, дорог, коммуникаций и тому подобного. Американская невоенная помощь иностранным государствам также сопровождается определенными условиями. Зачастую выставляется требование тратить средства только на товары американского производства, оказывать инвестиционные преференции компаниям США, что смещает потребительский спрос с местных продуктов питания и товаров широкого потребления в пользу импортной продукции. Это, в свою очередь, порождает усиливающуюся зависимость, голод и рост задолженности^[210]. Значительная часть денежной помощи никогда в страну не приходит, она попадает на личные счета вороватых официальных лиц и финансовых спекулянтов в странах — получателях помощи.

Помощь поступает и из других источников. В 1944 году на конференции в городе Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хэмпшир) Организация Объединенных Наций создала Всемирный банк (ВБ) и Международный валютный фонд (МВФ). Число голосов, на которые имеют право члены обеих организаций, определяется финансовым вкладом стран-участниц. Поэтому Соединенные Штаты как главный «донор» получили господствующие позиции, за ними шли Германия, Япония, Франция и Великобритания. Хотя эти международные организации финансируются налогоплательщиками входящих в них стран, Международный валютный фонд сотрудничает в режиме секретности со строго отобранной группой банкиров и набирает штат сотрудников из служащих министерств финансов богатых стран.

Считается, что задача Всемирного банка и Международного валютного фонда состоит в оказании содействия экономическому развитию государств. То, что происходит на самом деле, это — совсем другая история. Представим себе, что некая бедная страна занимает у Всемирного банка финансовые средства для развития какой-либо отрасли своей экономики. Если она в результате снижения экспортных цен или по другим причинам окажется не в состоянии выплатить крупные проценты, ей придется снова занимать деньги, но на этот раз у Международного валютного фонда. Но МВФ навязывает стране «программу структурной перестройки», которая требует от страны-должника предоставить налоговые льготы транснациональным корпорациям, понизить зарплаты трудящимся и не предпринимать попыток защиты местных предприятий от иностранного импорта и иностранных поглощений. На страну-должника оказывается давление в направлении проведения приватизации ее экономики, продажи частным корпорациям по скандально низким ценам ее государственных шахт, железных дорог и коммунальных предприятий. Страну принуждают разрешить проводить в ее лесах сплошные вырубki, а на ее землях — разработку недр открытым способом, невзирая на причиняемый этим экологический ущерб.



Страну-должника также обязывают понизить государственные субсидии на здравоохранение, образование, транспортную систему и продукты питания, то есть заставляют потреблять меньше для того, чтобы иметь больше средств для оплаты долга. В связи с тем что от страны требуют выращивать товарные культуры для получения финансовых средств за счет экспорта, она теряет способность прокормить собственное население. Вот теперь мы и объяснили «загадку»: почему за последние полвека по мере расширения помощи и инвестиций в зарубежные страны, там с такой же скоростью росла бедность.

Реальные заработные платы в странах «третьего мира» снизились, а государственный долг возрос до такого уровня, что выплаты по долгу поглощают почти все экспортные доходы бюджета этих бедных стран^[211]. Некоторые критики делают вывод, что программы структурной перестройки МВФ и ВБ не работают как надо. В результате реализации этих программ *снижается степень* удовлетворения потребностей страны — получателя помощи за счет ее внутреннего рынка и растет бедность. Тогда почему богатые страны продолжают финансировать эти организации? Потому, что программы внешних займов работают именно как надо. Их цель заключается не в подъеме уровня жизни народных масс в других странах, а в обслуживании интересов мировой финансовой системы, захвате земель и экономик стран «третьего мира», связывании этих стран огромными долгами, приватизации их коммунального хозяйства, ликвидации конкуренции в торговле, которую они могли бы составить, если бы им действительно дали возможность развиваться. В этом отношении программа предоставления займов иностранным государствам и структурная перестройка работают очень правильно.

Террористическое государство

Для того чтобы сделать мир безопасным для капитализма, наше правительство повсюду подавляет движения восставших крестьян и рабочих, а также правительства реформаторов. Такая политика прикрывается патриотической риторикой. Нам говорят, что вмешательство США в дела других стран необходимо для борьбы с терроризмом, прекращения торговли наркотиками, срыва планов агрессивных диктаторов. При близком рассмотрении выясняется, что руководители США защищают капиталистический мир от социальных перемен, даже если эти перемены имеют мирный и демократический характер. Таким образом, США свергли реформистские правительства в Иране (1953), Гватемале (1954), Конго (1961), Доминиканской Республике (1962), Бразилии (1964), а также в Чили и Уругвае (1973) [\[212\]](#). Аналогичным образом в Греции, на Филиппинах, в Индонезии, на Восточном Тиморе и по меньшей мере еще в десяти латиноамериканских странах военные олигархи, большей частью выученные и финансируемые Пентагоном и ЦРУ, свергли народные правительства, которые выступали за проведение политики равноправия на благо нуждающихся слоев общества. И в каждом таком случае США играли важную роль в установлении правых режимов, которые не реагировали на нужды народа, зато охотно приспособлялись к инвесторам из США [\[213\]](#).

На всем протяжении 1980-х и в конце 1990-х годов руководство США продолжало проводить силовые акции против реформистских правительств. В Никарагуа поддержанные США силы наемников убили свыше 30 000 человек, сделали сиротами более 9000 детей и разрушили дома, школы, больницы, уничтожили урожай и общественные сооружения на сумму свыше \$3 миллиардов. В Анголе и Мозамбике войны, которые вели поддерживаемые американским ЦРУ местные силы, оставили после себя несколько миллионов убитых и миллионы бездомных и нищих. На Восточном Тиморе финансируемые США индонезийские военные устроили резню 200 000 человек, то есть уничтожили более трети населения острова [\[214\]](#).

В 1983 году США вторглись в Гренаду, а в 1984 году — в Панаму для того, чтобы свергнуть в обеих этих странах либеральные

реформистские правительства и заменить их режимами, поддерживающими свободный рынок с подачи американских сил. Это привело в результате к проведению финансируемых США выборов, а вслед за ними пришли высокая безработица, понижения заработной платы, сокращения расходов на образование и социальное обеспечение и драматический рост преступности, наркомании и бедности^[215]. Общим для Никарагуа, Анголы, Мозамбика, Восточного Тимора, Гренады и Панамы были правительства, которые направляли часть труда и ресурсов своих стран на удовлетворение нужд своего народа и значительно отходили от лихорадки, вызванной глобализацией свободного рынка.

В 1990 — 1991 годах Ирак отказался согласиться на систему квот при добыче нефти, которые способствовали подъему цен на нефть и создавали благоприятные условия для крупных нефтяных компаний. В отместку за бурение враждебным режимом Кувейта наклонных скважин под иракскими нефтяными месторождениями иракский диктатор Саддам Хусейн (бывший протеже ЦРУ) вторгся на территорию Кувейта, дав тем самым президенту Бушу повод для начала массовых бомбардировок Ирака. Эти бомбардировки привели к заражению плодородных иракских сельскохозяйственных земель обедненным ураном и смерти, по оценкам Пентагона, 200 000 человек^[216]. В результате последовавшей за этим и проводившейся США в течение десяти лет экономической блокады в Ираке пришли в упадок системы водоснабжения и канализации и, по состоянию на 2000 год, погибло около 1 200 000 иракцев (включая 800 000 детей)^[217].

В сентябре 2000 года в ходе воздушных налетов авиации США и Великобритании невинное гражданское население Ирака продолжало ежедневно погибать. Ирак, у которого когда-то был самый высокий на всем Среднем Востоке уровень жизни, бесплатная система образования и медицинского обслуживания, был низведен экономическими санкциями до уровня одной из самых бедных стран «третьего мира». Поскольку добываемую в Ираке нефть не допускали на международный рынок, Ирак лишился возможности посягать на прибыли нефтяных картелей^[218].

Мишенью стала также Югославия, большое и процветающее государство. В нем сохранялись некоторые особенности социалистической экономики, и даже после крушения всех

восточноевропейских социалистических государств 75% ее экономики продолжало оставаться под контролем государства. Югославия не проявляла заинтересованности ни во вступлении в Организацию Североатлантического договора (НАТО), ни в Европейский Союз, а ее народ оказывал сопротивление приватизации экономики (хотя принимал займы МВФ и рыночные программы структурной перестройки).

Несколько следующих одна за другой и финансировавшихся Западом сепаратистских войн привели к распаду Югославии на группу слабых республик, зависимых от Запада. В этих республиках прошли этнические чистки сербов, которые были последовательными сторонниками федеративного государства. Западные лидеры и средства массовой информации обвинили сербов в массовых изнасилованиях и геноциде. То, что осталось от Югославии, продолжало оказывать сопротивление. Продолжалась гражданская война в Косове против мятежников-албанцев. Но во всей этой войне в целом погибло меньше людей, чем в одном крупном сражении Гражданской войны в США, и меньше, чем погубили диктаторские режимы таких зависимых от США стран, как Гватемала, Индонезия и Турция^[219].

За попытки Югославии сопротивляться расчленению своей территории президент Клинтон и его союзники обвинили ее в «геноциде и этнических чистках» и подвергли в 1999 году массивным бомбардировкам силами НАТО под американским руководством. В результате бомбардировок были убиты и ранены тысячи людей, нанесен большой ущерб экономике, инфраструктуре и экологии некогда процветавшей страны^[220].

Последующие сообщения самих же западных агентств показали, что не было систематических и массовых изнасилований, а также массовых жестокостей со стороны сербов, хотя локальные проявления жестокого обращения отмечались у всех участников югославских войн. Таким же образом сообщения о массовых захоронениях в Косове, содержащих тысячи тел, не получили подтверждения, когда силы НАТО вошли в эту провинцию^[221]. Самой большой жестокостью были многократные бомбардировки Югославии западными силами, которые привели к такому огромному числу жертв и разрушений, которые оказались совершенно несоизмеримыми с обвинениями в военных преступлениях, выдвинутыми ранее против югославских лидеров.

В 1998 году, когда официальные представители 30 государств решали вопрос о создании Международного уголовного суда по преступлениям против человечности, США и Китай были единственными странами, которые выступили против. А в 2000 году, когда Организация Объединенных Наций планировала создать постоянный Международный уголовный суд с целью наказать виновных в военных преступлениях и нарушениях прав граждан, США стремились добиться полного освобождения от ответственности за такие действия американского военного персонала. Совершенно очевидно, что защитники свободного (рынка) мира не обязаны были соблюдать те нравственные нормы, соблюдения которых они требуют от других^[222].

Руководители США, как от демократической, так и республиканской партии, поддержали жестокую войну на истощение против массовых выступлений народа в Гватемале (1962 — 1996), в ходе которой погибли, по некоторым оценкам, свыше 200 000 человек; в Сальвадоре (1980 — 1994), где погибло 75 000 человек; на Гаити (1987-1994); в Таиланде (1965-1973) и во Вьетнаме (1945-1973), в Камбодже (1955-1973) и Лаосе (1957-1973). Во всех эти войнах пытки и убийства членами «эскадронов смерти» стали обычными методами «антиповстанческих операций»^[223]. И не случайно американские компании стали ведущими в мире производителями орудий пыток, включая электрошоковое оружие, для применения внутри страны и на экспорт^[224].

В 1999 году президент Клинтон извинился за прошлую поддержку со стороны США правых правительств Гватемалы, которые уничтожили огромное число людей в своей стране. Такое участие «в насилии и широко распространенных репрессиях было ошибочным»; это была «ошибка», которая не должна больше повториться, сказал президент как раз тогда, когда продолжал репрессивную интервенцию против Ирака, Югославии, Гаити и других стран^[225].

Во Вьетнаме войска США сбросили почти 8 миллионов тонн бомб, 18 миллионов галлонов химических отравляющих веществ и почти 400 000 тонн напалма. Свыше 40% полей и садов Вьетнама были поражены химическими гербицидами, в том числе более 40% лесных угодий страны и большая часть ее рыбы и морских продуктов. Несколько миллионов вьетнамцев, лаосцев и камбоджийцев были убиты, еще

больше — искалечены или отравлены токсичными химикатами, почти 10 миллионов остались без крова. Почти 58 000 американцев отдали жизни и еще сотни тысяч были ранены и навсегда остались инвалидами. Однако война принесла выгоду 10 самым крупным военным поставщикам (включая DuPont и Dow Chemical), которые получили валовой доход в сумме \$11,6 миллиарда (в ценах 1973)^[226]. Интервенция США настолько надломила и разорила страны Индокитая, что сделала практически невозможным их самостоятельное развитие. С 1970 по 1990 год руководители США оказывали помощь проводившим геноцид маниакальным «красным кхмерам» в Камбодже, чтобы дестабилизировать ориентирующееся на социалистов правительство этой страны, вели изнурительную гражданскую войну, которая унесла десятки тысяч жизней^[227].

Руководители США поддерживали репрессивные правительства, верные диктату глобальной финансовой системы свободного рынка. Когда правительство Мексики оказалось перед угрозой со стороны повстанческого движения в районе Чиapas, заявление советника Президента США по национальной безопасности помогло мексиканским военным провести кампанию по уничтожению лидеров повстанческого движения, пытаться подозреваемых, сжигать урожай и сгонять крестьян со своих мест^[228].

Колумбия — еще одна страна с длительной историей финансируемых США репрессий, в том числе систематических убийств рабочих, студентов, фермеров и священников, которые пытались объединиться в целях достижения социальных улучшений. На протяжении большей части 1990-х годов в Колумбии ежегодно погибали 35 000 человек. Представители США возлагали всю вину за насилие на незаконный оборот наркотиков. Но, по оценке комиссии юристов Андской группы государств, лишь менее 2% убийств имело отношение к наркотикам, в то время как «70% убийств было делом рук колумбийской армии, полиции и полувоенных эскадронов смерти». С 1986 по 1994 год более 1500 членов профсоюзов в Колумбии были убиты поддерживаемыми ЦРУ США «эскадронами смерти». Вместе с оружием и вертолетами американские военные поставляют химические отравляющие вещества, которые оказывают губительное воздействие на экологию и народ Колумбии. В 2000 году Конгресс США выделил \$1,3 миллиарда якобы на борьбу с колумбийскими наркоторговцами.

При этом признавалось, что деньги будут также использоваться на войну против революционных повстанцев (и бедного населения, которое их поддерживает)^[229].

Иногда корпорации США напрямую участвовали в нарушениях гражданских прав в целях обеспечения безопасности для своих глобальных инвестиций. В таких странах, как Индонезия, Нигерия, Индия, Бирма и Колумбия, полиция и военным платили за аресты и избиения, а в некоторых случаях и убийства местных жителей, которые являлись организаторами кампаний протеста против экологического ущерба или вытеснения с земель местного населения^[230].

Произнося речи о «правах человека», руководители США поддерживали по всему миру прозападные режимы, которые использовали «эскадроны смерти», пытки и террор против собственного населения. Они объявляли забастовки вне закона, разгоняли профсоюзы, понижали зарплаты и убивали инакомыслящих^[231]. Нередко они фальсифицировали результаты выборов с помощью крупных денежных сумм, нечестных подсчетов голосов и целенаправленного террора, как это произошло на Ямайке (1980), в Чили (1964), в Сальвадоре (1984) и в других местах^[232]. Но, если результаты выборов не удовлетворяют руководителей США, их объявляют «фальсифицированными» и «мошенническими» (вне зависимости от мнения международных наблюдателей), как это случилось в революционной Никарагуа в 1980-х годах, в Югославии в 1990 и в 2000 годах и на Гаити в 2000 году.

Если «империализм» определить как систему взаимоотношений, при которой интересы правящих кругов одной страны посредством использования экономической и военной силы, земли, труда, ресурсов, финансов и политики осуществляют господство над другой страной, тогда Соединенные Штаты Америки являются самой большой империалистической державой в истории человечества. Американская империя имеет размеры и характеристики, невиданные до того в истории. Эта империя располагает военными базами, которые кольцом опоясывают землю, ядерным оружием огромной поражающей способности. США обладает 8000 единиц стратегических и 22 000 тактических боеголовок, имеет наземные и военно-воздушные силы, способные нанести удар в любой точке земли. Страна располагает флотом, который по тоннажу и поражающей огневой силе превосходит

объединенные флоты всех остальных стран мира. И хотя ее население насчитывает всего 5% населения земли, США тратят на военные цели треть военных ассигнований всего мира.

Глобальный экспансионизм США предназначен для защиты и дальнейшего развития глобальной финансовой системы и предотвращения появления общественного устройства, имеющего реформистский или революционный характер, а подчас — даже консервативно-националистический (как это было в Ираке), который может использовать свое достояние и труд таким образом, чтобы сократить прибыли или бросить вызов господству глобальной корпоративной экономической империи. Прибыли этой империи текут в руки привилегированного меньшинства, а растущие расходы несет простой народ внутри США и повсюду в мире.

8.

Здравоохранение, защита окружающей среды и социальное обеспечение — агнцы для заклания

Плутократия правит, но не всегда так, как ей бы хотелось. Время от времени те, у кого богатство и власть, вынуждены делать уступки, чтобы вернуть немного для сохранения в своих руках основного, и принимать меры к тому, чтобы самые тяжелые злоупотребления капитализма не привели к народным выступлениям против самой системы. После серьезных улучшений, завоеванных в ходе Великой депрессии 1930-х годов, демократические силы продолжали вести борьбу против экономической и социальной несправедливости. В ответ на это федеральное правительство создало систему государственных учреждений социального обеспечения, которые помогли многим, но далеко не миллионам, в особенности среди тех многих, кто наиболее в этом нуждался. В последние годы эти в целом недостаточные, однако весьма важные социальные улучшения стали объектом серьезных нападок.

Бедные получают все меньше и меньше

Средства государственных фондов, созданных с целью оказания помощи нуждающимся, в итоге попадают не в те руки. В 1965 году правительство провозгласило «войну с бедностью» в Аппалачах, обедневшем районе, протянувшемся холмистой полосой от Нью-Йорка до штата Миссисипи. В течение последующих 35 лет в район Аппалачей федеральными, штатными и муниципальными властями было вложено свыше \$16 миллиардов. Однако эти средства принесли пользу торговцам, банкирам, угольным компаниям и подрядчикам, а не тем бедным, для кого они были первоначально предназначены.

Средства федеральных программ помощи не удается довести до нуждающихся. Программа специального дополнительного питания для женщин, грудных младенцев и детей (WIC) оказывает помощь только половине тех, кто соответствует ее критериям. В 1996 году закон, поддержанный президентом Клинтоном, упразднил программу «Помощь семьям с детьми-иждивенцами» (AFDC), или социальное пособие семьям. Более половины из последующих сокращений государственной социальной помощи на общую сумму в \$54 миллиарда были взяты из денег на льготные продовольственные талоны, которые были предназначены таким семьям. Еще \$3 миллиарда были взяты из программы по улучшению питания детей. Из программы выделения талонов на льготную покупку продуктов были полностью исключены примерно 650 000 законных иммигрантов, включая большое число пожилых людей, которые были выселены из частных домов престарелых, как только туда перестали поступать федеральные чеки на их содержание. Сокращения Клинтоном государственных пособий по социальной помощи «ударили прежде всего по тем, кто не мог обеспечить себя и свои семьи»^[233].

Подавляющее большинство бывших получателей льготных продуктовых талонов состоит из тех, кто не способен работать по причине умственных или физических нарушений или преклонного возраста. Их обрекли на голод и поиск бесплатных столовых для нуждающихся или пунктов раздачи продовольствия, находящихся на попечении церквей и благотворительных организаций. Эти

организации не могут содержать возрастающее число голодных людей^[234].

В период пребывания у власти президентов Рейгана — Буша — Клинтона (1981 — 2000) на миллиарды долларов были сокращены ассигнования на гуманитарное образование, оказание юридических услуг для бедных, исправительное обучение, программы школьных завтраков, здравоохранение для матерей и детей, а также помощи престарелым, слепым и инвалидам. Программы, в которых были заняты сотни тысяч человек, в основном женщин, в том числе в штате детских садов и яслей, библиотек, центров оказания услуг инвалидам и престарелым, были ликвидированы. Исследование, проведенное Министерством здравоохранения и социальных служб, показывает, что в связи с недостатком ассигнований только 15% детей из семей с низкими и средними доходами, имеющих право на места в финансируемых государством дошкольных детских учреждениях, реально их посещают^[235].

Администрация Рейгана урезала ассигнования по программе «Добавочные пособия малоимущим» (SSI), которая служила определенной гарантией для престарелых, слепых и инвалидов с низкими доходами. «Реформа» системы социального обеспечения президента Клинтона предусматривала исключение из программы SSI около 100 000 детей-инвалидов (в основном умственно отсталых)^[236]. К 2000 году, по крайней мере, одна треть из тех, кто нуждался в помощи по этой программе, уже ее не получали. Сокращения федеральной программы пособий по социальному обеспечению означали увеличение числа голодающих и недостаточно питающихся, изоляцию и недостаток ухода в отношении больных, рост числа бездомных и страдающих среди лиц с минимальными экономическими и финансовыми возможностями и самым низким политическим влиянием.

Ситуация в этом плане несколько не лучше на уровне муниципалитетов, округов и штатов, где федеральные субсидии были сокращены от 40 до 60%, что вынудило многие штаты также урезать свои программы социального обеспечения. Из 14 миллионов получателей помощи семьям почти все оказались одинокими матерями и детьми без других источников материальной поддержки. Работоспособными мужчинами оказались менее 1%. Вопреки широко

распространенным предубеждениям, большинство получателей государственных пособий — белые американцы (хотя число афроамериканцев и латиноамериканцев выше относительной численности этих групп в обществе). Большинство этих людей получают социальные пособия не более двух лет и имеют одного или двух детей. Получатели государственных социальных пособий не живут в роскоши. Их совокупные расходы на продукты питания, аренду жилья и одежду составляют сумму значительно ниже уровня бедности. За последние 20 лет реальная сумма помощи с учетом инфляции, сокращений и сузившихся возможностей найти работу упала почти на 40%.^[237]

Раздавались обвинения в том, что система социальных пособий покрывает мошенничество. На самом деле программа AFDC была одной из наиболее четко контролируемых федеральных программ с минимальным числом мошеннических получателей помощи^[238]. Настоящее мошенничество появилось вместе с приватизацией. Частные фирмы стали перехватывать много финансируемых государством контрактов по выполнению задач, которые раньше относились к сфере ответственности государства, например проверка лиц, обращающихся с заявлениями на получение помощи, а также назначение суммы пособия и трудоустройство. Многие государственные чиновники, которые заключали такие контракты с частными компаниями, впоследствии фигурировали в платежных ведомостях этих компаний. Как только функции выплаты государственных пособий оказались переданы частным компаниям, система социального обеспечения стала больше похожа на источник прибыли, чем на помощь людям в выживании. Компании отказывают в оформлении выплат, создают людям трудности при подаче заявления на оказание помощи и поручают выполнение низкоквалифицированной работы детям, которые проживают на воспитании в чужой семье, или клиентам со специальными (дорогостоящими) потребностями в отношении помощи. Чем больше средств они смогут удержать, тем больше денег смогут присвоить себе^[239].

Деньги, которые могли бы помочь нуждающимся оплатить аренду жилья или приобрести продукты питания, теперь идут в карманы руководителей таких компаний. Программы профессионального обучения на миллионы долларов приносят большие прибыли

компаниям, которым они переданы в управление, но в итоге дают мало трудоустроенных безработных [\[240\]](#). Государственные пособия едва ли можно назвать адекватным решением проблем, возникших у бедных людей в условиях капиталистической экономики. Но упразднение помощи или передача функций по ее оказанию спекулятивным компаниям — это решение еще хуже.

Социальная незащищенность — передача всего в частную собственность

Плутократы пренебрежительно относятся к рентабельным предприятиям государственного сектора, которые создают рабочие места и удовлетворяют потребности людей, но не приносят прибылей корпоративной Америке. Поэтому класс собственников неустанно выступает за приватизацию государственных служб и ресурсов как внутри США, так и повсюду в мире. Среди объектов приватизации обычно называют коммунальные службы и предприятия, школы, пенсионные фонды, предприятия транспорта, жилье, библиотеки, тюрьмы, учреждения здравоохранения и государственные средства массовой информации.

За последние годы под огонь сторонников приватизации попала государственная система социального обеспечения. Немногим более половины из \$500 миллиардов, ежегодно поступающих в систему социального обеспечения, приходит из платежных ведомостей лиц, работающих по найму, остальное должно поступать от работодателей. И именно это обстоятельство является основной причиной того, почему работодатели так не любят эту программу. Противники системы социального обеспечения предсказывают, что пенсионный фонд через три десятилетия рухнет из-за растущего числа пенсионеров. Они рекомендуют разрешить работающим по найму вкладывать свои платежи, ныне поступающие в систему социального обеспечения, в рынок ценных бумаг, котирующихся на фондовой бирже. Там эти суммы якобы будут расти значительно быстрее и сделают каждого выходящего на пенсию значительно богаче^[241].

На самом деле все обстоит несколько иначе. Если деньги пенсионных фондов перевести на миллионы частных счетов на фондовой бирже, брокерские фирмы Уолл-стрит делали бы ежегодно миллиарды долларов на брокерских комиссионных, а системе социального обеспечения, как объединенной системе платежей, коллективной системе социальной защиты, пришел бы конец. Фондовая биржа — это не пенсионная программа, а разновидность азартной игры, которая может оказаться рискованной для многих неопытных

пенсионеров (и даже для многих опытных инвесторов). Фондовая биржа может рухнуть, не успев прийти в себя. После краха, в начале Великой депрессии, фондовые рынки США не могли достичь своих максимальных котировок 1929 года вплоть до 1954 года.

При подсчете обильных прибылей, которые пенсионеры якобы получают от вложений на фондовой бирже, приватизаторы основываются на радужных предположениях о постоянно растущем рынке. Но, пророча банкротство системе социального обеспечения, они переходят на пессимистические прогнозы развития экономики с низкими темпами роста и аномально низкими платежами в фонд социального обеспечения. Вместо того чтобы быть каналом оттока средств из бюджета, система социального обеспечения все время производит большой избыток средств. По данным отчета 1998 года попечителей фонда социального обеспечения можно сделать вывод, что к 2008 году у фонда образуется превышение доходов над расходами в сумме \$1,5 триллиона, что позволит производить выплаты в полном объеме вплоть до 2032 года. На самом деле фонд сможет обеспечивать выплаты неопределенно долго. Если же через 30 лет возникнет дефицит средств, его легко можно будет покрыть путем небольшого повышения ставки налога или путем расширения диапазона взимания налога свыше суммы в \$76 200, которая была максимальной в 2000 году^[242].

Система социального обеспечения — это не только пенсионный фонд; это состоящая из трех частей программа *страхования*, которая включает:

- пенсионный фонд для свыше 30 миллионов пенсионеров и их супругов;

- систему страхования трех с половиной миллионов детей умерших родителей или родителей-инвалидов; (3) систему страхования для 4 миллионов лиц всех возрастов, потерявших трудоспособность в результате травм или других серьезных нарушений и расстройств здоровья. Любые схемы приватизации не имеют ничего общего со страхованием на случай потери кормильца или страхованием по инвалидности.

Система социального обеспечения защищает инвалидов и пенсионеров от неблагоприятных последствий инфляции посредством ежегодных надбавок в связи с ростом стоимости жизни, чего частные счета на бирже делать не могут. Обеспечение свыше 60% доходов

среднего пожилого американца представляет собой самую эффективную программу по борьбе с бедностью в стране. Без нее уровень жизни 14 миллионов пожилых людей и инвалидов опустился бы ниже прожиточного минимума^[243].

Оппоненты системы социального обеспечения утверждают, что она по-настоящему не работает. Но на самом деле их больше всего беспокоит то, что она все-таки как-то работает. Это — одна из наиболее успешных программ социального обеспечения в истории США. За период свыше шести десятков лет она ни разу не пропустила выплаты. Расходы на ее содержание и функционирование составляют около 1% ее годовых выплат. Для сравнения, расходы на содержание частной программы страхования составляют 13% годовых выплат. Система социального страхования помогает большинству, а не меньшинству, перераспределяя миллиарды долларов наиболее справедливым бесприбыльным образом. Именно поэтому привилегированное меньшинство требует ее «реформирования».

Сколько здоровья вы можете себе позволить?

В американском обществе наблюдается большой разрыв в состоянии здоровья у представителей различных социальных классов. Очень часто в приемном отделении лечебного учреждения на первом медицинском осмотре пациента происходит анализ содержания его кошелька. Многим серьезно раненым в платных больницах отказывают в экстренной медицинской помощи, поскольку они не могут предъявить доказательств своей платежеспособности. Тем временем государственные больницы закрываются из-за недостатка финансирования. Пациентов выставляют из больниц, не закончив лечения, — просто когда у них кончились деньги. Люди, которым требуется длительное лечение, становятся банкротами из-за больничных счетов, несмотря на якобы «полное страхование». Для увеличения прибылей персонал больниц подвергается сокращениям и перегружен работой до такой степени, что становится неспособным оказывать надлежащую медицинскую помощь [\[244\]](#).

ETTA © 1985 FORT WORTH STAR-TELEGRAM
HULME



Мы оба считаем, что вам нужна хирургическая операция, но нам нужно получить третье мнение — от бухгалтера

В докладе Национального института медицины приведены данные о том, что медицинские ошибки и ятрогенные заболевания (вызванные самим процессом лечения) в больницах США приводят к смерти до 98 000 человек ежегодно, то есть примерно одного из пятисот пациентов. Вопреки сложившемуся мифу о том, что «частные предприятия делают это лучше», показатели смертности и расходы пациентов выше в платных больницах по сравнению с бесплатными медицинскими учреждениями^[245].

Число американцев без медицинской страховки возросло до 44 миллионов человек, в их числе — 11 миллионов детей. Основной причиной этого стали сокращения программ страхования ответственности работодателя^[246]. Работодатели сокращают доходы и даже отменяют страхование работников с серьезными заболеваниями. Миллионы застрахованных ежемесячно платят страховые премии, которые ложатся тяжелым грузом на их семейные бюджеты. Уровень медицинского обслуживания людей не становится выше, а расходы растут.

Руководители корпораций и другие богатые люди пользуются совсем другой системой здравоохранения — не той, что простые люди. Управляющих высшего ранга обычно обеспечивают полным покрытием медицинского страхования за счет компаний. Они не вносят разницы (в покрытии) и фактически не оплачивают страховых премий за визиты в лечебные учреждения и госпитализацию в палатах люкс с ресторанным питанием^[247].

С тех пор как в 1996 году Конгресс и штаты начали проводить сокращения государственных пособий, почти миллион человек с низкими доходами лишились обеспечения по программе Medicaid. Medicaid — федеральная программа бесплатной медицинской помощи неимущим. Миллионы взрослых людей с детьми, живущих на уровне бедности, не получают медицинской и стоматологической помощи по программе Medicaid обычно по той причине, что не могут найти врачей и стоматологов, которые взяли бы на себя труды по их лечению^[248].

Программа Medicaid обеспечивает медицинскую помощь бедным, а медицинская помощь по программе Medicare предназначена для пожилых и инвалидов. Medicare — общедоступная программа страхования для миллионов людей. К несчастью, она не совершенна. Среди ее главных бенефициариев^[249] были лечебные учреждения и врачи, которые ежегодно жульнически завышали счета за лечение на миллиарды долларов, оказывая при этом медицинские услуги низкого качества. Управление общей бухгалтерской отчетности США выявило, что преступные группы по всей стране создали десятки «липовых» компаний с целью жульнического получения от программ Medicaid и Medicare сотен миллионов долларов за использование оборудования и услуги, которые никогда не оказывались^[250].

В домах для престарелых или инвалидов содержатся почти 2 миллиона человек. И эти заведения ежегодно выставляют счет на \$87 миллиардов за свои услуги, в которых более 75 центов из каждого доллара оплачивают налогоплательщики через программы Medicaid и Medicare. Чем меньше средств дом для престарелых и инвалидов тратит на содержание и лечение пациентов, тем больше остается ему и акционерам. Платные дома для престарелых, с их малочисленным и плохо обученным персоналом, отвратительными условиями быта и отсутствием заботы и злоупотреблениями в отношении пациентов, стали настоящим позором нации^[251].

Зависимая от корпораций пресса США, описывая канадскую программу медицинского обслуживания и британскую национализированную систему аналогичного назначения, характеризует их как «предоставляющих неудовлетворительное обслуживание». Критики обращают внимание на длительное ожидание, забывая упомянуть о том, что ожидание является прямым результатом широкого объема страховой защиты, а также сокращенного финансирования со стороны правительства. Но даже при всем этом в Канаде и Великобритании отсутствуют очереди на неотложные операции и имеется всего лишь небольшая очередь на некосметические хирургические операции. Если исходить из расчета на одного пациента, то Америка тратит на медицинское обслуживание значительно больше средств, чем Канада и Великобритания или Франция, однако последние страны, а вместе с ними и ряд других обеспечивают доступную медицинскую помощь всем своим гражданам. Государственные

системы медицинского обслуживания Канады и стран Западной Европы располагают значительно большим числом врачей и больничных коек на одного жителя, имеют ниже показатель детской смертности и у них в среднем более здоровое население и выше ожидаемая продолжительность жизни^[252].

Медицина в США — одна из крупнейших отраслей бизнеса с общим ежегодным оборотом в \$1 триллион, что составляет 14% ВВП. Самыми влиятельными бенефициариями медицинской отрасли являются крупные страховые компании и организации медицинского обеспечения (НМО). Такая организация представляет собой группу врачей или страховую компанию, заключившую контракты с врачами, которые предоставляют частные услуги здравоохранения индивидуальным лицам, способным оплачивать ежемесячную страховую премию. Целью руководителей и владельцев организаций медицинского обеспечения является максимальное увеличение прибылей. Они достигают этого тремя путями: во-первых, устанавливается такой размер ежемесячной премии, что она забирает необычно большую часть семейного бюджета; во-вторых, врачам выделяется минимальное время на работу с каждым пациентом; сокращаются до минимума, даже, если это необходимо, дорогие виды лечения; и в-третьих, снижаются оклады всему медицинскому персоналу и вводится ускоренный ритм работы.

Большинство организаций медицинского обеспечения устанавливают врачам низкую фиксированную ставку оплаты за каждого пациента вне зависимости от того, сколько требуется посещений, операций и госпитализаций. Те врачи, чье сочувственное отношение к больным и высокое мастерство в наибольшей мере привлекают к ним самую большую долю тяжелых (и наиболее дорогих в лечении) больных, все более ощущают себя в подавленном состоянии, поскольку они не могут обеспечить себе достаточный заработок на фиксированных ставках оплаты, стараясь лечить тех, кому необходим широкий перечень лечебных мероприятий^[253].

В США существует 1500 различных программ медицинского страхования. Все вместе они ежегодно расходуют свыше \$100 миллиардов на предложение и продвижение своих услуг на рынок, административные затраты и щедрые зарплаты руководящему составу. Этой суммы было бы достаточно для обеспечения длительного лечения

миллионов незастрахованных людей. Частные компании медицинского страхования расходуют 12% полученной оплаты страховок на административные и накладные расходы по сравнению с 3,2%, затрачиваемыми по программам Medicaid и Medicare, и с 0,9% — затрачиваемыми канадской государственной системой медицинского страхования, которая избавилась от частных компаний медицинского страхования свыше 20 лет назад. Страховые компании и организации медицинского обеспечения избавляются от тех заявителей, которым требуется дорогое лечение^[254]. Многие организации медицинского обеспечения заявляют о своем статусе неприбыльных организаций, поскольку они осуществляют свою деятельность якобы на «общественном попирще», и тем не менее они полностью являются высокоприбыльными корпорациями. В качестве «неприбыльных» организаций они избегают платить подоходные налоги и налоги на имущество^[255].

Цены на лекарственные препараты часто очень завышены. Фармацевтические компании заявляют, что высокие цены нужны им для того, чтобы поддерживать новаторские исследовательские работы. Но они расходуют в три раза больше денег на меры по стимулированию продаж и рекламу, чем на исследования, и при этом получают астрономические прибыли. Более того, исследования в фармацевтической отрасли ежегодно финансируются правительством на сумму в \$15 миллиардов^[256]. Правительство также финансирует разработку лекарств для сирот, которыми лечат редкие заболевания. Эти лекарства получили такое наименование, поскольку, принимая во внимание узость рынка для них, фармацевтические компании не хотят их разрабатывать за свой счет. Поэтому Конгресс принял закон о лекарствах для сирот (1983), предоставив фармацевтическим фирмам, разработавшим это лекарство для относительно редких заболеваний (им страдают менее 200 000 человек), семилетний срок защиты от любых рыночных потерь, а также щедрые налоговые льготы^[257]. Еще раз частный сектор послужит общественному делу, но только при условии щедрой компенсации со стороны государства.

Покупатели опасаются, и рабочие тоже

Администрация по контролю за продуктами питания и лекарствами (FDA) проводит проверку только 1% медикаментов и продовольственных товаров, поступающих в торговую сеть. Зубная паста, шампуни, солнцезащитные составы, лосьоны для ухода за телом, присыпки для тела, косметические составы и краска для волос нередко содержат канцерогенные побочные продукты, однако FDA не принимает в этой связи особых мер^[258]. Из медикаментов, получивших его одобрение, половина вызывает серьезные побочные реакции. По некоторым оценкам, побочные негативные реакции на медикаменты, оставляя в стороне ошибку врача, могут оказаться причиной смерти более 100 000 человек в год. Некоторые фармацевтические компании скрывают информацию и не сообщают о потенциальной опасности их продукции^[259].

Когда корпорация Monsanto (недавно купленная корпорацией DuPont) выпустила в продажу гормон роста крупного рогатого скота (BGH), предназначенный для резкого увеличения удоев молока у коров, FDA одобрила «чудодейственное лекарство» биотехнологов, хотя организации потребителей и защитников окружающей среды задавали вопросы в отношении возможного влияния этого препарата на детей и взрослых. Коровы, которым вводится гормон роста, болевают и испытывают недостаток питательных веществ, что приводит к необходимости увеличения вводимой им и без того высокой дозы антибиотиков. Повышенное производство молока обходится налогоплательщикам увеличением федеральных закупок молока, что приносит выгоду только нескольким крупным производителям молока^[260].

Большие специализированные хозяйства по всей стране безжалостно заключают животных дойного стада в клетки и тесные загородки на всю их жизнь, где им среди прочего скармливают измельченные части тел животных и осадок сточных вод. Этим несчастным созданиям регулярно вводят антибиотики с целью предотвращения заболеваний и повышения эффективности использования кормов путем увеличения их веса за счет удержания воды в их организме. Но широкое применение антибиотиков

способствуют появлению опасных, устойчивых к антибиотикам штаммов бактерий, которыми люди заражаются при употреблении мяса, молока и яиц и от которых нет лечения. Сотни людей страдают от продолжительных болезней. Каждый год в США регистрируется более девятисот смертей от кишечной палочки и других заболеваний пищевого происхождения^[261].

Невозможно говорить о здоровье американцев, не упомянув об охране здоровья на производстве. Каждый год от травм, полученных на рабочем месте, умирает свыше 10 000 человек, и еще 50 000 — от профессиональных заболеваний. Кроме того, от 50 000 до 60 000 человек становятся постоянными инвалидами, а миллионы других страдают от профессиональных болезней^[262]. Работа на промышленных предприятиях всегда связана с определенным риском травматизма, однако нынешние масштабы травматизма вызваны низким уровнем техники безопасности на производстве и слабым исполнением правил техники безопасности.

Рабочие, организованные в профсоюзы, давно борются за повышение безопасности труда. В 1970 году Конгресс наконец-то создал Управление по охране труда и технике безопасности (OSHA). При наличии 2300 инспекторов на 6,7 миллиона рабочих мест ресурсов этого управления совершенно недостаточно. Работодатели добровольно представляют в управление отчеты о травмах и смертельных случаях, что делает нынешнюю статистику в этой области ненадежной^[263]. В случаях привлечения к ответственности за нарушения корпорации нередко считают, что дешевле платить относительно небольшие штрафы, которые зачастую после дополнительных переговоров существенно снижаются, чем нести затраты по улучшению условий труда.

Законы о компенсациях работникам обычно возлагают бремя доказательств (в суде) на получившего телесные повреждения работника, не наказывают руководство предприятия за укрывательство и уничтожение улик и вещественных доказательств и предусматривают срок давности, что делает затруднительным сбор и анализ информации по профессиональным заболеваниям, которым свойствен длительный скрытый период. Только около 10% тех миллионов рабочих, кто получил травмы, добиваются хоть каких-то компенсационных выплат. И после этого они лишаются права преследовать безответственного

работодателя в судебном порядке. Таким образом, правительственная программа компенсаций за травматизм в определенной степени ограждает предприятия от ответственности.

Порождение кризисов — школы и жилье

Экономическое неравенство находит свое продолжение в области образования. В американских штатах финансирование школ осуществляется в значительной степени за счет налогов на имущество, поэтому богатые округа расходуют в расчете на одного школьника в десять раз больше, чем бедные. Более бедные школы испытывают недостаток финансирования, их учебные площади и помещения перегружены^[264]. Многие законодатели и комментаторы так говорят по этому поводу: «Мы не можем решить проблемы школ простым ассигнованием денег». Странно слышать такие заявления от людей, которые не перестают ассигновать колоссальные суммы Пентагону на увеличение поражающей способности вооруженных сил США. Одно из исследований Rand Corporation показало, что чем меньше число учеников в классе, тем проще формировать группы в дошкольных воспитательных учреждениях и тем выше уровень использования учителем учебных материалов, а вложение дополнительных финансовых средств в оборудование для воспитательного процесса действительно улучшает нравственный облик и поведение детей из семей с низкими доходами^[265]. Однако суть проблемы, по-видимому, заключается не только в деньгах или их отсутствии. Некоторые критики предлагают приватизировать сектор государственного образования посредством выдачи родителям учеников образовательного сертификата с указанной на нем денежной суммой, который они могут использовать для оплаты образования своего ребенка в любой из частных школ по их выбору, включая церковноприходские школы. Предлагается отменить аттестацию учителей и школ, а также контроль за их работой и качеством учебного процесса. Любой в таком случае сможет учредить школу для того, чтобы сшибить деньги, просто получив образовательный сертификат. Считается, однако, что такое предложение представляет собой шаг вперед.

Драматические диспропорции существуют также в финансировании высшего образования. То положение, которое существует сегодня, защищает права богатых. Федеральную помощь оказывают в первую очередь действующим богатым элитным университетам, а не местным колледжам и вечерним школам, что

затрудняет получение качественного образования людям с низкими доходами. Кроме того, федеральная помощь предназначена высшим медицинским учебным заведениям, а также программам послевузовского образования и подготовки аспирантов. В период 1980 — 1990-х годов плата за обучение выросла невероятным образом как в государственных, так и в частных учебных заведениях, а федеральные гранты для учащихся колледжей с низкими доходами составляли лишь половину от того уровня, который был в течение 1970-х годов [\[266\]](#).

Такая же картина с жильем. Основной объем федеральной помощи на жилье приходится не на бедные семьи, на богатые. Собственники жилья со средними и высокими доходами получают скидки по налогу на недвижимость, вычеты с доходов, уплаченных за ипотечное кредитование и отсрочки уплаты налогов на увеличение рыночной стоимости при продаже недвижимости. Все это обходится государству в \$100 миллиардов ежегодно не полученных налогов. Это в несколько раз больше тех сумм, которые выделяются Министерству жилищного строительства и городского развития на жилье для лиц с низкими доходами [\[267\]](#).

Люди с высокими доходами, владеющие домами с видом на морской пляж, получают субсидированную государством страховку, при которой на государство ложится ответственность на многие миллиарды долларов. Одним из таких бенефициариев был бывший президент Джордж Буш, который неустанно проповедовал рыночный принцип опоры на собственные силы, в то же время он пользовался федеральной субсидией на свою страховку недвижимости от стихийного бедствия на сумму покрытия \$300 000-\$400 000. [\[268\]](#)

Возведенные с федеральной помощью частные жилые комплексы сдаются на период в один-два года в аренду людям с низкими доходами, чтобы получить право на федеральное финансирование, а затем продаются покупателям, которые, не имея отношения к первоначальному контракту, выселяют съемщиков и превращают комплексы в дорогостоящее жилье для аренды или в кондоминиумы. Каждый год сотни тысяч домов для людей с низкими доходами подвергаются реконструкции и затем продаются частным инвесторам. В районах, где действие законов о регулировании квартирной или арендной платы ослаблено, владельцы жилья могут повышать

арендную плату по своему желанию и выселять жильцов без каких-либо оснований.

Правительство приняло две жилищные программы для жильцов с низкими доходами. Первая — программа государственного жилья для 1,3 миллиона семей, половина из которых имеет право на какую-либо форму государственной помощи^[269]. Построенные на государственные средства жилые дома, в которых проживают наркоманы и члены преступных группировок, привлекают много внимания со стороны средств массовой информации. Но многие другие жилые комплексы, где положение в целом нормальное, в том числе и те, где живут пожилые люди, редко фигурируют в сообщениях прессы.

Вторая государственная программа жилья — программа государственных жилищных ваучеров, которая, согласно разделу 8,^[270] предусматривает выделение государственных субсидий на аренду или приобретение жилья для 1,5 миллиона семей с низкими доходами. Семья платит домовладельцу 30% дохода, а правительство доплачивает ему остальное. И снова государственный сектор финансирует частный сектор. Около полумиллиона семей с низкими доходами, получивших ваучеры, возвращают их обратно неиспользованными из-за отсутствия подходящего доступного жилья. В США только около четверти бедных семей получают какую-либо разновидность жилищных субсидий — самый низкий уровень среди всех промышленно развитых стран^[271].

Сокращение государственных ассигнований на жилье в период 1980-х годов стало главной причиной роста бездомности. Семьи стали самой быстро растущей группой бездомных^[272]. По мере снижения предложения доступного жилья, рост арендной платы во многих районах страны быстро обгоняет рост доходов. Миллионы американцев, не считающиеся бездомными, или ограничивают до крайности свои потребности в размере жилья, или платят за него больше, чем могут себе позволить.

Во многих городах бездомных объявляют вне закона постановлениями местных органов власти, согласно которым сидение или лежание в общественном месте со спальным мешком или тележкой из магазина самообслуживания приравнивается к правонарушению. Бездомных людей преследуют, с ними грубо обращаются, отовсюду выгоняют, их арестовывают, принадлежащее им скудное имущество конфискуют и ломают, их палаточные лагеря и другие места для

ночлега огораживают глухим забором^[273]. После сокращений жилищного строительства периода 1980-х годов бездомные люди стали настолько обычным явлением, что целым поколением молодых американцев они воспринимаются как обычная часть городского ландшафта. Просто эти молодые люди не знают, что было время, когда бездомные были редкостью и считались упреком обществу.

«Общественный транспорт» — то, что хорошо для General Motors...

Система транспорта дает другой пример того, как частным прибылям оказывают предпочтение перед общественными нуждами. Вплоть до 1920-х годов перевозка пассажиров и товаров осуществлялась в основном по железным дорогам поездами на электрической тяге. Железнодорожный транспорт расходует только часть того топлива, которое потребляют легковые и большие грузовые автомобили. Но именно это его экономичное использование топлива и стало так нежелательно нефтяной и автомобильной отраслям промышленности.

Посмотрим на историю города Лос-Анджелеса. В 1935 году город располагал крупнейшей в мире рельсовой транспортной системой радиусом в 75 миль с тихими и незагрязняющими окружающую среду электричками, которые ежегодно перевозили 80 миллионов пассажиров. Но корпорации General Motors и Standard Oil, используя фиктивные фирмы в качестве прикрытия, купили железнодорожную транспортную систему и заменили поезда на электрической тяге автобусами производства General Motors, с двигателями на топливе компании Standard Oil. К 1955 году эти корпорации заменили по всей стране электрические трамваи потребляющими слишком много горючего и выделяющими много выхлопных газов автобусами. А после этого они сократили городские и пригородные автобусные маршруты для того, чтобы способствовать переходу на легковые автомобили. В 1949 году корпорация General Motors была признана виновной в сговоре и заплатила крупный штраф — в размере \$5000.^[274]

Автомобили взимают с общества ошеломляющую дань. Каждый год в Соединенных Штатах в автомобильных авариях на дорогах погибают 47 000 человек и два миллиона получают увечья, причем многие из них остаются нетрудоспособными на всю оставшуюся жизнь. На дорогах погибло свыше трех миллионов американцев, что вдвое выше числа убитых во всех войнах, которые вела страна за свою историю. Эти цифры не включают те смерти, которые происходят каждый день или каждую неделю после дорожно-транспортного

происшествия, а также ежегодно еще почти 30 000 смертей, являющихся результатом воздействия на человека выхлопных газов автомобильного транспорта. Автотранспортные средства *ежедневно* убивают один миллион животных. Автомобили убивают на дорогах больше оленей, чем охотники^[275].

Более половины земли в городах США занято под дорожное движение, автомобильные парковки и объекты, так или иначе связанные с автомобилями. Целые городские кварталы сносятся ради того, чтобы освободить место для автомагистралей и других дорог, что в конечном итоге создает еще большую нехватку жилья. Автомобили требуют еще большего расширения населенных пунктов для того, чтобы, в свою очередь, вызывать увеличение расходов на каждого жителя на сооружение сети канализации, техническое обслуживание дорог и другие службы, а также рост расходов на транспортировку продуктов питания из-за того, что сельскохозяйственные фермы вокруг крупных городов вынуждены по мере разрастания городов перемещаться от них все дальше и дальше.

Федеральные, штатные и муниципальные власти ежегодно расходуют свыше \$300 миллиардов на цели, связанные с эксплуатацией автомобилей. Это расходы на строительство и обслуживание автомобильных дорог, на содержание дорожной полиции, скорой помощи и больниц, а также на компенсацию налога на недвижимость по мере того, как все больше земли выделяется под автомагистрали и дороги. Автомобиль является самым крупным в мире источником загрязнения воздуха в городах. Поверхностные водостоки с пылью автомобильных шин и нефтяными пятнами, а также солью, которую тоннами посыпают на зимние дороги, наносят экологический вред рекам и морским заливам, губят деревья и другую растительность. Расходы на лечение потерпевших в автоавариях огромны, таковы же масштабы расходов в судах, которые тратят массу времени на рассмотрение дел о телесных повреждениях в результате аварий на дорогах. Пятая часть всех доходов средней американской семьи идет на оплату автомобиля, платежи по автострахованию, приобретение горючего и другие расходы, связанные с автомобилем. Расползание городов и рост населения увеличивают количество часов, которые мы проводим на дорогах. Те, кто не водит автомашину — престарелые

люди, инвалиды и юное поколение, — изолированы от транспортной системы, в которой господствует автомобиль.

Значительная часть денег, затрачиваемых на общественный транспорт, идет метрополитену, который обслуживает состоятельных жителей городских предместий. Они ежедневно ездят в метро на работу в бизнес-центры в деловой части города и обратно. Муниципальные транспортные системы оплачиваются частично за счет дефицитного финансирования посредством безналоговых облигаций, которые обычно приобретают состоятельные физические лица и банки. Для того чтобы обслуживать эти облигационные займы, транспортные системы увеличивают оплату за проезд и сокращают численность обслуживающего персонала, что приводит к сокращению числа пассажиров, снижению доходов и новому росту долга. Во время пребывания у власти президент Клинтон сократил финансирование общественного транспорта, что дополнительно усугубило транспортные проблемы Америки.

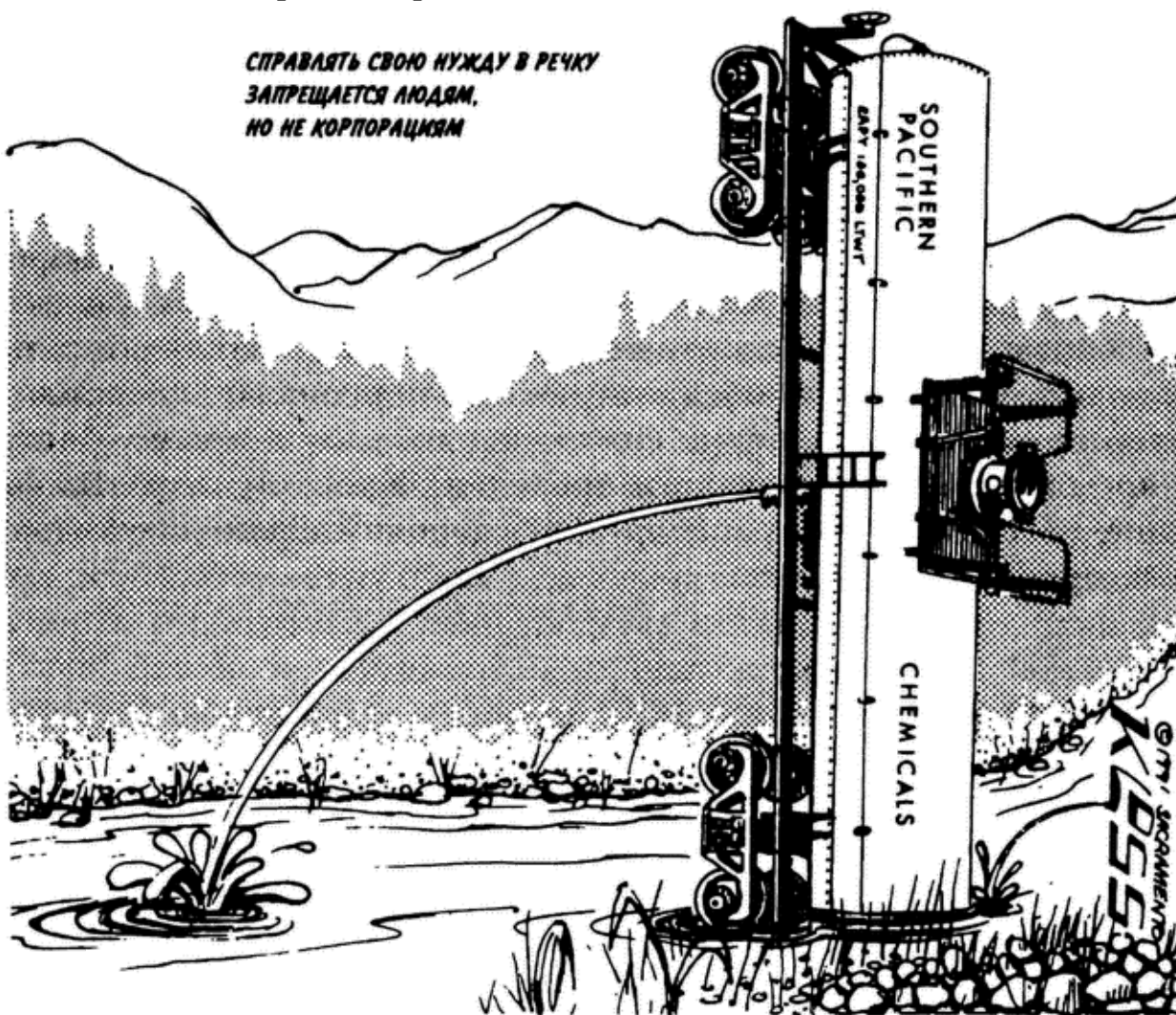
Отравление земли

Загрязнение окружающей среды можно сравнить с грехом, который регулярно обличают и все равно настойчиво совершают. Каждый год промышленность выбрасывает в окружающую среду в качестве отходов производства миллионы тонн токсичных веществ, в том числе двуокись серы, двуокись азота, двуокись углерода, селен, ртуть, свинец, асбест и сотни других вредных веществ. Ежегодно промышленность выводит на продажу на рынок около тысячи новых химических соединений, зачастую сопровождая их ненадежной информацией о последствиях их воздействия на окружающую среду. Каждый год в результате около десяти тысяч случаев разливов нефти из нефтепроводов и танкеров миллионы галлонов нефти попадают в наши прибрежные воды, что наносит огромный ущерб по мере того, как нефть проходит через повторяющиеся циклы нереста рыб и воспроизводства диких зверей и домашних животных^[276].

Разработка недр открытым способом и сведение леса угледобывающими и лесопромышленными компаниями продолжаются, принося разорение живой природе и бассейнам водосбора рек. Дождевые тропические леса по всему миру с их ценными популяциями различных животных и растений превращаются в пустоши. Сегодня осталось только 20% девственного лесного покрова, в основном в России, Канаде и Бразилии. И почти повсеместно ему угрожают хищнические сплошные вырубки^[277].

Более 96% лесов калифорнийской секвойи в США уже уничтожено. Вместе с исчезновением деревьев то же самое происходит и с нерестовыми реками и с другими очагами продолжения жизни на земле^[278]. Тяжелые металлы и другие ядовитые вещества выносятся из разрабатываемых месторождений в грунтовые воды. Смытая почва с земель, подвергшихся эрозии, уносится по руслам, каналам и ирригационным системам, подрывая производство продовольствия и рыбные ресурсы. По данным Министерства сельского хозяйства США, каждый год в стране товарные сельскохозяйственные фермы и строители уничтожают до 400 000 акров сильно увлажненных земель. Тонны излишков азота и фосфора, утекающие со стоками ферм и городских систем канализации, а также выпадающие из воздуха

нитраты из выхлопов автомобилей и труб котельных вызывают появление в воде больших масс водорослей и, как следствие, — огромных территорий «мертвых зон» лишенной кислорода воды в заливах, дельтах рек и морях [\[279\]](#).



Промышленное выращивание скота в целях производства мяса приводит к загрязнению больших участков земли и русел водотоков загрязненными водами и является причиной скупки миллионов акров земли в целях производства корма для питания поголовья скота. Согласно одному отчету, потребление мяса с точки зрения экологии является самым вредным занятием после вождения автомобиля с бензиновым двигателем [\[280\]](#).

Другим экологически вредным занятием является чрезмерное деторождение. По мере увеличения численности населения земли свыше шести миллиардов, возрастает количество токсичных

загрязнений, усиливается нарушение экологического равновесия и происходит исчезновение с земли других биологических видов. Производство продовольствия как на поверхности земли, так и в морских глубинах не поспевает за ростом населения. Крупные коммерческие флоты вытесняют мелкие рыбацьи суда (точно так же, как агробизнес вытесняет семейных фермеров) и за счет чрезмерного вылова рыбы и других морских животных подрывают снабжение человечества продуктами моря.

Многие химические соединения, широко применяемые в промышленности и товарном сельскохозяйственном производстве, нарушают работу эндокринной системы человека и по своему действию схожи с гормонами. Проходя по пищевой цепи, они разрушают здоровье и генетическую жизнеспособность человека (а также сотен других биологических видов). Токсичные свалки отходов и мусоросжигательные печи чаще всего расположены в районах или поблизости от тех мест, где проживают малообеспеченные в материальном отношении афроамериканцы, выходцы из Латинской Америки и американские индейцы. Это является причиной чрезмерно высокого уровня раковых заболеваний среди этих категорий населения. Необычно высокие уровни лейкемии и опухолей мозга и яичек обнаружены у детей, живущих около электростанций и территорий, зараженных токсичными веществами^[281].

Более сорока пяти миллионов американцев используют для приготовления пищи и купания воду, зараженную паразитами, а также загрязненную пестицидами и токсичными химическими веществами^[282]. Чрезмерно высокий уровень свинца выявлен в воде, которую пьет каждый пятый американец, что ведет к повышенному артериальному давлению крови, нарушениям мозгового кровообращения и инсультам, сердечным заболеваниям и затруднениям при обучении.

Приблизительно от 50 000 до 100 000 смертей в США происходят из-за загрязненного воздуха. За два последних десятилетия, в связи с продолжающимся ухудшением качества воздуха, число случаев заболевания детей астмой выросло на 75%.^[283]

Неудивительно, что некоторые экологи приходят к заключению, что воздух, которым мы дышим, вода, которую мы пьем, и продукты,

которыми мы питаемся, являются главной причиной смерти людей в Соединенных Штатах Америки.

Сельскохозяйственное производство с широким применением химических веществ приводит к тому, что ежегодно плодородный слой почвы на площади в шесть миллионов акров подвергается эрозии и безвозвратно уносится. За последние несколько десятилетий использование токсичных гербицидов и пестицидов удвоилось, приблизившись к трем миллиардам фунтов в год, и это вызывает рост числа врожденных пороков развития, болезней печени и почек, а также рака^[284]. Под влиянием телевизионных коммерческих роликов владельцы домов поливают свои дворики и лужайки гербицидами и инсектицидами в количествах на единицу площади, от трех до шести раз превышающих те уровни, что применяют фермеры на своих полях и плантациях. Этим они причиняют большой вред самим себе, а также уничтожают многих полезных насекомых, которые способствуют насыщению почвы кислородом и опыляют растения. Высокие уровни пестицидов обнаружены в продуктах питания и питьевой воде. Эти уровни значительно превышают федеральные нормы предельно-допустимой концентрации, что создает угрозу заболеваний раком и долгосрочных нарушений мозга и нервной системы. Около \$8 миллиардов скрытых расходов связано с применением пестицидов, в том числе расходы на очистку зараженной воды, возмещение ущерба здоровью, а также потери птиц, рыбы и деревьев^[285].

Чем больше химических веществ вносится в окружающую среду, тем больше их требуется. Например, в лесу и на лужайке пестициды убивают певчих птиц, поедающих насекомых, что лишает природу естественного средства борьбы с вредителями и способствует тем самым еще большему нашествию насекомых, что, естественно, требует еще большего применения пестицидов. Пестициды приводят к появлению поколений насекомых, более устойчивых к химическим средствам борьбы с ними, что требует применения еще более сильных химических веществ. В результате этого за период в тридцать пять лет применение пестицидов возросло в десять раз, а потери урожая от насекомых и других сельскохозяйственных вредителей увеличились почти вдвое^[286].

В национальных средствах массовой информации проводится кампания, разработанная исследовательскими группами правой

политической ориентации и финансируемая корпорациями, виновными в экологическом загрязнении, и имеющая целью скомпрометировать независимую информационно-просветительскую деятельность в области охраны окружающей среды. Они согласны с бывшим президентом Джорджем Бушем, который доказывал, что «меры по охране окружающей среды должны быть согласованы с экономическим ростом и с принципами свободного рынка»^[287]. На самом же деле природоохранное законодательство не привело к заметному сокращению рабочих мест. Более того, в некоторых случаях оно вызвало создание новых рабочих мест, сохранив конкурентоспособность американских компаний^[288]. Между тем хищническая эксплуатация ресурсов нашей планеты в совокупности с одновременным ростом численности населения приводит к тому, что исчезновение биологических видов происходит с темпом 17 500 растений и животных в год. Химические удобрения, так широко применяемые в США и в других странах, теперь уже мало влияют на увеличение урожаев сельскохозяйственных культур. С 1984 года производство главных зерновых культур в мире, которые являются основой выживания большинства человечества, стало расти медленнее увеличения численности населения^[289].

Экологический апокалипсис

Системе жизнеобеспечения всей экосферы — тонкому слою воздуха, воды и верхнего слоя почвы — угрожает глобальное потепление, разрушение озонового слоя и перенаселенность. Глобальное потепление вызвано исчезновением тропических лесов, выхлопными газами двигателей, энергетических установок и другими выбросами от горения ископаемых видов топлива, которые порождают «оранжерейный эффект», задерживающий тепло вблизи от земной поверхности. Международные группы научных экспертов уже высказывали свою обеспокоенность по поводу ускоренного темпа нарушающих природное равновесие климатических изменений. Несмотря на настойчивые обращения ученых, республиканская и демократическая партии в Конгрессе США отвергли предложения, направленные на ограничение промышленных выбросов, связанных с глобальным потеплением^[290]. Сенатор Стив Симмс (от штата Айдахо) однажды сказал, что, если бы ему пришлось выбирать между капитализмом и экологией, он бы выбрал капитализм. Однако без жизнеспособной экологии не придется выбирать никаких «измов».

Период 1990-х годов оказался самым теплым десятилетием за всю историю метеорологических наблюдений, а 1997 год был самым теплым годом двадцатого столетия, а затем шел 1998 год, за которым последовали более теплые 1999 и 2000 годы^[291]. Содержание в атмосфере двуокиси углерода — наиболее вероятного из газов, вызывающих оранжерейный (или тепличный) эффект, с середины 1800-х годов возросло на 25%. Эти увеличения изменяют характер распределения климата, от которого зависит выпадение дождей, и в результате мы становимся свидетелями метеорологических отклонений от нормы в масштабах планеты, в частности небывалых тропических ураганов и штормов. Глобальное потепление вызывает таяние полярных льдов, что ведет к повышению уровня мирового океана и уже начинает затоплять береговую линию и небольшие острова, а также вызывает сильные наводнения и засухи, разрушающие естественные экосистемы^[292]. В северных странах, как, впрочем, и в более теплых, повышение температуры понизило влажность почвы, что нарушило

способность лесов к самовосстановлению и создало условия для возникновения лесных пожаров^[293].

Глобальное потепление вносит нарушения в установившийся порядок и привычки диких животных при их размножении и несет угрозу их исчезновения за счет появления новых вирусов и повышенной восприимчивости к заболеваниям. Глобальное потепление несет человечеству повышение риска тепловых ударов, загрязнения воздуха, инфекционных болезней и засух^[294]. Если мы не сможем сократить сжигание ископаемого топлива и увеличить выработку энергии за счет ветра и солнечных лучей, совокупные факторы глобального потепления, по-видимому, принесут всей планете полную катастрофу.

Другую потенциальную катастрофу несет с собой уменьшение слоя озона, который защищает нас от смертельного солнечного излучения. Каждый год в атмосферу земли выбрасывается около 2,6 миллиарда фунтов химических веществ, разрушающих озон, в основном хлорфторуглеродов (CFCI). Пятью самыми крупными в США виновниками загрязнения атмосферы хлорфторуглеродами являются корпоративные военные подрядчики. Американские космические челноки также оказывают чрезвычайно разрушительное воздействие на слой озона, однако полеты космических челноков по-прежнему продолжаются^[295]. Самые крупные разовые выбросы в атмосферу хлорфторуглеродов все еще продолжают воздействовать на озоновый слой. По этой причине в последующие годы опасность будет возрастать, несмотря на все улучшения, которые сейчас, возможно, предпринимаются.

Впервые обнаруженные над Антарктикой, озоновые дыры впоследствии появились над обширными пространствами Северного полушария земли. Чрезмерное ультрафиолетовое излучение стало наносить ущерб деревьям, сельскохозяйственным культурам, океанским коралловым рифам и рыбам, а также разрушать океанский фитопланктон, который производит почти половину кислорода на нашей планете. Если умрут океаны, тогда умрут и люди. Ультрафиолетовое излучение разрушает дезоксирибонуклеиновую кислоту (ДНК) растений и людей и ослабляет иммунную систему человека^[296].

Способ действия капитализма состоит в том, чтобы производить и продавать во все более возрастающих масштабах, относясь к мировым ресурсам как к бесконечно увеличивающимся. Но земля имеет пределы по запасам воды, кислорода, верхнего плодородного слоя почвы и по своей способности поглощать токсины и тепло от процесса энергопотребления. Бесконечно расширяющийся капитализм и хрупкая, имеющая определенные пределы экология, судя по всему, находятся на грозящем катастрофой встречном курсе.

Правительство для грабителей

Реакция правительства США на ситуацию, в которой на карту поставлена судьба нашей планеты, никак не вселяет надежду. Закон о безопасной питьевой воде (1974) в основном не исполняется. Закон о контроле над загрязнением воздуха (1967) стал неожиданным подарком для владельцев угольных шахт, которым были переданы миллиарды долларов для очистки воздуха в шахтах. А закон о сохранении исчезающих видов млекопитающих и птиц (1973) — один из самых строгих в мире законов об охране природы — за последние два десятилетия показал себя абсолютно неэффективным. При нем бездействие и пренебрежение требованиями происходили чаще, чем случаи успешного срабатывания. В 1958 году закон, который не допускал даже малейших следов пестицидов в пищевых продуктах, подвергшихся технологической обработке, был отменен. Новый закон, подписанный президентом Клинтоном, вводит значительно более слабый стандарт «отсутствия ощутимого вреда». Администрация Клинтона мало сделала для снижения уровня загрязнений, ведущих к глобальному потеплению^[297].

Проведенные в Америке и в странах Европы исследования в отношении людей, живущих поблизости от антенн сотовой телефонной связи и микроволновых передатчиков, показывают вызывающий тревогу уровень заболеваний раком, сердечно-сосудистых заболеваний и генетических мутаций^[298]. Другой крупной угрозой является атомная энергия. Люди, подвергшиеся воздействию атмосферных атомных испытаний или зараженного облака от подземных атомных испытаний, страдали от множества ужасных заболеваний. На атомных реакторах в дюжине штатов произошли серьезные аварии. В районе вокруг Тримайл-айленд^[299] в штате Пенсильвания у домашнего скота происходили преждевременные разрешения от бремени и животные погибали, а в семьях жителей имели место вспышки рака, пороки развития и преждевременные смерти^[300]. Атомные электростанции настолько опасны, что страховые компании отказываются страховать связанные с ними риски.

В США на военных базах, предприятиях по производству атомного оружия и в атомных лабораториях насчитывается около 20 тысяч мест, зараженных радиоактивными и токсичными химическими веществами. На многих из них неоднократно происходили сбросы радиоактивных отходов и ядовитых химических веществ в воздух и в водную систему, в том числе многие миллионы галлонов были незаконно слиты во временные испарительные пруды, колодцы и фильтрационные бассейны, что вызвало заражения, на очистку которых потребуются миллиарды долларов. В настоящее время правительство фактически признает, что большинство таких мест не удастся очистить никогда и потребуются постоянная их охрана на протяжении будущих поколений людей^[301]. Министерство энергетики не располагает надежными методами захоронения радиоактивных отходов.

В течение десятилетий правительство сознательно разрешало спускать смертельно опасные вещества с содержанием урана и других химикатов в грунтовые воды и в колодцы для забора питьевой воды. Оно также позволяло частным предприятиям и военным производить захоронение радиоактивных отходов на свалках в океане и на главных местах рыбного промысла вдоль Восточного и Западного побережий США^[302].

Нам говорили, что атомная энергия будет чистой и недорогой. На самом деле при сооружении атомных электростанций происходило удорожание строительства против сметы от 400 до 1000%, что серьезно повышало тарифы на электроэнергию. Ядерная промышленность не располагает технологиями долговременного захоронения или обеззараживания площадок старых атомных электростанций. Тысячи тонн «слабо» радиоактивных металлов из атомных реакторов и лабораторий предлагаются для дальнейшего использования в таких обычных и широко распространенных вещах, как замки-«молнии», банки для консервированных продуктов и серебряные изделия. Представители атомной промышленности говорят, что воздействие таких радиоактивных изделий массового спроса на здоровье человека будет «незначительным»^[303].

Береговая охрана США, ответственная за патрулирование и охрану наших водных путей и территориальных вод, сбросила в реки и озера свыше 100 000 аккумуляторов, содержащих свинец, ртуть и другие химические соединения. Американские военные — одни из главных

виновников загрязнения окружающей среды. Они используют огромные количества материалов, разрушающих озон, и ежегодно производят до 500 000 тонн токсических веществ. Пентагон признал в Конгрессе, что на 17 500 военных объектах нарушается федеральное законодательство по охране окружающей среды^[304].

Прибыли становятся выше, когда корпорации могут перекладывать издержки своей бесхозяйственности и убытки на общество. Расходы по удалению и очистке стоков промышленных предприятий (которые составляют от 40 до 60% всей нагрузки на муниципальные водоочистные станции) и расходы на обустройство новых источников водоснабжения (предприятия промышленности и агробизнеса потребляют 80% ежедневного водоснабжения в стране) переложены на общество. То же самое происходит с расходами по очистке радиоактивных территорий, с затратами по предотвращению и лечению расстройств и заболеваний в результате загрязнения окружающей среды, с расходами по борьбе с наводнениями и засухами, на предотвращение неэффективного использования и потерь энергии, борьбу с эрозией верхнего слоя почвы, деградацией сельскохозяйственных земель, увлажненных земель, рыбных промыслов и зон водозабора.



Токсичные тяжелые металлы, химические вещества и радиоактивные отходы по всей стране используются в качестве удобрений, разбрасываются по фермерским полям и пастбищам. Они не считаются составными частями удобрений, потому что в отличие от многих других промышленно развитых стран Соединенные Штаты Америки не регламентируют состав сельскохозяйственных удобрений. Использование промышленных отходов, в том числе свинца, мышьяка, кадмия и диоксинов в качестве удобрений, является разрастающимся национальным явлением необычного характера^[305].

Предприятия, загрязняющие окружающую среду, чаще награждают, чем наказывают. Министерство обороны выплатило частным оборонным подрядчикам дополнительно \$1 миллиард для проведения различных очисток после их же собственных производственных операций. Снова государство должно щедро компенсировать частный сектор за то, чтобы тот продемонстрировал хоть чуточку социальной ответственности. Когда Министерство

энергетики накладывает на подрядчиков денежные штрафы за нарушение правил техники безопасности, компаниям позволяется вносить сумму этих штрафов в счета, выставляемые правительственным ведомствам! Частные подрядчики фактически захватили Фонд борьбы с химическим загрязнением окружающей среды, загребая прибыли на уровне 940% за работу, которая не отвечает минимальным предъявляемым требованиям. Ведущим загрязнителем в числе клиентов этого фонда является корпорация General Electric с ее 88 объектами. По программе этого фонда небольшое число зараженных объектов из общего числа в несколько тысяч были очищены за невообразимую сумму — около \$9 миллиардов^[306].

Федеральное Агентство по охране окружающей среды (EPA) не провело практически никаких фундаментальных исследований в отношении долговременного воздействия на здоровье человека загрязнения окружающей среды. Агентство проводит мониторинг всего лишь 1% из семидесяти тысяч используемых в настоящее время различных синтетических химических веществ^[307]. Каждый год сотни новых загрязнителей искусственного происхождения и химических веществ, среди которых много известных канцерогенов, выходят в окружающую среду, добавляя новой силы эпидемии раковых заболеваний, однако самые вопиющие загрязнения окружающей среды проходят мимо внимания федерального агентства. Официальные представители правительств штатов и федерального правительства принимают меры только менее чем по 2% из тысяч ежегодных жалоб, да и то лишь после того, как продолжительное общественное возмущение вынуждает их делать то, за что им платят деньги. Правительства штатов под воздействием крупных предприятий приняли нормативные акты, которые позволяют корпорациям-загрязнителям контролировать самих себя, не сообщая о результатах властям и общественности^[308].

Правительство не только не может остановить нанесение ущерба окружающей среде, но оно активно способствует этому. В 1992 году Министерство внутренних дел объявило, что оно разрешит проводить на миллионах акров площадей в национальных парках и лесах разработку недр открытым способом. Инженерный корпус Вооруженных сил США открыл 60 миллионов акров сильно увлажненных (заболоченных) земель для использования

предпринимателями и проектными организациями. Уже в этом столетии Инженерный корпус затратил более \$25 миллиардов на возведение дамб и плотин, оставив после себя унылое наследство из экологически разоренных рек, заиленных озер с мертвой рыбой и деградировавшей средой обитания диких животных и растений. Плотины не дают возможности окружающим болотам и заливным лугам выполнять их самую важную природную функцию — ослаблять половодье путем поглощения избытка воды. Заключение рек в строго ограниченные русла только способствует увеличению скорости течения потока и частоты наводнений^[309].

В некоторых штатах компаниям агробизнеса удалось провести законодательство «о распространении компрометирующих сведений в отношении продуктов питания», которое позволяет им преследовать по суду тех, кто подвергает сомнению качество их продуктов. Вне зависимости от успешности такого иска, угроза судебного преследования оказывает сильное сдерживающее действие на таких сомневающихся^[310]. Транснациональная корпорация Monsanto затратила сотни миллионов долларов на разработку «созданных на основе биотехнологий или генетически модифицированных» кукурузы, свеклы, риса и сои, стойких к гербициду «Раундап», производимому самой корпорацией Monsanto. Теперь плантации этих культур можно обрабатывать несравненно большим количеством этого гербицида, без риска уничтожить урожай. Корпорация Monsanto ежегодно распыляла по всему миру свыше 26 миллионов фунтов гербицидов. Считается, что генетически модифицированный семенной материал устойчив против сельскохозяйственных вредителей по той причине, что пестицид генетически встроен непосредственно в семена. Несмотря на утверждения корпорации, Министерство сельского хозяйства США в своем отчете сообщает, что фермеры, использующие генетически модифицированные семена, собирают такие же урожаи, как и при обычных семенах, но вынуждены расходовать почти такое же, как раньше, количество пестицидов.

Биотехнология дает возможность корпорации Monsanto осуществлять монопольный контроль над фермерами, занимающимися выращиванием тех или иных культур, путем использования стерильных семян, полученных по «технологии терминатор». При использовании стерильных семян фермерам в США и в других странах мира придется

ежегодно приобретать семена для посева у корпорации Monsanto, вместо использования своих собственных семян от прошлых урожаев. В любом случае никто не знает, каково долговременное воздействие такого продовольствия на здоровье человека и экологию окружающей среды. Генетически модифицированное продовольствие (оппоненты называют его Frankenfood^[311]) представляет собой массовый эксперимент, в ходе которого с нашим здоровьем и с окружающей нас средой намерены обращаться как с подопытными морскими свинками — без нашего на то согласия. Корпорация Monsanto возражает против обязательного введения соответствующих этикеток на продуктах, то есть потребители даже не будут знать, что они едят генетически модифицированные продукты. При администрации президента Клинтона Администрация по контролю за продуктами питания и лекарствами (FDA), Агентство по охране окружающей среды (EPA) и Министерство сельского хозяйства выступали против призывов об обязательном введении этикеток с информацией о составе или же об испытании на безвредность на упаковках всех продуктов^[312].

Намного эффективнее очистки возникших загрязнений их предотвращение. Уже проявляют себя внушающие надежды изменения, может быть, не в официальных кругах, но хотя бы среди растущего числа людей, которые развивают сельское хозяйство без использования химических удобрений, пестицидов и консервантов и планируют разработку экологически рациональных источников энергии. Сегодня уже сотни тысяч людей в нашей стране и по всему миру отапливают свои жилища с помощью систем, работающих на солнечной энергии. В Калифорнии электростанции, использующие в качестве источника энергии ветер и солнце, обеспечивают потребности около миллиона человек. Эти станции можно построить быстрее и дешевле, чем атомные или тепловые электростанции, и они не дают токсичных выбросов. Возобновляемая и незагрязняющая энергия составляет около 7,5% всей вырабатываемой энергии в США. Двенадцать штатов на Великих Равнинах располагают потенциалом солнечной энергии, превышающим объем нынешнего использования энергии всей нашей страны^[313]. Однако администрации президентов Рейгана, Буша и Клинтона почти ничего не сделали для освоения этих альтернативных источников энергии.

Альтернативная энергия значительно рентабельнее, особенно если принять во внимание скрытые издержки сжигания ископаемого топлива, в том числе ущерб нашему здоровью и собственности из-за глобального потепления, кислотных дождей, разливов нефти и загрязнения воздуха и воды. Солнечная и ветровая энергии были бы более доступны, если бы правительство и корпорации тратили больше ресурсов на разработку технологий и распределительных сетей для использования энергии этих альтернативных источников. Новое поколение высокоэффективных ветряных двигателей становится самым быстрорастущим источником энергии в ряде областей в странах Европы, Латинской Америки и в Индии. Но недорогая и возобновляемая энергия солнечных и ветровых источников подрывает структуру прибыли частных энергетической и нефтехимической отраслей экономики, поэтому альтернативную энергию часто игнорируют или объявляют «нерентабельной».

По этой же причине автомобилестроительные компании мало делают для разработки транспортных средств, не выделяющих отработанных газов. По их словам, на такие транспортные средства нет достаточного спроса. Но исследования показывают, что руководители автотранспортных предприятий и широкая общественность жалуются на нехватку таких транспортных средств и на то, что руководители автомобилестроительных компаний воздвигают на пути их разработки и продаж большие препятствия^[314].

Тысячи фермеров отказались от производства сельскохозяйственной продукции с использованием химических средств и вернулись к применению органических удобрений и соответствующих производственных методов. Теперь они собирают более высокие урожаи при более низкой себестоимости, используя севооборот культур, естественные средства борьбы с сельскохозяйственными вредителями и нехимические удобрения, то есть все те методы, которые восстанавливают почву. В ходе одного из исследований установлено, что датские птицеводы достигают таких же или даже лучших результатов в выращивании цыплят, отказавшись от добавления в корм антибиотиков. Таким же образом на фермах по выращиванию помидоров во Флориде, переключившихся с использования метилбромиды (запрещенное Конгрессом средство для дезинфекции почвы путем окулирования и пестицидов) на устройство

пастбищ с «гречкой, заметной» в качестве кормовой травы, получают более высокие прибыли в расчете на один акр обрабатываемой земли. Но сельскохозяйственное производство без применения химических средств означает конец прибылям Monsanto и других химических компаний. Альтернативные методы сельскохозяйственного производства не получают помощи со стороны Министерства сельского хозяйства, которое тесно связано с корпоративным агробизнесом. На альтернативные методы производства в сельском хозяйстве расходуется менее одной десятой процента бюджета научно-исследовательских работ Министерства сельского хозяйства США. Все остальные средства идут на исследования в интересах агробизнеса и химических методов производства^[315].

В общем, между потребностями человека и социально-экономической системой, ставящей себе целью извлечение максимальной прибыли для корпораций, имеются серьезные противоречия. Природный капитал, представленный землей, минеральными ресурсами и водой, расходуется как бесплатный и бесконечный ресурс, который никогда не вносится в баланс производства при подсчете стоимости капитализма. Корпорации отравляют окружающую среду и оставляют правительству задачу нести огромные расходы по ее очистке. У большого бизнеса все идет лучше, когда его расходы делятся с обществом, а доходы приватизируются. Правительство — недостаточная защита от губительного влияния крупных капиталистических корпораций, а зачастую их добровольная и усердная прислуга.

9.

Неравенство перед законом

За демократическим фасадом государственной власти стоят полиция, суды, тюрьмы и различные агентства национальной безопасности, готовые защищать существующий политический и экономический порядок. Хотя нас и учили считать, что закон является нейтральным инструментом на службе всего общества, однако он зачастую пишется и проводится в жизнь ярко выраженным классовым образом, оказывая предпочтение богатым перед всеми остальными членами общества. Даже само определение того, что является законным, содержит в себе классовую предубежденность. Кража товара из соседнего магазина — это незаконно, однако кража самого магазина и всего, что с ним соседствует, в рамках программы реконструкции города, которая проводится по инициативе спекулянтов и государственных чиновников, приветствуется как проявление гражданственности.

Преступления в офисах

Люди боятся уличной преступности больше, чем различных «белых воротничков», из-за практикуемого преступностью насилия и убедительного изображения ее в фильмах и телевизионных шоу. Но преступления «белых воротничков» юридических лиц наносят значительно больший денежный, экологический и гуманитарный ущерб. Револьверы и пистолеты являются причиной 15 000 смертей ежегодно, а опасные условия работы и профессиональные заболевания приводят ежегодно к 60 000 смертей. Кражи со взломом и грабежи стоят обществу каждый год \$4 миллиарда, а жульничества корпораций обходятся по меньшей мере \$200 миллиардов^[316]. Каждый год Федеральное бюро расследований и Министерство юстиции публикуют отчеты об убийствах, грабежах и других уличных преступлениях, при этом ни словом не упоминают о преступлениях юридических лиц. Таким образом, преступления официально определяются как «уличные преступления», а не «преступления в офисах».

Одним из вопиющих примеров преступных действий корпораций является ситуация с такими фирмами, как DuPont, Ford, General Motors, ITT и другими компаниями, чьи предприятия в Германии во время Второй мировой войны производили танки, самолеты-бомбардировщики, синтетическое горючее и синтетический каучук для нацистской военной машины. После войны вместо скамьи подсудимых за помощь противнику и соучастие в его преступлениях корпорация ITT получила от американского правительства \$27 миллионов за ущерб, понесенный предприятиями ITT в Германии от бомбардировок союзной авиации. General Motors получила свыше \$33 миллионов за ущерб. Предприятия фирм США в Германии в ходе бомбардировок обычно старательно оберегались от разрушений. Таким образом, когда объектом бомбардировки оказался германский город Кельн, находившееся в нем предприятие Форда, выпускавшее бронемшины, которые нацистские военные использовали для того, чтобы убивать американских солдат, оказалось бомбардировками не затронуто. Более того, немецкое гражданское население использовало его в качестве укрытия от авиационных налетов. В период с 1933 по 1945 год, когда нацисты находились у власти, в Германии действовало по меньшей

мере 50 транснациональных корпораций США. Перед войной, как писала на первой странице газета *New York Times*, корпорация Boeing вооружала нацистскую Германию мощным воздушным флотом и получала за это большие доходы. На судебных процессах по коллективным искам в 1999 — 2000 годы большое число американских корпораций признало, что использовало рабский труд заключенных нацистских концентрационных лагерей и получало большие доходы за счет недоплаты за этот труд^[317]. Ни один руководитель корпораций США не был осужден за соучастие в этих военных преступлениях.

Преступления юридических лиц не являются редкостью, они регулярны. Министерство юстиции выявило, что 60% из 582 крупнейших компаний США признавались виновными в одном или более преступных деяниях: уклонение от уплаты налогов, искусственное завышение цен, незаконные откаты, взятки официальным лицам, обман потребителей, нарушения трудового законодательства, несоблюдение правил охраны труда и законов об охране окружающей среды. Министерство труда обнаружило, что корпорации присвоили сотни миллиардов долларов из пенсионных фондов своих работников^[318]. Крупнейшие банки регулярно переходили границу между капиталом и преступлением, принимая и отмывая деньги от темных махинаций. Общая тенденция по приватизации государственных активов и снижению надзора со стороны правительства поощряет недозволенную деятельность^[319].

Многие компании стали правонарушителями — рецидивистами. За ряд лет компания General Electric была признана виновной в 282 случаях обмана при заключении контрактов и подвергнута штрафу на \$20 миллионов. В 1999 году компания MCI World-Com была обвинена в 216 нарушениях закона при использовании токсичных веществ и оштрафована на \$625 000. Федеральная комиссия по связи обнаружила, что региональные отделения компании Bell Telephone не смогли показать якобы уже установленное в рабочих помещениях производственное оборудование на сумму в \$5 миллиардов, которое у них проходило по финансовым документам. Эти обстоятельства дали группам защиты прав потребителей основания для утверждений о том, что компания регулярно завышает отчетные данные в ведомости калькуляции затрат на производство с целью оправдать завышенные тарифы для потребителей и увеличенные списания из ее сумм,

подлежащих налогообложению. Министерство внутренних дел сообщило, что за 16 лет крупные нефтяные фирмы обманули федеральное правительство на сумму почти в \$856 миллионов арендной платы за право разработки недр, установив заниженную цену на нефть, которую они добывали на федеральных землях^[320]. Никто из высших руководителей компаний, вовлеченных в такого рода преступные нарушения закона, не отправился на тюремные нары.



В Соединенных Штатах четыре тысячи осужденных, находящихся в камерах смертников, убили немногим больше людей, чем их собственное число. Если бы они использовали ядовитые химикаты, применяемые промышленностью для производственных нужд, небезопасные фармацевтические препараты или опасные для здоровья бракованные изделия или же если бы они незаконно сбрасывали токсичные отходы или небрежно относились к охране труда своих работников, тогда бы они убили и изувечили на десятки тысяч человек больше и никто бы их даже не отправил за это в тюрьму. Долгие годы фирма Honeywell игнорировала дефекты в газовых обогревателях

своего производства, в результате чего 22 человека погибли и 77 получили увечья, приведшие к инвалидности. За это фирма была оштрафована на \$800 000.

Корпорация Johns — Manville Corporation скрыла информацию об отравлении своих рабочих асбестом, а когда получила решение гражданского суда о выплате рабочим возмещения за причиненный ущерб, объявила себя банкротом с целью избежать выплат. Фирма Smith Kline Beckman не проинформировала Управление по контролю за продуктами и лекарствами о том, что сотни людей, принимавших одно из ее лекарств, получили поражения почек и печени, а тридцать шесть из них скончались. Корпорация General Motors производила грузовой автомобиль малой грузоподъемности с опасным элементом конструкции топливного бака. Прежде чем корпорация GM в конце концов отозвала дефектные автомобили, из-за возникавших на них пожаров погибли три сотни человек. Ни по одному из этих несчастных случаев никто не был осужден^[321].

Один из руководителей компании Eli Lilly фактически признал выдвинутое против него обвинение в том, что он не проинформировал правительство о свойствах производимого его фирмой лекарства Oraflex, которое сочли причиной сорока девяти смертей в Соединенных Штатах и нескольких сотен за рубежом. Он был оштрафован на \$15 000.

Некто У.Р. Грейс признал себя виновным в том, что лгал Агентству по охране окружающей среды, отрицая сброс токсичных химических веществ в колодец с питьевой водой, что впоследствии привело к восьми смертям от лейкемии. Грейс был оштрафован на \$10 000. После обвинения в незаконном сжигании токсичных отходов и выбросе их в атмосферу в течение двадцати лет компания Potomac Electric Power Co. была оштрафована всего лишь на \$500. Когда компания Firestone признала себя виновной в подделке налоговой декларации и сокрытии от налогообложения \$12,6 миллиона доходов, а впоследствии в преступном сговоре с целью помешать проведению ревизии ее финансовой документации, она была оштрафована на сумму в \$10 000, но никто не отправился в тюрьму^[322].

Даже когда сумма штрафа оказывалась более существенной, она обычно составляла небольшую часть прибылей компании и не компенсировала нанесенного ущерба. Корпорация Rockwell

International согласилась уплатить весьма значительную сумму — \$18,5 миллиона после признания своей вины в пяти тяжких преступлениях, выразившихся в радиоактивном и химическом заражении на предприятии по производству атомных бомб в городе Роки-Флэтс. Расходы правительства по очистке зараженной территории и помещений этого предприятия составят миллиарды долларов.

За несколько лет фирма Food Lion, заставляя своих служащих работать сверхурочно, обманула их на сумму по меньшей мере в \$200 миллионов. При судебном урегулировании дела компания выплатила только \$13 миллионов^[323]. Кто сказал, что преступность не платит?

Штрафы зачастую не взыскиваются или их взыскание приостанавливается. Управление общей бухгалтерской отчетности (можно также встретить название — Главное бюджетно-контрольное управление. — *Примеч. ред.*) США выявило, что Министерство юстиции не взыскало штрафы и возмещения убытков на сумму в \$7 миллиардов с 37 000 физических и юридических лиц, осужденных за тяжкие экономические преступления. Свыше сотни, признавших в суде свою вину сотрудников ссудо-сберегательной ассоциации (S&L), избежавших в результате сделки со стороной обвинения длительных сроков тюремного заключения и обещавших выплатить в порядке компенсации \$133,8 миллиона, заплатили менее 1% этой суммы^[324]. В 1989 году танкер, принадлежавший фирме Еххон, допустил утечку 11 миллионов галлонов нефти на побережье Аляски, протяженностью в одну тысячу миль. В результате этого был нанесен тяжелый экологический ущерб морской флоре и фауне, диким животным, растениям и рыбному промыслу. Налогоплательщики США понесли подавляющую часть расходов по очистке загрязнений. Из общей суммы в \$3,5 миллиарда, назначенной судом присяжных в качестве возмещения ущерба, компания Еххон даже десять лет спустя так и не выплатила ни одного цента^[325].

Лица, находящиеся на высоких государственных постах, редко несут наказания в виде тюремного заключения за преступления, даже если они взяты с поличным. Министр внутренних дел Джеймс Уатт из администрации Рейгана оказал содействие богатым инвесторам в получении миллионов долларов из жилищных фондов в целях строительства жилья для лиц с низкими доходами. Однако жилье для малообеспеченных людей так никогда и не было построено. Д. Уатт

сумел уклониться от восемнадцати тяжелых обвинений в лжесвидетельстве под присягой и признал себя виновным в малозначительном преступлении, за которое его приговорили к пяти годам заключения условно и штраф в \$5000.^[326] Преступников из числа «белых воротничков» сравнительно редко приговаривают к тюремному заключению, приговоры обычно бывают мягкими, а иногда — и вообще не исполняются. Осужденные по делу ссудо-сберегательной ассоциации, виновные в воровстве сотен миллионов долларов, провели за решеткой в среднем меньше времени, чем автомобильные воры, и в сравнительно удобных для пребывания тюрьмах нестрогого режима. Средняя продолжительность тюремного заключения для беловоротничковых преступников составляла в 1994 году пять месяцев, а в 1996 году была повышена до одиннадцати месяцев^[327].

Инвестор с Уолл-стрит Майкл Милкен признал себя виновным по шести обвинениям в посягательстве на личную безопасность и был приговорен к 10 годам тюремного заключения, которые впоследствии были заменены на двадцать два месяца, большую часть которых он провел на общественных работах вне тюрьмы. Беловоротничковые преступники, приговоренные к общественным работам, редко отбывают даже часть срока наказания, — их обычно освобождают даже от этого. Милкен должен был выплатить в порядке возмещения ущерба по уголовному и гражданскому искам \$1,1 миллиарда, однако сумел сохранить крупную сумму — в \$1,2 миллиарда — в стороне от всех своих операций. Аналогичным образом Айвэн (Иван) Бозски остался при своих \$25 миллионах после выплаты штрафа за финансовые операции, проведенные с использованием инсайдерской информации, и недолгого пребывания за решеткой. «Каждый крупный участник этих (инвестиционных) преступлений появлялся вновь после пережитой ситуации как весьма состоятельный человек»^[328]. И снова, кто скажет, что преступность не расплачивается за свои дела?

По многим преступлениям юридических лиц уголовные дела даже не возбуждаются. Для начала судебного иска не хватало адвокатов и следователей, а правительство не могло вести в суде более тысячи дел о мошенничестве и незаконном присвоении денежных средств с участием ссудо-сберегательных ассоциаций и банков, в результате чего потери американских налогоплательщиков доходили до нескольких

миллиардов долларов. Хорошо оплаченные юристы частных фирм могут годами вести гражданские тяжбы в судах с последующей подачей апелляций для того, чтобы измотать истцов^[329].

Корпорации используют в судах практику так называемых SLAPP (Strategic Lawsuit against Public Participation — стратегические обращения в суд с целью предотвратить участие общественности). Эта практика направлена против групп потребителей и защитников окружающей среды с целью запугать их перспективой длительных и дорогостоящих судебных процессов и, таким образом, заставить прекратить критику продукции корпораций и некоторых сторон их деятельности. Мясоперерабатывающая промышленность подала в суд на Опру Уинфри за «распространение хулящих сведений о продукции» после того, как она заявила в ходе своего телевизионного шоу, что гамбургеры — продукция невысокого качества и ее нельзя употреблять в пищу. Уинфри выиграла процесс, но это стоило ей тяжелого стресса и больших денежных расходов. После этого критических выступлений против мясоперерабатывающей отрасли она не допускала. Союз потребителей затратил \$10 миллионов, защищаясь в течение восьми лет от судебного преследования со стороны фирмы Isuzu Motors за то, что назвал одну из марок автомашин этой фирмы ненадежной. В штате Западная Вирджиния против активиста движения по защите окружающей среды был подан иск на сумму \$200 000 за то, что он обвинил угледобывающую компанию в том, что она отравляет местную речку. Вне зависимости от победы или поражения в суде такие иски оказывают сильное сдерживающее влияние на критиков правонарушений корпораций, поскольку критикам недостает финансовых ресурсов и эмоциональной стойкости, чтобы выдержать продолжительную защиту в суде. Как заметил в отношении практики подобных исков один из членов Верховного суда из Нью-Йорка: «Если не считать пистолета, приставленного к голове, более серьезную угрозу для Первой поправки к Конституции США^[330] едва ли можно себе представить»^[331].

Из свыше пятидесяти тысяч обвинительных заключений, предъявленных Министерством юстиции США, только несколько сотен касались нарушений национального законодательства по защите окружающей среды, охране труда и безопасности потребительских товаров. Принимая во внимание достаточно высокую документальную

обоснованность широко известных и неоднократных нарушений законодательства со стороны корпораций, такое небольшое число обвинений со стороны федеральных властей едва ли подтверждает мнение корпораций о том, что бизнес является жертвой безжалостного стремления федеральных властей к расправе над ним. Чаще всего юристы правительства бессильны и оказываются в тупике [\[332\]](#).

Классовый характер права

Судья Верховного суда Хьюго Блэк однажды заметил, что «не может быть равного для всех правосудия там, где отношение суда к человеку зависит от количества имеющихся у него денег»^[333]. Судебная система относится к человеку как к принцу или как к парии, в основном в зависимости от размера его финансовых ресурсов. Руководителя корпорации с полным карманом денег и большой командой известных адвокатов воспринимают в суде совсем не так, как бедного человека с низкооплачиваемым, назначенным судом адвокатом, который в первый раз видит своего подзащитного только в день начала слушаний по делу^[334].

Лица малообеспеченные, из числа рабочих, с низким уровнем образования или относящиеся к расовым меньшинствам с большей вероятностью будут подвергнуты аресту, им будет отказано в освобождении под залог, их будут усиленно склонять к признанию вины, и все это — без предварительного заслушивания и адекватного изложения позиций сторон. Меньше вероятность того, что их будут судить судом присяжных, более вероятно, что они будут признаны виновными, осуждены и получают суровый приговор, включая высшую меру наказания. У них меньше возможностей получить продление срока апелляции, быть приговоренными к наказанию условно или с отсрочкой исполнения наказания, чем у члена гангстерской шайки, руководителя корпорации или вообще у более богатого человека. Как говорится, у богатого мало причин опасаться судебной системы, а у бедного — мало причин уважать ее.

У рабочих, борющихся за улучшение условий труда, есть основания для недовольства. За последние годы полиция неоднократно нападала на бастующих сельскохозяйственных рабочих, водителей грузовиков, шахтеров, рабочих мясоперерабатывающих предприятий, дворников, а также заводских и строительных рабочих. Полиция арестовывала и наносила сотням из них телесные повреждения. Сотрудники частных служб безопасности избивают бастующих рабочих и разгоняют их пикеты с помощью насильственных действий, на которые полиция и следователи не обращают внимания. Рабочих бросают в тюрьмы за невыполнение постановлений суда, запрещающих

забастовки и пикеты. Рабочих бросают в тюрьмы даже за то, что они кричат на штрейкбрехеров. Рабочих бросают в тюрьмы, если они осмеливаются, стоя в пикете, дерзко отвечать полиции. В городке Элмвуд (штата Индиана) семеро забастовщиков были убиты бандитами, которых наняла компания. В округе Харлан штата Кентукки вооруженный громила застрелил бастующего шахтера-угольщика. То же самое произошло с другим шахтером в округе МакДауэл штата Западная Вирджиния и с сельскохозяйственным рабочим в штате Техас. Во всех этих случаях полиция никого не задержала, несмотря на наличие показаний свидетелей в отношении убийц^[335].

Мода на жесткость по отношению к преступности

В нашем обществе нет мягкости по отношению к преступности, особенно к уличной преступности с участием бедных. В городе Норфолк штата Вирджиния мужчина получил десять лет тюремного заключения за то, что украл 87 центов, а юноша в штате Луизиана был осужден на пятьдесят лет тюрьмы за продажу двух унций марихуаны. Юноша в городе Хьюстоне был приговорен к пятидесяти годам тюрьмы за то, что ограбил двух человек на \$1. Пятикратный мелкий рецидивист в городе Далласе был приговорен к тысяче лет тюремного заключения за кражу \$73. Мужчина, задержанный при попытке проникнуть со взломом в дом в штате Флорида, был приговорен к пожизненному сроку заключения в тюрьме. В штате Техас мужчина был осужден на тридцать лет тюрьмы за то, что у него обнаружили небольшое количество героина^[336].

Законодатели от двух главных политических партий соперничают друг с другом в стремлении быть «жесткими по отношению к преступности». По примеру двух своих предшественников в Белом доме президент Клинтон запросил у Конгресса ассигнования на сумму в \$23 миллиарда на создание дополнительных полицейских сил, строительство тюрем и обеспечение условий для вынесения более строгих приговоров и наказаний вплоть до пожизненного заключения без права досрочного освобождения для трижды осужденных за тяжкие преступления (известные под названием «три удара и ты выбит в аут»). В период между 1980 и 2000 годами длительность пребывания в тюрьме по вынесенным в судах приговорам увеличилась вдвое, а число заключенных в тюрьмах утроилось. В штате Калифорния за два десятилетия население тюрем выросло с 19 600 до 159 000 человек, а в штате Нью-Йорк оно возросло с 12 000 до 71 000. В настоящее время многие штаты расходуют больше средств на тюрьмы, чем на образование. К началу 2000 года более двух миллионов граждан США находились за тюремной решеткой, что по числу заключенных относительно всего населения (уровень инкарцерации) выводит Соединенные Штаты на первое место в мире. Около пяти с половиной

миллионов осужденных, то есть трое из ста взрослых граждан США, сидят в тюрьмах, освобождены условно или находятся на пробации^[337].

Некоторые люди утверждают, что более жесткая политика изоляции преступников от общества снижает уровень преступности. Но в стране есть штаты и муниципалитеты с относительно низким уровнем инкарцерации, в которых отмечается снижение преступности, иногда даже более весомое, чем в местах с высоким уровнем инкарцерации^[338]. В штатах, которые ввели драконовский закон «три удара и ты выбит в аут», не регистрируется дальнейшего снижения уровня насильственных преступлений по сравнению со штатами, в которых этот закон не введен. В штате Калифорния, например, в 85% таких случаев «третьим ударом» было сравнительно малозначительное или ненасильственное правонарушение, совершенное человеком, который находился уже на пути исправления^[339].

Более всего на резкое увеличение числа заключенных в тюрьмах повлияла война с наркоманией. Играя на страхах общественности перед наркоманией, законодатели по всей стране наперебой старались принимать жесткое законодательство в отношении судебных приговоров по наркотикам. В результате три четверти заключенных в федеральных и штатных тюрьмах составляют в основном мелкие нарушители законодательства о наркотиках, приговоренные к длительным срокам заключения. Многие осужденные по первому разу за ненасильственные преступления, связанные с наркотиками, имеют в среднем более длительные сроки заключения, чем лица с долгим криминальным опытом, осужденные за тяжкие преступления, в том числе члены преступных группировок, убийцы, растлители малолетних и насильники^[340].

Не все насильственные преступления, связанные с наркотиками, наказываются сурово. Близкие родственники сенаторов и членов Палаты представителей США получали отсрочки исполнения приговоров или обвинения против них снимались. Например, сын члена Палаты представителей Дэна Бэртона (штат Индиана) был арестован в штате Луизиана за транспортировку почти восьми фунтов марихуаны, а затем его снова арестовали за то, что у него нашли тридцать растений индийской конопли в штате Индиана. Федеральные власти отказались возбудить уголовное дело. Власти штата Индиана

рекомендовали отказаться от обвинения, и судья приговорил молодого Бэртона к общественным работам^[341].

Сурово наказывая многочисленных мелких наркодилеров и потребителей наркотиков, «война с наркотиками» почти не наносит ущерба наркокартелям. Законодательные акты, предназначенные для борьбы с отмыванием денег через легальные финансовые учреждения, фактически не действуют. Уходя в отставку, шеф отделения ФБР в Сан-Франциско Ричард Хелд заметил: «Никакой войны с наркотиками не было. Просто проводилось много различных манипуляций с целью создать у общественности впечатление о якобы проводимой работе»^[342].

Мы слышим, что каждый год в США совершается свыше шести миллионов преступлений с применением насилия. Но нам не сообщают, что только 1% от общего числа жертв этого насилия получают настолько серьезные повреждения, что обращаются с просьбой о госпитализации в больницу. ФБР так обрабатывает эту статистику преступлений, что невозможно выявить разницу между закоренелым мелким правонарушителем и злым крупным преступником. Согласно федеральному закону, даже незаконный оборот наркотиков и проституция считаются преступлениями с применением насилия. Такая практика подпитывает страхи общественности и создает поддержку требованиям о дополнительном увеличении расходов на правоохранительную деятельность и более репрессивных мерах в отношении нарушителей в духе полицейского государства. Безусловно, насильственные преступления — серьезная проблема, однако более точное описание их характера и границ помогло бы успокоить опасения и способствовать более рациональному подходу к правоприменительной деятельности^[343].

Преступления в тюрьмах

В числе тех, кто сидит в тюрьмах, 90% составляют мужчины, 41% — белые, 51% — афроамериканцы и около 14% считаются латиноамериканского происхождения (включая некоторое число белых и афроамериканцев). Типичный заключенный тюрьмы — «молодой мужчина с низким уровнем образования, который в момент ареста был безработным». Как отмечалось ранее, большинство заключенных осуждены за правонарушения без применения насилия, по большей части по обвинениям в продаже и ношении наркотиков^[344].

Тюрьмы — это все, что угодно, но только не «исправительные учреждения». Многие тюрьмы являются источниками болезней и насилия. Тюремное начальство нередко вынуждает заключенных принимать истощающие тело и воздействующие на психику сильнодействующие наркотики. Те, кто протестует против такого отношения к себе, рискуют подвергнуться жестокой каре. Один из пяти мужчин-заключенных подвергается изнасилованию, то есть ежедневно — десятки тысяч. Изнасилование в тюрьме может означать и смертный приговор по причине распространения СПИДа. Жертвы изнасилования иногда совершают самоубийство. Вот одна трагическая иллюстрация: Роджера Халина арестовали за поджог мусорного контейнера. Несмотря на давнее психическое заболевание, подросток был приговорен, как взрослый, к десяти годам заключения в тexasской тюрьме. Там его неоднократно избивали и насиловали целой группой. Он прекратил это мучение, повесившись^[345].

Система исправительных учреждений федерального правительства и тридцати шести штатов в настоящее время располагает суперсовременными средствами защиты и обеспечения безопасности. Заключенные таких специально контролируемых блоков никогда не видят дневного света. Они находятся под постоянным электронным наблюдением, изолированные в бетонных камерах со сплошными стальными дверями, не пропускающими звук и исключаяющими визуальные контакты с другими заключенными. Им не разрешается передача книг и газет, у них нет радио, телевидения, никаких консультаций и религиозных служб. Они питаются в камерах, им не дают ни минуты покоя, изводят издевательствами и регулярно избивают

за незначительные нарушения противоречивых правил поведения. Многие заключенные страдают серьезными физическими и психическими нарушениями и пытаются облегчить свою участь путем имитации душевного расстройства с целью попасть на лечение в психиатрическую клинику, где они подвергаются еще более жестокому обращению^[346].

В докладе международной организации «Международная амнистия» (Amnesty International) говорится об электрошоковых устройствах, включая шоковые пояса, которые заключенные тюрем США обязаны носить на себе. Пояса приводятся в действие устройством дистанционного управления и способны создавать шоковый электрический разряд с напряжением в 50 000 вольт, длящийся в течение восьми секунд, который причиняет невероятную боль и мгновенно выводит человека из строя. Несовершеннолетних не освобождают от ношения на теле таких шоковых поясов. Организация «Международная амнистия» отмечает ужасные условия в некоторых тюрьмах США, в том числе «переполненные туалеты», в своих докладах она пишет о «заключенных, которые вынуждены спать на отвратительных матрасах и в камерах, кишящих паразитами и без вентиляции»^[347].

В тюрьмах и следственных изоляторах по всей стране заключенные умирают при внушающих подозрения обстоятельствах, нередко их убивают сокамерники, или они погибают от мучений и побоев, назначенных тюремной охраной. Заключенные умирали после того, как их на несколько суток привязывали к так называемому «креслу». «Кресло» представляет собой металлическую «смирительную рубашку», сковывающую руки и ноги заключенного у него за спиной. Некоторые заключенные получают смертельные ранения во время устраиваемых охранниками во дворе тюрем «боев гладиаторов». Парализованные заключенные, неспособные самостоятельно ухаживать за собой, зачастую находятся в страшно запущенном состоянии и подвергаются наибольшему риску^[348]. К тому же Конгресс принял, а президент Клинтон подписал законопроект, который сокращает и без того ограниченную правовую защиту против жестокостей в условиях тюремного заключения^[349].

В тюрьмах имеются эндемичные виды^[350] отходов. Процветает мелкое воровство. Много пищи остается, портится, неправильно

хранится и выбрасывается вместо того, чтобы попадать к тем, кто в ней нуждается. Охранники воруют продукты, оборудование, канцелярские принадлежности, спортивные снаряды, одежду — все, что угодно, в дополнение к и без того обычно щедрой оплате и дополнительным выплатам. Миллионы долларов ежегодно расходуются впустую на неположенные тюремному персоналу телефонные разговоры. Поскольку они много расходуют, то и получают тоже много. Как сказал один тюремный охранник: «Если в конце года в тюремном бюджете остаются деньги, администрация дает команду их тратить. Она опасается, что, если деньги останутся неистраченными, политики не увеличат бюджет на следующий год»^[351].

Каждую неделю в стране открываются новые тюрьмы вместимостью по пятьсот коек. Эти тюрьмы заполняются новыми и новыми заключенными, обычно из самых уязвимых в социальном отношении населенных пунктов. Все больше и больше федеральных и штатных тюрем строится и передается в управление частным фирмам в так называемых «тюремно-индустриальных комплексах». Частная компания зачастую получает бесплатный участок, налоговые скидки, и, кроме того, федеральное правительство оплачивает расходы на содержание тюрьмы и предоставляет все оборудование. Для того чтобы обеспечить доходы на капитал, владельцы частных тюрем сокращают выплаты персоналу, экономят на питании и медицинском обслуживании заключенных и принимают меры к тому, чтобы заполнить как можно больше тюремных камер. Для того чтобы обеспечить достаточную для привлечения инвесторов норму прибыли, необходимо заполнить тюрьму заключенными на 90 — 95%.^[352] Когда такие коммерческие предприятия оказываются недостаточно прибыльными, компании сдают тюрьмы в аренду правительству на коммерческих условиях, — тому же самому правительству, которое первоначально и построило тюрьму. Таким образом, налогоплательщика заставляют платить дважды.

Непричастный виновный

Система уголовного правосудия не только несправедлива, но она подвержена многочисленным ошибкам. В сотнях подтвержденных документами случаях арестовывают и осуждают не того, кто виновен. Например, в 1986 году Рой Кринер, работавший в поселке лесозаготовителей, был арестован за изнасилование и убийство девушки-подростка из соседнего городка. Не было никаких вещественных доказательств его причастности к преступлению, и охранник подтвердил, что Кринер не покидал поселка. На суде его адвокат не представил никаких аргументов в защиту подсудимого, полагая, что присяжные не признают его виновным в связи с полным отсутствием доказательств. Однако Кринера признали виновным и осудили на девятнадцать лет тюремного заключения. Для того чтобы его в конце концов освободить, потребовалось восемь лет апелляций и тест ДНК, который продемонстрировал его полную невиновность^[353]. Хэйес Уильяме провел в тюрьме тридцать лет по обвинению за преступление, которого не совершал. Он был освобожден в 1997 году. Настоящие преступники были освобождены за несколько лет до него (после тюремного заключения за другие преступления)^[354].

Неправомерное осуждение человека порождает дополнительную несправедливость тем, что настоящий преступник уходит ненаказанным. За восемнадцать лет в Чикаго три преступника ушли от наказания за групповое изнасилование и двойное убийство. За эти преступления были осуждены четверо невинных мужчин-афроамериканцев: двоих приговорили к пожизненному тюремному заключению и двоих отправили в камеру смертников. Их освобождение произошло только после того, как тест ДНК показал, что ни один из четырех не мог совершить изнасилование. Это дало основания некоторым обозревателям сделать вывод, что «система работает». На самом деле именно система посадила их в тюрьму. Они были освобождены благодаря энергичным усилиям профессора журналистики Северо-западного университета и его студентов-исследователей^[355].

Система уголовного правосудия стала еще менее способна к самокорректировке. Начиная с 1991 года в ряде своих постановлений

консервативный Верховный суд радикально ограничил права осужденных на смертную казнь, включая и права осужденных ошибочно, обращаться с апелляцией на вынесенный им приговор. В 1996 Конгресс принял, а президент подписал Закон об борьбе с терроризмом и действенных смертных приговорах, который серьезно ограничил права приговоренных к смертной казни на апелляцию в федеральных судах.

Некоторые утверждают, что закон о смертных приговорах действует как сдерживающее средство от совершения тех преступлений, за которые полагается смертная казнь. Однако практика не подтверждает эту точку зрения. В тех штатах, в которых нет наказания в виде смертной казни, нет и более высокого уровня преступности. В то же время за последние годы в тех штатах, которые приняли смертную казнь в качестве высшей меры наказания, не ощущается какого-либо заметного снижения уровня этого вида преступности. Уровень убийств поднимался и падал почти одинаково в штатах, принявших это наказание, и в тех штатах, которые воздержались от его принятия, считая, что угроза смертной казни редко удерживает преступников от убийства^[356].

Веский довод против высшей меры наказания состоит в том, что при ней необходима абсолютная безошибочность в высшей мере подверженном ошибкам процессе законоприменения, в котором имеют место признания, полученные путем принуждения, ошибочные идентификации, лжесвидетельства, сокрытие трудных доказательств слишком усердными полицейскими и следователями, некомпетентность адвокатов и повсеместное распространение классовых и расовых предрассудков среди судей и членов коллегии присяжных.

Что касается людей, ожидающих казни в камере смертников, то большинство из них имеют низкие доходы; некоторые психически больны или умственно отсталые; 10% из их числа не имеют личных адвокатов, и почти всем адвокатов на процессе назначал суд. Если жертва убийства — белый человек, то обвинители, скорее всего, поставят себе целью потребовать для убийцы смертного приговора. Почти все осужденные из камеры смертников (черные или белые) находятся здесь за убийство белого человека. Афроамериканцы имеют вчетверо больше шансов получить смертный приговор и значительно меньше шансов на его смягчение или замену другим, не связанным с

лишением жизни, чем в аналогичной ситуации обвиняемый Caucasian^[357].^[358] В некоторых штатах расовое неравенство выражено крайне резко.

За последнее столетие сотни невинных людей в США были ошибочно осуждены на высшую меру наказания; во многих случаях приговор был приведен в исполнение^[359]. Иногда даже неопровержимых свидетельств может оказаться недостаточно, чтобы спасти жизнь ошибочно осужденному. Например, в 1992 году в Техасе был казнен Леонел Торрес Херрера, хотя имелись убедительные доказательства его невиновности, признанные тем же судом, который отказался приостановить исполнение приговора — по причине слишком запоздалого представления этих доказательств к апелляции^[360].



«Гм ... гм... мм (в нерешительности переминается)... Мы... кхе... кхе... допустили... кхе... мм... пару крупных ошибок в ходе вашего судебного процесса... гм... когда приговорили вас к высшей мере наказания»

В 2000 году в штате Иллинойс губернатор Джордж Брайан, член Республиканской партии и активный сторонник смертной казни, выступил с предложением ввести мораторий на исполнение этих наказаний после того, как в его штате тринадцать осужденных к высшей мере наказания из двадцати семи смертников были на основании новых данных (зачастую тест ДНК) признаны невиновными. Законодательный орган штата Небраска принял такой же мораторий годом раньше. По данным на середину 2000 года, по всей стране восемьдесят семь ошибочно осужденных были выпущены из камер смертников, что составило примерно одно оправдание на семь исполнений приговоров^[361].

Соединенные Штаты Америки являются одной из немногих стран, где все еще проводятся казни несовершеннолетних (до восемнадцати лет). Такая практика сохраняется в Саудовской Аравии, Йемене, Пакистане и Нигерии. В течение 1990-х годов в США были казнены восемь несовершеннолетних преступников, что оказалось больше, чем в любой другой стране^[362].

Правосудие, допускающее неравноправие по отношению к женщинам

То, что против преступления, не преступно. Эффективное правоприменение необходимо для защиты общества от преступников из частных фирм, членов организованных преступных группировок, убийц, насильников, уличных грабителей, преступников, нападающих на детей, избивающих своих жен, тех, кто совершает преступления на почве расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также других правонарушителей. Но закон нередко перестает действовать в интересах тех, кто более всего нуждается в его защите. Например, ежегодно приблизительно от двух до четырех миллионов женщин подвергаются физическому насилию со стороны их партнеров-мужчин. В Соединенных Штатах домашнее насилие является самой крупной причиной телесных повреждений женщин. Больше всего женщин, погибших в результате убийства, становятся жертвами их нынешних и прошлых мужей или же их бойфрендов. В Соединенных Штатах Америки женщину избивают каждые двенадцать секунд, но можно быть уверенным в том, что каждые двенадцать секунд мужчину не арестовывают за подобного рода преступления. И только небольшой процент мужчин, совершивших такие преступления, попадают за решетку. Однако женщины, которые лишают жизни избивавших их мужчин, обычно получают суровые приговоры, даже если эти избиения угрожали их жизни^[363].

Для многих материально не обеспеченных женщин помощь со стороны системы социального обеспечения и семейные пособия являются главной возможностью покончить с таким положением. Эта помощь позволяет им покинуть мужчину, который ее избивает, и представляет собой независимый источник содержания для самих женщин и их детей. Сокращения пособий по линии социального обеспечения повлекли за собой драматическое снижение числа тех, кто пытался покончить с такими унижительными отношениями^[364].

Судебная система нередко сама способствует неравноправному положению женщины, вместо того чтобы служить защитой от этого. Пособия на ребенка и алименты зачастую устанавливаются на

несправедливо низком уровне. Не испытывающие сочувствия судьи пренебрежительно относятся к жалобам женщин — жертв домашнего насилия. Только малой части насильников были предъявлены официальные обвинения или пришлось отсидеть в тюрьме хоть какой-то срок. К жертвам изнасилования зачастую относятся так, как будто они сами в этом виноваты. На многих юридических факультетах к изнасилованию относятся с позиции обвиняемого, а не жертвы^[365].

За многие годы борьбы работающие женщины добились важных положительных результатов, освоив профессии и специальности, ранее считавшиеся не подходящими для женщин. Феминистские организации также достигли некоторых успехов, сумев добиться от должностных лиц правоохранительных органов более активных действий против насильников, против тех, кто избивает своих жен, и против совратителей малолетних. Но женщины все еще получают в среднем за одну и ту же работу меньше, чем мужчины, и их пытаются вытеснить на низкооплачиваемые и бесперспективные рабочие места.

За последние двадцать пять лет поборники обязательной беременности, считающие, что оплодотворенная яйцеклетка является человеческим существом, права которого первичны по отношению к правам той женщины, которая его вынашивает, совершили более 1700 поджогов и взрывов в клиниках, выполняющих аборт и мероприятия по планированию семьи. Они также угрожали взрывами, убийствами, актами вандализма, занимались запугиванием, преследованиями, нападениями и противоправными насильственными вторжениями в помещения. Кроме того, они совершили два похищения людей, по крайней мере, пять снайперских обстрелов и несколько раз стреляли во врачей, выполнявших легальные аборт, а также в других сотрудников этих клиник, что повлекло за собой три смертельных случая. Почти 85% округов страны испытывают недостаток предложения акушерских услуг. Тем не менее каждый год 1,5 миллиона женщин как-то умудряются делать легальные аборт, принося при этом слова глубокой благодарности за эти услуги^[366]. В тех странах, где аборт объявлены незаконными, большое число женщин умирает от непрофессиональных и опасных попыток выполнить их в неподходящих условиях.

Сотрудники правоохранительных органов явно не проявили последовательности в сдерживании террористов, выступающих за обязательную беременность. Бывший директор ФБР Уильям Уэбстер не

принял мер против группы противников аборт, называвших себя «Воины бога», которые совершили более двадцати подрывов и поджогов клиник по планированию семьи. Уэбстер заявлял, что они не были «сформировавшейся группой»^[367]. ФБР до сих пор не относит насильственные действия против абортов к внутреннему терроризму. Трудно представить себе такой же равнодушный ответ, если бы известные радикальные группы совершили поджоги и взрывы в отношении 1700 банков.

Начиная с 1990 года число женщин в тюрьмах удвоилось. Женщинам-заключенным приходится терпеть плохое медицинское обслуживание, сексуальные преследования, изнасилования и принудительные досмотры с полным раздеванием, выполняемые мужчинами-охранниками^[368]. Большинство таких женщин — молодые, доведенные до обнищания, одинокие матери, почти не имеющие профессиональной подготовки, многие рано оставили дом из-за сексуального и физического насилия, многие имели опыт злоупотребления алкоголем и наркотиками. Большая их часть обвинялись в проституции, кражах в магазинах, в разбое или мелкой наркоторговле. Среди них нет тех, кто занимается оборотом наркотиков в крупных масштабах, а также гангстеров и расхитителей. Лишь редкие причастны к актам серьезного насилия, хотя многие сами были жертвами насилия. Многие обвинялись в соучастии в преступлениях, совершенных мужчинами. Иногда их вовлекали в преступления бойфренды или бывшие бойфренды, которые стремились облегчить собственную ответственность. На основании свидетельских показаний их бойфрендов некоторые женщины получали пожизненное тюремное заключение без права на сокращение срока и помилование за сговор с целью распространения наркотиков, даже когда государственное обвинение признавало, что они играли только вспомогательную роль и сами никогда не использовали и не продавали наркотиков^[369].

Их жертвы — дети

Дети — еще одна притесняемая группа, которая не получает достаточной защиты со стороны федеральных и штатных властей. Насилие в семье и полная безнадзорность и голод ежегодно уносят из жизни почти 2000 детей. Свыше 140 000 получают серьезные травмы и тысячи остаются калеками на всю жизнь. Дурное обращение является главной причиной смерти детей в возрасте до четырех лет. В 1999 году в Соединенных Штатах зарегистрировано 1 054 000 подтвержденных случаев дурного обращения с детьми, что на 34% больше, чем в 1985 году. Действительное их число, вероятно, больше, поскольку некоторые случаи увечья и смерти детей не фиксируются властями и относятся ими к категории «случайных». Каждый год, как сообщают, исчезают 150 000 детей, из них 50 000 никогда больше не находят^[370]. Примерно от 45 000 до 50 000 женщин и детей ежегодно обманом привозят в Соединенные Штаты и принуждают заниматься проституцией или работать разнорабочими и прислугой. В 2000 году Конгресс принял закон, предназначенный для того, чтобы помочь властям штатов и муниципалитетам бороться с насилием в семье, и ужесточил законы против торговли женщинами и детьми^[371].

Сенсационные сообщения средств массовой информации о перестрелках в средних школах и волнах молодежной преступности заставили многих людей забыть о том, что подростки чаще всего жертвы, а не виновники насилия. По данным статистики, они находятся в большей безопасности в школах, чем дома. К 1997 году общий уровень молодежной преступности снизился по сравнению с 1980 годом, и тенденция снижения продолжилась в 1998 — 1999 годах^[372]. Однако федеральные и штатные законодатели продолжали принимать законодательные акты с более суровыми карательными мерами против несовершеннолетних, относясь к ним как к взрослым, включая и тех, кому всего лишь двенадцать лет. Пожалуй, наиболее нелепый случай произошел в 1998 году в городке Таллахаси, в штате Флорида, где Шакита Доман была арестована и обвинена в преступлении из-за ссоры, произошедшей на школьной детской площадке. Виновной было пять лет от роду^[373].

Подростков приговаривали к пожизненным срокам тюремного заключения без какой-либо возможности реабилитации. «Жестко относящиеся к преступности» законодатели внесли законопроект, предусматривающий помещение в тюремную камеру тринадцатилетних подростков вместе со взрослыми еще до осуждения за правонарушение^[374]. Более миллиона детей содержатся в приютах для сирот, исправительных заведениях для малолетних преступников и тюрьмах для взрослых. Многие были арестованы за мелкие правонарушения или вообще не нарушали закона. Они содержатся в тюрьме без требующегося по закону судебного разбирательства. Почти все воспитывались в бедности, большинство принадлежат к тому или иному этническому меньшинству. Подростки, которых помещают в исправительные учреждения для несовершеннолетних, регулярно подвергаются избиениям, сексуальным преследованиям, издевательствам, длительной изоляции в условиях отсутствия всех сенсорных контактов с окружением, воздействию мощными, влияющими на психику препаратами и в некоторых случаях психирургическим операциям^[375].

В период между 1990 и 1995 годами прием детьми (включая дошкольников) препарата Ritalin увеличился на 250%. В отношении безопасности и эффективности этого наркотика известно очень мало. Его можно прописывать по немедицинским показаниям, например, когда ребенок непоседлив или невнимателен, в других обстоятельствах его применяют в практике таких специальных учреждений, как тюрьмы и психлечебницы^[376].

Родители, которым не нравится поведение их детей, друзья, не разделяющие политические убеждения своего приятеля или же не одобряющие его «неправильную позицию», могут поместить их на неограниченное время в психиатрическую лечебницу. Миллионы взрослых граждан США провели какое-то время в психиатрической клинике. Туда попасть легче, чем многие это себе представляют, и гораздо труднее оттуда выйти. Некоторые люди томятся там в ужасных условиях десятками лет, не имея возможности обратиться за юридической помощью. В самых худших учреждениях такого рода отмечается подозрительно высокий уровень смертности^[377]. Большинство больниц выписывают психических больных, у которых нет государственного финансирования лечения или закончилась

медицинская страховка, даже если они действительно нуждаются в медицинской помощи. Такую практику называют «сброс». Во многих случаях окружные тюрьмы прекращают содержать психических больных при малейшем нарушении тюремного режима^[378].

Проведенные исследования показывают, что примерно одна из четырех женщин и почти каждый шестой мужчина сообщают о том, что в детстве подвергались сексуальным посягательствам со стороны взрослых, обычно близких родственников в семье. Такие уголовные преступления оставляют у жертвы глубокие эмоциональные следы на всю жизнь. Только незначительное число покушающихся на растление малолетних признаются судом виновными, при этом большую часть их суды приговаривают к пробации или к легким наказаниям^[379].

Полиция в спальне

Гомосексуалисты — это еще одна группа, которая подвергается правовому и социальному притеснению. К 1999 году в двенадцати штатах США и в Пуэрто-Рико действовали законы, признающие оральный и анальный секс, даже между мужем и женой, «противоестественным преступлением». Например, в штате Мичиган оральный секс влечет за собой наказание до пятнадцати лет тюремного заключения. В пяти других штатах законы о «противоестественных половых отношениях» действуют только в отношении геев и лесбиянок^[380].

Тысячи лесбиянок и геев подвергались преследованиям и изгонялись из Вооруженных сил и из сил гражданской работы по причине их сексуальной ориентации. Их лишали права попечения над их детьми на том основании, что из-за своих сексуальных наклонностей они непригодны к выполнению функции родителей. В одном случае в штате Флорида судья перевел право попечения над девочкой от любящей матери-лесбиянки к ее отцу, который отсидел восемь лет в тюрьме за убийство своей первой жены^[381]. Верховный суд США постановил, что учитель может быть уволен с работы только за то, что он гей и что Конституция не защищает гомосексуальные отношения между людьми брачного возраста даже в частной жизни в их собственном доме^[382]. Насилие против геев и лесбиянок проявляется все чаще, начиная от их физического преследования и вплоть до убийств. Виновные в таких преступлениях очень часто отделываются мягкими или оправдательными приговорами^[383]. Организованная борьба, которую начали гомосексуалисты против дискриминации при сдаче жилья и приеме на работу, дала определенные положительные результаты. Но ненависть к гомосексуалистам остается широко распространенной проблемой, в том числе и среди сотрудников правоохранительных органов.

Расистское правоприменение

Несмотря на все разговоры о наибольшем благоприятствовании и систему выделяемых квот, представители афроамериканцев и других этнических меньшинств до сих пор сталкиваются с серьезной дискриминацией при найме на работу, аренде жилья, медицинском обслуживании, получении образования, а также при обращении к правоохранительным органам. Более высокий уровень преступности в районах бедности только частично объясняет тот факт, что в составе заключенных американских тюрем непропорционально много афроамериканцев, латиноамериканцев, людей с низкими доходами и с низким уровнем занятости. Классовый и расовый характер правоприменения сотрудниками правоохранительных органов является главным основанием при решении вопроса о том, кого отправлять в тюрьму.

Чиновник органов юстиции, который занимается делами несовершеннолетних, отмечает, что подростков из обеспеченных семей, у которых возникли мелкие неприятности в отношениях с законом, передают родителям и предупреждают впредь не попадать в такого рода ситуации. «Но когда такие же инциденты происходят в менее обеспеченных соседних районах, ребят арестовывают, предъявляют им обвинение и отправляют в суд^[384]. Подростков афроамериканского происхождения намного чаще, чем их белых сверстников, подвергают задержанию, держат в тюремном изоляторе, отдают под суд и выносят в отношении них приговоры о наказании. В отношении них реже заключаются сделки с правосудием о признании вины по более мелким правонарушениям, с целью избежать приговора по более тяжким обвинениям с обязательным заключением в тюрьму. Они с большей вероятностью получают более длительный срок тюремного заключения по сравнению с белыми подростками, совершившими такое же правонарушение^[385].

Что касается наркотических веществ, то белые в пять раз чаще пользуются ими, чем афроамериканцы, однако 62% обвиняемых в этом правонарушении, находящихся в тюрьмах по всей стране, составляют именно афроамериканцы. В некоторых штатах этот показатель доходит до 90%. Почти 60% черных заключенных в тюрьмах отбывают срок за

преступления, не связанные с насилием. Некоторые окружные судьи прекращали дело по обвинению, связанному с наркотиками, после того, как обвинители отказались передать материалы, которые могли бы подтвердить, что они избирательно относились к небелым правонарушителям^[386].

Полицейские останавливают водителей чаще в зависимости от цвета их кожи, чем в зависимости от манеры вождения. Эта методика уже получила название «расовое отслеживание». На автомагистрали № 95 между городами Балтимор и Делавэр афроамериканцы находились за рулем только 14% проезжавших автомашин, однако среди тех, кого остановила полиция, они составили 73%.^[387] Расследования полицейских органов на многих местах преступлений показывают, что проявления жестокости на расовой почве широко распространены в стране и руководители подразделений полиции относятся к ним весьма терпимо. В последние годы сотрудникам полиции Филадельфии и Лос-Анджелеса были предъявлены уголовные обвинения, в частности в незаконных обысках, подброшенных уликах, сфабрикованных отчетах, неправомерном открытии стрельбы, избиениях, хищениях, запугивании свидетелей и лжесвидетельстве. Сотни приговоров были отменены, и почти во всех из них осужденными были американцы африканского и латиноамериканского происхождения. Выплаты по искам против сотрудников полицейских управлений за чрезмерное применение силы ежегодно достигают десятков миллионов долларов. Только в одном Лос-Анджелесе они составили за один год \$28 миллионов^[388].

Невооруженные афроамериканцы и латиноамериканцы были застрелены или забиты насмерть сотрудниками полиции, в основном белыми, при совершенно неоправданных обстоятельствах. В 1999 году четыре сотрудника полицейского управления Нью-Йорка в штатском сорок один раз выстрелили из огнестрельного оружия в невооруженного Амаду Диалло, который стоял в коридоре дома, где он проживал. В Диалло попало девятнадцать пуль, в том числе несколько — в спину. В 1998 году в городе Риверсайде штата Калифорния полицейские двадцать четыре раза выстрелили в девятнадцатилетнюю Тайишу Миллер, которая спала в своей запертой автомашине. После того как полицейский разбил окно машины со стороны водителя, а девушка проснулась и протянула руку к револьверу, лежавшему на коленях, она была застрелена. В 1997 году в нью-йоркском районе

Куинс пять полицейских из подразделения полиции нравов ворвались в ресторан и открыли огонь по повару Хосе Антонио Анхелесу, в руке у которого был кухонный нож, как это обычно бывает у поваров. В 1998 полицейские Лос-Анджелеса открыли огонь по Майклу Уильяму Арнольду, выпустив в него сто шесть пуль и заявив впоследствии, что он размахивал оружием. Этим оружием оказался пневматический пистолет, зажатый у него в правой руке и в момент осмотра тела, хотя ему попало несколько пуль в голову и три пули в правую руку, странным образом не повредив пистолет. В августе 1997 года Абнер Луима был доставлен в полицейский участок в Нью-Йорке, где полицейские содомизировали его с помощью ручки от туалетного вантуза, при этом проткнули ему тонкую кишку и повредили мочевой пузырь^[389].

В 1991 году в городе Ирвингтоне штата Нью-Джерси три полицейских вошли в квартиру Дарлен Антуан, где проходила вечеринка по случаю дня ее рождения, и принялись грубо обращаться с ее гостями. Когда ее брат Макс предложил ей переписать номера нагрудных знаков полицейских, те начали его бить. Они продолжили жестоко избивать Макса и в изоляторе полицейского участка. В результате он оглох на одно ухо, ослеп на один глаз, с парализованной нижней половиной тела оказался прикован к креслу-качалке, а также лишился части кишечника, мочевого пузыря и сексуальной функции^[390]. В 1997 году в Нью-Йорке Леберта Фолкса вытащили из автомашины его сестры, припаркованной перед его домом, и выпустили у него перед лицом очередь пуль из полуавтоматического оружия. На следующий день полицейские извинились за стрельбу; согласно их объяснению, они приняли автомашину за украденную. Житель Бронкса Энтони Байез умер от боевого приема удушения, который неправомерно применил к нему сотрудник полиции, обозленный тем, что Байез и его приятель, перебрасывая друг другу футбольный мяч, случайно задели мячом его патрульную машину^[391].

Можно продолжать приводить сотни таких примеров по всем районам страны. За небольшими исключениями, полиции все это безнаказанно сходит с рук. Государственные обвинители проявляют очень большую нерешительность в вопросе предъявления обвинений сотрудникам полиции, а члены жюри присяжных из числа белых граждан среднего класса, которые постоянно слышат и видят новости и

телевизионные фильмы о действиях криминала, неохотно идут на вынесение приговоров о признании полицейских виновными. Федеральное бюро расследований и Министерство юстиции даже не ведут общегосударственной статистики убийств, совершенных полицейскими. А власти муниципалитетов и штатов отказываются предоставлять какие-либо цифры^[392].

Безусловно, многие законы обеспечивают общественную безопасность и защищают граждан. Полиция защищает жизнь и физическую неприкосновенность человека, управляет дорожным движением, оказывает первую помощь, организует мероприятия помощи при чрезвычайных ситуациях в населенных пунктах и выполняет другие, заслуживающие одобрения функции. Но полиция служит также для сдерживания крайностей в отношениях между общественными классами, защищая богатых от бедных. Полиция имеет дело с проигрывающей стороной корпоративного общества, основанного на конкуренции: с теми, кто плохо питается, имеет плохие жилищные условия, склонен к злоупотреблениям и сам является жертвой чьих-либо злоупотреблений, с теми, кто обозлен и находится в отчаянном положении. Трущобы — это не проблема, это решение проблемы. Они представляют собой способ, которым капитализм решает проблему избытка рабочей силы в рыночной экономике. А полиция занимается тем, что усиленно скрывает протесты и нищету, даже, если для этого требуется применять дубинки и револьверы. Репрессивные действия полиции — это не отклонение от нормы в поведении некоторых психопатов в униформе, а результат чрезмерного исполнения функции сдерживания крайностей в отношениях между классами общества, которую обеспечивают сотрудники полиции по указанию властей. Это объясняет ту легкость, с которой полицейским безнаказанно сходят с рук убийства граждан. И как только они чувствуют, что им не придется отвечать за это и они могут поступать так жестко, как им заблагорассудится, тогда некоторые из них начинают позволять себе по отношению к людям избыточный и даже опасный для их жизни уровень силового воздействия.

Несколько десятилетий назад, еще во время службы в качестве комиссара бостонской полиции, Роберт Ди Грация отметил классовый характер действий полиции:

«Те, кто совершает наиболее тревожащие общество преступления — уличные преступления с применением насилия, — являются, в своем большинстве, продуктом нищеты, безработицы, распада семей, низкого уровня образования, склонности к наркотикам, алкоголю, а также следствием других социальных и экономических болезней, для лечения которых полиция едва ли что может сделать, если вообще что-то может.

Вместо того чтобы открыто высказаться в отношении этих проблем, большинство из нас предпочитают молчать, и это позволяет политикам отделяться риторикой о необходимости соблюдения закона и порядка. Это укрепляет ошибочное представление о том, что полиция, если увеличить ее численность и лучше оснастить, может сама контролировать преступность. Таким образом, политики увековечивают систему, при которой богатые становятся богаче, бедные становятся беднее, а преступность продолжает расти»^[393].

И в заключение снова несколько слов о преступлениях частных фирм и уличной преступности. Нам следует знать о том, каким образом они взаимосвязаны. Бедные становятся беднее именно потому, что богатые становятся богаче. Корпоративные беловоротничковые грабители наносят огромный ущерб обществу, особенно той его части, которая менее всего способна постоять сама за себя. Они способствуют возникновению бедности, росту цен, несправедливости, неправильному распределению общественного продукта, что создает условия для появления и роста уличной преступности. Если нам действительно нужен закон и порядок, больше уважения прав других людей, тогда надо начинать с самого верха, решительно применяя закон к тем, кто захватывает все для себя, невзирая на разрушительное влияние этого на других.

10.

Политические репрессии и национальная нестабильность

Капиталистическое государство ориентирует свой репрессивный аппарат против прогрессивных процессов в обществе. Этот аппарат прямо предназначен для борьбы в первую очередь с организованным инакомыслием, а не с организованной преступностью. Закон зачастую оказывается неэффективен в проведении общественных реформ, необходимых большинству. Но, когда его используют против политических еретиков, его возможности представляются неограниченными, и все правоприменение приобретает такой карательный характер и энергию, что само становится противоправным.

Подавление инакомыслия

Одним из ведомств, которое используется для политического преследования инакомыслящих, является Налоговое управление США (IRS). Оно наблюдает за деятельностью и принимает меры против руководителей движений за гражданские права, радикально настроенных лиц, организаций и печатных изданий. На имущество Коммунистической партии неоднократно накладывался арест, а ей самой в течение многих лет незаконно отказывали в освобождении от налогов, в то время как в отношении двух главных партий капиталистической ориентации непрерывно сохранялся режим освобождения от налогообложения. Некоторые из этих карательных акций Налоговое управление предпринимало по инициативе Белого дома, Центрального разведывательного управления и членов Конгресса США [\[394\]](#).

Государственный департамент и Служба иммиграции и натурализации — еще два правительственных ведомства, занимающиеся политическими репрессиями, на этот раз против тех, кто из-за границы поддерживает коммунистов, анархистов и «террористические» группы или принимает участие в деятельности, «наносщей ущерб государственным интересам». Ежегодно под предлогом такого рода «всеохватывающих» юридических оснований десяткам известных писателей, художников, ученых и профсоюзных деятелей из других стран запрещается въезд в США и выступление с речью перед собраниями общественности. В числе таких лиц можно назвать лауреатов Нобелевской премии Дарио Фо, Пабло Неруду и Габриеля Гарсиа Маркеса. Только после широких протестов общественности таким известным людям был разрешен въезд в США [\[395\]](#).

Согласно изменениям в законе от 1990 года, считается, что никому не может быть отказано во въездной визе по идеологическим причинам, однако Государственный департамент и Налоговое управление США продолжают держать в списках, ограничивающих въезд, около 345 000 фамилий. В отношении лиц, связанных с левыми организациями, ограничения на въезд могут быть сняты, если они отказались от своих убеждений и открыто продемонстрировали свой антикоммунизм. От

канадских коммунистов требуется формально отказаться от своих прежних политических убеждений, сдать свои отпечатки пальцев в Федеральное бюро расследований и Канадскую королевскую конную полицию^[396], дать клятву в лояльности Америке и предоставить доказательства своей активной антикоммунистической позиции^[397].

Одновременно лица правых убеждений — члены правительств капиталистических стран или отдельные лица, сбежавшие от правительств левой политической ориентации, — пользуются правом свободного въезда в США. В то же время лица левых политических убеждений, будь то официальные представители правительств таких стран, как Куба, или отдельные лица, сбежавшие от репрессивных режимов капиталистической ориентации, получают отказ в праве въезда^[398]. Это и неудивительно, поскольку если левые в целом находятся в оппозиции к общественному порядку привилегированного корпоративного класса и сопровождающей его социальной несправедливости, то правые поддерживают его. Именно в этом и заключается различие между левыми и правыми.

Правительство США подписало Хельсинкские соглашения, предусматривающие обязательство не ограничивать поездки своих собственных граждан. Однако тысячам граждан США отказывают в выдаче загранпаспорта по той причине, что Государственный департамент считает их деятельность «противоречащей интересам Соединенных Штатов».

Корпорации увольняли своих служащих только за то, что те не разделяли официально принятых в стране политических взглядов. Суд постановил, что первая поправка к Конституции США запрещает только правительству, а не частным работодателям лишать граждан права на свободу слова^[399]. Людей, связанных с группами антикапиталистической ориентации, выживают с работы в профсоюзах, научных сообществах, из сферы развлечений и различных других мест, включая предприятия и организации государственного сектора. И это делается как частными работодателями, так и государственными следователями^[400].

В Федеральном бюро расследований хранится почти десять миллионов дел на организации и частных лиц (живых и мертвых), в которых содержатся зачастую неподтвержденные сведения анонимных источников в отношении личной жизни, сексуальных пристрастий и

ориентации и политических симпатий объектов наблюдения^[401]. Секретный суд, созданный в соответствии с Законом о наблюдении за иностранной разведывательной деятельностью (FISA), принятым в 1978 году, регулярно дает разрешения на тысячи запросов ФБР и Агентства национальной безопасности о проведении электронного наблюдения. Каждое из этих решений принимается абсолютно секретно, без опубликования заключения и отчета. Частным лицам и организациям, ставшим объектами наблюдения, не разрешается ознакомиться с расшифровками полученных материалов или пленками с записями и каким-либо образом оспорить полученные данные. В 1995 году, в нарушение четвертой поправки к Конституции о защите от необоснованных обысков и наложений арестов, президент Клинтон подписал указ, который значительно расширил полномочия суда, созданного в соответствии с законом FISA. Теперь специальный суд может давать разрешения на операции специальных служб по вторжению в закрытые помещения с целью изъятия документов и обнаружения улик, на обыски как физические, так и с помощью электронной аппаратуры, без получения ордера обычного суда, без уведомления объекта наблюдения и без составления описи изъятых предметов. Объект наблюдения не обязательно должен быть под подозрением о совершении преступления. Просто могут посчитать, что он поддерживает связи сомнительного характера, которые представляют «угрозу национальной безопасности США»^[402].

В период борьбы против расовой сегрегации в 1960-е годы некоторые активисты движения подвергались физическим нападениям и даже были случаи смерти от рук членов «Комитетов бдительности» из числа белых граждан. Во время таких нападений сотрудники полиции и информаторы ФБР делали вид, что не замечают происходящего, или же фактически принимали участие в нападениях^[403]. Один полицейский чиновник заявил, что в стране «больше сотрудников правоохранительных органов занимаются политической слежкой, чем тех, которые борются с преступностью»^[404]. В различных городах страны секретные подразделения полиции, называвшие себя «Красные отряды», оснащенные федеральными властями самой современной аппаратурой наблюдения, вели слежку и проводили нападения на «группы поддержки закона», а также на сотни тысяч граждан и многие

организации^[405]. Вероятно, одна из причин того, что власти не могут одержать верх в войнах против преступности и наркотиков, заключается в том, что они слишком заняты борьбой с политическим инакомыслием.

В рамках этой борьбы ФБР при поддержке Белого дома начало проводить специальную программу Cointelpro (Counterintelligence program), имеющую целью раскол и подрыв групп прогрессивного характера. В тесном взаимодействии с «Красными отрядами» и частными организациями правого толка ФБР использовало фальсифицированные документы, незаконные проникновения в помещения, сфабрикованные обвинения, перехват почтовых отправок, подслушивание телефонных разговоров, а также тайных провокаторов и осведомителей. ФБР организовывало проникновение в различные профсоюзы с тем, чтобы наклеить на них ярлык «контролируемые коммунистами», и сотрудничало с руководством предприятий в целях наблюдения за забастовщиками^[406]. Как впоследствии признала газета *New York Times*: «Радикальные группы в США многие годы жаловались на преследования со стороны Федерального бюро расследований, и теперь оказывается, что они были правы»^[407]. Один из сотрудников ФБР напомнил: «Программа Cointelpro продолжает действовать, но под другим кодовым названием»^[408]. ФБР продолжает вести «черные списки», содержащие сотни тысяч имен в основном членов групп, придерживающихся антикапиталистических взглядов, которых, в случае объявления чрезвычайного положения, планируется арестовать и заключить в тюрьму, хотя закон, разрешающий такую практику, был объявлен неконституционным^[409].

Эдгар Гувер, который был директором ФБР в течение более полувека, вел подробные досье на видных американских государственных и общественных деятелей, в том числе президентов и сотрудников их администраций, членов Верховного суда и конгрессменов. При этом он нередко угрожал обнародовать не самые светлые стороны их личной жизни. Он неофициально помещал в прессе статьи в духе «охоты за ведьмами», оказывал содействие сторонникам сегрегации и преследовал лидеров движения за гражданские права, в том числе Мартина Лютера Кинга. Он использовал финансовые средства ФБР в своих личных целях и для своего удовольствия, а также

принимал щедрые подарки от своих богатых друзей, которых он потом прикрывал от уголовного преследования. Гувер поддерживал тесные коррупционные отношения с лидерами организованной преступности и за более чем тридцать лет не предпринял против гангстерских банд ни одной серьезной акции^[410].

Президент Рональд Рейган разрешил специальным службам осуществлять проникновение в организации, представляющие для них оперативный интерес, и оказывать влияние на их деятельность, даже при отсутствии подозрений на наличие нарушений закона, то есть фактически легализуя многие незаконные действия по программе Cointelpro, допущенные в прошлые годы. Таким образом, ФБР продолжало осуществлять свои вторжения со взломом и проникновения в политические партии антикапиталистической направленности, антивоенные организации, группы защиты окружающей среды и организации защиты гражданских свобод — такие, как Национальная гильдия юристов и группы солидарности с политическими заключенными^[411].

Политические узники в США

Правительство США утверждает, что в стране нет политических заключенных. На самом деле страна пережила долгую историю политически мотивированных лишений свободы. В 1915 году радикальный лейбористский лидер Джо Хилл был брошен в тюрьму и казнен в штате Юта за преступление, которое, как считают многие исследователи, он не совершал. Замечательный лейбористский лидер Юджин Дебс и около шести тысяч других социалистов, пацифистов и радикальных лейбористских активистов были брошены в тюрьмы или депортированы во время Первой мировой войны или сразу же после ее окончания. Итальянские анархисты Сакко и Ванцетти были арестованы и в конце концов казнены за преступление, которое они, по мнению всех исследователей, на самом деле не совершали.

Сотни противников войны были арестованы во время Второй мировой и корейской войн. Во время Второй мировой войны 120 000 законопослушных американцев японского происхождения были изгнаны из своих домов, ферм, лишены всего и отправлены в лагеря для интернированных как «ненадежные элементы». У нескольких сотен иностранных граждан итальянского происхождения с Западного побережья, в том числе у пожилых «бабушек и дедушек» были конфискованы жилища, а сами они были интернированы. Закон Смита от 1940 года, запрещающий даже отстаивание революционных идей, был использован в качестве основания для заключения в тюрьму десятков американских коммунистов, включая Геса Холла — руководителя Коммунистической партии США, который провел девять лет в тюрьме и в подполье за защиту политически запрещенных идей. Другие оказались за решеткой за отказ сотрудничать с инициаторами преследования прогрессивных деятелей в период политической кампании сенатора Маккарти. Супруги Юлиус и Этель Розенберг были осуждены за «похищение атомных секретов» и казнены на основании, как считают многие критики, необоснованных доказательств или просто при их отсутствии. В 1950 году и в течение нескольких лет после этого Конгресс принял законы, требующие в период объявленного чрезвычайного положения в стране регистрации «подрывных групп» в

ведомстве Генерального прокурора, и заключения в концентрационные лагеря лиц, подозреваемых в подрывной деятельности^[412].

Во время вьетнамской войны несколько тысяч молодых людей были заключены в тюрьму за отказ служить в Вооруженных силах во время, как они считали, несправедливой войны. Тысячи других отправились в изгнание в зарубежные страны. Почти каждый антивоенный активист из национального или местного руководства движением раньше или позже был арестован, многие оказались в тюрьме или были вынуждены уйти в подполье^[413].

Служба иммиграции и натурализации США держит в невыносимых условиях в тюрьмах около десяти тысяч лиц, обратившихся с просьбой о предоставлении убежища. Многие из них бежали от угрозы пыток и смерти со стороны правительств правого толка в своих странах. Они открыто осуждали нарушения там прав человека. По одной этой причине с ними обращаются как с подозреваемыми. В Соединенных Штатах они фактически пленные^[414].

Многие лидеры американцев африканского происхождения, втянутые в своих населенных пунктах в судебные дела в связи с борьбой против распространителей наркотиков, были засажены в тюрьму на основании сфабрикованных обвинений. Именно таким образом после того, как полиция подбросила героин в его книжный магазин, противник распространения наркотиков Мартин Состр был осужден на тридцать лет тюремного заключения за наркоторговлю на основании показаний осужденного, который позднее признал, что его признание было сфабриковано. Состр провел в заключении девять лет, в основном в одиночной камере. После широкой кампании протеста со стороны прогрессивных групп, нью-йоркский губернатор Марио Куомо предоставил ему амнистию^[415].

Афроамериканский активист Фрэнк Шафорд из городка Санта-Ана штата Калифорния занимался несколькими программами развития его коммуны и помогал людям организовать борьбу с торговцами наркотиками и их покровителями-коррупционерами из местной полиции. Его арестовали за стрельбу по двум конторским работникам на складе. Ни один из кладовщиков не опознал в нем вооруженного преступника, и против него не было приведено никаких доказательств. На суде обвинители назвали Шафорда «революционным смутьяном». Его собственный адвокат на процессе вел защиту очень вяло и затем,

сразу же после того, как жюри присяжных, состоящее полностью из белых граждан, признало Шафорда виновным и приговорило его к тридцати годам тюремного заключения, был назначен на должность окружного прокурора. В тюрьме Шафорда втянули в употребление наркотиков, избивали, отказывали в медицинской помощи и назначили операцию лоботомии. Операцию предотвратило только давление со стороны членов коммуны в его защиту. Шафорд отсидел в тюрьме свыше десяти лет^[416].

Руководители организации «Движение чернокожих против крэка»^[417], которая ставила своей целью борьбу с наркоторговлей в Нью-Йорке, были заключены в тюрьму на основании сфабрикованных обвинений в «незаконном хранении оружия, покушении на побег и вооруженном нападении»^[418].



В городке Чула штата Миссисипи Эдди Картан был избран первым мэром-афроамериканцем со времени Реконструкции^[419] и первым, кто выступил против местных плутократов. Картан отказался назначить на официальные должности близких друзей крупных местных плантаторов, отказался брать взятки и взялся расследовать случаи коррупции членов предыдущей администрации. Он выступил инициатором программ улучшения питания, медицинского обслуживания, присмотра за детьми в дневное время и улучшения жилья для бедных. Совет муниципалитета, в котором преобладали представители плантаторов, сократило его зарплату до минимума и перекрыло ему вход в его офис в здании муниципалитета. Губернатор

урезал все виды финансирования для городка Чула, что привело к упразднению всех программ мэра. Когда Картан с помощью пяти подчиненных ему полицейских вновь обеспечил себе вход в свой офис, его обвинили в вооруженном нападении и приговорили к трем годам тюремного заключения на основании показаний свидетеля, который впоследствии отказался от своих слов и раскаялся в содеянном. ФБР, поставив себе задачу нанести удар по мэру, начало искать на него компрометирующие материалы и обнаружило, что один из его помощников поставил его фамилию в квитанции на получение оборудования для детского сада. За это против него выдвинули обвинение и приговорили дополнительно к четырем годам тюремного заключения. Затем, после того как был похищен и убит чернокожий член совета муниципалитета, а убийца пойман и осужден, Картана обвинили в том, что он принимал участие в заговоре с целью убийства. Он был освобожден только после того, как по всей стране прошли широкие общественные кампании в его защиту^[420]. Бедные чернокожие избиратели городка Чула получили урок того, что происходит с демократическим лидером, когда он претендует хотя бы даже и на весьма скромную руководящую должность в системе власти класса богатых. Общественный активист и руководитель движения за самоопределение народов африканских стран Фрэд Хэмптон-младший (сын руководителя организации «Черные пантеры» Фрэда Хэмптона, убитого сотрудниками судебного ведомства) был отдан в Чикаго под суд на основании сфальсифицированного обвинения в поджоге. В ходе судебных заседаний не было представлено никаких доказательств того, что Хэмптон был причастен к поджогам или что такого рода поджоги имели место. Тем не менее его осудили на восемнадцать лет тюремного заключения, и уже в тюрьме подвергли жестокому обращению за организацию действий в защиту прав своих товарищей-сокамерников^[421].

Заклученных, придерживавшихся радикальных политических взглядов или принимавших участие в протестах против условий содержания в тюрьме, специально выбирали для проведения программ экспериментов по управлению психической деятельностью. Их подвергали воздействию наркотиков, влияющих на психику человека, избивали, принудительно проводили эксперименты на прямой кишке, на длительное время приковывали цепями друг к другу, подвергали

изоляции и другим пыткам. Международная организация Amnesty International отмечала в 1998 году: «Есть сведения о том, что заключенных в тюрьмах США помещают в отделения сверхстрогого режима за их политическую принадлежность»^[422].

В период с 1968 по 1971 год свыше трехсот членов организации «Черные пантеры» были арестованы, многих в течение длительных сроков держали в тюрьме без суда и отказывали в праве на освобождение под залог. По меньшей мере десять бывших членов этой организации, осужденных на основании сфальсифицированных доказательств и свидетельских показаний, от которых свидетели впоследствии отказались, отсидели в тюрьме — каждый по тридцать лет. В 2000 году все еще находились в тюрьме три члена организации, а именно: Херман Белл, Энтони Bottom и Алберт Вашингтон, на судебных процессах которых были лжесвидетельство, а также доказательства, скрытые от суда представителями обвинения. Руководитель «Черных пантер» Джеронимо Пратт был обвинен в убийстве женщины в тот период, когда он был еще студентом калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. ФБР специально «потеряло» материалы проводившейся за ним слежки, которые однозначно свидетельствовали о том, что в момент убийства он «находился в четырехстах километрах от того места и принимал участие в митинге "пантер" в городе Окленд». ФБР предпочло отпустить настоящего убийцу для того, чтобы упрятать в тюрьму политического радикала. В итоге в 1997 году судимость с Пратта была снята и ему выплатили в качестве компенсации \$4,5 миллиона^[423].

Широкую известность получило судебное дело бывшего члена организации «Черные пантеры» и заключенного камеры смертников Мумия Абу-Джамала. Радиожурналист и открытый критик социальной несправедливости в стране и жестокостей полиции, он был в течение многих лет под непрерывным наблюдением полиции и ФБР, хотя за ним не числилось никаких преступлений. В него стреляли из пистолета, когда он попытался остановить избиение полицейским его брата. Наносивший побои полицейский был убит одной из выпущенных пуль. В глубоко ущербном и противоречивом судебном процессе с защитой низкой компетентности Абу-Джамал лжесвидетельством полиций и запугиванием свидетелей был признан виновным в убийстве, хотя баллистическая экспертиза не подтвердила его причастность к

убийству, а несколько свидетелей заявили о том, что в полицейского стрелял другой человек, который затем скрылся с места преступления^[424].

В тюрьму также были брошены члены «Движения американских индейцев», в том числе Леонард Пелтиер, который был обвинен в стрельбе в двух агентов ФБР и осужден на основании показаний под присягой, которые, как потом признало правительство, были сфабрикованы. Пелтиер находился в тюрьме с 1976 года^[425]. По данным на 2000 год за решеткой все еще отбывают тюремные сроки члены организаций «Черная освободительная армия», «Республика новой Африки» (движение черных националистов), «Социалистическая партия африканских народов», «Революционеры Мексики и Северной Америки против капитализма», общественные активисты-радикалы и сторонники мира^[426]. Пуэрториканские националисты, требующие для себя статуса военнопленных, получили в среднем на каждого по тридцать шесть лет тюремного заключения за сговор с призывом к мятежу, а фактически за то, что хранили память о независимости Пуэрто-Рико и были членами группы, которая намеревалась свергнуть правительство США и американское правление в Пуэрто-Рико^[427]. (Мятежом был назван призыв к сопротивлению законному правительству.)

Члены организации «Плужные лемехи», выступающие в защиту мира, в 1984 году взломали отбойными молотками бетон вокруг пусковой шахты ядерной ракеты в штате Канзас. За эту акцию протеста одиннадцать человек из их числа были приговорены к восемнадцати годам тюрьмы. Белую женщину из рабочего класса Барбару Курзи-Лааман, в свое время активистку антирасистского движения и члена «подпольного антиимпериалистического движения», приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения за «сговор с призывом к мятежу» и угрожали дополнительными приговорами на общий тюремный срок в 265 лет. Другая белая женщина Линда Эванс настолько эффективно вела организаторскую работу против расизма, что Ку-клукс-клан в штате Луизиана занес ее в свой список смертников. Для своей самозащиты она приобрела себе огнестрельное оружие, зарегистрировав его на вымышленное имя. За это, а также за укрывательство лица, скрывающегося от правосудия, Эванс пробыла в тюрьме сорок пять лет. Активисты антикапиталистического движения

Сьюзан Розенберг и Тим Бланк получили по сорок восемь лет тюремного заключения за хранение оружия и поддельные идентификационные документы. Мэрилин Бак — активистка движения против войны во Вьетнаме, присоединившаяся к движению за освобождение чернокожих, была признана виновной в заговоре с целью противодействия правительству путем насильственных действий против государственной собственности. Ее приговорили к общему сроку в восемьдесят лет тюремного заключения^[428].

Гражданка Италии Сильвия Баралдини была активисткой антивоенного движения и сочувствовала борцам за независимость Пуэрто-Рико и движению за освобождение чернокожих. За отказ давать показания перед Большим следственным жюри ее признали виновной в заговоре и неуважении к суду и приговорили к сорока трем годам тюрьмы. Вместе со Сьюзан Розенберг и пуэрториканской националисткой Алехандриной Торрес, Сильвию Баралдини в течение двух лет держали в тюрьме строгого режима в городе Лексингтон штата Кентукки, где камеры не имели окон, не было доступа свежего воздуха и какого-либо человеческого общения. Они постоянно находились под наблюдением целой батареи телевизионных камер и враждебно настроенных охранников-мужчин. По прошествии некоторого времени, когда их зрение и общее состояние здоровья значительно ухудшились, Баралдини перенесла две операции по поводу заболевания раком. У Торрес случился инфаркт миокарда^[429]. Курзи-Лааман, Эванс, Розенберг, Бланк, Бак, Баралдини, Торрес и другие, подобные им, были осуждены, но не нанесли никакого вреда. Они находились в тюрьме не за то, что сделали что-то противозаконное, а за то, кем они были, то есть сторонниками революционных изменений и активистами движений.

В целом осужденные по политическим мотивам получают непропорционально суровые приговоры, им отказывают в праве на условно-досрочное освобождение под честное слово, даже когда они имеют на это право, их подвергают изоляции, процедурам модификации поведения, жестокому обращению и другим специальным видам карательного воздействия. И только благодаря решительным действиям групп сторонников, выступающих в их поддержку, некоторых из них в конце концов освобождают до истечения срока их наказания.

В декабре 1999 года в городе Сиэтле штата Вашингтон состоялась крупная демонстрация, объединившая свыше восьмидесяти тысяч членов профсоюзов, защитников окружающей среды и прогрессистов различных оттенков, с протестами против конференции Всемирной торговой организации — международной организации капиталистов, которая поощряет олигархию свободного рынка (правление элитного меньшинства) против демократического суверенитета стран и народов^[430]. В начале 2000 года в Вашингтоне прошла крупная демонстрация, на этот раз против Международного валютного фонда и Мирового банка, а летом того же года за ними последовали крупные демонстрации в Филадельфии против съезда Республиканской партии по выдвижению кандидатур на выборные должности и в городе Лос-Анджелесе против такого же съезда Демократической партии. В обоих случаях действия полиции носили репрессивный характер: под необоснованными предлогами закрывались офисы организаций — инициаторов протеста, проводились избиения, разгон демонстрантов с помощью слезоточивого газа и арест без достаточных оснований в порядке упреждающих действий сотен мирных протестующих. В Филадельфии одного из руководителей протестов задержали под залог в один миллион долларов, который впоследствии понизили до \$100 000. Обвинения против него впоследствии сняли за отсутствием доказательств^[431].

Один из участников демонстрации протеста в Вашингтоне заметил, что полиция округа Колумбия, «судя по всему, не может хорошо подготовиться к борьбе с преступностью» и вяло реагирует на призывы граждан, однако она многочисленна и хорошо оснащена при разгоне мирных демонстраций. «Где все эти полицейские в остальное время, когда они нужны нам?» — спрашивает он^[432]. То же самое можно сказать и о полиции в других городах. Нападая на протестующих демонстрантов, они намного более энергичны и активны, чем при встречах с членами преступных группировок.

Политические убийства в США

Во время вьетнамской войны полиция нападала на протестующих против военных действий в десятках университетских городков по всей стране и в ходе всех крупных демонстраций протеста. В городе Оранжбург штата Южная Каролина полиция открыла огонь в мирных демонстрантов в университетском городке, убив трех студентов-афроамериканцев и ранив еще двадцать семь человек. Национальные гвардейцы в штате Огайо убили четырех белых студентов и причинили увечья двум другим, принимавшим участие в антивоенных протестах в кентском государственном университете. Десять дней спустя в джексоновском государственном колледже для чернокожих студентов в штате Миссисипи полиция открыла огонь на территории женского общежития, где собрались протестующие студентки, убив двоих и ранив десятки других^[433]. В этих и других инцидентах сотрудники правоохранительных органов, которым никто не угрожал, применили смертоносную силу против невооруженных протестующих демонстрантов. «Непредвзятые следователи» от тех же самых властей, ответственных за убийство, полностью оправдали убийц в униформе.

Полиция, во взаимодействии с ФБР, провела заранее запланированные операции по нападению на отделения организации «Черных пантер» более чем в десяти городах, громя офисы отделений, похищая тысячи долларов финансовых средств и стреляя в активистов движения. В течение 1970-х годов были убиты по меньшей мере тридцать четыре активиста, включая руководителя отделения из Чикаго Фрэда Хэмптона, который был застрелен спящим в постели. Американское Бюро по делам индейцев под руководством ФБР провело террористическую операцию в резервации Pine Ridge Reservation, в результате чего более шестидесяти человек были убиты, а многие сотни сторонников Движения американских индейцев оказались жертвами нападений^[434].

В период 1991 — 1993 годов были убиты три гаитянских ведущих телевизионных ток-шоу, высказывавших осуждение репрессий военных на Гаити, происходивших при поддержке ЦРУ США^[435]. Отдельные представители общины кубинских эмигрантов в США, выступавшие за более сдержанную политику по отношению к коммунистическому

правительству Кубы, подвергались угрозам и нападениям. Террористическая группа кубинских эмигрантов взяла на себя ответственность за взрывы двадцать одной бомбы в период 1975 — 1980 годов, а также за убийство кубинского дипломата. Только в двух из этих случаев исполнители терактов были арестованы. Также остался нераскрытым случай взрыва бомбы в городе Майами, подложенной в автомобиль директора программ новостей Кубинского радио. В результате взрыва директор потерял обе ноги. Когда был разрушен взрывом бомбы Центр кубинских исследований, полиция выясняла у директора центра информацию о левых радикалах и ничего не предпринимала в отношении группы кубинских эмигрантов, которая открыто приняла на себя ответственность за взрыв центра^[436].

В Соединенных Штатах в период между 1981 — 1987 годами произошло одиннадцать случаев обстрелов с убийством вьетнамских издателей, журналистов и активистов, которые до этого выступали за нормализацию отношений с коммунистическим правительством Вьетнама. В каждом таком случае находящаяся в США Вьетнамская организация по искоренению коммунистов и восстановлению Вьетнама (VOECRN) принимала на себя ответственность за происшедшее. Издатель еженедельника на вьетнамском языке — одна из жертв этой организации — выжил после покушения на него и опознал покушавшегося, который оказался лидером одной из вьетнамских банд рэкетиоров. Нападавший был осужден, но приговор на основании требования обвинителя был отменен, поскольку «ранее осужденный не совершал преступлений в этой стране». Несмотря на коммюнике VOECRN с заявлением о принятии на себя ответственности за нападение на издателя, полиция и ФБР неоднократно заявляли, что такие нападения не обусловлены политическими мотивами. В 1987 году после взрыва бомбы, когда был убит издатель публикаций на вьетнамском языке из города Гарден-Грув, штат Калифорния, ФБР запоздало начало расследование с целью определения возможного сходства почерка преступления с другими подобными случаями^[437].

Произошел странный случай с профессором-американцем Эдуардом Куперманом, который был убит в своем офисе в калифорнийском государственном университете в Фуллертоне. Как основателю организации, которая выступала за научное сотрудничество с Вьетнамом, Куперману угрожали убийством. Лам Ван Мин —

вьетнамский студент-эмигрант, ранее учившийся у Купермана, — признал, что был очевидцем его смерти, и в этой связи был арестован. По его словам, Куперман сделал револьвер, который случайно выстрелил, и это привело к смерти профессора. Мин якобы в панике убежал, захватив с собой этот револьвер. Затем вместе с приятельницей он отправился на киносеанс, после которого вернулся в офис и вложил револьвер в руку Купермана. В офисе были заметны следы борьбы, которые, как доказывал адвокат подозреваемого, были результатом попыток профессора подняться после того, как его оставили умирающим. Обвинение почти ничего не смогло противопоставить невероятной истории, рассказанной Мином. Он был признан виновным в непредумышленном убийстве, приговорен к трем годам тюремного заключения, из которых отсидел один год. Ранее Мин арестовывался за хранение ворованных вещей, и в то время полиция обнаруживала у него в машине и в доме револьверы. Его адвокат был ему предоставлен представителем вьетнамской организации правой политической ориентации^[438].

В Чикаго, после неоднократных угроз, был застрелен Рудо Лозано — активист союза американцев мексиканского происхождения и коммунист, который эффективно действовал по объединению выходцев из Латинской Америки, афроамериканцев и белых американцев для борьбы за дело рабочего класса. Убийство произошло в доме Лозано кем-то, кто постучал в дверь, попросив воды, чтобы напиться, и ничего после этого не украл. По словам членов семьи убитого, сотрудники бригады неотложной помощи, прибывшие на место преступления, говорили, что могли спасти жизнь Лозано, но полиция помешала их действиям под предлогом того, что «могут быть утрачены улики»^[439].

Среди других случаев политических убийств или подозрительных смертей в США можно назвать ситуацию с Мануэлем Де Диосом, издателем и автором передовых статей, который неоднократно писал о наркоторговцах и тех, кто «отмывает деньги сомнительного происхождения»; с Алэном Бергом, популярным ведущим ток-шоу из города Денвера, который вступал в бурную полемику со звонившими в студию антисемитами и расистами и был застрелен членами группы, выступающей за «господство белых». Можно вспомнить Дона Боллеса, который во времена до его убийства принимал участие в расследовании финансовых скандалов с участием, по некоторым сведениям, наиболее

могущественных в штате Аризона фигур политики и делового мира; Карена Силквуда, который расследовал случаи нерадивого отношения властей к вопросам обеспечения безопасности в области атомной радиации в корпорации Kerr-McGee; Дэнни Казоларо, расследования которого относительно фактов коррупции в среде правительственных чиновников и бизнесменов могли вывести на высокопоставленных представителей руководства США; Дэвида Нэделя, политического активиста и организатора из города Беркли, штат Калифорния, убийца которого известен полиции и спокойно живет в известном месте в городе Мехико; Джеймса Сэбоу — полковника подразделения авиационного обеспечения корпуса морской пехоты США в городе Эль-Торо (причиной смерти которого объявили самоубийство, хотя у него был разбит затылок головы), который угрожал положить конец деятельности тайных коррумпированных дельцов, связанных с наркоторговлей. Четверо других лиц, имевших отношение к делу специалистов и гражданских контрактных служащих, были найдены мертвыми при подозрительных обстоятельствах. Ни одна из этих смертей не была должным образом расследована^[440].

Близость с правым политическим насилием

В противоположность своему отношению и обращению с представителями левых политических движений, агенты федеральных служб очень мало делали для борьбы с насилием экстремистских групп правого толка, а иногда и поддерживали их деятельность. В городе Сан-Диего ФБР финансировало группу замаскированных фашистов под названием «Секретная вооруженная организация», которая занималась операциями, начиная от грабежей со взломом и поджогами до похищений людей и покушений с целью убийства^[441]. Сенатская комиссия по разведке выявила, что ФБР создало в штате Северная Каролина сорок один филиал Ку-клукс-клана. Платные агенты ФБР ничего не сделали для того, чтобы предотвратить совершение членами Ку-клукс-клана убийств и других актов насилия. В некоторых случаях, как это произошло при убийстве в городе Гринсборо, штат Северная Каролина, четырех членов Партии коммунистических рабочих, они оказывали помощь убийцам путем обеспечения их оружием и направления их в нужное место^[442].

В период 1969 — 1972 годов Управление военной разведки США и Красный эскадрон полиции Чикаго совместно руководили деятельностью организации под названием «Легион справедливости». Члены этой организации разгоняли при помощи дубинок и газа нервного и слезоточивого действия демонстрации противников войны, врываются в их штаб-квартиры, похищали документы, громили книжные магазины с прогрессивной литературой и совершали другие преступные действия против тех, кто не разделяет ценности свободного рынка государства национальной безопасности^[443].

В противоположность ужасным тюремным условиям, создаваемым для противников войны и несогласных с системой капитализма, практикующие насилие сторонники правой политической ориентации отделяются легко. Возьмем в качестве примера дело десяти членов организации «Гадюки» (Vipers) — формирования милиции правой политической ориентации в штате Аризона, которое подозревалось в актах насилия против правительственных зданий и сооружений и обвинялось в заговоре с целью производства и хранения взрывных устройств. Им были вынесены приговоры от одного до девяти лет

тюремного заключения, причем некоторые из них получили условные наказания и совсем не сидели в тюрьме^[444]. Тот же самый окружной суд штата Луизиана, который приговорил активистку движения в защиту гражданских прав Линду Эванс к сорока пяти годам тюрьмы, присудил члена Ку-клукс-клана, который незаконно перевозил оружие и пытался создать наркокартель, к наказанию в три года тюремного заключения. Через два года он освободился из тюрьмы.

В случаях актов насилия правых радикалов против членов левых движений полиции редко удастся задержать преступников. На вопрос о том, какие действия планируется предпринять в отношении приблизительно пятнадцати тренировочных лагерей правых полувоенных террористических формирований на территории Соединенных Штатов, официальный представитель Министерства юстиции заявил, что эти лагеря, судя по всему, не нарушают какого-либо федерального закона^[445]. Когда два социалиста мексиканского происхождения были убиты в результате взрывов бомб, подложенных в их автомобили, ФБР никого не арестовало. Когда взрыв мощной бомбы разворотил в Нью-Йорке офисы нескольких прогрессивных организаций и группы борьбы за гражданские права, причинив ранения троим присутствующим в здании, полиция произвела поверхностное расследование. Когда после ряда угроз в городе Хьюстоне был застрелен активист антиядерного движения, а его помощник был серьезно ранен, полиция не смогла обнаружить виновных^[446].

Когда агенты филиппинского диктатора Фердинандо Маркоса проводили операции против филиппинских инакомыслящих в Соединенных Штатах, ФБР оказывало им в этом содействие. Один известный информатор ФБР признал, что был очевидцем убийства двух лидеров профсоюза филиппинских рабочих, которые были широко известны среди участников борьбы против диктатуры Маркоса. ФБР отказалось передать сотни документов, имеющих отношение к этому делу^[447].

ФБР также сотрудничало со службами безопасности Сальвадора, передавая им имена сальвадорских беженцев, которых должны были депортировать из США для того, чтобы сальвадорские спецслужбы могли арестовать их по прибытии на родину, а некоторых из них подвергнуть пыткам и смертным казням^[448].

ФБР быстро произвело аресты, когда борцы за охрану окружающей среды Джуди Бэри и Дэррел Черни в 1990 году были серьезно ранены взрывом бомбы, заложенной в их автомобиль. Оно арестовало Бэри и Черни, назвав их «радикальными активистами» и обвинив их в том, что бомба, возможно, могла им принадлежать. Бэри, честный и бескомпромиссный противник насилия и хороший организатор, была во время взрыва серьезно ранена. Так и не восстановив полностью свое здоровье после взрыва, она умерла от рака в 1997 году. Обвинения были в конце концов сняты за недоказанностью. ФБР так и не назвало других подозреваемых. Однако организация, к которой принадлежала Бэри, выдвинула со своей стороны встречный иск, обвинив ФБР в том, что оно само причастно к взрыву^[449]. По всем Соединенным Штатам активисты экологических движений подвергаются насилию и угрозам из-за их политической деятельности. Во многих случаях правоохранительные органы смотрят на эти вещи иначе^[450].

То, что неонацисты, скинхеды и другие террористы правого толка могли неоднократно совершать акты насилия и даже открыто заявлять о своей ответственности за них, не подвергаясь за это опасности ареста, означает, что правоохранительные органы предпринимают мало усилий для отслеживания и предотвращения таких акций, в противоположность тому, как они это делают по отношению к легальным и мирным группам левой политической ориентации. И снова в этой позиции нет никакого противоречия. Левые группы, вне зависимости от их легальности и ненасильственного характера их действий, бросают вызов капиталистической системе или некоторым ее привилегиям и злоупотреблениям, а правые группы, невзирая на их незаконность и совершаемые ими насилия, выполняют грязную работу для этой системы. Таким образом, между правыми и правоохранительными органами имеется общность интересов, а нередко и общность методов. Однако когда правые экстремисты начинают заниматься подделкой банкнот, грабежами банков и планируют нападения на федеральные объекты вместо левых сил, как это было в 1995 году при взрыве в Оклахома-Сити федерального здания, при котором погибло 168 человек, включая 19 детей, тогда правоохранители направляют свои усилия против них, хотя иногда уже с запозданием.

Единовластие национальной безопасности

В правительстве существует так называемая «структура национальной безопасности», состоящая из президента, государственного секретаря и министра обороны, Совета по национальной безопасности, Объединенного комитета начальников штабов и значительного числа разведывательных агентств. Структура национальной безопасности зачастую действует как никому неподотчетный орган власти. Ее главная функция заключается в нанесении поражения тем политическим силам, которые ищут альтернативу глобализации рыночного типа, или тем, кто стремится внедрить какую-то разновидность экономического перераспределения, хотя бы даже в рамках существующей капиталистической системы.

У Конгресса нет четкого представления о том, сколько финансовых средств идет на операции специальных служб, поскольку конкретные цифры скрыты в других статьях бюджета, и это в нарушение статьи 1 Конституции, в которой сказано: «Финансовые средства могут быть взяты из казначейства только в порядке ассигнований, определенных законом; а отчеты о поступлении и расходовании средств правительственной казны должны регулярно публиковаться». Попытки Конгресса потребовать регулярной публикации расходов на деятельность специальных служб были отклонены. Некоторые осведомленные лица, близкие к правительству, считают, что общий федеральный бюджет расходов на деятельность «разведывательного сообщества» превышает общие федеральные расходы на образование^[451].

Существуют Управление военной разведки Министерства обороны США (Пентагона), которое занимается военной разведкой и контрразведкой и Управление разведки и исследований Государственного департамента. Каждый род войск в рамках Министерства обороны — Сухопутные силы, Военно-морской флот и Военно-воздушные силы, — а также каждое Региональное командование Вооруженных сил по всему земному шару имеют собственные разведывательные службы^[452]. Национальное управление воздушно-космической разведки (NRO) занимается сбором информации с помощью многочисленных космических спутников,

находящихся на орбитах, путем подслушивания телефонных переговоров и перехвата дипломатической радиосвязи, а также путем фотографирования потенциальных объектов заинтересованности для военных акций. NRO направляет собранную им информацию одновременно Центральному разведывательному управлению и Министерству обороны, но не Конгрессу, который, судя по всему, мало информирован о его деятельности. В начале 1990-х годов выяснилось, что NRO не может отчитаться за 4 миллиарда секретных ассигнований. Два его высших руководителя были уволены, но никто не отправился в тюрьму^[453].

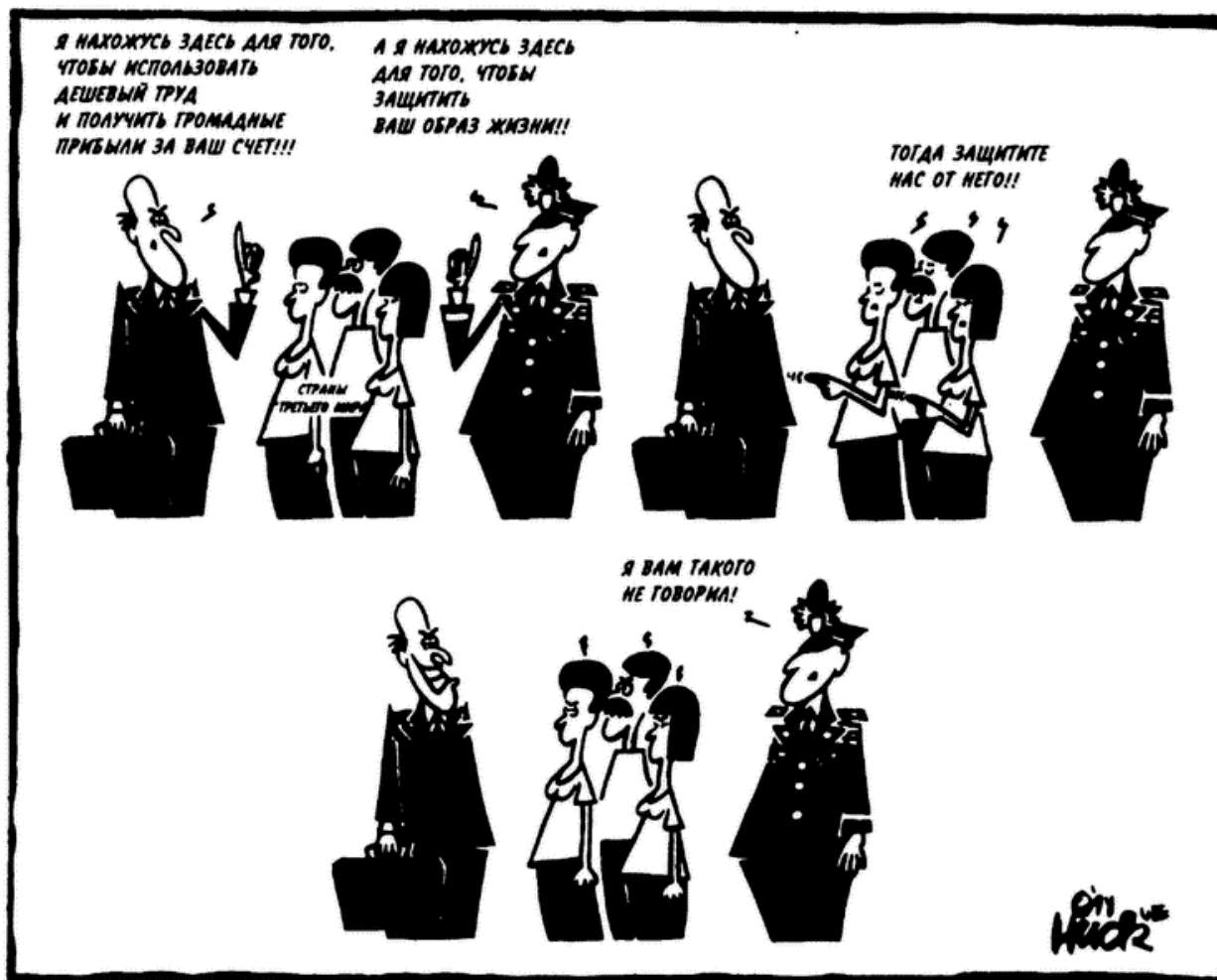
Агентство национальной безопасности (АНБ) Пентагона, созданное в 1952 году, занимается расшифровкой кодов и отслеживает почти все телефонные переговоры и обмен телеграммами между гражданами США и жителями остальных стран мира, а также большую часть внутренних телефонных переговоров в стране. Агенты ФБР, вероятно, кроме всего прочего, проверяют нашу почту и используют все новые виды биометрических технологий и техники наблюдения для слежения за людьми^[454].

Защищая нас, как можно предположить, от иностранных угроз, различные разведывательные агентства тратят большую часть времени на обеспечение контроля за населением самих США. Им разрешено наблюдение за членами Конгресса, сотрудниками Белого дома, Казначейства, Министерства торговли и миллионами частных граждан. Они внедряют своих оперативных сотрудников во все другие правительственные ведомства. Они неофициально передают информацию американским средствам массовой информации, секретно вербуя владельцев газет, руководителей информационных сетей и сотни журналистов и редакторов. Только ЦРУ оплачивает публикацию сотен книг и непосредственно владеет двумя сотнями телеграфных агентств, газет, журналов и книгоиздательских комплексов. ЦРУ завербовало около пяти тысяч преподавателей и научных сотрудников в стране в качестве шпионов и исследователей, секретно финансируя и подвергая цензурной обработке результаты их работы. Агенты ЦРУ проникли в круги студентов, членов профсоюзов, научные сообщества и участвуют в академических научных конференциях. Управление разрабатывает свои собственные школьные учебные программы и предлагает

практику для студентов последних курсов университетов и аспирантов^[455].

ЦРУ проникло в организации инакомыслящих в нашей стране и за рубежом и извратило их деятельность. В ходе мероприятия под кодовым названием «Операция СНАОС» агенты ЦРУ проникли и разрушили изнутри прогрессивную коалицию под названием «Национальная конференция за новую политику» (NCNP), которая ставила своей целью разработать курс, отличный от курса крупных американских политических партий. В дальнейшем организация NCNP больше никогда не смогла восстановить свою деятельность после раскольнических и разрушительных действий ЦРУ изнутри^[456].

ЦРУ признало, что осуществляло 149 проектов с экспериментами по контролю над психикой человека в свыше восьми десятков различных учреждений. Эксперименты проводились над людьми, иногда даже не подозревающими об этом, и по меньшей мере один правительственный служащий в результате этого погиб^[457]. В нарушение Закона о национальной безопасности от 1947 года, в котором предусмотрено, что «ЦРУ не должно иметь полиции, не имеет права вызывать людей повесткой в суд, не располагает функциями правоохранительного органа или службы внутренней безопасности в стране», Управление оснастило и подготовило некоторые местные полицейские силы в Соединенных Штатах. Согласно указу президента Рейгана, ЦРУ было разрешено проводить наружное наблюдение внутри страны, тайные операции против американских граждан как внутри страны, так и за рубежом и заключать секретные контракты с корпорациями, высшими учебными заведениями, другими организациями и частными лицами на поставку товаров и оказание услуг. Управление поддерживает связи с примерно четырьмя сотнями военных и разведывательных служб иностранных государств и вербует в них для себя агентуру^[458].



Разведывательные службы США решают значительно более широкие задачи, чем просто сбор разведывательной информации. Они совершали страшные преступления. Можно написать целую книгу на материалах о преступлениях ЦРУ против человечности; и такие книги уже написаны. В таких странах, как Гватемала, Греция, Бразилия, Чили, Индонезия, Аргентина, Заир и Филиппины, американские спецслужбы использовали все возможности для свержения демократически избранных правительств и приведения к власти реакционных режимов, которые полностью отвечали интересам корпораций США.

Все, что было сказано в 1968 году в меморандуме Государственного департамента в отношении Гватемалы, можно сказать и о многих других странах, а именно, что правительство без разбора использовало «контртеррористические меры» для борьбы против революционных и национально-освободительных движений. «Людей убивают или они исчезают на основе непонятных обвинений...

Допросы носят очень жестокий характер, используются пытки, а тела подвергаются обезображиванию. Мы [правительство США] мирились с этими антитеррористическими мерами... Мы поощряли гватемальскую армию в такого рода действиях»^[459].

Страны, в которых происходят народные революции, — такие, как Никарагуа, Мозамбик и Ангола, видят разрушение экономики и уход людей в результате жестоких нападений наемных вооруженных формирований, поддерживаемых Соединенными Штатами. ЦРУ срывало и фальсифицировало выборы в зарубежных странах и проводило массовые кампании дезинформации. Оно подкупало государственных деятелей, поощряло этническую вражду, а также финансировало и оказывало помощь тайным вооруженным формированиям, полувоенным отрядам, саботажникам, бандам мучителей и эскадронам смерти. Оно проводило кампании дестабилизации и убийств против профессиональных союзов, крестьянских, религиозных и студенческих организаций во многих странах^[460].

Рассмотрим следующие примеры.

Спустя тридцать лет после событий газета *New York Times* признала, что бывший лидер маленькой латиноамериканской страны Гайаны «марксист-ленинец» Чедди Джаган, который вел страну к независимости и был ее первым, избранным народом премьер-министром, стал жертвой проводившейся ЦРУ «кампании дестабилизации», включавшей дезинформацию, саботаж, подстрекательство к волнениям среди рабочих, а также расовые беспорядки^[461].

Комитет по контролю разведывательной деятельности, — президентская комиссия экспертов — обвинила ЦРУ в том, что оно преднамеренно завербовало значительное число офицеров гватемальских Вооруженных сил, «подозреваемых в политических убийствах, внесудебных расправах, похищениях людей и их пытках»^[462].

Исследование в течение четырнадцати месяцев, проведенное в Гондурасе газетой «Балтимор Сан», выявило, что «в течение 1980-х годов тысячи граждан были похищены, подвергнуты пыткам и убиты секретными подразделениями Вооруженных сил, которым оказывало поддержку Центральное разведывательное управление США»^[463].

По данным на 2000 год, ЦРУ продолжало снабжение правых повстанцев в Анголе оружием и снаряжением для продолжения военных действий на истощение и после того, как их лидер Жонас Савимби проиграл выборы. Эта война длилась в течение двадцати пяти лет и унесла свыше двух миллионов жизней. Все это время ЦРУ, при обсуждениях в Конгрессе, отрицало факты поставок оружия повстанцам^[464].

Бывший руководитель внушавшего страх правого полувоенного формирования FRAPH в Гаити признал, что он был платным агентом ЦРУ. Это формирование обвиняли в убийстве тысяч активистов демократического движения Гаити. Другой руководитель гаитянской хунты, обученный военными США и связанный с получавшей поддержку ЦРУ Службой безопасности

Гаити Жозеф Мишель Франсуа, контролировал эскадроны смерти и бандитские «группы бдительности». Его обвиняли в контрабандном ввозе в США многих тонн кокаина. Третий гаитянский лидер Эммануэль Констан, который создал формирование FRAPH, «обвинялся в проведении политики убийств, физических насилий и пыток сторонников демократии». В США его освободили из тюрьмы, вместо того чтобы депортировать на Гаити для предъявления ему обвинений. Такое решение было принято «главным образом по политическим мотивам, а не по юридическим»^[465].

По данным на конец 2000 года, новая хрупкая демократия на Гаити подвергалась дестабилизации посредством волны убийств и похищений людей секретными правыми «эскадронами смерти». Официальные власти США отказываются разрешить допуск к 160 тысячам правительственных документов, тайно вывезенных с Гаити в Вашингтон в 1994 году, в которых содержится информация об эскадронах смерти^[466].

Федеральный судья в США издал судебное постановление отставному гватемальскому генералу Гектору Грамайо выплатить 47,5 миллиона долларов американской монахине, которая была изнасилована и подвергнута пыткам военными под командованием этого генерала. Грамайо возглавлял в свое время проведение военными кампании «выжженной земли», в ходе которой были убиты тысячи крестьян, и подтвердил свои тесные отношения с ЦРУ во время своего нахождения на военной службе^[467].

Наставления ЦРУ по подготовке иностранных военных, обнаруженные в ходе судебных процессов по закону о свободе доступа к информации, показывают, что Управление обучало военных в Центральной Америке и других странах «третьего мира» методам таких пыток, как воздействие электрошоком, водой, лишением сна, пищи и сенсорных контактов с окружающим миром, а также применению психологических пыток, например заставляя жертв присутствовать при пытках своих близких и любимых людей, включая детей^[468].

Пытки превратились в продукт американского экспорта. По данным международной организации Amnesty International, в период 1991 — 1993 годов Министерство торговли США выдало свыше 350 экспортных лицензий на общую сумму более \$27 миллионов на экспорт таких изделий, как тиски для зажима больших пальцев (орудие пыток), кандалы, цепи для сковывания людей, полицейское оружие шокового действия и электрошоковые инструменты, «специально сконструированные орудия пыток», а также оборудование полицейских подразделений, предназначенное для стран со зловещим перечнем нарушений в области прав человека^[469].

Документы, опубликованные ЦРУ, показывают, что Управление продолжало проводить программы разработки биологических методов ведения военных действий, которые имеют своей целью поражение мирного населения и уничтожение урожаев сельскохозяйственных культур в большом числе стран, включая Северную Корею, Вьетнам, Лаос, Панаму и Кубу. Управление развернуло опыты по разработке технологии изменения погодных условий с целью сделать непригодным к употреблению урожай сахарного тростника на Кубе. Помимо этого разрабатывался вирус, который вызывает африканскую чуму у свиней, представляющий собой первую такую инфекцию в Америке, в результате которой на Кубе были вынуждены забить 500 000 свиней для того, чтобы предотвратить широкую эпидемию среди людей. ЦРУ также обвиняют в распространении эпидемии тропической лихорадки денге, переносимой москитами, которая поразила свыше 300 000 человек, приведя к смерти 57 взрослых и 101 ребенка на Кубе. Это была первая крупная эпидемия лихорадки денге в Западном полушарии. После того как американский самолет-опыливатель вторгся в воздушное пространство Кубы и неоднократно произвел опыление ее плантаций в районе провинции Матансас, произошло заражение

плантаций насекомым-вредителем, ранее отсутствующим на Кубе. В результате этого урожая был нанесен огромный ущерб. В 1997 году Куба направила в Организацию Объединенных Наций доклад, в котором обвинила Вашингтон в «биологической агрессии»^[470].

Недавно было выявлено, что правительство США предоставило иммунитет от судебного преследования ученым известного японского военного подразделения по разработке биологических средств ведения войны — Лаборатории 731. Эта лаборатория была частью японской военной машины во время Второй мировой войны и разрабатывала методы использования эпидемий тяжелых болезней в военных целях, а также проводила ужасные эксперименты на людях в Китае и в других странах, в том числе вивисекцию (с анестезией и без нее). Факты свидетельствуют о том, что американские военные, с большой вероятностью, использовали работы ученых Лаборатории 731 во время войны в Корее (1950 — 1953) для распространения эпидемии геморрагической лихорадки — болезни до этого в Корее неизвестной. Правительства Северной Кореи и Китая предъявили обвинения Вашингтону за ведение военных действий с помощью биологического оружия. Соединенные Штаты также использовали результаты исследований ученых Лаборатории 731 по диоксину для проведения своей кампании дефолиации территорий в ходе войны во Вьетнаме^[471].

ЦРУ: Международная армия капитализма или Агентство по импорту кокаина?

После Второй мировой войны разведывательные службы США взяли к себе на содержание тысячи нацистских военных преступников и тех, кто с ними сотрудничал, в целях их использования в репрессивных операциях против сторонников левых движений в Латинской Америке и в других частях мира^[472]. Целая сеть эмигрантов из Восточной Европы, антисемитов и бывших нацистских коллаборационистов обрели прибежище в программах помощи этническим группам Республиканской партии США^[473]. В период 1970-х и 1980-х годов в различных странах Западной Европы ЦРУ помогало поддерживать секретные полувоенные формирования для осуществления террористических актов против организаций противников капитализма^[474]. В отчете Комитета по разведке Палаты представителей Конгресса говорилось, что «сотрудники ЦРУ по несколько сотен раз в день участвуют в незаконных операциях» в зарубежных странах, что ставит под угрозу свободу и жизнь принимающих в них участие иностранных граждан и иногда даже сотрудников ЦРУ под глубоким прикрытием^[475].

В 1978 году обозреватель нескольких печатных изданий Джек Андерсон сообщил, что ЦРУ вербовало профессиональных убийц мафии для проведения «международных убийств» и что в течение «свыше двадцати лет Министерство юстиции США закрывало глаза на преступления, совершаемые сотрудниками Центрального разведывательного управления. Игнорировались даже тяжкие преступления, не имеющие связи с выполнением официальных обязанностей»^[476]. ЦРУ снабжало оружием и деньгами итальянскую и сицилийскую мафию с целью осуществления избиений и убийств членов руководимых коммунистами профсоюзов докеров в Италии и Франции в 1947 и 1950 годах. После развала этих профсоюзов у гангстеров оказались развязанными руки для транспортировки многих тонн героина из Азии в Западную Европу и Северную Америку. ЦРУ поддерживало антикоммунистических наркобаронов в Юго-Восточной

Азии и Афганистане, чье производство и продажа опиума с помощью ЦРУ возросли в десятки раз^[477].

Операции ЦРУ в Центральной Америке способствовали кокаиновой эпидемии в США в 1980-х годах. Самолеты ЦРУ перевозили оружие и другое снаряжение для вооруженных подразделений правых в Никарагуа, для контраст и политических и военных руководителей в других латиноамериканских странах. На обратный полет в США самолеты загружались кокаином^[478]. ЦРУ признает, что знало об отправках кокаина во многие города США и ничего против этого не предпринимало. Даже обычно политкорректная газета *New York Times* писала, что в то время подразделение ЦРУ по борьбе с наркотиками само занималось контрабандой кокаина в США^[479]. Широкое распространение наркотиков может оказаться полезным с точки зрения создания механизма контроля над обществом. Органы обеспечения национальной безопасности предпочитают, чтобы молодые люди афроамериканского и латиноамериканского происхождения кололись шприцами с наркотиками и стреляли друг в друга из оружия, чем организовывали революционные группы бойцов, как это было в 1960-е годы.

Бывший руководитель одного из подразделений Управления по борьбе с наркотиками замечает: «На протяжении всей моей 30-летней работы в этом управлении и в других связанных с наркотиками ведомствах почти всегда выяснялось, что самые крупные из моих подследственных работают на ЦРУ»^[480]. В ноябре 1993 года бывший директор Управления по борьбе с наркотиками Роберт Боннер и сотрудник этого управления Анабел Грим выступили в разделе программы «60 минут» телерадиовещательной корпорации CBS под названием «Кокаин ЦРУ» и подробно рассказали о том, как ЦРУ совершило крупное хищение кокаина со складов их управления. Затем этот наркотик был продан на улицах американских городов. В то же время усилия Управления с целью помешать потоку наркотиков из Бирмы были сорваны действиями ЦРУ и Государственного департамента США, которые были в тесных отношениях с репрессивным военно-диктаторским режимом страны, создававшим благоприятные условия для американских корпораций и активно использовавшим наркоторговлю в своих целях^[481].

Оперативные сотрудники ЦРУ вместе с компаньонами из мафии, а также руководителями бизнеса и политическими деятелями принимали участие в аферах на многие миллиарды долларов ссудо-сберегательной ассоциации. Деньги, заработанные в таких махинациях, вместе с деньгами от продажи наркотиков, отмытыми через различные банки и другие финансовые институты, незаконно использовались для финансирования тайных операций ЦРУ^[482].

Имеется огромное количество свидетельств, дающих основания предполагать, что отдельные сотрудники разведывательных ведомств США в тесном контакте с определенными криминальными группировками принимали участие в убийстве президента Джона Кеннеди в 1963 году и в последующих широких операциях по прикрытию. Кеннеди тогда сочли слишком опасным, а его политику — внешней и внутренней — слишком «либеральной», в частности из-за его нежелания проводить тотальную наземную войну в Индокитае и решимость поставить разведывательное сообщество под строгий контроль исполнительной власти США^[483].

В 1982 году по инициативе администрации Рейгана Конгресс принял закон, согласно которому опубликование любой информации, способной привести к разоблачению или раскрытию данных на действующего или бывшего сотрудника или агента специальных служб, считалось преступлением, даже если эта информация была взята из уже опубликованных источников. Согласно этому нормативному акту, некоторые статьи журналистов в отношении незаконных тайных операций стали сами рассматриваться как незаконные.

В качестве обоснования для принятия такого закона приводились аргументы о том, что политикам для принятия решений необходима актуальная и своевременная информация, которую может собрать только сильная разведывательная система. Однако ЦРУ и другие разведывательные службы проводили тайные операции, которые шли значительно дальше сбора информации: экономический и военный саботаж, кампании дезинформации, направленные против общественности самих США, контрабанда наркотиков, военные действия с использованием наемников, убийства и другие террористические действия.

После падения Советского Союза и других социалистических стран шпионы и милитаристы из всех структур национальной

безопасности США столкнулись с угрозой «исчезновения угроз». Каким образом оправдать огромные размеры их сообщества и глобальные преступления, если теперь нет угрожающих нам противников? Следовало вызвать к жизни новые угрозы: «государства-изгои», «международные террористы», «исламские экстремисты» и тому подобное, и все они появились недавно и сразу же напали на Соединенные Штаты. Такие панические истории едва ли способны защитить нашу национальную безопасность, зато много могут сделать для сохранения в целостности бюджета сообщества спецслужб и их репрессивного аппарата по всему миру. Вдобавок ЦРУ и Агентство национальной безопасности добились для себя новых функций: они начали вести шпионаж за иностранными фирмами, перехватывать частные сообщения и собирать инсайдерскую информацию для оказания помощи корпорациям США в конкурентной борьбе на мировом рынке. Теперь Центральное разведывательное управление напрямую работает на транснациональные корпорации^[484].

Уотергейт и Иран-контрас

В июне 1972 года группа бывших сотрудников ЦРУ была захвачена во время проникновения в штаб-квартиру Республиканской партии США в Вашингтоне. Противоправное проникновение со взломом было частью широкой кампании, которой руководили сотрудники аппарата Белого дома президента Никсона. Она включала мероприятия по срыву избирательной кампании, установку аппаратуры подслушивания, хищение частных документов и незаконное использование избирательных денежных фондов. Впоследствии выяснилось, что президент Никсон лично принимал участие в этом безобразии и в последующих мероприятиях по заметанию следов содеянного. Вице-президент Джеральд Форд стал новым президентом страны и вскоре простил Никсона за все преступления, связанные с Уотергейтом, включая и те из них, которые могли всплыть в будущем. Члены президентской администрации, признанные виновными в афере Уотергейта, получили сравнительно легкие наказания. Никсон не сидел в тюрьме ни одного дня и вышел в отставку на президентскую пенсию. Конгресс и пресса рассматривали Уотергейт как аномальный случай беззакония власти, а не еще один случай из многих противозаконных действий американских президентов и оперативных сотрудников структур национальной безопасности.

В 1986 году Белый дом потряс новый скандал под названием «Иран-контрас». Выяснилось, что администрация президента Рейгана продавала на миллионы долларов оружия Ирану — стране, которую США неоднократно обвиняли в терроризме. В качестве операции прикрытия, с целью обойти Конгресс, законодательство и Конституцию, выручка от этих секретных продаж направлялась никарагуанским наемникам, известным под названием «контрас». Часть денег, вероятно, была использована для оплаты расходов на телевизионные кампании в пользу кандидатов Республиканской партии на выборах 1986 года. Президент Рейган признал, что был полностью в курсе этой сделки с оружием, но утверждал, что совершенно не знал о судьбе полученных в ее ходе денег. Он просил общественность поверить ему, что эти операции проводили его подчиненные, включая его собственного советника по национальной безопасности, которые не

ставили его об этом в известность. В последующих заявлениях подчиненные Рейгана рассказали, что сам Рейган играл активную роль во всем деле Иран-контрас^[485].

Несмотря на избыток свидетельств об участии Белого дома, Совета национальной безопасности и ЦРУ в этом деле, фактически ни один высокопоставленный чиновник не понес наказания и не было проведено никаких реформ с целью сдержать тайные операции. Специальному следователю удалось предъявить одиннадцати подследственным обвинения в лжесвидетельстве, в уничтожении правительственных документов, противодействии правосудию, нецелевом использовании финансовых ассигнований и в других подобного рода преступлениях. Девять обвиняемых были приговорены к условному наказанию (пробации) и к небольшим штрафам, и только один обвиняемый был отправлен на короткий срок за решетку. Некоторые участники дела, например бывший директор ЦРУ и затем вице-президент Джордж Буш, вообще избежали обвинения, несмотря на свидетельства их причастности к делу. Когда в 1989 году Дж. Буш стал президентом, он простил основных обвиняемых, в том числе министра обороны Каспара Уайнбергера еще до того, как тот предстал перед судом^[486].

Расследование этого дела в Конгрессе не дало существенных результатов, кроме демонстрации того, что Конгресс не может и не хочет осуществлять контроль над разведывательным сообществом^[487].

В целом под видом «борьбы с коммунизмом», «защиты интересов США» или «защиты демократии» носители государственной власти совершили тяжкие преступления против народа своей страны и зарубежных стран, нарушали права граждан и Конституцию для того, чтобы сделать мир безопаснее для привилегий и извлечения прибылей. Давний вопрос политической философии «кто контролирует контролирующих?» остается без ответа. Структура национальной безопасности продолжает вести себя как государство в государстве, не признавая законов, хотя она и подвергается все большей критике со стороны тех, кто выступает за ее демократическую подотчетность.

11.

Кто правит?

Элиты, трудящиеся и глобализация

Ни одна политико-экономическая система не воспроизводится и не сохраняется сама по себе, то есть автоматически. Необходимы постоянные усилия для укрепления существующего экономического порядка. Те, кто контролирует богатство общества, то есть класс собственников, располагают значительно большим влиянием на политическую жизнь, чем это следует из их численности. Они имеют возможность влиять на политику путем изменения числа рабочих мест или путем сокращения инвестиций в экономику. Они напрямую влияют на избирательный процесс своими щедрыми пожертвованиями в избирательные кампании кандидатов. Они владеют или контролируют через систему опеки общественные и образовательные учреждения, фонды, исследовательские организации и аналитические центры, издания книг и средства массовой информации, оказывая, таким образом, большое влияние на идеологию общества, систему его ценностей и содержание потоков информации в нем. Кроме того, приказчики корпоративного капитализма считают своей обязанностью добиваться самых высоких должностей в государстве или заботиться о том, чтобы этого добились лояльные им люди.

Правящий класс

Не все богатые люди вовлечены в процесс управления государством. Многие из них занимаются другими делами. Правящий класс или плутократия в значительной степени состоит из активных членов класса собственников. С самого начала становления нашего государства и до настоящего времени все высшие руководящие должности в нем, включая должности президента, вице-президента, членов правительства и главы Верховного суда, занимали преимущественно белые мужчины из богатых семей. Большинство остальных должностей занимали выходцы из верхнего слоя среднего класса (сравнительно успешные бизнесмены, владельцы крупных коммерческих сельскохозяйственных ферм и ведущие специалисты в различных профессиях). В обществе получили хождение легенды о том, что многие президенты США были выходцами из семей скромного происхождения. На самом деле почти все президенты вышли из семей с социально-экономическим статусом, превышающим эти показатели остальных 90% населения США^[488].

Большинство членов американских законодательных органов пришли из советов директоров крупных корпораций, известных юридических фирм, банков Уолл-стрит и в меньшей степени — из военных, университетских элит, аналитических центров, различных фондов и научных кругов. Более трети из них впоследствии ушло в элитные университеты Лиги плюща^[489]^[490]. Они вносят в общественную жизнь многое из своих классовых интересов и ценностей, которые способствовали их деловой карьере. Однако решающим фактором является не принадлежность к классу собственников, а классовые интересы, которым они служат. Богатого человека, который демонстрирует явно прогрессивные взгляды, скорее всего, не пригласят на властную должность. И напротив, люди, особенно не выделявшиеся своими данными, — такие, как президенты Линдон Джонсон, Рональд Рейган, Ричард Никсон и Билл Клинтон, поднимаются вверх, демонстрируя преданность интересам верхних слоев общества. Поэтому вопрос заключается не только в том, кто правит, а в том, чьи интересы, чью повестку дня обслуживают те, кто

правит; кому выгодно то положение вещей, которое мы обсуждаем в этой книге.

Между правящими и деловыми элитами существуют тесные финансовые и социальные связи. Многие из этих людей учились в одних и тех же учебных заведениях, работали в одних и тех же компаниях, связаны между собой перекрестными браками и проводят вместе отпуска. Вот уже почти столетие члены престижных общественных и финансовых элит каждое лето собираются в Богемской роще — роскошном месте отдыха в калифорнийской роще из Мамонтова дерева, которая принадлежит Богемскому клубу Сан-Франциско. В списке гостей фигурируют все президенты США от Республиканской партии и некоторые от Демократической партии, многие высшие чиновники Белого дома, а также директора и управляющие высшего ранга крупных корпораций и финансовых учреждений. Члены элит также встречаются в клубе «Никербокер» в Нью-Йорке и в других местах с высоким уровнем обслуживания^[491]. В ходе такого рода встреч происходит обмен информацией, координация усилий, принятие решений в отношении того, каких кандидатов поддерживать и на какие государственные посты, какую политическую линию проводить внутри страны и за рубежом, каким образом понизить активность выступлений народных сил и повысить уровень прибыли, а также — регулировать количество денег в обращении, обстановку на рынках и поддерживать общественный порядок. Когда богатые люди дружески общаются или даже вступают в конфликт, они становятся еще богаче.



Важную, хотя и неофициальную, роль в подборе и подготовке подходящих кандидатур на ключевые руководящие посты в президентских администрациях, как от Республиканской, так и Демократической партий, играют политические консультативные группы с их сетью связанных друг с другом известных деятелей бизнеса и политики. Одной из наиболее известных групп такого рода является Совет по международным отношениям (внешним сношениям) (Council on Foreign Relations, CFR), созданный в 1918 году и состоящий в основном из видных деятелей мира финансов, промышленности и правительственных кругов. В Совет входит около 1450 членов, почти половина из которых происходят из семей с унаследованным богатством, которые упоминаются в Social Register. Около 60% членов Совета являются юристами корпораций, управляющими или банкирами, в их число входят представители групп Рокфеллеров, Морганов и Дюпонов. Частные компании, в которых было больше всего членов Совета, — это Morgan Guaranty Trust, Chase Manhattan Bank, Citibank и IBM. За последние десятилетия в Совет по внешним сношениям входили президенты США, государственные секретари,

министры обороны и другие члены кабинета Белого дома и другие сотрудники высшего ранга, члены Объединенного комитета начальников штабов, директора ЦРУ, федеральные судьи, руководители Федеральной резервной системы^[492], десятки послов США, ключевых членов Конгресса, высших управляющих и директоров почти всех крупных банков и ведущих корпораций, президенты колледжей и университетов, издатели, редакторы и люди, формирующие общественное мнение, из всех крупных агентств новостей Соединенных Штатов^[493]. Многие из наиболее влиятельных членов Совета неоднократно переходили из бизнеса в правительство и обратно. Так, в разное время Джон Маккоун, например, был директором Standard Oil of California, ITT и других крупных корпораций, а также помощником министра обороны по делам Военно-воздушных сил, заместителем министра обороны, председателем Комиссии по атомной энергии и директором ЦРУ.

Совет по международным отношениям принимал большое активное участие в разработке Плана Маршалла, создании Международного валютного фонда и Всемирного банка. Совет выступал за создание стратегического ядерного арсенала, проведение политики глобального вмешательства США в дела других государств после Второй мировой войны, военной операции в Гватемале, эскалации военных действий во Вьетнаме и установлении дипломатических отношений с Китаем. В 1980 году Совет настойчиво рекомендовал резко увеличить военные расходы и ужесточить отношения с Советским Союзом. Все это в конечном счете всегда принималось Белым домом к исполнению вне зависимости от того, кто был в то время в нем хозяином^[494].

Некоторые члены Совета по международным отношениям одновременно входят в Трехстороннюю комиссию — группу влиятельных политических деятелей и лидеров бизнеса из крупных промышленно развитых стран, которую основал Дэвид Рокфеллер в целях координации действий и защиты международного капитализма в условиях меняющегося мира.

Другой организацией правящего класса является Комитет содействия экономическому развитию (CED), состоящий из более двухсот руководителей бизнеса США. Комитет разрабатывает политические принципы по ряду проблем внутренней и внешней

политики. Обращает на себя внимание удивительное сходство многих разработанных принципов с той политикой, которую впоследствии проводит правительство. Также существует Совет бизнеса (бизнесменов), состоящий из представителей таких компаний, как Morgan Guaranty Trust, General Electric и General Motors. 154 члена этого Совета, имена которых приведены в справочнике *Who is who in America*, вместе занимали 730 директорских постов в 435 банках и корпорациях, а также в 49 попечительских фондах и 125 попечительских советах 84 университетов^[495].

Влияние этих организаций правящего класса проистекает из той огромной экономической власти, которой они располагают, и возможностей, уникальных для социальной группы в США, ставить на высшие посты в правительстве людей непосредственно из их корпораций или людей, завербованных с целью обслуживания их интересов. Президент Форд назначил четырнадцать членов Совета по международным отношениям на должности в своей администрации. Семнадцать высших должностных лиц в администрации президента Картера были из Трехсторонней комиссии, включая самого президента Картера и его вице-президента Мондейла. В правительство президента Рейгана входили высшие администраторы инвестиционных компаний Уолл-стрит и директора нью-йоркских банков, по меньшей мере дюжина из которых состояла в Совете по международным отношениям, точно так же, как и тридцать один его высший советник. Большинство членов кабинета президента Джорджа Буша пришли с должностей руководителей корпораций, которые также состояли членами Совета по международным отношениям, а некоторые из них были членами Трехсторонней комиссии. Президент Буш в прошлом сам был членом этой Комиссии^[496].

Администрация президента Клинтона отличалась большим половым и расовым разнообразием сотрудников, чем это бывает обычно, но не слишком большим разнообразием классовым. Среди высших сотрудников администрации Клинтона было, как минимум, девять миллионеров из корпоративной Америки, и многие входили в Совет по международным отношениям. Первый министр финансов в администрации Клинтона Ллойд Бентсен был членом Бильдербергской конференции — международной организации, которая регулярно собирает лидеров государств, финансистов, военачальников и

известных политиков со всего мира. Еще будучи губернатором штата Арканзас, Клинтон был членом Совета по международным отношениям, Трехсторонней комиссии и Бильдербергской конференции. На заседаниях последней он присутствовал в 1991 году вместе с Дэвидом Рокфеллером^[497].

То, как Клинтон появился в качестве кандидата на пост президента, само по себе показывает, как происходит взаимодействие на высших уровнях бизнеса и политики. На частной встрече в Нью-Йорке в июне 1991 года несколько высших администраторов с Уолл-стрит, связанных с Демократической партией, провели ряд бесед с претендентами на пост президента. Такие предварительные беседы один из их организаторов называл «элегантной выставкой скота». Они задавали вопросы губернатору штата Арканзас Биллу Клинтону, который «произвел на них впечатление своей позицией в отношении свободной торговли и свободных рынков»^[498]. Клинтон стал кандидатом и сразу же был провозглашен корпоративными средствами массовой информации ведущим кандидатом на президентские выборы от Демократической партии.

Идеологическое влияние обеспечивают также такие консервативные аналитические центры, как Heritage Foundation (Фонд наследия), Американский институт предпринимательства и Гудзоновский институт, которые финансируются правыми фондами Coors, Olin, Scaife и Smith Richardson. Они проводят исследования, по итогам которых делается вывод, что главная слабость Америки заключается в обременительном государственном регулировании и в излишней бюрократии, а лечение этих недугов состоит в ослаблении государственного контроля и снижении налогов с бизнеса. Правые идеологи, используя богатое финансирование, смогли нанять и подготовить идеологически убежденных писателей и публицистов, которые проникли в правительственные ведомства, стали штатными сотрудниками Конгресса и информационных агентств и наладили постоянный выпуск материалов, пропагандирующих идеи корпораций в отношении «свободной торговли» и «свободного рынка»^[499].

Трудящиеся в осаде

В некоторых учебниках политологии сочетания слов «крупные профсоюзы» и «большой бизнес» помещают рядом, создавая впечатление, что политическая власть плюралистична и распределена между уравнивающими друг друга центрами сил. На самом деле власть в государстве всегда относилась к бизнесу благожелательно, а к трудящимся враждебно. Исторический смысл существования капиталистического государства состоял в обеспечении интересов класса богатых собственников. Государственные службы безопасности, такие, как Федеральное бюро расследований, с самого своего основания занимались слежкой за объединениями трудящихся, нередко в тесном контакте с менеджментом предприятий^[500]. Хотя трудящиеся иногда могут достаточно эффективно содействовать принятию социального законодательства, им не сравниться с бизнесом в отношении материальных ресурсов и политического влияния. Общие прибыли корпораций в сотни раз выше общего дохода профессиональных союзов. И редкий профсоюзный лидер добивается высокого поста в правительстве.

Представители корпораций по связи со средствами массовой информации нередко говорят о том, что профсоюзы коррумпированы, непопулярны, наносят вред и слишком могущественны. Однако истина заключается в другом. В 1935 году трудящиеся добились крупной победы с принятием федерального закона о создании Национального управления по трудовым отношениям (NLRB) в качестве независимого федерального агентства, предназначенного для защиты прав трудящихся на ведение переговоров с предпринимателями в целях заключения коллективных договоров. В последующие годы число членов профсоюзов значительно выросло и трудящиеся по всей стране добились повышения оплаты труда на общую сумму в миллиарды долларов. После этого, в 1947 году, контролируемый республиканцами Конгресс принял закон Тафта — Хартли, накладывающий ограничения на забастовки, бойкоты и уровень организации трудящихся, что привело к снижению числа членов профсоюза с 35% общего числа наемных трудящихся до приблизительно 14% в 2000 году. Если не учитывать государственных служащих и принимать во внимание только

трудящихся частного сектора, доля членов профсоюза составляет всего 10,2%, то есть ниже, чем в 1932 году до введения «Нового курса»^[501].

Более тысячи консалтинговых фирм ежегодно оказывают компаниям услуги на сумму \$500 миллионов, обучая их способам предотвращения самоорганизации трудящихся в профсоюзы и избавления от действующих союзов трудящихся. Во время кампании по выборам в профсоюзные комитеты руководство предприятий вмешивается в процесс выборов, оказывая на рабочих пропагандистское воздействие, осыпая их подарками и обещаниями с целью склонить их к голосованию против профсоюзов. В противоположность этому профсоюзным организаторам запрещено раздавать трудящимся подарки и отказано раздавать обещания доступа к рабочим местам. Менеджеры могут угрожать перевести предприятие в другие населенные пункты, если рабочие проголосуют за создание на нем профсоюза. Часто рабочих незаконно увольняют за попытки организовать профсоюз, хотя руководство предприятия при этом приводит в качестве причины увольнения их неудовлетворительную работу. Местное отделение Национального управления по трудовым отношениям всегда следует правилу, что, если руководство предприятия выдвигает причиной увольнения довод, не связанный с профсоюзной деятельностью, тогда прекращение трудового контракта юридически оправдано^[502].

Хозяева предприятия могут воспользоваться принятыми процедурами Национального управления по трудовым отношениям и отложить профсоюзные выборы на месяцы и даже годы. Когда наконец профсоюз добивается признания выборов, менеджмент предприятия может отказаться вести переговоры по коллективному договору или обратиться в суд, оспаривая результаты выборов. Тогда Национальному управлению по трудовым отношениям приходится иногда годами заниматься расследованием мелких и зачастую необоснованных обвинений со стороны руководства предприятия. К тому времени, когда компанию вынудят приступить к переговорам по коллективному договору, многие сторонники профсоюза могут уже уволиться или быть уволены с предприятия, а новые претенденты на получение работы будут подвергнуты проверке на склонность оказывать поддержку профсоюзу. И наконец, когда переговоры начались, компания может

продолжать отказываться от заключения приемлемого коллективного договора^[503].

Иногда менеджмент предприятия может отказываться от возобновления существующего договора по истечении срока его действия. Владельцы и руководители могут преднамеренно закрыть предприятие, выставив рабочих на улицу, это называется «локаутом». Затем компания может нанять других постоянных работников («штрейкбрехеров») для развала профсоюза. Угроза найма «штрейкбрехеров» снижает забастовочную активность и еще больше затрудняет реализацию права на создание профсоюза.

Иногда хозяева создают на предприятии обстановку насилия и страха, прибегая к использованию против трудящихся наемных вооруженных бандитов и подкупленных сотрудников правоохранительных органов, как это случилось, когда профсоюз Объединенных сельскохозяйственных рабочих (UFW) в 1998 году пытался провести организационную работу среди рабочих по сбору клубники. Чтобы сорвать мероприятие профсоюза, оказалось достаточно бойкотировать его выборную кампанию. Вследствие этого право представлять рабочих перешло к профсоюзу компании, который уже несколько недель до этого не действовал. По этой причине после поражения профсоюза Объединенных сельскохозяйственных рабочих у него не оказалось перечня требований от имени рабочих, повестки дня собраний и организационной стратегии^[504].

Число жителей США, считающих, что профсоюзы проводят полезную для трудящихся деятельность, колеблется от 60 до 23% — в зависимости от ряда обстоятельств. Почти четыре из каждых пяти в их числе одобряют законы, которые защищают право трудящихся на самоорганизацию в рамках профсоюзов без угрозы увольнения с работы со стороны хозяев предприятия^[505]. Если число членов профсоюза снижается, то это происходит не по причине падения популярности профсоюзного движения, а в результате несправедливых репрессивных условий, в которых вынуждены действовать организованные в профсоюз трудящиеся. Профсоюзы потерпели поражение почти в половине всех выборов, проведенных при участии Национального управления по трудовым отношениям, и заключили коллективные договора только с половиной компаний, работники которых проголосовали за присутствие на предприятии профсоюза.

Профсоюзные активисты энергично ведут борьбу за поддержку населения, организуют бойкоты, отстаивают права в суде, проводят манифестации, сидячие забастовки и митинги^[506]. В ходе последних кампаний по выборам президента и в Конгресс бизнес затратил финансовых средств больше, чем профсоюзы, в соотношении одиннадцать к одному. Если к этому добавить огромные суммы, потраченные в периоды между выборами на юристов и лоббистов, на проведение референдумов, а также пожертвования на политические цели от отдельных лиц — толстосумов и затраты богатых кандидатов на выборах, эта пропорция еще более перекосится^[507]. Профсоюзам, и так не располагающим ощутимой властью, приходилось вести борьбу за выживание против неблагоприятного отношения со стороны законодателей, постановлений судебных органов, решений Национального управления по трудовым отношениям и преследований правительственных ведомств, которые очищали профсоюзное движение от коммунистов. Однако коммунисты всегда были в числе самых умелых и самоотверженных организаторов, в том числе когда дело касалось героического сопротивления нанятым хозяевами бандитам. В то же время федеральные власти сделали очень мало для того, чтобы избавить профсоюзы от влияния банд гангстеров^[508].

Профсоюзы и цели их борьбы

Конечно, некоторые профсоюзы коррумпированы и антидемократичны, а ряд лидеров профсоюзов превратились в профсоюзных дилеров. Они пробивают себе дорогу вверх путем махинаций с голосами, выторговывают себе высокие зарплаты, сотрудничают с менеджментом предприятий в установлении потогонной системы труда и тайно сговариваются с бандитами о запугивании рядовых членов профсоюза с целью принудить их к подчинению. Такого рода коррупция обычно имеет место в небольшом числе мест. Как показано в главе 9, большая часть коррупции идет со стороны менеджмента компаний в виде взяток, «откатов», уклонений от уплаты налогов, свалок токсичных отходов и других преступных действий. Бизнес также безответственно относится к денежным средствам профсоюзов, расхищая миллиарды долларов из пенсионных фондов своих работников и ставя тем самым под угрозу последующее благополучие многих пенсионеров^[509].

Профсоюзы подвергаются критике за то, что их деятельность способствует возникновению экономических спадов. При этом используются аргументы о том, что, поднимая затраты на оплату рабочей силы, профсоюзы вынуждают компании механизировать производство, сокращать рабочие места и переводить предприятия в страны с более дешевой рабочей силой.

Но за последние десятилетия большинство сокращений рабочих мест и переводов производства в другие страны происходили во время снижения стоимости рабочей силы. Трудящиеся оказывались не причиной экономических спадов, а их жертвой.

Деятельность профсоюзов находится в прямой связи с экономическим процветанием, а не с обнищанием. В тех штатах, где профсоюзы были традиционно слабыми (например, в Алабаме, Южной Каролине и Миссисипи), уровень жизни оказывался ниже, чем в тех штатах, где отмечается заметное присутствие организованных профсоюзов. Общий уровень зарплат в Соединенных Штатах значительно превышает уровень оплаты в странах «третьего мира», где профсоюзы еще очень слабы или вообще отсутствуют, и отстает от уровня зарплат в тех странах, где выше уровень организации

трудящихся в профсоюзы, как, например, в Канаде, странах Западной Европы и Скандинавии.

В США трудящиеся, объединенные в профсоюзы, в среднем получают за свой труд на 20% выше тех работников, которые не объединены в профессиональные организации. Кроме того, они почти наверняка имеют медицинскую страховку и другие выплаты. Неорганизованные в союзы рабочие тоже получают пользу от той борьбы, которую ведут рабочие из профсоюзов, за счет того, что их хозяева идут на уступки с целью не допустить профсоюзы на своих предприятиях. Критика и различные требования, с которыми выступают профсоюзы, приводят к повышению уровня управления предприятиями со стороны менеджмента. Условия труда и инспекции техники безопасности обычно выше на предприятиях с присутствием профсоюзов, чем там, где их нет. Чем выше уровень объединения трудящихся в профессиональные союзы, тем меньше несправедливости при распределении доходов. И наоборот, чем ниже уровень объединения работников в профсоюзы, тем больше распределение дохода перевешивает в пользу богатых^[510].

Состояние трудовых ресурсов в стране напрямую связано не только с экономическим процветанием, но и с уровнем демократии. В странах, в которых трудящиеся сильны и хорошо организованы, отмечается более высокий уровень соблюдения прав человека, чем там, где профсоюзы отсутствуют. Профессиональные союзы представляют собой жизненно важную часть демократии. Они являются частью тех институтов, с помощью которых трудящиеся могут дать организованный ответ на действие факторов, оказывающих влияние на их жизнь. Рядовые члены профсоюза принимают участие в профсоюзных выборах значительно активнее, чем они это делают на выборах общенациональных. В большей части профсоюзов все их члены обязаны принимать участие в голосовании по коллективному договору.

Организованные трудящиеся были в авангарде борьбы против использования детского труда, за восьмичасовой рабочий день и за более безопасные условия труда. Профсоюзы играли важную роль в принятии важных законопроектов о гражданских правах, выступали за государственную систему медицинского страхования, доступное жилье, развитие общественного транспорта, защиту потребителя,

совершенствование системы государственного образования и проведение реформы налогообложения с введением прогрессивного подоходного налога. Они выступали против Североамериканского соглашения о свободе торговли (NAFTA), Генерального соглашения по тарифам и торговле (GATT), Всемирной торговой организации (WTO) и других уловок с целью обойти суверенитет народа. Профсоюзы в коалиции с другими организациями поддерживали меры по охране окружающей среды и движение за мир. Некоторые самые прогрессивные профессиональные союзы порвали с милитаристским менталитетом «холодной войны» руководства профсоюзного объединения Американская федерации труда — Конгресс производственных профсоюзов (AFL — СЮ) и поддержали отказ от интервенции США в Центральную Америку. Исследования показывают, что 90% членов профсоюзов выступают за участие своих союзов в политической жизни страны и в разработке ее законодательства^[511].

Для того чтобы восстановить роль профсоюзов после ее длительного снижения, организованным трудящимся необходимо добиться отмены антипрофсоюзного законодательства, которое ослабляет их возможности самоорганизации и заключения достойных коллективных договоров. Национальное управление по трудовым отношениям должно снова стать государственным ведомством, которое защищает право трудящихся на ведение коллективных переговоров, а не подрывает его. Лидерам профсоюзов следует избегать политики коллаборационизма в отношениях с менеджментом предприятий. Профсоюзы должны инвестировать миллиарды долларов из пенсионных фондов в улучшение жилищных условий, развитие местной инфраструктуры и в другие социальные программы, приносящие пользу рядовым гражданам. Руководству профсоюзного объединения AFL — СЮ следует прекратить оказывать содействие внешней политике США, которая поддерживает деспотические режимы, подрывает независимые союзы и сохраняет рынки дешевого труда в странах «третьего мира», куда корпорации США переводят затем рабочие места^[512].

Труд человека — основа благосостояния страны и нашего выживания в будущем. Повсюду в мире, включая и Соединенные

Штаты, он заслуживает лучшего к себе отношения, чем то, которое сейчас встречает.

Глобализация, Всемирная торговая организация и конец демократии

Среди недавних предприятий мировых элит бизнеса и верных им слуг из правительств разных стран обращает на себя внимание Североамериканское соглашение о свободе торговли (NAFTA) и Раунд 1993 года в Уругвае организации по Генеральному соглашению по тарифам и торговле (GATT). Общественности объявили, что организации NAFTA и GATT планируют отменить досаждающее всем регулирующее законодательство, объединить национальные экономики в глобальную торговую систему, создать больше рабочих мест и добиться процветания.

Цель транснациональной корпорации заключается в том, чтобы стать действительно транснациональной, подняться над суверенитетом любого из входящих в организацию государств, но при этом предполагается, что суверенные власти таких государств будут обслуживать ее интересы. Нижеследующие слова, произнесенные вице-президентом по финансам корпорации Colgate Palmolive Company, мог бы произнести представитель любой транснациональной корпорации: «Соединенные Штаты не имеют безусловного права на наши [нашей корпорации] ресурсы. Нет никаких причин, чтобы как-то особенно выделять эту страну из всех других»^[513].

С такими организациями, как NAFTA и GATT, эта мысль становится особенно очевидной. Гигантские транснациональные корпорации поднялись над суверенными правительствами стран-участниц. Соглашения GATT стали основой для создания Всемирной торговой организации (WTO) — международной организации с участием более 120 стран. WTO имеет право не допустить принятия, отменить действие или выхолостить содержание любого закона любой страны, если сочтет, что этот закон создает препятствия инвестициям и рыночным интересам транснациональных корпораций. WTO создает экспертные группы по экономическим вопросам, состоящие из «трех специалистов по торговле», которые действуют как «судьи». Они ставят себя над национальным суверенитетом и контролем со стороны народа этой страны и обеспечивают, таким образом, превосходство

международного финансового капитала. Этот процесс называется «глобализацией» и считается неизбежным и естественным вариантом развития, выгодным для всех.

Никем не избранные, пришедшие из мира корпораций, члены этих экспертных групп встречаются тайно и могут иметь пакеты акций тех же выпусков, по которым они принимают экспертные решения. Единственным ограничением для них является правило о недопущении конфликта интересов. Их задача заключается в том, чтобы дать возможность транснациональным корпорациям делать все, что им заблагорассудится, без каких-либо ограничений или регламентации со стороны любого правительства. Ни одно из правил или ограничений ГАТТ, изложенных на пятистах страницах, не направлены против частного бизнеса, и все они — против правительств стран-участниц. Правительства, подписавшие этот документ, обязаны понизить таможенные тарифы, прекратить субсидирование сельского хозяйства, относиться к иностранным компаниям так же, как и к национальным, охранять патенты корпораций и подчиняться решениям элитной бюрократии WTO. Стоит только какому-либо правительству отказаться изменить законы своей страны, как этого требует экспертная группа WTO, на страну могут быть наложены штрафы и международные торговые санкции, которые лишат упорствующее правительство необходимых рынков и материалов^[514].

Действуя как высший глобальный арбитр, WTO принимала решения против законов, которые она считала «барьерами на пути свободной торговли». Организация заставила Японию согласиться с более высоким уровнем содержания пестицидов в импортируемых ею продуктах питания. Она удержала Гватемалу от запрещения вводящей в заблуждение рекламы детского питания. Она отменила запреты в различных странах на использование асбеста, добилась ликвидации требований к экономичности топлива и стандартам на состав выхлопных газов автомобилей. Она приняла решения, отменяющие законы по защите морской флоры и фауны и запреты на продажу продуктов из биологических видов, находящихся под угрозой исчезновения. Запрет Европейского Союза на импорт напичканной гормонами говядины из США получил широкую народную поддержку по всей Европе, но три члена экспертной группы WTO решили, что этот запрет представляет собой противозаконное ограничение торговли.

Решение в отношении говядины поставило под угрозу многие другие нормы регулирования импорта продовольствия, принятые на основе соображений охраны здоровья. WTO добилась отмены той части закона США о чистом воздухе, положения которой запрещали некоторые добавки в бензин. Это было сделано по той причине, что положения закона создавали препятствия импорту в США бензина с иностранных нефтеперегонных заводов. WTO также добилась отмены той части американского закона о сохранении исчезающих видов млекопитающих и птиц, которая запрещает импорт креветок, пойманных с помощью сетей, не обеспечивающих защиту морских черепах^[515].



«Свободная» торговля — не означает справедливой торговли. Она выгодна сильным государствам, и получают они эту выгоду за счет более слабых, в интересах богатых за счет всех остальных, лишая нас того небольшого демократического народовластия, которого мы смогли добиться^[516]. «Глобализация» означает возвращение назад к тому, что

было до проведения многих реформ XX века: нельзя бойкотировать продукты, нельзя запрещать детский труд, не будет гарантированной оплаты труда в размере прожиточного минимума или других социальных выплат, не будет государственных служб, которые могли бы создавать конкуренцию частным предприятиям, извлекающим прибыль, не будет защиты здоровья и охраны труда, которые требуют от корпораций каких-то денежных затрат.

Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) дает возможность транснациональным корпорациям обманным путем установить монопольные права собственности в местном индивидуальном и общинном сельском хозяйстве. Таким образом, капиталистические сельскохозяйственные корпорации могут проникать в экономически самостоятельные местные коммуны и монополизировать их ресурсы. Ральф Надер приводит пример местной для Индии сельскохозяйственной культуры под названием мелия индийская (иранская), экстракт из которой обладает природными пестицидными и лечебными свойствами. В течение многих столетий это растение выращивалось в Индии, однако в последнее время оно привлекло внимание различных фармацевтических компаний, которые зарегистрировали на него свое исключительное право собственности, что вызвало широкие протесты индийских фермеров. Действуя в соответствии с правилами WTO, фармацевтические компании присвоили себе право исключительного контроля над системой дистрибуции продуктов из мелии индийской. Такое решение WTO в Индии проводилось в жизнь с большими затруднениями. Десятки тысяч некогда независимых фермеров теперь должны работать на крупные фармацевтические компании и на условиях этих компаний.

Аналогичным образом WTO постановила, что патентные права на большое число сортов риса басмати, который столетиями выращивали индийские крестьяне, отныне принадлежат американской корпорации RiceTec. Организация также постановила, что исключительные права в мире на производство специи карри^[517] принадлежат японской корпорации. В этих случаях «свободная торговля» означает монопольный контроль корпораций. Такое развитие событий вынудило премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада сделать следующее заявление:

«Мы являемся свидетелями ситуации, когда кража генетических ресурсов западными биотехнологическими ТНК (транснациональными корпорациями) дает им возможность извлекать огромные прибыли за счет производства запатентованных генетических модификаций этих же самых ресурсов. До чего дошел мировой рынок, если дары природы бедным людям невозможно защитить, а генные модификации этих природных даров становятся исключительной собственностью богатых?

Если подобное поведение богатых стран продолжится и дальше, то глобализация будет означать простое упразднение границ государств и безраздельное господство на их рынках тех, кто располагает капиталами и товарами»[\[518\]](#).

Если следовать соглашениям о свободной торговле, то все муниципальные и государственные коммунальные службы и бытовое обслуживание оказываются под угрозой. Коммунальную службу могут обвинить в «упущенных рыночных возможностях» или в недобросовестном субсидировании. Можно привести такой пример: государственную программу страхования автомобилей в провинции Онтарио (Канада) обвинили в «нечестной конкуренции». Онтарио могла бы иметь государственную программу автострахования, только при условии выплаты ею американским страховым компаниям сумм, которые они считают своими настоящими и *будущими потерями* доходов от страхования в этой провинции. Естественно, что это повлекло бы непомерно высокие издержки для государственной программы страхования. Таким образом, жителям провинции Онтарио не позволили реализовать свое суверенное демократическое право создать альтернативную некоммерческую компанию автострахования.

Система образования — отрасль экономики с ежегодным оборотом в триллион долларов, и частные корпорации претендуют на ее подавляющую часть. Если этот вопрос поставить перед WTO или каким-либо торгово-экономическим советом, государственная система образования и протесты против частных учебных заведений могли бы быть квалифицированы как создание препятствий рыночным инвестициям и лишение рыночных доходов фирм, участвующих в приватизации учебных заведений. Вероятно, только опасения гневных

протестов общественности удерживают сторонников приватизации от ускоренного продвижения к «частному рынку образования».

Такие международные соглашения, как GATT и NAFTA, ускорили захват корпорациями местных рынков и вытеснение с них более мелкого бизнеса и кооперированных производителей. После введения в действие соглашения NAFTA достаточно высоко оплачиваемые рабочие места в США были ликвидированы, поскольку американские фирмы закрыли свои производства и переключились на рынок более дешевой рабочей силы в Мексике. В то же время тысячи мелких мексиканских компаний были вытеснены из бизнеса. Мексика была наводнена дешевыми высококачественными зерновыми и молочными продуктами гигантских агропромышленных американских предприятий (которые в значительной мере субсидируются правительством США), что привело к банкротству мелких мексиканских фермеров и торговцев и лишению большого числа бедных крестьян земли. Переведенные в Мексику американские предприятия предложили низкооплачиваемые рабочие места с опасными и вредными для здоровья условиями работы.

В условиях действия соглашения NAFTA, находящаяся в США компания Ethyl Corporation предъявила судебный иск правительству Канады на сумму в \$250 миллионов за «утерянные коммерческие возможности» и «вмешательство в торговлю» из-за того, что Канада запретила применять химическую добавку (ММТ) к бензину, которую канадские специалисты сочли канцерогенной. Опасаясь проиграть дело в суде, канадские официальные ведомства отступили, согласились снять запрет на применение спорной добавки к бензину, выплатили корпорации Ethyl \$10 миллионов компенсации и опубликовали официальное заявление, назвав в нем добавку ММТ «безопасной». В Калифорнии также запретили эту опасную для здоровья добавку, однако на этот раз находящаяся в Канаде корпорация Ethyl предъявила Калифорнии судебный иск по условиям соглашения NAFTA за «возложение на свободную торговлю несправедливых накладных расходов»^[519].

Нам говорят, что для сохранения конкурентоспособности в условиях соглашения GATT мы должны повысить производительность и сократить затраты на оплату труда и производственные расходы, то есть, другими словами, работать усерднее за меньшую оплату. Нам придется меньше расходовать на социальное обеспечение, соглашаться

на понижение зарплаты, на реструктуризацию производств, на уменьшение государственного вмешательства в экономику и приватизацию. Только тогда мы сможем совладать с обезличенными силами глобализации, угрожающими нас смести. На самом деле в этих силах нет ничего обезличенного. «Соглашения о свободе торговли», включая последние, которые еще не представлены в Конгресс, осознанно планировались большим бизнесом и его покровителями в правительстве в течение многих лет в целях сокращения вмешательства правительств в мировую экономику. Это ослабляет демократический контроль и сдерживает ряд аспектов деловой практики бизнеса, оно оставляет человеческое общество один на один с безжалостной хваткой мирового свободного рынка. Теперь для народа любой провинции, штата или государства будет все труднее заставить свои правительства вводить защитные меры и разрабатывать новые формы государственных производственных предприятий из опасения, что они будут упразднены Всемирной торговой организацией или какой-нибудь международной экспертной группой по торговле^[520].

Соглашения NAFTA и GATT нарушают Конституцию США, в преамбуле которой четко говорится, что источником суверенной власти в стране является народ: «Мы, народ Соединенных Штатов... провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки». Статья 1 раздела 1 Конституции гласит: «Все законодательные полномочия, настоящим установленные, принадлежат Конгрессу Соединенных Штатов...» Статья 1 раздела 7 предоставляет президенту страны (а не какому-то совету по торговле) право наложить на законопроект вето, которое может быть преодолено двумя третями голосов членов Палаты представителей Конгресса. А статья 3 предоставляет право решения спорных вопросов и пересмотра судебных решений Верховному суду и другим федеральным судам по решению Конгресса. Десятая поправка к Конституции гласит: «Полномочия, не делегированные Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные для отдельных штатов, сохраняются соответственно за штатами либо за народом». Во всей Конституции нет ничего, что разрешало бы международной комиссии по торговле занимать положение судьи в конечной инстанции и понижать установленные Конституцией полномочия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

В статье 7 говорится, что Конституция, федеральные законы и договоры «будут служить высшим Законом страны». Но под этим не подразумевалось, что договоры могут иметь большее значение, чем сами законы и суверенная власть народа и его представителей. Однако для того, чтобы исключить из процесса обсуждений Верхнюю палату (Сенат) Конгресса США, документы NAFTA и GATT были названы «соглашениями», а не договорами. Это была просто семантическая уловка, позволявшая президенту Клинтону обойтись без ратификации этих документов двумя третями голосов членов Сената и, таким образом, избежать процедуры внесения в эти документы поправок. Создание Всемирной торговой организации было одобрено на заседании Конгресса, который завершал установленный Конституцией срок своей деятельности после выборов 1994 года. Никто из принимавших участие в этих выборах не обещал избирателям сделать так, чтобы законы США не противоречили решениям ВТО.

Следует отметить, что в данной ситуации происходит не только ослабление значения многих действующих законов об охране окружающей среды, общественных службах, трудовых стандартах и защите прав потребителей, но и *подвергается сомнению само наше право осуществлять законодательную деятельность*. Наш демократический суверенитет уступает место решениям скрытных и замкнутых плутократических торговых организаций, что ставит их полномочия выше полномочий народа, его судов и законодательных органов. Фактически международный финансовый капитал совершает переворот против государств всего мира.

Задуманная с целью отдать судьбу мировой экономики на произвол банкиров и транснациональных корпораций, глобализация является логическим продолжением империализма, победой империи над республикой, международного финансового капитала над демократией. Однако в последнее время благодаря широким народным протестам реализация нескольких многосторонних торговых соглашений была приостановлена или отменена голосованием. В 1999 году активные протесты против свободной торговли прокатились по сорока одной стране от Великобритании и Франции до Таиланда и Индии^[521]. В 2000 году прошли демонстрации в Сиэтле, Вашингтоне, Сиднее, Праге и многих других городах. Народы всего мира оказывают нарастающее сопротивление сокращению демократической ответственности и

подотчетности своих правительств, которые происходят под лозунгами «глобализации» и «свободной торговли». Это означает, что существующие соглашения о свободной торговле следует не пересматривать, а полностью отменить.

12.

**Средства массовой информации — для
большинства, но в интересах
меньшинства**

Господствующие средства массовой информации заявляют, что они свободны и независимы, объективны и нейтральны, что они являются «сторожевыми псами демократии». При более внимательном взгляде возникает впечатление, что они зачастую ведут себя как болонки плутократии.

Тот, кто заказывает музыку

Основные средства массовой информации или пресса (здесь мы будем считать эти понятия равноценными) включают газеты, журналы, радио, кино и телевидение и являются неотъемлемыми компонентами корпоративной Америки. Они представляют собой высоко интегрированные многопрофильные корпорации или диверсифицированные компании. По данным 2000 года, восемь многопрофильных корпораций Америки контролировали подавляющую часть национальных средств массовой информации — в 1989 году таких корпораций насчитывалось двадцать три. Около 80% ежедневного тиража газет в Соединенных Штатах приходится на несколько гигантских газетных концернов — Gannett и Knight-Ridder, — и тенденция к усилению концентрации остается неизменной. На сегодняшний день лишь в менее чем 2% американских городов имеются конкурирующие газеты других владельцев^[522].

Практически все журналы продаются в киосках, принадлежащих шести крупным сетевым компаниям. Восемь корпоративных конгломератов контролируют подавляющую часть оборота книжной торговли, а несколько сетей книжных магазинов получают свыше 70% доходов от продажи книг. Киноиндустрию контролирует всего лишь горстка компаний и банков. В телевизионной индустрии доминируют четыре гигантские сети: ABC, CBS, NBC и Fox, вся аудитория американских радиослушателей находится под контролем всего лишь нескольких компаний^[523]. Сетью NBC владеет корпорация General Electric, сеть Capital Cities/ABC принадлежит концерну Disney, а сеть CBS — корпорации Westinghouse. Председатель правления корпорации General Electric Джек Уэлч — консерватор, который финансирует группу правой политической ориентации — *McLaughlin Group*. Майкл Джордан, являющийся руководителем сети CBS-Westinghouse, придерживается правых взглядов и выступает против государственного регулирования свободного рынка. Радиотелевизионная сеть Fox принадлежит миллиардеру правых взглядов и медиамагнату Руперту Мэрдоку, который финансирует журнал правой политической ориентации *Weekly Standard*. Сообщали, что принадлежащий Мэрдоку телевизионный канал Fox News Channel задавал поступающим к нему

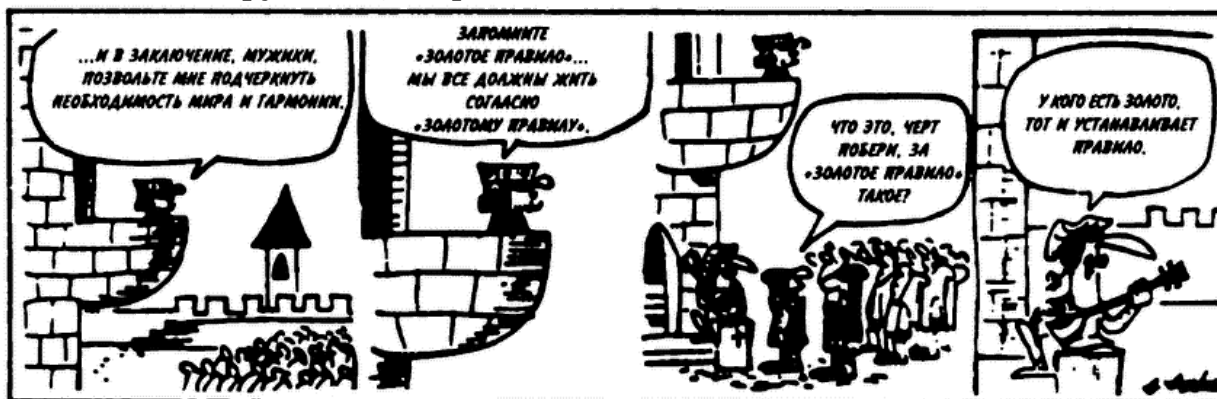
на работу журналистам вопросы о том, зарегистрировались ли они в качестве членов Республиканской партии^[524].

Среди самых крупных держателей акций этих радиотелевизионных сетей называют такие банки, как Morgan Guaranty Trust и Citibank. В советах директоров всех крупных радиотелевизионных сетей и издательств заседают представители мощных корпораций, включая IBM, Ford, General Motors и Mobil Oil. Медиаконгломераты владеют не только радиотелевизионными сетями, но также и такими прибыльными холдингами, как компании кабельного телевидения, книжные издательства, журналы, газеты, киностудии, системы спутникового телевидения и радиостанции^[525].

В течение последних двух десятилетий индустрия средств вещания использовала свои огромные лоббистские возможности для того, чтобы отменить некоторые действующие правила регулирования, введенные с целью обеспечения разнообразия и общественной полезности программ вещания. В этой отрасли было израсходовано свыше \$100 миллионов для того, чтобы способствовать принятию в 1996 году Закона о телекоммуникациях, который дает возможность одной компании владеть телевизионными станциями, охватывающими своим вещанием более трети населения США. Считалось, что, устраняя ограничения на продажу объектов медиасобственности, этот закон приведет к росту конкуренции, которая предложит потребителю больший выбор, снижение цен на услуги кабельного телевидения и более низкие тарифы на услуги местной телефонной связи.

На самом деле за три года цены на услуги кабельного телевидения выросли на 21%, а тарифы местной телефонной связи — на 10%. И в настоящее время одна компания в одном городе может иметь до шести радиостанций и две телевизионные станции (в отличие от прежнего порядка, когда одна компания могла иметь на одном рынке только одну радио- и одну телевизионную станцию). В результате принятия этого закона начиная с 1996 года произошло свыше тысячи слияний телерадиовещательных компаний, кроме того, более половины из одиннадцати тысяч радиостанций в стране были куплены крупными многопрофильными корпорациями. В результате снизилась независимость журналистов и комментаторов в освещении как мировых новостей, так и местных событий и появилось больше станций с радикальным характером вещания, пропагандирующих

ненависть и неприятие, которые брызжут ядом против феминистов, этнических меньшинств, бездомных, гомосексуалистов, профсоюзов и защитников окружающей среды^[526].



Хозяева средств массовой информации не колеблясь подвергают контролю содержание новостных программ. Нередко они снимают с вещания то, что им не нравится и, наоборот, продвигают то, что предпочитают сами. Как писала в своем отчете группа исследователей: «Владельцы и менеджеры информационных средств сами решают, какие персонажи, факты, версии фактов и идеи должны дойти до общества»^[527]. В последнее время медиа-боссы отказались от публикации и передачи в эфир программ, сюжетов и комментариев, в которых содержались материалы в защиту государственной системы медицинского страхования, критика военного вмешательства США в другие страны или оппозиция Североамериканскому соглашению о свободе торговли (NAFTA).

Корпоративные рекламодатели представляют еще одну группу влияния, которая оставляет свой след на содержании материалов средств массовой информации. Они могут сократить заказ рекламы не только в тех случаях, когда считают, что подача материалов негативно сказывается на рекламе их продукта, но также и тогда, когда они не одобряют то, что они сами воспринимают как «либеральную» тенденцию в новостях и комментариях.

Хозяева телерадиосетей прекрасно осведомлены о том контроле, который осуществляют источники финансирования рекламы. Можно привести в пример слова бывшего президента сети CBS Фрэнка Стэнтона: «Поскольку мы зависим от заказов рекламодателей, мы должны учитывать общие задачи и пожелания рекламодателей в целом»^[528]. В отмеченном премией отчете Куитни (*Kwitney Report*)

службы телерадиовещания США говорится о том, что информационные программы, в которых показывали, как США поддерживали эскадроны смерти и диктаторов в Центральной Америке, а также другие злободневные вопросы, пришлось прекратить, потому что эти программы не смогли обеспечить поступления финансирования со стороны заказчиков^[529]. Бывший продюсер передачи «60 минут» Лоуэлл Бергман говорит, что, по мнению новых продюсеров, «становится все более трудным делать передачи, имеющие хоть какой-то критический характер по отношению к 500 самым богатым компаниям, список которых был опубликован в журнале *Fortune*, а также по отношению к заказчикам рекламы и поставщикам телерадиосети»^[530].

Журналисты иногда могут вставить в сюжет необычно критический материал, но, если они делают это неоднократно, их материалы начинают отвергать, их самих переводят на другое место, и их карьера оказывается под угрозой. Руководители телерадиосетей отменяют информационные программы, которые содержат даже весьма сдержанную или непочтительную критику крупных компаний, как, например, передачи Майкла Мура на программе *TV Nation*, Либеральные комментарии Джима Хайтауэра, которые сотни раз появлялись в программах телесети ABC, были в 1997 году сняты с эфира руководством компании Disney, как только она завладела сетью ABC. (Хайтауэр сумел вновь появиться в эфире ряда небольших независимых телевизионных станций.)

Телевизионные журналисты Стив Уилсон и Джейн Эйкр лишились работы после того, как подготовили серию репортажей об опасности гормонов, которыми кормят коров. По словам Уилсона и Эйкр, филиал телесети Fox в городе Тампа во Флориде отказался запустить в эфир один из их репортажей по той причине, что содержащийся в нем материал мог вызвать раздражение концерна Monsanto. Журналист Майкл Галлахер был освобожден от работы в газете *Cincinnati Enquirer* после того, как сообщил, что в странах Латинской Америки компания по выращиванию бананов Chiquita распыляла на плантациях пестициды во время присутствия там своих рабочих, давала взятки колумбийским официальным лицам и провозила контрабандой кокаин на судах для перевозки бананов. В этой связи разгорелась полемика по поводу того,

каким образом журналист Галлахер получил эту информацию, а не о том, верно ли это сообщение^[531].

Есть и другие примеры: журналист издания *Atlanta Journal-Constitution* был вынужден подать в отставку после опубликования его материалов, вызвавших недовольство банков Coca-Cola и Atlanta, так как в материалах разоблачалась их расистская практика. Репортер по проблемам потребителей был уволен с работы телевизионной станцией KCBS — TV в Лос-Анджелесе после того, как автомобильные рекламодатели неоднократно жаловались его начальству на его критические репортажи в отношении безопасности автомобилей. Автор статьи в журнале *Fortune* был вынужден оставить работу после опубликования им статьи о непомерном доходе, полученном главой концерна Time Warner, который являлся владельцем этого журнала. Журналистка газеты *New York Times* Франсез Сера опубликованием серии репортажей о злоупотреблениях корпоративной Америки навлекла на себя гнев ее издателей и была переведена на освещение проблем района Лонг-Айленд. Там она написала ряд статей по атомной электростанции Shorham с изложением некоторой информации, противоречащей позиции редакции *Times* по этому вопросу. Последняя ее статья из серии не была напечатана по причине ее «тенденциозности». В статье говорилось, что атомная электростанция испытывает серьезные финансовые трудности, что оказалось правдой. Больше никаких назначений на должность и заданий она не получала^[532].

Можно сравнить вышеприведенные случаи с тем, как отнеслись к корреспонденту ABC Джону Стосселю, который неожиданно заявил, что механизм государственного регулирования бизнеса не дал положительных результатов и что его «работа заключается в том, чтобы объяснять привлекательные стороны свободного рынка». Вместо выговора за необъективность, Стосселю отвели главную роль в многочисленных специальных передачах телевидения, предназначенных для пропаганды его идеологии невмешательства государства в экономику^[533].

Журналистов инструктируют сохранять нейтральный подход при подготовке своих информационных материалов. Тем временем неприкрыто тенденциозная и ангажированная позиция, которую занимают по политическим проблемам владельцы средств массовой

информации, включая оказание ими помощи в сборе средств на проведение избирательных кампаний и участие в правительственных обедах, внесение средств в избирательные фонды и тесное общение с высокопоставленными чиновниками, не считается нарушением журналистских стандартов независимости и объективности.

Представители журналистского сообщества, которые последовательно поддерживают мировоззрение глобального капитализма и концепции государственной безопасности, оказываются первыми среди тех, кого награждают назначениями на завидные участки работы, повышением окладов, премиями, наградами и продвижениями на должности редакторов и шефов бюро. Есть и дополнительные средства для уговоров, такие, например, как щедрые денежные вознаграждения от финансовых кругов. Насколько объективным может быть Дэвид Бродер по отношению к проблеме коррупции на Уоллстрит после получения \$6000 за речь, произнесенную им перед руководством Американской фондовой биржи? Как может реагировать Уильям Сэфайр на манипуляции с тарифами со стороны коммунальных компаний после того, как он положил в карман \$15 000 от компании Southern Electric в качестве гонорара докладчика? Можно вспомнить, как бывший шах Ирана, диктатор и мучитель, которого ненавидело большинство его народа, принимал в США представителей американских средств массовой информации. Более пятисот журналистов, радио- и телекомментаторов, редакторов и издателей, включая таких известных людей, как Марвин Калб и Дэвид Бринкли, получили от шаха подарки и были приглашены на его шикарные званые вечера. Те журналисты, которые писали критические статьи о нем, не попали в списки получателей подарков^[534].

Редко случается, чтобы какое-либо средство массовой информации пошло против интересов крупной корпорации и сделало достоянием гласности разоблачительные материалы в отношении нее. Например, опубликовав в печатных органах союза потребителей или экологической организации статьи о том, как производители табачных изделий сговариваются увеличить их производство путем завлечения курильщиков повышенным уровнем никотина в табачных изделиях, и одновременно о том, что курение вызывает раковые заболевания. Конечно, уже более полувека всем известно о связи между курением и

раком. Пресса и политики тратят массу времени, уделяя этим вопросам внимание, которое они заслуживают, но только после широких общественных протестов и многочисленных групповых судебных исков против крупных табачных компаний.

До сих пор множество проблем, с которыми сталкивается потребитель, не получают того внимания со стороны общества, которого они заслуживают. В их числе можно назвать проблемы наличия канцерогенных веществ в косметике, радиоактивных материалов в продуктах питания, находящихся в продаже, использования в качестве удобрения ила промышленных стоков, невысокого качества лекарств, как прописываемых по рецепту, так и отпускаемых в аптеках без рецепта.

Идеологическая монополия

Газеты в нашей стране отличаются небольшим разнообразием концепций редакционной политики, располагаясь в интервале от умеренно консервативных до ультраконсервативных, с небольшим количеством умеренно центристских. Большинство ежедневных «независимых» газет получают текущую информацию в основном от телеграфных агентств, а статьи, рассказы, специальные материалы и колонки комментатора — от газет с большими тиражами.

Несмотря на жалобы консерваторов на либерализм средств массовой информации, исследования показывают, что вашингтонские журналисты, придерживаясь либеральных взглядов в отношении вопросов культурной тематики, например, таких, как аборты и молитвы в школах, проявляют явно консервативные взгляды в вопросах экономического характера. Высока вероятность их поддержки Североамериканского соглашения о свободе торговли (NAFTA) и значительное число их выступает за сокращение программы Medicare и других программ социального обеспечения^[535]. В любом случае, как уже отмечалось ранее, на содержание новостей большее влияние оказывают не журналисты, а консервативные владельцы основных средств массовой информации или лица, держащие эти средства под своим контролем.

Новостные сообщения в отношении бизнеса и деловой активности поступают почти полностью от источников из деловых кругов. Теоретические работы по политической экономии капитализма практически никогда не упоминаются. Тенденции к почти хронической нестабильности, спад производства, инфляция и недостаточная занятость, а также перекладывание последствий отрицательного экономического эффекта деятельности корпораций на общество и государство — эти и другие подобного рода проблемы или не находят отражения в прессе, или поверхностно освещаются учеными мужами, у которых нет ни желания, ни свободы для проведения критических исследований в отношении американского капиталистического рая. Бедность, как явление общественной жизни, остается без объяснения. Бедных изображают или как не имеющих никакой ценности бездельников, или как неудачников. При этом пресса редко или почти

не уделяет критического внимания рыночным силам, которые порождают или приносят в жертву людей с низкими доходами.

Пресса не объясняет реального значения государственного долга, а также того, каким образом государственный долг приводит к перераспределению доходов в обществе в пользу богатых, поскольку деньги, которые правительство берет займы у богатых, приходится выплачивать трудящимся. В основных средствах массовой информации почти ничего не говорится о том, как корпорации используют государственные средства в своих целях, как они преследуют активистов экологических движений или тех своих служащих, которые делают факты незаконной деятельности достоянием общественности. Почти ничего не сообщается о том, как интересы тех, кто производит нефть, газ и электроэнергию на атомных реакторах, создают препятствия развитию альтернативных и возобновляемых источников энергии, таких, например, как солнечная [\[536\]](#).

Освещение средствами массовой информации избирательных кампаний также оставляет желать лучшего. Они концентрируют внимание на самом процессе выборов, на том, кто поведет, кто победит, чья тактика проведения избирательной кампании эффективнее, и почти совсем не уделяется внимания политическому содержанию кампаний. Обозреватели новостей выступают, скорее, как театральные критики, рассуждая по поводу манеры поведения и стиля кандидата на выборный пост. В одном исследовании авторы пришли к заключению, что более двух третей усилий по освещению избирательной кампании на телевидении затрачивается на отражение внутренней стратегии и политических маневров, а не на вопросы по существу [\[537\]](#).

Кандидаты с прогрессивными политическими программами, пытающиеся создать себе в глазах избирателей имидж, достойный доверия, обнаруживают, что это в значительной степени зависит от освещения их избирательной кампании средствами массовой информации, находящимися в собственности у тех же консервативных сил общества, которых они подвергают критике. Этим кандидатам приходится конкурировать не только с хорошо финансируемыми оппонентами, но и с большим количеством поверхностных и притупляющих восприятие отвлекающих моментов на телевидении. Пытаясь привить общественности интерес к обсуждаемым проблемам, они сами начинают понимать, что средства массовой информации

предоставляют им очень мало возможностей для того, чтобы сделать их позицию понятной избирателю, который хотел бы их выслушать. Почти полное отсутствие информации может сделать содержательный диалог в ходе избирательной кампании практически невозможным. Сокращая до минимума освещение избирательных кампаний кандидатов небольших партий, средства массовой информации способствуют закреплению политической монополии двух ныне действующих партий.

Пресса помогла распространению по всей Америке лозунга по отношению к преступности «упрячьте их всех в тюрьму». В период 1993 — 1996 годов уровень убийств в стране сократился на 20%, а освещение этой темы в вечерних выпусках телеканалов сетей ABC, CBS и NBC возросло на 721%.

В результате число американцев, поставивших преступность на первое место среди других проблем, подскочило в шесть раз^[538]. Однако преступления юридических лиц (частных корпораций) — это совсем другая история. Они остаются без освещения со стороны средств массовой информации. Результаты недавнего анализа показывают, что основные средства массовой информации редко выражают критический подход к преступлениям юридических лиц^[539].

Вместо того чтобы рассматривать правовую защиту интересов исторически ущемленных групп населения в качестве попытки исправить многолетний эффект воздействия расизма и сексизма, средства массовой информации вводят общественность в заблуждение по сути этой проблемы, игнорируя сохранение расизма во многих областях жизни и оставляя у людей впечатление, что афроамериканцы пользуются особыми привилегиями за счет прав белого населения^[540].

Каждый вечер информационные студии телерадиосетей в обязательном порядке сообщают средние величины индексов фондовой биржи, но почти никогда не затрагивают вопросов, которые считаются важными для профсоюзов. Нет ежедневных сообщений и о числе рабочих, получивших ранения или искалеченных на производстве. Репортеры редко приводят мнение профсоюзов по вопросам, имеющим общенациональное значение. Демонстрируемые студиями ABC результаты опросов общественного мнения *Nightline* показывают, что руководители корпораций выступают там в семь раз чаще, чем

представители профсоюзов. У рабочих почти никогда не берут интервью как у хорошо осведомленных источников по вопросам трудовых отношений. Профсоюзы обычно упоминаются в информационных сообщениях только в связи с предстоящей забастовкой, но вопросы, связанные с забастовочным движением, такие, как состояние охраны труда или невыплата полагающихся пособий, фигурируют в сообщениях очень редко. Создается ложное впечатление, что трудящиеся отказываются от заключения «хороших коллективных договоров» потому, что всегда хотят намного большего. Профсоюзы выдвигают «требования», а хозяева делают «предложения». У многих студий имеется многочисленный штат репортеров по новостям бизнеса, но нет ни одного для сбора материалов в отношении трудящихся. Забастовки и демонстрации вызывают сочувствие и широко освещаются средствами массовой информации, когда они происходят в социалистических странах.

Гости — «эксперты», появляющиеся в передачах последних известий, — это, главным образом, правительственные чиновники (или бывшие чиновники), руководители корпораций и члены консервативных аналитических центров (так называемые «новые демократы»), рассуждения которых не очень отличаются одно от другого. Таким же образом из сотен авторов редакционных и передовых статей основных газет и журналов, телевизионных ученых мужей, ведущих телевизионных ток-шоу и журналистов-комментаторов только небольшое число можно отнести к не особенно ревностным «либералам». Типичным примером является синдицированный обозреватель Энтони Льюис, совершенно точно называющий себя «сторонником капитализма и немного центристом», который поддержал разрушение Ирака президентом Бушем и разрушение Югославии президентом Клинтоном и обличал профсоюзы за их борьбу против Североамериканского соглашения о свободе торговли^[541]. Другим «либеральным» комментаторам и обозревателям, считающимся «левыми», таким, как Сэму Дональдсону, Коки Робертсу, Джуану Уильямсу и Бобу Беккелю (лоббист интересов корпораций), практически нечего сказать по коренным вопросам жизни общества и спекуляциям корпораций. Кроме бесконечной и поверхностной болтовни по поводу хитростей и уловок в достижении намеченных целей, а также обсуждения известных в обществе лиц, большинство

«либеральных» гуру рьяно поддерживают славословия по адресу глобализации и оправдывают концепцию государства национальной безопасности и интервенционизм США с такой воинственностью, что нередко превосходят по этой части своих консервативных оппонентов^[542]. Граждане, использующие свои демократические права, согласно первой поправке к Конституции, и выступающие с протестами в средствах массовой информации, подвергаются короткой расправе. Например, десятки тысяч людей, которые принимали участие в демонстрациях протеста против конференции Всемирной торговой организации в Сиэтле (1999), были названы «введенными в заблуждение фанатичными приверженцами устаревших догм и склонными к насилию маргиналами». Пропаганда представляет глобализацию как благотворный, справедливый и неизбежный процесс, не упоминая о стратегии транснациональных корпораций по упразднению мер регулирования и защиты своей экономики каждого государства в мире^[543].

Манипуляции должностями

Десятки «независимых» и «объективных» журналистов в течение своей карьеры неоднократно переходили из органов массовой информации в правительственные ведомства и обратно. Эти переходы получили название «вращающаяся дверь». Дэвид Джерджен работал в администрациях президентов Никсона, Форда, Рейгана и Клинтона, а в промежутках между этими периодами был редактором в журнале *U.S. News and World Report* и комментатором на Public Broadcasting Service (PBS). Пэт Буканян был штатным литературным сотрудником в администрации Никсона, обозревателем и телевизионным ведущим выборочных опросов общественного мнения компании CNN, сотрудником аппарата президента Рейгана, а затем снова телеведущим CNN^[544]. Главный управляющий Национального государственного радио (NPR) США Кевин Клоуз был руководителем всех крупных государственных пропагандистских агентств: «Голоса Америки», радиостанции «Свободная Европа», радиостанции «Свобода» и «Радио Марти». Национальное общественное радио (NPR, National Public Radio) США мало может сказать критического в отношении внешней политики США и концепции государственной национальной безопасности. Руководитель Corporation for Public Service — Корпорации общественного вещания (CPB) — Роберт Кунрод имеет послужной список, почти абсолютно одинаковый с послужным списком Кевина Клоуза, начиная с «Голоса Америки» и до «Радио Марти»^[545].

Сообщения средств массовой информации в отношении политики Госдепартамента и Пентагона полностью основываются на пресс-релизах этих ведомств. Освещение ими космических программ всегда имеет благоприятный характер и редко проскальзывает мнение критиков этих программ. Почти никогда не допускается позитивного освещения антиимпериалистической борьбы в мире или протестов внутри США против интервенций США по отношению к странам «третьего мира». Участники демонстраций и лица, организующие насильственные действия против законно избранных правительств в странах, оказывающих сопротивление свободному рынку, таких, например, как посткоммунистические Болгария и Югославия, провозглашаются борцами за демократию. Их действия получают

широкое освещение в средствах массовой информации, а их самих за использование насилия никогда не осуждают. Большинство информационных агентств ни в коей мере не относятся к критикам политики правительства, они действуют, скорее, в качестве рупора контрреволюционного чиновничьего глобализма свободного рынка.

Частные средства массовой информации вместе с государственными NPR и PBS изображали войну во Вьетнаме, вторжение в Гренаду, разрушение Югославии и Ирака и растущую интервенцию США против революционных повстанцев в Колумбии как следствие благородных намерений, никак не упоминая о стоящих за этими действиями классовых интересах и страшном разорении, причиненном вооруженными силами США на территориях этих стран и их народам.

Пресса США игнорировала массовое убийство около 500 тысяч индонезийцев милитаристами этой страны, поддерживаемыми США, и кампанию геноцида со стороны тех же милитаристов в Восточном Тиморе. Пресса скупо писала о массовых репрессиях против выступающих в защиту своих прав крестьян, рабочих, священников, студентов и представителей интеллигенции в Уругвае, Гватемале, Эль-Сальвадоре, Заире, на Филиппинах и в десятках других стран, где США поддерживают режимы, проводящие политику в интересах капитала. Всегда преданная официальной линии, пресса освещает с сугубо негативных позиций левые движения и правительства и всегда благожелательна к правым движениям и правительствам. Она никогда не отзывается отрицательно о поддерживаемых Центральным разведывательным управлением контрреволюционных силах наемников, например, в Анголе, Мозамбике и Никарагуа, действия которых унесли жизни сотен тысяч местных жителей^[546].

Также не находит отражения в американских средствах массовой информации поддерживаемый США в десятках стран терроризм, использование эскадронов смерти, убийства и массовые тюремные заключения. Нарушения прав человека в таких некапиталистических странах, как Китай, Тибет^[547] и Северная Корея, получают широкое освещение в американской прессе, в то время как длительные и кровавые нарушения прав в ходе репрессий в Турции, Гондурасе, Индонезии и десятках других поддерживаемых США стран свободного рынка находят скудное отражение в этой же прессе^[548].

Когда президенты США проводят вторжения или бомбардировки других стран, американские средства массовой информации оказывают поддержку их действиям. Они нередко выбирают «ответственный» подход к возникшей ситуации, не информируя общественность в отношении тайных операций американских ведомств и других сомнительных аспектов политики правительства США внутри страны и за рубежом. Журналистская ответственность должна означать предание гласности заслуживающей доверия информации вне зависимости от того, насколько неприятной она может быть для властей. Но та ответственность, которую требуют правительственные официальные лица и на которую нередко соглашаются представители средств массовой информации, означает совсем противоположное — сокрытие информации именно потому, что она правдива.

Иногда сотрудники средств массовой информации, формирующие общественное мнение, доходят до крайностей при выражении своей фанатичной ангажированности. В 1999 году, во время бомбардировок Югославии силами США и НАТО, в ходе которых были убиты сотни невинных гражданских лиц, а экономике страны был нанесен большой ущерб, и при этом не было потеряно ни одной американской жизни, руководитель вечерней программы новостей компании CBS Дэн Разер заявил: «Я американец, и я американский репортер. Поэтому я скажу, что, когда где-то происходит сражение с участием американцев, можете критиковать меня за это, но я, будь я проклят, я всегда оказываю содействие нашей победе». По-видимому, Разер хотел сказать, что он поддерживает любую войну, которую устраивают США, вне зависимости от того, во что она обходится и какие аморальные и ужасные преступления в ходе нее совершаются, невзирая на конкретные обстоятельства?^[549] Его слова характеризуют его не как беспристрастного и объективного журналиста, а как капитана команды ура-патриотических спортивных болельщиков.

За последние два десятка лет более четырехсот американских журналистов, включая обозревателей национального масштаба, авторов передовых статей и некоторых крупных редакторов, выполняли секретные задания ЦРУ, собирая информацию за границей или публикуя материалы, которые способствовали созданию благоприятного мнения в отношении интервенционистских действий и целей ЦРУ. В этих мероприятиях принимали участие сотрудники газеты

Washington Post, телевизионных компаний CBS, NBC, ABC, журналов *Newsweek*, *Wall Street Journal*, информационного агентства *Associated Press*, а также такие широко известные представители средств массовой информации, как Уильям Пэли — некогда руководитель компании CBS; Генри Льюс — покойный владелец концерна *Time Inc.*; Артур Хейс Сульцбергер — покойный издатель газеты *New York Times*. ЦРУ имело в своем владении свыше 240 средств массовой информации по всему миру, включая газеты, журналы, издательские дома, радио- и телевизионные станции и телеграфные агентства. Многие страны «третьего мира» получали больше новостей и информации от ЦРУ и других подобного рода западных источников, чем от средств информации своих стран^[550].

В серии глубоко обоснованных статей в газете *San Jose Mercury News* журналист Гэри Уэбб разоблачил участие ЦРУ в контрабанде наркотиков между контраст (поддерживаемыми США вооруженными группировками в Центральной Америке) и городскими наркоторговцами в Соединенных Штатах. Эта серия статей подтвердила наихудшие опасения лидеров афроамериканских общин США и положила начало острой общественной дискуссии. Телевизионные станции, а также газеты *Washington Post*, *New York Times* и *Los Angeles Times* сразу же обрушили на Уэбба шквал нападок, обвинив его в высказываниях, которых он никогда не допускал. Они сконцентрировали критику на ряде мелких дискуссионных моментов, которые были не окончательно установлены, игнорируя хорошо обоснованный и изобличающий материал основной части расследования. Они также, безусловно, приняли утверждение представителей ЦРУ о непричастности Управления к контрабанде наркотиков. В конечном итоге редактор газеты, где работал Уэбб, не выдержал давления и выступил с публичным покаянием за то, что опубликовал эту серию статей. Вскоре после этого Уэбб ушел из газеты *Mercury News*. Последующий доклад самого ЦРУ в большой части подтвердил обвинения Уэбба^[551].

В 1998 году продюсеры CNN Эйприл Оливер и Джек Смит опубликовали статью, в которой американских военных обвиняли в применении высокотоксичного нервно-паралитического газа зарин в ходе операции в тылу противника в Лаосе в 1970 году. В результате этого погибло около сотни людей, в том числе два американских

перебежчика. На Оливера и Смита сразу же обрушилась буря злобных и ядовитых оскорблений со стороны Пентагона и крупных средств массовой информации. Компания CNN поспешно опубликовала заискивающее опровержение и уволила двух продюсеров. Ведущий автор этой статьи, заслуженный журналист Петер Арнетт получил выговор, — в итоге ему пришлось оставить работу в компании из-за расхождений во мнениях. Оливер и Смит совместно подготовили документ на семидесяти семи страницах, в котором показали, что их статья была написана на основании свидетельств американских летчиков и других военных, включая самих участников этой операции, которые подтверждают свои свидетельства^[552]. Оливер обратился в суд с иском к CNN за необоснованное увольнение.

Манипулирование средствами массовой информации — обычная практика правительства. Чиновники поощряют тех журналистов, которые проявляют отзывчивость к их потребностям, и придерживаются информацию тех журналистов, которые доставляют беспокойство. Они регулярно встречаются с руководством средств массовой информации для обсуждения конкретных материалов или выражения своей неудовлетворенности некоторыми из них. Ежедневно Белый дом, Пентагон и другие правительственные ведомства выпускают тысячи докладов, представляющих их действия в выгодном свете, бюллетеней и ориентировок для средств массовой информации. Впоследствии многие из них без всякой критической переработки транслируются общественности в качестве новостей из независимых источников.

Министерство юстиции добилось решения Верховного суда, разрешающего правительственным ведомствам вызывать сотрудников средств массовой информации в суд и требовать у них раскрытия их источников информации перед следователями Большого жюри. Такое решение превращает прессу в следственный орган тех чиновников, в отношении которых пресса, как принято считать, должна действовать в качестве системы общественного надзора. Газета *New York Times* уверяла своих читателей, что «в Соединенных Штатах журналистам редко направляют подобного рода судебные повестки». Но в результате проведения соответствующего расследования выяснилось, что только в течение одного года сотрудникам средств массовой информации было направлено свыше 3500 таких повесток^[553]. Десятки репортеров, пытавшихся защитить свои источники информации, были посажены в

тюрьму или подверглись угрозам тюремного заключения за отказ передать информационные материалы и магнитофонные пленки. Такое принуждение со стороны правительственных ведомств оказывает сковывающее воздействие на журналистов, которые, во избежание неприятностей со стороны чиновничества, предпочитают подвергать информационные материалы своей собственной цензуре.

Политический характер развлечений

Средства развлечений (кино и телеспектакли, документальные фильмы и другие демонстрации и зрелища) подвергаются строгой политической цензуре. Даже газета *New York Times* признает, что сеть «производство и стандарты» (читай: цензура) сократила контроль в отношении запрещенных тем сексуального и культурного характера, но «цензоры сети продолжают бдительно следить за *политическим содержанием* телевизионных фильмов»^[554]. Телевизионные шоу, в которых трактуются темы, вызывающие полемику и направленные против истеблишмента страны, нередко доставляют неприятности своим спонсорам и сталкиваются с трудностями в отношении получения эфирного времени. Фильмы о рабочих или антиимпериалистической направленности создаются редко. Такие фильмы чаще всего не получают финансовой поддержки со стороны крупных студий и банков и обречены на весьма ограниченный прокат. Такова была судьба фильмов «Соль земли», «Сальвадор», «Красные», «Матеуан» и «Ромеро»^[555].

Какой фильм считать политическим, а какой неполитическим — это само по себе политическое решение. Фильмы, в которых ставятся под сомнение традиционные ценности и стереотипы, считаются политическими, а те фильмы, в которых утверждаются общепринятые, традиционные моральные и социальные нормы — неполитическими. Почти все широко распространенные развлечения в той или иной мере носят политический характер. Даже те фильмы и телевизионные шоу, в которых не проводится какая-нибудь особая политическая сюжетная линия, могут распространять образы и темы, поддерживающие милитаризм, империализм, расизм, сексизм, авторитаризм и другие антидемократические ценности. В мире развлечений несчастья и беды являются следствием действий злых людей и их интриг, но они никогда не происходят в результате несправедливостей социально-экономической системы. Проблемы решаются за счет отчаянной храбрости и безрассудства отдельных людей, а не путем организованных коллективных усилий. Конфликты разрешаются путем многочисленных убийств и драк. Подлому насилию противостоит насилие справедливое, хотя зачастую одно от другого трудно отличить.

Исследования показывают, что люди, которые много смотрят телевизионные передачи, значительно больше боятся преступности или представителей городских меньшинств, чем те, которые не смотрят телевизор. Фильмы и передачи на темы преступности способствуют тому, что зритель проявляет готовность согласиться с авторитарными решениями и репрессивными действиями полиции^[556].

В течение нескольких последних лет под влиянием зрителей произошли изменения в изображении типичных образов мужчины и женщины и представителей этнических групп. Женщины и представители этнических меньшинств теперь нередко изображаются как умные и эрудированные люди, занимающие в обществе властные и влиятельные позиции. Несмотря на такие изменения, тендерные и этнические стереотипы все еще широко распространены в обществе. Женщин и представителей этнических меньшинств используют на ведущих ролях значительно реже, чем белых мужчин. В рекламе и сюжетах фильмов женщин все еще изображают в качестве сексуального объекта, зачастую как объекта насилия со стороны мужчины или жертвы его ненасытного полового инстинкта.

Много лет назад афроамериканцы, как и можно было с уверенностью ожидать, играли роли слуг и уличных преступников. Теперь они играют полицейских и уличных преступников, обычно в небольших ролях. Чернокожий капитан полиции, распекающий полицейского, и чернокожая женщина-судья, убеждающая адвокатов, стали новыми шаблонными ролями для афро-американцев. Теперь их много в телевизионных комедийных сериалах, идущих в прайм-тайм, где они играют роли комических героев. Однако наиболее серьезные виды борьбы, которую ведут афроамериканцы во всех областях жизни и работы, редко находят свое реалистическое отображение в кино и на телевидении. Чернокожие актеры все еще испытывают недостаток расово неспецифичных для них ролей обычных людей, сталкивающихся с проблемами реальной жизни.

Было несколько заметных исключений в этом скудном меню для массовой аудитории: в фильме «Булворт» высмеивается политическая система США; в фильме «Ходячий мертвец» затрагивается проблема смертной казни; фильм «Гражданская акция» разоблачает коррупцию в среде корпоративных отравителей природной среды, как и фильм «Эрин Грокович»; фильм «Возлюбленная» обращается к остаточному

влиянию периода рабства; в фильме «Амистад» показана реальная жизнь в XIX столетии, бунт рабов и суд над ними; в фильме «Инсайдер» почти документально показано следствие против табачной компании. И все же тяготы людей из рабочего класса и их борьба за достойное к себе отношение на работе и в своей коммуне (хороший тематический материал), скудно освещаются средствами искусства в мире развлечений, которым владеет бизнес^[557].

На государственном телевидении также трудно встретить сегодняшнего рабочего. Хотя в последние годы PBS США стала более чувствительной к расовым и тендерным проблемам и начала проявлять внимание к проблеме культурного многообразия, она все-таки по-прежнему фактически игнорирует заботы рабочего класса, опасаясь негативной реакции со стороны финансовых гарантов-поручителей. Когда же финансирование документальных произведений или художественных фильмов, посвященных рабочему классу, берут на себя профсоюзы, руководители государственного телевидения обычно отказываются брать такие фильмы в прокат, ссылаясь на то, что тема трудящихся является весьма «специфической»^[558].

Есть ли место альтернативам?

В целом изображение средствами информации важных жизненных проблем нельзя назвать ни объективным, ни честным. Информационные новости — не только результат определенных действий и манипуляций, но также и продукт деятельности идеологических и экономических властных структур, в составе которых действуют журналисты и к которым они должны приспосабливаться.

Закон о справедливости (беспристрастности) требовал, чтобы радио- или телевизионная станция после передачи редакционного материала выделяла время для передачи оппозиционной точки зрения. Но в законе не было требования о передаче разнообразных оппозиционных точек зрения. Поэтому, как правило, средства массовой информации ограничивались изложением двух, лишь немного отличающихся друг от друга, точек зрения. «Доктрину справедливости» в том виде, как ее понимали, применяли зачастую далеко не беспристрастно. Федеральная комиссия по связи США постановила, что эфирное время должно предоставляться не «коммунистам или для передачи точки зрения коммунистов», а только «для изложения дискуссионных проблем, имеющих значение для всего общества и в отношении которых лица, не относящиеся к коммунистам, придерживаются отличного от других мнения»^[559]. В 1987 году президент Рейган наложил вето на законопроект Конгресса о продлении закона о действии «доктрины справедливости». Противники этого закона утверждали, что он посягал на свободу прессы, поскольку принуждал частного владельца средства информации излагать или передавать в эфир оппозиционную точку зрения. Это может также препятствовать высказыванию мнений, поскольку владельцы средств информации будут воздерживаться от выражения своей точки зрения из-за обязанности предоставлять такую же возможность для оппозиционной точки зрения. Но радиочастоты принадлежат всему народу Соединенных Штатов и должны быть открыты для различных, в том числе и несовпадающих мнений.

Закон об общественном вещании 1967 года положил начало созданию Государственной службы телерадиовещания — Public Broadcasting Service (PBS) — как общественного телевидения,

альтернативного частному коммерческому телевидению. Вместо независимого финансирования за счет налога на продаваемые телевизоры или за счет другого источника, PBS сделали зависимой от ежегодных ассигнований Конгресса и для ее управления создали совет из членов, назначаемых президентом. От PBS и от Национального общественного радио (NPR) теперь требуют сочетать государственное финансирование со средствами из других источников. К телезрителю и радиослушателю обращаются с просьбами о денежных пожертвованиях для оплаты эксплуатационных расходов. Сами программы финансируются крупными корпорациями. Поэтому неудивительно, что программы NPR и PBS, посвященные общественным делам, представляют и озвучивают комментаторы и «гости-эксперты», которые так же идеологически консервативны и политически надежны, как и такие же персонажи на каналах частных вещательных сетей. Из многих документальных фильмов независимых продюсеров по важным и дискуссионным политическим вопросам очень немногие получают доступ в основные сети кинопроката или в крупные сети телевещания. Именно поэтому документальный фильм «Лица войны», разоблачающий поддерживаемые правительством США карательные действия против партизан в Эль-Сальвадоре, отказались покупать на двадцати двух крупных рынках телепрограмм. Удостоенный награды фильм «Создание бомб» и материал по делу «Иран-контрас» под названием «Сокрытие» не были допущены ни на PBS, ни на коммерческие каналы. В 1991 году документальный фильм «Смертельный обман» с критикой корпорации General Electric и показом разрушения окружающей среды в ходе производства атомного оружия получил премию Американской киноакадемии, однако за исключением нескольких редких показов на местах его не приняли в прокат на коммерческом и государственном телевидении. То же самое произошло и с награжденным премией Киноакадемии документальным фильмом «Обман в Панаме», разоблачающим вторжение Вооруженных сил США в Панаму. Во многих районах страны телевизионный эфир переполнен передачами ток-шоу и беседами обозревателей, которые носят откровенно ультраправый, прокапиталистический, милитаристский, антипрофсоюзный, антифеминистский и антииммигрантский характер. Богатые консерваторы вложили миллионы долларов в создание религиозных вещательных сетей правой политической ориентации, которые включают 1300 местных

радиостанций и телевизионную сеть под названием «Христианская телевещательная сеть» (CBN) с таким же числом филиалов, как и ABC. В стране имеется и значительное число религиозных людей левой политической ориентации, которые проявляют приверженность миру и социальной справедливости, но не получают существенной финансовой поддержки и поэтому не располагают информационными агентствами.

При отсутствии доступа к крупным средствам массовой информации религиозные левые пытались довести свои взгляды через небольшие издания и публикации, которые испытывают хронические финансовые трудности и нередко подвергаются преследованиям со стороны полиции, Федерального бюро расследований, правых «Комитетов бдительности», Налогового управления и Почтовой службы США. Резко растущие почтовые тарифы создают трудности диссидентским изданиям и публикациям. Оправдывая такой рост тарифов экономической необходимостью, правительство продолжает субсидировать миллионы отправок «макулатурной почты», которые ежегодно рассылаются бизнесом и рекламными фирмами.

Пять радиостанций сети *Pacifica* и другие станции, финансируемые коммунами и отдельными слушателями, иногда предлагают альтернативные политические концепции (вместе с большим количеством материалов по культуре эзотерики и широко распространенным обычным взглядам). В настоящее время совет директоров сети *Pacifica*, судя по всему, намерен нейтрализовать влияние некоторых все еще остающихся несогласных на своих станциях и трансформировать свою сеть, придав ей другую ориентацию^[560].

Растущее движение в основном бедных людей и жителей старой, центральной части городов^[561], а также коммунистов создало по всей стране сеть нелегальных микро радиостанций ультракоротковолнового диапазона с мощностью излучения, не достигающей ста ватт, и с дальностью действия от одной до пяти миль. Сторонники микро радиостанций доказывают, что радиоэфир принадлежит всему обществу, а их радиостанции слишком маломощны, чтобы мешать сигналам более крупных станций. Единственная угроза с их стороны состоит в том, что люди с низкими доходами и другие инакомыслящие могут использовать радиоэфир для пропаганды неортодоксальных взглядов. После длительного сопротивления со

стороны сторонников таких радиостанций в 2000 году Федеральная комиссия по связи неохотно дала разрешение на использование такого рода маломощных радиостанций диапазона FM. Но Национальная ассоциация работников вещания (National Association of Broadcasters, NAB), представляющая большинство частных средств массовой информации, продолжала оказывать жесткое давление с целью добиться закрытия всех микростанций. Этот вопрос обсуждался в Конгрессе, и было принято решение запретить Федеральной комиссии по связи выдавать лицензии до тех пор, пока вопрос не будет достаточно изучен, чтобы с уверенностью гарантировать, что передачи микрорадиостанций не создают помех обычному вещанию^[562].

Иногда существует предел, до которого средства массовой информации могут замалчивать и искажать реальные события, имеющие радикальный характер. «Третий мир» действительно беден и подвергается эксплуатации; правительство США действительно занимает позицию на стороне богатых олигархов; реальные зарплаты для многих категорий трудящихся на самом деле понизились; корпорации действительно обладают огромной властью, грабят и загрязняют природную среду, сокращают рабочие места, извлекая рекордно высокие прибыли. Для сохранения доверия к себе пресса должна время от времени сообщать об этих реалиях. Когда она это делает, правые поднимают крик, ссылаясь на «тенденцию к либерализму». Кроме того, пресса не совсем уж нечувствительна к демократическому влиянию и давлению со стороны простого народа. Если, несмотря на искажение фактов и невнимание средств массовой информации, вокруг какой-либо проблемы начинает выстраиваться четкое и настойчиво выражаемое общественное мнение, не ставящее под сомнение капиталистическую систему в целом, пресса может, в конце концов, сломать окружающий эту проблему информационный барьер.

Если мы считаем цензуру опасной для нашей демократии, тогда мы не должны проходить мимо того факта, что средства массовой информации подвергаются тщательной цензуре теми, кто владеет ими или размещает в них свою рекламу. Государственные телевидение и радио должны финансироваться государством, а не богатыми фирмами и фондами, которые стремятся навязать собственные идеологические предпочтения, списывая при этом крупные суммы на расходы и

сокращая налоговые выплаты. Государственный закон должен потребовать от всех газет и станций вещания выделять место и время для общественных мнений различной политической направленности, включая и самые прогрессивные, и революционные. Но, учитывая характер тех интересов, которые обслуживает правительство, до этого, скорее всего, не дойдет.

И наконец, единственной гарантией против монопольного контроля над средствами массовой информации является передача их во владение самому народу с законодательным закреплением права допуска широкого спектра противоречивых точек зрения. Это не настолько нереально или радикально, как это может показаться. В начале 1920-х годов, еще до полного перехода под контроль деловых кругов, система радиовещания состояла, главным образом, из сотен некоммерческих радиостанций, которыми управляли в основном колледжи, университеты, профсоюзы и группы местной общественности^[563].

Сегодня нам нужно больше радиостанций и местных сетей кабельного телевидения с поддержкой и доступом к ним местной общественности. Следует поощрять деятельность микрорадиостанций, поскольку это — одно из самых демократичных средств массовой информации, почти не требующее крупных затрат, но относительно более доступное для общественности тех территориальных общин, где такие радиостанции действуют. Интернет также предлагает широкий диапазон прогрессивных веб-сайтов, которые предоставляют информацию, редко появляющуюся на главных медиаресурсах.

Владельцы газет и вещательных сетей не ослабят контроль над своими инвестициями и общественной информацией. Простые граждане не будут иметь доступа к средствам массовой информации до тех пор, пока они не смогут получить контроль над материальными ресурсами, которые могли бы обеспечить подобный доступ. Такой вариант развития событий позволил бы перейти к другому типу социально-экономической системы, которая отличается от того частного «свободного рынка», который сейчас царит в Америке.

13.

Выборы, партии и избиратели

Обычно говорят, что политическая система США представляет собой демократию, поскольку мы выбираем наших лидеров, то есть делаем выбор между конкурирующими кандидатами в ходе свободной и открытой избирательной кампании. Однако как демократический институт процедура выборов оставляет желать много лучшего. Люди выражают недовольство свойствами кандидатов, отсутствием реального выбора, длительностью избирательной кампании, количеством выливаемой кандидатами друг на друга грязи, отсутствием дискуссий по существу и огромными расходами на проведение всей кампании. В одном обзоре говорилось, что только 23% избирателей согласны с утверждением, что «двухпартийная система работает хорошо», а 67% считают что «ей присущи реальные проблемы» или в ее работе отмечаются явные нарушения^[564]. В этой главе приводятся обоснования этой точки зрения.

Республикраты и демопубликанцы

На протяжении жизни многих поколений американцев профессиональные партийные политики крутили «партийную машину», оказывая мелкие услуги простому народу и большие услуги спекулянтам недвижимостью, строительным подрядчикам, владельцам крупного бизнеса и самим руководителям партийной машины. Партийные боссы были заняты устройством своей карьеры и оказанием протекции другим, предпочитая, чтобы их не беспокоили по поводу социальной справедливости и «никогда не задавали вопросы в отношении принципов распределения материальных благ в обществе»^[565]. Устаревшие политические машины все еще можно обнаружить в ряде городов, но они редко оказывают какое-либо влияние на местах. Партийные организации политических партий пришли в упадок по ряду причин.

Во-первых, согласно законодательству о финансировании избирательных кампаний, федеральные фонды предоставляются напрямую кандидатам на выборные должности, а не партиям, что ведет к ослаблению партийных организаций.

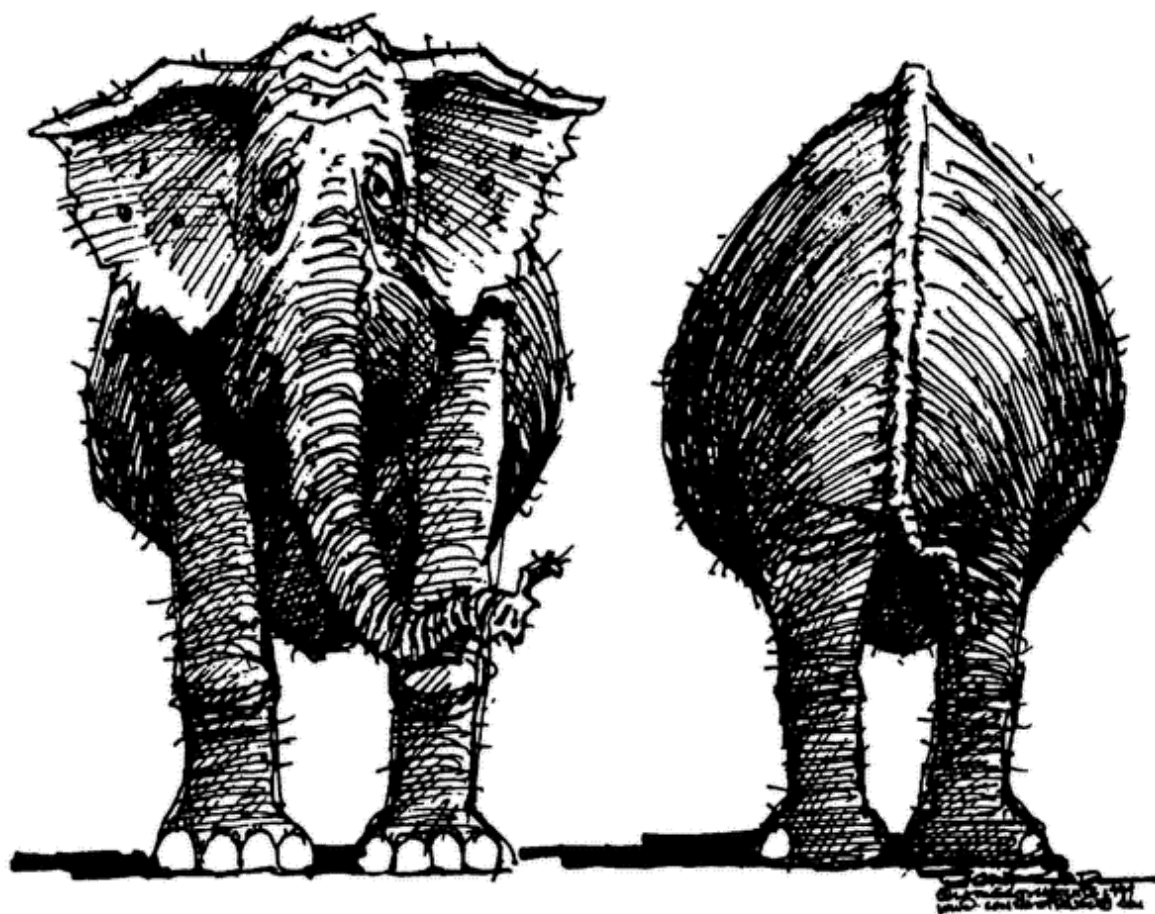
Во-вторых, в настоящее время, когда так много штатов ввели у себя прямые предварительные выборы, претенденты на звание кандидата на пост президента больше не добиваются поддержки местных партийных организаций с целью внесения своего имени в их списки кандидатов, а стремятся стать кандидатами независимо от них, путем участия в предварительных выборах.

В-третьих, поскольку в наши дни политическая реклама доходит до каждой гостиной, потребность в руководителе избирательного участка, который бы агитировал за кандидата и пропагандировал его среди местного населения, значительно снижается. Сегодняшнему кандидату для оплаты расходов на ведение дорогостоящей избирательной кампании больше нужны финансовые спонсоры или личное состояние, а кроме того, специалисты по проведению опросов общественного мнения и эксперты по связям с общественностью. Последние призваны оказывать помощь в отборе проблем для дискуссий и создания избирательной стратегии, а также необходимы

для формирования выразительного имиджа кандидата и запуска эффектных реплик и высказываний.

Две основные американские партии предлагают небольшой выбор. Не совсем точно характеризовать деятельность республиканцев и демократов как пиликанье на скрипке одной и той же примитивной мелодии. Будь они абсолютно одинаковы по имиджу и политическим принципам, им было бы труднее, чем сейчас, поддерживать в глазах избирателя видимость какого-то выбора. С точки зрения тех, кто выступает за радикальную смену национальных приоритетов, вопрос заключается не в том, есть ли различия между этими партиями, а в том, имеют ли различия между ними хоть какое-то существенное значение.

По большинству фундаментальных экономических вопросов сходство между двумя партиями настолько велико, что оно нередко заслоняет различия между ними. Обе партии, как Демократическая, так и Республиканская, постоянно выступают за сохранение частной корпоративной экономики, выделение огромного бюджета на военные цели, использование государственных субсидий и налоговых льгот для увеличения прибылей бизнеса, развитие целых отраслей промышленности за счет государства, использование репрессий против противников существующей классовой структуры общества, увеличение могущества корпораций путем заключения глобальных соглашений о «свободной торговле» и защиту империи многонациональных корпораций путем интервенций против несогласных с такой политикой стран и повстанческих движений за рубежом. Короче говоря, большинство политиков Республиканской и Демократической партий абсолютно одинаково понимают государственные интересы США, которые они готовы отстаивать за счет риска для жизни беднейших слоев населения внутри страны и за рубежом. Это особенно верно в отношении «Новых демократов» или демократов Клинтона, политические взгляды которых совпадали со взглядами республиканцев по таким проблемам, как субсидирование и налоговые льготы для бизнеса, а также крупные бюджеты на военные цели^[566]. По этому поводу бывший президент Международной ассоциации механиков Уильям Уинписинджер вынужден был заметить: «В нашей стране нет двухпартийной политической системы. У нас партия демопубликанцев. Это — единая партия корпоративного класса с двумя крылами — демократов и республиканцев»^[567].



ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

Кандидаты энергично соперничают за получение президентского поста, расходуют огромные деньги на проведение мероприятий выборной кампании с нагрудными значками, наклейками на бамперах автомобилей и телевизионной и радиорекламой. Используя различные, лишённые всякого реального смысла ухищрения, кандидат (обычно мужчина) продает свой имидж (как продавал бы мыло) по следующим позициям: внешность и семья, соответствие его опыта работы обязанностям в выборной должности и ревностное служение целям общества; искренность, пронизательность и благоразумие, боевой дух; военный послужной список и патриотизм, решимость оказывать помощь работающим семьям, фермерам и деловым людям, молодым и старым, богатым и бедным и особенно тем, кто занимает среднее положение; решимость улучшить образование, сократить расходы правительства, обеспечить уверенное руководство, укрепить полицию и национальные вооруженные силы, обеспечить стране длительный мир и процветание и так далее. Как кто-то однажды заметил: «Невозможно

все время обманывать целый народ, но если вы сможете обмануть его один раз, тогда это уже на четыре года».

Нельзя отрицать, что есть различия между и внутри каждой из двух основных политических партий США. Как правило, прогрессисты и либералы вероятнее всего найдут прибежище в Демократической партии, а консерваторы в Республиканской. В Конгрессе заметны различия между политикой консервативных республиканцев и прогрессивным крылом Демократической партии. Последние чаще выступают за защиту окружающей среды, права трудящихся, прогрессивный подоходный налог, улучшение социального обеспечения, сокращение военных расходов и равенство в правах для женщин и представителей этнических меньшинств.

Исследования показывают, что поддержка демократов возрастает за счет групп населения в нижней части шкалы доходов, а поддержка консерваторов — за счет групп в верхней части этой шкалы. В ходе недавних выборов в Палату представителей кандидаты от Демократической партии получили самую мощную поддержку со стороны избирателей, доходы которых не превышали \$15 000, а кандидаты от Республиканской партии получили такую поддержку от избирателей с доходами свыше \$100 000. Обычно демократы набирают больше всего голосов у либералов, бедных, членов профсоюзов и работающих по найму, женщин, афроамериканцев, евреев, американцев латиноамериканского происхождения, городских жителей и в меньшей степени у католиков. Республиканцы получают лучшие результаты голосования у консерваторов, белых мужчин, белых граждан протестантского вероисповедания, белых граждан Юга страны, жителей сельских и пригородных районов, вновь обратившихся к вере христиан, людей с профессией менеджера, людей с успешной карьерой и богатых людей^{[\[568\]](#)}.

Монополия двух партий

Несмотря на имеющиеся расхождения, две основные партии сотрудничают друг с другом и совместно практикуют различные уловки для поддержания их монопольного контроля над процессом выборов и создания препятствий росту и укреплению влияния третьих партий^[569]. Во всех пятидесяти штатах США имеются законы, принятые и проводимые в жизнь представителями Демократической и Республиканской партий, которые регламентируют внесение имен кандидатов от третьей партии в списки кандидатов в избирательные бюллетени. В различных штатах узаконено требование о том, что лица, подписавшие петиции за право кандидатов от третьей партии ввести свою фамилию в список кандидатов в избирательном бюллетене, должны также заявить, что они намерены голосовать за этого кандидата и принимают политическую линию этой партии. По крайней мере, в восьми штатах суды вынесли постановления против такого требования, утверждая при этом, что подписание петиции означает лишь только то, что подписавшие считают целесообразным, чтобы фамилия кандидата от небольшой партии появилась в списке кандидатов избирательного бюллетеня. В некоторых штатах лицам, подписавшим петицию в поддержку права третьей партии состоять в избирательном списке, было запрещено голосовать в ходе предварительных выборов. Этот закон неоднократно опротестовывался в судах различных штатов, и, по данным на 2000 год, запрет продолжает действовать только в штате Техас. Кандидат всего штата от третьей партии обязан в течение двух месяцев собрать в свою поддержку 56 000 подписей, причем в это число не должны входить подписи избирателей, которые в ходе предварительных выборов голосовали за кандидатов Демократической и Республиканской партий^[570].

В некоторых штатах период времени, в течение которого должны быть собраны подписи, сокращен до одной недели, что представляет практически неразрешимую задачу. В 1999 году в штате Западная Вирджиния было собрано двойное число подписей (12 000 против 6000) за право попасть в избирательный список. В штате Огайо в годы президентских выборов новой партии требуется собрать 35 000 подписей, а в годы промежуточных выборов эта цифра составляет 50

000 подписей, причем петиции с подписями необходимо представить в самом начале года выборов. В штате Огайо вся эта процедура настолько обескураживающая, что она использовалась редко^[571].

В штате Вирджиния никто не имеет права запускать петицию для сбора подписей за пределами своего избирательного округа по выборам в Конгресс или соседнего округа. В штате Западная Вирджиния податель петиции обязан получить мандат на сбор подписей от начальника канцелярии каждого округа, в котором происходит сбор подписей. В ряде других штатов требуется, чтобы податели петиции от третьих партий были в обязательном порядке жителями штата, в котором собираются подписи^[572]. В штате Флорида независимый кандидат, или кандидат от третьей партии на выборы президента, должен представить 167 000 действительных подписей и заплатить по десять центов за каждую, то есть, как минимум, \$16 700 в качестве заявочной пошлины. В штате Луизиана независимый кандидат для того, чтобы только начать процесс сбора подписей с целью попасть в список избирательного бюллетеня, обязан внести \$5000 в качестве заявочной пошлины^[573].

В течение ряда лет для введения некоторых несправедливых ограничений против третьих партий необходимо было решение суда^[574]. Но иногда такого рода решения принимаются иначе. Так, например, в целях лишения кандидатов от небольших партий права доступа в списки избирательных бюллетеней Верховный суд поддержал закон штата Вашингтон, который устанавливает необходимость для таких кандидатов получить, как минимум, один процент общего числа голосов избирателей на предварительных выборах для того, чтобы принять участие во всеобщих выборах^[575]. Суд штата Нью-Джерси одобрил форму бланка избирательного бюллетеня, на котором списки кандидатов от двух основных партий отпечатаны в специально выделенных колонках. Фамилии кандидатов от других партий напечатаны в разных колонках, что ухудшает их восприятие избирателем^[576]. В настоящее время в Конгресс представлены законопроекты, предусматривающие отмену всех этих дискриминационных барьеров, препятствующих доступу к спискам в избирательных бюллетенях, и установление более либерального и единого избирательного закона для всех пятидесяти штатов США. Пока, правда, ни один из этих законопроектов не принят.

Иногда слышны утверждения о том, что все эти дискриминационные меры по ограничению доступа к спискам бюллетеней необходимы для того, чтобы отсеять несерьезных кандидатов. Но кто принимает решение о том, какого кандидата считать «несерьезным»? И какой уж такой особенный вред от так называемых «несерьезных» кандидатов, что избирателей нужно защищать от них с помощью влиятельных представителей двух основных партий США? В любом случае в тех нескольких штатах, где действует несложная процедура допуска кандидатов к спискам бюллетеней, таких, как Айова, Теннесси и Нью-Хэмпшир, и в которых требуется собрать сравнительно небольшое число подписей избирателей, не отмечается наплыва «свихнувшихся» кандидатов.

Закон о выборах в федеральные органы предусматривает государственное финансирование двух основных партий на проведение их национальных съездов, предварительные выборы и кампании по выборам президента. Но кандидаты от третьих партий могут надеяться на государственное финансирование только после завершения выборов и только в том случае, если они получили не менее 5% голосов избирателей, что почти невозможно без финансирования и широких рекламных кампаний в средствах массовой информации. В общем, они не могут получить деньги, пока не привлекут на свою сторону 5% избирателей; но маловероятно, что они привлекут этих избирателей без крупных сумм денег, с помощью которых они могли бы оплатить достаточную в масштабе страны рекламную кампанию. Ничего не получая от федерального правительства, мелкие партии тем не менее обязаны полностью соблюдать все требования по ведению отчетности, а также ограничения на финансовые пожертвования и расходы.

Федеральная избирательная комиссия, назначенная в соответствии с законом из трех республиканцев и трех демократов, большую часть времени тратит на подробное исследование отчетов мелких партий и возбуждение судебных дел против них и независимых кандидатов. Американцев бы возмутило, если бы какой-либо религии было законодательным образом оказано предпочтение перед остальными религиозными верованиями и она была бы назначена государственной религией. Конституция такое запрещает. Однако мы приняли законы, которые даруют двум частным политическим партиям право при помощи государственной власти регулировать деятельность всех других политических партий, что фактически означает мошенничество

в целях сохранения двухпартийной монополии. Интересно, на что была бы похожа вся наша избирательная система, если бы мелким политическим партиям были предоставлены одинаковые с двумя основными партиями права?

Пропорциональное представительство — каждый голос, поданный на выборах, получает представительство

Сама система представительства являет собой дискриминацию в отношении третьих партий. Одномандатный округ в США, функционирующий по принципу «победитель получает все» по итогам выборов, результат которых определяется большинством голосов избирателей, искусственно усиливает позиции двух основных партий. Партия, получившая большинство голосов избирателей, пусть это 40, 50 или 60% голосов, завоевывает на своего одного кандидата все 100% представительства округа, в то время как другие партии, вне зависимости от числа полученных их кандидатами голосов, получают нулевое представительство. Если речь идет о нескольких округах, в которых небольшие партии получают большинство голосов, там все равно имеет место большой процент потерянных голосов или непредставленных избирателей. В 1996 году в штате Массачусетс республиканские кандидаты на выборах в Конгресс завоевали около трети голосов избирателей, однако все 12 мест в Конгрессе от этого штата достались демократам. В штатах Канзас, Небраска и Оклахома демократические кандидаты завоевали в среднем 37% голосов, однако все места в Конгрессе от этих штатов достались республиканцам^[577]. По всей стране у жителей преимущественно республиканских или преимущественно демократических округов или тех, в которых поддерживают более слабую или мелкую партию, остается мало стимулов к голосованию.

В большинстве избирательных округов на самом деле нет соперничества двух партий в форме какой-либо конкуренции. Обычно одна партия доминирует над другими, так что двухпартийная система представляет собой лоскутное одеяло с некоторым преимуществом одной партии, подкрепленным системой «победитель получает все». Примерно один из десяти представителей избирается в Конгресс при отсутствии оппозиции или на предварительных, или на всеобщих выборах. В период 1980-х и 1990-х годов от 85 до 90% кандидатов, добивавшихся избрания в Конгресс, были впоследствии

переизбраны^[578]. Создается впечатление, что в вопросе сменяемости членов представительных ассамблей важную роль играют смерть или добровольная отставка.

В отличие от системы одномандатных округов, действующих по принципу «победитель получает все», система пропорционального представительства обеспечивает партии число мест в выборном органе в соответствии с процентом голосов, который ей удалось получить на выборах. Например, если десять одномандатных округов объединить в один округ по выборам десяти кандидатов, тогда, вместо «победитель получает все», партия, набравшая 50% голосов, получит пять депутатских мест, а та, которая набрала 30% голосов, получит три места, и набравшая 20% голосов, получит два депутатских места. Каждый голос на выборах получит свое представительство.

Некоторые ученые-политологи и публицисты утверждают, что пропорциональное представительство — странная, чуждая для нас, весьма сложная система, которая способствует появлению отколовшихся партий и ведет к законодательному тупику, фрагментации, поляризации и нестабильности. Они восхваляют двухпартийную систему за то, что она якобы обеспечивает сплоченность, устойчивое большинство и взвешенное соперничество^[579]. Но так восхваляемая двухпартийная «стабильность» зачастую подменяет собой недостаток выбора, отсутствие логичной и последовательной программы действий, вуалирование разногласий и стремление угодить популистским настроениям.

Более того, в пропорциональном представительстве нет ничего странного и необычного. Это — наиболее распространенная избирательная система в мире. Та или иная форма пропорционального представительства используется практически в каждой стране Европы — от Австрии и Бельгии до Швеции и Швейцарии. Система одномандатных округов с принципом «победитель получает все» используется в Великобритании, Канаде и Соединенных Штатах. В ноябре 1993 года Новая Зеландия приняла систему пропорционального представительства в результате национального референдума, причем за принятие этой системы было подано голосов в диапазоне от 85 до 15%. В результате пропорционального представительства обычно формируются устойчивые коалиционные правительства, которые носят

более представительный характер, чем правительства, сформированные системами «победитель получает все»^[580].

Система выборов на основе пропорционального представительства не отличается особой сложностью. Граждане голосуют за предпочтительных для них кандидатов и за партии, которые наиболее адекватно отражают их интересы. Система пропорционального представительства не настолько уж чужда Соединенным Штатам. Ее использовали некоторые местные правительства и школьные округа в стране. В период между 1916 и 1960 годами систему пропорционального представительства применяли пять муниципалитетов в штате Огайо, и она позволила этническим и политическим меньшинствам получить представительство в их городских советах. В 1945 году в последних выборах на основе системы пропорционального представительства в городской совет Нью-Йорка демократы завоевали пятнадцать мест, республиканцы — три, либералы и коммунисты — по два и партия Американских партия труда — одно место. При этом был очень высок интерес к выборам со стороны американской общественности. Система пропорционального представительства была отменена в Нью-Йорке не потому, что она плохо работала, а потому, что она работала слишком хорошо, обеспечивая представительство большому спектру левых взглядов. Сегодня в Нью-Йорке в условиях действия системы «победитель получает все» демократы располагают 34 местами в городском совете, республиканцы имеют 1 место, а мелкие партии совсем вытеснены из совета^[581].

Цепляясь за незаслуженные преимущества нынешней системы, демократы и республиканцы в 1967 году провели через Конгресс закон, требующий от всех штатов ввести одномандатные округа по принципу «победитель получает все». В 1995 году женщина афроамериканского происхождения член Конгресса от штата Джорджия предложила законопроект, который предусматривал ликвидацию требования одномандатности и возможность для штатов проводить выборы в соответствии с одной из форм пропорционального представительства. Это предложение было похоронено в соответствующем комитете Конгресса.

Нынешняя система лишает миноритарные партии не только представительства, но в конечном итоге также и избирателей,

поскольку не так уж много граждан хотят «бесполезно потратить» свой бюллетень на мелкую партию, которая не способна обеспечить себе место в законодательном органе. Иногда представляется нецелесообразным даже голосование за одну из двух основных американских партий в каком-либо округе, где вторая основная партия занимает настолько доминирующие позиции, что в любом случае станет представлять округ безраздельно. Если бы у нас была система пропорционального представительства, тогда каждый поданный избирателем голос получал бы представительство и народ реально бы принимал активное участие в выборах. Это отчасти объясняет, почему явка избирателей составляет от 36 до 42% на выборах в Конгресс и около 50% на президентских выборах, в то время как в странах, использующих систему пропорционального представительства, явка избирателей составляет от 70 до 90%^[582]. При системе пропорционального представительства обеспечивается более широкий и разнообразный выбор партий, более высокий процент участия избирателей в выборах и более справедливое представительство этнических меньшинств и женщин, чем при двухпартийной системе.

Мошенничество в игре

Мошенничество с избирательной системой ведется и другими способами. Обычный трюк состоит в перераспределении избирательных округов, в ходе которого изменяются границы избирательных округов якобы для приведения в соответствие с изменениями в составе населения, но также и для обеспечения желаемого политического результата. Избирательные округа по выборам в Палату представителей Конгресса США и избирательные округа по выборам в законодательные органы штатов определяются заново один раз в 10 лет после проведения государственной переписи населения. Границы округов изменяются законодательными органами штатов, при этом губернаторы имеют право вето. Почти на всех этапах перераспределения округов приоритет отдается политическим и партийным соображениям.

Нередко цель перераспределения избирательных округов заключается в ослаблении электоральной базы прогрессивных членов Конгресса, законодательных органов штатов или городских муниципальных советов или же для сужения политических возможностей новых или потенциально инакомыслящих избирательных округов. В микрорайоне города Филадельфии, в котором проживали 63 000 жителей латиноамериканского происхождения, надеялись получить, как минимум, одно, а может быть, и два депутатских места в законодательном органе штата Пенсильвания. Вместо этого компактная коммуна жителей микрорайона была разделена между несколькими избирательными округами, ни в одном из которых население латиноамериканского происхождения не насчитывало более 15%. Микрорайон города Чикаго с населением пуэрториканского и мексиканского происхождения оказался в таком же сложном положении. Муниципальный совет города Нью-Йорка разделил 50 000 чернокожих жителей района Куинс между тремя избирательными округами с преимущественно белым населением, сделав их в каждом из трех округов этническим меньшинством. В округе города Лос-Анджелеса и в девяти округах штата Техас компактные поселения граждан латиноамериканского

происхождения были разделены на несколько отдельных избирательных округов с целью ослабления их избирательных прав.

Обычной формой предвыборных махинаций является перекраивание границ избирательных округов (gerrymander) в интересах той партии, которая проводит такое перекраивание^[583]. Иногда такие махинации используются для того, чтобы не допустить представительства этнического меньшинства (как при перекраивании границ округов в вышеприведенных примерах). В других случаях они используются для того, чтобы обеспечить представительство таких меньшинств — путем создания избирательных округов, способных сконцентрировать достаточное количество избирателей, — афроамериканцев, чтобы гарантировать избрание кандидата афроамериканского происхождения. Консервативные оппоненты осуждают такую практику, как «расовые махинации» и «дискриминацию наоборот». Но сторонники таких действий доказывают, что хотя такие округа на карте могут выглядеть причудливо, это единственное средство для сокращения монополии белых избирателей и обеспечения представительства чернокожих граждан в тех штатах, где представительство белых избыточно даже после перекраивания границ избирательных округов.

Одним из таких округов являлся 12-й округ по выборам в Конгресс в штате Северная Каролина, в котором в 1992 году был избран прогрессивный афроамериканец Мел Уатт. Различные федеральные суды в течение шести лет перекраивали границы округа три раза якобы по причине электоральных махинаций. К 1998 году Уатт оказался в избирательном округе, который на 70% состоял из белых граждан, и только 5% из них были демократами. Тем не менее он был переизбран, но избирательная кампания оказалась очень трудной. Члены Палаты представителей Ева Клейтон из штата Северная Каролина, Стэнфорд Бишоп и Синтия МакКини из штата Джорджия — все афроамериканцы прогрессивных убеждений из «перекроенных» избирательных округов. После того как всем троим в 1998 году удалось добиться переизбрания, округа перестали считаться «надежными».

В 1993 и 1996 годах Верховный суд США признал недействительными схемы избирательных округов по выборам в Конгресс в штатах Техас и Северная Каролина из-за «расовых махинаций»^[584]. Но в 1999 году Верховный суд с удивительным

единодушием постановил, что даже намеренная концентрация чернокожих избирателей в каком-либо округе не делает его автоматически неконституционным, поскольку основная мотивация таких действий со стороны правительства штата имеет скорее политический, чем расовый характер^[585]. Федеральные суды обычно доказывали, что расовый фактор не может быть основным при определении границ округа, даже в штатах с длительной историей лишения населения афроамериканского происхождения представительства в выборных органах. В то же самое время суды не возражали против махинаций политического характера, с помощью которых устанавливаются границы избирательных округов по всей стране. Так, в штате Техас демократы (которые определяли по своему усмотрению границы избирательных округов) при численности своего электората ниже уровня большинства получили 21 из 30 мест в Конгрессе. Республиканский же электорат, сконцентрированный в остальных избирательных округах, избрал республиканских депутатов на оставшиеся места.

После переписи населения в 1990 году, республиканская администрация Джорджа Буша ориентировала некоторые штаты на увеличение числа избирательных округов с избирателями афроамериканского и латиноамериканского происхождения. У Буша был скрытый план путем превращения мест проживания этнических меньшинств (которые в основном голосовали за демократов) в электоральные гетто обеспечить Республиканской партии условия для получения более высоких результатов в ходе выборов в ряде соседних избирательных округов с белым населением^[586].

Пропорциональное представительство обеспечивает более справедливую форму представительства. Даже если избирательные округа перекроены при помощи нейтрального компьютерного метода по системе «победитель получает все», существует некий эффект махинаций, при котором большое число избирателей останется без всякого представительства. Адвокат, сторонник пропорционального представительства, объясняет: «Если я демократ и проживаю в пригородах Далласа, а они составят с помощью компьютера карту таким образом, что я окажусь в округе с 65% избирателей-республиканцев, тогда меня фактически лишат возможности выбрать депутата, который будет представлять мои интересы. При этом форма и

границы округа не будут иметь никакого значения»^[587]. Но при пропорциональном представительстве 5 республиканских избирательных округов в тех же пригородах Далласа будут превращены в один совмещенный избирательный округ с пятью кандидатами, и демократические избиратели смогут избрать одного или двух кандидатов из пяти.

Проводимая каждые десять лет государственная перепись населения не полностью регистрирует избирателей с низкими доходами, больше недосчитывая съемщиков жилья, чем его владельцев, и много бедных жителей в перенаселенных соседних кварталах и удаленных сельских районах. Люди с низкими доходами имеют обыкновение не очень стремиться к встрече со счетчиками переписи. Недоучет числа жителей ведет к сокращению объемов федеральной помощи, неполному представительству в Конгрессе и законодательном органе штата. Согласно данным Бюро переписи населения, в ходе переписи 1994 года не были зарегистрированы 8,4 миллиона человек, учтены дважды или неправильно учтены 4,4 миллиона человек, включая большое число богатых белых граждан, у которых более одного места жительства^[588]. Для осуществления более точного подсчета Бюро переписи населения планировало дополнить данные поквартирных обходов выборочными сведениями. Но это намерение Бюро было пресечено контролируемым республиканцами Конгрессом.

Если, несмотря на мошеннические правила, группы инакомыслящих сохраняют жизнеспособность, тогда власти прибегают к более жестким мерам принуждения. Радикальные группы, которые получают поддержку народных масс, становятся объектом насилия со стороны государства. История Социалистической партии США весьма поучительна. К 1918 году Социалистическая партия располагала 1200 офисами в 340 городах, в ее рядах находились 79 мэров городов в 24 различных штатах, 32 члена законодательных органов и один конгрессмен. На следующий год, после резкого увеличения числа поданных за ее представителей голосов избирателей, Социалистическая партия стала объектом совместных действий против нее со стороны властей муниципалитетов, штатов и федеральных властей. Ее офисы в ряде городов были разграблены, финансовые фонды конфискованы, лидеры посажены в тюрьму, приезжие члены организаций депортированы, почта отказала в доставке ее газет, а избранные

кандидаты не получили мест в законодательных органах различных штатов и в Конгрессе. За несколько лет с партией как с жизнеспособной политической силой было покончено. Резко сведя свою деятельность только к законным и мирным формам политической конкуренции, социалисты обнаружили, что ее оппоненты совершенно не отягощают себя подобного рода угрызениями совести и раскаянием. Руководящим принципом правящих элит был и остается следующий: когда перемены угрожают системе правления, тогда меняются правила.

Деньги — одно из необходимых условий

Самым большим затруднением, с которым сталкиваются кандидаты от третьих партий и прогрессивные кандидаты из двух основных американских партий, — обеспечение поступления растущих объемов денежных средств, необходимых для победы на выборах. Деньги являются, как раньше говорили, источником жизненной силы выборных кампаний, «материнским молоком политики». Сегодня предвыборная борьба за место в Палате представителей может потребовать сотни тысяч долларов, а место сенатора или губернатора может стоить миллионы долларов. Два миллиарда долларов, потраченных на избирательные кампании 1996 года, были рекордом до тех пор, пока не прошла избирательная кампания 2000 года, расходы на которую достигли \$5 миллиардов^[589].

Иногда миллионы долларов расходуются не на то, чтобы выиграть выборы, а только для того, чтобы добиться выдвижения партии в качестве кандидата на выборах. В 1998 году Эль Чекки потратил рекордную сумму в \$38 миллионов на безуспешную попытку одержать победу на предварительных губернаторских выборах в Калифорнии. А в 2000 году Джон Корзайн потратил свыше \$25 миллионов в ходе предварительных выборов в Сенат от Демократической партии в штате Нью-Джерси. Это был первый этап его борьбы за победу на выборах, а окончательный итог расходов за победу на выборах составил \$65 миллионов, что оказалось рекордом расходов за получение выборной должности в штате. Только одна идея посоревноваться с богатым оппонентом может оказать сдерживающее воздействие на потенциальных соперников. Когда Эль Чекки (его состояние оценивается в \$750 миллионов) вступил в борьбу, два ведущих демократа из штата Калифорния сенатор Дайан Фейнштейн и бывший конгрессмен и сотрудник аппарата Белого дома Леон Панетта решили выйти из игры. А в ходе предвыборной кампании в штате Нью-Джерси конгрессмен Фрэнк Паллоне вышел из игры, приведя в качестве аргумента размер состояния Джона Корзайна, составляющего \$400 миллионов, как обескураживающий фактор^[590].

Деньги также нужны на проведение национальных съездов по назначению кандидатов на пост президента. В 2000 году каждая из двух

основных партий получила от Конгресса, в котором доминируют обе эти партии, по \$13,5 миллиона федеральных средств на оплату расходов по проведению своих съездов. Оба съезда получили значительные суммы от городов, которые принимали у себя эти съезды, а также крупные дары наличными от корпораций вместе с целым парком автомашин от корпорации General Motors, большим числом комплектов программного компьютерного обеспечения от фирмы Microsoft, а также оплаченных корпорациями выездов на пикники в загородные гольф-клубы, обедов, помещений для приемов и встреч, а также различных празднований и торжеств для делегатов^[591].

Такие крупные корпорации, как Ford, General Motors, AT&T и Anheuser-Bush сформировали Комиссию по президентским дебатам, целью которой стало финансирование телевизионных дебатов в ходе кампании по выборам президента. Эта «независимая двухпартийная комиссия», финансируемая частными фирмами и состоящая из должностных лиц Республиканской и Демократической партий, «решила», что в выборной кампании президента должны принимать участие только кандидаты от этих двух основных партий. Комиссия оговорила в качестве особого условия, что для того, чтобы иметь шансы получить большинство голосов коллегии выборщиков, кандидаты должны неоднократно участвовать в выборах на уровне штатов и завоевать не менее 15% голосов избирателей в пяти крупных национальных кампаниях голосования. Этим требованием комиссия исключила из числа претендентов на пост президента Ральфа Надера, кандидатов от Партии зеленых и Пэта Буканяна — кандидата на президентских выборах 2000 года от Партии реформ^[592].

Закон ограничивает взносы в пользу избирательной кампании кандидата суммой не выше \$1000 от одного человека. Но если пятьдесят руководителей высшего ранга какой-либо компании жертвуют по \$1000 с каждого, то это получается \$50 000 в пользу предпочтительного кандидата. Богатые люди могут сделать ряд пожертвований от имени своих близких, от лиц из персонала своей фирмы или еще от кого-либо. Кроме того, существуют еще оплата командировочных расходов, щедрые вознаграждения за выступления перед различными аудиториями и различные бесплатные услуги, которые компании с удовольствием готовы предоставить нуждающимся и скуповатым законодателям^[593].

В ходе большинства национальных выборов комитеты политических действий^[594] от бизнеса расходуют финансовых средств в семь раз больше, чем такие же комитеты от организаций трудящихся. Когда же речь идет о «мягких деньгах»^[595], то соотношение между объемами политического финансирования со стороны бизнеса и организаций трудящихся становится свыше 21 к 1. Соотношение объемов личных пожертвований представителей бизнеса и представителей трудящихся превышает 700 к 1. Примерно три четверти всех этих денежных средств идет в сейфы более консервативной из двух капиталистических партий — Республиканской партии (неофициальное назв.: Grand Old Party — «Великой старой партии») США^[596].

«Мягкие деньги» включают финансовые средства, собранные частными комитетами от политических партий, от частных фирм, профсоюзов и богатых частных лиц. Эти деньги не могут быть напрямую израсходованы на избирательную кампанию кандидата, но их можно использовать на цели пропаганды и на рекламу кандидата при условии, что такая пропаганда и реклама не побуждают читателя и телезрителя голосовать за или против кого-либо. Зачастую, трудноотличимые от рекламной кампании кандидата на выборах, рекламные кампании «мягких денег» создают огромную «дыру» в федеральном законодательстве по ограничениям на расходы в избирательной кампании.

В целях подстраховки крупные доноры зачастую вкладывают деньги в конкурирующих друг против друга кандидатов от основных партий, рассчитывая, таким образом, продолжить выгодное им сотрудничество вне зависимости от того, кто победит. В кампании по выборам президента 2000 года лидирующие отрасли промышленности щедро вкладывали деньги в обе основные политические партии. Телефонные компании передали \$3 миллиона Демократической и \$3,6 миллиона — Республиканской партии; фирмы, занимающиеся операциями с ценными бумагами и инвестициями, ассигновали \$7,5 миллиона Демократической и \$7,4 миллиона — Республиканской партии; казино и игорные заведения перевели по \$1,8 миллиона каждой партии. Страховые и авиатранспортные компании вместе с корпорациями General Motors, Ford, Chrysler, Textron, Rockwell, AT&T, Microsoft, Time Warner, Exxon Mobil, Philip Morris, Walt Disney, Coca

Cola, Citigroup, Blue Cross/ Blue Shield и десятки других компаний передали обеим партиям огромные суммы средств, однако, как обычно, — Республиканской партии существенно больше других^[597]. Щедрые суммы средств выделяются также и законодателям, которые не находятся в оппозиции. Это делается с целью сохранить влияние за пределами заранее назначенного победителя.

В соперничестве претендентов на должность президента существует фактор, который теперь стал известен под названием «денежные праймериз». Кандидат, который смог собрать раньше всех и более крупные суммы денежных средств, назначается ведущим кандидатом на выборах, или ему, по крайней мере, гарантируется сохранение его положения кандидата на протяжении большей части кампании первичных выборов. Во время республиканской кампании первичных президентских выборов в 2000 году Джордж У. Буш, сын бывшего президента Джорджа Буша, выиграл «денежные праймериз», собрав \$50 миллионов за четыре месяца до первых праймериз в штате Нью-Хэмпшир. Эта сумма поступила всего от 0,03% населения США^[598]. Несколько оппонентов Буша на первичных выборах Республиканской партии вышли из предвыборной кампании из-за недостаточного финансирования, а главное, после того, как выяснили, что большинство крупных спонсоров, на которых они очень рассчитывали, уже выписали чеки Бушу. К июлю 2000 года, когда Буш был назначен кандидатом Республиканской партии на выборах президента, он уже затратил \$97,2 миллиона, в то время как сама избирательная кампания против его оппонента от Демократической партии фактически еще и не начиналась. Буш получил государственное финансирование для проведения всеобщих выборов на сумму \$67,5 миллиона^[599]. Короче говоря, задолго до того, как избиратели получают возможность принять решение, горстка богатых спонсоров просеивает кандидатов и решает, кому из них будет обеспечена победа на выборах. Только ограниченное меньшинство может голосовать в ходе «денежных праймериз».

Деньги нужны на консультантов по связям с общественностью, на специалистов по проведению опросов общественного мнения, на рабочих и служащих по проведению выборной кампании, на аренду офисов, оплату телефонов, компьютеров, факсов, оплату почтовых расходов и рекламы в средствах массовой информации. Однако

некоторые политологи и ученые мужи доказывают, что деньги не обеспечивают достаточного влияния, поскольку даже хорошо финансируемые кандидаты иногда проигрывают, как это было продемонстрировано Стивом Форбсом, который в 2000 году затратил \$30 миллионов, однако так и не смог добиться выдвижения кандидатом на президентские выборы от Республиканской партии. Победа в избирательной кампании, говорят они, по-видимому, более зависит от других факторов, например от названия партии, ее идеологии, занимаемых кандидатами должностей и уровня их компетенции. Крупные суммы денег идут к тем, кто занимает сильные позиции и способен победить. Так что деньги не приносят победы, они за ней следуют.

В ответ можно сказать, что те, кто расходует много денег, не всегда способны победить, однако они обычно добиваются этого. Это было подтверждено за последние пятнадцать лет в более 80% случаев борьбы за избрание членом Палаты представителей и Сената. На выборах в Конгресс 1996 года 88% кандидатов, затративших на избирательную кампанию больше всех денег, выиграли выборы. Даже в предвыборной борьбе без участия уже действующих официальных лиц, как это было, например, на выборах 1996 года, лучше финансируемые кандидаты победили в 75% случаев^[600].

Деньги влияют не только на результаты тех, кто побеждает, но и на всех тех, кто принимает участие в предвыборной борьбе и воспринимает ее серьезно. Иногда лидеры партии оказывают явную поддержку кандидатам из-за того, что те располагают большим личным состоянием и могут использовать его для проведения эффективной избирательной кампании. Верно то, что такой мультимиллионер, как Стив Форбс, не смог добиться выдвижения кандидатом от Республиканской партии на президентские выборы. Но даже несмотря на то, что он не был яркой фигурой и никогда в своей жизни не занимал государственных должностей, он выиграл первичные выборы в двух штатах и рассматривался в качестве серьезного претендента в избирательной кампании, поскольку имел достаточно денежных средств для оплаты тысяч телевизионных рекламных сюжетов и сообщений и сотен сотрудников для проведения мероприятий избирательной кампании.

Кандидатам, которые выиграли выборы, при этом израсходовав меньше средств, чем их оппоненты, обычно приходится израсходовать еще довольно много денег. Хотя это и не гарантия победы, но наличие значительных средств на кампанию, может быть и не очень крупных, является необходимым условием. Деньги не могут полностью гарантировать победу, но их отсутствие обычно гарантирует поражение. Как неоднократно убедились на своем опыте кандидаты с недостаточным финансированием от мелких партий, без больших денег почти не удастся провести настоящую предвыборную кампанию.

Влияние денег также хорошо видно на примере большого числа народных инициатив по вопросам здравоохранения, транспорта, защиты окружающей среды и по другим жизненно важным вопросам, выдвинутым в штатах, начиная от Флориды и до Калифорнии. В большинстве случаев на начальном этапе граждане оказывают выдвинутой народной инициативе энергичную поддержку с позиции общественных интересов. Затем, по мере продвижения кампании, бизнес начинает проводить хорошо финансируемые стремительные контратаки с использованием телевизионной рекламы, доводя в некоторых случаях соотношение расходов на борьбу с оппонентами до пятидесяти против одного. После этого волна общественных настроений переходит на сторону бизнеса^[601].

Некоторые консервативные ученые мужи, подобно Джорджу Уиллу, ошибочно считая богатство добродетелью, полагают, что большие деньги в политике хороши для демократии. Они доказывают, что реформа финансирования избирательных кампаний приведет к вредным ограничениям на выборы. Но в США растет понимание того, что деньги оказывают чрезмерно большое и антидемократическое влияние на политическую жизнь. В штате Джорджия лидеры движения за гражданские права возбудили в суде дело с требованием проведения кампании по выборам членов законодательного органа штата за счет государственного финансирования, поскольку победителями выборов оказались те, кто потратил на избирательную кампанию в три раза больше, чем те, кто проиграл выборы. В штате Мэн граждане одобрили Закон о честных выборах (1996), который позволяет кандидатам выбирать полное государственное финансирование избирательной кампании, если они не хотят собирать частные пожертвования. В 1999 году такой же закон одобрили граждане штатов Массачусетс и Вермонт.

Кандидат на должность губернатора Вермонта от Прогрессивной партии Энтони Поллина был первым кандидатом в масштабе отдельного штата в Соединенных Штатах, кто получил право на полное государственное финансирование выборной кампании, и пресса относилась к нему как к равному сопернику на выборах. Принцип полного государственного финансирования выборов завоевывает поддержку сторонников обеих главных партий по всей стране^[602]. Но некоторые законодатели оспаривают эти законы, стараясь сохранить возможности для одержания над соперниками победы за счет превосходящих расходов на избирательную кампанию.

Соперничество в ходе избирательной кампании подразумевает сохранение подотчетности лицами, занимающими выборные должности, перед своими избирателями. Если они хотят сохранить свои должности, они должны отвечать пожеланиям своих избирателей. Но существуют ли условия для настоящего соперничества в ходе избирательных кампаний? Махинации с избирательными законами и действия богачей настолько ограничили диапазон альтернативных возможностей, что все это ставит серьезные вопросы в отношении демократической подотчетности органов управления перед народом. Республиканская и Демократическая партии представляют собой рыхлые образования, созданные с одной общей целью: получение власти. По этой причине американские партии считают себя «неидеологизированными». В определенной степени таковыми они и являются, поскольку их глубокая идеологическая приверженность интересам корпоративного капитала внутри страны и за рубежом и нынешней классовой структуре общества редко вызывает сомнения.

Крупные партии оказывают консервативное воздействие на сознание электората и функционирование системы представительной власти. Они действуют, исходя из принятого между ними подхода к будущему, который состоит в том, что следует избегать нетрадиционных политико-экономических взглядов и подавлять или нейтрализовать недовольных и нонконформистов. Избегая фундаментальных вопросов, крупные партии стремятся предотвращать обострение отношений между социальными классами страны. Они проводят шумную, лишнюю политического значения, линию, подчеркивая ее связь с имиджем и качествами лица у власти, сокращая

сферу участия народа в управлении и создавая видимость активной деятельности власти в интересах народа.

Борьба за избирательное право

Два столетия борьбы принесли реальные достижения в расширении избирательных прав, но возможность принимать участие в выборах до сих пор существует не для всех американских граждан. С первых же дней республиканского правления в Америке собственнические интересы богатых были направлены на ограничение участия народа в управлении страной. Неимущие белые мужчины, работники по контракту «об отдаче в ученичество», женщины, чернокожие американцы (включая освобожденных рабов) и «коренные американцы»^[603] не получили доступа к избирательным урнам. Вслед за волнениями рабочего класса в период 1820 — 1830-х годов различного рода имущественные избирательные цензы были отменены в отношении белых мужчин. А после столетия борьбы и агитации, в 1920 году, с принятием девятнадцатой поправки к Конституции избирательное право завоевали женщины. В 1961 году двадцать третья поправка к Конституции предоставила жителям округа Колумбия представительство в президентских выборах, однако они до сих пор не имеют полного представительства на выборах в Конгресс. В 1971 году двадцать шестая поправка к Конституции снизила минимальный возраст, дающий право на участие в голосовании с двадцати одного до восемнадцати лет.

Пятнадцатая поправка к Конституции, вписанная в историю США кровью Гражданской войны и ратифицированная в 1870 году, запретила дискриминацию избирателей по расовому признаку. Но потребовалось еще целое столетие борьбы, чтобы превратить это право в нечто большее, чем формальность. В 1944 году Верховный суд США принял постановление, согласно которому первичные выборы партий без доступа к ним чернокожих граждан считаются неконституционными^[604]. Десятилетия борьбы и политического давления, одновременно с возрастанием роли избирателей афро-американского происхождения в городах Севера США, привели к принятию Закона о гражданских правах от 1957 и 1960 годов, Закона об избирательных правах от 1965, 1970 и 1975 годов, а также важных постановлений Верховного суда. В совокупности эти меры предоставили федеральному правительству и судам полномочия для

соответствующих действий против тех государственных чиновников, которые допускали дискриминацию на избирательных пунктах в отношении небелых избирателей. Эти нормативные акты также отменили такие государственные ограничения на участие в выборах, как требование длительного срока проживания в одном и том же месте, ценз грамотности и избирательный налог, которые резко снижали участие в выборном процессе бедных и недостаточно образованных людей^[605]. Результатом этого стало существенное увеличение участия в голосовании в ряде населенных пунктов на Юге страны граждан афроамериканского происхождения со времени периода Реконструкции.

Однако люди с низкими доходами, будь то афроамериканского, латиноамериканского происхождения или белые, все еще голосуют вдвое реже, чем более состоятельные граждане. Одна из причин этого заключается в том, что хотя правовые ограничения были устранены, однако остались многочисленные административные барьеры. В таких странах с высоким уровнем участия граждан в голосовании, как Швеция, правительства активно проводят в жизнь программы регистрации избирателей. Правительство США не предпринимает никаких стимулирующих мер в этом плане. Скорее даже наоборот, поскольку у чиновников федеральных властей и штатов, а также официальных лиц обеих крупных американских партий накопилась длительная практика создания препятствий различным категориям трудящихся в регистрации и голосовании. Центры регистрации избирателей открыты обычно только в рабочее время. Их местоположение нередко меняется, и они бывают отдалены от места проживания избирателей. Смена места жительства избирателя требует обязательного изменения регистрации. Регистрационные бланки зачастую излишне сложны для заполнения и действуют почти так же, как тест на грамотность. Нередко их не хватает, они неправильно распределяются, а результаты голосования медленно обрабатывают. Выборы проводятся в рабочий день (вторник), при этом участки для голосования закрываются довольно рано. Участки для голосования иногда расположены в неудобных для доступа местах. В одном округе в штате Техас чиновники оставили открытым всего лишь один из тринадцати участков для голосования, и явка избирателей на выборы сразу же упала с 2300 до 300 человек. В некоторых местах в штате Миссисипи избиратели были обязаны зарегистрироваться в своем

городке и в окружном суде, а для этого пришлось ехать за рулем девяносто миль. В 1988 году в ходе первичных выборов Демократической партии в городе Флинте в штате Мичиган из девяноста одного участка для голосования были оставлены открытыми всего лишь девять для того, чтобы создать препятствия для протестных избирателей^[606], которые намеревались голосовать за либерального демократа афроамериканского происхождения Джесса Джексона^[607].

В ходе президентских выборов 1996 года более одного из пяти зарегистрированных избирателей не смогли проголосовать из-за долгого рабочего дня, проблем со школой, физического нездоровья и в связи с различными другими трудностями^[608]. В некоторых местах голосование проводилось в течение трех дней, включая один или два дня уик-энда, как это делается в некоторых странах, где хотят добиться повышения явки избирателей на выборах.

Тринадцать процентов мужчин афроамериканского происхождения, что составляет около 1,4 миллиона человек, не участвуют в выборах из-за своих прежних судимостей или по причине пребывания в тюрьме. Почти все штаты США отказывают обитателям тюремно-исправительных учреждений в праве принимать участие в выборах. В десяти штатах человека, совершившего тяжкое преступление, пожизненно лишают избирательного права. В семи из этих штатов пожизненно лишен избирательного права каждый четвертый американский гражданин афроамериканского происхождения^[609].

В период 1980-х годов официальные лица администрации Рейгана угрожали сократить федеральную помощь, чтобы органы муниципалитетов и штатов не слишком усердствовали в попытках повысить уровень регистрации граждан в качестве избирателей. Эти угрозы частично достигли своих целей. Федеральные чиновники побуждали органы штатов запретить регистрацию избирателей в очередях на получение продовольствия, что некоторые и делали. Активистов движения за регистрацию избирателей, которые пытались регистрировать людей в учреждениях социального обеспечения, подвергали аресту. В 1986 году агенты Федерального бюро расследований отправились в округа Юга страны и подвергли допросам свыше двух тысяч граждан афроамериканского происхождения по поводу их возможного участия в махинациях с голосованием на

выборах. Не обнаружив признаков махинаций, агенты ФБР предупредили некоторых избирателей, чтобы они не раз подумали, прежде чем снова когда-нибудь принимать участие в выборах. Восемь активистов движения за реализацию избирательных прав были отданы под суд. Пять из них были оправданы, двое получили незначительные наказания в результате сделки с обвинением о признании вины в наименьшем из правонарушений, и один был осужден за формальное нарушение, оказавшееся менее серьезным, чем те, которые постоянно и безнаказанно допускают белые сотрудники регистрационных бюро.

В 1992 году Конгресс принял законопроект о регистрации избирателей, который называли «Законопроект о моторизованном избирателе». Целью законопроекта было повысить явку избирателей на выборах за счет граждан из числа пожилых, бедных и инвалидов, предоставив им возможность зарегистрироваться в качестве избирателей при обновлении водительских прав, при обращении с заявлением о государственной помощи, о пособии по безработице, о пособии по социальному обеспечению, о страховом пособии по случаю утраты трудоспособности. Президент Буш наложил на этот законопроект свое вето. На следующий год Конгресс принял законопроект, разрешающий проводить регистрацию избирателей в автомобильных инспекциях и на пунктах призыва и вербовки военнослужащих. На этот раз, чтобы избежать отказа в одобрении законопроекта в Сенате, его авторы не упомянули в нем о регистрации избирателей в учреждениях социального обеспечения и биржах труда.

Мошенничество на выборах, которое, как полагают, исчезло вместе с уходом отжившей политической системы, все еще пребывает вместе с нами. Используемые ныне при проведении большинства выборов и подсчете их результатов компьютерные технологии и соответствующие системы, так же как и прежние бумажные бюллетени и механические системы для голосования и подсчета голосов, подвержены ошибкам, случайным сбоям и преднамеренным манипуляциям. Расследования выявляют многочисленные возможности для неправильной классификации при регистрации избирателей, а также для искажения результатов подсчетов. В ходе избирательной кампании в городе Сент-Луисе избирательные бюллетени на пунктах голосования в рабочих районах чернокожих жителей подсчитываются совсем не так, как на пунктах голосования белых избирателей. Сбои в

работе компьютеров были обнаружены на пунктах голосования, по крайней мере, еще в семи штатах [\[610\]](#).

Эти сбои представляют собой не случайное явление. На избирательных участках с населением, ориентирующимся в основном на Республиканскую партию, используются оптические сканеры, которые регистрируют до 99,7% поданных бюллетеней. А на избирательных участках с населением с низким доходом, которое ориентируется на Демократическую партию, используются системы подсчета на перфокартах, которые регистрируют только 97% бюллетеней. Таким образом, приблизительно 3% голосов, поданных за Демократическую партию, теряются [\[611\]](#).

На выборах с наиболее упорной борьбой в истории США, то есть президентских выборах 2000 года, на которых соперничали действующий вице-президент Эл Гор и губернатор штата Техас Джордж У. Буш, конечный исход зависел от результата выборов в штате Флорида. Этот штат дал Бушу минимальный перевес при подсчете голосов уже после закрытия избирательных участков. Проведенные после выборов расследования выявили серьезные нарушения и отклонения от нормы в проведении голосования и обработки его результатов.

Бюллетени с перфокартой были отпечатаны не совсем правильным образом, в результате чего оказалось, что несколько тысяч сторонников Э. Гора голосовали за другого кандидата. Тем избирателям, которые поняли, что они допустили ошибку, было отказано в возможности проголосовать заново, хотя закон предусматривает в случае какой-либо ошибки возможность голосовать до трех раз.

Итоги голосования, проведенного с помощью перфорированных карт, чаще признавались недействительными или сомнительными на тех участках для голосования, где избиратели ориентировались больше на Э. Гора, чем на Дж. Буша. Машина для голосования регистрирует около четырех процентов бюллетеней пустыми или недействительными. В отличие от этого бюллетени, обработанные современными оптическими сканирующими системами, регистрируются в качестве недействительных только в количестве 1,4% случаев. Более современное оборудование было установлено на избирательных участках с белым населением, которое настроено в пользу Буша.

Примерно 10 тысячам избирателей, преимущественно афроамериканского происхождения, в округе Семинол и 22 тысячам избирателей в округе Дюваль проголосовать не удалось. Они были зарегистрированы, но не были внесены в списки избирателей.

Телефонные линии в центральное регистрационное бюро были непрерывно заняты, поэтому многие избиратели не смогли подтвердить свой статус избирателя. Предвидя необычно высокую явку избирателей, официальные лица на избирательных участках в штате Флорида, действовавшие под началом губернатора Джеба Буша — брата кандидата Джорджа У. Буша, — использовали для связи портативные компьютеры вместо звонков по перегруженным телефонным линиям. Анализ газеты *New York Times* показывает, что портативные компьютеры использовались для связи с избирательными участками, которые в основном голосовали за Дж. Буша. На избирательных участках с преимущественно чернокожим населением, которое голосовало в основном за Эла Гора, не было компьютеров, несмотря на тысячи новозарегистрированных избирателей.

В нескольких пунктах голосования, где избиратели ориентировались на Демократическую партию и ее кандидата Эла Гора, официальные лица закрыли помещения для голосования слишком рано и таким образом не дали возможности проголосовать пришедшим под вечер потенциальным избирателям, которые выстроились в длинную очередь.

Бюллетени были сложены в неподходящее место и остались непересчитанными. По меньшей мере семь урн для голосования были обнаружены в таких местах, что было трудно объяснить, как они туда попали, а два мешка с бюллетенями были найдены в багажнике автомобиля рабочих избирательного участка.

Из церкви для афроамериканцев, которую использовали в качестве помещения для выборов, в конце дня голосования не вывезли урны с бюллетенями проголосовавших избирателей.

Полиция штата Флорида, подчиненная только властям штата, установила в районе города Таллахаси недалеко от пунктов голосования в избирательных округах с преимущественно чернокожим населением пункты контроля проезжающих автомашин. Полицейские задерживали потенциальных избирателей на период до двух часов и проверяли их автомашины.

Многим гражданам афроамериканского происхождения, у которых не было судимости, не дали проголосовать по той причине, что в списках против их фамилий было необоснованно помечено «был осужден за тяжкое преступление».

Свыше двухсот избирателей пуэрториканского происхождения из округа Ориндж не были допущены к голосованию на том основании, что они не смогли предъявить удостоверение с двумя фотографиями, которого у них не оказалось. По закону штата Флорида требуется удостоверение с одной фотографией. Этот закон, принятый буквально накануне дня голосования, создавал большие дополнительные трудности для малообеспеченных и престарелых избирателей, у которых не было автомобилей и, следовательно, не было водительских прав или какого-либо другого удостоверения личности.

Во время пересчета голосов агитаторы Дж. Буша, привезенные из других штатов, осадили избирательную комиссию округа Дейл, избili одного из ее официальных лиц, создали на избирательном участке атмосферу запугивания и вынудили комиссию отказаться от пересчета голосов и принять в качестве итога первоначальные цифры подсчета, которые были в пользу Дж. Буша. Такого рода незаконные и принудительные меры, направленные против населения, которое поддерживало Э. Гора, способствовали исключению из голосования значительного числа голосов, которые могли быть поданы за него. В результате всего этого весь штат, его коллегия выборщиков и итоги голосования на президентских выборах оказались в распоряжении Дж. У. Буша^[612].

После решения Верховного суда США о прекращении пересчета голосов в округах со спорными итогами голосования (см. главу 17) средства массовой информации провели свои собственные подсчеты, получив доступ к документам избирательных участков, согласно Закону о свободе информации. Результаты на 22 декабря 2000 года с учетом недобранных по различным причинам голосов только на одном избирательном участке показали, что Эл Гор победил с преимуществом в 140 голосов.

На выборах 1993 года в городе Нью-Джерси политический консультант Республиканской партии заявил, что его партия заплатила значительные суммы денег чернокожим священникам и сотрудникам по проведению избирательной кампании Демократической партии, чтобы

те убедили своих прихожан и избирателей воздержаться от голосования в день выборов. «Я думаю, что мы в определенной степени сорвали выборы», — похвастался он^[613]. Согласно общепринятой точке зрения, явка на выборы избирателей из рабочего класса и относящихся к категории бедных низкая, поскольку они не располагают необходимой информацией, имеют низкий уровень образования и гражданского сознания. Но, если они по естественным причинам так склонны к апатии, почему же тогда богатые люди с устойчивыми интересами считают необходимым принимать такие энергичные меры для того, чтобы дополнительно снизить их участие в выборах.

Другая уловка по снижению уровня участия в выборах представителей общественных групп, вытолкнутых на обочину политической жизни, заключается в проведении выборов в крупной административно-территориальной единице. Вместо выборов в округе, выборы по системе «победитель получает все» в масштабе города дают полное доминирование белых избирателей и вытеснение представительства меньшинств, как это и произошло в различных населенных пунктах. Уровень регистрации избирателей в группах населения с низкими доходами достаточно низок и еще снижается, в особенности в северных городах, где сконцентрировано бедное меньшинство и где Демократическая партия не располагает организационными возможностями привести основную часть своего электората на участок для голосования. В то же время активность и участие в выборах избирателей из числа состоятельных граждан постоянно растут^[614]. Слабое участие в выборах производит эффект обратной связи. Чем меньше степень участия в выборах бедных людей и представителей этнических меньшинств, тем меньше внимания уделяют им политики, что еще больше убеждает эти категории граждан, что официальные власти не реагируют на их потребности и голосование не имеет смысла.

«Безразличие» и активность избирателей

Народ с полным основанием жалуется: «Политики говорят нам одно лишь для того, чтобы заполучить наши голоса, и совсем другое после того, как добились избрания». Если многие политики говорят полуправду, так это не потому, что они морально ущербны. Чаще всего это происходит по той причине, что они действуют в противоречивых обстоятельствах, являясь, с одной стороны, «представителями народа», а с другой стороны, слугами интересов и потребностей богатых спонсоров и корпоративного капитализма.

Многие люди не могут проголосовать по той причине, как это было указано выше, что а) они сталкиваются с официальным противодействием и угрозами, б) они не находят кандидатов, деятельность которых отвечала бы их потребностям, и с) им трудно поверить, что голосование может что-то изменить. Многие из тех, кто все-таки принимает участие в выборах, делает это с небольшим энтузиазмом и с растущим цинизмом. В опросе общественного мнения, который в 1979 году проводили совместно газета *New York Times* и телесеть CBS, 79% респондентов пришли к общему выводу о том, что правительство «действует в значительной степени в интересах небольшого числа представителей крупного бизнеса и капитала, которые стараются только для себя»^[615]. Внушительные победы Рейгана в ходе президентских выборов 1980 и 1984 годов были обеспечены ему голосами менее 30% избирателей, остальные 50% в выборах участия не принимали. В 1996 году Клинтон был избран на пост президента голосами менее 25% общего числа электората.

Явка избирателей на выборы неуклонно снижалась с середины 1960-х годов. Обследования в масштабах всей страны показывают, что большинство граждан, не желающих голосовать на выборах, выражают разочарование и неудовлетворенность в отношении имеющегося выбора. Обследование 2000 года выявило, что около 51% из тех, кто не голосовал, испытывают чувство цинизма и раздражения в отношении политики. Им надоела непрерывная смена декораций, постоянные рекламные кампании и огромные суммы денег, которые прокручиваются в этих кампаниях. Остальные 40% заявляют, что политика и общественные дела их мало интересуют^[616].

Иногда можно слышать утверждения о том, что, поскольку неголосующие граждане находятся в числе самых малообразованных и равнодушных, именно это и является причиной того, что они не пользуются своим избирательным правом. А поскольку они слишком подвержены предрассудкам и демагогии, их участие в избирательной кампании представляет собой потенциальную угрозу нашей демократической системе^[617]. За такого рода рассуждениями обычно кроются сомнительные предположения о том, что образованные люди с большими доходами и принимающие участие в голосовании на выборах рациональны и менее подвержены своекорыстной и этноклассовой предвзятости. Такие представления служат благодатной почвой для формирования предрассудков людей среднего и высшего класса общества в отношении самих себя.

Некоторые авторы утверждают, что низкая явка избирателей на выборах является показателем широкого распространения в обществе «чувства удовлетворения». Люди испытывают апатию к выборам по той причине, что они полностью удовлетворены ходом вещей^[618]. Безусловно, некоторые люди беспечно безразличны к политическим вопросам, даже к тем из них, которые могут оказать серьезное влияние на их жизнь. Но, вообще говоря, многие миллионы американцев относятся не к числу тех, кто полностью всем удовлетворен, а к категории недостаточно материально обеспеченных и отчужденных от общества. Разговоры о всеобщем чувстве удовлетворения являются не чем иным, как прикрытием для политики, ведущей к формированию у людей «чувства разочарования». То, что кому-то видится как апатия, на самом деле может быть антипатией. Апатия — это обычно психологическая защита против обескураживающего бессилия. И не чувство удовлетворения или недостаток гражданских качеств отвращает людей от голосования на избирательных участках. Просто это их естественная реакция на политическое разочарование и крушение их надежд, которые они испытывают.

Избиратели, которые приписывают некие нежелательные качества одной партии, вынуждены иногда поддерживать другую партию. Так, например, подозрения в том, что Демократическая партия покровительствует и оказывает поддержку бедным категориям городских жителей, а также профсоюзам, приводят некоторых белых представителей среднего класса к выводу о том, что деятельность

Республиканской партии больше отвечает их интересам, что может не соответствовать реальному положению вещей. Аналогичным образом характеристика Республиканской партии как защитницы интересов крупного бизнеса приводит избирателя из рабочего класса к выводу по контрасту о том, что Демократическая партия действует не в интересах бизнеса, а для «человека из народа», что может зачастую тоже быть необоснованно.

Делегаты национального съезда Республиканской партии в 2000 году были более консервативны по ряду вопросов, чем большинство зарегистрированных избирателей-республиканцев. Каждый пятый делегат располагал состоянием в \$1 миллион и более. Большинство составляли белые мужчины — представители среднего класса, выступающие против реформы финансирования избирательных кампаний политических партий, правовой защиты интересов исторически ущемленных групп населения (чернокожих и индейцев. — *Примеч. пер.*), предоставления прав гомосексуалистам, введения прогрессивного подоходного налога, более строгой политики охраны окружающей среды и легализации аборт. Однако они поддерживали принятие федерального закона о введении молитв в школах, а не создание федерального фонда для финансирования программ ремонта школьных помещений. Вероятность отыскать среди делегатов съезда Республиканской партии кого-то, чей семейный доход был бы ниже \$25 000, составляла пятьдесят к одному. Среди делегатов национального съезда Демократической партии такая вероятность была выше — четырнадцать к одному, но все равно эта цифра далека от показателей, характерных для широких слоев населения США^[619].



«Я изменила свое решение по поводу голосования на выборах... Теперь я не уверена в том, что голосовала против того, против кого было нужно».

Раздутые риторикой сторонников различия между этими двумя партиями вызывают беспокойство, достаточное для того, чтобы побудить избирателя отдать свой голос. Избиратели, которые не питают особых надежд на то, что какой-то один кандидат сделает для них жизнь лучше, постоянно опасаются, что другие могут сделать жизнь намного хуже. Концепция «выбей меньшее из двух зол» является единственным и наиболее сильным мотивом для избирателя, побуждающим его принять участие в голосовании. Избирателям предлагают кандидата, который действует против их интересов и

привержен сохранению глобализма корпораций. Затем им представляют другого кандидата, который, судя по всему, еще хуже. Таким образом, им предлагают совсем небольшой выбор, и поэтому они голосуют скорее не за кого-то, а против кого-то.

Оказавшись перед необходимостью сделать конкретный выбор, избиратель поступает, главным образом, в соответствии со своими финансовыми интересами и другими личными предпочтениями. Кандидаты, которые делают упор на такие насущные вопросы, как занятость, доступная медицинская помощь, улучшение обслуживания и более справедливые налоги, наряду с четкой позицией по таким вопросам, как сохранение мира и защита окружающей среды, завоюют голоса избирателей, которые озабочены этими проблемами, при условии, что избиратели поняли их позицию^[620].

В Соединенных Штатах самый низкий в мире уровень участия избирателей в выборах. Некоторые политические аналитики считают, что низкий уровень участия в выборах не имеет большого значения, если взгляды тех, кто не голосовал, в основном совпадают со взглядами принявших участие в голосовании. Они хотели бы убедить нас, что, хотя уровень участия в голосовании на выборах состоятельных людей почти в два раза выше, чем у людей с низкими доходами, и они голосуют в три раза чаще за консервативных кандидатов, это не имело бы особого значения, если бы явка на выборы граждан с низкими доходами была выше. Тогда хотелось бы знать, почему Республиканская партия предпринимает усилия по повышению числа зарегистрированных в качестве избирателей в богатых предместьях городов и старается понизить число принимающих участие в выборах чернокожих избирателей из негритянских гетто в центральной части городов, заводских и фабричных рабочих и других избирателей, традиционно поддерживающих Демократическую партию, но с низким уровнем участия в выборах?

Иногда приводятся доводы о том, что бедные группы населения не смогли добиться удовлетворения своих требований потому, что они немногочисленны по сравнению с белым населением и со средним классом Америки. В общественной системе, которая реагирует на потребности людей в зависимости от их относительной численности в обществе, бедному меньшинству трудно рассчитывать на удовлетворение своих требований. Недостаток системы заключается в

ограниченной численности тех людей, которые выступают в поддержку перемен, а не в репрезентативной системе, которая действует в соответствии с мажоритарными принципами.

В такого рода доводах любопытно то, что их никогда не пытаются применить по отношению к элитным меньшинствам с их изысканными интересами и потребностями, например к интересам нефтепромышленников. В настоящее время число нефтепромышленников значительно ниже числа бедных, однако их низкая численность, так же как и других малочисленных групп, таких, как банкиры, промышленники или инвесторы-миллионеры, никак не вызывает недостаток отзывчивости правительства к их нуждам. Позиция правительства по наиболее важным проблемам определяется в меньшей степени нуждами работающего большинства и в большей степени — влиянием интересов богатых слоев общества.

Влияние фактора демократии

Из того, что нынче говорят и пишут, нередко делается два решительных вывода:

- 1) не имеет особого значения, кто избран на выборные должности;
- 2) избранные официальные лица безразличны к пожеланиям избирателей и к давлению со стороны народных масс. Оба этих вывода не отражают всей реальной картины действительности. Совершенно правильно заметив, что двухпартийные выборы имеют своей целью затушевать реальные важные проблемы, некоторые люди делают некорректный вывод о том, что деятельность Республиканской и Демократической партий уже сразу же после выборов становится нелогичной и абсурдной. На самом деле политика двух основных партий может оказывать, как было показано в предыдущих главах, важное воздействие на благосостояние страны.

В Западной Европе, использующей более демократическую систему пропорционального представительства, левые партии добились серьезного присутствия в парламентах и даже время от времени берут в свои руки исполнительную власть. С их участием удалось создать существенно лучшие условия работы на предприятиях, чем в Соединенных Штатах. К числу положительных моментов можно отнести размер чистого дохода работающих после вычета налогов, оплаченные отпуска, семейные пособия, охрану труда, защиту от ускорения ритма работы, право на заключение коллективных трудовых договоров, гарантии занятости. Американские трудящиеся располагают меньшей защитой и более низким уровнем различных выплат и пособий, чем их коллеги из Франции, Германии, Великобритании и из стран Бенилюкса. Среди жителей Западной Европы ниже уровень сердечных и раковых заболеваний, и они тратят значительно меньше средств на медицинское обслуживание. Среди промышленно развитых капиталистических стран Соединенные Штаты занимают семнадцатое место по продолжительности жизни людей, и у них самый высокий уровень безработицы и самый низкий уровень общественного и социального обслуживания.

Имеется достаточно свидетельств того, что избранные в ходе выборов представители далеко не настолько безразличны к

потребностям избирателей, поскольку, наряду с деньгами, победа на выборах дает возможность получения значительной должности, а также наделяет властными полномочиями и влиянием. Безусловно, должностные лица и государственные служащие зачастую готовы на лживые заверения и пустые обещания. Например, самую горячую поддержку вызвал раздел в инаугурационной речи президента Джимми Картера, в котором он торжественно пообещал «сделать в этом году первый шаг к нашей высшей цели — ликвидации на всей планете ядерного оружия». Его администрация повела политику таким образом, что ежедневное производство атомных бомб выросло на две или три единицы. В ходе тщательно подготовленной пропагандистской кампании президент Рейган взял на себя обязательство вести войну против наркотиков и затем принял меры по сокращению федеральных ассигнований на программы реабилитации наркоманов и на меры по соблюдению законов о борьбе с наркоманией.

Как бы то ни было, давление общественного мнения и необходимость сохранять поддержку избирателей иногда кладут предел тому рвению, с которым политики, всецело преданные капиталу, обслуживают его интересы и остаются невосприимчивыми к нуждам простого народа. Так, в 1993 году президент Клинтон изменил свою милитаристскую политику в Сомали в связи с протестами общественности по поводу гибели американцев в этой стране. А столкнувшись с сильным сопротивлением со стороны старшего поколения американских граждан, которые принимают самое активное участие в выборах, лидеры обеих основных партий были вынуждены отказаться от дискредитации программ социального обеспечения.

Вообще говоря, каждая жизнеутверждающая политическая линия, которую проводило правительство, брала свое начало не с президента или членов его кабинета, не с лидеров Конгресса или других политических элит, а шла от простого народа. Именно таким образом борьба народных масс привела к серьезным сдвигам в правах женщин, гражданских правах, системе национального образования, охране здоровья граждан, установлении восьмичасового рабочего дня, введении системы различных выплат трудящимся, технике безопасности на производстве, защите окружающей среды, защите потребителя и запрещении детского труда, а также к формированию оппозиции агрессивным действиям Вооруженных сил США против других стран.

В целом диапазон альтернатив на выборах формируется таким образом, что дает основания для постановки вопроса о качестве представительности политической системы. Политика всегда была в основном «игрой богатых людей». Как это ни странно, но народное голосование, изначально задуманное как институциональный механизм для преодоления влияния богатства на политическую жизнь, а также выявления и регистрации пожеланий простого народа, само стало сильно зависеть от богатства. Реакция народа на политическую реальность зависит от того, каким образом эта реальность ему представлена. Если народные массы, включая и тех, кто голосует на выборах, становятся апатичными и проявляют цинизм, это значит, что система выборов и двухпартийная монополия, по крайней мере частично, препятствуют творческому участию народа, которое демократия должна порождать. Одно дело говорить, что народ не стремится участвовать в политике и быть информированным о политической жизни. И совсем другое — поддерживать систему, которая распространяет эти тенденции, изо всех сил стараясь отвлечь внимание людей и насадить среди них неверие и разочарование.

Однако, несмотря на все трудности, в народе продолжает сохраняться потребность в третьей партии — как демократической альтернативе ныне существующей политической системе. Это возвращает нас к замечанию, сделанному многие годы назад великим американским социалистом Юджином Дебсом: «Я бы предпочел голосовать за то, что я хочу, и не получить этого, чем голосовать против того, что мне не нравится, и получить это». В вышеприведенном высказывании — это не всегда только два выбора или альтернативы. Выборы с участием третьей партии это не обязательно бесполезное усложнение политического процесса. Третьи партии могут сместить политический центр тяжести, оказав влияние на две основные партии и вынудив их занять позиции, которые им ранее были несвойственны.

И наконец, даже при монопольном двухпартийном политическом устройстве выборы являются одним из слабых мест капиталистической системы власти. Когда какая-либо проблема приобретает широкое звучание в обществе, получает организованную общественную поддержку и привлекает к себе внимание средств массовой информации, официальные лица не могут оставаться равнодушными и не реагировать на нее. Давление со стороны народных масс в виде демонстраций, акций гражданского неповиновения, забастовок,

бойкотов, волнений и других проявлений несогласия, вместе с мобилизацией избирателей, в том числе в ходе выборных кампаний, может иногда оказывать непосредственное воздействие на тех, кто избран, и на их поведение на выборном посту.

14.

Конгресс: разделение государственной власти на ветви

Авторы Конституции разделили государственную власть на исполнительную, законодательную и судебную ветви и создали систему сдержек и противовесов в качестве гарантии против злоупотребления властью и для защиты собственности от попыток уравниловки со стороны народных масс. Созданный ими Конгресс состоит из двух палат — Палаты представителей, места в которой поделены между штатами в соответствии с численностью населения, и Сената, в котором каждому штату выделено два места, вне зависимости от численности и состава населения. Таким образом, девять штатов — Калифорния, Нью-Йорк, Флорида, Техас, Пенсильвания, Иллинойс, Огайо, Миннесота и Нью-Джерси по числу населения составляют более половины страны, однако в Сенате им принадлежит только 18% мест. В таком случае кого и что представляет Конгресс?

Конгресс борется за деньги

Люди, избранные в Конгресс, с точки зрения демографии не являются представителями всей страны. В 2000 году женщины составляли 52% населения всей страны, но в составе 106-го Конгресса им принадлежало менее 13% мест. Американцы африканского происхождения составляли по меньшей мере 14% населения страны, однако в законодательном органе им принадлежало около 6% мест. В профессиональной квалификации наблюдается явный сдвиг в направлении высших слоев общества. Составляя всего лишь небольшую часть населения, юристы в их числе (многие из них являются поверенными корпораций) составляют примерно половину числа членов каждой из двух палат. Следующую по численности профессиональную группу среди членов Конгресса составляют банкиры, инвесторы, предприниматели и руководящий административный персонал бизнеса. Более семидесяти членов обеих палат представляют какой-либо вид Вооруженных сил, являясь по большей части старшими офицерами. В составе Конгресса нет рабочих и простых тружеников^[621].

Личные доходы тех, кто представляет нас в Конгрессе, относят их к числу 5% самых богатых людей в стране, и они живут совершенно другой жизнью по сравнению с простыми гражданами, которых они намерены представлять. Мы получаем стратегию развития транспорта, разработанную законодателями, которым никогда не приходилось терпеть духоту в переполненном автобусе, сельскохозяйственную политику — от тех, кто никогда не знал, как вести дела на семейной ферме, законодательство по нормам безопасности разработано теми, кто никогда не работал на фабрике или в шахте, принципы медицинского обслуживания населения — от лиц, которым никогда не доводилось часами сидеть в переполненной клинике, и законодательство о минимальной заработной плате, подготовленное теми, кто никогда не работал официантом и не мыл шваброй пол в коридоре офиса.

Вместо выдвижения кандидатов от сплоченной партийной организации, объединенной вокруг общей программы, выборы в Конгресс приобрели характер индивидуальной борьбы кандидатов в

каждом отдельном округе, с акцентом на личные данные кандидатов и манипуляции его имиджем, а не на обсуждение важных вопросов. Как уже отмечалось, основным средством проведения крупных политических кампаний являются деньги. Как заявил юморист Уилл Роджерс: «Конгресс — лучшее, что можно купить за деньги». Это остроумное замечание сейчас вернее, чем когда-либо, если иметь в виду круто взмывающие вверх расходы на проведение предвыборных кампаний с помощью средств массовой информации.

Члены Конгресса занимаются теми вопросами, которые приносят больше денег. Они борются в соответствующих комитетах Конгресса за ассигнования на программы, представляющие наибольший интерес для крупных доноров. За шесть лет члены Конгресса получили \$36,5 миллиона пожертвований на избирательные кампании от банковского сектора экономики. В ответ законодатели приняли для банкиров законодательство по отмене государственного регулирования, а также по спасению от банкротства Федеральной ассоциации ссудосберегательных банков. Это законодательство обойдется американскому народу в \$500 миллиардов. Комитеты политических действий^[622], имеющие прямую заинтересованность в банковском деле, за два года передали членам Комитетов по деятельности банков Палаты представителей и Сената \$5,8 миллиона. Примечательно, что председатель Комитета по деятельности банков Палаты представителей Генри Гонсалес получил из этой суммы лишь очень небольшую часть по причине своей убежденности, что государство в интересах общества должно регулировать деятельность банков^[623]. За последнее десятилетие пищевая промышленность передала пожертвований на избирательные кампании на сумму \$41 миллион, причем треть этой суммы пошла членам Комитетов по сельскому хозяйству Палаты представителей и Сената. Несмотря на растущую озабоченность общественности в отношении безопасности пищевых продуктов, пищевой отрасли удалось блокировать принятие любых нормативных актов по ужесточению требований к обработке мяса, домашней птицы и других пищевых продуктов. Законодатели, получившие пожертвования от табачных компаний, проявляли в три раза большую готовность голосовать против ассигнований, имеющих целью проведение строгих мер по запрету продажи табачных изделий малолетним^[624]. Своевременные пожертвования со стороны других заинтересованных

отраслей экономики принесли им аналогичные законодательные результаты.

«КУДА ДЕВАЕТСЯ СОДЕРЖИМОЕ ЭТОГО ЯЩИКА?»



Есть старый афоризм, который гласит: «Доллар голосует больше раз, чем человек». Власть денег работает непрерывно, снижая влияние граждан, которым нечего предложить, кроме своего голоса на выборах. Большинство сенаторов и многие члены Палаты представителей получают больше денег из-за пределов своих округов и штатов, от которых они были избраны. Сенатор Роберт Доул (республиканец, штат

Канзас) упорно бился за субсидию в миллиард долларов на табак и получил щедрое пожертвование от табачной промышленности. Но табак — почти никому не известная сельскохозяйственная культура в штате Канзас, от которого избирался Доул. Тогда чьи интересы представлял сенатор?^[625] Аналогичным образом сенаторы, получившие самые крупные суммы от Комитетов политических действий, представляющих оборонных подрядчиков, проявляли почти в два раза большую готовность поддержать высокие расходы на оборону, чем те, которые получили немного, невзирая на количество предприятий оборонной отрасли в тех штатах, от которых они избирались^[626].

Многие законодатели заявляют, что принимаемые ими денежные пожертвования не оказывают на них никакого влияния. Сенатор Дюренбергер (республиканец, штат Миннесота) утверждает, что \$62 775, которые он получил от химической промышленности, не оказали на него никакого влияния. «Эти люди пожертвовали деньги в надежде, что я стану сенатором, а не с условием, что я буду голосовать за выгодное им законодательство»^[627]. Но неужели химическая промышленность передала Дюренбергеру деньги за то, что им уж так пришлось по душе его личные качества? Более вероятно, что им пришлось по душе то, как он голосовал за интересующие их важные вопросы. Политики могут утверждать, что получаемые ими деньги не влияют на их голосование, но их голосование влияет на денежные потоки. Крупные доноры могут действовать так или иначе, жертвуя деньги в надежде приобрести поддержку законодателя по тому или иному вопросу, но они в течение длительного времени не делают пожертвований в пользу тех, кто обычно выступает против их интересов. Законодатели и сами признают, что чувствуют себя обязанными оказать услугу крупным жертвователям средств. Член руководства фракции Демократической партии в Сенате сенатор Гарольд Хьюз сказал, что его совесть не позволяет ему продолжать оставаться в политике из-за того, как он был вынужден проводить сбор денег в пользу своей избирательной кампании. Сенатор Губерт Хэмфри согласился с ним, пожаловавшись на «унизительный и разлагающий» характер того, как он был вынужден собирать деньги «и как кандидаты буквально продают свою душу»^[628].

Лоббисты: другие законодатели

Лоббисты — люди, нанятые группами особых интересов для оказания влияния на законодательные или административные органы государства. Некоторые политологи рассматривают лоббирование как часть «информационного процесса». Восприятие официальным лицом той или иной проблемы меняется под влиянием предоставленной ему информации, а работа лоббиста как раз и заключается в предоставлении этой информации. Однако слишком часто информация, предоставленная для решения той или иной проблемы, имеет меньшее значение, чем личность того, кто предоставляет эту информацию, или того, в чьих интересах предоставляется эта информация. Вот объяснение этому явлению, данное одним из советников комитета Конгресса:

«Перед вами двадцатитрехлетний лоббист Ассоциации потребителей и бизнесмен, предлагающий вам \$5000. Кого вы предпочтете выслушать?»^[629]

Вместе с глянцевыми брошюрами и экспертными заключениями лоббист частных компаний предлагает от их имени щедрое пожертвование в избирательную кампанию, «добровольных» сотрудников по оказанию помощи члену Конгресса в переизбрании на новый срок, изрядные гонорары за чтение лекций и инсайдерскую информацию фондовой биржи. А кроме того, займы на выгодных условиях, высокооплачиваемые должности в руководстве компаний после ухода с выборной должности, щедрые вечеринки и услужливых и доступных женщин в качестве сопровождения, оплаченные увеселительные каникулярные поездки, шикарные отели, полеты на частных реактивных самолетах и многие другие соблазны, которые можно купить за деньги.

«У каждого своя цена», — сказал однажды Говард Хьюз своему партнеру, который впоследствии вспоминал, что миллиардер ежегодно передавал около \$400 000 «членам городского совета и контролерам округов, налоговым чиновникам, шерифам, сенаторам и членам законодательных органов штатов, окружным прокурорам, конгрессменам и сенаторам, судьям, и — да, вице-президентам и президентам тоже»^[630].

В Вашингтоне число лоббистов бизнеса превосходит число законодателей в соотношении 75 к 1.^[631] Вероятно, наиболее влиятельной из всех является вашингтонская общественная организация «Круглый стол бизнеса» или, как ее называют, «голос триллиона долларов» — крупного бизнеса, состоящая из 190 первых лиц самых известных национальных компаний, многие из которых имеют доступ к ключевым фигурам в Белом доме, Кабинете министров, и в Конгрессе. Им приписывают способность затормозить или обеспечить прохождение мер антитрестовского и экологического характера, а также вопросов, в которых заинтересованы профсоюзы и организации потребителей. Члены «Круглого стола бизнеса» оказывают такое влияние на правительство, что превосходят в этом отношении другие группы особых интересов.

Некоторые из высших вашингтонских групп лоббистов финансируются иностранными правительствами, считающимися самыми отъявленными нарушителями прав человека, включая правительства Турции, Кувейта, Индонезии, Гватемалы, Колумбии, Саудовской Аравии, Заира и руководства поддерживаемой ЦРУ повстанческой группы УНИТА из Анголы.^[632]

Могущественные вашингтонские лоббисты обычно являются поверенными людьми корпораций, бывшими законодателями, помощниками членов Конгресса или бывшими государственными чиновниками с хорошими связями в правительстве. Официальные лица, проявляющие особую отзывчивость к запросам лоббистов, получают награды в виде выгодных позиций в частном бизнесе после ухода с правительственной службы. Самый могущественный ресурс, которым располагают лоббисты частных интересов, это деньги. Именно с помощью денег покупается доступ к важным официальным лицам и, более того, к возможности формировать их *взгляды* на многие вещи с помощью аргументов по выбору лоббистов. Сам по себе доступ не гарантирует нужного влияния. Почти столетие тому назад, еще до того, как стать президентом Соединенных Штатов, Вудро Вильсон заметил:

«Предположим, вы приехали в Вашингтон и пытаетесь получить доступ к правительству США. Вы скоро поймете, что среди тех, кто вас вежливо выслушивает, наиболее влиятельными являются люди с большими возможностями —

крупные банкиры, крупные промышленники и хозяева торговых предприятий... Хозяевами правительства Соединенных Штатов являются капиталисты и промышленники Соединенных Штатов»^[633].

Когда организованный в Вашингтоне обед с целью сбора средств при участии президента Буша принес в результате \$9 миллионов при отдельных пожертвованиях, доходящих до \$400 000, пресс-секретарь президента Марлин Фитцуотер обосновывал это событие следующим образом: «Доноры покупают себе право участия в политическом процессе... В этом и состоит суть политических партий и политического действия...» Когда его спросили, каким образом менее богатые люди могут купить себе право участия в процессе, Фитцуотер ответил: «Им следует добиваться участия другими способами»^[634].

Лоббисты передают намеченным людям значительные суммы денег. Профессиональные лоббистские фирмы, как Cassidy&Associates и Patton Boggs, зарабатывают от 4 до \$7 миллионов, обслуживая таких клиентов, как General Dynamics, NBC, Aetna и AT&T. Эти цифры, по-видимому, минимальные. Кроме того, в Вашингтоне имеются шесть сотен постоянно действующих лоббистских представительств корпораций. Если брать лоббизм целиком, то это отрасль с оборотом, достигающим одного миллиарда долларов ежегодно^[635].

В 1996 году под давлением групп общественности Конгресс принял закон о лоббистской деятельности, в котором был определен предел стоимости подарков и угощений максимально в 100 долларов, за исключением подарков семейного характера, а также от «давних друзей»^[636]. Даже с такими ограничениями деньги остаются решающим фактором в системе оказания влияния. Те, кто утверждает, что лоббистская деятельность эффективна не из-за денег, а потому, что она образует и направляет «поток информации», должны учитывать, что способность распределять информацию и что-то пропагандировать предусматривает наличие организации, экспертных оценок, времени и труда, то есть тех вещей, за которые тоже нужно платить деньги. Кроме того, даже просто владение большим богатством и контроль над промышленностью и рабочими местами дают корпоративным интересам дополнительные преимущества, недоступные простым трудящимся, поскольку претензии бизнеса выставляются как

«потребности экономики», а поскольку это действительно так, то и как потребности всего государства.

Более сорока тысяч лоббистов рыщут по коридорам здания на Капитолийском холме или пытаются добиться благоприятных решений от различных государственных исполнительных органов с обширной управленческой бюрократией. Члены Конгресса нередко доверяют лоббистам подготовку речей и помещение в прессу статей от их имени. Лоббисты даже составляют законопроекты и занимают места рядом с законодателями во время различных слушаний и обсуждений в Конгрессе. Например, законопроект, подготовленный фирмой, занимающейся лоббированием в пользу агробизнеса, и имеющий целью сокращение ограничений на применение пестицидов, выглядел буквально слово в слово так же, как и законопроект, представленный двумя месяцами позднее в Палату представителей республиканцем — одним из членов этой палаты от штата Калифорния^[637].

Лоббисты используют членов Конгресса для оказания воздействия на государственные учреждения в целях получения правительственных контрактов, постов в правительстве и правительственных ведомствах и решений административных органов в интересах их клиентов из бизнеса. В таком качестве законодатели действуют в определенной степени как продолжение лоббистов. Один бывший лоббист пришел к заключению, что основная работа лоббистов заключается в обходе существующих законов и достижении льготных условий «для клиентов, которые не имеют законных прав на это». Для того чтобы добиться этого, лоббист платит наличными «одному или нескольким членам Конгресса — чем более они влиятельны, тем меньше их ему нужно»^[638].

В то время, когда президент Клинтон пытался быстро протолкнуть через Конгресс меры, которые дали бы ему возможность вести переговоры по очень интересующему корпорации соглашению о свободной торговле, лоббисты от таких фирм, как Boeing, The Business Roundtable^[639], The National Association of Manufacturers^[640], и других использовали помещение комитетов под зданием Конгресса в качестве командного пункта. Они пользовались телефонами Конгресса, его факс-аппаратами и другим его оборудованием для того, чтобы добиться одобрения конгрессменами законопроекта по соглашению о торговле. Некоторые из корпоративных лоббистов отказались назвать себя и

объяснить, как они попали в это помещение, когда им задали такие вопросы либеральные члены Конгресса от Демократической партии^[641].

Среди проблем, решение которых проталкивают лоббисты, — благоприятное изменение тарифов на транспортные перевозки между штатами, специальные налоговые льготы, облигационный заем с высокой процентной ставкой для крупных инвесторов, специальный документ на ведение банковских операций, долгосрочная аренда государственных земель для частной компании, срочное финансирование для авиационного завода. А также — морской вертолетоносец (которого Военно-морской флот не заказывал) для оборонного подрядчика, почтовые дотации для рекламных фирм, снижение требований по технике безопасности для предприятий пищевой промышленности, снижение требований к мерам по борьбе с загрязнениями для химического предприятия, выделение специальных посевных площадей для фермеров-табаководов, разрешение на эксплуатацию мусоросжигательного завода — сотни таких законопроектов и тысячи специальных поправок к ним, десятки тысяч административных постановлений, которые так много значат для частных деловых интересов и появляются в результате больших усилий законодателей и администраторов, в то время как общественность по большей части их даже не замечает, однако оплачивает финансовые и человеческие затраты и редко имеет возможности для изложения своих доводов по этим вопросам или даже для того, чтобы убедиться, что подо всем этим есть какие-то убедительные аргументы.

Пытаясь высказать мнение от имени массы неорганизованного населения, группы по защите интересов общественности испытывают в этом значительные трудности, в особенности когда их предложения направлены против мощных экономических интересов. Относительная слабость их ресурсов (решающим ресурсом являются деньги) ограничивает усилия групп граждан и делает проблематичным само их выживание. Большинство из них вынуждено тратить слишком много времени на поиск финансовых средств для оплаты офиса и небольшого штата сотрудников.

Несмотря на такие реальные условия, существуют так называемые «школы счастливого плюрализма», которые считают, что власть в обществе распространена широко и демократично. Один политолог

сделал вывод, что «почти каждый энергичный толчок лоббирования в одном направлении» влечет за собой «толчок оппонента или коалиции оппонентов в противоположном направлении. Этот естественный фактор самоуравновешивания вступает в действие настолько часто, что становится равносильным закону»^[642]. Факты, приведенные в данной книге, не подтверждают такого оптимистичного вывода. Разве бездомные, безработные и большинство обычных граждан на самом деле обладают таким большим политическим влиянием, что могут выступить почти на равных с соперниками в общей системе политического влияния?

Некоторые политологи сделали теоретический вывод о том, что в нашем обществе широкое разнообразие культурных, экономических, региональных и этнических групп порождает такую их тесную взаимозависимость, что это смягчает энергию любого организованного толчка в каком-либо одном направлении. Если это и может быть верно в некоторых крупных и многочисленных группах населения, то не выглядит настолько же убедительно в мощных и политически активных сегментах мира бизнеса, в которых взаимозависимость их членов, судя по всему, объединяет, а не ослабляет их силу и классовую целеустремленность. Безусловно, различные группы деловых кругов могут иногда конфликтовать, но они также могут и вступать в сговор, объединяясь вокруг общих классовых интересов и оказывая взаимную поддержку программам друг друга. Законодатели, объединенные особыми интересами, нередко достигают «рабочего большинства» в Конгрессе, оказывая друг другу взаимные политические услуги по принципу «ты голосуешь за мое предложение, а я проголосую за твое», что представляет собой процесс взаимной поддержки и не является компромиссом. Вместо контроля и сдерживания друг друга, как это происходит в ситуациях компромисса, деловые группы поддерживают взаимные притязания за счет тех, у кого недостает влияния в этой системе оказания политического давления.

Лоббирование на уровне широких народных масс

Усилия групп влияния направлены не только на чиновников и официальных лиц, но также и на общественность, что получило название «лоббирование на низовом уровне». Цель его заключается в том, чтобы донимать запросами и жалобами законодателей с одновременным широким использованием средств массовой информации и посланий от заинтересованных лиц, включая руководителей соответствующих отраслей экономики и профессиональных ассоциаций. Среди тех, кто первым начал практиковать лоббирование на низовом уровне, были потребительские, экологические и другие группы по защите общественных интересов. Затем частные фирмы и ассоциации деловых кругов приняли этот способ действия себе на вооружение, а различие заключалось в том, что последние способны затратить на такие действия в сотню раз больше финансовых средств, чем группы защиты общественных интересов. Можно привести в пример один случай, когда летом 1993 года Национальная ассоциация промышленников начала кампанию, в результате проведения которой Конгресс был наводнен письмами и телефонными звонками с протестами против предложенного президентом Клинтоном налогообложения энергоресурсов. В итоге предложенный план был провален^[643].

Особые интересы частных фирм нередко прикрываются организациями, служащими для них вывеской, с названиями, звучащими так, как будто они занимаются деятельностью на общественном поприще. Национальная коалиция защиты водно-болотистых угодий — надежно финансируемая лоббистская организация нефтяных, горнодобывающих и строительных компаний, имеющая целью упразднить нормативные акты, которые защищают наши избыточно увлажненные земли и водно-болотистые угодья, а также биологические виды, находящиеся под угрозой исчезновения. Коалиция за технику безопасности на производстве и сохранение здоровья — это фактически прикрытие для корпоративной организации, ставящей себе целью лишить реального содержания

законодательство по охране здоровья и технике безопасности на производстве. Американцы за налоговую реформу — это некоммерческая организация, освобожденная от уплаты налогов и с якобы беспартийным названием. Она получила от Национального комитета Республиканской партии в общей сложности \$4,6 миллиона, которые использовала на направление \$19 миллионов почтовых отправок и четыре миллиона телефонных звонков с обращением к избирателям поддержать кампанию Республиканской партии против программы Medicare^[644]. Эти группы прикрытия могут расходовать неограниченные суммы денег на политическую деятельность, не будучи обязанными раскрывать своих доноров и суммы расходов при условии, что они не выступают в поддержку на выборах какого-то конкретного кандидата.

Некоторые кампании лоббирования на низовом уровне предназначены скорее для создания общественного климата, благоприятного для каких-либо гигантских корпораций, чем для проталкивания определенного законодательства. Стальные, нефтяные и электронные компании почти не убеждают общественность поддержать налоговые лазейки в законодательстве или мероприятия по спасению бизнеса, находящегося в трудном положении. Они бы предпочли, чтобы граждане не беспокоили себя по таким вопросам. Но они «преподносят» общественности целый набор ложных утверждений в отношении большого количества рабочих мест, которые бизнес создает, бескорыстных услуг, которые он оказывает жителям населенного пункта, и любовной заботе, с которой он относится к окружающей среде. Вместо продажи конкретных продуктов своего производства с такого рода рекламой для создания популярности своей фирме, корпорации продают самих себя и всю систему бизнеса.

Оказание помощи самим себе: разновидности коррупции

Члены Конгресса иногда действуют как политики, отстаивающие определенные интересы, без побуждения со стороны какой-либо группы политического давления. Причина этого заключается в том, что они или хорошо финансируются, или сами располагают крупными активами в той же отрасли экономики. Законодатели с крупными активами в сельскохозяйственном бизнесе входят в состав комитетов, формирующих сельскохозяйственные программы, напрямую выгодные им, как владельцам этого бизнеса. По меньшей мере треть законодателей имеют дополнительную работу за пределами Конгресса в качестве юристов или сотрудников частных фирм, банков и других финансовых учреждений, тесно связанных с теми отраслями экономики, которые им поручено контролировать. Более трети сенаторов имеют вложения в фирмы, состоящие в числе самых крупных военных подрядчиков, и получают повышение доходов всякий раз, когда возрастают военные расходы госбюджета. Почти половина членов Сената и свыше ста членов Палаты представителей располагают акциями банков, включая и многих тех, которые входят в состав комитетов, связанных с банковской деятельностью. В 2000 году единственный в Сенате врач Билл Фёрст (республиканец от штата Теннесси) выступал за проведение «реформ» программы Medicare и за изменения правил и стандартов деятельности Управления по контролю за продуктами питания и лекарствами. По-видимому, при обсуждении этих вопросов он опирался на свою профессиональную квалификацию, однако наличие у него крупных собственных активов в медицинской отрасли ставит вопрос о том, действовал ли он в данном случае как врач, как сенатор или как богатый инвестор^[645].

Анализ отчетов о собственности членов Конгресса приводит к выводу о том, что хотя «некоторые законодатели избегают приобретать акции в отраслях экономики, относящихся к областям их законодательной ответственности, или же помещают активы под анонимное доверительное управление, однако многие этого все-таки не делают»^[646]. То, что в исполнительной и судебной ветвях власти

называется «конфликтом интересов», в Конгрессе называют «экспертизой», причем законодатели используют полномочия члена Конгресса для осуществления законодательной власти от имени своего личного богатства.

Плутократия — то есть власть от имени богатых и в интересах богатых — в Конгрессе широко распространена. Сенатор Дэниэл Патрик Мойнихен (демократ от штата Нью-Йорк) заметил с необычной прямоотой: «Сегодня по меньшей мере половина членов Сената являются миллионерами... Мы стали плутократией... Сенат предназначался для представительства интересов штатов, вместо этого он представляет в настоящее время интересы класса»^[647]. Нижняя палата также переходит в высший класс, что один критик назвал «эволюцией Палаты представителей в Палату лордов»^[648]. Многие члены Палаты представителей и Сената, заполняя декларации о состоянии своих финансов, приводят неточные и расплывчатые данные в отношении своего богатства. Например, реакционный сенатор Джесс Хелмс (республиканец от штата Северная Каролина) упустил перечислить в отчетности шесть объектов сдаваемой в аренду собственности, стоящих свыше полумиллиона долларов^[649]. В связи с недавним постановлением Верховного суда, разрешающим богатым кандидатам тратить на свою собственную выборную кампанию столько финансовых средств, сколько им заблагорассудится, у богатых людей возникли дополнительные стимулы добиваться партийного назначения в кандидаты. Недавно избранные члены Палаты представителей имеют значительно большее личное состояние, чем те, кого избрали раньше.

Некоторые сенаторы и члены Палаты представителей любят путешествовать ради удовольствия за казенный счет под видом проведения «расследования» для соответствующего комитета палаты. Они вносят в платежную ведомость своих близких и присваивают себе их зарплату или же берут себе часть зарплаты штатных сотрудников персонала в виде «отката». Кроме того, они относят расходы по командировке одновременно на счет правительства и на счет частного клиента, для которого выполняют какие-либо услуги. Оставшиеся командировочные деньги и неиспользованные в выборной кампании средства от пожертвований они тратят на свои личные нужды. В платежной ведомости у них состоят также лица, основная задача которых заключается в предоставлении сексуальных услуг. Богатые

компании не жалеют средств, чтобы внести разнообразие в жизнь ключевых законодателей, предоставляя им щедрые гонорары за выступления и лекции, оплаченные поездки на шикарные курорты (включая супругов) и неоднократное пользование частными самолетами компании. Разумеется, что те, кто принимает такого рода подношения, уверяют, что это никак не влияет на результаты их голосования в Конгрессе^[650].

Несколько известных членов Конгресса, возглавлявших моральный крестовый поход за отстранение президента Клинтона от должности за лжесвидетельство с целью скрыть сексуальную связь с практиканткой, сами оказались виновны в недозволенных любовных связях и других недостойных поступках. Показательным примером этого является член Палаты представителей Дэн Бэртон (республиканец от штата Индиана), бескомпромиссный поборник семейных ценностей, муж и отец троих детей, получивший стопроцентный положительный рейтинг у Христианской коалиции. Бэртон называл Клинтона негодяем, а сам впоследствии оказался отцом ребенка от внебрачной связи. Бэртон использовал деньги от пожертвований и федеральные ассигнования на предвыборную кампанию в целях найма на работу женщин сомнительной репутации. Одна из таких его дам получила в качестве оплаты почти полмиллиона долларов, однако до сих пор неясно, что она делала за такие деньги. Бэртон оплачивал аренду ее дома, который, по его словам, служил «штаб-квартирой его предвыборной кампании», хотя он как-то странно был расположен за пределами его округа. Он возмещал себе ежегодно тысячи долларов командировочных расходов, а также необъяснимых «расходов на проведение предвыборной кампании», включавших в себя подарки, цветы, мячи для гольфа и тому подобное^[651].

За период после окончания Второй мировой войны десяткам законодателей и их помощникам были предъявлены обвинения или они были осуждены за взятки, торговлю влиянием, вымогательство и другие преступления. И это были лишь те неудачники, которые попались на преступлениях. Ряд других членов Конгресса подали в отставку с должности для того, чтобы избежать предъявления уголовных обвинений. На Комиссию по этике Палаты представителей и Сената возложены обязанности по надзору за обстановкой и проведение в жизнь этического кодекса, но у них недостает для этого

ни воли, ни персонала. Председатель Сенатской комиссии по этике в Конгрессе созыва 1998 года Малькольм Уоллоп (республиканец от штата Вайоминг) считал, что сенаторов не следует обязывать раскрывать их финансовое положение и они должны сами решать вопрос о конфликте интересов. Он даже подверг критике вообще всю идею кодекса этики. Неудивительно, что его коллеги выбрали его на эту должность^[652]. В 1997 году Палата представителей отказалась принимать от посторонних групп и частных лиц жалобы этического характера. Так что теперь это зависит от самих членов палаты, осуждать ли себе подобных, что и происходит весьма нечасто.

Они говорят, что если власть разъедает коррупция, то это обычно происходит из-за денег. И в этом отношении члены Конгресса — не единственные грешники. Только за последний шестилетний период в числе государственных должностных лиц, признанных виновными по суду, было 3 члена правительства, 3 губернатора, 34 члена законодательных органов штатов, 20 судей, 5 главных прокуроров штатов, 28 мэров, 11 окружных прокуроров, 170 сотрудников полиции и один вице-президент Спиро Агню, подавший в отставку с поста в обмен на снятие обвинений во взяточничестве, вымогательстве и уклонении от уплаты налогов. Президент США Ричард Никсон избежал импичмента и тюремного заключения, подав в отставку с должности и получив прощение от своего преемника Джеральда Форда. За последние два десятилетия губернаторы штатов Аризона, Арканзас, Оклахома, Луизиана и Алабама были обвинены в мошенничестве, вымогательстве, лжесвидетельстве, присвоении средств на проведение избирательной кампании и в других коррупционных действиях^[653].

Обследование правительственного финансового управления выявило в федеральных органах за период в два с половиной года свыше 77 000 случаев мошенничества, причем почти половину из них — в Пентагоне. Только небольшая часть лиц, виновных в этих нарушениях, подверглась судебному преследованию. В 1975 году были признаны по суду виновными в преступлениях 53 федеральных чиновника исполнительных органов. К 1985 году число таких чиновников поднялось до 563^[654]. Сотрудники администрации президента Никсона были вовлечены в скандалы, связанные с продажей пшеницы, поддержанием цен на молочные продукты, урегулированием во внесудебном порядке дела компании IT&T, коррупцией в

Федеральном управлении жилищного строительства, манипуляциями на фондовой бирже и политическим шпионажем (дело «Уотергейт»).

Карьера Нельсона Рокфеллера представляет впечатляющий пример «денег в действии». Еще во время рассмотрения его кандидатуры на пост вице-президента США на замену вице-президенту Джеральду Форду, который стал преемником ушедшего в отставку опального президента Никсона, Рокфеллер признал, что передал около \$1,8 миллиона в виде подарков и займов восемнадцати нью-йоркским и федеральным государственным чиновникам, включая \$50 000 Генри Киссинджеру, бывшему тогда служащим у Рокфеллера. Это произошло за три дня до того, как Киссинджер стал советником по национальной безопасности президента Никсона. На слушаниях в Сенате Рокфеллер настаивал, что выплаты были просто проявлением его уважения к этим людям. «Делиться — всегда было частью моих принципов воспитания людей», — говорил он сенаторам, ни один из которых при этих словах не согнулся пополам от хохота. Никто не напомнил ему, что закон города Нью-Йорка запрещает государственным служащим принимать подарки стоимостью выше \$25. Ни один из сенаторов не высказался насчет того, что «подарок» государственному чиновнику, который принимает решения, способные повлиять на чье-то крупное частное состояние, лучше было бы назвать взяткой. Вместо этого они одобрили кандидатуру Нельсона Рокфеллера на должность вице-президента Соединенных Штатов.

У каждой американской администрации были свои скандалы, но число высокопоставленных членов администрации Рейгана, обвиненных в неэтичном или недопустимом поведении, было просто беспрецедентным. В начале 1986 года их количество составило 110, а в дальнейшем произошло его резкое увеличение по мере разоблачения к концу того же года всей операции Иран-контрас^[655].

К той операции были причастны по меньшей мере три члена Кабинета министров, директор Центрального разведывательного управления, несколько сотрудников аппарата Белого дома, несколько советников и их помощников Совета национальной безопасности и ряд руководителей федеральных административных органов. Среди обвинений фигурировали: мошенничество, неправомерные сделки на фондовой бирже, нарушения налогового кодекса, некорректность в декларировании финансовых данных, лжесвидетельство, создание

препятствий в проведении расследования в Конгрессе, получение незаконных и предосудительных займов, подарков и услуг, использование государственных ресурсов в личных целях. Только несколько обвиняемых были приговорены к тюремному заключению, многие из участников подали в отставку, а ряд лиц остались на своих постах, в том числе Генеральный прокурор Эдвин Миз, который, судя по всему, страдал амнезией, так как его память в ходе его допроса перед Сенатской комиссией отказывала ему 79 раз, как раз тогда, когда вопросы касались большого числа сомнительных финансовых сделок^[656].

Некоторые наблюдатели считают коррупцию более или менее приемлемым явлением в жизни. Передать под столом небольшую сумму денег — это просто другой способ смазать шестеренки правительства и добиться, чтобы дело было сделано^[657]. Но коррупция пошла дальше мелкой взятки и достигла серьезных масштабов. Вместо нарушения правил игры, она сама превратилась в игру. Коррупция во власти создает благоприятные условия для политики, ведущей к постоянному росту государственной задолженности, неэффективности и потерям. Она истощает государственную казну и питает частные состояния, снижает действенность законов и правил, которые могли бы работать на благо нашего общества, подрывает равноправие людей перед законом, порождая фаворитизм для меньшинства, а также несправедливость и пренебрежение к большинству. Если властные полномочия и ресурсы нашего общества используются в интересах частной корысти и наживы, а под прикрытием действующей в обществе этики каждый будет заботиться лишь о спасении собственной шкуры, тогда коррупция станет не случайным явлением, а постоянным фактором, не просто результатом порочности отдельного политика, а органичным порождением этого общества.

Система специализированных комитетов

Как законодатели приступают к работе после избрания на должность? Многие годы властные полномочия в Конгрессе лежат на двадцати или около этого постоянных комитетах каждой из палат, которые решают судьбу законопроектов: переписать (некоторые), одобрить (немногие) и отвергнуть или похоронить (большинство). Во главе комитетов находятся председатели, которые поднимаются до такого положения в соответствии с принципом старшинства — то есть благодаря неоднократному переизбранию в палату, в результате прекрасного исполнения своих обязанностей в надежном округе или преимущественно в однопартийном штате.

Хотя принцип старшинства остается неизменным в обеих палатах Конгресса, однако в конце 1970-х годов на закрытых совещаниях руководства палат был принят ряд изменений с целью ослабить полномочия председателей комитетов путем отмены некоторых из их полномочий и расширения полномочий подкомитетов^[658]. После этого председатели комитетов уже не могли по своему желанию выбирать председателей подкомитетов, назначать в них членов и сокращать их бюджет. Общее количество подкомитетов в составе Палаты представителей и Сенате — 241, подкомитеты имеют свой собственный штат сотрудников и четко определенные законодательные полномочия.

Разделение полномочий между подкомитетами упрощает задачу лоббистов по контролю за прохождением законопроектов в Конгрессе. Лоббистские группы особых интересов большое внимание уделяют поддержанию связей со специализированными подкомитетами палат. Таким образом, идет ли речь о производителях хлопка, кукурузы, пшеницы, арахиса, табака или риса — каждое крупное направление сельскохозяйственного производства представлено в определенном подкомитете сельскохозяйственных комитетов Сената и палаты соответствующими членами палат, которые готовы выступить на их защиту от их имени. Децентрализация полномочий подобным образом совершенно не означает их демократизации. Отдельные подразделения власти стремятся монополизировать принятие решений в конкретных областях в интересах определенных групп. Интересы большей части широкой общественности располагаются в промежутках между этими

подструктурами. Вне зависимости от того, построен ли Конгресс по системе комитетов, подкомитетов или строгой централизованной иерархии — а в его истории были все эти три принципа его построения, — создается впечатление, что это ничего не меняет в его приверженности интересам крупного бизнеса.

Многое зависит от «влиятельного председателя», который, как уже было сказано, возглавляет тот или другой комитет. В этой связи председатель Комитета Палаты представителей по делам вооруженных сил (недавно он переименован в Комитет по национальной безопасности) всегда считался «влиятельным», но это было по той причине, что он обслуживал могущественные интересы корпораций США и американских военных. Влиятельность не связана напрямую с занимаемым постом. Когда прогрессивный по политическим взглядам демократ Рон Деллумс стал, согласно принципу старшинства, председателем Комитета Палаты представителей по делам вооруженных сил и принялся искать возможности сокращения некоторых статей военных расходов, он сразу же почувствовал, что его позиции стали в определенной мере шаткими. Значительная часть членов его комитета стала меньше прислушиваться к его руководящему мнению, а больше — к мнению крупных подрядчиков и доноров средств из оборонных отраслей промышленности. Внезапно влиятельный председатель комитета стал не таким уж и влиятельным.

Некоторые ассигнования, известные под названием «бочка с салом»^[659] или просто «сало», предоставляются на проекты, далеко не самые важные и экономически обоснованные, но они предназначены для того, чтобы со всей очевидностью продемонстрировать способность законодателя добиться своих целей на федеральном уровне. Последние бюджеты дают основания для вывода о том, что «кормушки» более не являются существенными статьями финансирования. Выделенные Конгрессом ассигнования на проекты «для родного города» составляют несколько миллиардов долларов в год, что представляет всего лишь некоторую долю от одного процента годового бюджета и сравнительно небольшую сумму на фоне сотен миллиардов долларов, выделяемых ежегодно на щедрые оборонные контракты.

Когда речь идет о людях бедных и маловлиятельных, Конгресс знает, как уберечь деньги. За последние годы он отказал в

предоставлении \$9 миллионов на финансирование Центра контроля и профилактики заболеваний туберкулеза. Он урезал пять миллионов доз из федеральной программы вакцинации детей на сумму в \$10 миллионов и сократил финансирование программ лечения венерических заболеваний на 25%, несмотря на рост числа заболеваний, передаваемых половым путем. Чтобы приучить людей рассчитывать сугубо на собственные силы, контролируемый Республиканской партией Конгресс, с помощью консервативных демократов Клинтона, урезал программы продовольственной помощи детям и престарелым гражданам. Кроме этого он сократил финансирование программ оказания помощи инвалидам, медицинского обслуживания на дому и терапевтической помощи лицам, страдающим физическими и умственными недостатками, помощи в отоплении жилищ и программы создания рабочих мест и обеспечения жильем семей с низкими доходами, а также престарелых людей^[660].

Безопасность, секретность и процедура «ускоренного рассмотрения»

Большинство членов Конгресса очень чувствительны к теме обеспечения национальной безопасности государства и состояния оборонной промышленности. В 1982 году массовое народное движение за двустороннее, контролируемое замораживание ядерных вооружений охватило всю страну, как это редко было в нашей истории, однако законодатели продолжали голосовать за масштабное наращивание этих систем вооружений. В 2000 году свыше 80% общественности США поддержало запрет на испытания ядерного оружия, однако Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия не прошел через Сенат, набрав соотношение голосов «против» 51 к 48 «за». Все 51% голосов «против» были поданы сенаторами-республиканцами. В 1986 году опросы общественного мнения показали, что подавляющее большинство общественности было настроено против оказания помощи никарагуанским наемникам, которые вели войну против Никарагуа с подготовленных США баз на территории Гондураса, и все же Конгресс проголосовал за предоставление помощи наемникам на сумму в \$100 миллионов.

Еще более разрушительной оказалась неспособность Конгресса сдерживать структуры национальной безопасности при их попытках нарушить закон, а также его нежелание идти на конфронтацию с ними, когда его ограничения нарушаются военными и разведывательными ведомствами. Так, законодатели приняли решение, что в республике Эль-Сальвадор должно быть не более пятидесяти пяти человек военного персонала США, но это его ограничение было просто проигнорировано. Конгресс постановил, что военная помощь Эль-Сальвадору может быть предоставлена только при условии периодических президентских свидетельств об улучшении состояния прав человека в этой стране. Такое свидетельство было предоставлено при полном пренебрежении к реальному положению дел и почти при отсутствии попыток разобраться в реальной ситуации со стороны Конгресса. Силам наемников в Никарагуа не должно было предоставляться никакой помощи, однако признаки финансирования

правых террористов контрас продолжали выявляться даже в период действия самого жесткого запрета Конгресса^[661]. В 1998 году выяснилось, что Пентагон продолжает оказывать помощь военным подразделениям Индонезии, несмотря на запрет Конгресса, имеющий целью положить конец пыткам и убийствам, совершаемым этими подразделениями. Официальные лица Пентагона утверждали, что помощь была оказана согласно другой программе, а не той, на которую Конгресс наложил запрет. И это «усилило нашу способность оказывать позитивное влияние на положение с правами человека в Индонезии». При этом не было предоставлено никаких доказательств улучшения политики индонезийских военных в области прав человека^[662].

Пентагон и различные разведывательные ведомства, включая ЦРУ, Разведывательное управление Министерства обороны (DIA) и Агентство национальной безопасности (NSA) финансируют программы прохождения стажировок, которые дают им возможность внедрять своих сотрудников в штат аппарата Конгресса на годичный период, собирать конфиденциальную информацию и оказывать влияние на тех законодателей, которые в значительной степени полагаются на сотрудников персонала в части консультаций и информации. «Одно лишь присутствие сотрудников разведывательного сообщества с их специфическим мировоззрением способно оказать влияние на членов Конгресса. Оно коренным образом отличается от влияния, которое на них оказывает присутствие сотрудников, например, организаций по борьбе с бедностью или защите окружающей среды»^[663]. Почти невозможно воспрепятствовать назначению таких сотрудников в штат Конгресса. Оно производится с единственной целью вести слежку за конкретными членами Сената или Палаты представителей. Когда стажеры военной разведки возвращаются в свое ведомство, они назначаются на работу в отдел по связям с законодательными органами, для того чтобы применять на практике то, что они усвоили во время пребывания на Капитолийском холме в целях оказания дальнейшего влияния на Конгресс, — влияния, выгодного их разведывательному ведомству. Стажировкой в Конгрессе удостоивают также сотрудников частных корпораций, заинтересованных в получении военных контрактов и принятии законодателями других нормативных актов. Среди таких корпораций General Electric, General Dynamics и DuPont,

при этом никогда не оговаривается никаких условий в отношении возможного конфликта интересов.

Когда общественное мнение проявляет обеспокоенность, Конгресс обычно реагирует путем принятия законодательных актов, создающих видимость урегулирования проблемы, но им недостает реальной силы для принятия конкретных мер. Так, нам обычно указывают на Закон о регистрации лоббистов, который практически не способен их контролировать, и на Закон о технике безопасности и охране труда, в котором имеются очень слабые положения о реализации возможного принуждения. Законодатели стараются быть внимательными и отзывчивыми при повышении накала общественного мнения и с приближением выборов. Перед выборами в Конгресс 1982 и 1986 годов, контролируемый демократами, даже при наличии угрозы применения президентом Рейганом вето, Конгресс принял ряд важных программ по социальному обеспечению и охране окружающей среды.

Комитеты Конгресса проводят многие заседания за закрытыми дверями, держа общественность в неведении и подробно информируя о сути проблем лишь группы влияния в бизнесе. «Меня особенно возмущает практика их двойных стандартов, — жаловался сотрудник персонала одного из комитетов Сената. Для них — в порядке вещей передать информацию о том, что происходит на заседаниях комитета, представителям автомобильной промышленности или коммунальных служб, но не общественности»^[664]. Секретность покрывает весь процесс законотворчества. Законопроект о снижении налогов на доходы корпораций на сумму в \$7,3 миллиарда был (а) подготовлен Постоянным бюджетным комитетом Палаты представителей за три дня секретных заседаний; (б) принят палатой после обсуждения в течение одного часа; (с) на заседании присутствовало всего около тридцати членов палаты, которые (d) приняли законопроект без отдельного поименного голосования.

Законодательные акты могут иметь вводящие в заблуждения наименования и скрытое содержание. Законопроект, который поднимал заработную плату на 85 центов, содержал меньше всех известных положений, помогающих транснациональным корпорациям налоговыми льготами и средствами снижения налоговых выплат, кроме того, он напрямую облегчал им снижение дополнительных выплат рабочим и служащим и хищение средств из их пенсионных фондов.

Несколькими годами позднее другой законопроект о минимальной заработной плате содержал положение о крупном понижении налогов на богатых при передаче ими недвижимого имущества по наследству^[665].

После энергичных протестов общественности против попыток сокращения программ по защите окружающей среды руководство республиканцев в Конгрессе в 1998 году предприняло более скрытую уловку, введя положения, направленные на сокращение мер защиты экологии, в виде небольших дополнений к важному Закону о бюджетных ассигнованиях и к другим законодательным актам. В этих дополнениях предусматривалось увеличение заготовок леса в редком для США лесу на Аляске с растениями из умеренного климата, что препятствовало восстановлению мест размножения рыбы лососевых пород, а также решение об отмене правительственных образовательных программ по проблеме глобального потепления^[666].

Некоторые наиболее значительные проекты законодательных актов готовятся скрытно. Без публичных слушаний и публичного обсуждения члены избранного круга высокопоставленных правительственных чиновников и служащих корпораций тайно подготовили Североамериканское соглашение о свободе торговли (NAFTA) — законопроект на двух тысячах страниц, за который законодатели проголосовали, в большинстве своем даже не прочитав. В ноябре 1993 года администрация Клинтона провела рекламную-пропагандистскую кампанию в поддержку этого законопроекта и затем представила его в Палату представителей с оговоркой «на ускоренное рассмотрение». Процедура ускоренного рассмотрения предусматривает, чтобы Конгресс принял или отверг законопроект «в целом» без каких-либо дополнений к нему и при этом затратил на обсуждение не более двух дней. В 1997 году объединенная мощь лоббистов крупного бизнеса и невероятной энергии президента столкнулась с резкой активизацией протестов со стороны профсоюзов, сторонников охраны окружающей среды и других групп защиты общественных интересов против попыток ускоренным порядком продать другое соглашение о свободной торговле, которое дало бы возможность транснациональным корпорациям оказывать еще большее влияние на правительства штатов и муниципалитеты. На этот раз Конгресс отклонил процедуру

ускоренного рассмотрения и провалил законопроект, что привело к победе народа и поражению идеи глобализации [\[667\]](#).

Законодательный лабиринт

Основатели Конституции намеревались создать такой Конгресс, чтобы сама его структура оказывала консервативное воздействие на деятельность законодателей. Замена членов комитетов Сената по скользящему графику, при котором каждые два года переизбирается треть его состава, имеет целью ослабление любых массовых настроений по радикальному изменению обстановки. Разделение Конгресса на две отдельные палаты делает процесс создания законодательного акта весьма трудным. Оно дает преимущества тем, кто хотел бы не допустить реформ. Типичный путь прохождения законопроекта в Конгрессе выглядит следующим образом: после внесения, например, в Палату представителей, законопроект передается в один из комитетов, где председатель комитета может положить его в долгий ящик или же, быстро ознакомившись с его содержанием, направить в различные подкомитеты для слушаний, где его могут «похоронить». Из подкомитета без внесения изменений или, наоборот, в существенно переработанном виде законопроект могут вернуть обратно в комитет. Затем его направляют в Комитет по регламенту, который также может положить законопроект в долгий ящик, то есть отклонить. Комитет по регламенту может провести переговоры с Постоянным комитетом о переработке некоторых положений законопроекта. Или Палата представителей может проголосовать не менее чем двумя третями голосов за то, чтобы направить законопроект в обход Комитета по регламенту напрямую на слушания в палату. Комитет по регламенту устанавливает время на дебаты по законопроекту, а также указывает те положения, которые подлежат или не подлежат исправлениям и дополнениям. Затем законопроект направляется в Палату представителей, которая может отвергнуть или дополнить решение Комитета по регламенту. Палата представителей объявляет себя комитетом всей палаты^[668] (что позволяет ей приостановить действие своего регламента, в том числе и требование наличия кворума) для проведения дебатов по законопроекту, внесения в него изменений, его принятия, или отклонения, или же повторного направления в Постоянный комитет для дальнейшего изучения. Если Палата представителей в качестве комитета всей палаты приняла законопроект,

тогда она вновь возвращается к своему обычному статусу — Палаты представителей и окончательно решает судьбу законопроекта.

Если Палата представителей принимает законопроект, то он направляется в Сенат, где его или вносят в календарь дебатов и затем проводят по нему голосование или передают на рассмотрение в Постоянный комитет для прохождения заново той же самой процедуры, что и в Палате представителей. В Постоянном комитете законопроект может прекратить свое существование или его могут направить на голосование в комитет Сената. В результате голосования в Сенате законопроект может быть отклонен или принят вариант Палаты представителей, как в первоначальном виде, так и с изменениями и дополнениями. Если Палата представителей отказывается согласиться с поправками и дополнениями Сената, тогда создается Комиссия по согласованию расхождений, в которую входят по несколько старших членов из каждой палаты. Если члены этой комиссии достигают компромисса, законопроект возвращается обратно в обе палаты для окончательного голосования. Законопроект, который не принят обеими палатами до очередных выборов в Конгресс, подлежит после выборов внесению на рассмотрение Конгресса заново и проходит все этапы установленной законом процедуры. Если обе палаты приняли законопроект, они направляют его президенту, который может подписать его, превратив, таким образом, в закон, или наложить на него вето. Президентское вето может быть преодолено двумя третями голосов членов обеих палат, присутствовавших на заседаниях и принявших участие в голосовании. В случае если президент не подписал законопроект в течение десяти дней после принятия его палатами, законопроект автоматически становится законом. Однако если в течение этих десяти дней Конгресс прервет свою работу, тогда считается, что президент наложил на законопроект косвенное вето (карманное вето), при этом законопроект фактически отвергается и не подлежит пересмотру в указанном выше порядке.

Единственный законопроект, который не проходит через этот законодательный лабиринт на пути превращения в закон, — это разрешительный билль, утверждающий определенную программу мероприятий и действий. Однако после этого Конгресс должен путем вышеописанной процедуры принять билль об ассигнованиях для финансирования мероприятий, перечисленных в разрешительном билле. Именно это законодателям иногда трудно сделать.

Принятие законопроекта может намеренно тормозиться использованием различных видов тактики проволочек, например таких, как занимающий много времени созыв кворума членов Сената. Действующие в Сенате правила позволяют небольшой, но исполненной решимости группе сенаторов препятствовать обсуждению и принятию законопроекта путем обструкции, вплоть до его окончательного отклонения, или же добиваться ослабления его содержания путем угрозы обструкции. Право на неограниченные по времени дебаты в Сенате сохранилось с самого раннего этапа его деятельности для обеспечения его исторической функции — ослаблению воли большинства в демократической системе государственного управления. За семьдесят лет до 1950-х годов южные демократы использовали тактику обструкции в Сенате для блокирования 257 законопроектов, внесенных с целью объявления вне закона суда Линча. В настоящее время обструкцию можно прекратить при помощи ходатайства о завершении дебатов, для которого требуется собрать шестьдесят голосов членов Сената, что сделать весьма непросто.

В период 1980 — 1990-х годов республиканцы использовали тактику обструкции чаще, чем демократы. Они подвергали обструкции или угрозе ее применения законопроекты по контролю над вооружениями, по государственному финансированию избирательных кампаний членов Конгресса, установлению пределов частного финансирования избирательных кампаний, легальным медицинским абортam в военных госпиталях, по оказанию военной помощи Эль-Сальвадору при условии соблюдения прав человека в этой стране, по умеренному повышению налогообложения богатых, по обеспечению регистрации в качестве избирателей бедных и безработных, по запрещению постоянного использования штрейкбрехеров вместо бастующих рабочих, а также против законопроекта о программе создания рабочих мест на общую сумму \$16,3 миллиарда^[669]. Только в течение 1993 года, первого года деятельности администрации президента Клинтона, республиканцы в Сенате вынудили прекратить обсуждение почти шестидесяти законопроектов. В 1998 году были провалены законопроект о запрещении лоббистских подарков и угощений и законопроект об отмене лазеек в финансировании избирательных кампаний только потому, что не удалось собрать

шестьдесят голосов членов Сената для преодоления угрозы обструкции.

Около 80% всех законопроектов не могут пробиться через законодательный лабиринт и стать законами. Но не только благоразумие законодателей оказывает решающее влияние на характер прохождения законопроектов через Сенат, в этом вопросе большое значение имеет классовая принадлежность законодателей. Законопроекты, предусматривающие оказание помощи нуждающимся, продвигаются очень медленно. Так, например, законопроект об ассигновании \$100 миллионов на создание летних рабочих мест для безработной молодежи обсуждался в Конгрессе в течение восьми месяцев, при этом были предприняты десятки попыток выхолостить его содержание с помощью многих поправок. Пилотный проект обеспечения школьными завтраками небольшого числа детей из малообеспеченных семей обсуждается уже невероятно долгое время. Однако когда банк Continental Illinois Bank оказался на грани банкротства, решение о предоставлении ему миллиардов долларов помощи было принято без особых обсуждений, буквально к вечеру того же рабочего дня. Сотни миллиардов долларов без промедления выделяются на спасение от краха ссудо-сберегательных ассоциаций. Миллиарды долларов на системы новых вооружений выделяются в течение нескольких дней. Законопроект о Североамериканском соглашении о свободе торговли законодатели протолкнули через Конгресс без поправок за два дня. А внутренние национальные программы, на согласование которых затрачены многие годы борьбы, урезаются на миллиарды долларов за несколько недель. Носители крупных финансовых интересов получают, возможно, не все, что хотят, но их запросы проходят в Конгрессе «по полосе скоростного движения».

Один сенатор-демократ напомнил своим коллегам по партии, что они слишком отзывчивы к запросам денежных магнатов и не очень заботятся о сохранении своего имиджа «партии народа». В своей речи перед сенаторами Рассел Лонг (демократ от штата Луизиана) затронул вопрос об использовании патентных прав на научно-технические достижения, полученные в результате работ по финансируемой государством космической программе стоимостью в \$25 миллиардов. Он заявил, что доходы от этих патентных прав необходимо использовать в интересах народа, а не оставлять их частным

корпорациям. При этом он заметил: «Многие из этих людей [из корпораций] располагают большим влиянием. Я, как и другие, обращался к некоторым из них с просьбами о пожертвованиях в пользу избирательной кампании моей партии и моей личной кампании... И тем не менее мы, демократы, можем считать себя защитниками общественных интересов до тех пор, пока мы выступаем, как в этом случае, в поддержку использования этих патентных средств в интересах народа»^[670]. Здесь сенатор Лонг дал прекрасный пример того, как необходимость сохранять демократический облик партии ведет к деятельности по защите общественных интересов.

Для некоторых членов Конгресса переизбрание на пост составляет главную цель, для других — это единственная цель. В любом случае большинство из них весьма преуспевают в этом деле. Сменяемость членов Конгресса в результате выборных кампаний редко составляет более 15 или 20%. Для этого имеется ряд причин.

Фонд избирательной кампании. По определению государственные должностные лица относятся к той категории людей, которые продемонстрировали свою способность собирать достаточные суммы денег и голосов избирателей в свою поддержку. Оказавшись на своем посту, они получают возможности мобилизовать в свою поддержку дополнительные финансовые средства. Члены Сената собирают средств вдвое больше, чем претенденты на этот пост, а члены Палаты представителей — в три раза больше, чем претенденты^[671].

Услуги жителям своего избирательного округа. Члены Конгресса добиваются поддержки путем оказания услуг жителям своего округа: например, путем содействия в назначении нуждающимся социальной пенсии или помещения инвалида в госпиталь для ветеранов. Они поддерживают служащих в управлении своего округа, оказывая мелкие услуги простым людям и крупные услуги влиятельным людям, собирая при этом голоса первых для предстоящих выборов и деньги в фонд своей избирательной кампании со вторых.

Приобретение известности и узнаваемости имени. Государственные должностные лица используют свое право бесплатной пересылки почтовой корреспонденции для связи с жителями округа и направления в их адрес информационных бюллетеней и рекламных материалов, в которых сообщается о самоотверженных усилиях данного должностного лица на благо жителей его избирательного

округа. Члены выборных органов выпускают пресс-релизы, добиваются появления своих имен в средствах массовой информации родного избирательного округа и получают преимущества на старте избирательной кампании за счет саморекламы и узнаваемости избирателями своего имени.

Доминирование одной партии. Некоторые штаты и избирательные округа по демографическим характеристикам населения склоняются к той или другой партии, и многие округа различными махинациями усиливают влияние одной партии до такой степени, что соперничающей партии становится очень трудно укрепить в них свои позиции.

Досрочный выход на пенсию. Высокая занятость и постоянные задачи сбора средств на политические кампании становятся причиной досрочного выхода членов Конгресса на пенсию. Одни испытывают разочарование в связи с невозможностью добиться крупных изменений, других привлекают доходные должности в частном секторе экономики. Щедрая пенсия является дополнительным стимулом выхода в отставку. Те, кому приходится выдерживать жесткое соперничество на перевыборах и у кого возникают проблемы при сборе средств в фонд избирательной кампании, обычно более склонны покинуть выборную должность, чем те, кто занимает надежные и хорошо оплачиваемые места.

Ограничения сроков пребывания на выборной должности

Некоторые консерваторы, в первую очередь президенты Никсон и Рейган, хотели отменить двадцать вторую поправку к Конституции, которая ограничивает время пребывания на посту президента двумя выборными сроками. Они не возражали против бессрочного пребывания в должности президентов от Республиканской партии. Консерваторы не выступали за ограничения сроков пребывания на посту членов Верховного суда или федеральных судей; в системе судебных органов много сравнительно молодых сторонников консервативной идеологии. Объектом их предложений по ограничению сроков пребывания на выборной должности является только Конгресс и законодательные органы тех штатов, в которых длительное время большинство сохраняют демократы. Консерваторы не имели ничего против пребывания без ограничений срока на должностях в Конгрессе, когда руководящие позиции во влиятельных комитетах занимали демократы из Южных штатов или республиканцы. Но, когда руководящие позиции начинали переходить к умеренным либералам или даже прогрессивным демократам, в том числе к Совещанию чернокожих в Конгрессе^[672], консерваторы начинали активно выступать за соблюдение сроков пребывания на выборной должности, причем совместно с некоторыми прогрессистами, которые считали, что соблюдение сроков позволит избавить Конгресс от окопавшихся в нем олигархов, внесет струю свежих идей и сделает характер работы законодателей более демократичным.

Обещая улучшить работу законодательного органа, соблюдение сроков пребывания на выборной должности, скорее всего, приведет к противоположному результату, способствуя частой сменяемости и низкой профессиональной квалификации членов Конгресса перед сильными и опытными структурами национальной безопасности и профессиональной бюрократии. Конгресс будет состоять в основном из новичков или депутатов второго срока пребывания на должности, которые окажутся еще более зависимыми от профессиональных лоббистов. Члены Конгресса будут еще более зависеть от технических

сотрудников аппарата, которые никем не избраны, включая сотрудников комитетов и подкомитетов, которые иногда служат там десятками лет. А если вспомнить, что для принятия широкой законодательной базы в интересах общества требуется много лет напряженной борьбы, тогда нам следует поинтересоваться, кто останется в Конгрессе в течение достаточно долгого срока, чтобы хорошо разбираться в проблемах, особенно тогда, когда в результате соблюдения сроков пребывания на должности оттуда уйдут в какой-то степени прогрессивные члены руководства, что как раз и является целью крупных спонсоров Конгресса.

Вопрос о сроках пребывания на выборной должности ставился на голосование в законодательных собраниях ряда штатов. Результат оказался таким, как и предвидели критики. В Калифорнии после принятия предложения о шестилетнем сроке пребывания в должности члена Нижней палаты законодательного органа и восьмилетнем сроке для члена Верхней палаты, руководство законодательного органа из числа либеральных демократов было вынуждено уйти в отставку. Теперь в обеих палатах законодательного органа сидят более слабые руководители вместе с «постоянно малоопытными законодателями», которых по всем параметрам превосходит «губернатор со своей многочисленной бюрократией, располагающей теперь большей властью, чем когда-либо». Лоббисты «стали более влиятельны, поскольку у них, как и у губернатора, есть время и опыт для манипулирования информацией». Без опытного руководства Ассамблеи и Сената законодатели часто допускают как тактические, так и процедурные ошибки. Иногда происходят продолжительные дебаты по незначительным резолюциям и, наоборот, недостаточно обсуждаются законопроектные серьезные значения. «Многие депутаты отвлекаются на избирательные кампании в другие выборные органы»^[673]. При коротких сроках пребывания в должности служба в выборном органе многими нередко рассматривается как временная карьера, как прелюдия к чему-то более значительному. Поэтому законодатели более склонны покидать должность даже до конца установленного законом срока для того, чтобы занять невыборную, назначаемую должность в Сенате штата или выставить свою кандидатуру в Конгресс США.

В законодательном собрании штата Мэн наблюдается та же самая картина. Дебаты по бюджету прошли за рекордно короткое время по

той причине, что недавно избранные законодатели, не полностью понимая, за что они голосуют, не использовали как следует время для обсуждения важных вопросов бюджета. Лидер большинства в Палате представителей штата Мэн, двадцатидевятилетний демократ, работающий в этом качестве всего лишь три года, замечает: «Начинаешь понимать, что сотрудники аппарата обладают в Законодательном собрании значительным влиянием, что можно также сказать и о лоббистах. Они имеют большую прееменственность в этом органе. При посещении заседаний комитетов обращаешь внимание на то, что новые депутаты заняты изменением законов, которые только недавно были приняты, или пересмотром законопроектов, которые только в прошлом году были полностью провалены»^[674]. Такая же ситуация со сроками пребывания на выборной должности наблюдается и других штатах. К 2008 году около двадцати законодательных органов штатов, в которых действует правило ограничения сроков пребывания, окажутся перед проблемой полной смены депутатов, что лишит их всяких следов законодательного опыта.

В 1992 году активно разрекламированные и хорошо профинансированные инициативы по установлению шести- или двенадцатилетних сроков пребывания на выборной должности в Нижней палате законодательного органа (в зависимости от штата) получили одобрение избирателей в четырнадцати штатах. Несколькими годами позднее, без оценки результатов введения таких сроков, Верховный суд постановил, что статья 1 Конституции запрещает штатам вводить новые уточняющие ограничения для кандидатов на должности в Конгресс, включая и тех действующих официальных лиц, которые выставляют свои кандидатуры на переизбрание^[675].

Достижения демократии

За Конгрессом стоит общественно-экономическая система частных корпораций с ее полным контролем над материальными ресурсами общества, над информацией и массовой пропагандой, с господствующим влиянием на учреждения культуры, с занимающими прочные позиции в государстве разработчиками политического курса, с организованными группами по оказанию давления, высокооплачиваемыми лоббистами, торгующими влиянием юристами и крупными частными фирмами, финансирующими избирательные кампании всех уровней. С учетом всего этого, удивительно, что в Конгрессе все еще одерживают какие-то демократические победы. И тем не менее прогрессивным силам время от времени удается достичь в Конгрессе определенных положительных результатов. Нельзя сказать, что законодатели совсем нечувствительны к воздействию со стороны простого народа. Голоса на выборах все еще имеют значение, и избиратели используют их по прямому назначению. В результате этого в течение ряда лет были приняты законы о здравоохранении, охране труда, защите окружающей среды, по программам обеспечения жильем и рабочими местами и другим подобного рода вещам.

Законодатели осуществляют демократический контроль над административными ведомствами, проверяя работу местных отделений Министерства труда и системы социального обеспечения, выясняя уровень финансирования раковых клиник, комплектацию штатных должностей в ведомстве по расследованию преступной деятельности, уровень зарплат в сельской больнице, выплату компенсаций по ранениям военным ветеранам и другие вопросы. Самый важный контрольный орган правительства Главное бюджетно-контрольное управление, созданное Конгрессом для расследования многих вещей, начиная с отходов военного производства и военных баз до нарушений экологии, действует по запросам законодателей и представляет отчеты непосредственно в Конгресс. Этот наблюдательный и контрольный орган Конгресса оказывает демократическое воздействие от имени простого народа, выявляя нерадивых и нарушителей, а также обличая скрытую федеральную бюрократию.

Даже в периоды нахождения у власти правых администраций президентов Рейгана и Буша, Конгресс одобрил расширение программы Medicare и усилил основные законы о гражданских правах, о федеральных нормах деловой этики и программе по охране окружающей среды. Конгресс принял программы оказания помощи больным СПИДом, наркоманам, бездомным, расширил программы страхования на случай безработицы и принял меры по защите рабочих от массовых увольнений. Федеральные законодатели приняли закон о заблаговременном уведомлении о закрытии предприятия и наложили санкции на Южно-Африканскую Республику за проведение ею расистской политики апартеида. Таким образом, Конгресс — это не только арена обеспечения особых интересов. Это также место, где иногда разрешаются более крупные проблемы критического для общества характера.

В Палате представителей заседают около девяноста прогрессивных конгрессменов^[676], которые зачастую откликаются на нужды большинства скорее, чем на корыстные запросы меньшинства населения. Их позиция определяется их собственными политическими убеждениями, а также влиянием со стороны народа. Те победы, которые они одержали, это почти всегда результат ожесточенной борьбы, поскольку основные политические позиции заняты консервативной коалицией, состоящей в основном из республиканцев и консервативных «новых демократов», которые смыкаются с весьма консервативным Советом руководства Демократической партии, которому часто удается заблокировать или нанести серьезный ущерб программам либеральных изменений. А когда на их стороне оказывается еще и Белый дом, консерваторы добиваются серьезных побед в борьбе против завоеваний трудящихся и групп защиты общественных интересов.

В целом Конгресс остается тем местом, где все-таки могут происходить демократические изменения, где прогрессивные силы могут организовывать наступление на установленный консерваторами порядок и держать оборону (отчасти успешную) против наступления свободного рынка. Более демократичным будет такой Конгресс, который станет более отзывчивым к чаяниям избирателей и менее зависимым от финансовой поддержки со стороны крупного бизнеса. Как этого достичь? Единственные деньги, которые могут поступить без сопровождающих условий, это деньги от каждого гражданина в равной

степени, от каждого налогоплательщика и поступающие через их правительство. Это деньги, которые не ставят официальных лиц государства в зависимость от интересов бизнеса и других привилегированных групп. Нам необходима система государственного финансирования избирательных кампаний, которая нейтрализовала бы влияние частных денег на выборы. Нам нужно полное государственное финансирование избирательных кампаний в Палату представителей и Сенат Конгресса, а также предварительных выборов. Кандидаты, принимающие государственное финансирование, должны будут согласиться на ограничение предела расходов на свою избирательную кампанию размерами государственных ассигнований. Те же, кто не согласен финансировать свои выборы за счет денег налогоплательщика, смогут быть свободны от этого предела на объем финансирования, но их оппоненты получат право на уравнивание своих избирательных фондов с любым объемом фонда, который тратит на свою избирательную кампанию кандидат с частным финансированием. Частное финансирование без установления пределов его объема может быть разрешено, но оно должно нейтрализоваться и уравниваться государственным финансированием. Кроме того, лазейки с так называемыми «мягкими деньгами» на финансирование политических кампаний, о которых говорилось в предыдущей главе, следует полностью исключить.

Необходимо наложить строжайший запрет на привилегии и дополнительные льготы со стороны лоббистов, денежные вознаграждения, бесплатные поездки и другие подарки и услуги, которые являются не чем другим, как узаконенными взятками. И наконец, радио- и телевещательные средства массовой информации должны выделить бесплатное и одинаковое для всех кандидатов время в период избирательной кампании. Радиоэфир принадлежит всему американскому народу, является частью его общего достояния. Владельцы радиостанций получают лицензию на использование диапазонов радиоволн, но не владеют ими. И нельзя считать посягательством на их право свободы слова, если их обяжут, как службу общественного пользования, предоставить часть времени радиовещания для выступления официальных лиц, которые хотят реализовать свое право свободы слова.

При государственном финансировании избирательных кампаний, установленных пределах частных привилегий и льгот и бесплатном

доступе к средствам массовой информации кандидаты на должности и действующие официальные лица будут освобождены от непрерывного поиска и сбора денежных средств и станут меньше зависеть от интересов крупного бизнеса. А основные государственные учреждения будут более доступны другим гражданам, помимо тех, кто богат, или тех, кого поддерживают богатые.

15.

Президент — хранитель системы

В этой главе наша задача заключается в том, чтобы взглянуть без преклонения на институт президентства. Обычно говорят, что президент выполняет много функций: он — глава исполнительной власти, «главный законодатель», главнокомандующий Вооруженных сил, глава государства и лидер партии. Редко упоминается такая функция президента, как покровитель и хранитель корпоративного капитализма. Президент — олицетворение государства с центральной ролью исполнительной власти, который защищает интересы американских корпораций внутри страны и за рубежом.

Торговый агент системы

Президенты вносят значительный вклад в привитие народу идеологии правящего класса. У каждого современного президента имеется много возможностей для того, чтобы «превозносить систему свободного предпринимательства» и обличать альтернативные ей системы, построенные на принципе коллективизма. Президент — высший торговый агент американского государственного строя. «Америка — гордая и уверенная в себе. Америка — самая великая», — торжественно провозгласил президент Рональд Рейган перед всей нацией, в которой тридцать пять миллионов граждан живут ниже уровня бедности, у которой рекордный торговый дефицит и стремительный рост государственного долга. Процветание, говорят нам наши президенты, уже здесь или недалеко отсюда — но то же самое и с нашими врагами-эсктремистами, будь то коммунисты, революционеры, террористы, исламские фанатики или еще кто-нибудь. У нас нет недостатка противников за границей, которые, судя по всему, только и ждут, чтобы наброситься на Соединенные Штаты, но их удерживает огромный военный бюджет США и сильные структуры национальной безопасности. Президенты обычно приуменьшают кризисы, связанные с экономикой, и подчеркивают те кризисные ситуации, которые нужны для оправдания расходов на вооружения, заграничные военные операции и «реформы» свободного рынка.

Вне зависимости от того, демократ или республиканец, либерал или консерватор, президент всегда склонен рассматривать капиталистические интересы в качестве синонима благосостояния всей нации. Президенты приветствуют накопление богатства как проявление здоровья народного хозяйства вне зависимости от того, как это богатство используется и распределяется. «Америка достигнет новых высот, увлекаемая вперед свободой и прибылью», — объявил президент Рейган. «Это страна свободного предпринимательства, — сказал президент Клинтон. — Я хочу, чтобы в период моего президентства в стране появилось больше миллионеров, чем во время президентства Буша и Куэйла»^[677].

Президенты характеризуют зарубежные инвестиции гигантских американских корпораций как «интересы США» за рубежом, которые

необходимо защищать любой ценой, и, скорее всего, большой ценой для населения США. Главным обязательством президентов за рубежом является не верность демократии, как таковой, а верность капитализму свободного рынка. В своей речи в ООН 27 сентября 1993 года президент Клинтон сказал: «Наша главная цель заключается в расширении и укреплении мирового сообщества демократий, развивающихся на основе свободного рынка». На самом деле президенты США поддерживали множество рыночных автократий в Латинской Америке, на Среднем Востоке и в других местах. В то же время они способствовали разрушению множества народных правительств, которые стремились найти альтернативу корпоративизму свободного рынка, как это было в Чили, Никарагуа, Южном Йемене, Индонезии, Восточном Тиморе, Мозамбике и Югославии. При этом они демонстрировали, что главный интерес для них представляет не «демократия», а то, что «на основе свободного рынка»^[678].

На Конституционном Конвенте богатый плантатор Чарльз Пинкни предложил не выдвигать в кандидаты на президентский пост лиц, состояние которых не достигает по меньшей мере ста тысяч долларов — для 1787 года очень значительная сумма. Хотя это предложение никогда не было записано в Конституцию, создается впечатление, что ему все-таки следуют на практике. Со времени окончания Второй мировой войны и зачастую до нее почти все кандидаты в президенты в списках Республиканской и Демократической партий были миллионерами или уже во время проведения избирательной кампании, или ко времени ухода с президентской должности.

Можно оценить различные аспекты социального положения двух главных кандидатов на президентских выборах 2000 года.

Вице-президент и мультимиллионер Эл Гор состоял в Демократической партии; его отец был членом Сената США. Соперник Гора губернатор штата Техас и мультимиллионер Джордж У. Буш состоял в Республиканской партии; его отец был членом Сената, а затем президентом США.

Гор окончил элитную частную среднюю школу, а затем Гарвардский университет — элитный университет Лиги плюща. Буш окончил элитную частную среднюю школу, а затем Йельский университет — элитный университет Лиги плюща.

Гор впервые выставил свою кандидатуру на выборах в Конгресс в 1976 году в возрасте двадцати восьми лет; он начинал работу в компании Occidental Petroleum, когда там еще работал его отец. Буш впервые выставил свою кандидатуру на выборах в Конгресс в 1978 году в возрасте тридцати двух лет; он долго проработал в частном бизнесе здравоохранения, а затем в нефтяной отрасли, когда там еще работал его отец.

Гор выступает в поддержку Североамериканского соглашения о свободе торговли, Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и других соглашений о свободной торговле, которые служат международному финансовому капиталу, а также поддерживает субсидии на многие миллиарды долларов американским корпорациям. Это же поддерживает и Буш.

Гор выступает в поддержку огромной военной машины США и их глобальную империю. Все это также поддерживает и Буш.

Президенты приглашали своих высших советников и администраторов, в основном из промышленного и банковского секторов экономики, и более всего доверяли мнению лидеров корпораций. Одно из описаний президента Форда можно легко отнести ко многим другим хозяевам Белого дома: «По вопросам, связанным с нефтью, он придерживается оценок крупных международных нефтяных компаний точно так же, как благожелательно воспринимает советы представителей других сфер бизнеса по вопросам их интересов... Он... твердый сторонник идеологии грубого индивидуализма, свободного рынка и конкуренции цен. Это всё достоинства, которые существуют скорее в его голове, чем в реальной практике международного нефтяного бизнеса»^[679].

Каковы бы ни были его классовые корни, для президента, вероятно, не так просто осознавать всю тяжесть, которая выпадает на долю рабочего класса. В своем Белом доме он живет в роскоши, как монарх, без оплаты аренды за большой особняк со 132 комнатами на земельном участке площадью в восемнадцать акров. Штат прислуги составляет около сотни человек, включая шесть дворецких и пять цветоводов. Имеется хорошо укомплектованный винный погреб, теннисные корты, отдельный кинозал, спортивный зал, кегельбан, открытый бассейн с подогретой водой. Кроме того, у президента есть бесплатный личный врач, дюжина лимузинов с водителями и несколько

вертолетов и реактивных самолетов, включая самолет президента США. У него есть шикарное поместье Кэмп-Дэвид, а также другие поместья для отдыха в загородной местности. Президент пользуется оплаченным отпуском, располагает сметой специальных расходов и имеет — для немногих оставшихся вещей, за которые нужно все-таки платить, — годовой оклад в размере \$200 000.

Журналисты и политологи назвали объем обязанностей президента «работой, убивающей человека». Однако президенты отдыхают больше и живут намного лучше и дольше, чем средний американский мужчина. После ухода с должности они продолжают кормиться от «казенного пирога». Четыре бывших президента (Форд, Картер, Рейган и Буш) — мультимиллионеры, однако каждый из них получает от \$500 000 до \$700 000 ежегодной пенсии, имеет свой офис, персонал, средства на оплату командировочных расходов, а также постоянную охрану от секретной службы Министерства финансов США, которая ежегодно обходится на каждого в \$5 миллионов. Некоторые бывшие президенты получают и другие доходы и привилегии, как, например, когда некая группа частных лиц, называющих себя «независимые богатые», выделила по \$125 000 от каждого участника и купила дом стоимостью \$2,5 миллиона в фешенебельном районе Бель-Эйр в штате Калифорния, который она подарила президенту Рейгану при его уходе с поста в отставку в знак признания за все то, что он сделал для очень богатых людей^[680].

Крупные жертвователи средств Белому дому могут не признавать, что они пытаются купить влияние, но если оказывается, что после выборов у них или у их фирм возникают проблемы, решить которые способен Белый дом, они не видят причин, почему бы им не воспользоваться своими правами и не попросить своего избранного представителя, который теперь стал их другом, президента Соединенных Штатов, оказать им небольшую помощь.

Президенты способны торговать благосклонностью и поддержкой за деньги, как какой-нибудь торгующий влиянием и представляющий особые интересы местный политик, только в значительно более крупном масштабе. Президенты уделяют внимание тем людям, которые занимаются сбором средств для их политических кампаний, и приглашают крупных жертвователей средств на обеды в Белый дом. Администрация президента Никсона помогла уладить

многомиллиардный судебный иск против корпорации IT&T и получила от нее добровольный взнос в сумме \$400 000. Президент Никсон дал указание сотрудникам своей администрации выжать значительные пожертвования из трех крупных групп, занимающихся производством молочных продуктов, после того как он пообещал увеличение федеральных субсидии производителям молока. Президент Рейган протолкнул решения об отмене государственного регулирования цен на нефть и автомобильный бензин и получил огромные пожертвования от нефтеперерабатывающей промышленности. Члены команды по проведению выборов президента Буша (Team 100), в состав которой входили 249 богатых финансистов и высших руководителей корпораций, сложились по \$100 000 каждый для того, чтобы помочь ему на выборах 1988 года. В ответ им было предоставлено право пользования специальными исключениями из правил государственного регулирования и законодательства^[681].

Президенты награждают крупных жертвователей средств постами и полномочиями послов в самых интересных странах. Буш получил около \$900 000 от некоторых лиц, которых он впоследствии назначил послами, хотя у них не было для этого соответствующего политического и дипломатического опыта. Никсон настаивал на том, чтобы от людей, которых назначили послами, потребовали уплаты по меньшей мере \$25 000.^[682]

Говорят, что величие должности способствует величию того, кто ее занимает, то есть даже люди посредственных способностей и качеств преобразуются в прямой зависимости от президентской ответственности и полномочий. При более пристальном рассмотрении выясняется, что высокая должность одинаково легко способствовала облагораживанию и коррумпированию президентов, которые становились склонными к фарисейскому самоутверждению, к публичной демонстрации своей военной «жесткости» по отношению к слабым государствам и оказывались способными действовать незаконными методами. Так, по меньшей мере шесть президентов прибегали к использованию незаконных методов подслушивания через посредство ФБР для сбора компрометирующей информации о своих политических соперниках. Магнитофонные пленки из Белого дома, на которых были записаны разговоры Никсона в Овальном кабинете, показали его своекорыстным, злопамятным и нетерпимым человеком с

ограниченным умом, что величественная должность могла прикрыть, но не могла изменить. Официальные аудиторские проверки выявили, что Никсон истратил свыше \$2,4 миллиона средств налогоплательщиков на проведение работ в своем имении и недоплатил налогов на сумму \$444 022. Иногда он требовал от Налогового управления США прекратить аудиторские проверки в отношении доходов своих друзей и заняться его политическими противниками^[683]. Президент Рейган неоднократно фабриковал выдумки и истории о событиях, которых не было. Дело «Иран-контрас» показало, что он лживый манипулятор, заявляющий о проведении одной политической линии, а проводящий совсем другую и считающий себя неподотчетным Конгрессу и закону.

Два лица президента

Президенты стараются любым способом создать себе привлекательную репутацию или ярлык для того, чтобы еще больше понравиться людям. У президента Рузвельта была политика под названием «Новый курс», у Трумэна — «Справедливый курс», у Кеннеди — «Новые рубежи», у Джонсона — «Великое общество», у Рейгана — «Американское возрождение», у Буша — «Новый мировой порядок» и у Клинтона — «Новое процветание».

Одной из новых ролей президента можно назвать роль главного лжеца, которая возникает, когда он предлагает общественности вводящую в заблуждение смесь популистской риторики и политики плутократов. Возьмем, к примеру, Джона Кеннеди, либерального президента, которого часто превозносили за его стремление помочь обездоленным людям. Во внешнеполитической области Кеннеди говорил о международном мире и самоопределении, однако при нем было совершено нападение на антикапиталистическую Кубу, резко возросли военные расходы, он учредил новые программы борьбы с повстанческими движениями в странах «третьего мира» и послал военных советников во Вьетнам. Внутри страны Кеннеди представлял себя защитником гражданских прав, однако не стал возбуждать судебные дела в поддержку антидискриминационных мер и мало сделал для предотвращения неоднократных нападений на активистов движений за гражданские права на Юге страны. Он говорил так, как будто был другом трудящихся, и в то же время навязал профсоюзам ограничение заработной платы в тот момент, когда покупательная способность трудящихся находилась в застое или даже снижалась. Он выступил против введения тридцатипятичасовой рабочей недели, провел сокращение ставок прогрессивного налогообложения и придерживался политики дефицитного бюджетного финансирования, при котором прибыли росли, а безработица не уменьшалась^[684]. (Тем не менее правые ненавидели Кеннеди из-за его призыва пересмотреть наше отношение к Советскому Союзу, его разногласий с Федеральной резервной системой и сталелитейной промышленностью, его благожелательного отношения к лидерам движений за гражданские права и из-за подписанного им с Советами договора о запрещении

испытаний атомного оружия в атмосфере. А также из-за его попыток взять под контроль деятельность Центрального разведывательного управления, его сопротивления дальнейшим попыткам вторжения на Кубу и его нежелания начать масштабную наземную войну во Вьетнаме.)

Президенты Ричард Никсон и Джеральд Форд выступали в защиту окружающей среды, а затем открыли новые лесные угодья для коммерческой эксплуатации и открытых горнорудных разработок. Оба лицемерно уверяли в своем сочувствии к проблемам ветеранов вьетнамской войны, к бедственному положению престарелых людей и к нуждам бедных, однако урезали пособия этим группам граждан. Президент Джимми Картер обещал сократить военный бюджет, а вместо этого увеличил его. Он обещал снизить уровень торговли оружием, однако при его администрации торговля оружием возросла до новых высот. Он говорил о помощи нуждающимся, а предложил сократить летние рабочие места для молодежи, программы улучшения питания детей из малообеспеченных семей и другие пособия и в то же время предложил щедрые кредиты и субсидии крупному бизнесу^[685].

Разрыв между риторикой и политикой в годы пребывания у власти президента Рейгана вырос до размеров пропасти. Рейган прославлял ветеранов за принесенные ими жертвы, однако предложил бюджет, в котором были сокращены ассигнования на здравоохранение для ветеранов. Выступая перед аудиторией афроамериканцев в Вашингтоне, он представил себя как поборника расового равенства, не упомянув о том, что он одобрил налоговые скидки для сегрегированных частных школ, резко сократил программы для центральных частей городов (зачастую перенаселенных и застроенных старыми домами. — *Примеч. пер.*) и мало сделал для обеспечения соблюдения существующего законодательства в области гражданских прав. Он объявил, что его налоговые сокращения произведены в пользу трудящихся, а не богатых, хотя цифры говорят об обратном. Он провозгласил себя решительным защитником окружающей среды и в то же время попытался выхолостить действующие ограничения в этой области. Он призвал к господству закона внутри страны и в международных делах и тем не менее начал неспровоцированное вторжение в Гренаду, войну с помощью наемников против Никарагуа и

отказался принять юрисдикцию Мирового суда ООН, когда Никарагуа возбудила судебное дело в этом трибунале^[686].



Надпись на заводе за окном: «Сталелитейная компания...»

Затем появился президент Буш, который провозгласил себя «президентом образования», однако срезал ассигнования на образование для детей из неблагополучных семей и для других категорий детей. Объявляя себя «президентом защиты окружающей среды», он вывел обширные территории сильно увлажненных земель (водно-болотистые угодья. — *Примеч. пер.*) из-под федеральной защиты и выступил против международных мер по предотвращению глобального потепления климата и разрушения озонового слоя. Он говорил о сохранении семейных ценностей, однако наложил вето на законопроект, разрешающий предоставление рабочим неоплачиваемых отпусков, чтобы они имели возможность, например, ухаживать за заболевшим членом семьи или новорожденным ребенком. Он санкционировал вторжение в Панаму якобы в целях ареста президента Норьеги за преступную торговлю наркотиками, однако сам в течение

многих лет поддерживал тесные отношения с различными, связанными с ЦРУ, наркоторговцами и руководил администрацией, серьезно вовлеченной в сомнительные сделки^[687].

«Набраться смелости для проведения изменений» — это был лозунг избирательной кампании, которая привела Билла Клинтона на пост президента в 1992 году, однако он, судя по всему, был не очень заинтересован в изменениях. Он обещал реформу законодательства о труде, но за восемь лет пребывания в должности не сделал ничего для либерализации этого законодательства, которое дополнительно усложнило процесс создания профсоюзов. Он фактически снизил ассигнования на коммунальные услуги с того уровня, на котором они были при президенте Буше, включая снижение на \$3 миллиарда объемов программ строительства жилья для граждан с низкими доходами. Он выступал в защиту программ правовой защиты интересов исторически ущемленных групп населения в то время, когда акции этих программ подвергались оспариванию в судах, однако затем провел резкое сокращение объемов этих же самых программ. Он торжественно обещал защищать окружающую среду, а затем ослабил наказания за загрязнение среды разливами нефти и поддержал план использования вековых лесных заповедников для лесозаготовок. Выступая на специальной сессии ООН, он заявил, что мы не можем не замечать эффекта глобального потепления, которое подвергает риску всю нашу планету, однако «прекратил выполнять обязательства по сокращению выбросов парниковых газов, на которых настаивали партнеры по договору». Против сокращения выбросов парниковых газов «выступали автомобильные, нефтяные и другие компании тяжелой промышленности»^[688].

В области международных отношений Клинтон говорил о планировании нового курса, однако пошел тем же путем, что и его предшественники. Он подверг бомбардировке Ирак, воспользовавшись ошибочным предлогом, и в течение восьми лет поддерживал против этой страны санкции, что повлекло за собой смерть десятков тысяч людей. Он продолжил начатую президентом Бушем вооруженную интервенцию в Сомали. В конце концов он вывел войска, но только после резких протестов общественности в связи с понесенными крупными потерями в живой силе. Он круглосуточно бомбил Югославию в течение семидесяти восьми дней, что привело к смерти

значительно большего числа людей и вызвало более масштабные разрушения, чем в ходе той гражданской войны, которую он, по его словам, стремился прекратить. Он призывал к самоопределению народов, но послал войска для оккупации Боснии, Македонии и Косова. Подобно другим президентам до него, Клинтон поддерживал наносящее крупный ущерб эмбарго против Кубы. Он призвал к миру и демократии на Гаити, однако поддержал милитаристов и пытался сорвать демократические выборы 2000 года, в которых победила партия, проводившая более популистскую политику против свободного рынка.

Президент Клинтон сообщил о своем намерении увеличить финансирование разведывательных операций и сохранить ЦРУ на том же уровне. Он публично принес официальные извинения народу Гватемалы за ту роль, которую сыграли США в подготовке и оказании помощи гватемальским военным, проводившим политику геноцида и «выжженной земли», унесшей в период 1981 — 1983 годов жизни около 150 000 гватемальцев, в основном в высокогорной местности Майанс. И в то же время его администрация повторно начала военную подготовку и оказание помощи гватемальским военным, хотя жестокие нарушения прав человека в стране продолжались ^[689].

Клинтон состоял членом финансируемого корпорациями Совета руководства Демократической партии — собрания «Новых демократов», которые придерживаются позиций, во многом схожих с позициями республиканцев в Конгрессе, и в частности: военные расходы на уровне периода «холодной войны»; оказание военной помощи Саудовской Аравии, Турции, Индонезии и дюжине других государств правой ориентации; размывание демократического суверенитета государств путем принятия Североамериканского соглашения о свободе торговли (NAFTA) и Генерального соглашения по тарифам и торговле (GATT); корпоративная программа «ускоренного проталкивания через Конгресс» других соглашений о «свободе торговли»; оппозиция запрету на атомное оружие; вывод ракет в космос («Звездные войны»); введение в уголовный кодекс на федеральном уровне шестидесяти новых преступлений, за которые полагается смертная казнь; сокращение пособий семьям по программам Medicare и помощи нетрудоспособным; приватизация части программы государственных пособий по нетрудоспособности; открытие заповедных нетронутых

природных регионов Аляски для работ по поиску месторождений нефти; запрет однополых браков; ликвидация федеральных программ, которые резервируют часть контрактов для этнических меньшинств и компаний, принадлежащих женщинам; укрепление контроля корпораций над радио и телевидением; увеличение расходов на тюрьмы и полицию; отказ от государственной системы медицинского страхования и сокращение прав иммигрантов^[690].

Многие из назначенцев Клинтона пришли из крупных корпораций. Некоторых из небольшого числа предложенных им либеральных назначенцев, таких, как Лэни Гиньер, быстро отзывали обратно после встречи с консервативной оппозицией. Клинтон вновь назначил ультраконсервативного республиканца Алена Гринспена на должность председателя влиятельной Федеральной резервной системы и республиканцев на должности министра обороны и государственного секретаря, а также на должности специальных советников своего аппарата. Однако опросы общественного мнения показывали, что большинство людей все равно считали Клинтона либералом и любили его за это. Они правильно восприняли его либеральную позицию по небольшому числу таких вопросов, как право женщин на аборт, но они не знали о многих его консервативных позициях и взглядах. Большинство респондентов в опросах общественного мнения считали, что он выступает против предложенных Республиканской партией сокращений пособий системы государственного социального обеспечения (welfare), хотя на самом деле он активно поддерживал ликвидацию этой системы. Только один из четырех опрошенных знал, что он оказывал предпочтение расширению частных систем медицинского страхования, почти 60% ошибочно полагали, что он поддерживал государственную систему медицинского страхования. Большинство считало, что в его избирательные кампании больше денежных взносов сделали профсоюзы, а не крупный бизнес, и только небольшое число людей знали, что все обстояло как раз наоборот. В целом большинство людей знало, когда Клинтон занимал либеральную позицию, а когда он скрывал свои более консервативные взгляды. Республиканцы называли его явным леваком, что было ошибочным обвинением, которое, однако, получило широкое распространение в корпоративных средствах массовой информации. Общественность верила этому и, судя по всему, не возражала против этого: «По-

видимому, их устраивала его программа действий, даже если, как потом выяснялось, они не знали, что это такое»^[691]. Во всем этом Клинтон выполнял роль президента государства, в котором доминируют частные корпорации. Таким образом он убеждал граждан, что он — «их человек», хотя на самом деле он был другой.

Роль президента в системе власти

Если президентам свойственно говорить одно, а действовать совсем иначе, то это происходит не потому, что разным лицам, занимающим этот пост, одинаково присущ врожденный порок, а потому, что такова природа этой должности. Подобно другим политикам, но только в большей степени, президент зажат между требованиями демократии и властью плутократии. От него требуется удовлетворять интересы корпоративной Америки и создавать видимость служения народу.

Он также должен делать для капиталистической системы то, что индивидуальный капиталист сделать для нее не может. Президент обязан улаживать конфликты между различными группами интересов, как правило, вынося решения в пользу крупного бизнеса и крупного финансового капитала, против мелкого производителя и мелкого бизнеса. Иногда ему приходится выступать против интересов отдельных компаний или отраслей производства с целью обеспечить потребности всей корпоративной экономики. Следовательно, он может бороться с какой-либо отраслью промышленности, например со сталелитейной, как это делал Кеннеди, для того чтобы понизить цены и ослабить воздействие инфляции на интересы других производителей. Принимая участие в такого рода конфликтах, президент выступает против частных интересов от имени и в поддержку общих интересов, удерживая свободный рынок от саморазрушения. Фактически эту позицию можно было бы охарактеризовать как *защиту общих интересов от частных интересов*. Такие действия могут навлечь на него раздражение руководителей корпораций, которые болезненно реагируют даже на небольшую уступку.

Успех, который достается любой группе, добившейся содействия Белого дома, обусловлен не правотой ее дела, а тем местом, которое она занимает в структуре своего класса. Если большая группа бедных рабочих-мигрантов и немногочисленная группа руководителей аэрокосмической промышленности одновременно добиваются помощи президента, нетрудно предсказать, какая из них с большей вероятностью ее добьется. Свидетельством могут служить события в апреле 1971 года.

- Приблизительно от восьмидесяти до девяноста тысяч сельскохозяйственных рабочих-мигрантов во Флориде, лишившихся из-за неурожая работы и пособий по безработице, оказались без средств содержания своих семей. Рабочие проводили мирные демонстрации с большим числом участников недалеко от летней резиденции президента Никсона во Флориде, надеясь на его содействие. Их встретила полиция, которая разогнала мирную демонстрацию с помощью дубинок. В конце концов эти сельскохозяйственные округа были объявлены зоной бедствия. В результате срочная финансовая помощь правительства попала в руки хозяев крупных плантаций, которые понесли потери из-за неурожая. С тех пор рабочие-мигранты более не допускались в этот штат, они потеряли право на помощь и не получили ни одного доллара^[692].

- В течение той же недели, когда полиция избивала сельскохозяйственных рабочих дубинками, руководители аэрокосмической промышленности несколько раз звонили в Вашингтон, и после этого были приглашены на частную встречу с президентом для обсуждения проблем их компаний. Вечером того же дня Белый дом объявил о предоставлении аэрокосмической отрасли промышленности разрешения на осуществление перебазирования объектов и переобучение персонала на общую сумму \$42 миллиона, другими словами, на предоставление помощи высшим руководителям, ученым и инженерам. Проект необходимых расходов, подготовленный этими фирмами, был без промедления принят администрацией Никсона даже без предварительного изучения^[693].

Шел ли президент навстречу «национальным интересам» или «особым интересам», оказывая помощь аэрокосмической отрасли промышленности? Многое зависит от того, что и как называть. Если считать национальными интересами рост любой ценой прибылей и влияния военно-промышленного комплекса, частью которого является аэрокосмическая отрасль, тогда президент исходил из «национальных интересов». Главная задача президента состоит в оказании содействия корпоративной экономике страны, а не в поддержке сельскохозяйственных рабочих, которые являются маргинальной группой населения и по этой причине представляют ограниченный интерес. Исходя из этой логики, когда рабочие своими действиями разрушают и ослабляют хребет промышленности, как это делали

бастующие шахтеры, железнодорожники и сталелитейщики, президент может посчитать целесообразным разобратся без долгих рассуждений именно с ними.

Когда Рональд Рейган жаловался, что группы «особых интересов» оказывают сопротивление его попыткам сократить некоторые статьи государственного бюджета, что, по его мнению, было бы полезным для национальных интересов, он использовал давний прием политологов, определивших «особые» и «национальные» интересы как некий антипод (типа *узкий — широкий*), не имеющий отношения к интересам общественных классов (типа *хозяева против наемных служащих и потребителей*). Таким образом, Рейган получил возможность характеризовать социальные нужды трудящихся (миллионов избирателей) как «особые» интересы, а интересы замкнутого круга крупных компаний — как «национальные», и более того — «международного масштаба». Некоторые станут утверждать, что создание благоприятных условий крупным отраслям промышленности за счет трудящихся, налогоплательщиков и потребителей нельзя отнести к национальным интересам. И то, что корпоративные холдинги по характеру сферы своей деятельности являются национальными или многонациональными, совсем не означает, что они представляют интересы всего населения страны. Понятия «национальные интересы» или «государственные интересы» должны включать интересы массы простых людей, а не только относительно небольших групп корпоративных элит. Вопреки известному, широко пропагандируемому мифу, государственные средства, выделенные привилегированному меньшинству, не «просачиваются сверху вниз» к народным массам, и это могут подтвердить голодающие сельскохозяйственные рабочие.

Вне зависимости от того, какую позицию принять, становится ясно, что нейтрального определения национальных интересов не существует. Какую бы политику ни проводил президент, он всегда оказывает содействие одним классовым интересам в большей степени, чем другим. Теперь уже фактом истории является выбор президентом того определения «национальных интересов», которое выгодно гигантским многопрофильным корпорациям и дорого обходится нам, простым смертным.

Первоначальное предназначение коллегии выборщиков

В соответствии со статьей 2 раздела 1 Конституции США, президент напрямую выбирается не народом, а большинством «выборщиков», назначаемых по усмотрению законодательных органов различных штатов. Число выборщиков в каждом штате равно общему числу его представителей в Нижней палате Конгресса и Сенате. При выборах президента мы на самом деле голосуем за тот или иной список назначенных выборщиков, которые морально, но не во всех штатах юридически обязаны придерживаться результатов народного голосования^[694]. Начиная с 1796 года по меньшей мере пятнадцать выборщиков, вопреки ожиданиям, не поддержали кандидатов от своих партий. Так, в 1960 году выборщик Никсона в штате Оклахома проголосовал за сенатора Гарри Бирда, так же как и шесть из одиннадцати выборщиков штата Алабама, обязанных голосовать за Джона Кеннеди. Двадцать шесть штатов, представляющих 268 голосов выборщиков, приняли законы, обязывающие выборщиков следовать результатам народного голосования. Верховный суд США объявил эти законы соответствующими Конституции.

«Коллегия выборщиков» в ее первоначальном предназначении являлась недемократическим механизмом, созданным авторами Конституции для того, чтобы выполнять функцию фильтра для чрезмерных народных эмоций. Следуя своим классовым предубеждениям и интересам, авторы Конституции предполагали, что выборщики — как правило, состоятельные и образованные джентльмены — соберутся в административных центрах своих штатов за несколько месяцев до выборов для обсуждения кандидатуры президента, действуя при этом в качестве демпфера интенсивных народных эмоций и страстей. Ожидалось, что кандидаты редко смогут набрать большинство голосов коллегии выборщиков и в таком случае выборы будут проводиться в Палате представителей Конгресса, где каждый штат будет голосовать как единое целое. Установив в каждом штате процедуру голосования на основе принципа «победитель получает все», для кандидата, который завоевывает большинство

голосов в ходе выборов, коллегия выборщиков создает искусственное или преувеличенное большинство. Так, в 1984 году Рейган получил 58,8% голосов избирателей, но 97,5% голосов выборщиков. *Распределение голосов* иногда становится более важным, чем действительное число голосов. В 1976 году Джеральд Форд выиграл выборы с перевесом в 5558 голосов в штате Огайо и в 3686 голосов на Гавайях, что дало ему большинство голосов выборщиков (270), и он обошел Картера, получившего 50,4% голосов избирателей, что составило свыше 1,5 миллиона голосов. В 2000 году демократ Эл Гор одержал победу на выборах с перевесом свыше полумиллиона голосов, однако в целом проиграл президентские выборы Джорджу У. Бушу, победившему незначительным большинством голосов выборщиков, что многие наблюдатели расценили как украденную победу во Флориде.

Коллегия выборщиков искажает результаты народного голосования, добавляя каждому штату, вне зависимости от численности его населения, два дополнительных голоса (число мест, принадлежащих каждому штату в Сенате США). Поскольку республиканцы контролируют ряд сравнительно малонаселенных Западных и Южных штатов страны, это дает им больше голосов выборщиков относительно результатов народного голосования, что помогает объяснить, каким образом в 2000 году Буш смог получить больше голосов выборщиков при меньшем, чем у Гора, числе голосов избирателей: он получил голоса выборщиков от большего числа штатов. Это почти невозможно для кандидата третьей партии, которую может поддерживать небольшой процент избирателей равномерно по всей стране, а не концентрированно в одном регионе или в нескольких штатах, что требуется для того, чтобы одержать победу на выборах в каком-либо штате или получить голоса выборщиков. Такое положение дополнительно отбивает у избирателей желание голосовать за кандидатов от третьей партии.

Нередко утверждают, что, выступая от массы избирателей крупных штатов, коллегии выборщиков приобретают особенно большое значение, а поскольку такие крупные штаты, как Нью-Йорк и Калифорния, в политическом плане склоняются к либерализму, то это дает преимущество либералам. Однако между размером штата и его политической ориентацией нет жесткой взаимосвязи. Например, Техас — крупный штат, но один из самых консервативных. А на протяжении последних двух десятилетий штаты Калифорния и Нью-Йорк также

выставили немало политиков и чиновников правой политической ориентации.

При прямых выборах президента не было бы искажения результатов народного голосования. Каждый голос избирателя учитывался бы одинаково, вне зависимости от места проведения выборов. И ни у кого не было бы возможности победить за счет голосов выборщиков, проиграв по результатам народного голосования, или же передать выборы в Палату представителей Конгресса, где могут произойти другие искажения результатов народного голосования. В 1977 — 1978 годах была предпринята попытка провести через Конгресс поправку к Конституции о прямых выборах президента. Однако попытка не увенчалась успехом из-за оппозиции членов Конгресса от относительно малонаселенных штатов, которые имеют преимущество в два дополнительных голоса выборщиков. В 1980 году в результате опроса, проведенного Институтом общественного мнения Гэллапа, выяснилось, что 67% граждан США положительно относятся к прямым выборам президента и только 19% возражают против них. А пока не отменена коллегия выборщиков, штаты могли бы распределять голоса выборщиков кандидатам в соответствии с результатами народного голосования на своих выборах. Сейчас, например, штаты Мэн и Небраска отдают два голоса выборщиков победителю выборной кампании в масштабах штата, а один голос выборщиков достается кандидату, который одержал победу в избирательном округе по выборам в Конгресс^{[\[695\]](#)}.

Уловка «Нового федерализма»

Президент Рейган предпринимал шаги для того, чтобы «сократить масштабы и степень влияния федеральной власти» путем передачи многих социальных программ обратно штатам (если не было возможности сразу их упразднить). Этот «Новый федерализм», как его тогда называли, был предназначен для того, чтобы вдохнуть новые силы в систему власти штатов. При нынешнем положении дел на штаты и города возложена большая нагрузка по решению крупных социальных проблем и в то же время при перераспределении доходов государственного бюджета их доля резко сокращена. Финансирование таких программ, как «Развитие местной инфраструктуры» и «Общественный транспорт», было сокращено более чем на 70%. Остальные федеральные денежные трансферты переводились не как раньше, то есть тем городским районам, которые в них нуждались, а напрямую правительствам штатов. Это привело к созданию новых бюрократических структур на уровне штата, которые обманывают крупные города и оказывают содействие относительно благополучным маленьким городкам и пригородным зонам^[696].

Новый федерализм — открыто признаваемая цель тех, кто мечтает о сочетании крупного бизнеса и слабого правительства, при котором была бы возможность стравливать между собой штаты и населенные пункты для получения от них налоговых скидок и субсидий. Для корпорации DuPont легче контролировать небольшой штат Делавэр, чем иметь дело с федеральным правительством в целом. Располагая большей мощностью и большими финансовыми возможностями, чем штат Аляска, корпорация Еххон предпочла бы, чтобы этот малонаселенный штат получил полный контроль над находящимися в пределах его территории федеральными месторождениями нефти и минеральными ресурсами, что обеспечило бы корпорации Еххон более легкий доступ к этим ресурсам.

Время от времени, когда различные штаты вводят прогрессивное законодательство в отношении бизнеса, консерваторы отбрасывают свою позицию по «Новому федерализму» и используют свое влияние в федеральном правительстве для того, чтобы преодолеть решения правительств штатов. Например, администрация Рейгана, всегда очень

близко принимающая к сердцу интересы атомной промышленности, доказывала, что штатам никогда не разрешалось устанавливать более жесткие нормы минимального сброса загрязняющих веществ атомных электростанций по сравнению с нормами федерального правительства.

Начиная с 1787 года консерваторы выступали за сильные или слабые центральное правительство, правительства штатов и муниципалитеты только в зависимости от того, каким образом данные органы власти обслуживали интересы класса собственников в конкретный период времени. Деловые и финансовые круги хорошо понимают, что такие абстрактные категории, как «права штатов» и «возрождение федерализма» имеют значение не сами по себе, а лишь как средство обслуживания их интересов. Когда такое средство не выполняет предусмотренной для него функции, его отставляют в сторону. В настоящее время, с принятием соглашений о международной торговле, инвестициях и таких организациях, как Всемирная торговая организация, транснациональные корпорации делают на них ставку как на новые способы лишения власти реформистских правительств и самого народного суверенитета.

Усиление власти президента

Если исходить из Конституции, можно подумать, что законодательная ветвь власти более влиятельна, чем исполнительная ветвь. Статья 1 дает Конгрессу полномочия объявлять войну, вводить на территории страны действующее законодательство, собирать налоги и расходовать собранные в бюджет средства. Статья 2 выглядит значительно скромнее. Она предоставляет президенту полномочия назначать послов, федеральных судей и высших должностных лиц исполнительной власти (при обязательном утверждении Сенатом), а также заключать договоры (при обязательной ратификации Сената двумя третями присутствующих на заседании сенаторов). Президент может накладывать на законопроекты свое вето (президентское вето может быть преодолено двумя третями голосов членов Конгресса), созывать Конгресс на специальную сессию и выполняет еще ряд второстепенных обязанностей. Кроме этого президент выполняет еще две очень важные функции: следит за неукоснительным исполнением законов и является главнокомандующим Вооруженных сил страны. Судя по всему, именно Конгресс определяет политику страны, устанавливает правовые нормы, а президент следует указаниям Конгресса.

Реальная ситуация несколько иная. В течение истекшего столетия, с ростом промышленного капитализма внутри страны и за рубежом, чрезвычайно выросла роль государственной власти на муниципальном, штатном и федеральном уровнях в исполнительной, законодательной и судебной ветвях. Но задачи обслуживания огромных потребностей и интересов капитализма в мирное и военное время в совершенно непропорциональном масштабе легли на федеральное правительство и на исполнительную ветвь власти, как наиболее приспособленную к проведению необходимых технических, организационных и военных мероприятий.

Сегодня исполнительная власть представляет собой обширную систему ведомств, организаций, комиссий и управлений. Исполнительное управление Президента США содержит в своем составе ряд административных подразделений, которые помогают президенту формулировать и координировать всю сферу политики.

Имеется Административно-бюджетное управление, которое сводит вместе законодательную программу администрации президента и его смету расходов, а затем через посредство чиновничества проводит в жизнь политику Белого дома. В состав Исполнительного управления президента входит Совет национальной безопасности (NSC), созданный после Второй мировой войны в целях общего планирования и координации мероприятий в военной, международной и внутренней областях в плане обеспечения национальной безопасности. Совет национальной безопасности является инструментом Белого дома (совместно с Министерством обороны и в меньшей степени с Государственным департаментом), предназначенным для подавления народных восстаний по всему «третьему миру», и обеспечения глобальной гегемонии корпораций США. ЦРУ отчитывается непосредственно перед Советом национальной безопасности.

Усиление власти президента было настолько впечатляющим, что даже привело к относительному снижению власти Конгресса, хотя сама законодательная деятельность Конгресса за многие годы тоже значительно возросла. Это особенно заметно в международных делах. Конечный результат получился таков, что институт президентства имеет тенденцию заслонять собою Конгресс и иногда даже Конституцию. Президент имеет в своем распоряжении ряд ресурсов, которые обеспечивают ему решающее преимущество.

Престиж должности президента позволяет главе исполнительной власти располагать таким вниманием средств массовой информации, о котором другие политики могут только мечтать.

Президент имеет возможности вознаграждать поддерживающих его законодателей и наказывать тех из них, которые выступают против его инициатив. Законодатель, голосующий по принципиально важным законопроектам так, как хочет президент, скорее всего, добьется от администрации президента строительства в своем округе госпиталя для ветеранов, получит поддержку Белого дома своему законопроекту оказания помощи сельскому хозяйству в кризисной ситуации или же обеспечит своему штату федеральный контракт на сооружение судоверфи.

Поскольку президент один, а законодателей много, глава исполнительной ветви власти имеет преимущество в том, что может предпринимать инициативы и действия объединительного, общего характера. Законодательный орган — это, по определению, разнорой

голосов и интересов, не объединенных под единым управлением. Поэтому неудивительно, что приблизительно 80% крупных законопроектов предлагаются исполнительной ветвью власти.

Почти в каждой области политики — от систем вооружений и до использования лесных угодий — исполнительная ветвь власти располагает решающей информацией. Конгресс зачастую следует за инициативами президента, поскольку он сильно зависит от ведомств исполнительной власти. Иногда президенты исключают себя и своих партнеров из сферы расследований Конгресса, настаивая на том, что разделение ветвей власти предоставляет им неотъемлемое право на «привилегии исполнительной власти»^[697]. Эти привилегии были использованы для утаивания информации в отношении всего, чего угодно, начиная от необъявленных войн и незаконных кампаний финансирования до вторжений в помещения со взломом, однако сам этот термин не упоминается ни в Конституции, ни в каком-либо законодательстве. Верховный суд поддержал право на «привилегии исполнительной власти», приняв решение о том, что президент имеет право на «предполагаемую привилегию» непредставления информации (в делах, не носящих уголовного характера). Однако понятие «предполагаемый» также отсутствует в числе базовых понятий Конституции^[698].

Претензии президентов на привилегии исполнительной власти особенно наглядно проявляются в области «национальной безопасности», которая обычно тщательно скрыта от контроля со стороны общественности и надзора законодателей. Конгресс, даже не догадываясь, финансировал тайные операции ЦРУ в Лаосе и Таиланде, которые проводились в нарушение принятых им запретов. Законодательный орган распорядился прекратить расширение военно-морской базы в Индийском океане, а затем обнаружил, что ее сооружение продолжается. Многие члены Сената никогда не слышали о Программе автоматизированного управления действиями войск на поле боя, на реализацию которой они одобрили секретные ассигнования.

Заклучая с иностранными государствами исполнительные соглашения^[699], президент может обойти даже полномочия Сената по обязательной ратификации международных договоров. Администрация президента Рейгана доказывала, что свидетельские показания ее официальных представителей во время слушаний по ратификации не

должны, в обязательном порядке, раскрывать истинную суть международного договора. Некоторые из сенаторов протестовали, указав на то, что подобный подход подрывает конституционное право Сената ратифицировать договор, поскольку в таком случае Сенат не будет даже знать, что он одобряет^{[\[700\]](#)}.

Потенциальный монарх

В области внешней политики президенты иногда требовали абсолютных полномочий без какой-либо подотчетности перед кем-либо. Когда Рейгана спросили, отвечало ли национальным интересам США нападение американских вооруженных сил на Боливию, которое было официально представлено как мероприятие по борьбе с наркоторговцами, президент ответил: «Все то, что мы делаем, отвечает национальным интересам США»^[701]. Президент Никсон пошел еще дальше, отстаивая «неотъемлемые полномочия исполнительной власти» на основании Конституции совершать даже преступные деяния, если они обусловлены соображениями национальной безопасности. Он заявил следующее: «То, что делает президент, не может быть незаконным»^[702]. В каждом президенте заключен монарх с правами от Всевышнего, который хочет выйти на свет.

Зачастую президенты издают свои декреты без одобрения со стороны Конгресса. Так, президент Рейган в одностороннем порядке упразднил договор о торговле и дружбе с Никарагуа для того, чтобы вести против этой страны войну на истощение. В другом случае он издал распоряжение, которое разрешало разведывательным службам проводить слежку и тайные операции против американских граждан на территории США, и все это в нарушение прямого запрета на подобные действия, предусмотренного Законом о национальной безопасности от 1947 года. Как Рейган, так и Буш использовали распоряжения президента для выведения из-под экологической защиты избыточно увлажненных угодий или для предоставления промышленности режима, предусматривающего сокращение государственного регулирования. В настоящее время уже имеются распоряжения президента, зарегистрированные в Федеральном регистре и принятые Конгрессом, которые, по приказу Белого дома, будут введены в действие в случае объявления в стране чрезвычайной ситуации. Эти распоряжения предусматривают: взятие под контроль федерального правительства всех объектов и коммуникаций общего пользования, пищевых ресурсов, средств транспорта, связи и массовой информации; обязательную регистрацию каждого человека и принудительное перемещение населения в пределах территории Соединенных

Штатов^[703]. Используя распоряжения с целью создания изъятий из действующего законодательства, президент придумывает собственные нормативные акты, что Конституция не разрешает делать.

Когда Конгресс в первый раз отказался удовлетворить запрос президента Клинтона о выделении пакета финансовой помощи на общую сумму в \$40 миллиардов для спасения от банкротства финансистов Уолл-стрит и Мексики, президент издал распоряжение, предложив финансистам \$20 миллиардов из Фонда валютного регулирования (ESF). ESF Министерства финансов США, созданный законом от 1934 года с целью поддержки американского доллара на международных рынках, с тех пор неоднократно использовался весьма странным образом. Несколько членов Конгресса вели борьбу за установление надзора за его использованием. Как заметил по этому поводу Ральф Надер: «Если президент и министр финансов могут, не согласовав более ни с кем, отправить миллиарды долларов государственных средств мексиканскому правительству для спасения инвестиционных фирм с Уолл-стрит и финансистов, как можно надеяться на соблюдение бюджетной дисциплины? Какая еще плохо управляемая страна или богатый округ в США окажутся следующими бенефициарами такого нетребовательного фонда?»^[704]

Верховному суду США давно известно о том, что его решения имеют силу закона только в том случае, если правительственные ведомства выполняют их. В последние годы Конгресс приходит к такому же пониманию полномочий исполнительной ветви власти по прямому использованию людей, материалов и программ, необходимых для исполнения ее решений. Особая опасность, исходящая от исполнительной власти, заключается в том, что она сама реализует все свои решения. Исполнительная власть располагает полномочиями самостоятельно осуществлять, действовать (или отказаться действовать) с использованием всей силы государства, реализовать свои чрезвычайные, а иногда и незаконные инициативы. Несколько примеров двух последних десятилетий хорошо иллюстрируют, как исполнительная власть может обманывать закон внутри страны и за рубежом.

Администрация Рейгана положила конец выплате пособий социального обеспечения сотням тысяч нетрудоспособных американцев. Когда федеральные суды пришли к выводу, что такие

решения незаконны, администрация объявила, что она будет просто игнорировать неблагоприятные решения судов.

Когда федеральный судья выдал первой администрации Буша предписание предоставить, в соответствии с законом 1987 года, излишнюю федеральную собственность в распоряжение бездомных, Белый дом проигнорировал предписание.

Администрации как Рейгана, так и Буша отказались израсходовать миллиарды долларов одобренных конгрессом ассигнований на программы улучшения жилищных условий для граждан с низкими доходами и заблокировали миллиарды долларов ассигнований, предназначенных для повышения уровня безопасности общественного и воздушного транспорта.

Конгресс запретил продажи оружия и военного снаряжения Гватемале, однако Белый дом дал согласие на военные поставки этому правительству на общую сумму в \$14 миллионов, утверждая, что поскольку оплата сделки производится за наличный расчет, то она не нарушает запрет Конгресса.

В июне 1993 года Управление общей бухгалтерской отчетности США выявило, что Пентагон умышленно ввел Конгресс США в заблуждение в отношении цены, технических характеристик и потребностей в системах атомного оружия^[705].

Иногда Конгресс сам способствовал узурпации своих полномочий, предоставляя каждому президенту и все расширяющемуся перечню ведомств исполнительной власти секретные ассигнования и не требуя подробной отчетности по ним. Возрастание неподотчетности исполнительной власти нигде не проявляется с такой очевидностью, как в сфере международных кризисов и конфликтов. В 1875 году Джеймс Мэдисон писал: «Война — это настоящая кормилица расширения полномочий исполнительной власти». Авторы Конституции отнюдь не имели намерения предоставлять президенту какие-либо полномочия начинать войну. Такие полномочия были предоставлены только Конгрессу. Но около двухсот лет спустя президенты США санкционировали вторжения в суверенные государства Гренаду и Панаму, подвергли бомбардировкам Ирак и Югославию и поддерживали войны «чужими руками» против Кубы, Анголы, Мозамбика, Афганистана, Камбоджи и Никарагуа. США также насильственно свергали правительства, занимались незаконной

торговлей оружием, проведением блокад и других актов войны, включая вооружение и подготовку сил наемников без объявления войны со стороны Конгресса США. В то время как Конгресс обсуждал вопрос о том, объявлять ли войну Ираку, президент Буш объявил: «Мне все равно, если я получу лишь один голос. Мы атакуем»^[706]. Вопреки ясно выраженной воле Конгресса, американские самолеты и базы были использованы для поддержки войны против Никарагуа. Последние из президентов США потребовали «конституционных и исторических полномочий» заниматься внешней политикой без ограничений со стороны Конгресса. Полномочия по использованию армии в качестве своих личных вооруженных сил — это полномочия монарха.

Попытки Конгресса положить конец практике одностороннего объявления войны президентом оказались неэффективными. К данной ситуации имеет прямое отношение Закон о военных полномочиях от 1973 года, который требует, чтобы президент в течение шестидесяти дней со дня начала любой военной акции получил согласие на ее проведение со стороны Конгресса. Этот закон разрешает президенту использовать американские войска в военных действиях только в случае нападения на США или их территории, их владения или на их вооруженные силы. Посылая «военных советников» в Эль-Сальвадор и Гондурас, которые нередко участвовали в боях, два президента США нарушили этот закон. Клинтон использовал Вооруженные силы США в боях против Югославии в течение семидесяти восьми дней, не беспокоясь о получении одобрения Конгресса в течение шестидесяти дней. А американские военные советники в Колумбии теперь, по-видимому, будут использоваться в боевых действиях без полагающегося по закону или конституционного мандата.

Конституция не дает президенту права проводить тайные операции против других государств, однако президент Джордж Буш (старший) выдвинул такое требование, заявив, что он уведомит Конгресс о предстоящих тайных операциях, если не придет к другому решению, «основанному на понимании полномочий своей должности, предоставленных положениями Конституции».

Было бы неверно сделать из всего этого заключение, что законодательная ветвь власти сведена теперь до уровня со всем согласного бюрократа. Время от времени Конгресс давал отпор. Теперь бюджетные комитеты обеих палат Конгресса укомплектованы штатом

сотрудников, способных более эффективно анализировать предложения президента по бюджету. Вместе с расследованиями, которые проводят постоянные комитеты и подкомитеты, у Конгресса есть теперь Управление общей бухгалтерской отчетности (GAO), которое, как уже отмечалось, не зависит от исполнительной власти и отчитывается напрямую перед законодательным органом. Это управление играет важную роль в выявлении напрасных и непроизводительных затрат исполнительной власти, ее злоупотреблений, правонарушений и неисполнения законов.

«Консервативная» обстановка

Много лет назад либералы, видя, как консервативное руководство Конгресса срывает намерения таких либеральных президентов, как Трумэн и Кеннеди, пришли к выводу, что национальный законодательный орган располагает слишком большими полномочиями, а исполнительная власть — недостаточными. Однако, оказавшись свидетелями того, как консервативные президенты, подобно Никсону и Рейгану, навязывали свою волю Конгрессу, некоторые из тех же либералов заключили, что президент слишком влиятелен, а Конгресс слишком слаб. В настоящее время в такого рода жалобах есть нечто большее, чем непоследовательность тех, кто их высказывает. Во-первых, либералы говорят о недостаточных возможностях президента осуществлять меры в интересах трудящихся. А во-вторых, они указывают на возможности президентов ввязываться в военные действия за рубежом и противодействовать принятию законодательства по социальному обеспечению граждан внутри страны.

В основе этих двух жалоб лежит проявление некоего правила, что президент имеет тенденцию становиться более влиятельным, чем Конгресс, когда он придерживается консервативных взглядов, и менее влиятельным, когда он хочет двигаться в прогрессивном направлении. Это отражает общую картину соотношения сил политико-экономического класса, включая управление инвестициями и рабочими местами, владение средствами массовой информации и оказание влияния, лоббирование и пожертвования в политические кампании, ослабление профсоюзов, низкий уровень явки избирателей на выборах среди рабочих и другие факторы, о которых говорилось в этой книге. Это также отражает обстановку общественного развития, которую формирует действующая Конституция. Как и планировали авторы Конституции, система разделения власти, а также сдержек и противовесов задумана таким образом, что оказывает содействие тем, кто препятствует социальным изменениям, будь то президент или законодатели. Ни исполнительная, ни законодательная власти не могут самостоятельно провести радикальные реформы.

Нет ничего удивительного в том, что у консервативных и либеральных президентов различные отношения с Конгрессом. Как

только Конгресс настаивает на принятии законопроектов, которые президента не удовлетворяют, консервативному президенту для сохранения своего вето требуется взять под свой контроль дополнительно всего лишь одну треть членов Палаты представителей или Сената. Если законопроекты все-таки проводятся через Конгресс вопреки его вето, он все еще может воспрепятствовать намерениям законодательного органа путем затягивания исполнения принятых законов под различными предложениями, связанными с выбором времени, эффективностью и другими особенностями обстановки.

Методы использования вето, обманных маневров и проволочек, которые могут быть в арсенале консервативного президента для того, чтобы выхолостить или свести на нет различные внутренние программы, мало помогут президенту, стремящемуся проводить прогрессивные социальные изменения в обществе. Крупные социальные проблемы, с которыми он сталкивается, невозможно решить с помощью «ловкости рук» и фокусов исполнительной власти. Все усилия, предпринимаемые президентами в области социальных реформ, зачастую тормозятся или выхолащиваются занимающими прочное положение консервативными силами внутри и за пределами Конгресса. Именно в такого рода политических конфронтациях Конгресс создает впечатление своей способности срывать инициативы президента.

Годы президентства Рейгана подтверждают вышеприведенный анализ, хотя и с новой характерной особенностью, поскольку это был консервативный президент, — не обструкционист, а энергичный сторонник активных действий, который стремился проводить крупные изменения в налоговой политике и в политике расходования бюджетных средств. Коалиция республиканцев и консервативных демократов, при поддержке корпоративных и финансовых кругов за пределами Конгресса, сделала почти все, что хотел президент Рейган, сократив или уменьшив за одну сессию Конгресса прогрессивные программы, разработанные за предыдущие пятьдесят лет. Та же самая коалиция в рекордное время предоставила в распоряжение президента Клинтона и американских корпораций соглашения NAFTA и GATT. Как и любой официальный политик, президент намного более успешен на своем властном посту, когда в своих действиях пользуется поддержкой могущественных кругов и их интересов.

В периоды проведения политики «Нового курса» и «Справедливого курса» с доминированием либеральных настроений Белого дома сторонники либеральной политики выступали за сильную президентскую власть и предупреждали о негативных последствиях превращения президента в неэффективную «хромую утку»^[707] путем ограничения сроков его пребывания в должности. Выдержав двадцать лет политики президентов Рузвельта и Трумэна, консерваторы пришли к убеждению, что их главная задача состоит в том, чтобы сбалансировать полномочия федерального правительства и, в особенности, президента. Поэтому они успешно провели кампанию за принятие двадцать второй поправки к Конституции (1951), которая ограничила пребывание президента в Белом доме двумя выборными сроками.

Таким же образом либералы в 1950-е годы настаивали на том, чтобы предоставить президенту свободу действий во внешней политике, а консерваторы проталкивали поправку Брикера, которая предусматривала предоставление штатам некоего права вето в отношении полномочий исполнительной власти на заключение договоров, что напоминало Статьи Конфедерации. Либералы говорили о предоставлении президенту права «постатейного вето» (позволяет накладывать вето на отдельные положения законопроекта, принимая другие его части), чтобы он мог лучше противостоять попыткам добавления к законопроекту дополнительных статей со стороны групп особых интересов. Консерваторы рассматривали право постатейного вето как еще один пример узурпации полномочий со стороны исполнительной власти.

К 1980-м годам появилась другая тенденция. К этому времени консерваторы стали лучше воспринимать сильную президентскую власть, выступающую за увеличение военных расходов и в поддержку действий корпоративного капитализма внутри страны и за рубежом. Более того, с учетом появившейся у них способности одерживать победу в борьбе за президентский пост и их невероятные возможности по сбору огромных денежных средств, необходимых для достижения такой победы, консерваторы, включая и членов Верховного суда, стали выступать в поддержку расширения полномочий исполнительной власти. Консервативный президент Рональд Рейган расширил сферу неподотчетных инициатив исполнительной власти, а также усилил

мероприятия по их засекречиванию. Он также потребовал для себя право постатейного вето. А в 1988 году президент и другие консерваторы потребовали отмены двадцать второй поправки к Конституции для того, чтобы будущие президенты снова могли находиться на этой должности бесконечное число сроков.

В противоположность этому либералы теперь стали выступать против «имперского президента». (И конечно, некоторые консерваторы стали протестовать против «имперского Конгресса».) Либералы начали говорить о необходимости твердо придерживаться положений Закона о военных полномочиях и сделать исполнительную власть более подотчетной Конгрессу. Они высказывали положительные оценки в отношении двадцать второй поправки к Конституции и более не настаивали на введении права постатейного вето. Они обнаружили, что сильная президентская власть стала, судя по всему, мощным инструментом консерваторов.

Неспособность лидеров реформаторского склада сдержать свои обещания показывает трудность достижения серьезных изменений в политико-экономической системе, которая построена таким образом, чтобы оказывать сопротивление изменениям. В случае Клинтона это был, скорее, не тактический отход, а быстрый переход на сторону корпоративного консерватизма, когда он показал себя почти республиканцем как во внутренней, так и во внешней политике.

Расширение полномочий и сферы ответственности исполнительной власти произошло одновременно с возрастанием концентрации монополистического капитала. Как уже отмечалось, централизованная капиталистическая экономика в масштабах государства нуждается в централизованной государственной власти для удовлетворения своих потребностей. Кроме того, интересы корпораций США выросли до международных масштабов и столкнулись с вызовами со стороны различных антиимпериалистических сил. Вследствие этого возросла степень участия президента в международных делах, и по этой же причине усилилась готовность американских вооруженных сил и ведомств по обеспечению национальной безопасности защищать «интересы США» за рубежом. Президент может вмешиваться в дела других стран различными путями, даже путем разрушения систем общественного пользования и экологических систем целых государств, как в случае с Ираком и Югославией. Такие полномочия президента не способствуют развитию

заинтересованности американского народа в демократии, они для этого и не предназначены. Огромные вооруженные силы, которыми руководит президент, как провозглашается, в интересах нашей безопасности, на самом деле дают главе исполнительной власти все возрастающее разрушительное и антидемократическое могущество. По мере роста полномочий исполнительной власти в области внешней политики власть президента над американским народом становится все более неподотчетной и опасной.

Хотя президент и правительство часто считаются ответственными за состояние экономики, они не располагают достаточными возможностями для управления ею. Цель участия исполнительной власти в экономических делах заключается в поддержании и развитии процесса накопления капитала «свободного рынка». На верхней части общественной пирамиды не произойдет, судя по всему, никаких существенных прогрессивных изменений, вне зависимости от того, кто находится в Белом доме, до тех пор, пока не появится массовое общественное недовольство и мобилизация масс в нижней части этой пирамиды.

16.

Политэкономия бюрократии

Некоторые люди доказывают, что бюрократия — это социальное зло, свойственное только социализму или другим разновидностям «государства всеобщего благосостояния». На самом деле бюрократию можно обнаружить почти в любой области современного капиталистического общества — в крупных корпорациях, университетах, религиозных кругах, частных организациях, а также в правительстве. Типичная бюрократия — это организация, которая а) систематически мобилизует человеческие усилия и материальные ресурсы на реализацию определенных проектов и целей, б) укомплектована штатом сотрудников со специальной профессиональной подготовкой, с) управляется с помощью структуры, подотчетной какой-то власти^[708]. Бюрократия может быть использована как для управления национальной программой здравоохранения, так и лагеря смерти. Все зависит лишь от политико-экономических условий, в которых она действует.

Мифы и реальность неэффективности

У бюрократии есть определенные негативные свойства, которые, судя по всему, присущи ее природе. Например, потребность в последовательном и поддающемся учету порядке в любой деятельности порождает тенденцию к появлению бюрократии и ограниченной реакции на новые инициативы. Необходимость принятия ответственности за широкую зону управления или область деятельности может породить проблемы координации и отчетности. А средний гражданин видит только непостижимую для него бумажную карусель и мелких чиновников, составляющих основу бюрократии как в частном бизнесе, так и в правительственных учреждениях. Однако бюрократия так или иначе выполняет сложную и важную функцию. «Величайшее достижение высадки человека на Луну, — замечает Дуэйн Локард, — было результатом огромных усилий не только науки, но также и бюрократии»^[709]. То же самое можно сказать о вьетнамской войне, системе социального обеспечения, сельском хозяйстве, системе автодорог, жилищном строительстве и оборонных программах. В соответствии с широко распространенным мировоззрением корпоративной Америки государственная бюрократия дорого обходится, неэффективна и служит каналом утечки средств, заработанных более производительной частной экономикой. В качестве средства борьбы с этим недостатком обычно предлагают передать большинство государственных программ частным подрядчикам («приватизация») или их полное упразднение. Сторонники свободного рынка настаивают на том, что в частном секторе все работает лучше, поэтому правительство «должно функционировать в большей степени как бизнес». Хотелось бы поинтересоваться, как этого можно достичь? Правительство имеет дело со сложными социальными проблемами, противоречивыми целями и конкурирующими избирательными округами. Подобно какому бизнесу должно действовать правительство? Может быть, подобно тем пятидесяти тысячам фирм, которые ежегодно терпят банкротство? Или подобно тем успешным корпорациям, которые сами представляют собой гигантские бюрократические структуры и получают щедрые государственные субсидии, обслуживая только тех, у кого достаточно собственных финансовых средств или

большой кредит? Может быть, мы хотим, чтобы правительство действовало как частные компании под руководством неизбранных директоров, которые подотчетны только самим себе, нескольким банками и крупным инвесторам? Впрочем, именно это и происходит с международной бюрократией из частного сектора, как, например, Всемирной торговой организацией, которая вся состоит из представителей корпораций, готовых отменить действие законов в своей собственной стране^[710].

Если мы организуем работу правительства по примеру бизнеса (в любом смысле этого слова), тогда кто будет обеспечивать функционирование дорогостоящих, бесприбыльных государственных служб, которые необходимы для выживания государства и самого бизнеса? Например, кто предоставит сотни миллиардов долларов на строительство дорог и автомагистралей, необходимых для автомобильной промышленности, а также на компенсационные выплаты на переселение тех жителей, чьи дома оказались на пути строительства новых автомагистралей? Можно ли в таких случаях считать правительство обузой автопромышленности или в этом случае все наоборот?

Неэффективность и потери существуют в частном бизнесе так же, как и в государственных администрациях, но информация об этом редко становится достоянием гласности. Редко говорится и о том, что у государственной бюрократии административные издержки, как правило, меньше, чем в частном секторе. Такие издержки государственной программы медицинского обслуживания Medicare составляют менее 3 центов на один доллар затрат, а аналогичные издержки систем частного медицинского страхования доходят до 26 центов на доллар затрат. Должностные лица государственной администрации обычно работают дольше и за меньшую оплату, чем менеджеры частной бюрократии. За последние десятилетия покупательная способность должностных окладов высших федеральных чиновников сократилась (с учетом инфляции), а заработки высших администраторов частных фирм резко выросли^[711].

«Социальное страхование» всегда было наиболее надежной и менее дорогостоящей государственной программой пенсионного обеспечения, чем частные пенсионные программы, что и стало причиной ненависти к ней частного сектора. Социологический центр

«Ропер», предложил людям оценить административные издержки программы «Социальное страхование» в процентах от выдаваемого денежного пособия или пенсии. Участники опроса, привыкшие считать, что правительственные программы должны непременно быть неэффективными и дорогостоящими, в среднем назвали цифру 50%. На самом деле административные издержки этой программы составляют всего лишь 1% от объема выплат пособий. Для сравнения можно отметить, что административные издержки частного страхования составляют около 13% от объема ежегодных выплат^[712]. Аналогичным образом средняя величина административных издержек государственных лечебных учреждений ниже подобных издержек частных учреждений^[713].

Руководители частных компаний хотят ликвидировать расходы бюджета на социальные нужды не потому, что они неэффективны, а именно потому, что они зачастую нормально работают. А раз так, то они демонстрируют паразитический характер класса собственников. Так, Conrail^[714] показала, что принадлежащая государству система железнодорожных перевозок функционирует лучше и с меньшими затратами, чем частные железнодорожные компании, которые она заменила. Поэтому Conrail была «приватизирована» (продана обратно частным инвесторам) по выгодной для покупателей цене.

Сторонники свободного рынка утверждали, что огромные суммы денег, потраченные на «войну против бедности», не уменьшили бедность. На самом деле программа «Добавочные пособия малоимущим», созданная в 1972 году, дополняя более существенные выплаты по государственной программе «Социальное страхование», обеспечивает минимальный ежемесячный доход для пожилых и нетрудоспособных людей. При всех таких затратах со стороны государства бедность среди престарелых с 1972 года должна была снизиться. И она действительно снизилась. Затраты государства оказали свое воздействие. Другие крупные программы по борьбе с бедностью не выполнили своих задач, но они и не были предназначены для повышения чьих-то доходов до нижней границы прожиточного минимума. Другие программы федерального правительства в этом плане имели следующее предназначение.

Без программы оказания помощи многодетным семьям число людей, живущих в нужде и с болезнями, могло бы удвоиться и, таким

же образом, возросли бы расходы общества.

В течение одного десятилетия государственные требования в отношении дымовых пожарных датчиков, автомобильных ремней безопасности, дорожных знаков ограничения скорости, учреждений для оказания срочной медицинской помощи и предохранительных устройств в промышленных изделиях широкого потребления способствовали снижению на 21% уровня смертности в результате несчастных случаев. Один доллар, затраченный на профилактические прививки детям, позволяет впоследствии сохранить 10 долларов медицинских расходов.

Федеральные расходы по сокращению неравенства условий при получении образования принесли серьезные успехи в уровне образования учащихся и студентов из семей с низкими доходами, проживающих в старых центральных частях городов, а также в других группах населения с низкими материальными возможностями.

С тех пор как была создана Комиссия по технике безопасности и охране труда при Министерстве труда США, даже при всех присущих ей недостатках, уровень производственной смертности сократился наполовину и удалось сохранить жизни примерно 140 000 рабочих.

С введением талонов на льготную покупку продуктов произошло значительное снижение голодающих и плохо питающихся людей^[715].

Мир бизнеса оказывает противодействие таким программам, поскольку они расширяют государственный сектор и укрепляют альтернативные источники поддержки людей, делая их менее зависимыми от отчаянной конкуренции за получение работы и снижая их готовность работать все упорнее и упорнее за все меньшую оплату. Мероприятия по защите окружающей среды сохраняют человеческие жизни и приносят пользу обществу, однако они могут приводить к сокращению прибылей частных фирм за счет увеличения производственных расходов. Кроме того, они накладывают ограничения на возможности промышленности использовать труд человека и окружающую среду полностью по своему усмотрению. Государственные программы жилищного строительства за период 1940 — 1980 годов резко сократили городскую перенаселенность и в то же время обеспечили ввод в строй жилья, которое создавало конкуренцию частной строительной индустрии. Государственное регулирование квартирной и арендной платы сделало доступными миллионы квартир,

позволяя в то же время владельцам сдаваемого жилья получать «умеренные» прибыли, но это регулирование все-таки понизило прибыли домохозяев^[716].

Эффективность государственных программ хорошо оценивается тогда, когда эти программы подвергаются сокращению или упразднены. Сокращения государственного жилищного строительства и регулирования квартирной и арендной платы повлекли за собой резкий рост бездомности. Заккрытие венерических лечебниц способствовало росту числа венерических заболеваний. Бездушные урезания программ государственных социальных пособий и выплат на улучшение питания повлекли за собой рост уровня голода среди детей в малообеспеченных семьях. Снижения финансирования программ образования дали в результате рост числа не соответствующих нормативам, переполненных школ. Упразднение или понижение требований к технике безопасности на производстве, к информации о мерах обеспечения безопасности на медицинских приборах и оборудовании, а также к стандартам очистки воздуха и нормам применения пестицидов очень дорого обходится нации, если выразить ущерб в человеческих жизнях и степени деградации природной среды^[717].

Отмена государственного регулирования и приватизация

Как мы уже успели убедиться в предыдущих главах, заявляя о своей самокупаемости и высокой рентабельности, частный сектор регулярно кормится из государственного «корыта», пользуясь многочисленными субсидиями за счет налоговых скидок и различными видами государственной поддержки. Бизнес не хочет прекращения этих выгод и льгот, ему хочется положить конец государственному регулированию, которое требует затрат денег на заработную плату в размере не ниже прожиточного минимума, различных выплат трудящимся, техники безопасности, защиты окружающей среды, контроля качества в интересах потребителей и регулируемых тарифов. Во всех этих сферах сторонники свободного рынка хотят отмены государственного регулирования. В период с 1997 — 2000 годов электроэнергетика США, имеющая ежегодный оборот в \$212 миллиардов, в результате кампаний, проводимых по инициативе лоббистов крупных корпораций, подвергалась штат за штатом упразднению государственного регулирования. К концу этой кампании счета за электричество в некоторых населенных пунктах возросли втрое, что принесло значительно более высокие прибыли электрическим компаниям и дополнительные тяготы потребителям, в особенности семьям с ограниченными доходами, которые тратят на оплату счетов за электричество свыше 10% их семейного бюджета. «Реальность этих цифр проявляется в том, что, открывая счета на электроэнергию, скрюченные и шишковатые руки многих пожилых людей начинают дрожать»^[718]. Те, кто утверждает, что свободный рынок обеспечивает наши потребности лучше всего, забывают причины, по которым правительство регулирует в первую очередь тарифы коммунальных предприятий: они являются естественными монополистами, предоставляя услуги, которые невозможно заменить на рынках, защищенных от конкуренции.

Отмена государственного регулирования коммунальных компаний может также оказывать отрицательное воздействие на окружающую среду. В настоящее время гидроэлектрические станции без

государственного регулирования достигли самых высоких прибылей при выработке электроэнергии во время импульсных изменений нагрузки. При этом они не думают о том, каким образом эти резкие колебания расхода воды ухудшают ее качество и наносят ущерб водной фауне и флоре^[719]. В отсутствие государственного регулирования поощрительные стимулы со стороны органов регулирования штатов за разработку не загрязняющих природу источников энергии отменены, а более высокие прибыли можно получить от использования ископаемых видов топлива. Поэтому сегодня американцы получают за счет ветра, солнца и геотермальных источников лишь половину того количества электрической энергии, которое они имели в 1987 году^[720].

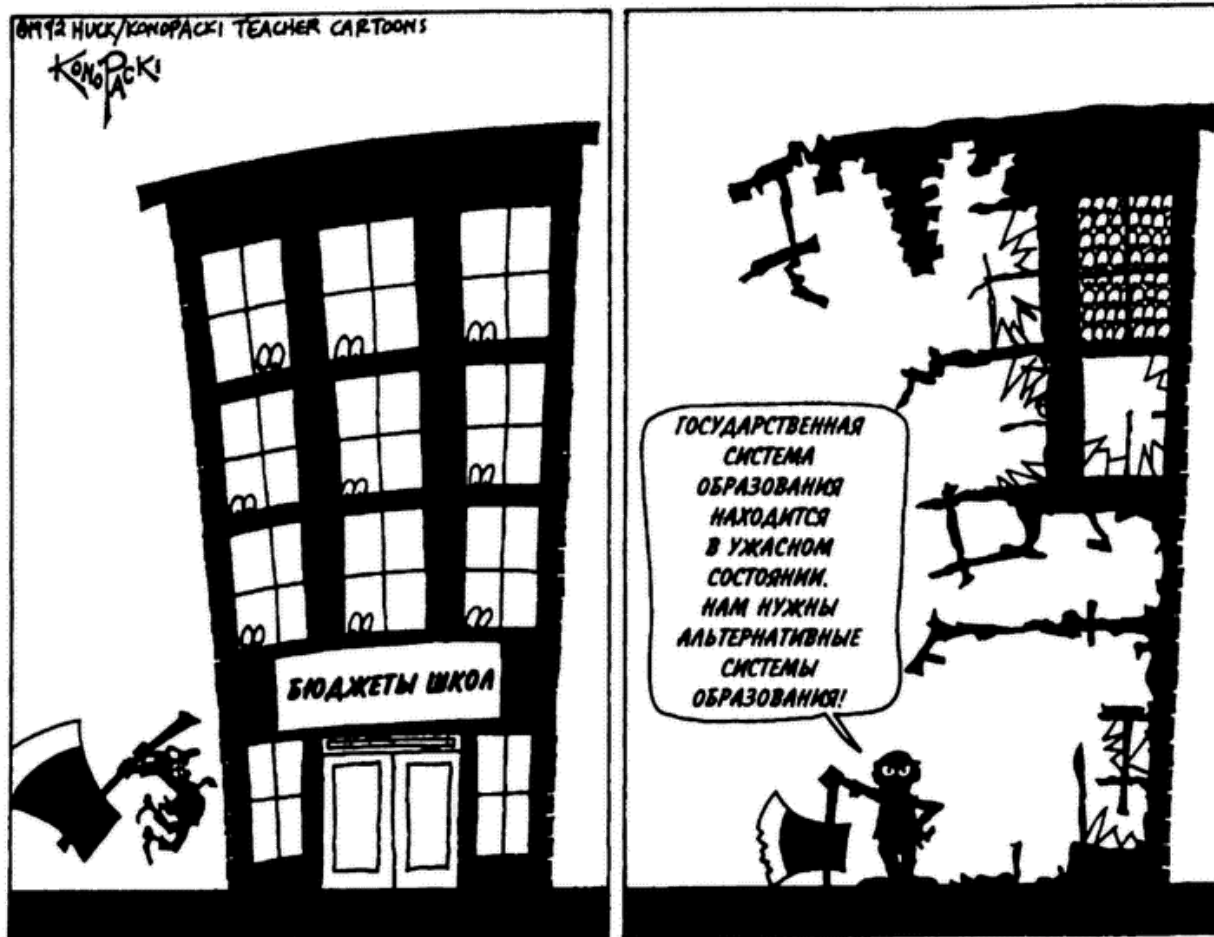
Отмена государственного регулирования нередко может превратиться в вопрос жизни и смерти. Поправка в Законе о безопасности дорожного движения, принятая контролируемым республиканцами Конгрессом и подписанная президентом Клинтоном, упразднила федеральное регулирование дорожной безопасности для грузовиков малой и средней грузоподъемности. Такие коммерческие транспортные фирмы, как U-Haul, теперь сами отвечают за проведение инспекций по безопасности. Поэтому следует ожидать, что при новом законе число дорожных катастроф и смертельных случаев с участием сданных напрокат грузовиков резко возрастет.

Одновременно с отменой государственного регулирования частного сектора корпоративная Америка выступила в поддержку приватизации предприятий и объектов государственного сектора и превращения некоммерческих государственных школ, больниц и учреждений здравоохранения, программ жилищного строительства, почтовых служб, предприятий коммунального транспорта, систем водоснабжения, государственных пенсионных фондов и т. д. в коммерческие венчурные предприятия. Капитализм — это завистливая и неугомонная система. Она не терпит присутствия рядом некоммерческих государственных предприятий и служб, которые можно было бы превратить в прибыльные рыночные предприятия с капитализацией в миллиарды долларов.

Сторонники приватизации организуют кампании с целью сокращения государственного финансирования тем самых предприятий и объектов государственного сектора, которые они хотели бы приватизировать. При недостаточном финансировании предприятие

начинает ухудшать свои производственные и финансовые показатели. Это, в свою очередь, расценивается как доказательство того, что государственный сектор «не работает» и необходима его передача частному бизнесу, который «знает, как наладить дело», и сможет использовать деньги налогоплательщиков более эффективно.

Однако практика демонстрирует противоположное. Приватизированные школы в городах Майами-Бич, Балтимор, Хартфорд (штат Коннектикут) и в других местах сочли систему частной ваучерной школы более дорогой и менее удобной для образовательного процесса и решили вновь вернуться в систему государственного образования^[721]. Вообще говоря, государственные школы никак нельзя считать неудачным вариантом образования. Процент людей в обществе, окончивших высшие учебные заведения, на протяжении большей части XX столетия постоянно возрастал. Относительное количество лиц, отчисленных из учебных заведений, неуклонно снижалось. Вопреки распространенному мнению, что все неблагополучные студенты являются выпускниками школ из старых центральных районов городов, две трети отчисленных из высших учебных заведений — это белые молодые люди, две трети отчисленных — из семей с двумя родителями, и более 40% из них — из школ относительно обеспеченных пригородов. По сравнению с периодом 1970-х годов показатели успеваемости в чтении, математике и других дисциплинах остались стабильными или улучшились и не показывают никакой разницы между учащимися государственных и частных школ или приходских и светских школ^[722].



В условиях неполной приватизации исполнение многих функций внутри властных структур на федеральном, штатном и местном уровнях переданы по контракту частному бизнесу. Правительство США ежегодно тратит \$108 миллиардов на государственных рабочих и служащих и \$120 миллиардов на частных подрядчиков. Администрация Клинтона — Гора похвлялась тем, что ею проведено упорядочение правительственных структур за счет увольнения 300 000 государственных служащих, но администрация умолчала о крупнейшем за все времена перечне контрактов на услуги частного бизнеса. Идет ли речь о квалифицированной профессиональной работе или же несложной работе по обслуживанию зданий и сооружений, всегда происходит так, что правительству приходится платить больше при заключении контрактов с частным бизнесом. Хотя частные подрядчики тратят меньше средств на зарплату и выплаты рабочим, они значительно больше средств направляют на оплату высшего звена управления и прибыли акционеров. В 1992 году Белый дом признал,

что частные подрядчики, выполняющие работы по контрактам с правительством, никак не контролируются, непроизводительно растрачивая средства и завышая расценки на миллиарды долларов^[723].

Такая же картина происходит и в других странах. В Великобритании и Чили были приватизированы государственные страховые пенсионные фонды. Те, кто проводил эти операции, нажили крупные состояния, в то время как пенсионеры стали получать значительно меньше, чем раньше. В Боливии были приватизированы нефтеперерабатывающие заводы, после чего произошло повышение цен на горючее на 15%. В странах Восточной Европы приватизация привела к снижению качества услуг и повышению расценок на них, а также к масштабному разграблению общественных ресурсов частными спекулянтами^[724].

Государственная администрация выполняет задачи, которые частный бизнес выполнить не может. Возьмем, к примеру, почтовую службу, которую так часто критикуют. Какая частная фирма возьмется доставлять письмо за три тысячи миль от двери до двери за цену почтовой марки или перешлет ваше почтовое отправление на ваш новый адрес без дополнительной оплаты? Однако в последнее время республиканская администрация сделала попытку перевести работу почтовой службы США на «более коммерческую основу». Она заключила контракты на выполнение работы по доставке почты с низкооплачиваемыми работниками, не состоящими в профсоюзах, понизила стандарты доставки почты, заплатила щедрые премиальные руководящему составу. При этом она оставила без внимания вопросы медицинского страхования и охраны труда почтовых работников, условия труда которых на рабочих местах ухудшились, а качество выполнения работы понизилось. Управление общей бухгалтерской отчетности (GAO) США в период действия консервативной администрации, которая, как принято считать, мыслит категориями экономии государственных средств, обнаружило, что федеральное правительство потеряло миллиарды долларов во многих крупных ведомствах по причине плохого управления проектами. Наиболее крупные потери средств были выявлены в Пентагоне и в Национальном управлении по авиации и исследованию космического пространства (NASA). В ходе одной аудиторской проверки были выявлены злоупотребления в расходовании средств официальными лицами NASA

и его подрядчиками практически в каждой области деятельности агентства. Перерасход, составивший свыше \$3,5 миллиарда, был «всего лишь верхушкой айсберга»^[725].

Спустя почти три года, добившись в Конгрессе разрешения построить заново жилой квартал для военных силами частных строительных фирм, Пентагон потратил \$37,5 миллиона на консультантов, не заложив при этом ни одного жилого корпуса^[726]. Аудиторы GAO пришли к выводу, что руководство Пентагона — «самое наихудшее из правительственных ведомств» и «не способно скрупулезно отчитаться за свой ежегодный бюджет, составляющий более \$250 миллиардов, а также за свое имущество по всему миру на общую сумму свыше \$1 триллиона». В ходе такой же аудиторской проверки Налогового управления США было выявлено, что ведомство испытывает «серьезные проблемы с отчетностью и управлением» и имеет неэффективную систему сбора налогов, при которой образовалась задолженность по несобраным налогам в сумме \$156 миллиардов^[727].

Во многих городах по всей стране кварталы, примыкающие к рабочим районам, были снесены для того, чтобы построить на их месте за счет государственного финансирования торговые центры, промышленные парки, открытые спортивные сооружения и конференц-центры. Бизнес очень хорошо чувствует себя в таких венчурных предприятиях, однако вложенные государственные деньги редко удается вернуть. Проекты обрастают долгами на многие миллионы долларов, что истощает муниципальные финансы на целые десятилетия и является главной причиной кризисного состояния городских бюджетов США. Вместо того чтобы противопоставлять высокую рентабельность частного бизнеса высокой задолженности и дороговизне продукции государственных предприятий, лучше бы проанализировать причинно-следственную связь между этими явлениями. Федеральные, штатные и муниципальные власти, которые предоставляют бизнесу субсидии, «после этого подвергаются со стороны бизнеса обвинениям за неэффективность деятельности»^[728].

Как отмечено выше, государству в капиталистической Америке не позволено получать прибыли, которые впоследствии могли бы быть вложены обратно в государственную казну. Неиспользуемые офисы в зданиях правительственных учреждений нельзя сдавать в аренду,

поскольку это сделало бы правительственные ведомства конкурентом частных фирм, занимающихся сдачей помещений внаем. Правительству разрешено действовать только на бесприбыльных рынках, которые бизнесу не нужны. Так, государственные больницы не имеют никаких прибылей, получаемых частными лечебными учреждениями, поскольку имеют дело с людьми, не имеющими медицинской страховки и не располагающими возможностями позволить себе астрономическую стоимость частного здравоохранения. Аналогичным образом доступное по цене государственное жилье дает кров тем, кто по финансовым причинам исключен из рынка частного жилья.

Правительственная бюрократия имеет мало рычагов управления в отношении того, что производится в экономике, каким образом, где и кем.

Так, например, считается, что Министерство энергетики должно обеспечивать поставки на рынок автомобильного горючего, но оно не может получить от нефтяных компаний даже необходимых ему точных сведений, а также не имеет права самостоятельно добывать нефть и перерабатывать ее. Министерство жилищного строительства и городского развития может выделять субсидии на строительство жилья для людей с низкими доходами, но само не имеет права ни строить жилье, ни привлекать частные инвестиции от среднего класса для застройки пригородных районов. В любой такой ситуации государственная бюрократия действует плохо и неэффективно. Но ее проблемы предопределены теми условиями, в которых действуют в США правительственные ведомства^{[\[729\]](#)}.

Секретность, обман и коррупция

Как государственная, так и частная бюрократия имеют сильную склонность к секретности. Чем больше секретности, тем больше у чиновников возможностей делать то, что они хотят, без обязанности нести ответственность за свои действия. Больше всего секретности в государственной бюрократии идет от военных и от грязных операций Центрального разведывательного управления и других специальных служб. Правительство всегда скрывало информацию о принятии им срочных мер по спасению банков, данных о ликвидации токсичных отходов и вредном для здоровья людей влиянии атомных электростанций, а также многих лекарств и пестицидов. Правительство скрыло информацию в отношении а) проблем медицинского характера тридцати тысяч американских солдат и многих тысяч жителей штата Юта, подвергшихся воздействию атомных испытаний в 1950-х годах, б) влияния на жителей США атомной радиации от предприятий по производству атомного оружия и атомных электростанций, с) вредных последствий воздействия на военный персонал дефолиантов, которые использовались в ходе войны во Вьетнаме, d) десятков тысяч военных, подвергшихся воздействию химического оружия в ходе войны в Персидском заливе в 1991 году, и e) секретно проведенных испытаний американского биологического оружия в городских зонах, а также испытаний на воздействие радиации на по меньшей мере восьмистах ничего не подозревающих людях^[730].

Президент Рейган выпустил президентскую директиву, предписывающую двум миллионам правительственных служащих дать обязательство по соблюдению секретности. Он также потребовал от 300 000 федеральных служащих дать согласие на пожизненную цензуру правительства в отношении их публичных печатных трудов и речей. Администрация предпринимала меры по ослаблению Закона о свободе информации путем расширения практики использования грифов секретности на документах, вымарывания в рассекреченных документах все больших объемов информации, введения многих лет отсрочки обнародования материалов и введения чрезвычайно высокой платы за копирование материалов.

В 1995 году президент Клинтон издал исполнительный приказ, имевший целью раскрытие засекреченных в течение длительного времени документов и снижение числа новых документов, подлежащих засекречиванию. Приказ предписывал автоматическое снятие грифа секретности без рассмотрения содержания большинства документов, выпущенных двадцать пять и более лет назад, и снижение до десяти лет периода пребывания нового документа под грифом секретности. Однако крупная лазейка в законодательстве позволяет документам оставаться секретными, если такое решение принято при новом рассмотрении документа. Исполнительная власть тратит, как минимум, \$5,6 миллиарда на пересмотр и засекречивание документов, и это без учета такого рода затрат в ЦРУ. Общее количество засекреченных документов неизвестно, хотя называют цифру порядка нескольких миллиардов. По меньшей мере 70% из миллионов документов Второй мировой войны, имеющих отношение к военным преступлениям, все еще, даже по истечении полувека, остаются секретными. Центральное разведывательное управление, Федеральное бюро расследований и Пентагон оказывают противодействие попыткам рассекречивания больших объемов документов, стремясь скрыть свои источники информации и методы работы, что дает основания для вопросов о том, что им так требуется скрывать ^[731].

Секретность порождает неподотчетность и коррупцию. Министерство сельского хозяйства выделило миллиарды долларов по контрактам с фирмами агропромышленного комплекса, которые уличили в мошенничестве при проведении торгов, установлении цен путем монополистического сговора и во введении в заблуждение общественности при реализации правительственных программ. Стаи спекулянтов и инвесторов с шальными деньгами, почти без риска для собственных средств, использовали ипотечные кредиты от Министерства жилищного строительства и городского развития, а также миллионы долларов налоговых кредитов для приобретения собственности и сдачи ее в аренду по расценкам, субсидированным федеральным правительством, что принесло им огромные прибыли. Безвозмездные дотации на жилищное строительство и ипотечное страхование, предназначенные для предоставления доступного по цене жилья для пожилых людей с низкими доходами, пошли на проекты строительства роскошных курортов.

Высшие должностные лица исполнительной власти пользовались бесплатными загородными летними дачами, самолетами частных компаний, шикарными отелями; получали кредиты и займы под низкий процент и искусственно завышенные за счет спонсорства корпораций гонорары за чтение лекций. Кроме того, они имели возможность продавать свои собственные активы по раздутым ценам, а покупать собственность по заниженным ценам.

Президенты нередко защищают своих подчиненных, обвиняемых в неблагоприятных поступках, по-видимому, не просто из-за лояльного отношения к ним. Обычно они связаны со своими подчиненными чем-нибудь более прочным, чем личная лояльность, а именно личной заинтересованностью. Подчиненный, резко ушедший из-под контроля, может превратиться в опасный источник разоблачающей информации. Во время истории «Уотергейта» один из помощников президента Никсона, а именно Джон Дин, пытался переметнуться к противной стороне, а затем поведал Конгрессу и всему миру историю заговора. Обычно президентам, замешанным в каких-либо незаконных делах, как, например, президент Никсон в истории «Уотергейта» и президенты Рейган и Буш в операции Иран-контрас, желательно делать все, чтобы поддержать показания своих помощников и других подчиненных, которые стоят между ними и наказанием.

Государственные служащие, ставшие на путь предания огласке неблагоприятных дел, подвергают свою карьеру серьезному риску. В федеральной бюрократии, так же как и в большинстве других организаций, включая частные фирмы, полицейские органы, университеты и военных, больше опасаются дискредитации имиджа за счет разоблачения неблагоприятных дел, чем самих неблагоприятных дел.

Федеральный служащий, который попытался предупредить правительство, что происходит напрасная трата крупных государственных средств на программу иностранной помощи, лишился работы по причине сокращения его должности.

Когда специалист по демографии Бюро переписи США сделала сообщение о том, что война президента Буша против Ирака привела к смерти 158 000 иракских граждан, половина из которых женщины и дети, ей сообщили о том, что ее уволят с работы.

Федеральный атторней был отправлен в отставку за разглашение сведений о том, что ЦРУ пыталось блокировать судебное преследование криминального авторитета.

После того как начальник Управления сбора налогов Налогового управления США предал гласности информацию о том, что его руководство проявляло снисходительность по отношению к богатым и влиятельным налогоплательщикам, его перевели на работу во вспомогательное подразделение, существенно понизили зарплату и возбудили против него уголовное дело «за несанкционированное разглашение информации о налогоплательщиках».

Когда несколько ученых объявили, что действующие в настоящее время нормы радиационной безопасности занижены по меньшей мере в десять раз, Министерство энергетики, ранее входившее в систему атомной промышленности, уволило их, конфисковало их научные информационные материалы и запустило против них кампанию профессиональной дискредитации^[732].

В 1995 году Министерство энергетики объявило, что оно примет сторону рабочих, которые высказали озабоченность в отношении своей безопасности при работе на предприятиях по производству атомного оружия. Министерство заявило, что оно откажется оплачивать счета за судебные издержки тем подрядчикам, которые станут преследовать в суде рабочих, предавших огласке ситуацию с охраной труда на атомных предприятиях. Но в ходе расследования в Конгрессе выяснилось, что министерство продолжало выплачивать подрядчикам компенсации судебных издержек, даже не зная об этом. Оно, оказывается, не направило уведомления о своем решении юристам компаний-подрядчиков.

Все это не изолированные случаи. Специальная комиссия, созданная в соответствии с Законом о защите информаторов для разбора жалоб, только за четыре месяца после своего создания выявила свыше 1000 такого рода дел, а в течение еще одного года получила 814 жалоб, в которых говорилось о репрессиях, предпринятых против информаторов^[733]. На предприятиях частного сектора информаторы сталкиваются с преследованиями и потерей работы. Если их один раз уволили, у них остается очень мало возможностей снова найти работу как в частной промышленности, так и в правительственных ведомствах. Вместо того чтобы получить поощрение за свою честность, они получают наказание. Информаторы в рядах Вооруженных сил США обычно подвергаются угрозам и наказаниям, причем некоторых из них направляют в психиатрические лечебницы. В 1993 году американский

морьяк, служивший на авианосце, не смог более терпеть обычный ежедневный сброс в океан неочищенных отходов и мусора, включая пластмассу, компьютеры и токсические вещества. За предание этих фактов оглашению морьяка отдали под военный трибунал, понизили в должности и звании и приговорили к наказанию в военной тюрьме^[734].

Белый дом в ряде случаев доказывал, что правительственная информация — это собственность правительства, поэтому те служащие, которые берут и разглашают такую информацию, виновны в хищении. Таким образом, доведение информации о совершенном преступлении само рассматривается в качестве преступления. Политический советник Государственного департамента и дипломатический представитель Белого дома Ричард Нуккио сообщил своему конгрессмену, что один из агентов ЦРУ был связан с двумя убийцами, которых ЦРУ в течение длительного времени тщательно прикрывало. Возникшие после обнародования конгрессменом этой информации энергичные общественные протесты заставили ЦРУ избавиться от почти тысячи информаторов, включая и сотню тех, которые принимали участие в преступлениях за рубежом. Какова же была награда Нуккио? Его объявили неблагонадежным, положили конец его карьере в Государственном департаменте и начали против него уголовное расследование. Заместитель директора ЦРУ Джордж Тенет, который возглавлял кампанию преследования Нуккио, вскоре был назначен президентом Клинтоном директором ЦРУ^[735].

Бюрократическое действие и бездействие

Многие решения бюрократических ведомств, публикуемые ежедневно в Федеральном регистре, имеют такое же значение, как и крупные законодательные акты, и, в отсутствие четких разъяснений со стороны Конгресса, зачастую занимают место законодательства. Так, без какого-либо всенародного обсуждения Комиссия по ценам одобрила повышение тарифов на коммунальные услуги на общую сумму свыше \$2 миллиардов. Руководствуясь директивой Белого дома, Управление социального страхования использовало «более строгие критерии оценки» для того, чтобы лишить 265 000 инвалидов государственных пособий. На основании административного распоряжения администрация Рейгана переправила большую часть ассигнований Федерального агентства по управлению страной в чрезвычайных ситуациях, предназначавшихся Конгрессом на оказание помощи при стихийных бедствиях, на реализацию секретной военной программы. А администрация Буша направила миллиарды долларов фонда социального обеспечения на сокращение бюджетного дефицита и спасение от банкротства ссудо-сберегательной ассоциации.

Политические процессы не заканчиваются принятием законопроекта в Конгрессе, а продолжают на административном уровне, только в несколько более скрытой форме и с оказанием воздействия на практику правоприменения.

- В период 1980-х и начала 1990-х годов Агентству по охране окружающей среды (ЕРА) не удалось обеспечить проведение в жизнь принятой Конгрессом программы по безопасному удалению вредных для здоровья людей отходов. Проведение в жизнь законодательства по охране окружающей среды было настолько неравномерным и разбросанным по отдельным территориям, что половина водно-болотных угодий страны (которые ценились как ареал обитания диких животных и растений) была утрачена.

Управление открытых горных разработок раздавало разрешения на разработку крупных участков без принятия мер по охране окружающей среды, в результате этого произошли оползни на тысячах миль и загрязнение водных артерий. Более половины владельцев участков, которым были направлены указания об остановке операций,

проигнорировали указания. Наложённые штрафы на общую сумму в \$200 миллионов так и остались несобранными.

Принятый Конгрессом Закон о чистом воздухе был серьезно ослаблен административным указом, которым Агентство по охране окружающей среды смягчило нормы содержания смога в воздухе более чем на 50%.

Налоговое управление США настолько небрежно занималось регулированием пенсионной системы железнодорожных рабочих, что владельцы предприятия за три года недоплатили в Пенсионный фонд около \$73 миллионов.

Имело место небрежное исполнение или неисполнение законодательства о защите потребителей, законов о гражданских правах, о правах профсоюзов на переговоры с целью заключения коллективного договора, законов о защите государственных земель и парков. Большинство такого рода неисполнений законодательства являются результатом не бюрократической инерции, а политическим замыслом лиц, определяющих политический курс, которые с неприязнью относятся к регулирующим программам.

Нередко ведомства не располагают штатом достаточно компетентных сотрудников для того, чтобы выполнять стоящие перед ними объемные задачи. Федеральное правительство имеет только двадцать пять инспекторов для контроля за перевозками опасных отходов по территории всей страны. Агентство по охране окружающей среды может отслеживать только небольшую часть из одной тысячи новых потенциально токсичных химических веществ, которые промышленность сбрасывает ежегодно в окружающую среду. Представители профсоюза сельскохозяйственных рабочих жаловались на то, что для смягчения проблем жилья и охраны труда рабочих необходим контроль за исполнением действующих законов, не говоря уже о введении в действие вновь принятых законов.

В то время как исполнение некоторых законов остается неудовлетворительным, другие законы в процессе правоприменения настолько изменяются, что происходит полное искажение намерений законодателей. Мы уже заметили, как это делалось в отношении Закона о свободе информации. Может быть, окажется достаточно другого примера: подкомитет Палаты представителей Конгресса высказал неудовлетворенность тем, что Совет по защите системы заслуг, созданный Конгрессом для защиты информаторов, работал таким

образом, что обеспечивал информаторам меньше защиты, чем раньше. Он требовал от информаторов, чтобы те сами несли обязанность доказывания в суде, причем делал это таким образом, который запрещен законом.

В послании к Конгрессу о положении страны от 1994 года президент Клинтон похвастался своим планом сокращения федеральной бюрократии почти на четверть миллиона служащих. Хотелось бы спросить, каких бюрократов он имел в виду? Высокооплачиваемых агентов по связи с общественностью, которые проталкивают системы вооружений стоимостью в миллиарды долларов и кормятся от щедрот корпораций? Или служащих из Управления социального страхования, которое и без того уже подвергалось сокращениям и деморализовано, однако продолжает обслуживать престарелых и инвалидов? Намереваясь сократить аппарат правительства, Клинтон предложил увеличение военного бюджета с \$265 миллиардов до \$277 миллиардов.

Те люди, которые доказывают, что дела не идут потому, что такова природа бюрократии, судя по всему, забывают, что только некоторые дела не идут, а другие дела завершаются слишком хорошо. Закон, предоставляющий почти тринадцати миллионам детей право на медицинские осмотры и лечение, имеет такой же правовой статус, как и закон о разработке системы космического оружия под названием «Звездные войны» стоимостью в многие миллиарды долларов. Этот последний закон поддерживает Белый дом, крупные подрядчики промышленности, научно-исследовательские институты, генералитет Пентагона и ключевые члены Конгресса. Во всяком случае, программа «Звездные войны» была намного сложнее технически и организационно. И тем не менее ее реализация полным ходом двигалась вперед, в то время как программа сохранения здоровья детей еле продвигалась. Через несколько лет почти 85% подростков остались без медицинского осмотра, что влечет за собой «осложнения состояния здоровья, отставание в психическом развитии или даже смерть тысяч детей», как сказано в докладе подкомитета Палаты представителей.

И снова большая разница между двумя программами оказалась не бюрократического, а политического характера. Эффективность закона или бюрократической программы зависит от влиятельности и силы групп, которые ее поддерживают. Законы, которые служат интересам мощных клиентов, ожидает благоприятная судьба, в то время как

законы, поддерживаемые только теми, у кого нет никакой власти, зачастую обречены на прозябание.

Капиталистическая политэкономия — это место захоронения реформаторских административных органов. Деятельность такого агентства, как Управление по созданию экономических возможностей, которое пытается представлять интересы малоимущих, приглашая их принять участие в городских программах, наталкивается на мощную оппозицию, и в конечном счете оно будет упразднено. Агентство, созданное с целью регламентации промышленности от имени потребителей, рабочих или в интересах защиты окружающей среды, на начальной стадии своей деятельности может очень стремиться к реформам, но через некоторое время его, скорее всего, обуздают.

На ранних этапах своей деятельности, после Первой мировой войны, Федеральная комиссия по торговле (FTC) энергично выступала против крупного бизнеса, но представители промышленности убедили ее президента заменить некоторых членов комиссии на других, которые с большим пониманием относились к бизнесу^[736]. Спустя шестьдесят лет картина повторяется. Имея в своем штате защитников интересов потребителей, FTC начала активно бороться против практики теневого бизнеса, однако оказалась под огнем критики из Конгресса и из бизнес-сообщества. Вскоре после этого юридические полномочия FTC были сокращены, а ее бюджет урезан. Таким же образом был урезан бюджет Агентства по охране окружающей среды, что резко сократило его и так уже ограниченные возможности оказывать регулирующее влияние. Комиссии по безопасности товаров широкого потребления более чем наполовину сократили штат сотрудников, а затем укомплектовали ее штат консерваторами, у которых не было ни соответствующей квалификации, ни интереса к обеспечению безопасности продукции^[737].

Нередко члены Конгресса требуют выяснить, почему то или иное ведомство докучает избирателям их округа или спонсорам их избирательных кампаний. Администраторы, не желающие неблагоприятной огласки или сокращения ассигнований своим ведомствам, применяют закон в своей деятельности таким образом, чтобы удовлетворить законодателей, которые утверждают их бюджет. Обещание доходной должности в частной фирме, интересам которой руководитель ведомства оказывает предпочтение, может оказать

значительное влияние на его суждения и мнения, если он желает, по завершении своей карьеры в государственном ведомстве, продолжить ее на должности в частном секторе. Некоторые административные органы, как, например, Инженерное командование Сухопутных войск США, настолько преуспели в создании себе поддержки среди влиятельных членов Конгресса и их клиентов в крупном бизнесе, что практически вышли из-под контроля со стороны руководителей Министерства обороны и Белого дома. В 1987 году выяснилось, что Инженерное командование незаконно сдает в аренду более трехсот участков для добычи нефти и газа. Оно не собирало большую часть арендной платы за эксплуатацию участков и не смогло отчитаться за те суммы, которые были уже собраны^[738].

Среди тех немногих сил, которые действуют в поддержку государственных нормативных требований, можно назвать группы общественных интересов. Большинство судебных дел против крупных частных фирм, допустивших загрязнение природной среды, было возбуждено по инициативе групп местных жителей, следящих за состоянием экологии тех районов, где они проживают. Управление по охране окружающей среды редко возбуждает такого рода судебные иски и обычно выступает против принятия жесткого законодательства по защите экологии, затрачивая больше усилий на попытки увести компании от ответственности по законодательству, чем заставить их соблюдать его. Экологические группы местных граждан обращаются с исками в суд для того, чтобы вынудить Агентство по охране окружающей среды заниматься тем, что оно должно делать согласно закону. В таких судебных делах управление тратит деньги налогоплательщиков на то, чтобы воспрепятствовать усилиям по проведению законодательства в жизнь. Нередко приходится бороться многие годы, прежде чем управление начнет действовать.

Обслуживают интересы тех, чью деятельность контролируют

Существуют органы государственного регулирования, находящиеся в подчинении у различных органов исполнительной власти, такие, как Комиссия по технике безопасности и охране труда (OSHA) Министерства труда и Администрация по контролю за соблюдением законов о наркотиках (DEA) Министерства юстиции. Но есть и независимые комиссии государственного регулирования или контроля, такие, как Федеральная комиссия по связи (FCC), Федеральная комиссия по торговле (FTC), Комиссия по наземным перевозкам (STB) — наследница Комиссии по торговле между штатами, которые действуют вне рамок исполнительной власти и принимают квазисудебные решения, которые можно обжаловать только в судах. Они отчитываются только перед Конгрессом, и их штат сотрудников назначается президентом страны при обязательном одобрении Сената. По причинам, которые мы как раз сейчас и обсуждаем, агентства этих обоих видов часто становятся покровителями тех отраслей экономики, которых они по замыслу должны контролировать. Так, Федеральная комиссия по связи обслуживает интересы телефонных компаний и медиасетей; Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям регулирует деятельность фондовой биржи в основном в интересах крупных инвесторов; а Федеральная комиссия по управлению энергетикой практикует снисходительное отношение к частным энергетическим компаниям.

Такая же картина наблюдается и в других секторах власти. Министерство транспорта очень прислушивается к мнению нефтяной, автодорожной и автомобильной отраслей промышленности. Инженерное командование Сухопутных войск и Бюро мелиорации (Министерства внутренних дел) продолжают калечить окружающую среду в угоду коммунальным компаниям, агропромышленному комплексу и компаниям-застройщикам. Министерство внутренних дел обслуживает нефтяные, газодобывающие, горнорудные и лесопромышленные компании, а Пентагон неустанно оказывает поддержку оборонным отраслям промышленности.

В 1949 году Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами (FDA), при бюджете всего \$2 миллиона, ежегодно возбуждало тысячи уголовных дел против нарушителей законодательства. В настоящее время, имея бюджет в сотни раз больше, FDA редко предпринимает судебные акции против крупных компаний в этом секторе экономики. Управление стало придерживаться подхода «по усмотрению». В результате фармацевтические фирмы могут назначать за лекарства своего производства любую цену, которую пожелают, а препараты могут даже и не проходить проверки на безвредность и эффективность. Когда корпорация Monsanto вывела на рынки свой продукт под названием «гормон роста крупного рогатого скота» (BGH), FDA одобрило этот препарат, несмотря на то что проверка, проведенная Управлением общей бухгалтерской отчетности, выявила его вредное воздействие на коров и, потенциально, на человека. Доктор Ричард Бэрроус, который выступил с возражениями против одобрения препарата BGH, был уволен с работы в FDA [\[739\]](#). Управление также приняло решение о том, что производители молока, которые не используют этот препарат и хотят маркировать свой продукт как свободный от гормона BGH, не получают такого разрешения. Это решение было отменено только после энергичных общественных протестов.

Около сотни человек ежегодно умирают от отравления продуктами питания и тысячи других заболевают, однако Министерство сельского хозяйства нередко закрывает глаза на нарушения норм здравоохранения и безопасности в мясном животноводстве и в производстве мяса. Министерство сельского хозяйства слабо контролирует компании по выращиванию мясного скота и производству мяса. Все, что министерство может сделать, это попытаться убедить компанию добровольно отозвать из торговли партию подпорченного продукта. Предложения, направленные на то, чтобы предоставить министерству более обширные полномочия, встречают сопротивление мощного лобби и влиятельных законодателей из мясопроизводящих штатов [\[740\]](#).

За последние пятнадцать лет интенсивное высокотоварное сельское хозяйство с широким применением химических препаратов нанесло такой ущерб качеству миллионов акров некогда плодородных почв, который способен вызвать заметное понижение питательной ценности многих зерновых и овощных культур.

Министерство сельского хозяйства осведомлено об этой проблеме, но не проявляет никакой готовности заниматься ею. Вместо этого, быстро откликаясь на потребности агропромышленного комплекса, министерство попыталось пропагандировать национальный стандарт на натуральные продукты, который включал в себя обработку продуктов питания различными видами облучения, введение генетически модифицированных продуктов и использование канализационных осадков для питания скота. В результате бурных народных протестов эта инициатива была отвергнута^[741].

В ответ на давление общественности Конгресс в 1996 году принял закон о продовольственной безопасности, который предусматривал пониженные уровни пестицидов в продуктах питания для детей. Однако, по состоянию на 1999 год, ни один предел содержания пестицидов не был понижен, как того требовали положения закона. В настоящее время уровни пестицидов в овощах и фруктах, которых много употребляют в пищу дети, фактически возросли^[742].

Закон о справедливых условиях труда, являющийся федеральным законом, запрещает использование труда молодежи в возрасте ниже восемнадцати лет на опасных работах. Однако каждый год миллионы подростков трудятся в течение продолжительных рабочих смен на опасных работах с потогонной системой организации труда, на заводах, в ресторанах быстрого питания и на предприятиях агропромышленного комплекса. Ежегодно десятки тысяч из них получают на работе увечья или погибают. Работодатели не слишком беспокоятся по поводу нарушений на их предприятиях законов об использовании труда подростков, поскольку законы редко соблюдаются. Среднее предприятие может ожидать инспекции с проверкой соблюдения законодательства примерно один раз в пятьдесят лет. Даже когда дело доходит до вызова в суд, максимальный штраф составляет \$10 000 за одно нарушение, но такие штрафы налагаются редко. Средняя величина назначенных судами и инспекторами штрафов в случаях смерти или тяжелой травмы составляет \$750 — такова цена жизни подростка из семьи с низким доходом^[743].

Складывается впечатление, что правительственные нормативные акты регулирующего характера не только не в избытке, но их явно не хватает. Правительственные регулирующие органы зачастую просто не регулируют и не контролируют по причине или слишком тесной

близости с подлежащими контролю отраслями экономики, или из-за угроз и запугивания с их стороны, или же потому, что установленный законом мандат регулирующего органа не предоставляет достаточных правоприменительных полномочий. Даже если бы они и хотели принять крутые меры против частных фирм, большинство федеральных агентств по количеству и профессиональному уровню юрисконсультов не идут ни в какое сравнение с частными фирмами.

Политические назначенцы, возглавляющие различные административные органы, обычно настроены против государственных мер регулирования. Федеральные законы об инспекции мяса применялись чиновниками, которые давно известны как принципиальные противники проведения государственной инспекции мяса. Государственные программы жилищного строительства находились под контролем деловых людей, настроенных открыто враждебно против государственного жилищного строительства. Принудительное проведение в жизнь законов о гражданских правах было поручено людям, которые являются противниками этих законов. Программы сохранения природных ресурсов и защиты окружающей среды возглавляют люди, открыто враждебные природоохранному законодательству. Операции по очистке предприятий по производству атомного оружия доверяют людям, известным своим попустительством по отношению к атомной промышленности. Совсем недавно Брэдли Смит, который считает установление пределов расходования средств на избирательные кампании делом, противоречащим Конституции, получил от Республиканской партии место в Федеральной избирательной комиссии, которая осуществляет применение закона о пределах финансирования^[744].

Вопреки известному сценарию чрезвычайных действий, неизвестные и никому не подотчетные бюрократы не узурпировали власть для самих себя. На самом деле, карьерные бюрократы в основном все делают так, как им указывают назначенные по политическим соображениям руководители их ведомств. Профессиональная этика многих бюрократов требует от них оставаться нейтральными и ожидать, пока политическая линия будет «спущена сверху». «Бюрократические провалы» лучше назвать успешным использованием политической власти для подрыва регулирующих норм

и законов, которые причиняют затруднения интересам частных компаний.

Государственная власть в частных руках

Располагая денежными средствами и различными службами, государственная власть нередко уступает свои властные полномочия крупному бизнесу. Частные стандарты, разрабатываемые торгово-промышленными ассоциациями в целях унификации характеристик производимых их предприятиями изделий, нередко без переработки вносятся в проекты государственных стандартов, что придает им силу законов. Контроль за федеральными землями и водами был передан органам местного самоуправления, с владельцами крупных скотоводческих хозяйств во главе, которые, таким образом, превращали свою экономическую власть в официально санкционированную государственную власть [\[745\]](#).

В каждой крупной отрасли промышленности есть консультативные комитеты, в которых представители крупных фирм, работая в тесном контакте с представителями государственных ведомств, вырабатывают большинство важных рекомендаций. Несколько тысяч комитетов и комиссий регулярно организуют встречи с руководителями администраций всех уровней, и финансирование таких встреч ежегодно обходится правительству во многие миллионы долларов. Наиболее влиятельные из этих комитетов и комиссий занимаются вопросами банковского дела, химической промышленности, транспорта, агропромышленного комплекса, нефтедобывающей промышленности и предприятий коммунальной сферы. Их доклады становятся основой решений и действий администраций, базой нового законодательства, что создает им преимущества над более мелкими конкурентами, рабочими и потребителями. Такие преимущества было бы не так легко завоевать в открытой конкурентной борьбе. Встречи консультативных комитетов бизнеса закрыты для прессы и общественности.

Правительства многих штатов и муниципалитетов, а также федеральное правительство предоставили торгово-промышленным ассоциациям, возглавляемым представителями крупных фирм, право назначать свой персонал на должности в государственные советы по лицензиям и другие административные органы. Переход государственной власти в частные руки нередко трактуется как «децентрализованная» форма принятия решений и проведения

политики. На самом деле такие меры означают передачу государственной власти привилегированным частным группам. Без ведома большинства американских граждан появилось большое число частных лиц с правом принятия решений, осуществляющих государственную власть в своих собственных интересах и без всякой отчетности перед общественностью. Их можно было бы назвать «государственными каперами»^[746].

Одним из самых влиятельных формирований, которое можно отнести к этой категории, является Федеральная резервная система, которая устанавливает государственную учетную ставку и определяет объем денег в обращении. Федеральная резервная система была создана в 1913 году Конгрессом и президентом Вудро Вильсоном по просьбе крупных банков. Ее главным создателем был Нельсон Олдрич, тесть Джона Д. Рокфеллера (младшего). В Федеральную резервную систему, или сокращенно «Фед», входят все федеральные банки и многие банки штатов^[747]. Совет управляющих системы состоит из семи человек, назначаемых президентом страны на срок в четырнадцать лет по скользящему графику, причем в течение своего конституционного четырехлетнего срока пребывания у власти президент может сделать только два назначения. Будучи назначенным, член совета управляющих фактически не отвечает ни перед кем, кроме банковской системы. Пять региональных членов высшего комитета по финансовой политике выбираются не президентом страны, а банкирами из разных регионов.

Согласно Конституции США, исключительное право эмиссии денег принадлежит Конгрессу. Но сегодня мы видим, что Федеральная резервная система, полностью состоящая из частных банкиров, использует это суверенное полномочие Конгресса. Посмотрите на денежные банкноты в вашем бумажнике — на каждой банкноте четко написано «Казначейство США» (Министерство финансов США. — *Примеч. пер.*). «Фед» не является центральным эмиссионным банком, обслуживающим Казначейство США, однако он возвышается над Министерством финансов, самостоятельно пользуясь правом предоставлять кредиты и эмитировать бумажные деньги. Когда Министерству финансов требуются деньги, оно вынуждено обращаться за ними в Федеральный резервный банк. Министерство выпускает процентные ценные бумаги правительства США. Эти ценные бумаги представляют собой расписки, которые направляются в «Фед».

Федеральная резервная система вносит, например, \$10 миллиардов в дебет счета, в обмен предоставляя соответствующую денежную сумму Министерству финансов США. Если министерство желает получить эти деньги наличными, «Фед» делает заказ на печатание этих денег в Бюро по выпуску денежных знаков и ценных бумаг (там же печатаются и правительственные ценные бумаги).

Как и в случае банковского займа, «Фед» учитывает эти \$10 миллиардов на своем балансе как кредит, предоставленный Министерству финансов США. Затем «Фед» взимает проценты за этот финансовый актив, который он сам и создал. Когда отношение резервов федеральных резервных банков к сумме депозитов и выпущенных банкнот достигает пропорции восемь к одному, «Фед» может выдавать займы 8 долларов за каждый 1 доллар, находящийся в его резерве. По существу, большая часть денежных средств, которые «Фед» выдает займы, возникают из ничего. А Министерство финансов, вместо самостоятельной эмиссии денег, за которые ему не пришлось бы платить никаких процентов, заимствует денежные средства у частной банковской системы, каковой является «Фед». При этом министерство рассчитывает на свое право обложить население страны налогом в качестве гарантии возвращения займа. Таким образом, крупным банкам позволено эмитировать необеспеченные бумажные деньги и взимать с правительства и налогоплательщиков проценты за эти деньги.

Федеральная резервная система — это машина для извлечения дохода, которая ежегодно обеспечивает получение от 16 до 24 миллиардов долларов прибыли — огромной суммы, идущей на раздувающиеся от денег частные счета небольшого класса финансовых воротил^[748]. В 1963 году президент Кеннеди указал, что он совершенно не удовлетворен такого рода эмиссией необеспеченных денег. При нем начался выпуск обеспеченных активами серебра казначейских билетов в качестве денежных средств вместо банкнот Федерального резервного банка. Спустя несколько месяцев Кеннеди был убит, и печатание этих казначейских билетов было почти сразу же прекращено.

Деятельность Федеральной резервной системы скрыта от общественности и не контролируется Конгрессом. Подлежат контролю Конгресса лишь ассигнования, выделяемые на ее деятельность, но «Фед» и здесь уходит от контроля, путем использования на оперативные расходы средств из тех миллиардов долларов, которые она

взимает в качестве процентов за правительственные ценные бумаги. В 1996 году Управление общей бухгалтерской отчетности США выпустило отчет, который газета *New York Times* назвала «необычным независимым исследованием» «скрытного центрального банка». В этом отчете Управление критиковало неспособность Федеральной резервной системы распоряжаться своими собственными финансами, отметив, что ее расходы на оперативную деятельность росли в три раза быстрее, чем федеральные дискреционные расходы. В отчете подчеркивалось, что «Фед» никогда не стремилась сократить затраты на необходимые приобретения и что она накопила фонд для непредвиденных ситуаций в размере \$3,7 миллиарда, который при иных обстоятельствах должен был бы оказаться у Министерства финансов США — и все это в то время, когда его председатель Ален Гринспен неоднократно призывал правительство США сократить свои расходы^[749].

Обычно Федеральная резервная система проводит консервативную дефляционную политику, создавая президенту и Конгрессу трудности в принятии решений, которые могли бы привести к застою в экономике. Ее самостоятельность призвана продемонстрировать ее «независимость» от государственных служб. Но все, что она делает, оказывает политический эффект, как правило, выгодный для банковских и других финансовых кругов. В целом крупные банкиры располагают публично-правовыми полномочиями действовать как избранные олигархи, которые могут манипулировать экономикой, не считаясь с программой действий официальных лиц, оказавшихся на своих постах в результате выборов.

На федеральном, штатном и местном уровнях выполняют различные функции множество уполномоченных государственных органов (таких, например, как портовые власти Нью-Йорка). У всех у них много общего: законодательные органы штатов или Конгресс позволили им действовать вне регулярной структуры правительства, а поскольку они обладают всеми характерными признаками юридического лица, они не подвергаются контролю со стороны общественности и неподотчетны ей. В некоторых штатах уполномоченные государственные органы накапливают долги, которые вдвое превосходят долги штата. Для выполнения своих финансовых обязательств они размещают новые облигационные займы без согласования с налогоплательщиками, которым придется впоследствии

платить за выкуп этих облигаций. Уполномоченные государственные органы — это те структуры, которые пользуются преимуществами с двух сторон, питаясь из государственной кормушки и сохраняя подотчетность только самим себе.

Государственно-монополистическое регулирование в сопоставлении с регулированием государственными органами

Если государственная власть является гарантом и хранителем капитализма и если власть и бизнес настолько тесно переплетены, что нередко неразличимы, тогда почему представители бизнеса так критически относятся к «власти, которая вмешивается в экономику». Этому есть ряд объяснений. Во-первых, Америка частных корпораций совсем не против мер *государственно-монополистического регулирования*, которые ограничивают доступ на рынок, субсидируют избранные отрасли экономики, устанавливают производственные стандарты, выдержать которые способны только крупные компании, ослабляют более мелких конкурентов и поддерживают монопольные цены. Этот вид правительственного регулирования давно получил одобрение корпораций агропромышленного комплекса, систем дальней связи, энергетики, нефтедобычи, фармацевтики и других отраслей экономики.

Крупный бизнес хотел бы ликвидации таких мер *государственного регулирования*, как антитрестовское законодательство, а также нормативных актов, защищающих рабочих, потребителей и окружающую среду. Они воспринимаются бизнесом как проклятье, поскольку могут повлечь за собой сокращение прибыли. Отмена мер государственного регулирования предоставляет бизнесу возможность свободно продолжать гонку за прибылью, освободив себя от возмещения общественных затрат на эту гонку. Отмена государственного регулирования горнодобывающих компаний развязала им руки в проведении открытых разработок месторождений и опустошении природного ландшафта без всякой обязанности оплачивать расходы на восстановление природной среды. Отмена регулирования позволяет руководителям частных фирм получать дополнительные доходы и выплаты, не информируя об этом акционеров и налогоплательщиков, что один журналист, специализирующийся по проблемам бизнеса, назвал «лицензией на воровство»^[750]. Отмена регулирования позволила банкам повысить тарифы за обслуживание

клиентов в то время, когда их собственные расходы на обслуживание клиентов с помощью компьютеризованных технологий снизились. Как заметил один член Конгресса: «Дальнейшего сокращения регулирования шумно требуют не клиенты, а банкиры»^[751].

Бизнес не слишком привержен неким абстрактным принципам «свободного рынка». Государственное регулирование, которое приносит увеличение прибылей, — приветствуется, а если оно сокращает прибыли — осуждается. Только в последнем случае из залов заседаний советов директоров компаний раздаются требования об отмене государственного регулирования. Бизнес заботит только то, что законодательство о государственном регулировании может распространиться на новые округа, что прибыль может начать снижаться вместо повышения или начнет расширяться государственный бесприбыльный сектор экономики.

Подавляющая часть словесной оппозиции правительству — это манифестация приверженности деловых людей мировоззрению бизнеса, вера в достоинства прямолинейного индивидуализма и частной конкуренции. То, что эти люди в своих корпоративных делах способны пойти против собственных убеждений, не означает, что их убеждения лицемерны. Убеждений искренне придерживаются потому, что они обеспечивают собственные интересы. И именно совпадение убеждений с собственным представлением о себе и со своей личной выгодой делает убеждения настолько притягательными и доказательными для их горячих сторонников. Многие деловые люди, включая тех, кто извлек выгоду из правительственных контрактов, субсидий и налогового законодательства, считают, что полученный ими доход является результатом их уверенности в себе, их личных усилий и талантов на остроконкурентном «частном» рынке. Они считают, что та помощь, которую бизнес получает от правительства, приносит пользу всей национальной экономике, а помощь, которую получают другие, — это спасение паразитов и тунеядцев.

Нам требуется не бесконечное создание регулирующих ведомств, а изменение условий, которые требуют такого большого объема регулирования. То есть требуется другая форма владения собственностью и другой способ производства, которые бы делали человека важнее прибыли.

17.

В высшей степени политизированный суд

В разделе 1 статьи 3 Конституции США говорится: «Судебная власть Соединенных Штатов предоставляется одному Верховному суду и таким нижестоящим судам, какие Конгресс может время от времени учреждать». Судьи Верховного суда США и все другие федеральные судьи назначаются президентом и в обязательном порядке подлежат утверждению Сенатом США. Федеральные судьи назначаются на свой пост на пожизненный срок и могут быть отстранены от должности только за плохое исполнение своих обязанностей посредством процедуры импичмента в Сенате. Численность членов Верховного суда, определяемая законом, колебалась от шести до десяти членов. В 1877 году численный состав Верховного суда был зафиксирован в девять судей.

Все три ветви государственной власти приводятся к присяге в верности Конституции, однако только Верховный суд может выносить постановления о соответствии Конституции действий двух других ветвей власти, по крайней мере в отношении тех действий, которые были изложены в судебных делах, переданных ему на рассмотрение. В Конституции ничего не сказано в отношении полномочий Верховного суда пересматривать и отменять постановления *законодательной и исполнительной властей*, однако в материалах Конституционного Конвента от 1787 года упоминается о том, что многие делегаты ожидали от судебной власти отмены законов, которые представлялись несовместимыми с Конституцией^[752]. Значительно большее значение имеет *судебная интерпретация*, то есть полномочие суда определять первоначальный замысел и сферу действия законов, применительно к современной ситуации. Наша цель здесь заключается в том, чтобы попытаться понять, какую политическую роль сыграл Верховный суд в борьбе за демократию и против нее.

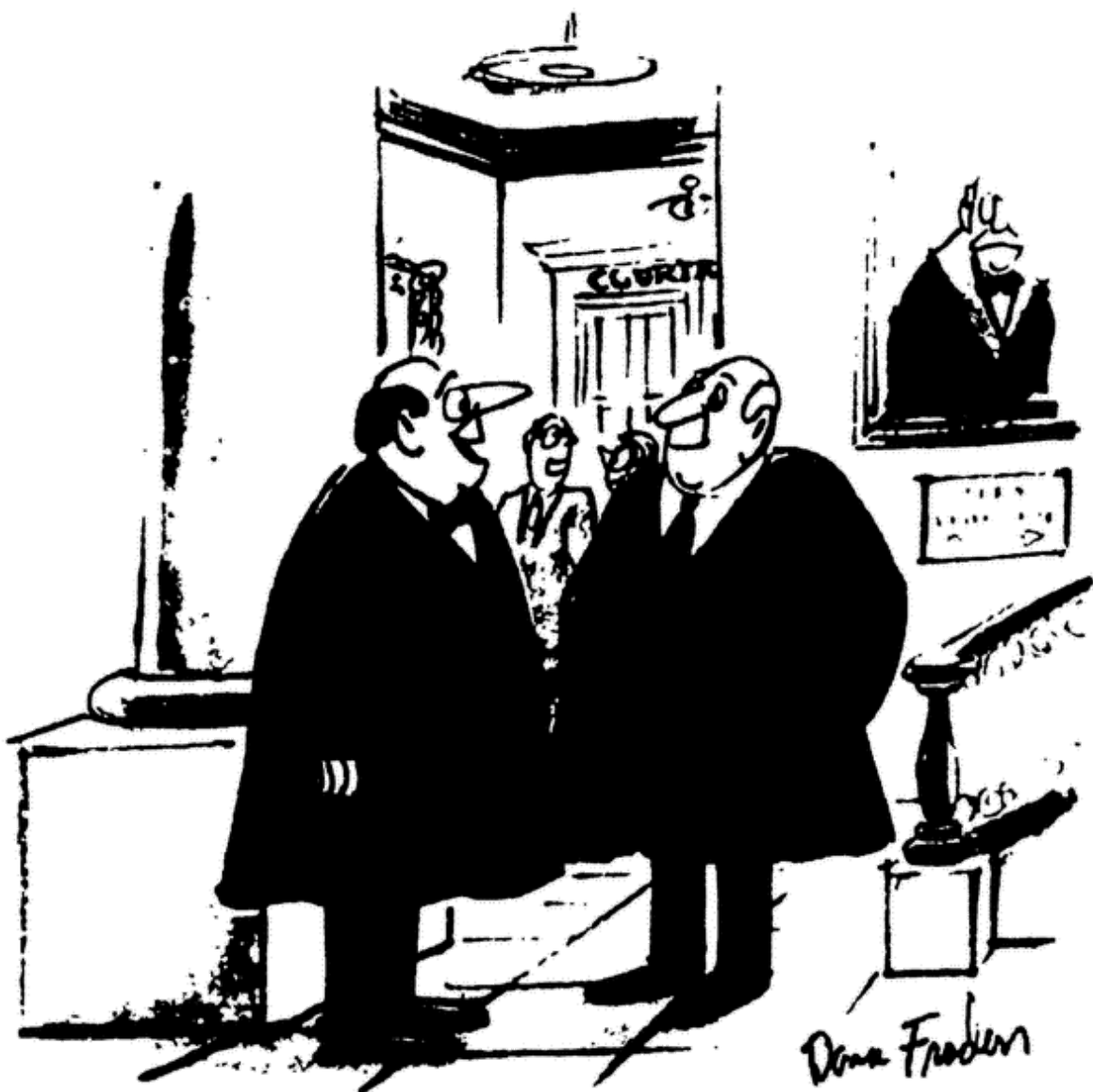
Кто отправляет правосудие?

По своей природе Верховный суд представляет собой некую аристократическую разновидность ветви власти: его члены скорее назначаются, чем избираются; они пользуются правом пожизненного пребывания в должности, формально неподотчетны никому и по вопросам соответствия Конституции имеют право на решающее и окончательное мнение. Согласно замыслу авторов Конституции, предназначение Верховного суда заключается в том, чтобы действовать в качестве сдерживающего фактора для демократического большинства, защищать частную собственность, контракт и кредит.

Вообще говоря, по классовому происхождению и политическим предпочтениям судей Верховного суда можно отнести к людям, близким скорее к земельным собственникам, чем к безземельным гражданам, скорее к рабовладельцам, чем к рабам, к промышленникам, чем к рабочим, к сторонникам Герберта Спенсера, чем Карла Маркса. Судья Миллер, назначенный членом Верховного суда Линкольном, заметил в отношении склонностей людей судейского класса: «Бесполезно спорить с судьями, которые работали в судах, в течение сорока лет выступая в адвокатами железнодорожных компаний и других связанных с ними частных фирм... Вся их подготовка и профессиональный опыт, все их чувства с самого начала находятся на стороне тех, кого они защищали в течение всей своей профессиональной карьеры»^[753].

На протяжении почти всей своей истории «члены Верховного суда комплектовались из класса корпоративных юристов, поэтому у них нет недостатка сочувствия к потребностям капитализма»^[754]. В одном исследовании было установлено, что полуофициальный Комитет по федеральной системе судопроизводства Ассоциации американских адвокатов, задача которого заключается в вынесении заключений о профессиональной квалификации судей, перспективных для назначения на должности в федеральных судах всех уровней (окружных и апелляционных), оказывает предпочтение тем из них, кто в политическом плане ориентируется на консерваторов и поддерживает интересы корпораций^[755]. За небольшими исключениями, приемлемый спектр политической ориентации кандидатов на назначение членами

Верховного суда находится в интервале от ультраконсерваторов до центристов. Председатель Верховного суда Хьюз однажды заметил: «Все мы находимся под Конституцией, но сама Конституция — это то, что считают в этом качестве судьи»^[756]. А то, что они считают, в значительной степени определяется их идеологическими предпочтениями. Если судьи смотрят на какой-либо вопрос положительно, тогда они начинают рассуждать следующим образом: «В Конституции по этому поводу нет никакого запрета». Если они смотрят на вопрос отрицательно, тогда они говорят: «В Конституции этого не предусмотрено». Поскольку большинство действий правительства и событий политической жизни специально в Конституции не упомянуты, их можно оценивать в интервале оценок: «не запрещены Конституцией» или «не предусмотрены в Конституции», что оставляет решение полностью в зависимости от политических предпочтений участвующих в обсуждении вопроса юристов. Таким образом, когда в 1996 году судья Энтони Кеннеди поддержал решение о смертной казни по судебному делу военнослужащего на том основании, что Конституция не запрещает Конгрессу делегировать президенту, действующему в качестве главнокомандующего Вооруженных сил, «исполнение закона о высшей мере наказания». Но на основании этой же логики можно доказывать, что Конституция не предоставляет Конгрессу права делегировать такие полномочия.



«Я рад сообщить вам, что мое окончательное решение по судебным делам почти всегда совпадает с моим предварительным решением». Над дверью в глубине надпись: «Зал заседаний суда»

Время от времени какой-нибудь президент назначает в члены Верховного суда человека, чье поведение и действия противоречат его взглядам, но обычно президенты подбирали в члены Верховного суда таких людей, которые полностью соответствовали их идеологическим предпочтениям. В 1980-х годах президент Рейган своими усилиями превзошел всех президентов, назначив более половины из 744

федеральных судей из числа убежденных консерваторов в возрасте от тридцати до пятидесяти лет, которым предстояло принимать судебные решения и формировать законодательство страны на последующий период от тридцати до пятидесяти лет. Свыше 80% назначенных Рейганом судей имели ежегодный доход выше \$200 000, а 23% признали, что являются миллионерами^[757].

Преемник Рейгана Джордж Буш назначил дополнительно 195 федеральных судей — все консерваторы, как правило, довольно молодые, включая Кларенс Томас — совершенно непримечательную женщину в возрасте тридцати четырех лет, по убеждениям в высшей степени консервативную — членом Верховного суда на замену опытному Тергуду Маршаллу. За двенадцать лет пребывания у власти администрации Рейгана и Буша перевернули все юридические высшие учебные заведения страны и заполнили штаты федеральных судей консервативно-агрессивными юристами.

Когда президентом стал демократ Билл Клинтон, у него появилась завидная возможность заполнить более сотни судебных вакансий и добиться достижения некоторого идеологического баланса в составе судей апелляционных и окружных судов. Его коллеги демократы контролировали Сенат, который имеет полномочия утверждать или отвергать назначенцев президента на должности судей. Среди назначенцев Клинтона в апелляционные и окружные суды было рекордное число женщин и представителей этнических меньшинств, но, в целом, назначенные им судьи были в наименьшей степени либеральными из всех назначенных президентами-демократами последнего времени. Они вынесли либеральные решения только в 46% судебных дел^[758]. Клинтон быстро соглашался отменить назначение кандидатов на должности судей, если республиканцы выдвигали серьезные возражения. По словам одного из его помощников, он непосредственно занимался подбором кандидатур на должности судей. Когда он и сотрудники его аппарата заявляли, что они воздерживаются от назначения «идеологизированных» кандидатов на судебные должности, такие заявления предназначались для убежденных либералов. Но нежелание Клинтона иметь дело с явными либералами отражало его собственную консервативную идеологию «Новые демократы».

В 1998 году более половины из шестидесяти пяти назначенных Клинтоном федеральных судей были миллионерами. Шесть членов Верховного суда признали себя миллионерами, и два других дали слишком заниженные цифры своих финансовых активов, включая председателя Верховного суда. Ренквиста^[759]. В последний год пребывания администрации президента Клинтона у власти контролируемый республиканцами Сенат, надеясь на завоевание должности президента в 2001 году, отказался одобрить назначение нескольких десятков кандидатов на судейские должности, оставив вакантными около восьмидесяти должностей.

Консервативный судебный активизм [\[760\]](#)

Судьи Верховного суда всегда проявляли невероятную изобретательность в подборе конституционных оправданий для продления различных несправедливостей и беззаконий, будь то рабство или сегрегация, детский труд или шестнадцатичасовой рабочий день, законы об антиправительственной агитации или нападки на первую поправку к Конституции.

В давние времена, при председателе Джоне Маршалле, Верховный суд проявил себя как энергичный защитник собственности частных фирм в явившемся вехой в судебной практике деле «Попечители Дартмутского колледжа против Вудворда» (1819). В ответ на требования фермеров и ремесленников о доступном государственном образовании законодательный орган штата Нью-Хэмпшир превратил частную закрытую школу Дартмутский колледж в государственный университет. Попечители выступили против этого решения законодательного органа штата, однако суд штата постановил, что законодательный орган действовал в пределах своей компетенции, поскольку образование «является одной из главных забот населения». Кроме того, попечители не имели прав собственности в Дартмутском колледже. Их обязанность заключалась в исполнении должностей попечителей от имени публичного доверительного фонда. Верховный суд под председательством Маршалла смотрел на это дело иначе. Грамота о присвоении Дартмутскому колледжу статуса корпорации, пожалованная британской короной в 1769 году, была контрактом, обязательства по которому не могли быть упразднены или нарушены законодательным актом. Дартмут был частноправовой корпорацией и должен был остаться частной школой. И до сего дня Дартмут остается элитной частной школой, доступной только для тех, кто располагает весьма существенными денежными средствами.

В разделе 10 статьи 1 Конституции говорится о том, что ни один штат не может «принимать законы, нарушающие договорные обязательства». Авторы Конституции имели в виду контракты (договоры. — *Примеч. пер.*) между частными лицами. В деле о Дартмутском колледже Верховный суд применил пункт о контракте к грамоте о присвоении устава корпорации, настаивая на том, что

инициатива штата по созданию демократической системы образования имела «сомнительную пользу» по сравнению с обязательством штата защищать договорные обязательства (заключенные между британской короной и первыми поселенцами) с участием частных корпораций, хотя слово «корпорация» нигде в Конституции не упоминается. Получается, что штат не располагает демократической суверенной властью над корпорацией. В деле о Дартмутском колледже судья Маршалл подтвердил право Верховного суда пересматривать и отменять решения законодательной и исполнительной властей, принятые на основании закона штата, тем самым объявив его неконституционным.

Многие судьи, включая и Маршалла, были рабовладельцами. Они неоднократно отстаивали примат прав собственности над рабами, отвергая все прошения рабов о предоставлении им свободы. Накануне начала Гражданской войны в широко известном судебном деле «Дред Скот против Сандфорда» (1857) Верховный суд постановил, что вне зависимости от того, свободны они или остаются рабами, чернокожие являются «существами подчиненными и более низкого класса», без конституционных прав, и Конгресс не имеет полномочий упразднить институт рабовладельцев с их рабами на территории государства.

Сегодня большая часть дискуссий о Верховном суде концентрируется на следующем:

а) проводя линию на либеральный судебный активизм, должен ли суд действовать «политически» и «идеологически», решительно поддерживая индивидуальные права и общественные потребности,

б) придерживаться консервативного «судебного ограничения», полагаясь на две другие ветви власти и сохраняя приверженность традиционному толкованию Конституции.

На практике Верховный суд на протяжении большей части своей истории придерживался консервативного судебного активизма, защищая интересы богатых.

Когда федеральное правительство хотело основать национальные банки^[761], отдать половину страны частным спекулянтам, предоставить субсидии промышленности, создать комиссии по установлению фиксированных цен и процентных ставок для крупных предприятий промышленности и банков, послать морских пехотинцев для защиты инвестиций частных фирм в Центральной Америке, заключить в тюрьму тех, кто поднимает свой голос против войны и капитализма,

депортировать из страны без суда радикальных иммигрантов, использовать вооруженные силы для того, чтобы стрелять в рабочих и срывать забастовки, Верховный суд всегда изобретательно находил конституционные оправдания для поддержки этих решений.

Однако если федеральное правительство или власти штата искали возможности для ограничения продолжительности рабочего дня, установления гарантированного минимума зарплаты или введения твердых правил охраны труда, обеспечения безопасности потребительских продуктов и гарантий прав на переговоры о заключении трудовых договоров, тогда Верховный суд принимал решение о том, что они не располагают достаточными полномочиями для того, чтобы решать вопросы собственности и «свободного рынка» путем лишения собственника и рабочих «процедуры рассмотрения дела с надлежащим соблюдением норм материального права» и «свободы контракта». Процедура рассмотрения дела с надлежащим соблюдением норм материального права — это некая внутренне противоречивая идея правосудия, отсутствующая в тексте Конституции и являющаяся выдумкой консервативных сторонников судебного активизма. Она давала возможность Верховному суду объявлять законы неконституционными, если они лишали частных лиц и частных фирм свободы распоряжаться властью по собственному усмотрению^[762].

Четырнадцатая поправка к Конституции, принятая с целью официального признания полных гражданских прав чернокожих граждан, гласит: «Ни один из штатов не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; и не может какой-либо штат лишать какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; не может отказывать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите на основе законов». Верховный суд решил, что понятие «лицо» включает в себя и корпорации и что четырнадцатая поправка имеет в виду защиту многопрофильных корпораций от «нескончаемых правил и ограничений» властей штатов^[763]. К 1920 году федеральные суды отменили действие около трехсот законов о труде, которые были приняты законодательными органами штатов, в целях облегчения жестоких условий труда рабочих. В период между 1880 и 1931 годами суды выпустили более 1800 судебных постановлений против

забастовок^[764]. (Судебное постановление — это приказ суда, запрещающий одной из сторон предпринимать определенные действия.)

Когда Конгресс поставил вне закона детский труд, консервативное большинство членов Верховного суда сочло это неконституционной узурпацией прав, сохраненных за штатами, согласно десятой поправке к Конституции, которая гласит: «Полномочия, не делегированные Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные для отдельных штатов, сохраняются соответственно за штатами либо за народом». Но, когда штаты приняли законодательство по социальному обеспечению, консервативные сторонники судебного активизма в Верховном суде нашли его противоречащим «процедуре рассмотрения дела с надлежащим соблюдением норм материального права», согласно четырнадцатой поправке к Конституции^[765]. Таким образом, судьи использовали десятую поправку к Конституции для того, чтобы остановить федеральные реформы, начатые согласно четырнадцатой поправке, а четырнадцатую поправку — для того, чтобы остановить реформы штатов, начатые согласно десятой поправке. Говоря юридическим языком, трудно вообразить себе более изобретательных сторонников активизма, чем эти.

В 1986 году консервативный Верховный суд рассмотрел судебное дело «Плес-си против Фергюссон», в котором приведена чрезвычайно изобретательная трактовка пункта равной защиты граждан законом из четырнадцатой поправки к Конституции. Плесси провозгласил доктрину «равные, но сегрегированные»^[766]. Эта принудительная сегрегация цветных и белых граждан в общественных зданиях и сооружениях не подразумевает более низкого достоинства, поскольку здания и сооружения более или менее одинаковы (что бывает весьма редко). Эта полностью ранее неизвестная интерпретация придавала конституционную легитимность практике расовой сегрегации, за которую выступали сторонники превосходства белой расы.

Придя к убеждению, что, в результате отношения к ним со стороны общества с доминированием мужчин, они тоже подпадают под то самое понятие «лицо», женщины начали утверждать, что четырнадцатая и пятая поправки к Конституции применимы и к ним и что ограничения в избирательном праве, налагаемые на них федеральным правительством и властями штатов, должны быть упразднены. В пятой поправке к

Конституции среди прочего говорится, что «ни одно лицо... не должно лишаться... свободы... без должной правовой процедуры». Это относится к федеральному правительству таким же образом, как четырнадцатая поправка относится к штатам. Но в судебном деле «Майнор против Хэпперсетт» (1875) Верховный суд, полностью состоящий из судей мужского пола, придумал другую извращенную интерпретацию: «Женщины являются гражданами, а гражданство не предусматривает обязательного предоставления избирательного права»^[767]. Верховный суд, по-видимому, решил, что такие категории, как «права и привилегии граждан», «должная правовая процедура» и «равная защита со стороны закона» относятся к таким «лицам», как частные фирмы, но не к женщинам и лицам африканского происхождения.

Уже во время осуществления программы «Новый курс» Верховный суд стал оплотом ярых сторонников невмешательства государства в экономику и неограниченной свободы предпринимательства, а также отмены действия — зачастую большинством в четыре или пять голосов — реформ, проведенных законодательными органами штатов и Конгрессом. Начиная с 1937 года, под давлением со стороны общественности и Белого дома, Верховный суд начал признавать конституционность законодательства программы «Новый курс».

Обход первой поправки к Конституции

Верховный суд выступал против ограничений экономической мощи капитализма, однако поддерживал ограничения гражданских свобод тех лиц, которые вели агитацию против этой мощи. Первая поправка к Конституции гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова и печати»^[768]. Однако со времени законов о враждебной деятельности иностранцев и антиправительственной пропаганде от 1798 года вплоть до настоящего времени Конгресс и законодательные органы штатов приняли множество законов для наказания за выражение еретических идей как «подрывного», так и «мятежного» характера. Во время Первой мировой войны было проведено более двух тысяч судебных процессов, в основном против противников капитализма, выступавших против войны, включая американского лидера социалистов Юджина Виктора Дебса, который был заключен в тюрьму. Один человек, который в частном разговоре в доме своего родственника высказал мнение, что это война богатых людей, был оштрафован на \$5000 и приговорен к двадцати годам тюремного заключения^[769].

Отношение Верховного суда к первой поправке к Конституции лучше всего было выражено судьей Оливером Уэнделлом Холмсом в судебном деле «Шенк против Соединенных Штатов» (1919). За распространение листовок с призывом отменить призыв в Вооруженные силы и осудить войну как преступление со стороны Уолл-стрит Шенку было предъявлено обвинение в попытке вызвать неподчинение приказам в рядах военнослужащих США и в создании препятствий комплектованию личного состава. Оба эти обвинения подпадали под статьи Закона о шпионаже от 1917 года. В мирное время, приводил свои аргументы судья Холмс, такие речи защищены первой поправкой к Конституции, но, когда страна находится в состоянии войны, заявления, подобные тем, что произнес Шенк, создают «явную и реальную угрозу» причинения «вреда, который Конгресс имеет право предотвратить». Свобода слова, утверждал Холмс, «не защитит человека от вероломно открытой стрельбы в переполненном театре, где возникла паника». Аналогия совершенно надуманная: Шенк не был в театре и не создавал паники, он искал аудиторию для выражения своего

протеста против политики, которую Верховный суд рассматривал как бесспорную. Холмс приводил тот же самый аргумент, который выставляет любой правитель, стремящийся ликвидировать свободу народа: сейчас опасные времена; национальная безопасность требует приостановки действия демократических прав^[770].

Верховный суд неоднократно высказывал мнение о предположительно пагубном характере радикальных идей как доказательстве их губительности и как доводе в пользу их запрещения. Когда в 1951 году руководство Коммунистической партии было признано виновным на основании положений Закона Смита, который объявлял тяжким уголовным преступлением пропаганду и защиту насильственного свержения правительства, Верховный суд поддержал это обвинение, доказывая в судебном деле «Денис и прочие против Соединенных Штатов», что во время действия Конституции не было свободы для тех, кто устраивал заговоры в целях расширения революционного движения. Свобода слова была не абсолютной ценностью, а одной из многих ценностей, конкурирующих друг с другом. Судьи Блэк и Дуглас высказали другой взгляд, доказывая, что подсудимым были предъявлены обвинения не за нарушения какого-либо закона или за их слова о насильственной революции, а лишь за то, что они намеревались публиковать и пропагандировать классические труды Маркса, Энгельса и Ленина. В любом случае, доказывали они, первая поправка к Конституции была предназначена для защиты самых еретических взглядов, которые мы можем посчитать агрессивными и внушающими опасения. Безопасные общепризнанные идеи редко нуждаются в конституционной защите.

Спустя шесть лет еще четырнадцать коммунистов были осуждены на основании Закона Смита за запрещенные политические убеждения. Однако в то время, как политический климат в стране, так и политический облик Верховного суда изменились, поэтому судьи несколько сдерживались, постановив, что Закон Смита запрещал лишь подстрекательство к незаконным действиям, а не выступления «в защиту абстрактной доктрины». Обвинительные приговоры были отменены. Судья Блэк добавил свое мнение о том, что следует объявить противоречащим Конституции сам Закон Смита, поскольку «первая поправка к Конституции запрещает Конгрессу наказывать людей за разговоры об общественных делах вне зависимости от того, побуждают

ли такие дискуссии к действиям законного или незаконного характера»^[771]. В 1977 году Конгресс отменил Закон Смита.

В отдельные времена отказывали в праве на свободу слова коммунистам, но не корпорациям, которые, по определению Верховного суда, являются юридическими лицами с правами, вытекающими из первой поправки к Конституции. Более того, как сказал судья Льюис Пауэлл, затраты корпораций на оказание влияния на голосующих граждан в ходе референдумов «являются той самой свободой слова, необходимой для принятия решений в демократическом обществе»^[772]. В своем особом мнении судьи Уайт, Бреннан и Маршалл подчеркнули, что «корпорации являются искусственными образованиями, созданными законом в целях достижения определенных экономических целей». Их «огромная экономическая власть» может «господствовать не только над экономикой, но и над нашей демократией и процессом выборов».

В недавние времена первая поправка к Конституции была использована Верховным судом для создания препятствий на пути проведения реформ, представляющих общественный интерес, как это делалось раньше с использованием прав собственности и договорных прав. Так, консервативные члены Верховного суда постановили, что запрет штата Род-Айленд на рекламу цен алкогольных напитков нарушает «коммерческую свободу слова». Верховный суд не видит различий между действиями правительства по проведению цензуры высказываний и его действиями по ограничению власти частнособственнической системы^[773].

В решении, принятом семью голосами «за» и двумя голосами «против», судьи Верховного суда провозгласили, что доклады и выступления в Интернете должны пользоваться высшим уровнем защиты со стороны первой поправки к Конституции и что предотвращение просмотра детьми «непристойных материалов» должно проводиться без обязательного блокирования материалов, предназначенных для взрослых^[774]. Хотелось бы, чтобы Верховный суд гарантировал политическим радикалам такую же первую поправку к Конституции, какая обеспечена любителям порнографии.

Свобода для революционеров?

Некоторые люди утверждают, что революционеры нарушают демократические правила игры и им не следует позволять «пользоваться теми свободами, которые они стремятся разрушить». Для того чтобы сохранить нашу свободу, нам придется лишить свободы некоторых других людей^[775]. В качестве ответа можно выдвинуть несколько возражений.

Во-первых, меры, предпринимаемые в целях ограждения нас от революционных идеалов, никогда не были адекватны угрозе революции в Соединенных Штатах и ее опасности для наших свобод. Во имя национальной безопасности выступления в защиту революции запрещены и любая критика тех, кто у власти, не допускается.

Во-вторых, подавляя «вредные» мысли, политическая элита сама наводит нас на определенные размышления и в то же время лишает нас возможности услышать и обсудить неортодоксальные идеи. Обмен мнениями с апологетами революции невозможен, потому что таких апологетов заставили замолчать, и это кладет предел нашим собственным критическим мыслям на эту тему.

В-третьих, неверно, что противники капитализма преданы идее разрушения свободы. В Соединенных Штатах волнения трудящихся, подогреваемые социалистами, анархистами и коммунистами, расширили районы инакомыслия и способствовали активизации участия в выборах неимущих слоев трудового населения. В начале XX века демонстрации, организованные революционно настроенными группами «Индустриальные рабочие мира» («борцы за свободу слова») против репрессивных указов и постановлений местных органов власти, усилили значение первой поправки к Конституции как средства противодействия нападкам со стороны представителей состоятельных слоев общества. Решающая роль, которую сыграли коммунисты в период 1930-х годов в создании производственных профсоюзов, а также в борьбе за социальные реформы, мир и гражданские права, значительно усилили, а отнюдь не подорвали демократические силы. Активные протесты против войны во Вьетнаме бросили вызов аморальной, противозаконной военной авантюре и расширили спектр

критики и информационного освещения внешней политики США, по крайней мере, в течение определенного периода времени.

В-четвертых, вместо того, чтобы возбуждать опасения по поводу будущей революционной угрозы, нам необходимо осознать, что свободы в нашем обществе явно не хватает. Создание новых социально-экономических альтернатив приведет к большей свободе, включая и свободу от бедности и голода, свободу участвовать в принятии решений в отношении создания рабочих мест, а также свободу экспериментировать с новыми формами производства и владения собственностью. Следует признать, что часть тех свобод, которые существуют сегодня, в революционном обществе исчезнут, и, в частности, свобода эксплуатировать труд других людей и богатеть за их счет, свобода безрассудно растрачивать природные ресурсы и относиться к природной среде как к отстойнику канализационных отходов, свобода монополизировать информацию и располагать неподотчетной властью.

Во многих странах революционные общественные движения привели к явному прогрессу в области свободы личности, улучшению условий для сохранения здоровья и увеличения продолжительности жизни людей, созданию рабочих мест для безработных и повышению уровня образования для неграмотных, использованию экономических ресурсов общества в интересах общественного развития, а не для увеличения прибылей корпораций, к устранению от власти реакционных полуфеодальных режимов, прекращению иностранной эксплуатации и привлечению широких масс населения к решению задач, связанных со строительством национальной экономики. Революции могут увеличить объем реальных свобод, никак не лишая людей тех свобод, которые в этих странах для них просто не существовали.

Эти аргументы можно оспаривать, но при условии, если не запрещена сама дискуссия. В любом случае реальная опасность для свободы в Соединенных Штатах исходит от тех, кто хотел бы изолировать американцев от «неприемлемых» взглядов. Ни одна идея не представляет такой опасности, как та сила, которая хотела бы подавить ее.

Перемены в курсе Верховного суда

Направление, в котором движется Верховный суд, зависит от: а) давления общественных организаций, выступающих в поддержку определенных интересов, б) политического климата в стране в определенный период времени и с) политических настроений большинства членов суда. Перечень достижений Верховного суда в области личных свобод, хотя и совершенно недостаточный, тем не менее не лишен некоторых заслуг. За многие годы Верховный суд расширил те части Билля о правах^[776], которые относятся не только к федеральному правительству, но и к правительствам штатов (благодаря четырнадцатой поправке к Конституции). Попытки штатов подвергать цензуре публикации в печати, лишать людей права на мирные собрания и ослаблять принцип отделения Церкви от государства были отвергнуты^[777].

В период 1960-х годов Верховный суд, который возглавлял Эрл Уоррен, под влиянием политической активности народных масс и либеральных взглядов большинства членов суда принял ряд постановлений в направлении: а) защиты гражданских свобод, б) перераспределения избирательных округов по выборам в законодательные органы и с) расширения экономических прав бедных слоев населения путем признания за ними защищенного права собственности на те пособия, которые они получают^[778]. «Впервые в истории нации большинство членов Верховного суда проявило инициативу в интересах бедных»^[779].

Верховный суд под председательством Уоррена принял ряд ставших прецедентными решений, направленных на запрещение расовой сегрегации. Более всего в этом плане выделяется его решение по судебному делу «Браун против Совета по вопросам образования» (1954), в котором суд единогласно постановил, что «раздельные образовательные учреждения по своей сути несправедливы», поскольку неизбежно бросают оттенок неполноценности на этническое меньшинство, подвергаемое сегрегации. Это решение отменило доктрину «равные, но сегрегированные», провозглашенную в 1896 году в решении по судебному делу «Плесси». Кроме того, Верховный суд

ликвидировал государственный запрет браков между представителями различных рас^[780].

Спустя годы после председательства Эрла Уоррена Верховный суд с консервативным составом назначенных судей по многим важным вопросам проявил в своих решениях явно правые тенденции^[781].

Борьба за улучшение условий труда. В решениях по спорам между трудящимися и хозяевами предприятий составы Верховного суда под председательством судей Бергера и Ренквиста почти всегда занимали сторону хозяев, сокращая возможности трудящихся по созданию профсоюзов и ведению с хозяевами предприятий переговоры о заключении коллективных договоров. Так, Верховный суд вынес постановление, что рабочие не имеют права бастовать из-за проблем с состоянием охраны труда, если их трудовой договор предусматривает досудебный порядок разрешения трудовых споров, отказав, таким образом, шахтерам в праве прекратить работу при явных нарушениях техники безопасности и отказе владельцев предприятия исправить положение. Суд постановил, что работодатели могут применять против трудящихся за создание профсоюза карательные санкции путем прекращения работы предприятия и отказа трудящимся в рабочих местах. Теперь компании могут в одностороннем порядке расторгнуть трудовой договор и резко сократить заработную плату своим рабочим и служащим, объявив о «реорганизации предприятия» по закону о банкротстве. В другом судебном деле было вынесено решение о том, что работники, не являющиеся членами профсоюза, однако уплачивающие согласно условиям трудового договора денежные средства, эквивалентные взносам членов профсоюза, могут потребовать, чтобы внесенные ими деньги не использовались на политическую деятельность, которую поддерживает профсоюз^[782]. Консервативное большинство членов Верховного суда поддержало федеральные и штатные законы, которые отказывают бастующим рабочим в праве на получение пособий по безработице. Компании могут теперь предоставлять преимущественное право на рабочее место штрейкбрехерам, проводя, таким образом, линию на дальнейший подрыв права организованных в профсоюз трудящихся на забастовку^[783]. Компании также могут резко сокращать отчисления по страхованию на случай болезни для работников, у которых обнаружены серьезные заболевания. Фактически работники получают отчисления на

медицинское страхование только до тех пор, пока они не используют его для лечения серьезного заболевания. Такая постановка вопроса подрывает саму основу медицинского страхования^[784].

Экономическое неравенство. Консервативные юристы Верховного суда уделяли больше внимания предпочтениям богатых, чем нуждам бедных. Поддерживая законы, сокращающие материальную помощь, они ставили под сомнение идею о том, что помощь бедным слоям населения защищена надлежащими правовыми нормами^[785]. Демонстрируя якобы нарушение требования четырнадцатой поправки к Конституции об одинаковой защите законом всех граждан, судьи приняли решение о том, что штаты вправе обеспечивать различное качество образования в своих школах, соответственно объему собранных налоговых средств. Таким образом, они допустили практически любую степень неравенства в этой области, не доходя лишь до полного лишения возможности получения образования^[786].

Действующий закон позволяет выделять субсидии на воду для ферм с размером земельного участка от 160 акров и ниже при условии, что фермеры живут на ферме или рядом с ней. Тем не менее Верховный суд вынес решение, что крупные сельскохозяйственные предприятия, включая и те, которыми владеют корпорации Southern Pacific и Standard Oil, имеют право на субсидии на водоснабжение^[787].

Тринадцатая поправка к Конституции штата Калифорния («Предложение 13») ограничивала рост налога на недвижимость, приобретенную до 1975 года, поэтому для людей, которые недавно купили свои дома, сумма уплаты налога на недвижимость составляла почти 400% того уровня, что платили за недвижимость владельцы давно приобретенных домов и зачастую состоятельные владельцы. Члены Верховного суда решили, что наличие привилегированной прослойки домовладельцев не нарушает конституционного принципа равной защиты граждан законом. В порядке особого мнения судья Стивене заявил, что «Предложение 13» «устанавливает привилегию средневекового характера: две семьи с одинаковыми потребностями и одинаковыми ресурсами испытывают к себе различное отношение»^[788].

Гражданские права. Верховный суд разрешил армии США следить за законной политической деятельностью граждан, но запретил гражданским лицам приносить политическую литературу и устраивать демонстрации у военных гарнизонов и постов^[789]. Журналистов

лишили права не раскрывать свои источники конфиденциальной информации при официальном вызове в суд, что ограничило их возможности защитить свои источники и проводить расследования^[790]. Верховный суд постановил, что запреты на политические символы в общественных местах не являются ограничением на свободу слова, так же как и ограничения на демонстрации и распространение листовок в торгово-развлекательных центрах^[791]. В судебном деле «Торнбург против Эбботта» (1989) тюремным чиновникам была предоставлена полная свобода самим решать, какие публикации могут получать заключенные, при этом контроль цензуры был направлен в основном против политически диссидентской литературы.

У учащихся и студентов средних и высших учебных заведений ситуация стала ничем не лучше, когда Верховный суд вынес решение, что администрация учебных заведений может подвергать цензуре публикации, проводить неожиданные проверки на употребление наркотиков и переводить в другие места преподавателей, использующих в учебном процессе материалы, вызывающие неодобрение официальных властей^[792]. Однако суд поддержал право критиковать общественных деятелей даже вызывающим возражения и ненадлежащим образом^[793]. А недавно Верховный суд единогласно принял решение о том, что государственные колледжи и университеты могут обязать всех учащихся и студентов вносить плату на поддержку деятельности организаций университетского городка, даже если студенты не испытывают симпатий к политическим целям и действиям конкретных организаций. Оплата должна вноситься для того, чтобы избежать поддержки некоторых других взглядов в ущерб официально разрешенным^[794].

Верховный суд принял решение в отношении государственного служащего из штата Мичиган, которому было отказано в карьерном продвижении на том основании, что у полиции было досье на его брата, активно занимавшегося политической деятельностью. В решении суда говорилось о том, что этот служащий не имеет права обращаться в суд с иском против государства. Такое решение ставит политически репрессивные законы государства выше права граждан обратиться в суд для рассмотрения касающихся их дел^[795]. В 1996 году Апелляционный суд постановил, что ФБР имеет право вест досье на американцев, принимающих участие в разрешенной законом мирной политической

деятельности, которая подпадает под действие первой поправки к Конституции, хотя Конгресс принял Закон об охране прав личности, запрещающий проведение подобного рода слежки^[796]. Федеральные суды неоднократно принимали решения о том, что учителя и другие служащие, которых увольняют с работы или подвергают иной дискриминации из-за их политического инакомыслия, не имеют права на восстановление на работе по суду, как в случаях с теми, кто подвергается расовой или тендерной дискриминации.

Отделение Церкви от государства. В первой поправке к Конституции, в частности, говорится: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание». В поддержку установленного Конституцией отделения Церкви от государства Верховный суд вынес решение, что: а) школьные власти не должны допускать в государственных школах богослужений и молитв при финансовой поддержке бизнеса, б) государственные школьные округа не должны разрешать проведение организованных молитв перед футбольными матчами и с) власти штатов не имеют права требовать от руководства государственных школ преподавания теории эволюции^[797], а также проповедей христианского вероучения о сотворении мира, которое утверждает, что никакой эволюции не было, а весь мир был создан Богом в законченном и совершенном виде за шесть дней^[798].

В нарушение принципа разделения Церкви и государства Верховный суд долгое время утверждал, что религиозные организации имеют право пользоваться различными исключениями из налогообложения, фактически подталкивая граждан-мирян к финансированию различных религиозных объединений. Даже в тех случаях, когда религиозные группы активно вмешивались в такие вопросы политической жизни, как аборты, Налоговое управление США позволяло им сохранять безналоговый статус^[799]. В ряде решений Верховного суда, принятых «пятью голосами против четырех»^[800], глубоко расколота судейская коллегия своими решениями провозглашала, что: а) федеральное финансирование религиозных групп, пропагандирующих целомудрие, не нарушает принципа отделения Церкви от государства; плата за обучение, оплата учебников и транспортные расходы для частных школ (включая и религиозные) исключаются из сумм, подлежащих обложению подоходным налогом;

с) университеты не должны запрещать использование денег, вносимых студентами на поддержку деятельности организаций университетского городка, для финансирования религиозных публикаций; d) федеральные средства могут использоваться для оплаты преподавателей специальных программ образования, которые ведут работу в помещениях церковноприходских школ; e) федеральные программы, по которым компьютеры и другое учебное оборудование устанавливаются в классы церковноприходских школ, не нарушают конституционный принцип отделения Церкви от государства^[801].

Уголовное правосудие. В течение последних двух десятилетий Верховный суд мало сделал для расширения и укрепления прав личности. Правило Миранды^[802], которое запрещает полиции применение пыток в целях получения признаний, было серьезно ослаблено решением Верховного суда по судебному делу «Штат Аризона против больного со скоротечной формой болезни» (1991), в котором говорилось, что «использование обвинением вынужденных признаний — вне зависимости от того, насколько жестокими были формы принуждения, может рассматриваться как нарушение Конституции, которое не повлекло за собой тяжелых последствий». В судебном деле «Масси против штата Вашингтон» (1991) судьи решили, что приговорить к пожизненному заключению виновного в возрасте тринадцати лет с задержкой умственного развития не является нарушением восьмой поправки к Конституции, запрещающей жестокие и необычные наказания. Подельник подсудимого свидетельствовал в своих показаниях, что Масси «только присутствовал там», но никого не убивал.

В судебном деле «Руммель против Эстель» (1980) Верховный суд поддержал приговор к пожизненному заключению в отношении виновного, который совершил три мелких мошенничества на общую сумму в \$230. Председатель суда Ренквист доказывал, что жестоким и необычным можно назвать такое наказание, когда приговаривают к пожизненному тюремному заключению за «парковку машины в запрещенное время». Приведенный судьей пример настолько невероятен, что практически лишает смысла восьмую поправку к Конституции. Тремя годами позднее небольшое изменение в позиции Верховного суда привело к новому решению, принятому большинством «в пять голосов против четырех», которым ниспровергалось решение

суда по делу Руммеля и провозглашалось, что пожизненное тюремное заключение за ряд мелких преступлений не является жестоким и необычным наказанием^[803]. Более того, таким образом суд уточнил, что пожизненное тюремное заключение без права на досрочное освобождение за первый случай хранения кокаина не представляет собой жестокого и необычного наказания^[804].

В 1997 году изобретательные и активные члены Верховного суда пришли к заключению о том, что, вынося приговор, федеральные судьи могут учитывать не только те преступления, за которые подсудимые были осуждены, но также и те обвинения, по которым жюри присяжных признали подсудимых невиновными. Таким образом, даже то обвинение, которое в суде не было доказано, может служить основанием для наказания. При таком подходе о чем можно беспокоиться в суде?^[805]

Конституционный запрет на жестокие и необычные наказания, решил Верховный суд, не защищает школьников от телесных наказаний, даже если школьные официальные лица нанесли им серьезные телесные повреждения.

А пункты поправок к Конституции «о надлежащей правовой процедуре» не накладывают на правительство обязательство защищать человека от злоупотреблений другого человека и даже ребенка от дурного обращения со стороны его родителя^[806]. По-видимому, Верховный суд считает, что дети могут сами защитить себя. Закон, разрешавший несовершеннолетним на слушаниях в суде дел о сексуальных преступлениях давать свидетельские показания, находясь за ширмой, для того чтобы сделать для них менее травмирующим пребывание рядом с лицом, покушавшимся на растление, был признан неконституционным, поскольку он лишал обвиняемых права стоять на очной ставке лицом к лицу с обвиняющим^[807]. На самом деле ребенку все равно приходится стоять лицом к лицу с обвиняемым на перекрестном допросе.

Запрет четвертой поправкой к Конституции необоснованных обысков и арестов был серьезно ослаблен решением Верховного суда о праве полиции проводить тотальные обыски в частных домах и в автобусах, а также арестовывать людей без соответствующего ордера и держать их в заключении без решения суда^[808]. Консервативные члены Верховного суда приняли решение о том, что для возбуждения

судебного дела против негуманных условий пребывания в тюрьме заключенные должны привести доказательства того, что тюремные официальные лица «проявляли преднамеренное безразличие». Плохие условия пребывания в тюрьме нельзя выставлять в качестве основания для судебного иска, если конкретному официальному лицу не предъявлено обвинение в «преднамеренном безразличии». Судьи не объяснили, каким образом можно доказать преднамеренное безразличие официальных лиц, если не основываться на примерах негуманных условий пребывания в тюрьме^[809].

В судебном деле «МакНэлли против Соединенных Штатов» (1987) Верховный суд ограничил полномочия стороны обвинения, когда дело касалось беловоротничковых нарушителей закона из высших слоев общества. Суд сделал более трудным предъявление обвинений по случаям мошенничества с использованием почты против коррумпированных лиц из частного бизнеса, правительства и судебной системы. Судья Стивене высказал свое несогласие, задав вопрос: «Почему суд, который был не очень восприимчив к правам обвиняемых в других уголовных преступлениях», теперь защищает «элиту класса могущественных собственников, которая напрямую заинтересована в таком нашем решении»?

Высшая мера наказания. В течение последних двадцати пяти лет Верховный суд неоднократно выносил постановление, что: а) смертная казнь является чрезмерным наказанием за такое преступление, как изнасилование, и к смертной казни может быть приговорен только тот, кто признан виновным в преднамеренном убийстве без смягчающих вину обстоятельств^[810]; б) нельзя подвергать смертной казни психически ненормальных людей, поскольку приговоренный к смерти должен понимать процедуру судебного разбирательства и обвиняемый должен понимать суть наказания, однако можно приговаривать к смертной казни лиц с задержкой в умственном развитии^[811]; в) статистических данных, показывающих, что чернокожих с большей вероятностью приговорят к высшей мере наказания, чем белых, совершивших аналогичные преступления, недостаточно для того, чтобы отменить конкретный смертный приговор^[812]; d) лиц, которым на момент преступления исполнилось шестнадцать лет, можно приговаривать к высшей мере наказания, но нельзя это делать в отношении тех, кто не достиг этого возраста^[813]. Верховный суд

отклонил апелляцию по делу одного из приговоренных к высшей мере наказания потому, что она была обоснована не ошибкой в процессе судопроизводства, а ошибками в приведенных фактах и конкретных дополнительных свидетельствах, доказывающих невиновность приговоренного! В своем особом мнении член суда Харри Блэкман высказал свое глубокое сожаление: «Очевидно сильное стремление этого суда, избавить государственную власть от любых ограничений в применении высшей меры наказания к кому угодно и как угодно», и назвал вынесенное судом решение «близким к убийству»^[814].

Исполнительная власть. Федеральные суды, в значительной мере полагаясь на исполнительную власть в военных вопросах и во внешней политике, отказывались принимать к слушанию дела, в которых ставились под сомнение действия президента в таких ситуациях, как война во Вьетнаме, неспровоцированное вторжение США на Гренаду, объявление эмбарго Никарагуа, вторжение США в Панаму, бомбардировки Ирака и Югославии, а также депортации гаитянских, гватемальских и сальвадорских беженцев. Верховный суд отменил закон штата Массачусетс, который объявлял бойкот компаниям, поддерживающим деловые отношения с военным правительством Союза Мьянмы (Бирма), которое занималось наркоторговлей и нарушало права человека. Верховный суд расценил такой закон штата, как вмешательство во внешнюю политику нашей страны и дискредитацию права президента говорить с внешним миром от имени всей нации^[815]. Члены Суда постановили, что Государственный департамент может отказать в выдаче заграничного паспорта бывшему сотруднику Центрального разведывательного управления (ЦРУ), который написал книгу, разгласив незаконные операции ЦРУ. Ни Конгресс, ни Конституция не предоставляют такого права исполнительной власти, однако консервативные активисты Верховного суда решили, что «в вопросах внешней политики и национальной безопасности» президент, в отсутствие специального, установленного законом запрета, может делать все, что он сочтет необходимым^[816].

Избирательная система. Несколько судебных решений изменили пропорциональное распределение по принципу «один избиратель — один голос» и ввели поправки на диспропорции населения в избирательных округах по выборам в законодательные органы штатов и в Конгресс^[817]. Верховный суд постановил, что штаты не имеют права

запрещать частным фирмам расходовать неограниченное количество их денежных средств в целях оказания влияния на результаты общенародных референдумов и выборных кампаний, поскольку расходы на такого рода кампании являются определенной формой «выступления или речи», а Конституция гарантирует свободу слова торгово-промышленным фирмам, которые следует рассматривать в качестве лица (физического или юридического. — *Примеч. пер.*). Также не должно быть ограничений на объем финансовых средств, которые готовы затратить на избирательные кампании богатые кандидаты на выборные должности и «независимые» комитеты политических действий (PACs) на выборах президента. Не должны накладываться ограничения на суммы средств, которые богатые частные лица тратят в ходе «независимых» усилий по содействию выборам или нанесению поражения любому кандидату, а также на суммы финансовых средств, которые политические партии тратят с целью оказать содействие своим кандидатам, если расходы производятся не напрямую на определенного кандидата^[818]. Таким образом, как бедные, так и богатые могут свободно конкурировать — одни шепотом, а другие громоподобным ревом.

В стремлении уйти от этой тенденции, Верховный суд своим решением, принятым недавно «шестью голосами против трех», поддержал право властей штата строго ограничить размеры финансовых пожертвований в избирательные кампании. Судья Соутер приводил доводы о том, что сохранение веры нашего общества «в честность действующей избирательной системы» важнее права частного лица пожертвовать предпочтительному кандидату на выборную должность большую сумму денег. А судья Стивене заметил: «Деньги — это собственность, а не форма выступления или речи»^[819].

В 1995 году Верховный суд постановил, что штаты не имеют права ограничивать число сроков пребывания на должности своих представителей в Конгрессе, поскольку это было бы дополнительным ограничением, а конституция установила только три ограничения: возраст, место жительства и гражданство^[820]. В 1997 году члены суда приняли решение, согласно которому штаты могут запрещать мелким партиям поддерживать кандидата от крупной партии. Это решение исключает совместные избирательные списки различных партий и снижает влияние, которое небольшая партия может оказывать,

поддержав кандидата другой партии и входя в избирательные коалиции^[821].

Верховный суд постановил, что жители округа Колумбия (преимущественно сторонники Демократической партии) не имеют конституционного права избирать своего представителя в Конгрессе. Они также не могут принимать участие в избрании представительства в Конгресс от штата Мэриленд, хотя лица, проживающие в других федеральных анклавах, например в национальных парках, имеют право голосовать в соседних штатах (округ Колумбия полностью находится на территории штата Мэриленд). Таким образом, примерно 600 000 американских граждан, проживающих в Вашингтоне (округ Колумбия) и уплачивающих федеральные налоги, продолжают оставаться без представительства в Конгрессе^[822]. Верховный суд единогласно утвердил результаты переписи населения 1990 года, приняв решение, что у правительства нет конституционной обязанности исправлять результаты переписи с целью скорректировать всем известную неполную регистрацию избирателей при проведении переписи в крупных городах^[823].

Консервативный судебный активизм^[824] нигде не проявляет себя с такой очевидностью, как в судебном деле «Джордж У. Буш против Эла Гора» по результатам выборов в штате Флорида в ходе президентских выборов 2000 года. Решением, принятым пятью голосами против четырех, консервативные члены Верховного суда отменили решение Верховного суда штата Флорида о пересчете голосов, доказывая, что, поскольку различные избирательные округа могут использовать при ручном пересчете бюллетеней различные методы сведения данных в таблицу, пересчет бюллетеней нарушит требование о равной защите граждан на основе законов, содержащееся в четырнадцатой поправке к Конституции. Судьи проигнорировали тот факт, что первичный подсчет голосов избирателей на основании метода перфокарт заранее давал результаты в ущерб тем районам, где было наибольшее число сторонников Гора и, уже вследствие этого, являлся нарушением требования о равной защите на основе закона. Каждая индикация данных показывала, что при честном пересчете голосов штат Флорида и президентские выборы в целом были бы на стороне кандидата от Демократической партии вице-президента Эла Гора (см. главу 13), который на тот момент отставал во Флориде всего на сотню голосов и

сокращал разрыв при каждом новом пересчете по избирательным округам. Для того чтобы помешать полному пересчету голосов, Верховный суд штата принял решение о присуждении победы на выборах в штате и в целом выборов президента страны — Джорджу Бушу, что является украденной победой, в которой решающую роль сыграл Верховный суд.

В своем особом мнении судья Джон Поль Стивенс написал, что Верховный суд штата Флорида, приняв решение о пересчете голосов, действовал полностью в пределах своих полномочий и что методы, использованные избирательными комиссиями по пересчету голосов вручную, дали бы результаты не менее единообразные, чем, например, стандартный критерий «доказанность при отсутствии обоснованного сомнения», который ежедневно используют в судах по всей стране. Решение большинства судей, делает вывод Стивенс, «фактически отменяет избирательные права неизвестного числа избирателей», чье законное волеизъявление, по ряду причин, «было отвергнуто машинами по подсчету голосов».

За последние годы консервативные судьи постановили, что федеральное правительство должно воздерживаться от указаний штатам принимать меры по значительному кругу вопросов. Например, федеральное правительство не должно использовать требование четырнадцатой поправки к Конституции о равной защите граждан на основе закона для того, чтобы положить конец насилию против женщин, требовать справедливого налогообложения на недвижимость или же более справедливого распределения финансовых ассигнований между богатыми и бедными школьными округами. Однако те же судьи постановили, что требование о равной защите граждан могло быть использовано для того, чтобы остановить совершенно законный пересчет бюллетеней. И в то же самое время они ясно заявили, что это дело не может рассматриваться в качестве прецедента для других случаев применения принципа равной защиты: «Наше рассмотрение дела ограничено настоящими обстоятельствами...» Другими словами, четырнадцатая поправка к Конституции имела юридическую силу только тогда, когда ее считали «необходимой» консервативные сторонники судебного активизма, например, при совершении по инициативе суда переворота в ходе избирательной кампании в интересах правого кандидата в президенты, которому не удалось

получить ни большинства голосов избирателей, ни большинства голосов коллегии выборщиков.

Аборты и гендерная дискриминация. Отношение к абортам и дискриминации по признаку пола имели неоднозначный характер. Верховный суд постановил, что: а) сексуальное преследование на работе нарушает гражданские права личности, б) разведенной женщине не может быть отказано в праве оставить детей на своем попечении в связи с ее последующим браком с мужчиной, принадлежащим к другой расе, с) жертвы сексуального домогательства имеют право требовать денежного возмещения ущерба от учреждения, в котором имело место указанное сексуальное домогательство и d) школы несут ответственность, в соответствии с федеральным законом, за неспособность защитить одного учащегося или студента от настойчивых и неоднократных сексуальных домогательств со стороны другого учащегося или студента^[825].

Судьи вынесли решение о том, что государственный военный колледж не имеет права отказывать в приеме на учебу женщинам, а также предлагать им более легкую программу обучения в другом месте^[826]. Но суд также признал недействительным действовавшее уже в течение шести лет положение федерального закона, которое позволяло жертвам насилия, домашнего насилия и других преступлений на тендерной почве преследовать злоумышленника в судебном порядке в федеральном суде, отменив, таким образом, действие положения о гражданско-правовой судебной защите Закона о борьбе с насилием в отношении женщин, принятого Конгрессом. Суд аргументировал это тем, что изнасилование — это проблема частного значения и ее лучше оставить законодательству штатов^[827].

Члены Верховного суда признали противоречащим Конституции требование, чтобы женщины, намеревающиеся сделать аборт, уведомляли об этом своих мужей, однако, по мнению судей, женщины несовершеннолетнего возраста обязаны получить согласие на аборт у своих родителей^[828]. Аргументация этого решения, по-видимому, состоит в том, что несовершеннолетняя женщина обладает недостаточной зрелостью и жизненным опытом, чтобы самостоятельно решить, делать ли аборт. Однако этой женщине хватит зрелости и жизненного опыта, если ее принудят родить и впоследствии воспитывать ребенка. Судьи решили, что у федеральных судов нет

достаточных полномочий, чтобы остановить кампании экстремистов, выступающих против аборт, и их действия, наносящие ущерб и создающие препятствия деятельности клиник, выполняющих аборт^[829].

Однако в 1994 году Верховный суд поддержал закон, который предусматривал создание буферной зоны шириной в тридцать шесть футов перед входом в клиники по выполнению аборт. В том же году члены суда признали, что такие клиники могут прибегнуть к защите федерального закона по борьбе с рэкетом для того, чтобы привлечь к судебной ответственности за нанесение материального ущерба особенно неистовые группы, протестующие против аборт^[830]. Это решение возлагает на клиники бремя доказательства в суде фактов проведения конкретными лицами и организациями общенациональной кампании запугиваний, взрывов бомб и других насильственных действий. Казалось бы, что местная полиция и федеральные власти возьмут на себя инициативу по борьбе против таких насильственных действий. В 2000 году суд принял пятью голосами против четырех решение о том, что правительство не должно запрещать врачам осуществлять аборт посредством специальной процедуры под названием «аборт путем частичного рождения», поскольку с медицинской точки зрения это, вероятно, наилучший способ прерывания беременности на ряде стадий^[831].

Правовая защита интересов исторически ущемленных групп населения и гражданские права. Член Верховного суда Блэкман в судебном деле «Регенты Университета Калифорнии против Аллана Бэки» разъяснил, правовая защита интересов исторически ущемленных групп населения должна проводиться для исправления последствий несправедливостей расовых отношений в Соединенных Штатах: «Для того чтобы преодолеть последствия расизма и избавиться от него, мы должны вначале полностью осознать путь формирования нашего народа. Других способов нет. А для того чтобы относиться к некоторым людям с позиций равенства, нам нужно научиться относиться к ним по-другому. Мы не можем... допустить, чтобы положение Конституции о равной защите граждан законом увековечило расовое превосходство». К концу 1980-х годов судьи начали уходить в отставку и это стало причиной нарастания трудностей в предъявлении работодателям исков о дискриминации при приеме на работу в рамках

правовой защиты интересов исторически ущемленных групп населения. Реализация этой программы давала белым мужчинам основания в судебных делах о правовой защите требовать «обратной дискриминации», при этом возможности штатов и местных властей зарезервировать определенный процент контрактов для представителей бизнеса от этнических меньшинств резко сократились^[833].

Согласно решению суда, принятому пятью голосами против четырех, если работодатель оправдывает свою практику расовой или тендерной дискриминации «потребностями бизнеса», тогда бремя доказательства того, что на самом деле эта практика не обусловлена потребностями бизнеса, ложится на того, кто подвергся дискриминации^[834]. Зачастую бывает невозможно опровергнуть заявления работодателя и доказать его истинные намерения. Можно видеть результат действий работодателя, но обычно можно только догадываться о его мотивах. Начиная с судебного дела «Браун против Совета по вопросам образования», Верховный суд продолжал отступление, отказываясь воздействовать на решения судов более низкой инстанции в том плане, что школы не должны заниматься перераспределением учащихся и студентов, так как это на самом деле означает восстановление прежней расистской доктрины «сегрегированные, но равные»^[835].

За последние пятнадцать лет консервативные судьи федеральных судов проявляли такое безразличие, граничащее с враждебностью, по отношению к афроамериканцам и другим небелым гражданам в вопросах десегрегации в школах, дискриминации при приеме на работу и в области соблюдения прав избирателей, которое напоминает отношение, близкое к практике расизма. Когда два афроамериканца были избраны в наблюдательный совет в одном из округов штата Алабама, весь наблюдательный совет ответил тем, что отменил индивидуальные полномочия каждого члена по принятию решений в отношении их собственных округов и передал эти полномочия наблюдательному совету в целом, в котором господствующие позиции занимают белые граждане. Верховный суд вынес решение, что такого рода хитрости не являлись несправедливым обращением и не нарушали законов об избирательных правах^[836].

Суд поддержал формирование избирательных округов таким образом, который позволял вытеснить афроамериканских избирателей

из некоторых избирательных округов штата Луизиана. При этом суд привел аргументы, что если чернокожие граждане не были представлены в округе раньше, тогда новый план избирательного округа, при котором их опять не будет, можно считать вполне приемлемым^[837].

Правая идеологическая предрасположенность Верховного суда находит отражение не только в решениях, которые он выносит, но и в тех судебных делах, которые он выбирает для пересмотра или отказывается пересматривать. Федеральные окружные суды выносят ежегодно почти 300 000 решений. Число апелляций, подаваемых ежегодно в двенадцать апелляционных судов США, составляет около 30 000. В отличие от этого Верховный суд выносит ежегодно около 170 решений. За последние два десятилетия доминирования в этом суде консерваторов резко сократилось поступление дел на пересмотр от истцов, представляющих трудовые взаимоотношения, положение этнических меньшинств, права потребителей и права личности. У лишенных власти и бедных людей шансы на пересмотр их дел все время уменьшаются по сравнению с могущественными и влиятельными истцами из властных структур и крупных частных фирм. Обвинители из штатных и федеральных органов при слушании дела в апелляционном суде имели в пятьдесят раз больше шансов выиграть его, по сравнению с ответчиками. Обвиняемые в уголовных преступлениях, способные оплатить судебные расходы, добивались пересмотра своих дел в два раза чаще, чем ответчики или подсудимые, не имеющие средств для покрытия расходов, связанных с защитой их интересов в суде^[838].

В то время как число апелляций в суды низших инстанций намного возросло, количество времени, которое Верховный суд тратит на рассмотрение дел, и число дел, которое он заслушивает, сократилось на четверть по сравнению с периодом 1960-х годов, когда председателем Верховного суда был Эрл Уоррен. Трудно утверждать, что члены суда чрезмерно перерабатывают, когда количество дел, приходящихся на каждого из членов консервативного большинства суда, на самом деле сократилось. Даже если бы было верно, что члены Верховного суда перегружены, это не объясняет той очевидной классовой предубежденности, которая проявляется при истребовании дел из производства нижестоящих судов вышестоящим судом.

Влияние Верховного суда

В отношении политического влияния Верховного суда можно сделать несколько общих заключений. Верховный суд, скорее всего, был консервативным фактором. На протяжении свыше полувека он использовал вето своего меньшинства, настроенного в пользу бизнеса, для проведения тех реформ законодательства, которые европейские страны осуществили уже десятилетия назад. Он противодействовал Конгрессу в вопросе введения прогрессивного подоходного налога. Для принятия этого решения потребовалось восемнадцать лет, и пришлось обойти восемнадцатую поправку к Конституции. Верховный суд поддерживал интересы рабовладельцев буквально накануне Гражданской войны и допускал расистскую сегрегацию в течение еще почти целого века после нее. Суд препятствовал усилиям Конгресса ввести ограничения на финансовые расходы богатых кандидатов по проведению своих избирательных кампаний.

Играя решающую роль в определении того, что соответствует Конституции, а что нет, Верховный суд подает соответствующие подсказки многим слоям общественности, в том числе и самому Конгрессу. Не приняв ни одного законодательного акта о гражданских правах в течение семидесяти лет, Конгресс после судебного дела «Браун против Совета по вопросам образования» за десятилетний период ввел в действие три таких законодательных акта. При наличии действующего закона сторонники защиты гражданских прав по всей стране усилили давление в целях превращения принципа десегрегации в реальность. Аналогичным образом решения Верховного суда под председательством судьи Уоррена, защищающего права бедных слоев населения, открыли новое поле для гражданских судебных процессов в области реформирования системы социального обеспечения и послужили стимулом для возникновения и развития различных движений в защиту бедных людей.

Поскольку Верховный суд не мог ни законодательно закрепить, ни обеспечить проведение в жизнь своих решений, его стали считать «наименее опасной ветвью власти». Но периоды пребывания у власти администраций Рейгана и Буша продемонстрировали, что воинственно-консервативный Верховный суд, поддержанный консервативной

исполнительной ветвью власти, может оказывать весьма значительное влияние в духе судебного активизма. Вновь и вновь суд при рассмотрении дел навязывал собственную искаженную логику, извращая ясный язык закона и намерения Конгресса. Или же суд вдруг принимался поддерживать административные постановления, нейтрализующие акты законодательства. Когда Конгресс пытался нейтрализовать правый активизм Верховного суда и восстановить действие законов в том виде, как они замышлялись, президенты Рейган и Буш обычно налагали вето или угрожали наложить его на новые законодательные инициативы. Не располагая возможностями собрать две трети голосов палаты для преодоления вето президента, Конгресс обычно терпел поражение. Таким образом, консервативный президент при поддержке пяти или более членов Верховного суда с правой идеологией и ориентацией на расширенное толкование Конституции, а также имея на своей стороне третью часть плюс одного члена Нижней или Верхней палат Конгресса, мог без затруднений переписывать многие регламентирующие нормативные акты и законы^[839].

Юристы правых убеждений среди членов Верховного суда были не только сторонниками расширенного толкования Конституции, но и людьми явно авантюристического склада, готовыми без колебаний пойти на переделку большей части Конституции, мошенничать с «правилами игры», изобретать концепции и аргументы из ничего, выхолащивать содержание законов, обращаться с намерениями Конгресса и его приоритетами как с категориями, не имеющими практического значения, поддерживать авторитарные тенденции в исполнительной ветви власти, блокировать реформы в областях экономики и избирательного права, сводить на нет существенные достижения в политической и экономической областях и разрушать гражданские свободы, гражданские права и нынешний демократический процесс в стране. То же самое можно сказать и в отношении юристов, стоящих во главе судов более низких инстанций, чем и объясняется нынешнее положение, при котором консерваторы из Верховного суда оставляют без пересмотра так много решений нижестоящих судов. «Сегодня большинство напористых, политизированных судей федеральных судов, — считает специалист по конституционному праву, — относятся к числу консервативных республиканцев»^[840].

Эти крайне политизированные сторонники расширенного толкования Конституции ограничивают способность правительства улучшить условия работы трудящихся, заявляя о том, что это нарушает права штатов, провозглашенные десятой поправкой к Конституции. После этого они ограничивают способность штатов ограничить размеры затрат частного бизнеса в ходе референдумов, ссылаясь на прерогативы федерального центра, согласно первой поправке к Конституции. В таких ситуациях консерваторы не вспоминают о том, что суды незаконно присваивают себе полномочия органов, вырабатывающих государственную политику. В этом наблюдается типичное проявление двойных стандартов. Судебный активизм, укрепляющий авторитарную государственность и привилегии большого бизнеса, для них приемлем. А судебный активизм, который поддерживает демократические права рабочего класса и социально-экономическое равноправие, вызывает нападки.

Для того чтобы изменить положение с вызывающим поведением судей, следует положить конец пожизненному сроку пребывания федеральных судей в должности, включая и членов Верховного суда. Для этого придется принять поправку к Конституции, но проблема стоит того. На сегодняшний день только три штата предоставляют своим судьям право пожизненного пребывания в должности. В других сорока семи штатах для судей установлены фиксированные сроки пребывания в интервале от четырех до двенадцати лет (с возможностью последующего переизбрания). Предполагалось, что принцип пожизненного пребывания в должности защитит федеральный судейский корпус от внешних влияний и поставит его над политикой, проводимой в интересах политических партий. Однако опыт показывает, что судьи так же подвержены влиянию политики и идеологии, как и все остальные. Фиксированный срок пребывания в должности все-таки обеспечил бы судье значительную независимость, но не позволил бы ему оставаться никому не подотчетным в течение всей своей жизни. Тех судей, которые проявляют враждебное отношение к конституционным правам граждан, можно было бы заменять. Никакие группы сторонников партийной идеологии не смогли бы формировать судейский корпус на десятки лет вперед, и тогда у судей, возможно, появилась бы способность реагировать на нужды людей^[841].

Конечно, судей нельзя считать невосприимчивыми к общественному мнению. Они читают не только Конституцию, но и газеты. Они общаются не только друг с другом, но и с друзьями и знакомыми. На некоторых юристов не действуют перемены в общественном мнении, и они не чувствуют тонких нюансов общих ценностей и человеческого восприятия. Суд всегда действует в обстановке, которая формируется более крупными общественными силами, чем он сам. Хотелось бы надеяться, что демократическое воздействие окажется более продуктивным в сдерживании власти олигархической и элитарной судебной системы.

18.

Демократия для избранных

В нашей стране имеется множество групп различных интересов. Если это называется «плюрализмом», тогда Соединенные Штаты — плюралистическое общество, как и любое общество такого размера и такой сложной структуры. Но те, кто называют Соединенные Штаты плюралистическим обществом, по-видимому, хотели бы что-то сказать о распределении власти и характере демократии в этом обществе. Считается, что в плюралистическом обществе правительство не находится под контролем корпоративных элит, которые получают все, что хотят, практически в любой области. Если в нашем обществе существуют элиты, то они специализируются в определенных областях деятельности и их запросы уравниваются запросами конкурирующих элит. Ни одна из групп интересов не может бесконечно пользоваться своими преимуществами, и любая достаточно крупная группа может найти в политической системе возможность для оказания выгодного ей влияния. Правительство возвышается над любым отдельным источником влияния, отвечая на запросы многих из них. Так говорят сторонники плюрализма^[842].

Плюрализм для избранных

Свидетельства, приведенные в предыдущих главах, дают нам основания сомневаться в том, Соединенные Штаты являются плюралистической демократией в том смысле, как об этом сказано выше. Можно привести в поддержку такого вывода следующие соображения.

Большинство мер, которые предпринимает правительство, благоприятствуют интересам крупных инвесторов, что дорого обходится остальному населению страны. Длительная и напряженная борьба демократической общественности принесла определенные положительные результаты, однако очевидное неравноправие и социальная несправедливость продолжают сохраняться и имеют тенденцию к углублению. На частном рынке наблюдается избыток товаров широкого потребления, а в то же время общество испытывает хроническую нехватку услуг общего пользования. В то время как богатые становятся все богаче, располагая значительно большим количеством денежных средств, чем могут потратить, значительное число населения живет в условиях ненадежного экономического положения. В то время как оборонные подрядчики внутри страны и военные диктатуры за рубежом жиреют от щедрот нашего Министерства финансов, система социального обеспечения в стране нищенствует.

Считать, что правительство — это всего лишь арбитр среди множества «противоборствующих и взаимно уравнивающих» групп (которые представляют все основные интересы в обществе), значит забывать, что правительство лучше всего удовлетворяет тех, кто сам способен хорошо удовлетворить себя. Власть в Америке «изменчива и широко распределена по многим центрам», — заявил один плюралист^[843]. На самом деле власть распределена между влиятельными, хорошо организованными и хорошо финансируемыми политико-экономическими многопрофильными объединениями. Богатство представляет собой самый решающий ресурс власти. Оно везде создает превосходство и открывает доступ к другим ресурсам. Распределение богатства в обществе не является ни широким, ни изменчивым.

Плюралисты мало что могут сказать о широко распространенных в американском обществе политических репрессиях: политических чистках и увольнениях настроенных против капитализма инакомыслящих из правительства, из рабочего движения, средств массовой информации, из учебных заведений и индустрии развлечений, а также слежке и преследованиях организаций, выступающих с протестами, и групп, представляющих общественные интересы. Плюралисты никогда не упоминают о почти тотальном контроле над убеждениями и информацией, с которым ежедневно сталкиваются новостные и развлекательные секторы средств массовой информации. Этот контроль предназначен для создания идеологии класса собственников, благоприятного общественного мнения как внутри страны, так и за рубежом. Плюралистов также ничуть не беспокоят сфальсифицированные правила, по которым действуют две главные политические партии нашей страны или наша избирательная система, которая рассматривает крупные денежные средства как необходимое условие своего функционирования.

Плюралисты очень много внимания уделяют тому факту, что интересы богатых не всегда проявляются в четких и заранее подготовленных действиях^[844]. Конечно, как это случается с людьми, представители элиты иногда допускают ошибки и путаницу в тактике. Но если они не всезнающие и не безгрешные, то уж точно и не глупцы с заторможенным мышлением. Если они не всегда четко просчитывают пути достижения целей в своих классовых интересах, то они все-таки делают это довольно часто и достаточно успешно.

Разве у руля американской системы правления стоит замкнутая, заговорщическая, всемогущая и монолитная властная элита? Нет, плутократия или правящий класс не соответствует такому упрощенному и карикатурному изображению. Во-первых, ни один правящий класс в истории, каким бы автократическим он ни был, никогда не достигал всемогущества. Каждый из них был вынужден идти на уступки и соглашаться на неожиданные и нежелательные изменения ситуации. Кроме того, правящие элиты не всегда были замкнутыми и скрытными. Влияние, которое они оказывают на правительственные и административные органы, может быть скрытым, но зачастую, как мы в этом убедились, оно отражено в документах публичного характера. Оно выражается в контроле над высшими

постами в бизнесе и в правительстве, над совместными или перекрещивающимися директоратами в различных фирмах и советах по опеке, что широко не афишируется, и тем не менее эти сведения доступны. Однако эти элиты нередко считают желательным втайне планировать мероприятия, сокращать или искажать информацию о них и проводить политику, которая может нарушать законы, в защиту которых они публично высказываются. Примеров тому в этой книге достаточно.

Элита, управляющая американским правительством, не монолитна. Время от времени в правящих кругах возникают острые разногласия по поводу того, как лучше приглушить классовые конфликты и обеспечить интересы участников свободного рынка. Разногласия могут возникать между умеренными консерваторами и крайними консерваторами среди капиталистов, между интересами крупных и мелких инвесторов и между внутренними и международными корпорациями. Но в этих конфликтах редко учитываются интересы трудящихся. Когда возникает критическая ситуация, различные элиты начинают объединять их общий интерес по сохранению экономической системы, которая обеспечивает им возможность накопления богатства и продолжения привычного им образа жизни богатых людей.

Достаточно ли этого для того, чтобы принять теорию «заговора в обществе»? Во-первых, необходимо отметить, что заговоры на самом деле существуют. Обычно считается, что заговоры существуют только в воображении экстремистов и чудаков. Но тот факт, что некоторые люди придерживаются необоснованных предположений о существовании заговоров, не означает, что все заговоры — плод нездорового воображения. Как показал анализ документов Пентагона, существовал скрытый план эскалации войны во Вьетнаме. Известен заговор с целью вторжения в отель «Уотергейт»; засекреченная программа COINTELPRO^[845] Федерального бюро расследований (ФБР) по развалу групп диссидентов; несколько искусственно раздутых, но хорошо скоординированных «энергетических кризисов», которые резко подняли цену на нефть в период 1970-х годов; заговор Иран-контрас; сговоры в отношении федеральной ссудо-сберегательной ассоциации; и хорошо документированные заговоры (и последующие тайные мероприятия по сокрытию преступлений) с целью убийства президента

Джона Кеннеди, а также правозащитников Мартина Лютера Кинга и Малькольма Х.^[846]

Правящие элиты готовы строить тайные заговоры без принятия на себя какой-либо ответственности за них. Они называют их деятельностью в интересах «национальной безопасности». Но, когда кто-то выдвигает предположение, что их планы (тайные или открытые) приносят выгоду интересам их класса и были с самого начала предназначены для этой цели, этого «кого-то» выгоняют с работы или должности как «сторонника теории заговоров». Считается, что фермеры, рабочие-сталелитейщики или школьные учителя могут согласовывать свои действия для поддержки своих интересов, но недопустимо выдвигать предположения насчет того, что элиты делового и финансового мира делают то же самое, даже когда их представители занимают высокие посты, на которых принимаются важные решения. Вместо этого нам предлагают поверить, что эти уважаемые высокопоставленные люди идут по жизни, проявляя незаинтересованность к судьбе своих частных предприятий.

Хотя в нашей стране нет ни одной великой властной элиты, существует постоянное сотрудничество между различными корпоративными и правительственными элитами в каждой области политики и экономики. Более сильные группы частных корпораций стремятся к доминированию в конкретных сферах их интересов, при этом другие элиты в большей или меньшей степени воздерживаются от открытого соперничества с первыми. В любом случае конфликты интересов плутократов редко оказываются во благо народных массам. Это конфликты имущих против имущих. Зачастую их урегулирование происходит не путем компромиссов, а посредством взаимного оказания услуг, в том числе и посредством тайных сговоров, а не конкуренции. Такие взаимно удовлетворяющие договоренности между «соперниками» обычно происходят за счет интересов общества. Конечно, требования проигравших иногда могут быть услышаны, как «протесты за воротами», и им время от времени могут быть сделаны какие-то уступки для того, чтобы снизить их активное сопротивление.

Нашу систему можно лучше представить себе как сдвоенную политическую систему. Первая ее часть — это политическая система, находящаяся у всех на виду. Она сосредоточена вокруг проведения избирательных кампаний и деятельности представительных органов

власти, включает борьбу соперников за победу на выборах, публичных политических деятелей, политические заявления и речи, неоднозначные освещения проблем в средствах массовой информации с целью «встряхнуть» президентов, губернаторов, мэров и соответствующие законодательные органы. Кроме того, есть малозаметная политическая система, включающая подрядные контракты на многие миллиарды долларов, налоговые списания, гранты, компенсации потерь, субсидии, контракты на аренду и весь обширный процесс планирования государственного бюджета, оказания протекций и предоставления услуг транснациональным компаниям. Все это происходит при полном игнорировании или переписывании законодательства, в интересах тех, кто обладает большим влиянием, и, наоборот, с применением всей карательной силы закона против еретиков и «возмутителей спокойствия». Функционирование политической системы, находящейся у всех на виду, преподается в учебных заведениях, анализируется профессорами и научными работниками и бесконечно комментируется средствами массовой информации. Существование дублирующей, малозаметной политической системы редко находит официальное признание.

Большой бизнес занимает доминирующее положение не только потому, что он делает финансовые пожертвования в избирательные кампании и использует умелых лоббистов для манипулирования законодателями и чиновниками. Бизнес оказывает значительное общее влияние как одна из систем власти, система организации капитала, трудовых ресурсов и крупномасштабного производства.

Поскольку бизнес управляет экономикой страны, правительство вынуждено поддерживать с ним исключительно тесные взаимоотношения. Здоровая экономика рассматривается теми, кто определяет политический курс страны как необходимое условие здоровья всей нации, а раз уж экономика находится в руках крупного бизнеса, тогда, по-видимому, служение власти народу лучше всего обеспечивается *обслуживанием потребностей* этого бизнеса. Цели бизнеса (высокие прибыли и надежные рынки) становятся целями правительства, а «национальные интересы» начинают идентифицировать с системными потребностями корпоративного капитализма.

Пределы реформ

Участие правительства в делах экономики представляет собой не усиление социалистического сектора экономики (в том смысле, как понимают этот термин социалисты), а усиление поддерживаемого государством капитализма. Это не обобществление частного богатства, а приватизация государственного достояния. Такой ход развития привел к усилению государственного участия, но таким образом, который не только не регламентирует экономику свободного предпринимательства, а, наоборот, поддерживает и стимулирует ее. В капиталистических странах правительство обычно национализировало слабые и неприбыльные отрасли экономики и позволяет приватизировать рентабельные государственные предприятия — в обоих случаях к большой выгоде крупных инвесторов. В 1986 году социал-демократическое правительство Испании национализировало крупные частные холдинги для того, чтобы не допустить их банкротства. После приведения их в нормальное техническое и финансовое состояние за счет щедрых вливаний со стороны государственной казны, холдинги были проданы обратно частным владельцам. Как мы уже видели, такая же операция была проведена с системой государственных железных дорог — «Корпорацией объединенных железных дорог» США (Consolidated Rail). А консервативное правительство Греции приватизировало такие государственные компании, как телекоммуникационные системы, которые в течение ряда лет приносили устойчивую прибыль.

Когда правительство капиталистической страны выкупает предприятие, оно выплачивает его владельцам полную компенсацию, обычно исходя из очень хороших финансовых условий. Те же самые богатые инвесторы, которые раньше владели акциями частного предприятия, после его продажи государству получают государственные облигации и стригут с них проценты. «Право собственности» в виде огромного, оплаченного облигациями долга, со всеми рисками и потерями и совершенно без прибылей, переходит государству. Крупное достояние в виде предприятия остается в частных руках, а номинальное право собственности оказывается у государства.

Сторонники существующей системы доказывают, что история «демократического капитализма» была историей постепенных реформ. Нет сомнений в том, что трудящиеся действительно добились значительных реформ. Вплоть до того, что те стороны ныне действующего экономического порядка, которые можно назвать гуманными и цивилизованными, появились у него в результате борьбы миллионов трудящихся за повышение своего жизненного уровня и за свои гражданские права. Достойны иронии попытки хвалить капитализм за склонность к постепенным реформам, когда а) класс капиталистов оказывал проведению большинства экономических реформ сильное и зачастую насильственное сопротивление, а реформы были завоеваны в результате продолжительной, ожесточенной и зачастую кровопролитной борьбы народа, б) большинство проблем, которые требовали реформ, были порождены и доведены до обострения самим капитализмом.

Коренные реформы трудно провести потому, что те, кто заинтересован в переменах, не имеют власти, в то время как те, кто имеет власть, не заинтересованы в переменах и не чувствуют склонности совершить классовое самоубийство. Дело не в том, что официальные лица не способны представить себе путь к равноправию, а в том, что они не хотят идти по этому пути. Для них сила любого аргумента определяется не его логикой и очевидностью, а силой и влиянием тех, кто его выдвигает. Нужды неорганизованной общественности, имеющей небольшие властные возможности, редко пользуются спросом на политическом рынке. Они редко становятся тем императивом, на который чиновники считают необходимым реагировать, особенно если возможные перемены приведут чиновника к столкновению с влиятельными экономическими и финансовыми интересами.

Более того, причины, по которым наш труд, профессиональная квалификация, достижения технологии и природные ресурсы не используются для удовлетворения общественных нужд, заключаются в том, что они используются в интересах получения частной прибыли. Частные фирмы не могут строить дома, дающие низкую прибыль, накормить бедных, очистить природную среду, дать высокое образование всем способным людям вне зависимости от их возможностей оплатить учебу. Причина этого заключается в том, что их интерес направлен не на социальную реконструкцию, а на извлечение

частнособственнической прибыли. Поддерживаемый государством капитализм не может существовать без государственной поддержки, без перекалывания результатов своей чудовищной бесхозяйственности на общество и государство. Наши общественные и государственные проблемы являются логическим следствием иррациональной, по своей сути, системы, которая ставит перед собой целью не удовлетворение потребностей человека, а удовлетворение человеческой жадности.

Как можно считать американскую политико-экономическую систему продуктом демократической воли? Какой демократической волей руководствуется Вашингтон, допуская к себе высокооплачиваемых корпоративных лоббистов, которые регулярно совершают грабительские набеги на государственные финансы в интересах своих богатых клиентов? Какой демократический мандат вынуждает правительство каждый год безвозвратно раздавать одному проценту самых богатых своих граждан в качестве выплат процентов по государственным облигациям больше денег, чем выплачивается в качестве социальной помощи двадцати процентам самых бедных граждан? Когда советовались с общественностью в отношении сдачи в аренду нефтеносных участков на Аляске, учетной ставки центрального банка и субсидий агропромышленным предприятиям? Когда общественность настаивала на доступе к опасным и дорогим лекарственным препаратам и генетически модифицированным продуктам? А в это время Управление по надзору за пищевыми продуктами и медикаментами скорее защищает, чем наказывает компании, которые продвигают такие препараты и продукты в торговлю. Когда американский народ убеждал правительство проявлять мягкость с теми, кто загрязняет природную среду, и позволять коммунальным компаниям завышать тарифы для потребителей? Когда народ требовал для себя опасных условий работы в шахтах, на заводах и на сельскохозяйственных фермах? Когда народ выходил на демонстрации в поддержку налоговых поблажек на миллиарды долларов для самых богатых и многомиллиардных расходов на разрушающий озоновый слой космический челнок «Шаттл», оставляя нас с еще более высокими налогами и лишая нас необходимых общественных служб? Когда народ настаивал на том, чтобы наше законодательство могли отменять избранные народом три чиновника экспертной группы Всемирной торговой организации, находящиеся на службе у транснациональных корпораций? Какая демократическая воля

отдала распоряжение, чтобы американские вооруженные силы в период 1969 — 1971 годов разрушали сельскую местность в Камбодже бомбардировками, проводимыми без согласия и даже без ведома Конгресса и американской общественности? Когда наше общественное мнение требовало, чтобы мы вели с помощью наемников войну на истощение против Никарагуа; вторгались в Гренаду и Панаму; подвергали уничтожению 100 000 граждан Ирака; оккупировали Сомали; вели войны против народных сил в Эль-Сальвадоре, Гватемале, Анголе, Мозамбике, Западной Сахаре и Восточном Тиморе и подрывные действия в целях свержения правительств в Чили, Индонезии, Югославии и в дюжине других стран?

Народ никогда не давал на это своего согласия. Простые люди вынуждены были бороться даже за то, чтобы только выяснить, что происходит. А когда общественное мнение наконец выступало с протестами, то это были протесты против явных злоупотреблений и привилегий плутократии, против причинения вреда окружающей среде и против увеличения военных бюджетов и проведения вооруженных интервенций в других странах^[847].

Демократия — как классовая борьба

У правящего класса есть несколько способов отчуждения у народа того, что он заработал. Первый, и самый главный, заключается в том, что народ, *в качестве работников* получает только часть той стоимости, которая создана его трудом. Остальное забирают собственники капитала. От их имени менеджеры предприятий непрерывно совершенствуют методы эксплуатации трудящихся, включая потогонную систему труда, понижение уровня квалификации рабочего места, приостановку производства и массовые увольнения, угрозу закрытия предприятия, борьбу с профсоюзами с целью их укрощения и усиления процесса накопления капитала.

Второй способ состоит в том, что народ *в качестве потребителей* становится жертвой монопольной практики, которая заставляет его тратить все больше денег за меньшее количество товара. Потребители сталкиваются с возрастающей эксплуатацией путем вынужденного потребления. Например, ликвидируется относительно недорогой общественный транспорт, а вместо него создается большая зависимость людей от личных автомобилей. Квартиры с относительно низкой арендной платой превращаются в дорогие кондоминиумы, или коммунальные компании после прекращения государственного регулирования экономики удваивают тарифы на свои услуги.

Третий способ состоит в том, что за последние тридцать пять лет трудящиеся, как налогоплательщики, несли пропорционально большую часть налогового бремени, а Америка корпораций платила все меньше. Более того, значительное снижение налогов на бизнес стало главной причиной роста федерального долга. Как видим, государственный долг оказался источником дохода для класса собственников и дополнительным бременем для налогоплательщиков.

В-четвертых, народ, как граждане государства, получает в качестве услуг от государственных ведомств и служб меньше, чем платит за них. Львиная доля федеральных расходов идет крупным фирмам, оборонным подрядчикам и крупным финансовым кредиторам. Общество несет скрытые расходы и издержки, которые перекладывает на него частный бизнес, например как в случае, когда химическая компания загрязняет воздух и подземные воды общественной

территории проживания или когда происходит общее ухудшение качества жизни.

Существующая система власти и богатства, с сопровождающими ее злоупотреблениями и несправедливостями, вызывает сопротивление трудящихся, потребителей, общественных групп и налогоплательщиков, а это все тот же народ. В результате в ответ на классовое угнетение возникает классовая борьба, а господству плутократии противостоят народная оппозиция и требования реформ.

В Соединенных Штатах существуют традиции борьбы народа, которые в настоящее время несколько ослабели, и о них стараются не вспоминать. Эти традиции могут ослабевать и вновь оживать, но они не исчезают. Гнев и надежда поднимали простой народ на создание движений, на участие в обсуждениях важных проблем и манифестации, на борьбу в ходе избирательных кампаний, акции гражданского неповиновения, забастовки, сидячие забастовки, захваты предприятий, бойкоты и нередко ожесточенные столкновения с властями за повышение оплаты и улучшение условий труда, безопасность окружающей среды, расовую и тендерную справедливость, за мир и невмешательство в дела иностранных государств. В исключительно неблагоприятных условиях борьбы диссиденты понесли много тяжелых потерь, но все-таки добились и ряда побед, вырвав уступки и вынудив оказывающие ожесточенное сопротивление правящие круги, принять требования о проведении реформ.

В период 1999 — 2000 годов в городах США, Европы, Индии, Австралии и в других местах прошли массовые манифестации представителей различных стран и людей из всех слоев общества против Международного валютного фонда, Мирового банка и Всемирной торговой организации. На местном уровне люди проводили протесты против неослабевающего наступления транснациональных корпораций^[848].

Демократия — нечто больше, чем набор политических процедур. Для того чтобы отвечать этому понятию, демократия должна давать существенные результаты в улучшении благосостояния народа. Многие достижения борьбы за политическую демократию — избирательное право, свобода собраний, петиций, а также право на отличающуюся от принятой точку зрения — получили сильное общественное признание в ходе борьбы за экономические права и демократию в обществе. Они

явились следствием стремления сделать правила политической игры более демократичными, чтобы получить более благоприятные позиции в дальнейшей борьбе за социально-экономические интересы. Короче говоря, борьба за демократию была частью классовой борьбы против плутократии.

В течение XIX и XX столетий члены класса собственников оказывали жесткое сопротивление расширению демократических прав — будь то всеобщее избирательное право, запрещение рабства, гражданские свободы или правовая защита интересов исторически угнетенных групп населения. Они знали, что расширение прав народа приведет к укреплению народных сил и положит конец привилегиям элиты. Они инстинктивно понимали, хотя открыто этого не произносили, что не социализм подрывает демократию, а демократия подрывает капитализм.

Консервативная тенденция развития была заложена еще до провозглашения «Нового курса», когда средний класс в стране был немногочисленным, население в своей массе бедным, а сами Соединенные Штаты относились к числу стран «третьего мира» еще задолго до появления этого понятия. Как сказал Поль Уолкер, в то время председатель Федеральной резервной системы: «Уровень жизни среднего американца должен быть снижен»^[849].

Зарплаты занижаются путем принуждения людей более жестко конкурировать за рабочие места на условиях, все более выгодных владельцам предприятий. Как свидетельствуют исторические факты, это происходит путем: а) снижения числа рабочих мест за счет механизации труда, б) привлечения в страну трудовых ресурсов иммигрантов, с) инвестиций в рынки тех стран, которые предлагают более дешевый труд и другие благоприятные для капитала условия. Кроме того, в период 1980-х годов республиканская администрация смягчила требования законодательства в отношении детского труда, понизив предел допустимого возраста для некоторых категорий работ, а также подняв возраст выхода работников на пенсию, что способствовало увеличению числа трудящихся, конкурирующих за получение рабочих мест.

Другой путь снижения оплаты за труд заключается в ликвидации альтернативных возможностей для содержания семьи и получения приработка. Исторический процесс формирования слоя людей, готовых

работать за зарплату, обеспечивающую лишь прожиточный минимум, заключался в том, чтобы согнать крестьян с земли и заставить их работать на фабриках, лишив их при этом возможностей создать ферму, обзавестись скотом, топливом и продуктами питания ежедневного рациона. Лишившись средств существования, крестьянин превращается в пролетария. Сегодня пособие по безработице и другие формы государственной помощи значительно сокращены в целях исключения альтернативных источников дохода. Рабочие места в государственном секторе ликвидированы с тем, чтобы вынудить трудящихся соперничать друг с другом за работу в частном секторе, что также способствует снижению уровня оплаты труда. Консерваторы ищут возможности для снижения минимального уровня оплаты труда молодежи и оказывают сопротивление попыткам поднять до общего уровня заработную плату и возможности получения рабочих мест для женщин и этнических меньшинств. Это дало бы возможность держать женщин, молодых людей и представителей этнических меньшинств в качестве традиционной низкооплачиваемой «резервной армии труда», которую всегда используют для понижения уровня оплаты труда.

Еще один путь сохранения низкой заработной платы и увеличения прибылей заключается в сохранении разделения трудящихся и в создании препятствий для их самоорганизации. Расистская практика помогает отвести от работодателей опасения и гнев трудящихся с белой кожей из-за состояния и перспектив экономики и направить их на этнические меньшинства и иммигрантов, которых рассматривают как конкурентов в борьбе за недостаточные рабочие места, образование и жилье. Если большому числу трудящихся явно недоплачивают только потому, что они чернокожие, латиноамериканского происхождения или женского пола, это сохраняет низкий уровень оплаты труда и увеличивает прибыли.

Когда демократические силы мобилизуются для защиты своего жизненного уровня, демократия начинает причинять капитализму слишком много беспокойства. И тогда правящий класс вынужден посягать не только на жизненный уровень народа, но и на его демократические права, которые помогают ему защищать свой жизненный уровень. В результате этого права на забастовки и на ведение переговоров с целью достижения коллективных договоров между профсоюзами и предпринимателями начинают становиться объектами систематических судебных дел и рассмотрений в

законодательных органах различных уровней. Законодательство против мелких партий ужесточается и вводится государственное финансирование монополии двух главных политических партий страны. Федеральные специальные службы и хорошо оснащенные формирования местной полиции при поддержке судов приступают к подавлению активистов общественности и к выхолащиванию законодательства о правах граждан на протест. Правительство США заключает ряд международных соглашений о торговле для того, чтобы обойти наш демократический суверенитет и народовластие и обеспечить безусловный примат корпораций.

Роли государства

Капиталистическое государство — это нечто больше, чем ширма для экономических интересов, которые оно обслуживает. Это единственный и самый важный из инструментов, которым располагает корпоративная Америка. Право использовать полицию и вооруженные силы, право государства отчуждать собственность, вводить и собирать налоги, расходовать собранные в бюджет средства, принимать законы, использовать государственные ассигнования для извлечения частной прибыли, выдавать безграничные кредиты, мобилизовать общественное мнение с помощью волнующих символов лояльности и законности, а также подавлять политических диссидентов — такие ресурсы придают корпоративной Америке устойчивость и жизнестойкость, которые она никогда не могла бы обеспечить себе собственными силами. Кроме того, государство предпринимает меры по поддержанию правил торговли между крупными корпорациями. С давних пор «фирмы в частично монополизированной отрасли экономики часто обращались к федеральному правительству за помощью в том, что они сами для себя сделать не могут, а именно — заставить подчиняться принятым правилам членов собственного картеля»^[850].

Государственные властные структуры — это то место, где либеральные и консервативные фракции правящего класса ведут борьбу за то, как правильно поддерживать систему власти на плаву. Более либеральные элементы понимают, что путем предоставления демократических уступок тем, кто производит и покупает их продукцию, можно уберечь капитализм от саморазрушения. Если консерваторы достигают слишком больших успехов в реализации своих целей, если оплата труда и покупательная способность трудящихся слишком понижены, а уровень производства слишком возрос, тогда противоречия свободного рынка обостряются, приводя к росту саморазрушительной нестабильности.

С помощью различных финансовых ухищрений можно в течение определенного периода времени сохранять и даже увеличивать прибыли, но избыток производственных мощностей и перепроизводство ведут к экономическому спаду, росту безработицы,

сокращению объема рынка, углублению недовольства и гибели как мелкого, так и не очень мелкого бизнеса.

Как только пирамида начинает сотрясаться от побед консерваторов, некоторые из тех, кто находится на ее вершине и не страдает близорукостью и ограниченностью мышления, разрабатывают новые принципы ее функционирования, на которых они базируются. Если для сторонников свободного рынка с правыми взглядами спрос на продукцию резко падает и выручка не растет так быстро, как до этого, а доля, поступающая классу собственников, продолжает расти, тогда, по их мнению, экономика «чувствует себя хорошо». Более того, слишком много, по их мнению, уже досталось народу и ушло в неприбыльный государственный сектор.

Как только общее материальное достояние населения возрастает, то же самое происходит и с его оценками на перспективу: от адекватности оплаты труда до уровня обеспечения работой, от восьмичасового рабочего дня — до оплаченного отпуска, от трудового стажа работы на предприятии — до пенсий по старости, от достойного жилья — до владения собственным домом, от государственных начальных школ для их детей — до доступного высшего образования, доступного медицинского обслуживания, хорошего социального обеспечения и чистой и безопасной окружающей среды. Каждый доллар, затраченный на такие цели, означает один доллар, сэкономленный владельцами корпораций, и они это прекрасно понимают.

Государство должно принимать меры по решению различных проблем также и в области международных отношений. Единственный способ понизить остроту экономического соперничества между капиталистическими странами состоит в том, чтобы ослабить конкурирующий капитал других стран путем продажи своих товаров по сниженным ценам и выведения конкурентов из бизнеса, как это делается в отношении большей части стран «третьего мира», или путем приватизации и деиндустриализации, как в странах Восточной Европы и в бывшем Советском Союзе. Применяются различного рода санкции или бомбардировки промышленных объектов и экологической базы страны, как это делалось в Ираке и Югославии. Страна, достигшая статуса мировой супердержавы, как Соединенные Штаты Америки, располагает большими возможностями использовать различные уловки

и предлоги и является почти единственной страной, которая может реально вносить их на рассмотрение мирового сообщества.

Государство защищает существующий классовый строй, привлекая на свою сторону лояльность и поддержку населения. Для того чтобы делать это, ему необходимо поддерживать свою собственную легитимность в глазах народа. Легитимность поддерживается путем соблюдения видимости народного характера власти и нейтрального отношения к классовым интересам. Более важными, чем требования соблюдения видимости народного характера власти, являются ограничения в результате влияния демократических сил. Маркс предвидел, что классовая борьба приведет к свержению капиталистического строя. Пока этого не произошло, классовая борьба ограничивает и преобразует капиталистическое государство таким образом, что само государство или его часть становится ареной этой борьбы.

Правильно поняв, что «американская демократия» в том виде, как ее преподносят формирующие общественное мнение специалисты истеблишмента, является некой подделкой, некоторые люди ошибочно отвергают завоеванные народными силами демократические права, как не имеющие большого значения. Но эти демократические права и организованное влияние демократических сил составляют в настоящее время то единственное, что мы имеем, чтобы удержать некоторых правителей от диктаторского «окончательного решения» — драконовского режима правления для обеспечения неограниченного господства капитала над трудящимися.

Глубокое неравенство в экономической власти, существующее в нашем капиталистическом обществе, находит свое выражение и в открытом неравенстве в общественной власти. Более полувека назад член Верховного суда Луис Брэндис произнес такие слова: «У нас в стране мы можем иметь или демократию, или огромное богатство, сконцентрированное в руках немногих, но иметь одновременно и то и другое — невозможно». Несколькоми годами раньше немецкий социолог Макс Вебер писал: «Вопрос состоит в том, насколько свобода и демократия возможны при господстве высокоразвитого капитализма?»^[851] Этот вопрос по-прежнему остается без ответа. По мере углубления кризиса капитализма и обострения противоречий между ожиданиями демократии и обескураживающим воровством

свободного рынка государству придется применять более репрессивные меры, чтобы удержать целостность существующей классовой системы.

Почему класс капиталистов в Соединенных Штатах не прибегает напрямую к фашистскому способу правления? Это упростило бы многие вещи. Не было бы организованного инакомыслия, не пришлось бы беспокоиться в отношении защиты природной среды, мер по охране труда, не было бы выборов и профессиональных союзов. В такой стране, как Соединенные Штаты Америки, успех «окончательного решения» применительно к кризису капитализма зависит от того, сможет ли правящий класс загнать демократического джинна обратно в бутылку. Правящие элиты в своих автократических побуждениях ограничены опасениями, что такие вещи им безнаказанно не сойдут с рук, что народ, а также рядовой и унтер-офицерский состав Вооруженных сил не поддержат это. Государство, которое рассчитывает при осуществлении своей власти только на имеющиеся в его распоряжении штыки, показывает себя как инструмент классового господства. Оно теряет доверие и вместо подчинения и сотрудничества вызывает сопротивление со стороны своих граждан, разжигая бунтарские настроения и даже революционное сознание. С учетом необходимости обеспечения безопасности своих прибылей, элиты обычно предпочитают «демократию для меньшинства» открытой диктатуре.

Для корпоративной Америки представительное правление является надежной формой государственной власти, хотя оно иногда и причиняет хлопоты вследствие того, что позволяет немного свободы и самоуправления, скрывая классовую природу государства. Чем полагаться исключительно на полицейскую дубинку и пистолет, буржуазная демократия предпочитает придерживаться тактики приближения противников к себе и оправдания своих действий с помощью законодательства, что делает власть правящего класса лицемерной и очень эффективной. Ифая эти противоречивые роли защитника капитала и «слуги народа», государство наилучшим образом выполняет свою основную классовую функцию.

То, что сказано здесь в отношении государства, абсолютно верно и в отношении законодательства, чиновничества, политических партий, законодателей, университетов и средств массовой информации. Для того чтобы наиболее полно выполнять функции классового контроля и поддерживать свою общественную легитимность, эти общественные

институты должны сохранять видимость нейтральности и независимости. Для того чтобы способствовать укреплению этой видимости, им приходится время от времени демонстрировать некоторую независимость и автономность от государства и от капитализма. Им нужно сохранить демонстративный характер некоторых решений для народа и в то же время принять самые минимальные поправки в отношении многих явных посягательств на интересы демократии.

Что делать?

Далее перечислен ряд действий, которые необходимо предпринять для того, чтобы привести нас к более равноправному и демократическому обществу.

Реформа избирательной системы. Для того чтобы ограничить власть класса собственников и их лоббистов, кандидатам мелких, так же как и крупных, партий необходимо добиться государственного финансирования избирательных кампаний. Кроме того, следует ввести жесткое ограничение расходов в ходе избирательной кампании для всех кандидатов и их сторонников, исключив при этом любые лазейки в законодательстве. Различным штатам следует ввести пропорциональное представительство, чтобы учитывался голос каждого избирателя и главные крупные партии не могли доминировать в законодательных органах за счет искусственно полученного большинства. Также необходимо стандартное федеральное избирательное законодательство, которое обеспечивало бы одинаковый и без затруднений доступ к выборам для третьих партий и независимых кандидатов. Нам следует отменить институт коллегий выборщиков, чтобы исключить практику искусственного провозглашения большинства, что формирует благоприятные условия для сохранения монополии двух партий и подрывает результаты прямых выборов избирателей.

Следует способствовать повышению уровня участия граждан в голосовании на выборах путем: а) обеспечения более удобного доступа к местам регистрации и голосования в районах с населением с низкими доходами; б) проведения голосования в выходные дни в конце недели вместо рабочего дня (в настоящее время это вторник) для того, чтобы люди, которым далеко ехать или которые работают долгий рабочий день, могли иметь возможность нормально добраться до участка голосования; в) использования таких бюллетеней для голосования, которые не вводят избирателей в заблуждение и не приводят к махинациям при подсчете голосов; г) федеральных мер по предотвращению попыток местных властей создавать избирателям препятствия или запугивать их, как это делалось официальными

лицами республиканских властей в штате Флорида во время президентских выборов 2000 года.

Конгресс должен предоставить округу Колумбия статус штата. В настоящее время 607 000 граждан этого округа лишены полного представительства в Конгрессе и настоящего самоуправления. Они выбирают мэра и городской совет, но Конгресс и президент обладают правом отменить все городские нормативные акты и бюджет. Город Вашингтон округа Колумбия остается одной из внутренних колоний правительства США.

Демократизация системы судебных органов. Необходимо ликвидировать олигархическую власть суда и пожизненный срок пребывания судей в должности, а также провести жесткую кампанию критики консервативного судебного активизма. Согласно результатам проведенных опросов, 91% граждан выступают за ограничение сроков пребывания федеральных судей в должности^[852].

Демократизация средств массовой информации. Радиоволны являются собственностью народа США. Необходимо потребовать от радио и телевидения как предприятий общественного обслуживания, работающих на основании государственной лицензии, предоставить возможность изложения всех точек зрения, включая инакомыслящих и политических радикалов. Средства массовой информации должны бесплатно предоставить одинаковое по продолжительности эфирное время всем кандидатам на выборах, а не только кандидатам от Республиканской и Демократической партий. Бесплатное эфирное время, например, один час в неделю для каждой партии в течение одного месяца перед днем выборов, как это было сделано в Никарагуа, позволит уравнивать возможности всех участников выборов и значительно сократит потребность в крупных денежных средствах для оплаты времени выступлений по радио и телевидению. В ходе агитационной кампании кандидатам могут задавать вопросы представители профсоюзов, движений за мир, союзов потребителей, защитников окружающей среды, женских организаций, движений борьбы за гражданские права и права сексуальных меньшинств, вместо бесполезных выступлений ученых мужей, заинтересованных главным образом в сокращении тем для дискуссий, чтобы не обидеть своих работодателей из корпораций.

Сократить военные расходы и ускорить переход к эпохе мира. Вакханалия военных расходов последних двух десятилетий — основная причина огромного государственного долга, прихода в упадок инфраструктуры и сокрушительного налогового бремени. Военные расходы превратили США из крупнейшего кредитора в страну с самым крупным государственным долгом. Для того чтобы ежегодно экономить сотни миллиардов долларов, нам следует в течение нескольких лет сократить на две трети раздутый и разорительный «оборонный» бюджет. В настоящее время Пентагон содержит огромный ядерный арсенал и другие ударные силы, предназначенные для ведения тотальной войны против другой сверхдержавы — Советского Союза, которого уже давно не существует. Для того чтобы экономить ежегодно еще миллиарды долларов и уменьшить ущерб нашей окружающей среде, Соединенным Штатам следует прекратить все ядерные испытания, включая и испытания под землей, и начать дипломатическое наступление за мир, свободный от ядерного оружия.

Вашингтон может экономить еще десятки миллиардов долларов, если прекратит вооруженные вторжения за рубежом. Силы «для расширения военного присутствия» и большую часть авианосных ударных групп ВМФ США можно ликвидировать без ущерба для национальной безопасности, присоединив к ним еще и Объединенное центральное командование США (бывшие Силы быстрого развертывания).

Снижение показателей экономики в результате сокращения военного производства можно смягчить, начав широкий переход на производство мирной продукции и направление сэкономленных из военного бюджета средств на систему социального обеспечения и другие внутренние потребности нашей страны. Прекращение военных затрат улучшит качество жизни населения и приведет к оздоровлению всей экономики.

Упразднить Центральное разведывательное управление и систему национальной безопасности. Конгресс должен упразднить все агентства национальной безопасности, поскольку они играют очень небольшую роль в усилении нашей безопасности, а их роль заключается лишь в том, чтобы сделать мир безопаснее для 500 крупнейших промышленных компаний США из списка журнала Fortune. Следует запретить тайные операции против антикапиталистических общественных движений. Прекратить поддерживаемые Соединенными

Штатами противоповстанческие войны против бедных во всем мире. Прекратить любую помощь зарубежным режимам, угнетающим свои собственные народы. Миллиарды долларов средств налогоплательщиков США, текущие на счета в швейцарские банки иностранным диктаторам и милитаристам, можно с большей пользой потратить на систему социального обеспечения в своей стране. Отменить санкции на торговлю с Кубой, Ираком и с другими странами, которые осмелились отойти от традиционных взглядов на свободный рынок.

Закон о свободе информации следует усиливать, а не ослаблять с помощью уполномоченных по пропаганде национальных спецслужб, которые говорят, что им нечего скрывать, а затем скрывают почти все, чем занимаются.

Экономические реформы. Вновь ввести более прогрессивный подоходный налог на доходы богатых частных лиц и корпораций, закрыв все еще существующие лазейки и исключив налоговые вычеты. Повысить налог на наследство вместо его ликвидации и одновременно освободить от его уплаты мелких фермеров и других мелких владельцев собственности. Предоставить налоговые скидки работающим бедным и низкооплачиваемым работникам. В настоящее время у корпораций прав больше, чем у граждан. Корпорации следует разделить на более мелкие части, как это уже было в XIX веке, и создать в них контрольные комиссии с участием служащих и представителей общественности для защиты общественных интересов. Необходимо запретить корпорациям владение акциями других частных фирм, а также разрешить предоставлять им концессии только на ограниченные периоды времени, например на двадцать или тридцать лет, и только со строгим целевым назначением. Лицензии могут быть отозваны правительством лишь на основании закона. Директора компаний должны нести уголовную ответственность за противоправные действия, совершенные корпорациями, и за нарушения в области охраны труда, законодательства о правах потребителей и защиты окружающей среды.

Реформа трудового права. Отменить антипрофсоюзное законодательство, например, Закон Тафта — Хартли. Обеспечить защиту государства тем трудящимся, которые рискуют потерять работу при попытках организовать профсоюз. Запретить использование руководством частных фирм штрейкбрехеров вместо бастовавших

рабочих. Предусмотреть наказание для тех работодателей, которые отказываются заключать трудовой договор после прохождения работником аттестации. Отменить запрещающие законы «о предоставлении права на труд» и «открытое предприятие»^[853], которые подрывают право на проведение переговоров с работодателями о заключении коллективного договора. Поднять минимальный уровень оплаты труда до прожиточного минимума. В Калифорнии, Миннесоте и в некоторых других штатах имеются «движения за оплату в размере прожиточного минимума», которые ставят целью лишить контрактов и государственных субсидий те фирмы, которые практикуют оплату труда работников в размере ниже прожиточного минимума^[854]. Отменить Североамериканское соглашение о свободе торговли (NAFTA) и Генеральное соглашение о тарифах и торговле (GATT), которые отдают национальный суверенитет никем не избранным скрытым международным трибуналам, имеющим право признавать недействительными любые правовые акты по труду, охране природной среды и правам потребителей федерального правительства и властей штатов, а также снижать уровень жизни по всему миру.

Необходимо реформировать программу «социального страхования». Но делать это следует постепенно, вначале понизив на 2% нынешний, взимаемый по единой ставке в 12,4%, налог в фонд социального страхования. Возместить потерю поступления средств от снижения ставки этого налога можно путем отмены ограничения верхнего уровня облагаемого налогом дохода. В настоящее время доходы свыше \$76 200 освобождаются от уплаты налога, взимаемого из заработной платы в фонд социального страхования. Такое изменение даст средней рабочей семье экономию налоговых выплат на \$700 и повернет в противоположном направлении тренд, при котором происходило снижение налогообложения для богатых при повышении налога на заработную плату для всех остальных. Необходимо ликвидировать «налоговые убежища» в офшорных зонах для транснациональных корпораций и отменить налоговые льготы в США на налоги, выплаченные за рубежом, что принесет в казну свыше \$100 миллиардов долларов дополнительных поступлений. Следует установить предел списаний из налогооблагаемой базы корпораций на рекламу, оборудование, а также на суммы, предназначенные для

поощрения руководящего состава путем льготной продажи акций и прибавки окладов^[855].

Улучшать сельское хозяйство и экологию окружающей среды. Следует распределить среди двух миллионов нуждающихся фермеров миллиарды долларов федеральных средств, которые в настоящее время передаются богатым агропромышленным предприятиям. Поощрять применение органических удобрений и поэтапно прекращать использование пестицидов, химических удобрений, насыщенных гормонами мясных продуктов и генетически модифицированных культур. Положить конец мании слияний предприятий в сфере агропромышленного бизнеса, которые в настоящее время контролируют почти все поставки продовольствия в мире. Такие многопрофильные агропромышленные корпорации, как Cargill и Continental, следует разделить на несколько частей или национализировать.

Приступить к согласованным мероприятиям по рациональному природопользованию и восстановлению природной среды, включая оборотное водоснабжение, рециркуляцию отходов и крупномасштабное компостирование бытовых отходов и мусора. Постепенно ликвидировать плотины, дамбы и атомные электростанции и начать срочную программу по сооружению термальных, приливных и солнечных источников энергии одновременно с широкими мероприятиями по очистке земли, воздуха и воды, а также по защите живой природы и восстановлению поврежденных прибрежных зон. Децентрализованная выработка электроэнергии на основе энергии солнечного света должна финансироваться федеральным правительством, а также властями штатов и муниципалитетами. Это приведет к созданию тысяч новых рабочих мест в населенных пунктах и жилых районах, которым не придется больше ежегодно платить сотни миллионов долларов нефтяным и газовым картелям^[856].

Развивать системы скоростного общественного транспорта внутри городов и между населенными пунктами для осуществления безопасных и экономичных грузовых и пассажирских перевозок. Разрабатывать транспортные средства, не выделяющие выхлопных газов, в целях сокращения губительных экологических последствий сжигания ископаемых видов топлива. Форд создал электрические автомобили еще в 1920-х годах. Если бы научно-исследовательские и

опытно-конструкторские работы в этой области были продолжены, мы бы сейчас уже имели доступные по цене и достаточно совершенные электрические автомашины. Стэнфорд Овчинский, президент фирмы «Устройства по преобразованию энергии», утверждает, однако, что недавно разработанный электрический автомобиль имеет большую дальность пробега на одной зарядке аккумулятора, которого, кстати, хватает на весь срок службы автомобиля, использует экологически безопасные материалы, удобен и легок в производстве и требует более низких эксплуатационных расходов, чем автомобиль с бензиновым двигателем. Это как раз те самые причины, по которым автомобильная промышленность так не любит электрические автомобили^[857].

Улучшать медицинское обслуживание и совершенствовать меры и средства обеспечения безопасности труда. Учредить всеобщую государственную программу бесплатной медицинской помощи, которая давала бы всем американцам возможность получать такой же уровень медицинской помощи, которую в настоящее время обеспечивает программа «Medicare» для престарелых, однако со страховым покрытием, которое включало бы такие разновидности нетрадиционной медицины, как траволечение, иглоукалывание, гомеопатия и хиропрактика^[858]. Люди трудоспособного возраста должны оплачивать по скользящей шкале свою часть страховой премии, вычитаемой из их заработной платы, или переводить суммы расчетного налога для тех, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью. Работодатели должны вносить свою часть страховых платежей соответственно. Финансирование медицинского обслуживания может происходить и из общего бюджета государственного медицинского страхования, как в системе медицинского страхования с одним плательщиком, применяемой в Канаде и в других странах. За счет общего финансирования медицинское обслуживание должно оказываться всем гражданам без исключения. Нет необходимости дополнительно расходовать десятки миллиардов долларов на медицинское страхование (как предлагал президент Клинтон), когда мы и так тратим средств, в расчете на одного человека, значительно больше, чем другие страны. При системе медицинского страхования с одним плательщиком миллиарды долларов, которые идут сейчас на выплату прибыли высшим

менеджерам и акционерам организаций поддержания здоровья (НМО), будут использованы на медицинское обслуживание.

Требуется дополнительно тысячи федеральных инспекторов для различных ведомств, занимающихся проведением в жизнь законодательства об охране труда и защите интересов потребителей. Некоторые люди задают вопрос: «Где взять деньги для того, чтобы заплатить за все это?» Такой вопрос почему-то не возникает, когда речь идет о колоссальном военном бюджете или огромных субсидиях корпорациям. Как уже отмечалось, дополнительные средства можно получить за счет более прогрессивного налогообложения и за счет значительных сокращений субсидий крупным корпорациям, а также военных расходов.

Пересмотреть налоговобюджетную политику. Государственный долг — это передаточные платежи от налогоплательщиков держателям государственных облигаций, от трудящихся — к капиталистам, от неимущих и малообеспеченных — к богатым. Правительство должно положить конец дефицитному финансированию и перейти к налогообложению финансовых кругов, у которых оно в настоящее время занимает деньги. Оно должно прекратить предлагать богатым взятки в виде инвестиционных дотаций и других гарантий, а также перераспределять средства капитальных вложений на непредназначенные для извлечения прибыли государственные объекты. Министерство финансов должно создать службу эмиссии денег и самостоятельно ее контролировать, не передавая эту функцию Федеральной резервной системе и входящим в нее частным банкам, что позволяет им ежегодно присваивать миллиарды долларов за счет приватизированной системы эмиссии денег в обращение.

Отменить гендерную, расовую и политическую несправедливость. Покончить с практикой расовой и тендерной дискриминации во всех ее базовых проявлениях, включая законодательство и судебную систему. Решительно проводить в жизнь законы: о защите клиник, производящих аборты, от насильственных акций членов «Комитетов бдительности», защите женщин от жестокого или противоправного отношения со стороны мужчин, защите детей от противоправного отношения и злоупотреблений со стороны взрослых, представителей сексуальных и этнических меньшинств от жестокости полиции и преступлений на почве нетерпимости и ненависти. Освободить из мест заключения сотни инакомыслящих, отбывающих длительные сроки

наказания на основании сфабрикованных обвинений, чья главная вина заключается в том, что они выступают против капитализма. Также освободить тысячи тех, кто отбывает длительные сроки лишения свободы по приговорам за сравнительно мелкие правонарушения, связанные с наркотиками.

Улучшить условия приема на работу. Американцы работают все напряженнее, все дольше, за меньшую оплату и часто без гарантии занятости. В 1960 году человек, закончивший высшее учебное заведение со средней оценкой «С», зарабатывал достаточно, чтобы купить трехкомнатный дом и содержать жену с тремя детьми. В настоящее время во многих частях страны оплата труда позволяет бездетной паре, работающей полную рабочую неделю, арендовать всего лишь однокомнатную квартиру^[859]. Нам следует ввести 36-часовую рабочую неделю без сокращения оплаты труда. Необходимо создать многие важные для жизни службы, так как многим людям нужны рабочие места. «Управление общественных работ» более широкого масштаба, чем та, которая была создана в период проведения «Нового курса» президента Рузвельта, могла бы занять людей на работах по улучшению экологии окружающей среды, по строительству доступного жилья, созданию систем массового общественного транспорта, перестройке приходящей в упадок инфраструктуры и оказанию услуг пожилым, инвалидам, а также всем остальным людям.

Людей можно было бы использовать на работах по производству товаров и оказанию услуг в условиях конкуренции с предприятиями частного сектора. В период проведения «Нового курса» Управление общественных работ занялось производством различных изделий, изготовлением одежды, матрасов, подушек и т. д. для заключенных исправительных учреждений, хирургических халатов для больниц и консервов для бедных безработных. Этот вид государственного производства «не в целях извлечения прибыли», а для удовлетворения потребностей массы людей обеспечивает правительству денежные поступления за счет продажи этих товаров и за счет подоходного налога с новосозданных рабочих мест. Здесь не упоминается частная прибыль для тех, кто живет за счет труда других. Именно это объясняет ожесточенное и враждебное отношение к попыткам правительства напрямую организовать любое производство.

Реальность государственного сектора производства

Ни одна из перечисленных выше мер не достигнет своей цели, если не будут решены структурные проблемы капитализма. Для этого необходима государственная собственность на основные средства производства и государственная финансовая власть, одним словом, необходим социализм.

Но может ли социализм работать по-настоящему? Не мечта ли это в теории и кошмар на практике? Может ли государство производить что-либо стоящее? Как говорилось в одной из предыдущих глав, частные предприятия различных отраслей экономики (оборонные производства, железные дороги, спутниковые системы связи, авиация, всемирная сеть Интернет, атомные электростанции и многое другое) существуют сегодня только благодаря тому, что правительство финансировало соответствующие научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и предоставило большую часть капитала на проекты, реализация которых была связана с риском. Рыночные силы не являются абсолютно необходимой основой для научных и технологических разработок. Крупные достижения многочисленных университетских и правительственных лабораторий в США во время и после Второй мировой войны явились результатом работ, проводимых при обязательном условии централизованного федерального планирования и бездоходного государственного финансирования. В США уже действует несколько национализированных служб, и при достаточном финансировании они работают хорошо. Сеть Американских дорог и некоторые коммунальные предприятия принадлежат государству, точно так же, как мосты, порты и аэропорты. В некоторых штатах государству принадлежат винные магазины, и они ежегодно приносят в казну штата доход в сотни миллионов долларов.

Есть несколько кредитных союзов и находящихся в частной собственности банков, как, например, Community Bank of the Bay (Северная Калифорния), чья главная задача заключается в том, чтобы предоставлять займы местным общинам с низкими и средними доходами. Нам нужен государственный банк, в котором можно держать

финансовые средства правительства штата и пенсионные средства профсоюза, которые в настоящее время находятся в частных банках. Банк штата Северная Дакота — это единственный банк, который полностью принадлежит штату. Раньше он помогал фермерам, которых использовали в своих интересах сельскохозяйственные зерновые монополии и частные банки. Сегодня Банк Северной Дакоты является одним из ведущих банков страны по предоставлению займов студентам, он является важным источником кредитов для фермеров, предприятий малого бизнеса и местного правительства. Другие штаты рассматривали возможность создания банков штатов, но частные банковские интересы заблокировали принятие такого решения.

Часто остается без внимания так называемый «третий сектор» экономики, в который входят более 30 000 руководимых рабочими производственных кооперативов и тысячи кооперативов потребителей, 13 000 кредитных союзов, почти 100 кооперативных банков и более 100 кооперативных страховых компаний плюс почти 5 000 кооперативов по строительству жилья, 1 200 сельских кооперативов коммунальных услуг, 115 кооперативов телекоммуникаций и кабельных телевизионных сетей. Служащие владеют большей частью акций, по крайней мере, в 1000 компаний^[860]. Профсоюзы использовали средства пенсионных фондов для строительства недорогого жилья и для создания связанных с профсоюзом и принадлежащих своим служащим подрядных фирм.

Есть также примеры так называемого «лимонного социализма», когда правительства в капиталистических странах брали под свое руководство находящиеся в плохом состоянии частные предприятия и затем восстанавливали их до нормального состояния, что свидетельствует об относительных способностях частного и государственного капитала. Во Франции сразу же после Второй мировой войны правительство национализировало банки, железные дороги и природные ресурсы в успешной попытке ускорить послевоенное восстановление страны. Французские телефонные, газовые и электрические компании были государственными монополистами. Государственные компании во Франции создали такие чудесные вещи, как скоростной железнодорожный поезд, который по своим характеристикам превосходил подобные поезда, созданные американским капитализмом, систему компьютерной телефонии Minitel, которая обеспечивала информацию и связь задолго до того, как

подобную систему сумела предложить известная компания AT&T и другие частные американские компании. Государственные железные дороги во Франции и Италии работают намного лучше, чем частные железные дороги в США (которые тоже хорошо работают по причине их субсидирования со стороны правительства США).

Университеты американских штатов и муниципалитетов являются государственными и потому — «социалистическими» (шокирующая новость для многих студентов, которые учатся в них). Некоторые из них числятся среди лучших высших учебных заведений страны. Государственные коммунальные компании в этой стране управляются лучше таких же компаний, принадлежащих инвесторам. А в связи с тем, что им не приходится выплачивать огромные оклады своим старшим менеджерам и крупные прибыли владельцам акций, их тарифы ниже, и они возвращают свои миллионные прибыли обратно в государственный бюджет^[861]. Также можно привести в пример Британскую государственную службу здравоохранения, которая обходится на 50% дешевле нашей частной системы здравоохранения, однако обеспечивает значительно более лучший минимум мер для поддержания здоровья. Даже когда правительство Тори в период 1980-х годов наложило на деятельность Британской системы здравоохранения бюджетные и финансовые ограничения «в целях изъятия сэкономленных средств службы в ущерб качеству ее услуг», большинство британцев выступали за сохранение национализированной службы здравоохранения^[862].

Сторонники свободного рынка в различных странах делают все возможное для подрыва государственных служб путем лишения их финансирования и наложения на них различных ограничений. Когда качество обслуживания в результате этих действий начинает ухудшаться, они утверждают, что эта система «не работает», и навязывают дальнейшие сокращения, а с течением времени и приватизацию^[863]. Приватизация — это обычно «золотая жила» для богатых держателей акций и большая беда для трудящихся и потребителей. Приватизация в 1987 году почтовой службы в Новой Зеландии принесла значительные прибыли инвесторам, а также сокращение зарплат и дополнительных выплат почтовым работникам. Кроме того, она привела к закрытию по всей стране более трети почтовых отделений. Аналогичным образом приватизация телефонных

и газовых компаний в Великобритании привела в результате к резкому росту зарплат руководящего состава предприятий, увеличению тарифов и снижению качества обслуживания.

Растущий государственный сектор представляет потенциальную угрозу для сторонников свободного рынка. Правые правительства торопятся его приватизировать, поскольку государственная собственность действительно работает. Если бы «бесприбыльный» государственный сектор обеспечивал возрастающее производство товаров и услуг, что бы оставалось частному инвестору, который наживается за счет чужого труда?

Большинство социалистов не возражают против такой личной собственности, как дом, участок земли и частное имущество, они также не против небольшого бизнеса, если в нем не используется чужой труд. Большинство не возражает против разницы в получаемых доходах или особых вознаграждений лицам, которые внесли особый вклад в дела общества. Они согласны, чтобы экономика приносила прибыль, если она используется на благо общества. Доходы, так же как и затраты общества на производство, должны быть национализированы.

Нет никаких гарантий, что национализированная экономика обязательно будет успешной. Государственная экономика стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза страдала от сильных перекосов по причине:

а) влияния бедности и нужды в обществе, которые они унаследовали; б) многих лет капиталистического окружения, эмбарго, военных вторжений, опустошительных войн и необходимости создания дорогостоящих вооружений; в) чрезмерной бюрократизации системы и слабых побудительных мотивов к труду; г) недостатка административной дисциплины и нехватки технологических новшеств; е) репрессивного политического правления, которое не допускало выражения критики и не имело обратной связи с обществом. В то же самое время следует признать, что бывшие коммунистические государства превратили свои бедные страны в сравнительно развитые общества. Что бы о них ни говорили, они достигли того, чего капитализм не смог и не имел намерения делать: предоставить адекватные питание, жилье и одежду для всех членов общества; обеспечить стабильное экономическое положение в пожилом возрасте; предоставить бесплатное медицинское обслуживание; бесплатное

образование на всех уровнях; гарантированный доход в странах, которые никогда не были настолько богатыми, как США.

В то время как народы этих бывших коммунистических стран открывают для себя много нового, «свободный рынок» означает свободу в основном для тех, у кого есть деньги, и резкое снижение уровня жизни для большинства остальных. С приходом реформ «свободного рынка» инфляция понизила реальную оплату труда и «растворила» накопления трудящихся. Системы здравоохранения и образования значительно деградировали. Безработица, бедность, попрошайничество, бездомность, преступность, насилие, самоубийства, психические депрессии и проституция стремительно возросли. Большинство в 70 — 80%, население этих пришедших к рыночной экономике стран утверждает, что жизнь при коммунистах была лучше. Развал колхозной и совхозной форм хозяйствования на селе и возвращение к частному фермерству привели к 40%-му снижению объемов производства сельского хозяйства в таких странах, как Венгрия и Восточная Германия, где коллективное сельское хозяйство работало так же, а часто и лучше, чем субсидируемое частное фермерство на Западе^[864].

Вопрос о том, могут ли произойти социалистические изменения в рамках современного капиталистического государства, или для этого в нем необходим революционный переворот, история оставила без ответа. Примеров какого-либо пути к социализму в современном индустриальном обществе так и не оказалось. Вопрос о том, за какой вид государственной или общественной собственности нам следует вести борьбу, заслуживает более обстоятельного изучения, на которое у нас здесь уже нет места. Социализм в Америке не может быть смоделирован на основе опыта бывшего Советского Союза, Китая, Кубы и других стран с различными историческими, экономическими и культурными особенностями развития. Но опыт этих стран можно изучать, для того чтобы делать выводы из их достижений, проблем, неудач и преступлений. Нашей целью должен стать социализм равенства, глубоко укоренившегося у каждого индивидуума чувства принадлежности к обществу и понимания необходимости сохранения окружающей среды. Это должен быть общественный строй с различными формами участия людей в делах общества и различными

формами производства, обеспечивающий уверенность в будущем и демократию.

Для того чтобы произвести фундаментальные изменения, необходимо не только широкое единство мнений по частным вопросам, но и объединение людей в движение, которое сможет продемонстрировать целесообразность установления альтернативной общественно-экономической системы, возможности для этого, и даже большую общественную необходимость перемен, при условии обеспечения их демократического характера. Есть много свидетельств, и часть их приведена в этой книге, указывающих на то, что американцы опередили своих политических лидеров в готовности принять новые альтернативы, включая переход в государственную собственность крупных корпораций, а также контроль трудящихся над производством. Со временем и по мере развития борьбы, когда возможность прогрессивных перемен станет более очевидной, а стремление людей к лучшей жизни возрастет значительно, можно будет надеяться, что народ все резче начнет воспринимать вопиющие несправедливости нынешней системы свободного предпринимательства и двинется в направлении глубоко демократического решения. Возможно, придет день, как он приходил при различных общественных устройствах прошлого, когда те, кто сегодня кажутся неуязвимыми, будут сброшены со своих вершин.

В существующей общественной системе нет ничего священного. Все экономические и политические институты являются придуманными устройствами, которые должны служить интересам народа. Когда они не выполняют этого предназначения, их следует заменить чем-то более подходящим, все более и более демократичным. Маркс говорил об этом, и то же самое говорил Джефферсон. Этот принцип революционный и — очень американский.

Благодарности обладателям авторского права на рисунки

C. 23. Dana Fradon. Copyright © The New Yorker Collection, 1979. Dana Fradon from <cartoonbank.com>. All rights reserved. Originally published in *The New Yorker*, February 9, 1979, p. 32. Reprinted by permission.

C 33. Fred Wright. Copyright © Wright/UE News Service. Reprinted by permission.

C 38. JeffMacNelly Copyright © Tribune Media Services, Inc. All rights reserved. Reprinted with permission.

C. 47. Andrew B. Singer. Copyright © 1995 Andrew B. Singer. From *Z Magazine*, July/ August 1997, p. 61. Reprinted by permission.

C 52. Donald Reilly. Copyright © The New Yorker Collection, 1974. Donald Reilly from <cartoonbank.com>. All rights reserved. Originally published in *The New Yorker*, June 3, 1974, p. 46. Reprinted by permission.

C. 71. Tom Meyer. Copyright © San Francisco Chronicle. Reprinted by permission.

C 78. Clay Bennett. From *Extra!*, November-December 1995, p. 6. Copyright © 1995 Bennett/ North America Syndicate. Reprinted by permission.

C 94. Herblock. From the *Washington Post*. Copyright © 1985 Herblock. Reprinted by permission.

C 104. Charles Barsotti. Copyright © The New Yorker Collection, 1998. Charles Barsotti from <cartoonbank.com>. All rights reserved. Originally published in *The New Yorker*, April 27-May 4, 1998. Reprinted by permission of United Media.

C. 116. Johnny Hart. «B.C.» By permission of Johnny Hart and Creators Syndicate, Inc. All rights reserved.

C 130. Etta Hulme. From the *Fort Worth Star-Telegram*. Copyright © 1995 by Etta Hulme/ *Fort Worth Star Telegram*. Reprinted by permission of Newspaper Enterprise Association, Inc.

C. 140. Jawn KJoss. Copyright © 1991 by Kloss. Reprinted by permission.

C 146. Bill Schorr. From the *New York Daily News*. Copyright © 1998 by Bill Schorr. Reprinted by permission of United Features Syndicate, Inc.

C 156. Carol Simpson. From *The People* (December 1997), Copyright © 1986 by Carol Simpson <carolsim@mos.com>. Reprinted by permission.

C 167. Bruce Beattie. From *USA Today*, June 16, 2000. Copyright © 2000 by John Beattie/ Copley News Service. Reprinted by permission.

C 185. Herblock. From the *Washington Post*. Copyright © 1976 Herblock. Reprinted by permission.

C. 196. Gary Huck. Copyright © huck/ue/huck-konopacki: cartoons. Reprinted by permission.

C 210. Clay Bennett. From *Solidarity*, December 1995, p. 27. Copyright © 1995 Clay Bennett. Reprinted by permission of United Media.

C 219. Dan Wasserman. From the *New York Times*, November 30, 1997. Copyright © Tribune Media Services, Inc. All rights reserved. Reprinted with permission.

C 227. Johnny Hart and Brant Parker. «The Wizard of Id.» Copyright © 1983. By permission of Johnny Hart/Creators Syndicate, Inc. All rights reserved.

C. 247. Paul Conrad. From the Los Angeles Times Syndicate, 1999. Copyright © Tribune Media Services, Inc. All rights reserved. Reprinted with permission.

C. 270. Ralph Dunagin. «Dunagin's People.» From the *Sentinal Star*, November 12, 1980. Copyright © Tribune Media Services, Inc. All rights reserved. Reprinted with permission.

C 278. Herblock. From the *Washington Post*. Copyright © 1982 Herblock. Reprinted with permission.

C 312. Don Wright. Copyright © Tribune Media Services, Inc. All rights reserved. Reprinted with permission.

C. 337. Mike Konopacki. Copyright © Huck/Konopacki Teacher Cartoons. Used with permission.

C. 359. Dana Fradon. Copyright © The New Yorker Collection, 1973. Dana Fradon from <cartoonbank.com>. All rights reserved. Originally published in *The New Yorker*, September 17, 1973, p. 122. Reprinted with permission.

C 403. Tom Toles. From the *Buffalo News*, 1993. Copyright © 1993. Reprinted with permission of Universal Press Syndicate. All rights reserved.



МАЙКА ПАРЕНТИ (р. 1933 г.) – АМЕРИКАНСКИЙ СОЦИОЛОГ, ИСТОРИК, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ ЙЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ПРЕПОДАВАЛ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В РЯДЕ КОЛЛЕДЖЕЙ И УНИВЕРСИТЕТОВ США, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПОЛНОСТЬЮ ПОСВЯТИЛ СЕБЯ НАПИСАНИЮ КНИГ И ЧТЕНИЮ ЛЕКЦИЙ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ, КАНАДЕ И ИНОГДА В ЕВРОПЕ. ПАРЕНТИ – АВТОР МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ И 19 КНИГ, КОТОРЫЕ ПЕРЕВЕДЕНЫ НА 18 ЯЗЫКОВ МИРА.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГРАХ США

ТЕРАКТЫ ПРОТИВ СОБСТВЕННЫХ ГРАЖДАН. ТОТАЛЬНАЯ СЛЕЖКА, МИЛЛИОНЫ ДОСЬЕ, ПРОСЛУШИВАНИЕ ТЕЛЕФОННЫХ РАЗГОВОРОВ. ТРАТЫ ОГРОМНЫХ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ НА ВООРУЖЕНИЕ. МОГУЩЕСТВЕННАЯ ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ, ДИРИЖИРУЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНЬЮ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УПРАВЛЯЮЩИЕ ГОСУДАРСТВОМ. ВОЙНЫ В ДРУГИХ СТРАНАХ С ЦЕЛЬЮ СМЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ И ДАЛЬНЕЙШЕГО ВЫКАЧИВАНИЯ РЕСУРСОВ. ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ЗЕМЛЕ. РЕЧЬ ИДЕТ НЕ ОБ ИМПЕРИИ ИЗ «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН», НЕ О МЕЧТАХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА, А О РЕАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ – О СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ. ПОД ЭТОЙ ОБЛОЖКОЙ – СТРАШНАЯ ПРАВДА О США, РАССКАЗАННАЯ НЕ СОВЕТСКИМ КОММУНИСТОМ-АГИТАТОРОМ ИЛИ АНТИАМЕРИКАНИСТОМ НОВОЙ ВОЛНЫ, А АМЕРИКАНСКИМ ГРАЖДАНИНОМ И ПАТРИОТОМ, УЧЕНЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ – ПОЛИТОЛОГОМ МАЙКЛОМ ПАРЕНТИ.

ISBN 5-9763-0016-2



9759763 001625

RUCARTA

ВЕРСИЯ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ
НА КОМПЬЮТЕРЕ И МОБИЛЬНОМ
ТЕЛЕФОНЕ В САМОМ БОЛЬШОМ
МАГАЗИНЕ ЭЛЕКТРОННЫХ КНИГ
WWW.RUCARTA.RU

ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ



notes

John Locke, *Treatise of Civil Government* (New York: Appleton-Century-Croft, 1937), 82; Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952), 309 and 311.

См. William Appleman Williams, *The Great Evasion* (Chicago: Quadrangle, 1964), где содержится анализ того, как американские интеллектуалы клеймили или замалчивали марксистские теоретические исследования.

Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (New York: Modern Library, 1937, originally 1776), 33.

Покойный Виктор Перло часто писал по этому вопросу; см. его обзоры в Peoples Weekly World, April 26, 1997; May 31, 1997; and August 1, 1998.

Классическое определение природы капитализма см. Маркс К. «Капитал», том 1. Имеется много различных изданий. Для предварительного ознакомления см. Маркс К. «Заработная плата, цена и прибыль» (различные издания) и Маркс К. «Введение в критику политической экономии» (A Contribution to the Critique of Political Economy. New York: International, 1970).

Цит. по Pat Barile, «Where Production Benefits Workers», Daily World, September 20, 1984.

Internal Revenue Service, Statistics of Income Bulletin, 1999-2000; Chuck Collins and Felice Yeskel, *Economic Apartheid in America* (New York: New Press, 2000).

«Forbes 400 World Series», Nation, October 20, 1997.

Wall Street Journal quoted in Richard Grossman, «Corporations Must Not Supplant «We the People»,» Maine Telegram, February 4, 1996.

John Miller, «A Rising Tide Fails to Lift All Boats», Dollars and Sense, May/June 2000.

О подробностях того, как Бюро переписи населения недобросовестно изображает картину см. Michael Parenti, «Economy in Numbers: The Super Rich Are Out of Sight», Dollars and Sense, May/June 1998; также доступно на сайте <[http:// www.michaelparenti.org](http://www.michaelparenti.org)>.

Paul Samuelson цит. по Sam Pizzigati, *The Maximum Wage* (New York: Apex, 1992); см. также Chuck Collins, Chris Hartman, and Holly Sklar, *Divided Decade: Economic Disparity at the Century's Turn* (Boston: United for a Fair Economy, 2000); Stephen Rose, *Social Stratification in the United States 2000* (New York: New Press, 2000).

New York Times, January 13, 1999; Jake Lewis, «The Making of the Banking Behemoths», Multinational Monitor, June 1996; Associated Press report, September 14, 2000.

О «золотых парашютах» для топ-менеджеров, см. Victoria Colliver, «The Softest Landing», San Francisco Examiner, August 14, 1998; и «Pensions», Solidarity, United Auto Workers, May 1966.

San Francisco Chronicle, July 29, 2000; Union, Service Employees International Union, Spring 1996.

Sarah Anderson, John Cavanaugh, Chuck Collins, Ralph Estes, and Chris Hartman, *A Decade of Executive Excess: Sixth Annual Executive Compensation Survey* (Boston and Washington, D.C.: United for a Fair Economy and Institute for Policy Studies, 1999); Holly Sklar, «CEO Gravy Train Keeps on Rolling», *Z Magazine*, June 2000.

Washington Post, February 11, 1982.

Агропромышленный бизнес представляет собой гигантскую корпорацию, которая специализируется на крупномасштабном коммерческом сельскохозяйственном производстве, обычно с широким применением механизации всех процессов, выращиванием монокультур, использованием пестицидов, гербицидов и с опорой на привлечение правительственных субсидий.

«Stand with the Farmers», People's Weekly World, December 18, 1999;
A. V. Krebs, The Corporate Reapers (Washington, D.C.: Essential, 1992).

Donald Gruber, «Unfair Prices — Why Family Farmers Go Broke
«People's Weekly World, March 8, 1997; «Save the Family Farms and
Communities», Peoples Weekly World, March 18, 2000; и Krebs, The
Corporate Reapers.

Marc Lappe and Britt Bailey, *Against the Grain: Biotechnology and the Corporate Takeover of Your Food* (Monroe, Maine: Common Courage, 1998); and Krebs, *The Corporate Reapers*, 75-97 and passim.

New York Times, March 31, 1997.

Allan Sloan, «Corporate Killers», Newsweek, February 26, 1996; см. также Doug Hen-wood, Wall Street: How It Works and For Whom (New York and London: Verso, 1997).

Steven Greenhouse, «Low-Paid Jobs Lead Advance in Employment», New York Times, October 1, 2000; National Priorities Project and Jobs with Justice, Working Hard, Earning Less (Washington, D.C.: National Priorities Project and Jobs with Justice, 1998); и David Gordon, Fat and Mean: The Corporate Squeeze of Working Americans and the Myth of Managerial «Downsizing» (New York: Martin Kessler/Free Press, 1996).

San Francisco Chronicle, August 8, 1992.

Lewis H. Lap ham, «Notebook», Harper's, April 1991, 11.

Рейча цитирует газета New York Times, April 26, 1995.

Wall Street Journal, August 30, 1978.

Цит. по Hunger, U. S. A., отчет представлен Citizens Board of Inquiry into Hunger and Malnutrition in the United States (Boston: Beacon, 1968), 46.

Как сообщает Артур МакИван (Arthur MacEwan) в Dollars and Sense, May/June 1998.

Цит. по Paul Baran and Paul Sweezy, Monopoly Capital (New York: Monthly Review, 1966), 49.

Резюме доклада совета конференции в статье Jacob Schlesinger, «Despite Economic Boom, More Americans Are Likely to Fall Below the Poverty Line», Wall Street Journal, June 29, 2000; отчет Associated Press, September 27, 2000.

Edward Herman, «The U.S. Jobs Miracle», ZMagazine, July/August 1998; Louis Uchitelle, «Despite Drop, Rate of Layoffs Remains High», New York Times, August 23, 1996.

См. U.S. Bureau of Labor Statistics, отчет Daily Labor Report за последние два года; также см. New York Times, March 3, May 5, and December 8, 1996.

Stanley Mihelick, Goodyear Rubber, цит. по New York Times, December 12, 1989.

Vicente Navarro, «The Middle Class - A Useful Myth», Nation, March 23, 1992.

The State of Working America (Washington, D.C.: Economic Policy Institute, 2000); Peter Meiksins, «Confronting the Time Bind: Work, Family and Capitalism», Monthly Review, February 1998.

«Counterspin», Pacifica Radio, November 24, 1997; и Bob Herberts column, New York Times, February 10, 1996.

Zuckerman v U. S. News and World Report, April 3, 1995.

The State of Working America; New York Times, October 4, 1999.

San Francisco Chronicle, April 27, 2000.

Don Terry, «A Union Vote Sows Bitterness in California Strawberry Fields», New York Times, July 31, 1998; Charles Clark, «A Surge in Sweatshops», San Francisco Examiner, September 1, 1996; и Doreen Carvajal, «For Immigrant Maids, Not a Job but Servitude», New York Times, February 25, 1996.

John Schwarz and Thomas Volgy, «Above the Poverty Line — But Poor», Nation, February 15, 1993, 191-92.

Schwarz and Volgy, «Above the Poverty Line — But Poor.»

См. ежегодный отчет ООН «О развитии человеческого потенциала» и недавний отчет UNICEF, 1999; и Т. М. Smeeding and L. Rainwater, «Young Child Poverty in a Comparative Perspective», неопубликованный доклад, Maxwell School of Citizenship and Public Affairs, 1996.

Michael Hudson (ed.), *Merchants of Misery: How Corporate America Profits from Poverty* (Monroe, Maine: Common Courage, 1996); и *Oakland Tribune*, August 8, 2000.

См. Ежегодный отчет Национальной лиги городов, *The State of Black America*, 2000; Материалы Министерства торговли приведены в газете *Los Angeles Times*, September 25, 1998.

Michael Fix, Raymond Struyk, and Marjorie Turner, *Opportunities Denied, Opportunities Diminished* (Washington, D.C.: Urban Institute, 1991).

Oakland Tribune, August 9, 2000.

Washington Post, June 10, 2000; отчет в Wrrking Woman, January 1996.

Kathryn Porter and Wendell Primus, Recent Changes in the Impact of the Safety Net on Child Poverty (Washington, D.C.: Center on Budget and Priorities, 1999); и исследование, проведенное National Center for Children in Poverty (Columbia University), отчет о котором помещен в New York Times, August 11, 2000; Los Angeles Times, July 1, 1999 и «Shredding the Safety Net», Backgrounder, Institute for Food and Development Policy, Winter 1998.

New York Times, May 26, 2000.

Исследование Министерства сельского хозяйства США по всем штатам, приведенное в USA Today, October 15, 1999; бессодержательный отчет представлен Center on Hunger, Poverty, and Nutrition Policy, Tufts University, опубликован в San Francisco Bay Guardian, June 17, 1998,16; USA Today, October 15,1999.

William Raspberry, «Garbage Eaters», Washington Post, May 2, 1984; см. также Carolyn Zinko, «Going Hungry in Good Times», San Francisco Chronicle, March 11, 1998.

Джентрификация — процесс возрождения центральных частей ряда городов Запада США. Джентрификация предполагает реконструкцию отдельных кварталов городов, интересных с исторической точки зрения или обладающих преимуществами с точки зрения экологии, с последующим поселением здесь состоятельных людей. (Примеч. пер.)

Единица жилья — квартира или дом для одной семьи. (Примеч. пер.)

Доклад Национальной коалиции евреев за грамотность, USA Today, November 29, 2000; Michael Janofsky, «Shortage of Housing for Poor Grows in U. S.», New York Times, April 28, 1998.

Для более подробных статистических данных по бездомным обратитесь в National Coalition for the Homeless and National Law Center on Homelessness and Poverty.

Trudy Lieberman, «Hunger in America», *Nation*, March 30, 1998; National Institute on Aging, *Older Americans 2000: Key Indicators of Well-Being* (Washington, D.C.: National Institute on Aging, 2000).

Richard Shweder, «It's Called Poor Health for a Reason», New York Times, March 9, 1997; M. Harvey Brenner, *Economy, Society and Health* (Washington, D.C.: Economic Policy Institute, 1992); Mary Merva and Richard Fowles, *Effect of Diminished Opportunities on Social Stress* (Washington, D.C.: Economic Policy Institute, 1992).

«National Household Survey on Drug Abuse», Department of Health and Human Services, September 1996; см. годовые отчеты Institute of Mental Health, Center for Disease Control and Prevention и National Center for Chronic Disease Prevention and Health Promotion, 1998-2000.

Kay Redfield Jamison, *Night Falls Fast: Understanding Suicide* (New York: Knopf, 1999); National Center for Health Statistics, *National Vital Statistics Report* (Washington D.C.: National Center for Health Statistics, 1999).

Congressional Caucus for Women's Issues, *Violence Against Women* (Washington, D.C.: Government Printing Office, 1992).

См. отчет Министерства здравоохранения и социальных служб, упомянутый в издании USA Today, June 16, 2000.

Плутократия — господство богачей, политический строй, в котором государственная власть в стране принадлежит кучке самых богатых представителей господствующего класса. (Примеч. пер.)

В отношении правящего класса см. главу 11; см. также мою книгу *Land of Idols: Political Mythology in America* (New York: St. Martins, 1994), в частности, главу 7, «Monopoly Culture», где анализируется дискуссия о том, как корпорации берут на вооружение социальные и культурные институты.

San Francisco Examiner, November 20, 1994, и October 21, 1996.

Geoffrey White with Flannery Hauck (eds.) *Campus, Inc.: Corporate Power in the Ivory Tower* (Amherst, N.Y.: Prometheus, 2000); Lawrence Soley, *Leasing the Ivory Tower: The Corporate Takeover of Academia* (Boston: South End, 1997) и Michael Yates, «Laboring in the Academic Factory», *Monthly Review*, January 2000.

Nader цит. по Home and Gardens, August 1991,144.

Обзор пятисот газет высших учебных заведений выявил широкое распространение цензуры: *Washington Post*, December 30, 1981; см. также Michael Parenti, *Dirty Truths* (San Francisco: City Lights, 1996), 235-52.

В отношении предвзятостей в учебниках и книгах см. исследования, приведенные Майклом Паренти в работе *History as Mystery* (San Francisco: City Lights, 1999), 11-21.

Linda Rocawich, «Education Infiltration: The Pentagon Targets High Schools», Progressive, March 1994.

William Form and Joan Rytina, «Ideological Beliefs on the Distribution of Power in the United States», *American Sociological Review* 34, February 1969, 19-31 и Robert Coles, *Privileged Ones: The Well-Off and the Rich in America* (Boston: Little, Brown, 1977).

Сексизм — дискриминация по половому признаку, дискриминация женщин. (Примеч. пер.)

Jacqueline Jones, *The Dispossessed: Americas Underclasses from the Civil War to the Present* (New York: Basic, 1992) и Jonathan Kozol, *Savage Inequalities* (New York: Crown, 1991).

New York Times, August 22, 1996.

Frank Scott, editorial в Coastal Post (Marin County, California), February 1, 1996.

Цитата Робертсона (Robertson) в Nation, January 10—17, 2000, 49.

В отношении опасностей со стороны крайне правых см. Sara Diamond, *Facing the Wrath* (Monroe, Maine: Common Courage, 1996).

О связях Республиканской партии с гитлеровскими коллаборационистами см. Russ Be Han t, *Old Nazis: The New Right and the Reagan Administration* (Cambridge, Mass.: Political Research Associates, 1988).

Harris poll, Business Week, November 20, 1995; Anthony Lewis in New York Times, January 9, 1996; New York Times, October 26, 1995 и October 15, 1998.

Обзор опубликован в газете New York Times, December 14, 1997; Washington Post, November 3 and December 4, 1991; Z Magazine, November 1992; а также отчет Center for the Study of Policy Alternatives, December 1994.

Stephen Kohn, *The History of American Draft Law Violations 1658-1985* (Westport, Conn.: Greenwood, 1986).

Jack Levin and Jack McDevitt, *Hate Crimes: The Rising Tide of Bigotry and Bloodshed* (New York: Plenum, 1993).

Sidney Aronson, *Status and Kinship in the Higher Civil Service* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964), 35; and Daniel M. Friedenberg, *Life, Liberty, and the Pursuit of Land: The Plunder of Early America* (Amherst, N.Y.: Prometheus, 1992); Merrill Jensen, *The New Nation* (New York; Random House, 1950), 178.

Aronson, Status and Kinship, 49; A. E. McKinley, The Suffrage Franchise in the Thirteen English Colonies in America (Philadelphia; B. Franklin, 1969, originally 1905).

Прочитано по Herbert Aptheker, Early Years of the Republic (New York: International, 1976), 41.

Статьи Конфедерации — Договор об образовании конфедерации тринадцати английских колоний в Северной Америке (до принятия Конституции США). (Примеч. пер.)

В отношении классовых интересов авторов Конституции см. Charles Beard, *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States* (New York: Macmillan, 1936, originally 1913). Даже Форрест МакДональд — консервативный критик взглядов Бирда — документально подтверждает происхождение из богатых семей пятидесяти трех из общего числа пятидесяти пяти делегатов; см. его *We, the People: The Economic Origins of the Constitution* (Chicago: University of Chicago Press, 1958), chapter 2.

Континентальный конгресс Соединенных Штатов — 1774 — 1781 гг. В 1776 г. принял Декларацию о независимости. (Примеч. пер.)

Articles of Confederation, in *National Documents* (New York; Unit, 1905), 59-71.

Например, см. большую часть статей в книге Robert Goldwin and William Schambra (eds.), *How Democratic Is the Constitution* (Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 1980).

Merrill Jensen, *The Articles of Confederation* (Madison: University of Wisconsin Press, 1948), 30.

Bernard Herman, *The Stolen House* (Charlottesville: University Press of Virginia, 1992).

Jensen, The Articles, of Confederation, 9-10; and Beard, An Economic Interpretation, 28.

Aptheker, *Early Years of the Republic*, 33-36. Историки вроде Роберта Брауна, которые критикуют взгляды Бирда, считают, что в Америке после революции было мало бедных. Они игнорируют присутствие большого числа должников, бедных домовладений, а также массу людей, находившихся в тюрьме за долги. Они также игнорируют такие исследования, как работы Clifford Lindsey Alderman, *Colonists for Sale: The Story of Indentured Servants in America* (New York: Macmillan, 1975).

Aptheker, *Early Years of the Republic*, 137, 144-145.

David Szatmary, *Shays Rebellion: The Making of an Agrarian Insurrection* (Amherst: University of Massachusetts Press, 1980).

Эти и другие нелестные комментарии делегатов в отношении простого народа и демократии см. Max Farrand (ed.), *Records of the Federal Convention of 1787* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1937, 1966), vols, 1-3, *passim*.

Beard, *An Economic Interpretation*, passim. Enormous profits accrued to holders of public securities.

Aptheker, *Early Years of the Republic*, 114.

Для получения полного представления о том огромном влиянии, которым располагал класс рабовладельцев см. Paul Finkelman, Slavery and the Founders (Armonk, N.Y. and London: M. Sharpe, 1996,)

Поправки могли также быть предложены через учредительный съезд, созванный Конгрессом по требованию двух третей членов законодательных собраний штатов и при ратификации их Конвентами в трех четвертях штатов. Этот метод еще предстоит испытать. Дискуссии о конституционном наследстве Мэдисона см. Jennifer Nedelsky, *Private Property and the Limits of American Constitutionalism* (Chicago: University of Chicago Press, 1994).

О дальнейшей дискуссии в отношении избирательной кампании 2000 года и противоречий во Флориде см. главу 13.

Farrand, Records of the Federal Convention, vol. 2, 200 ff.

Staughton Lynd, *Class Conflict, Slavery and the United States Constitution* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1967). О дискуссии по поводу классовых интересов, стоящих за американской революцией, см. Alfred Young (ed.), *The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1977); and Edward Countryman, *A People in Revolution* (Baltimore: Johns Hopkins Press, 1982).

Примеры для тех, кто путает широкие классовые интересы авторов Конституции с национальными, см. David Smith, *The Convention and the Constitution* (New York: St. Martins, 1965); см. также несколько статей Goldwin and Schambra (eds.), *How Democratic Is the Constitution*

Farrand, Records of the Federal Convention, vol. 1, xii-xv.

Federalist № 10.

Jackson Turner Main, *The Antifederalists* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1961). Для подсчета по штатам см. Michael Gillespie and Michael Lienesch (eds.), *Ratifying the Constitution* (Lawrence: University Press of Kansas, 1989). Вероятно, не более 20% взрослых белых мужчин голосовало за делегатов Конвентов, созванных для ратификации.

Этот раздел о прогрессивных особенностях Конституции взят, в основном, из работы Aptheker, *Early Years of the Republic*, 71 ff. and *passim*.

Andrew Lipscomb (ed.), *The Writings of Thomas Jefferson* (New York: Putnam, 1897), vol. 15, 112.

Edward Pessen, *Riches, Class and Power before the Civil War* (Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1973), 278, 304 и Howard Zinn, *A People's History of the United States* (New York: Harper & Row, 1980), 125-29.

Edward Pessen, *The Many Faceted Jacksonian Era* (Westport, Conn.: Greenwood, 1977), 7-31; Otto L. Bettmann, *The Good Old Days - They Were Terrible* (New York: Random House, 1974), 152-53.

Zinn, *A People's History*, 216; Richard Boyer and Herbert Morais, *Labor's Untold Story* (New York: United Electrical, Radio and Machine Workers, 1971), 25 and passim; John Spargo, *The Bitter Cry of the Children* (Chicago: Quadrangle, 1968, originally 1906).

Цитата из Дэвида Монтгомери (David Montgomery) приводится в работе Boyer and Morais, *Labor's Untold Story*, 221. A comprehensive study is Philip Foner, *History of the Labor Movement in the United States*, vols. 1-6 (New York: International Publishers, 1947, 1955, 1964, 1965, 1980,1981).

Boyer and Morais, *Labor's Untold Story*, 216. См. Sidney Fine, *Laissez-Faire and the General-Welfare State* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1964) для описания капиталистической, антимарксистской ортодоксии в США в конце XIX столетия и ее контроля над бизнесом, законодательством, экономикой, преподаванием в университетах и религией.

Этот и другие примеры насилия в корпоративном государстве см. Sidney Lens, *Radicalism in America* (New York: Thomas Y. Crowell, 1969); Daniel Fusfeld, *The Rise and Repression of Radical Labor in the United States 1877-1918* (Chicago: Charles H. Kerr, 1985); Foner, *History of the Labor Movement*; Boyer and Morais, *Labor's Untold Story*.

Matthew Josephson, *The Robber Barons* (New York: Harcourt, Brace, 1934), 365.

William Preston Jr., *Aliens and Dissenters* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963), 24.

Richard Grossman and Frank T. Adams, *Taking Care of Business: Citizenship and the Charter of Incorporation* (Cambridge, Mass.: Charter Ink., 1993); and *Why Do Corporations Have More Rights Than You?* (Areata, Calif.: Democracy Unlimited, n.d.).

«Пусть покупатель будет осмотрителен» — принцип торговли. Он заключается в том, что покупатель несет ответственность за проверку качества приобретаемого товара. (*Примеч. пер.*)

Morton Horowitz, *The Transformation of American Law 1780-1860* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977).

Josephson, The Robber Barons, 395.

Josephson, The Robber Barons, 52.

James S. Allen, *Reconstruction: The Battle for Democracy, 1865-1876* (New York: International, 1937); Eric Foner, *Reconstruction* (New York: Harper 8c Row, 1988).

Прогрессивизм — политическая и экономическая платформа Прогрессивной партии. (Примеч. пер.)

Gabriel Kolko, *The Triumph of Conservatism* (Chicago: Quadrangle, 1967), chapters 1 and 2.

Kolko, *The Triumph of Conservatism*, 281.

Kolko, *The Triumph of Conservatism*, 283-84; see also Frank Harris Blighton, *Woodrow Wilson and Co.* (New York: Fox Printing House, 1916).

Boyer and Morais, *Labor's Untold Story*, 180—81.

Paul Koistinen, «The Industrial-Military Complex' in Historical Perspective», *Journal of American History* 56, March 1970, reprinted in Irwin Unger (ed.), *Beyond Liberalism* (Waltham, Mass.: Xerox College Publishing, 1971), 228-29.

Boyer and Morais, *Labor's Untold Story*, 184 and passim.

John Higham, *Strangers in the Land* (Piscataway, N.J.: Rutgers University Press, 1988), 212 and passim.

Robert Murray, *Red Scare* (New York: McGraw-Hill, 1955), 95-98; Christopher May, *In the Name of War* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989).

William Appleman Williams, «American Intervention in Russia: 1917—1920», in David Horowitz (ed.), *Containment and Revolution* (Boston: Beacon, 1967), 38.

Zinn, A People's History, 376; исследование Института Брукингса, процитированное в работе Boyer and Morais, Labor's Untold Story, 237.

Charles Eckert, «Shirley Temple and the House of Rockefeller», in Donald Lazare (ed.), *American Media and Mass Culture* (Berkeley: University of California Press, 1987), 174.

Rhonda Levine, *Class Struggle and the New Deal* (Lawrence: University Press of Kansas, 1988), 70.

Boyer and Morais, *Labor's Untold Story*, 249.

Цит. по Zinn, A People's History, 378.

Irving Bernstein, *Turbulent Years: A History of the American Worker 1933-1941* (Boston: Houghton Mifflin, 1970) и Boyer and Morais, *Labor's Untold Story*, *passim*.

Barton Bernstein, «The New Deal», в кн.: Barton Bernstein (ed.), *Toward a New Past* (New York: Pantheon, 1963), 269; Levine, *Class Struggle and the New Deal*, chapters 1 and 4.

Frances Fox Piven and Richard Cloward, *Regulating the Poor* (New York: Pantheon, 1971), 76; также Bernstein, «The New Deal», 269-70.

Piven and Cloward, *Regulating the Poor*, chapters 2 and 3; Paul Conkin, *The New Deal* (New York: Crowell, 1967).

Piven and Cloward, *Regulating the Poor*, 46.

Gabriel Kolko, *Wealth and Power in America* (New York: Praeger, 1962), 31 и Conkin, *The New Deal*, 67.

Michael Goldfield, «Worker Insurgency, Radical Organization, and New Deal Labor Legislation», *American Political Science Review* 83, December 1989, 1258; Art Preis, *Labor's Giant Step* (New York: Pioneer, 1964); Roger Keeran, *The Communist Party and the Auto Workers' Union* (New York: International Publishers, 1981).

Bernstein, «The New Deal», 278-79.

Richard Boyer and Herbert Morais, *Labor's Untold Story* (New York: United Electrical, Radio and Machine Workers, 1972), 331-32, 339.

Mark Zepezauer and Arthur Naiman, *Take the Rich off Welfare* (Tucson, Ariz.: Odonian, 1996); Donald Bartlett and James Steele, «Corporate Welfare», *Time*, November 9, 16, and 23, 1998; Janice Shields, *Corporate Welfare and Foreign Policy* (Washington, D.C.: Inter-hemispheric Resource Center, 1999).

Zepezauer and Naiman, Take the Rich off Welfare, 75-77; «Department of Interior Looks the Other Way», Project on Government Oversight Reports, April 1995; and «The Airwaves: Al Gore's Amazing Gift», Nation, March 10, 1997.

Ralph Nader *Cuttign Corporate Welfare* (New-York, Seven Stories, 2000), John Canham-Clyne, «Cut Corporate Welfare», *Public Citizen*, July/August 1995, 1, 9-11; Jonathan Dushoff, «Gold Plated Giveaways», *Multinational Monitor*, January/February 1993, 16-20.

Zepezauer and Naiman, Take the Rich off Welfare, 56-68.

Frank Kofsky, *Harry S Truman and the War Scare of 1948* (New York: St. Martins, 1994).

«\$62 Billion Bank Bailout in Mexico Incites Outrage as Critics Say It Helps the Rich», New York Times, July 31, 1998.

Peter Brewton, *The Mafia, CIA Of George Bush* (New York: Shapolsky, 1992); *Washington Post*, September 2, 1988, and May 27, 1990.

«Crony Capitalism», Nation, October 19, 1998, 3.

Bartlett and Steele, «Corporate Welfare»; survey of thirty cities by the U.S. Conference of Mayors, reported in San Francisco Bay Guardian, October 6, 1999; Joanna Cagan and Neil deMause, *Field of Schemes: How the Great Stadium Swindle Turns Public Money into Private Profit* (Monroe, Maine: Common Courage Press, 1998).

Zepezauer and Naiman, Take the Rich off Welfare, 115-16.

Washington Post, March 3, 1988.

Savannah Blakwell, «You Lose», San Francisco Bay Guardian, August 13, 1997.

Michael Haddigan, «Rockefeller Foundation Will Weigh in During Tax Debate», Arkansas Times, December 13, 1996.

New York Times, April 18, 1997.

Ken Silverstein, «Trillion-Dollar Hideaway», Mother Jones, December 2000.

New York Times, December 1, 1996.

Michael Phillips, «Taking Shelter», Wall Street Journal, August 4, 1999.

Wall Street Journal, October 10, 2000.

New York Times, July 29, 1996.

Отчет Управления общей бухгалтерской отчетности (GAO), San Francisco Examiner, April 15, 1999; Paul Sweeny, «Profiting from Tax-Proof Companies», New York Times, April 5, 1998.

«IRS Shifts Audit Focus from Rich to Poor», Associated Press report, April 16, 2000; David Cay Johnston's reports in New York Times, April 13 and 18, 1997.

Статистическая информация Бюджетного управления Конгресса в газете New York Times, April 5, 1998.

«Money for Nothing», Nation, September 1, 1997, 5.

CTJNews, Citizens for Tax Justice, Washington, D.C., July 1999.

CTJ Update, Citizens for Tax Justice, November 1997.

Налогом с продаж по единому фиксированному тарифу облагается большой набор товаров и услуг. Акциз представляет собой налог на особые товары в размерах, определяемых специальными тарифами: налоги на автомобильный бензин и на сигареты являются акцизами.

Упоминается в Tax Notes, July 31,1995.

New York Times, September 1, 2000; and CTJ Update, April 2000.

«Кто платит? Анализ распределения налогов по 50 штатам». Citizens for Tax Justice, June 2000; <<http://www.ctj.org>>

Karl Marx, *Capital* vol. 1 (Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin, 1976), 919.

Tom Gervasi, *The Myth of Soviet Military Supremacy* (New York: Harper & Row, 1986); Fred Kaplan, *Dubious Specter: A Skeptical Look at the Soviet Nuclear Threat* (Washington, D.C.: Institute for Policy Studies, 1980).

Defense Monitor (публикация Центра оборонной информации (Center for Defense Information, Washington, D.C.)), №. 5, 2000.

Defense Monitor, no. 2, 2000.

«Last of the Big Time Spenders», Defense Monitor, №. 8, 1999, 3; Martha Honey, «Guns «R» Us», In These Times, August 11, 1997 и David McGowan, Derailing Democracy (Monroe, Maine: Common Courage, 2000), 95.

Christopher Kitchens, «Political Defense System», *Nation*, February 1, 1999; Josef Joffe, «A Warning from Putin and Schroder», *New York Times*, June 20, 2000; «U.S. Missile Defense Project May Spur China Nuke Buildup», *Oakland Tribune*, August 10, 2000.

Цит. по Karl Grossman, «U.S. Violates World Law to Militarize Space», Earth Island Journal, Winter/Spring 1999.

Объединенное космическое командование Вооруженных сил США (U.S. Space Command), *Vision for 2020*, 1998, цит. по McGowan, *Derailing Democracy*, 196 (emphasis added); см. также Bruce Gagnon, «Pyramids to the Heavens: The Coming Battle for Control and Exploitation of Space», *Toward Freedom*, September/October 1999; см. также George and Meredith Friedman, *The Future of War: Power, Technology ? American World Dominance in the 21st Century* (New York: St. Martin's, 1998).

Gar Smith and Clare Zichuhr, «Project HAARP: The Military's Plan to Alter the Ionosphere», *Earth Island Journal*, Fall 1994; and Nick Begich and Jeane Manning, «Vandalism in the Sky», *Nexus*, December 1995/January 1996.

Center for Defense Information Newsletter, May 2000; David Hackworth, «The Pentagons Missing \$33 Billion», San Francisco Examiner, April 17, 1995.

«Pentagon or Bust», Nation, March 24, 1997; General Accounting Office, Financial Integrity Act Report (Washington, D.C: Government Printing Office, January 1990).

Edward Herman, «Privileged Dependency and Waste», Z Magazine, November 1997; «An Arms Race with Ourselves», Business Leaders for Sensible Priorities, New York, n.d. <<http://www.businessleaders.org>>; Graham Usher, «Military Monopoly», Nation, January 13/ 20, 1997, 6—7; San Francisco Examiner, November 23, 1997.

General Accounting Office, Financial Management: Billion Dollar Decisions Made Using Inaccurate and Unreliable Air Force Data, February 1990; San Francisco Chronicle, February 26, 1997.

The Pentagon Follies (Washington, D.C: Council for a Livable World and Taxpayers for Common Sense, 1996); Washington Post, July 13, 1990.

See The Pentagon Follies; and New York Times, August 6, 1990, April 1, 1996, and October 8, 1999.

О недавних перерасходах сметной стоимости разработки лазера, используемого в исследованиях водородной бомбы см. New York Times, May 26, 2000.

Lora Lumpe, «Costly Giveaways», Bulletin of Atomic Scientists, October 1996.

«Why We Overfeed the Sacred Cow», Defense Monitor, no. 2, 1996.

San Francisco Examiner, November 19, 1998.

Robert Scheer, «Our Rained-Out Bomber», Nation, September 22, 1997.

Atomic Audit: 1940-1996 (Washington, D.C: Brookings Institution, n.d.); and The U.S. Nuclear Weapons Cost Study Project (Washington, D.C: Brookings Institution, 2000).

Jim Creaven, «On the Ground in Puerto Rico», Veterans for Peace, Spring 2000; and <<http://www.viequeslibre.org>>; and Karen Talbot, «Korea: The Anatomy of a War and Prospects for Reunification» <<http://www.covertaction.org>>, October 2000.

Seth Shulman, *The Threat at Home: Confronting the Toxic Legacy of the U.S. Military* (Boston: Beacon, 1992); Jeffrey St. Clair, «30 Years After: The Legacy of America's Largest Nuclear Test», *In These Times*, August 8, 1999; Status Report on «Paths to Closure» (Washington, D.C: U.S. Department of Energy, March 2000); *New York Times*, January 29, 2000.

Department of Defense, Worldwide U.S. Military Active Duty Military Personnel Casualties, Directorate for Information Operations and Reports booklet M07.

Tod Ensign, «Guinea Pigs & Disposable GIs», *CovertAction Quarterly*, Winter 1992—1993; Kathleen Sullivan, «Gulf War Map a Clue to Vet Ills?» *San Francisco Examiner*, January 24, 1999; Hank Roth, «Anthrax and Other Small Favors», *North Coast Xpress*, Spring 2000.

See «Feeding Dependency, Starving Democracy», report by Grassroots International, Somerville, Mass., 1997; and Richard Jolly et al., Human Development Report (New York: Oxford University Press, 1996).

Eric Verhoogen, «The U.S. in Haiti: How to Get Rich on 11 Cents an Hour», Crossroads, April/May 1996.

Terry Collingsworth, «Child Labor in the Global Economy», policy brief by the Inter-hemispheric Resource Center and the Institute for Policy Studies, Washington, D.C., 1997; Fingers to the Bone: United States Failure to Protect Child Farmworkers, отчет Children's Rights Division of Human Rights Watch, June 2000, <[http://www.hrw.org/campaigns/crp /farmchild/index.htm](http://www.hrw.org/campaigns/crp/farmchild/index.htm)>

New York Times, March 16, 1996.

Например, см. William Hartung and Bridget Moix, «Deadly Legacy: U.S. Arms to Africa and the Congo War» <<http://www.worldpolicy.org/projects/arms/reports/congo.htm>>.

Graham Hancock, *Lords of Poverty: The Power, Prestige, and Corruption of the International Aid Business* (New York: Atlantic Monthly, 1989).

«IMF/World Bank Watch», Asheville Global Report, February 24 - March 1, 2000; Susan George and Fabrizio Sabelli, Faith and Credit: The World Bank's Secular Empire (Boulder, Colo.: Westview, 1994); William Greider, «Time to Rein in Global Finance», Nation, April 24, 2000 и «IMF to the Rescue (of Bankers)», Labor Party Press, May 1998.

В 2000 году ЦРУ впервые признало, что оно «имело связи» с теми, кто организовывал заговор с целью осуществления переворота в Чили, включая дезинформаторов и убийц: Associated Press, September 20, 2000. Но ЦРУ по-прежнему отрицает, что оно было причастно к нарушениям прав человека.

William Blum, *Rogue State* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000), 125-67.

Reed Brody, *Contra Terror in Nicaragua* (Boston: South End, 1985); Holly Sklar, *Washington's War on Nicaragua* (Boston: South End, 1985); United Church of Christ Commission for Racial Justice, «Why Is the U.S. Prolonging War in Angola?» *Washington Post*, October 5, 1989; Augustus Richard Norton, «The Renegade Menace: Hunger and Carnage in Mozambique», *New Leader*, November 16, 1987; Blum, «East Timor, 1975-99», *Rogue State*, 146-47.

О том, как искажались сообщения из Гренады и Панамы, см. Michael Parenti, *Inventing Reality: The Politics of News Media*, 2nd ed. (New York: St. Martin's, 1993), 148-51, 159-63.

London Times, March 3, 1991.

Ramsey Clark et al., *Challenge to Genocide* (New York and San Francisco: International Action Center, 2000).

Washington Post, June 23, 2000.

В отношении Турции см. Ertugrul Kurkeu, «Trapped in a Web of Covert Killers», Covert Action Quarterly, Summer 1997.

Michael Parenti, *To Kill a Nation: The Attack on Yugoslavia* (New York and London: Verso, 2000).

Parenti, To Kill a Nation.

John Hooper, «US Plans to Thwart War Crimes Court», Guardian Weekly (U.K.), July 26, 1998; «U.S. Seeking Immunity for Troops from New War Crimes Court», San Francisco Chronicle, June 12, 2000.

New York Times, August 5 и December 30,1996 и February 26,1999; Dana Priest, «Army Instructed Latins on Executions, Torture», Washington Post, September 21,1996; David Kirsh, «Death Squads in El Salvador: A Pattern of U.S. Complicity», Covert Action Quarterly, Summer 1990.

Chicago Tribune, March 4, 1997; Washington Times, March 4, 1997.

New York Times, March 11, 1999.

William Hoffman, «Vietnam: The Bloody Get-Rich-Quick Business of War», Gallery, November 1978; также см. Marvin Gettleman et al. (eds.), Vietnam and America (New York: Grove, 1985), который, несмотря на неряшливое исполнение, содержит необходимые данные.

Ben Kiernan (ed.), *Genocide and Democracy in Cambodia*, Yale University/Southeast Asia Studies monograph series, no. 41, 1993; John Pilger, «Pol Pot: The Monster We Created», *Guardian Weekly* (U.K.), April 26, 1998.

Nonviolent Activist (publication of War Resisters League), May/June 2000.

Javier Giraldo, S.J., Colombia: The Genocidal Democracy (Monroe, Maine: Common Courage, 1996); «Colombia and the Drug War Fraud», Focus, Office of the Americas, July 1997; and Columbia Update, Colombia Human Rights Network, Fall 1997/Winter 1998; «Defoliation in Colombia», International Action Center <<http://www.iacenter.org>>; and New York Times, June 25, 2000.

Arvind Ganesan, «Corporation Crackdowns, Business Backs Brutality», Dollars and Sense, May/June 1999.

Edward Herman, *The Real Terror Network* (Boston: South End, 1985); Michael Parenti, *Against Empire* (San Francisco: City Lights, 1995); Blum, *Rogue State*, 92 ff.

Edward Herman, *Demonstration Elections* (Boston: South End, c 1984); Parenti, *Against Empire*, 125-29; New York Times, March 8, 1997.

Anuradha Mittal, «Hungry and Poor in a Rich Nation», San Francisco Chronicle, November 25, 1998 и «Shredding the Safety Net», Backgrounder, Institute for Food and Development Policy, Winter 1998.

Trudy Lieberman, «Hunger in America», Nation, March 30, 1998.

San Francisco Chronicle, October 20, 1999.

«Thousands of Kids Lose Disability Aid», San Francisco Chronicle,
August 15, 1997.

Welfare Myths, отчет, представлен Center on Social Welfare Policy and Law, New York, May 1996; Myriam Marquez, «Debunking AFDC Mythology», San Francisco Examiner, March 7, 1997.

New York Times, September 29, 1995.

Mark Dunlea, «The Poverty Profiteers Privatize Welfare», Covert Action Quarterly, Winter 1996-97; Adam Fifield, «Corporate Caseworkers», In These Times, June 1997; Christopher Cook's report in Christian Science Monitor, March 1997.

Lucia Hwang, «Training in Vain», San Francisco Bay Guardian, October 6, 1999.

«The Case for Killing Social Security», Time, May 20, 1995.

Doug Henwood, «The Myth of Social Security's Imminent Collapse», Extra! July/ August 1995; «If Politics Got Real», Nation, May 1, 2000.

«Ten Excellent Reasons to Strengthen Social Security and Oppose Privatization», Solidarity, July/August 2000.

Lawrence J. O'Brien, *Bad Medicine: How the American Medical Establishment Is Ruining Our Healthcare System* (Amherst, N.Y.: Prometheus, 1999).

To Err is Human: Building a Safer Health System (Washington, D.C.: National Institute of Medicine, 1999); David Himmelstein and Steffie Woolhandler, *Bleeding the Patient Dry: The Consequences of Corporate Healthcare* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000).

New York Times, October 4, 1999.

Allen Myerson, «A Double Standard in Health Coverage», New York Times, March 17, 1996; «Hospital for the Rich», Solidarity, January/February 1997.

New York Times, June 29, 1999, and June 20, 2000; San Francisco Chronicle, July 30, 1998, and May 25, 2000.

Бенефициарий — получатель средств по страховому полису, в случае медицинского страхования — врачи и лечебные учреждения.
(Примеч. пер.)

L.J. Davis, «Medscam», Mother Jones, March/April 1995; New York Times, July 17, August 8, and December 14, 1997; New York Times, November 4, 1999; исследование Управления генерального инспектора (Inspector General's Office) Министерства здравоохранения и социальных служб (Department of Health and Human Services), а также Управления общей бухгалтерской отчетности (General Accounting Office), reported in Los Angeles Times, July 28, 1997.

Eric Bates, «The Shame of Our Nursing Homes», Nation, March 29, 1999.

Phil Benjamin, «The Nations Health», People's Weekly World, February 26, 2000; «The Canadian Health Care System», Economic Notes, July /August 1991; Craig Whitney, «Medical Care in Germany», New York Times, January 23, 1993.

Michael Makover, *Mismanaged Care: How Corporate Medicine Jeopardizes Your Health* (Amherst, N.Y.: Prometheus, 1998); Charles Andrews, *Profit Fever: The Drive to Corporatize Health Care and How to Stop It* (Monroe, Maine: Common Courage, 1995); Ron Adler, «Why Your Doctor Isn't Happy to See You», *San Francisco Chronicle*, April, 7, 2000.

«HMOs to Drop 934,000 on Medicare», San Francisco Examiner, July 23, 2000; Laura McClure, «Just Healthcare», Labor Party Press, November 1998.

Lisa Davis, «Sutter's Giant Sucking Sound», San Francisco Weekly, January 21-27, 1998.

Ken Silverstein, «Millions for Viagra, Pennies for Diseases of the Poor», Nation, July 19, 1999; Don Sloan, «Profit and Loss in Medical Research», Peoples Weekly World, November 21, 1998.

Baltimore Sun, October 19, 1996.

Joel Bleifuss, «Take a Powder», In These Times, March 3, 1997.

PDA Drug Review Disapproval Risk, General Accounting Office, Washington, D.C., May 1990; «Free-Market Medicine», Progressive, March 1992; New York Times, March 20, 1996, and April 15, 1998.

New York Times, February 21, 1994; Hilary Varner, «Milking the Public», Chicago Life Magazine, October 1995.

The Use of Drugs in Food Animals: Benefits and Risks, National Research Council, 1998; Margaret Mellon, «Prescription for Trouble», Nucleus, Winter 1998-99; «FACT Calls for End to Farm Drug Abuse», годовой отчет Food Animal Concerns Trust, Chicago, Winter 1999; Humane Society statement: New York Times, February 27, 1998.

См.: <<http://www.osha.gov/oshstats/work.html>>; а также <http://www.osha-slc.gov/OshDoc/toc_FatalFacts.html>; см. также Joseph Kinney et al, Ending Legalized Workplace Homicide (Chicago: National Safe Workplace Institute, 1988); and Race and the Risk of Fatal Injury at Work, исследование, проведенное Department of Epidemiology, University of North Carolina, 1998.

Christopher Cook, «Losing Life and Limb on the Job», Progressive, February 2000.

Jonathan Kozol, *Savage Inequalities* (New York: Crown, 1991); Neil Christopher, «Property Taxes Fund Education Inequity», *Peoples Weekly World*, July 1, 2000.

New York Times, July 27, 2000.

«Cost of College Shutting Students Out», San Francisco Chronicle,
November 18, 1998.

«Naked Cities», Nation, January 6, 1997.

Los Angeles Times, April 18, 1992.

Christopher Jencks, «Half-Right on Public Housing», New York Times, May 20, 1997.

Раздел 8 — Государственная программа аренды или приобретения жилья за ваучеры. Ее название происходит от раздела 8 закона США «О развитии жилищного строительства» (Section 8 of the U.S. Housing Act, 1937). Это крупнейшая федеральная программа помощи в приобретении жилья для людей с низкими доходами. (*Примеч. пер.*)

Michael Winerip, «Doors Shut to Poor Seeking Homes», New York Times, July 22, 1996; Study by Center on Budget and Policy Priorities, reported in New York Times, April 22, 1996.

U.S. House of Representatives task force report in Washington Post, December 26, 1987; Joel Blau, *The Visible Poor, Homelessness in the United States* (New York: Oxford University Press, 1992).

См. ежегодный отчет о положении бездомных Национального правового центра по бездомности и бедности (National Law Center on Homelessness and Poverty, Washington, D.C.) и Becky Johnson and Robert Norse, «Mean Sweeps», Street Spirit (Bay Area, Calif.), June 1997.

Jane Holtz Kay, *Asphalt Nation: How the Automobile Took over America, and How We Can Take It Back* (New York: Crown, 1997).

Washington Post, September 3, 1989; Kay, Asphalt Nation.

В отношении недавних примеров промышленного загрязнения см. New York Times, March 16, 1997; Associated Press report, January 25, 1999; DUuth News-Tribune, May 2, 1999; Pratap Chatterjee, «Who Is Stealing Our Future», CovertAction Quarterly, Fall 1996; Lois Marie Gibbs and Citizens Clearing House for Hazardous Waste, Dying from Dioxin (Boston: South End, 1995).

«Brazil of the North», Briarpatch (Saskatchewan, Canada), July/August 1997.

«Cutting the Heart Out of the Ancient Redwoods», Greenpeace Quarterly, Spring 1997.

San Francisco Chronicle, October 26, 1998.

Michael Brower and Leon Warren, *The Consumer's Guide to Effective Environmental Choices* (New York: Three Rivers, 1999).

Theodore Colborn, Dianne Dumanoski, and John Peterson Meyers, *Our Stolen Future* (New York: Dutton, 1996); Ron Nixon, «Toxic Gumbo», *Southern Exposure*, Summer/ Fall 1998; *New York Times*, July 17, 1995; Ulla Lehtinen, «Nuclear Waste and Native Land», *Oregon PeaceWorker*, September 1998; *San Francisco Examiner*, March 23, 1998.

Согласно исследованию Natural Resources Defense Council, Environmental Working Group, and Environmental Information Center (Совета по охране национальных ресурсов, Рабочей группы по окружающей среде и Информационного центра по окружающей среде), May 9, 1996.

Nucleus, Union of Concerned Scientists, Spring 1998; Greenpeace Magazine, Fall 1997; Marian Hetherly, «Worth Noting», Humanist, March/April 2000.

Sandra Steingraber, *Living Downstream: An Ecologist Looks at Cancer and the Environment* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1997).

В отношении пестицидов и связанных с ними проблемах здоровья см. Our Children at Risk (Washington, D.C.: Natural Resources Defense Council, 1997); reports by Consumers' Union: <<http://www.consumersunion.org/food/food.htm>>; studies by Environmental Working Group, Washington D.C.: <http://www.ewg.org/pesticides> и Environmental Health Perspectives, March 1999 и журнал Bioscience, November 1992.

Robert Van Den Bosch, *The Pesticide Conspiracy* (Garden City, N.Y: Doubleday, 1978).

Цитата из выступления Дж. Буша приводится по Los Angeles Times, February 6, 1990; см. также Jed Greer and Kenny Bruno, Greenwash: The Reality behind Corporate Environmentalism (New York: Apex, 1997) и Endangered Education: How Corporate Polluters Are Attacking Environmental Education (Oakland, Calif.: Center for Commercial Free Public Education, 1997).

Eban Goodstein, «Does Preserving Earth Threaten Jobs?» Dollars and Sense, May 1997.

Lester Brown, «Natural Limits», New York Times, July 24, 1993; Zero Population Growth newsletter, Washington, D.C., June 1993.

Ross Gelbspan, «Putting the Globe at Risk», Nation, November 30, 1998; Nucleus (publication of Union of Concerned Scientists), Summer 1997; David Corn, «White House vs. Greenhouse», Nation, October 13, 1997.

Los Angeles Times, January 9, 1998; Greenpeace newsletter, July 2000;
San Francisco Chronicle, March 11, 2000.

New York Times, November 3, 1997.

Ross Gelbspan, *The Heat Is On: The Climate Crisis, the Cover-Up and the Prescription* (Reading, Mass.: Perseus, 1998); *Washington Post*, June 12, 2000.

Robert Gould, «The Greenhouse Effect on Health», San Francisco Examiner, October 27, 1997.

Christian Parenti, «NASA's Assault on the Ozone Layer», Lies of Our Times, September 1993. For updates on the ozone, see <<http://www.newscientist.com/dailynews/news.jsp?id=ns999961>>.

Richard McKenzie et al., «Increased Summertime UV Radiation in New Zealand in Response to Ozone Loss», *Science*, September 10, 1999; Janet Wagner, «Double Exposure», *Nucleus*, Winter 1995-96.

В отношении этих нескольких примеров см. San Francisco Examiner, May 15, 1997; Los Angeles Times, August 3, 1996; and New York Times, October 10, 1997.

Chellis Glendinning, «Cell-Phone Towers' Effects Under Wraps», Santa Fe New Mexican, April 15, 2000.

Three-mile-island — островок на реке Саскуэханна близ города Харрисберга (штат Пенсильвания), на котором расположена атомная электростанция. В 1979 году произошла первая в истории ядерной энергетики крупная авария на АЭС. В результате аварии произошел выброс радиоактивных материалов в атмосферу, что повлекло за собой эвакуацию тысяч жителей близлежащих районов. (Примеч. пер.)

Karl Grossman, «Three Mile Island: They Say Nothing Happened»,
Extra!, July/

Greenpeace newsletter, April 1997; «Feds Say Nuke Sites Will Never Be «Clean»,» Oakland Tribune, August 8, 2000.

Carole Gallagher, *American Ground Zero* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993); Washington Post, September 6, 1989, and September 22, 1991.

San Francisco Examiner, September 19, 1999.

New York Times, September 2, 1998; Tyrone Savage, «The Pentagon Assaults the Environment», Nonviolent Activist, July/August 2000.

San Francisco Chronicle, July 7, 1997.

Los Angeles Times, July 7, 1992; Daniel Rosenberg, Super Polluters: The Top 25 Super-fund Polluters and Their Toxic Waste Sites (Washington, D.C.: Public Interest Research Groups, 1998); and The PIRG's Campaign against Toxics, Executive Summary, Public Interest Research Groups, August 1998.

Chatteijee, «Who Is Stealing Our Future.»

New York Times, January 30, 1997.

Marc Reisner, *Cadillac Desert: The American West and Its Disappearing Water*, rev. ed. (New York: Penguin, 1993).

Sheldon Rampton and John Stauber, «Shut Up and Eat: The Lessons of the Oprah Trial», *Nation*, February 16, 1998; Helen Cordes, «Watch Your Mouth», *Utne Reader*, January 2, 1996.

Frankenfood — ироничное название генетически модифицированных продуктов, которое можно перевести как «Еда Франкенштейна». (Примеч. пер.)

Marc Lappe and Britt Bailey, *Against the Grain: Biotechnology and the Corporate Takeover of Your Food* (Monroe, Maine: Common Courage, 1998); Kirkpatrick Sale, «Monsanto: Playing God», *Nation*, March 8, 1999; «Food Safety», *San Francisco Bay Guardian*, August 9, 2000.

Building Economic Alternatives (publication of Co-Op America), Winter 1990; Cool Energy, The Renewable Solution to Global Warming (publication of the Union of Concerned Scientists), Cambridge, Mass., 1990.

«Ground Zero for Zero Emission Vehicles», California Today
(publication of Planning and Conservation League), June 2000.

Margaret Mellon, «Wholesome Harvest», Nucleus, Winter 1997-98; San Francisco Examiner, September 28, 1999; Organic Gardening May/June 2000.

W. S. Albrecht et al, *Fraud: Bringing Light to the Dark Side of Business* (New York: McGraw-Hill, 1994).

New York Times, May 11, 1934; Charles Higham, *Trading with the Enemy* (New York: Dell, 1983); eyewitness report by E. F. Patterson, *Ramparts*, August 1974; New York Times, April 29, 2000; а также отчет Associated Press, March 14, 1998.

U.S. Department of Labor, Office of the Inspector General, Changes Are Needed in the ERISA Audit Process to Increase Protections for Employee Benefit Plan Participants, Report no. 09-90-001-12001, Washington, D.C., 1989.

Michel Chossudovsky, «The Business of Crime and the Crimes of Business», CovertAction Quarterly, Fall 1996.

Los Angeles Times, March 10, 1990; Ashville Global Report, October 21-27, 1999; San Francisco Chronicle, August 13, 1998; Internal Report of U.S. Department of Interior Audit, Project on Government Oversight, Washington, D.C., April 13, 1995.

New York Times, September 12, 1985 и November 9, 1986;
Washington Post, October 23, 1988; America's Censored Newsletter, March
1993.

David Friedrichs, *Trusted Criminals: White Collar Crime in Contemporary Society* (Belmont, Calif.: Wadsworth, 1996); also *Washington Post*, June 1, 1988, and March 6, 1991; *Utility Notes*, Bulletin from the Office of the Peoples Counsel, Washington, D.C., December 30, 1988; *New York Times*, June 2, 1992.

Robert Sherrill, «A Year in Corporate Crime», Nation, April 7, 1997;
New York Times, August 22, 1995.

General Accounting Office, Financial Integrity Act Report (Washington, D.C.: Government Printing Office, January 1990); San Francisco Examiner, February 25, 1993.

Russell Mokhiber and Robert Weissman, *Corporate Predators* (Monroe, Maine: Common Courage, 1999).

Los Angeles Times, March 13, 1996.

USA Today, November 10, 1997.

James Stewart, *Den of Thieves* (New York: Touchstone, 1992), 527; see also Benjamin J. Stein, *A License to Steal: The Untold Story of Michael Milken and the Conspiracy to Bilk the Nation* (New York: Simon & Schuster, 1992); *New York Times*, January 30, 1993.

Ralph Nader and Wesley Smith, *No Contest: Corporate Lawyers and the Perversion of Justice in America* (New York: Random House, 1996); Michael Waldman, *Who Robbed America* (New York: Random House, 1990).

Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу слова и печати. (Примеч. пер.)

Судья Nicholas Cobella, цит. по Molly Ivins, «Corporations Wielding Cynical Lawsuits against Free Speech», San Jose Mercury News, January 23, 2000.

David Burnham, *Above the Law* (New York: Scribner, 1996); Nader and Smith, *No Contest*.

Griffin и Illinois (1956).

James C. Turner and Joyce A. McGee, «Freedom of Legal Information: Increasing Court Access for Americans of Limited Means», Management Information Exchange Journal, Summer 1999.

Los Angeles Times, June 16, 1990; People's Daily World, June 14, 1989, January 23, 1990, and October 7, 1995; and documentary film, Harlan County, USA, 1978.

Jeffrey Toobin, «Women in Black», New Yorker, October 30, 2000; New York Times, August 5, 1984; City Paper (Washington, D.C.), April 21, 1989.

Vincent Schiraldi, «Poor Prison Policy», San Francisco Bay Guardian, May 5, 1999; Adolph Reed, Jr., Without Justice for All (Boulder, Colo.: Westview, 1999); Darrell Gilliard and Alien Beck, Prison and Jail Inmates, Bureau of Justice Statistics report, Washington, D.C., 1998; New York Times, June 1, 2000.

«Crime Drop Not Linked to Arrest Rates», Prison Focus, Winter 2000;
and New York Times, July 5 and August 28, 2000.

«The Impact of Three Strikes and You're Out' Laws», Prison Focus, Winter 1997; and San Francisco Chronicle, March 7, 1997.

Behind Bars: Substance Abuse and Americas Prison Population, National Center on Addiction and Substance Abuse, Columbia University, 1998; and various issues of FAMM-gram, publication of Families Against Mandatory Minimums Foundation.

Eric Schlosser, «More Reefer Madness», Atlantic Monthly, April 1997;
«Congressional Family Drug Offenders Escape Mandatory Sentences, Get
Favorable Treatment», North Coast Xpress, Spring 2000.

San Francisco Examiner, May 24, 1993.

Richard Moran, «FBI Scare Tactics», New York Times, May 7, 1996.

Согласно данным New York Criminal Justice Alliance. См. Julia Lutsky, «Torture in America's Prisons», Peoples Weekly World, September 13, 1997.

Tom Cahill, «Prisoner Rape: Institutionalized Torture in the U.S.», Prison Focus, Winter 2000, and see <<http://www.prisons.org>>.

United States of America - Rights for All, отчет Amnesty International, October 1998; Corey Weinstein and Eric Cummins, «The Crime of Punishment at Pelican Bay Maximum Security Prison», Covert Action Quarterly, Summer 1993.

United States of America - Rights for All, Amnesty International,
October 1998.

United States of America - Rights for All, Amnesty International, October 1998; Lutsky, «Torture in America's Prisons»; Prison Legal News, October 1999; San Francisco Chronicle, June 10, 2000; Jean Stewart, «Life, Death and Disability Behind Bars», New Mobility, June 1998.

Audrey Bomse, «Congress Closes Courthouse Doors to Prison Litigation», Legal Journal (National Lawyers Guild Prison Law Project), Winter/Spring 1997.

Эндемичный вид — вид, распространение которого ограничено только определенным регионом или ареалом. (*Примеч. пер.*)

Willie Wisely, «Why Prisons Cost So Much», North Coast Xpress, April/May 1995.

David McGowan, *Derailing Democracy* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000), 136.

Los Angeles Times, July 29, 2000.

San Francisco Chronicle, December 1, 1997. Анализ других дел десяти неправоммерно осужденных обвиняемых см. Barry Scheck, Peter Neufeld, Jim Dwyer, Actual Innocence (Garden City, N.Y: Doubleday, 1999).

New York Times, June 15 and July 4, 1996.

New York Times, September 22, 2000.

Caucasian — в США это выражение означает европеец, лицо белой расы (*Маххісум*). Например, надпись: members of the Caucasian race only served here — здесь обслуживаются только белые. (*Примеч. пер.*)

Richard Dieter, The Death Penalty in Black and White, отчет Death Penalty Information Center, Philadelphia, June 1998.

Michael Radelet, Hugo Adam Bedau, and Constance Putnam, *In Spite of Innocence: The Ordeal of 400 Americans Wrongly Convicted of Crimes Punishable by Death* (Boston: Northeastern University Press, 1992); а также Michael Radelet, William Lofquist, and Hugo Adam Bedau, «Death Penalty Symposium: Prisoners Released From Death Rows Since 1970 Because of Doubts about Their Guilt», *Thomas M. Cooley Law Review* 13, 1996.

«In Spite of Innocence», newsletter of Campaign to End the Death Penalty, Chicago, 1998.

New York Times, August 22, 1999 и June 12, 2000.

Shirley Dicks (ed.), *Young Blood: Juvenile Justice and the Death Penalty* (Amherst, N.Y: Prometheus, 1995); and *United States of America - Rights for AU*, Amnesty International, October 1998.

Lorraine Dusky, *Still Unequal: The Shameful Truth about Women and Justice in America* (New York: Crown, 1996); U.S. Surgeon General's report: *San Francisco Chronicle*, October 2, 1998; *New York Times*, March 17, 1998.

Nina Siegal and Martin Espinoza, «No Escape», San Francisco Bay Guardian, April 30, 1997; Jennifer Gonnerman, «Welfare's Domestic Violence», Nation, March 10, 1997.

Karen Winner, *Divorced from Justice* (New York: Regan, 1996); Dusky, *Still Unequal*, *passim*,

Jennifer Gonnerman, «The Anti-Abortion Stealth Campaign», *On the Issues*, Fall 1996; «Crusade of Terror», *Nation*, December 16, 1998.

New York Times editorial, December 7, 1984.

U.S. Department of Justice report cited in McGowan, *Derailing Democracy*, 117; Bobbie Stein, «Life in Prison: Sexual Abuse», *Progressive*, July 1996; Nina Siegal, «Death Behind Bars», *San Francisco Bay Guardian*, February 5, 1997.

Nancy Kurshan, «Women and Prison Today», North Coast Xpress, February/March 1997; редакционная колонка Arianna Huffington s, San Francisco Examiner, June 25, 2000.

U.S. Advisory Board on Child Abuse and Neglect, *A Nation's Shame: Fatal Child Abuse and Neglect in the United States* (Washington, D.C.: U.S. Advisory Board on Child Abuse and Neglect, 1995); отчет Child Protective Services, *San Francisco Chronicle*, May 9, 1999.

New York Times, October 7, 2000.

Franklin Zimring, *American Youth Violence* (New York: Oxford University Press, 1998); New York Times, May 17, 1999.

McGowan, Derailing Democracy, 57.

A. Clay Thompson, «The Lost Boys», San Francisco Bay Guardian, January 27, 1999; Vincent Schiraldi in Christian Science Monitor, November 1997.

Alien Jones, «Crime and Too Much Punishment», San Francisco Examiner, June 28, 2000; Dwight Edgar Abbott, / Cried, You Didn't Listen (Los Angeles: Feral House, 1991), with Jack Carters concluding essay, «America's Incarcerated Children Today», 159-71; Louise Armstrong, And They Call It Help: The Psychiatric Policing of America's Children (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1993); Thomas Cottle, Children in Jail (Boston: Beacon, 1977); Kenneth Wooden, Weeping in the Playtime of Others (New York: McGraw-Hill, 1976).

Peter Breggin, *Talking Back to Ritalin* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000); New York Times, February 23, 2000.

San Francisco Bay Guardian, July 10 and August 14, 1996; Street Spirit (San Francisco), July 1996 and August 1996.

New York Times, March 5, 1998, and May 22, 1999; San Francisco Examiner, December 10, 1997.

В отношении свидетельств о насильственном инцесте см. «Childhood Sexual Abuse», special issue of Central Park (New York), Spring 1993; also «Incest Statistics», Witness, April 1988; John Crewdson, By Silence Betrayed: Sexual Abuse of Children in America (Boston: Little, Brown, 1988); Jane Ashley, «When Incest Haunts Love», Washington Post, August 27, 1990.

New York Times, May 10, 1998; Elisabeth Flynn and Chong Choe, «Down by Law», San Francisco Bay Guardian, June 26, 1996.

New York Times, June 1, 2000 и August 31, 1996; Debbie Nathan, «Sodomy for the Masses», Nation, April 19, 1999; and the case of Sandy Nelson, newsletter, National Lawyers Guild, Seattle chapter, August 1995.

Gish и Board of Education of Paramus, N.J. (1976); Bowers и Hardwick (1986).

См. годовой отчет National Gay and Lesbian Task Force, Washington, D.C., а также National Coalition of Anti-Violence Programs; San Francisco Chronicle, October 13, 1998.

Washington Post, November 30, 1986.

Eileen Poe-Yamagata and Michael A. Jones, *And Justice for Some* (National Council on Crime and Delinquency, 2000).

Punishment and Prejudice: Racial Disparities in the War on Drugs, Human Rights Watch, 2000; отчет National Criminal Justice Commission цит. по McGowan, Derailing Democracy, 71; Washington Post, October 9, 1996.

USA Today, March 24, 1998.

New York Times, December 12, 1995 и March 13, 1997; Los Angeles Times, January 25, 2000; San Francisco Bay Guardian, July 2 and July 9, 1997.

McGowan, *Derailing Democracy*, 47-48; а также Los Angeles Times, June 13 and July 26, 1999; New York Times, August 14, 1997 и May 5, 1999; see also Christian Parenti, *Lock-down America: Police and Prisons in the Age of Crisis* (New York and London: Verso, 1999); Bruce Shapiro, «When Justice Kills», *Nation*, June 9, 1997.

New York Press, June 15-22, 1999.

Bob Herbert, «A Brutal Epidemic», New York Times, April 27, 1997.

Belinda Griswold, «The Thin Blue Line», San Francisco Bay Guardian, October 15, 1997.

Цитируется по журналу Parade, August 22, 1976. Однако, даже при наилучшей обстановке в обществе всегда находятся безжалостные эгоисты, которые прибегают к насилию и незаконным средствам для достижения своих целей. Не все преступления обусловлены материальными лишениями и классовой несправедливостью.

David Burnham, *A Law Unto Itself: The IRS and the Abuse of Power* (New York: Vintage, 1989), 255-90.

Margaret Spillane, «Fo's Last Laugh — II», Nation, November 3, 1997.

Канадская королевская конная полиция — служба безопасности и контрразведки Канады. (Примеч. пер.)

Merrily Weisbord, *The Strangest Dream: Canadian Communists, the Spy Trials, and the Cold War* (Toronto: Lester and Orpen Denriys, 1983), 7.

Bias and Restrictionism Towards Central American Asylum Seekers in North America (Washington, D.C.: United States Committee for Refugees, 1988).

Lloyd Corporation и Tanner (1972).

Ellen Schrecker, *Many Are the Crimes: McCarthyism in America* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999); Stanley Kutler, *The American Inquisition* (New York: Hill 8c Wang, 1982); Richard Curry (ed.), *Freedom at Risk: Secrecy, Censorship and Repression in the 1980s* (Philadelphia: Temple University Press, 1988).

401

New York Times, August 11, 1996.

Philip Colangelo, «The Secret FISA Court», CovertAction Quarterly, Summer 1995.

James Kirkpatrick Davis, *Assault on the Left: The FBI and the Sixties Antiwar Movement* (New York: Praeger, 1997). On the FBI's longstanding battle against integration, see James Dickerson, *Dixie's Dirty Secret* (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1998); and Kenneth O'Reilly, *Racial Matters: The FBI's Secret File on Black America, 1960-1972* (New York: Free Press, 1989).

Quoted in Frank Donner, «The Theory and Practice of American Political Intelligence», *New York Review of Books*, April 22, 1971, 28; also Frank Donner, *The Age of Surveillance* (New York: Knopf, 1980).

Mike Rothmiller and Ivan Goldman, *L.A. Secret Police* (New York: Pocket, 1992); Frank Donner, *Protectors of Privilege: Red Squads and Police Repression in Urban America* (Berkeley: University of California Press, 1991).

Nelson Blackstock, *COINTELPRO* (New York: Pathfinder, 1988); Ward Churchill and Jim Vander Wall, *COINTELPRO Papers: Documents from the FBI's Secret Wars against Dissent in the United States* (Boston: South End, 1990); M. Wesley Swearingen, *FBI Secrets: An Agent's Expose* (Boston: South End, 1995).

New York Times, November 24, 1974.

Swearingen, FBI Secrets, 105-6.

Brian Click, *War at Home* (Boston: South End, 1989).

Anthony Summers, *Official and Confidential: The Secret Life of J. Edgar Hoover* (New York: Putnam, 1993); Herbert Mitgang, *Dangerous Dossiers* (New York: Donald Fine, 1988); Hank Messick, *John Edgar Hoover: A Critical Examination of the Director and of the Continuing Alliance between Crime, Business, and Politics* (New York: David McKay, 1972); Athan Theoharis and John Stuart Cox, *The Boss: J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition* (Philadelphia: Temple University Press, 1988); Michael Milan, *The Squad: The Government's Secret Alliance with Organized Crime* (New York: Shapolsky, 1989).

Heather Rhoads, «FBI Ups Psychological Warfare against Activists», Guardian, August 28, 1991; Ross Gelbspan, Break-ins, Death Threats, and the FBI (Boston: South End, 1991).

Robert J. Goldstein, *Political Repression in Modern America, from 1870 to the Present* (Boston: Schenkman/Hall, 1978); Schrecker, *Many Are the Crimes*; David Caute, *The Great Fear: The Anti-Communist Purge under Truman and Eisenhower* (New York: Simon & Schuster, 1978).

Kenneth Heineman, *Campus Wars: The Peace Movement at American State Universities in the Vietnam Era* (New York: NYU Press, 1993); *American Civil Liberties Report* edited by Norman Dorsen, *Our Endangered Rights* (New York: Pantheon, 1984); also Michael Parenti, «Struggles in Academe: A Personal Account», in Parenti, *Dirty Truths* (San Francisco: City Lights, 1997).

William Blum, «A Day in the Life of a Free Country», unpublished ms.,
January 1998.

Theodore Decker and Vernon Murray (eds.), *Government Lawlessness in America* (New York: Oxford University Press, 1971), 153-57.

Guardian, September 24, 1975; Shuford Defense Committee Newsletter, January 1978.

Крэк — наркотик, дешевая смесь кокаина с примесями, пригодная для курения. (*Примеч. пер.*)

Guardian, August 3, 1988.

Реконструкция — период с 1867 по 1877 год. (Примеч. пер.)

John Wojcik, «The Incredible Frameup of Mayor Eddie Carthan»,
World Magazine, May 6, 1982.

Выпуск новостей, Национальное демократическое движение народа Ухуру (National People's Democratic Uhuru Movement), Chicago, 1997.

United States of America — Rights for All, Amnesty International,
October 1998.

«Political Prisoners in the U.S.», Prison Focus, Fall 1997/ Winter 1998;
Los Angeles Times, April 26, 2000; Churchill and Wall, Agents of
Repression.

Philadelphia Inquirer, May 23, 1996; «The Case for a New Trial», Equal Justice USA, Quixote Center, n.d.; also <<http://www.mumia.org>>.

Newsletter, Leonard Peltier Defense Committee, February 1999;
Nonviolent Activist, March/April 1996.

Неполный список, см.: Can't Jail the Spirit: Political Prisoners in the US. (Chicago: Editorial El Coqui, с 1990).

Guardian, May 30, 1990.

Sandra Baird and Louise Andrews, «Torture — American Style», Toward Freedom, March/ April 1998; Legal Services for Prisoners with Children newsletter, San Francisco, January 1999; Can't Jail the Spirit, 170-71; William Reuben and Carlos Norman, «The Women of Lexington Prison», Nation, June 27,1987.

Mary O'Melveny, «Lexington Prison High Security Unit», CovertAction Information Bulletin, Winter 1989; Baird and Andrews, «Torture — American Style.»

В отношении Всемирной торговой организации см. главу 11.

<<http://www.cybernaute.com/earthconcert2000/PressCoverUP.htm>>;
and Barbara Jean Hope, «Massive Arrests from Peaceful COP Demos»,
People's Weekly World, August 12, 2000.

<<http://www.indgmedia.org>>, April 18, 2000; и
<http://www.al6.org/al6_notebook.cfm>, April 25, 2000.

Jack Nelson and Jack Bass, *The Orangeburg Massacre* (New York: World, 1969); I. F. Stone, «Fabricated Evidence in the Kent State Killings», *New York Review of Books*, December 3, 1970; 11m Spofford, *Lynch Street: The May 1970 Slayings at Jackson State College* (Kent, Ohio: Kent State University Press, 1988).

Churchill and Wall, *Agents of Repression*; Peter Mathiessen, *In the Spirit of Crazy Horse* (New York: Viking, 1983).

Их звали Жан-Клод Оливье, Фриц Дор и Донна Сент Плайт. *Silenced by Death: Journalists Killed in the United States (1976-1993)* (New York: Committee to Protect Journalists, 1993); New York Times, October 26, 1993.

Jeff Stein, «Inside Omega 7», Village Voice, March 10, 1980; Peter Katel, «A Rash of Media Murders», Newsweek, July 5, 1993; Cuba Update, Center for Cuban Studies, New York, October 1980.

Steve Grossman, «Vietnamese Death Squads in America?» Asia Insights, Asia Resource Center, Summer 1986; and Steve Grossman, «Vietnamese Death Squads: Is This the End?» Indochina Newsletter, Asia Resource Center, May/June 1988.

Grossman, «Vietnamese Death Squads in America.»

Daily World, June 10, 1983.

Ace Hayes «Col. Sabow Murder and Cover-up», Portland Free Press, July/October 1996.

San Francisco Examiner, January 11, 1976; Donner, The Age of Surveillance, 444-45.

New York Times, May 12, 1985; Michael Parenti and Carolyn Kazdin, «The Untold Story of the Greensboro Massacre», Monthly Review, November 1981.

Ken Lawrence, «Klansmen, Nazis, and Skinheads», CovertAction Information Bulletin, Winter 1989.

Los Angeles Times, November 29, 1997.

James Ridgeway, «Looney Tune Terrorists», Village Voice, July 23, 1985.

Guardian, February 4, 1981; New Age, July 1979.

Guardian, June 14, 1989.

Vince Bielski, Cindy Forster, and Dennis Bernstein, «The Death Squads Hit Home», *Progressive*, October 1987.

«COINTELPRO Tactics Target Environmentalists», newsletter of Redwood Summer Justice Project, n.d. <<http://www.monitor.net/-bari>>; «Who Bombed Judi Bari?» newsletter Redwood Summer Justice Project, April 1997, and October and November 1997 updates; Ward Churchill, «The FBI Targets Judi Bari», CovertAction Quarterly, Winter 1993-94.

National Radio Project, May 2000: <<http://www.radioproject.org>>

Russ Baker, «CIA Out of Control», Utne Reader, January/February 1992.

Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, Senate Report 755, 94th Congress, 2nd Session, 1976; James Bamford, *The Puzzle Palace: A Report on America's Most Secret Agency* (Boston: Houghton Mifflin, 1982); *Washington Post*, October 9, 1990.

David Wise, «The Spies Who Lost \$4 Billion», *George*, October 1998;
New York Times, February 27, 1996.

David Banisar, «Big Brother Goes High-Tech», CovertAction Quarterly, Spring 1996; John Dillon, «Are the Feds Sniffing Your Re-mail?» CovertAction Quarterly, Summer 1996.

Angus Mackenzie, *Secrets: The CIA's War at Home* (Berkeley: University of California Press, 1997); Stuart Loory, «The CIA's Use of the Press», *Columbia Journalism Review*, September/October 1974, 9-18; Robert Witaneck, «Students, Scholars and Spies: The CIA on Campus», *CovertAction Information Bulletin*, Winter 1989; Sigmund Diamond, *Compromised Campus: The Collaboration of Universities with the Intelligence Community* (New York: Oxford University Press, 1992).

William Pepper, *Orders to Kill* (New York: Carroll 8c Graff, 1995), 9.

John Marks, *The Search for the Manchurian Candidate* (New York: Times Books, 1979); *First Principles*, September 1977.

New York Times, December 5, 1981.

Отчет, процитированный в публикации McGowan, Derailing Democracy, 80.

William Blum, *Rogue State* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000); John Pike, «Uncloaked Daggers», *CovertAction Quarterly*, Winter 1994-95; Ralph McGehee, *Deadly Deceits* (Melbourne and New York: Ocean, 1999); «Training Abusive Militaries», editorial, *New York Times*, August 31, 1998; David Corn, «Tortured Logic from Langleys Spies (Again)», *Nation*, November 10, 1997; Lisa Haugaard, «Textbook Repression: US Training Manuals Declassified», *CovertAction Quarterly*, Summer 1997.

New York Times, March 7, 1997. The Times published these revelations in Jagan's obituary.

New York Times, June 29, 1996.

Baltimore Sun, June 11-18, 1995.

Scott Armstrong and Jeff Nason, «Company Man», Mother Jones, October 1988.

New York Times, December 3, 1995; June 22, 1996; and March 8, 1997.

<<http://www.iacenter.org>>, September 2000.

New York Times, April 13, 1995.

Baltimore Sun, January 27, 1997; Vista, Radio for Peace International, July 1977; «CIA Advocates Assassinations», Guatemala, Bulletin of the Guatemala Human Rights Commission/ USA, Spring-Summer 1997.

United States of America — Rights for All, Amnesty International,
October 1998.

Washington Post, September 16, 1977; William Schaap, «The 1981 Cuba Dengue Epidemic», CovertAction Information Bulletin, Summer 1982; Center for Disease Control, <<http://www.cdc.gov/ncidod/dvbid/dengue.htm>>; «History of CIA Biological Warfare Against Cuba, 1962—1997», Granma International, November 23, 1997. William Blum summarizes much of this material in his *Rogue State*, 103-12.

Hal Gold, *Unit 731 Testimony* (Tokyo: Yen, 1996), 125-26, 173; and Sheldon Harris, *Factories of Death* (London and New York: Routledge, 1994).

Howard Blum, *Wanted: The Search for Nazis in America* (New York: Quadrangle, 1977); Christopher Simpson, *Blowback: America's Recruitment of Nazis and Its Effects on the Cold War* (New York: Weidenfeld & Nicolson, 1988).

Russ Bellant, *Old Nazis, the New Right and the Reagan Administration* (Cambridge, Mass.: Political Research Associates, 1988).

Сообщение Susan Lucas's в Peacework, March 1995.

House Intelligence Committee reported in Nation, May 20,1996.

Washington Post, January 4, 1978.

Alfred McCoy, *The Politics of Heroin* (Brooklyn, N.Y: Lawrence Hill, 1991), *passim*; William Blum, *Killing Hope: US. Military and CIA Interventions since World War II* (Monroe, Maine: Common Courage, 1995), 351; Henrick Kruger, *The Great Heroin Coup* (Boston: South End, 1980).

Senate Committee on Foreign Relations, Subcommittee on Terrorism, Narcotics, and International Operations, report, *Drugs, Law Enforcement and Foreign Policy* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1989); McCoy, *The Politics of Heroin*, 61-62; Leslie Cockburn, *Out of Control* (New York: Atlantic Monthly Press, 1987); Peter Dale Scott and Jonathan Marshall, *Cocaine Politics* (Berkeley: University of California Press, 1991).

Tim Weiner, «Anti-Drug Unit of CIA Sent Ton of Cocaine to U.S. in 1990», New York Times, November 20, 1993; David Corn, «CIA Clears Self of Drug Charge», Nation, May 9, 1998; and Walter Pincus's report in Washington Post, November 4, 1998; «CIA Didn't Just Say No», Nation, November 30, 1998; Jeffrey St. Clair et al., White-Out: The CIA, Drugs and the Press (London and New York: Verso, 1998).

Dennis Dayle, quoted in Scott and Marshall, *Cocaine Politics*, x-xi.

Dennis Bernstein and Leslie Kean, «People of the Opiate: Burma's Dictatorship of Drugs», Nation, December 16, 1996.

Pete Brewton, *The Mafia, CIA & George Bush* (New York: Shapolsky, 1992); Rebecca Sims, «The CIA and Financial Institutions», *CovertAction Information Bulletin*, Fall 1990; Jack Colhoun, «BCCI: The Bank of the CIA», *CovertAction Quarterly*, Spring 1993.

Здесь приведен небольшой фрагмент обширного исследования убийства Джона Фитцджеральда Кеннеди: Jim Marris, *Crossfire* (New York: Carroll & Graf, 1989); Sylvia Meagher, *Accessories after the Fact* (New York: Vintage, 1992); Jim Garrison, *On the Trail of Assassins* (New York: Sheridan Square, 1988); James Di Eugenio, *Destiny Betrayed* (New York: Sheridan Square, 1992); Michael Kurt, *Crime of the Century* (Knoxville: University of Tennessee Press, 1982); Mark Lane, *Rush to Judgment* (New York: Holt, Rinehart & Winston, 1966); Mark Lane, *Plausible Denial* (New York: Thunder's Mouth, 1991); James Fetzer (ed.), *Murder in Dealey Plaza* (Chicago: Catfeet, 2000).

Pratap Chatterjee, «\$pying for Uncle \$am», CovertAction Quarterly, Winter 1995-96; London Independent, July 2, 2000.

Jonathan Marshall, Peter Dale Scott, and Jane Hunter, *The Iran-Contra Connection* (Boston: South End, 1988); Report of the Congressional Committee Investigating the Iran-Contra Affair (Washington, D.C.: Government Printing Office, 1987).

Lawrence Walsh, *Firewall: The Iran-Contra Conspiracy and Cover-Up* (New York: Norton, 1997).

Marshall, Scott, and Hunter, *The Iran-Contra Connection*, 134—39 and passim; Baker, «CIA Out of Control», 81; Seymour Hersh, «The Iran-Contra Committees: Did They Protect Reagan?» *New York Times Magazine*, April 29, 1990.

Edward Pressen, *The Social Background of the Presidents* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1984).

Лига плюща — привилегированные университеты северо-востока США. (Примеч. пер.)

Sidney Aronson, *Status and Kinship in the Higher Civil Service* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964); Philip Burch, Jr., *Elites in American History*, vols. 1—3 (New York: Holmes & Meier, 1980, 1981); G. William Domhoff, *The Powers That Be* (New York: Vintage, 1979); John Schmidhauser, *The Supreme Court* (New York: Holt, Rinehart & Winston, 1960).

G. William Domhoff, «Politics among the Redwoods», *Progressive*, January 1981; John Roemer, «People Writer Kicked Out by Bohemians», *San Francisco Weekly*, August 7, 1991; Bohemian Grove Fact Sheet, Bohemian Grove Action Network, Occidental, Calif., 1992.

Федеральная резервная система выполняет функции Центрального банка и контроля над коммерческой банковской системой США.
(Примеч. пер.)

Laurence Shoup and William Minter, *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy* (New York: Monthly Review, 1977); G. William Domhoff, *Who Rules America Now?* (New York: Simon & Schuster, 1983); and annual reports of the Council on Foreign Relations, Pratt House, New York.

Shoup and Minter, Imperial Brain Trust, *passim*.

Stephen Gill, *American Hegemony and the Trilateral Commission* (New York: Cambridge University Press, 1991); Domhoff, *Who Rules America Now?*, 89, 134, and passim; Philip Burch Jr., «The American Establishment: Its Historical Development and Major Economic Components», *Research in Political Economy*, vol. 6 (Greenwich, Conn.: JAI, 1983), 83—156.

Ron Brownstein and Nina Easton, *Reagan's Ruling Class* (Washington, D.C.: Center for the Study of Responsive Law, 1982); Domhoff, *Who Rules America Now?*, 139-40.

Workers World, March 4, 1993.

New York Times, February 16, 1999.

Jean Stefancic and Richard Delgado, *No Mercy: How Conservative Think Tanks and Foundations Changed America's Social Agenda* (Philadelphia: Temple University Press, 1996); Sally Covington, «How Conservative Philanthropies and Think Tanks Transform US Policy», *CovertAction Quarterly*, Winter 1998.

Chuck Fogel, «Spying on the Union», *Solidarity*, March 1988; Tim Wheeler and Ron Johnson, «Files Reveal Four Years of FBI Spying on Unions, Peace Groups», *People's Daily*, January 28, 1988.

Economic Notes, Labor Research Association, March 1997.

New York Times, October 24, 2000; Kate Bronfenbrenner, «We'll Close!» Plant Closing Threats, Union Organizing and NAFTA», Multinational Monitor, March 1997; Michael Yates, Power on the Job: The Legal Rights of Working People (Boston: South End, 1995); David Bacon, «Labor Slaps the Smug New Face of Union-Busting», CovertAction Quarterly, Spring 1997.

Michael Goldfield, *The Decline of Organized Labor in the United States* (Chicago: University of Chicago Press, 1989). For a well-documented and damning report on the anti-union state of U.S. labor law, see Human Rights Watch, *Unfair Advantage: Workers' Freedom of Association Under International Human Rights Standards*, <<http://www.hrw.org/reports/2000/uslabor>>.

Don Terry quoted in New York Times, July 31, 1998.

Economic Notes, January/February 1992, 3.

Bacon, «Labor Slaps the Smug New Face of Union-Busting.»

Union, Service Employees International Union, Spring 1996; UAW Report, Region 5, March/April 1998.

Dan Moldea, *Dark Victory: Ronald Reagan, MCA, and the Mob* (New York: Penguin, 1987), 66-70.

Michael Yates, Why Unions Matter (New York: Monthly Review, 1998); New York Times, April 22, 1993.

New York Times, August 31, 1997; Economic Notes, May/June 1990, 4—5; Richard Freeman and James Medoff, *What Do Unions Do?* (New York: Basic, 1984); «OSHA Enforcement», Economic Notes, January/ February 1991.

Cleveland Plain Dealer, September 2, 1996; Detroit News, September 1, 1996.

Laurie Jo Hughes, «AIFLD: American Intervention against Free Labor Development», Nicaragua Monitor (Nicaragua Network Education Fund, Washington, D.C.), December 1991/ January 1992.

Quoted in New York Times, May 21, 1989.

See Lori Wallach and Michelle Sforza, *The WTO* (New York: Seven Stories, 2000); and John R. Mac Arthur, *The Selling of «Free Trade»: NAFTA, Washington, and the Subversion of American Democracy* (New York: Hill 8c Wang, 2000).

New York Times, April 30, 1996, and May 9, 1997; Washington Post, October 13, 1998.

Из отчета Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН, United Nations Development Program) New York Times, July 13, 1999.

Порошок карри — смесь черного, белого, красного и душистого перца с кардамоном, имбирем, крахмалом, глюкозой и поваренной солью. (Примеч. пер.)

Quoted in People's Weekly World, December 7, 1996.

MacArthur, The Selling of «Free Trade»; John Ross, «Tortilla Wars», *Progressive*, June 1999; and Sarah Anderson and John Cavanagh, «Nafta's Unhappy Anniversary», *New York Times*, February 7, 1995.

For a concise but thorough treatment, see Steven Shrybman, *A Citizen's Guide to the World Trade Organization* (Ottawa and Toronto: Canadian Center for Policy Alternatives and James Lorimer, 1999).

San Francisco Chronicle, June 19, 1999.

Dean Alger, *Megamedia: How Giant Corporations Dominate Mass Media, Distort Competition, and Endanger Democracy* (Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1998); Arthur Rowse, *Drive-By Journalism* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000); Ben Bagdikian, *The Media Monopoly*, 5th ed. (Boston: Beacon, 1997).

Неполный список, см. Nation, March 17, 1997, 23-26.

«From the Top», Extra!, July/August 1998.

Alger, Megamedia, passim. Nation, March 17, 1997. Детальный отчет о захвате сети см. Dennis Mazzocco, Networks of Power (Boston: South End, 1994).

Daniel Zoll, «Radio Rat Poison», San Francisco Bay Guardian, September 20, 2000; Molly Ivins, «Surprise! Telecom Act Is a Disaster», San Francisco Chronicle, March 16, 1999.

Доклад Комиссии по свободе прессы цитируется в работе Robert Cirino, *Don't Blame the People* (New York: Vintage, 1972), 47; см. также Michael Parenti, *Inventing Reality: The Politics of News Media*, 2nd ed. (New York: St. Martins, 1993), 33-35, 47, 59.

Цитируется в публикации Eric Barnouw, *The Sponsor* (New York: Oxford University Press, 1978), 57.

Джонатан Куитни, телефонный разговор с Майклом Паренти, Март 1992.

Интервью для MediaFile, опубликовано в Media Alliance,
January/February 2000.

Herb Kaye, ««Freedom of the Press» — for Publishers», People's Weekly World, August 22, 1998.

«Where s the Power: Newsroom or Boardroom?» Extra!, July /August 1998; Fear and Favor in the Newsroom, documentary film, California Newsreel, San Francisco, KQED-TV, November 12, 1998.

«Where's the Power: Newsroom or Boardroom?» Extra!, July /August 1998.

Burling Lowrey, «The Media's Honoraria», Washington Post, April 26, 1989; William Dorman, «Favors Received», Nation, October 11, 1980.

David Croteau, «Challenging the «Liberal Media» Claim», Extra!, July/August 1998.

Carl Jensen (ed.), America's CENSORED Newsletter, December 1992.

Todd Purdum in New York Times, January 13, 1999.

По словам Винсента Ширальди, директора Института полицейских судей, процитированным в публикации David Mc-Gowan, *Derailing Democracy* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000), 60.

Обзор Morton Mintz в Nieman Reports, July 2000.

Robert Entman, «The Color Game: How Media Play the Race Card»,
Newswatch, Summer 1999.

«Who Gets to Speak?» Extra!, July/August 1998; Doug Ireland, «Unfit to Print», Nation, July 28-August 4, 1997; Norman Solomon and Jeff Cohen, Wizards of Media Oz: Behind the Mainstream News (Monroe, Maine: Common Courage, 1997).

«Field Guide to TVs Lukewarm Liberals», Extra!, July /August 1998.

William Solomon, «More Form Than Substance: Press Coverage of the WTO Protests in Seattle», *Monthly Review*, May 2000. On how the media misrepresented NAFTA, see Edward Herman, «Mexican Meltdown», *Z Magazine*, September 1995.

«Journalists at Work: Who's Watching the Watchdogs?» Alternative Press Review, Spring/ Summer 1998, and <<http://www.pir.org>>.

William Blum, *Rogue State* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000),
10.

Parenti, *Inventing Reality*, passim; and Blum, *Rogue State*, passim.

Входит в состав Китая. *(Примеч. ред.)*

См. дискуссию и ссылки в главе 7.

Цитируется и подвергается критике в Blum, *Rogue State*, 10.

Sean Gervasi, «CIA Covert Propaganda Capability», CovertAction Information Bulletin, December 1979/January 1980; Daniel Brandt, «Journalism and the CIA», Alternative Press Review, Spring/Summer 1998; Carl Bernstein, «The CIA and the Media», Rolling Stone, October 20, 1977.

Gary Webb, *Dark Alliance: The CIA, the Contras, and the Crack Cocaine Explosion* (New York: Seven Stories, 1998); а также Jeffrey St. Clair et al., *The CIA, Drugs and the Press* (New York and London: Verso, 1998).

«Tailwind: Rebuttal to the Abrams/Kohler Report», posted Jul) 22, 1998, <[http:// www.freedomforum.org/fpfp/specialprograms/tailwindl.asp](http://www.freedomforum.org/fpfp/specialprograms/tailwindl.asp)>; also April Oliver and Peter Arnett, «Did the U.S. Drop Nerve Gas?» Time, June 15, 1998.

New York Times, July 1, 1998; исследование, проведенное Reporters Committee for Freedom of the Press, цит. по Leib Dodell, в Письме редактора New York Times, July 8, 1998.

New York Times, November 27, 1988; italics added.

Michael Parent!, *Mahe-Believe Media: The Politics of Entertainment* (New York: St. Martins, 1992).

Parenti, *Make-Believe Media*, Chapter 7 and studies cited therein.

Parenti, Make-Believe Media, Chapter 5.

PBS and the American Worker, Committee for Cultural Studies, City University of New York, June 1990; and U.S. House of Representatives, Committee on Energy and Commerce, Public Communications Act of 1991, Report 102-363, November 23, 1991, 13 ff.

Federal Communications Commission, «Applicability of the Fairness Doctrine in the Handling of Controversial Issues of Public Importance», Federal Register 29, July 25, 1964, 10415 ff.

См. публикацию KPFA Folio, Sonoma County Peace and Justice Center, California; also <<http://www.savepaciflca.net/strike/>>.

Старая, центральная часть городов — часто перенаселенная, застроенная старыми домами. (Примеч. пер.)

Ben Clarke, «NAB Moves to Kill Low Power FM», San Francisco Bay Guardian, September 20, 2000; see also <<http://www.freeradio.org>>.

Robert McChesney, *Telecommunications, Mass Media and Democracy: The Battle for the Control of U.S. Broadcasting 1928-1935* (New York: Oxford University Press, 1993).

Vanishing Voter Project, Center on the Press, Politics, and Public Policy, Harvard University, December 1999: <<http://www.vanishingvoter.org>>; New York Times/CBS Poll, August 12, 1995.

Alan Altshuler, *Community Control* (New York: Pegasus, 1970), 74-75.

GOP означает «Великая старая партия» — сокращенное название Республиканской партии. Некоторые считают, что его следует расшифровывать как «Сборище плутократов».

Guardian, Special Report, Fall 1981.

Voter News Service exit polls, New York Times, November 7, 1996.

Речь идет о других партиях, которые потенциально могли бы стать третьей политической партией в политической системе США. (*Примеч. пер.*)

Newsletter, Ballot Access News, October 1 and November 1, 1999.

Newsletter, Ballot Access News, January 1, 2000.

Newsletter, Ballot Access News, February 6, 1999.

Newsletter, Ballot Access News, June 1, 1999, and various other issues.,

Например, судебное дело «Либертарианская партия Западной Вирджинии против Мэнчин» (West Virginia Libertarian Party v. Manchin, 1982) или «Бакли против Американского фонда конституционного законодательства» (Buckley v. American Constitutional Law Foundation, 1999).

Судебное дело «Манро против Социалистической рабочей партии»
(Munrov. Socialist Workers Party, 1986).

Newsletter, Ballot Access News, November 1, 1999.

Newsletter, Center for Voting and Democracy, Washington, D.C.,
December 1996.

Newsletter, Center for Voting and Democracy, Washington, D.C.,
December 1999.

Например, редакционная статья New York Times, «Proportional Representation Flunks», April 24, 1993.

David Brodsky (ed.), «Proportional Representation Handbook for Progressives: Part II», *Progressive Clearinghouse Bulletin*, no. 6, 1998, 7; Robert Richie and Steven Hill, «The Case for Proportional Representation», *Boston Review*, February/March 1988, а также соответствующие комментарии; Douglas Amy, *Real Choice/New Voices: The Case for Proportional Representation Elections in the United States* (New York: Columbia University Press, 1993).

Kathleen Barber, *Proportional Representation and Election Reform in Ohio* (Columbus: Ohio State University Press, 1996); Martin Gottlieb, «The «Golden Age» of the City Council», *New York Times*, August 11, 1991; Leon Weaver and Judith Baum, «Proportional Representation on New York City Community School Boards», in Wilma Rule and Joseph Zimmerman (eds.), *United States Electoral Systems* (New York: Praeger, 1992).

Ballot Access News, December 8, 1998; Steven Hill, «Lessons on the Mechanics of Democracy», Los Angeles Times, February 15, 1996.

Названо таким образом по имени губернатора штата Массачусетс Элбриджа Джерри, который применил его в 1812 году, и слова salamander, обозначающего странную форму этого округа.

Судебные дела «Шоу против Рено» (Shaw v. Reno, 1993) и «Буш против Вера» (Bush и Vera, 1996).

Судебное дело «Хант против Кромарти» (Hunt v. Cromartie, 1999).

Barry Yeoman, «Virtual Disenfranchisement», *Nation*, September 7—14, 1998.

Высказывание Rob Richie цит. по William Raspberry's в колонке Washington Post, June 27, 1996.

New York Times, June 24, 1998 и August 27, 1999.

Center for Responsible Politics, NPR news, November 8, 2000.

Jennifer Steen, «Self-Financing Candidates Scare Off Competitors», Public Affairs Report, Institute of Government Studies, University of California, Berkeley, September 1999; а также New York Times, November 8, 2000.

Micah Sifry, «How Money in Politics Hurts You», Dollars and Sense, July/August 2000.

Nation, October 21, 1996; a также отчет Associated Press, September 27, 2000.

Laura McClure, «Corporations Are Buying the Election», Labor Party Press, May 2000.

Комитеты политических действий — официально регистрируемые общественные организации США, занимающиеся сбором средств в поддержку кандидатов партий и на выборные должности. (Примеч. пер.)

«Мягкие деньги» — средства на финансирование политических партий, на объемы которых нет таких ограничений, как на прямое финансирование кандидатов на выборах. Нередко «мягкие деньги», предназначенные на «партийное строительство», — просто форма финансирования в обход ограничений закона избирательной кампании кандидата на выборную должность. (*Примеч. пер.*)

Отчет Center for Responsive Politics, Washington, D.C., in Anderson Valley Advertiser, November 27, 1996; также New York Times, April 19, 1992.

Capital Eye, Center for Responsive Politics, Summer 2000, <<http://www.opensecrets.org>>; «Soft Money, Big Stakes», Newsweek, October 28, 1996; Solidarity, September 1996, 13.

См. Sam Pizzigati, «Bored by Politics? A Primary Reason», Too Much, Winter 2000; Только 739 вкладчика обеспечили поступление \$137 млн: Ellen Goodman, Boston Globe, August 7, 2000.

Associated Press, August 21, 2000; Oakland Tribune, August 8, 2000.

Christian Science Monitor, July 28, 1997.

Peter Passell, «Business Was a Big Winner, Too», New York Times, November 7, 1996; а также San Francisco Chronicle, May 19, 1998.

Georgia State Conference of NAACP Branches v. Massey; see Sharon Basco, «The Color of Money», Nation, February 1, 1999; Deidre Davidson, «As Maine Goes. . .» Progressive Populist, December 15, 1999; данные по штату Вермонт, см.: <<http://www.progressiveparty.org>>.

«Коренные американцы» — самоназвание американских индейцев.
(Примеч. пер.)

Судебное дело «Смит против Олрайт» (Smith v. Allwright, 1944).

См. судебные дела «Харпер против Управления по делам выборов штата Вирджиния» (Harper и Virginia State Board of Elections, 1966) в отношении избирательного налога и «Данн против Блумстейн» (Dunn и Blumstein, 1972) в отношении ценза по месту жительства.

Протестное голосование — подача голосов в ходе выборов за кандидата, не имеющего шансов на избрание, в знак протеста против другого кандидата. (Примеч. пер.)

Frances Fox Piven and Richard Cloward, *Why Americans Don't Vote* (New York: Pantheon, 1988); Warren Mitofsky and Martin Plissner, «Low Voter Turnout? Don't Believe It», *New York Times*, November 10, 1988; *Nation*, April 9, 1988, 486.

Loretta Bass and Lynne Casper, Voting and Registration in the Election of November 1996, Census Bureau Report, Washington, D.C., 1998.

Report by the Sentencing Project, New York Times, October 23, 1998;
and Human Rights Watch World Report 1999, United States.

Ronnie Dugger, «Annals of Democracy, Counting Votes», New Yorker, November 7, 1988; James Collier and Kenneth Collier, Votescam: The Stealing of America (New York: Victoria House, 1992).

Mark H. Levine, «Layman's Guide to the Supreme Court Decision in Bush v. Gore», неопубликованная рукопись, December 2000.

«The Facts on Florida», People's Weekly World, November 25, 2000; New York Times, November 30, 2000; Boston Globe, November 30, 2000; Jesse Jackson, «Election Train Wreck in Florida», Progressive Populist, January 1-15, 2001; Observer (UK), December 24, 2000; а также <<http://www.indymedia.org>>, November 2000.

Замечание Эдварда Роллинса (Edward Rollins) цит. по Washington Post, November 9, 1993.

Frances Fox Piven and Richard Cloward, «Northern Bourbons: A Preliminary Report on the National Voter Registration Act», PS: Political Science, March 1996; and New York Times, August 11, 1999.

New York Times, August 12, 1995 и November 25, 1997.

Vanishing Voter Project, WashingtonPost.com highlights,
<<http://www.msnbc.com/news/48543l.asp>>, November 4, 2000.

Типичный пример такого рода представления можно найти в Seymour Lipset, *Political Man* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960), 215-19.

Heinz Eulau, «The Politics of Happiness», *Antioch Review* 16, 1956;
Lipset, *Political Man*, 179-219.

New York Times, August 11, 1999.

О способности избирателей поводить различия между кандидатами см. отчет в New York Times, July 25, 2000.

«What Did U.S. Legislators Do for a Living before They Were Elected?» Labor Party Press, July 1998.

Комитеты политических действий — официально регистрируемые общественные организации, занимающиеся сбором средств для пропаганды и поддержки кандидатов на выборах или партий. (Примеч. пер.)

PACs and Lobbies, newsletter, Edward Zuckerman (ed.), Washington, D.C., June 1990.

См. отчет Center for Public Integrity в USA Today, March 24, 1998; исследование, проведенное Campaign for Tobacco-Free Kids; см. отчет в Associated Press, September 2, 1997.

New York Times, April 16, 1990; Philip Stern, *The Best Congress Money Can Buy* (New York: Pantheon, 1988) 84-85.

Исследование проводилось Military Spending Research Services;
отчет см. Washington Part, January 23, 987.

Цит. по Washington Post, November 17, 1980.

James Abourezk, «Clear Out PACs, Clean Up Congressional Campaigns», release by Institute for Policy Studies, Washington, D.C., March 18, 1986. В то время Абурезк был сенатором и состоял членом предвыборного совещания фракции Демократической партии в Сенате.

Цит. по «Business Battles Back», Environmental Action, December 2, 1978, 14.

Howard Kohn, «The Hughes-Nixon-Lansky Connection», Rolling Stone, May 20, 1976, 44.

Ken Silverstein, *Washington on \$10 Million a Day* (Monroe, Maine: Common Courage, 1998).

Center for Public Integrity, *The Torturers* Lobby* (Washington, D.C.: Center for Public Integrity, 1992); «Mobutu Money Went to Indiana Congressman», *San Francisco Examiner*, May 15, 1997.

Цит. по D. Gilbarg, «United States Imperialism», in Bill Slate (ed.), Power to the People (New York: Tower, 1970), 67.

New York Times, April 29, 1992.

Silverstein, Washington on \$10 Million a Day, introduction; см. также Nation, July 19, 1999.

New York Times, June 30, 1996.

См. колонку Альберта Ханта (Albert Hunt) в Wall Street Journal, July 27, 1995; колонку Молли Айвинс (Molly Ivins) см. в San Francisco Chronicle, August 23, 1996; Lisa Friedman, «Ecologists Attack Source of Pombo Draft Bill», Oakland Tribune, September 11, 2000.

Robert Winter-Berger, The Washington Pay-Off(Nevi York: Dell, 1972), - отчет о показаниях 14 свидетелей.

The Business Roundtable — «Круглый стол бизнеса». (Примеч. пер.)

The National Association of Manufacturers — Национальная ассоциация промышленников. (Примеч. пер.)

USA Today, November 10, 1997.

Lester Milbrath, *The Washington Lobbyists* (Chicago: Rand McNally, 1963), 345.

Joel Brinkley, «Cultivating the Grass Roots to Reap Legislative Benefits», New York Times, November 1, 1993.

New York Times, March 25, 1996 и June 10, 2000; отчет Tim Wheeler
см. People's Weekly World, November 22, 1997.

Alice Ann Love, «Critics Question Motives of Tennessee's Doctor Senator», см. отчет Associated Press, August 23, 1997.

Sheila Kaplan, «Congress's Inside Traders», *Nation*, July 6, 1998.

Цит. по New York Times, November 25, 1984.

Высказывание Mark Green цит. по Steven Roberts, «The Rich Get Richer and Elected», New York Times, September 24, 1985.

Stan Goff, «Helms Exposed as Slumlord», People's Weekly World, October 26, 1996.

Larry Sabato and Glenn Simpson, *Dirty Little Secrets: The Persistence of Corruption in American Politics* (New York: Times Books/Random House, 1996); Washington Post, July 20, 1998; Oakland Tribune, April 16, 2000.

Russ Baker, «The House Flunks Ethics», *Nation*, February 15, 1999. Еще одним примером лицемерия и моральной нечистоплотности являются действия члена Палаты представителей Генри Хайда (Henry Hyde, R-I1L); см. также Dennis Bernstein and Leslie Kean, *Henry Hyde's Moral Universe* (Monroe, Maine: Common Courage, 1999).

Washington Post, December 31, 1982.

653

San Francisco Examiner, September 4, 1997.

Отчет GAO см. Washington Post, October 10, 1981; материалы об обвинениях федеральных служащих см. U.S. Justice Department, Report to Congress on the Activities and Operations of the Public Integrity Sector for 1986 (Washington, D.C.: Government Printing Office, 1987).

О коррупции в администрации президента Рейгана после 1986 года см. также Washington Post, September 24, 1988; New York Times, July 27, 1988 и May 1, 1990.

Washington Post, February 5, 1988 и January 17, 1989.

Пример апологетического подхода к коррупции см. Peter deLeon, *Thinking about Political Corruption* (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1993).

Обе партии в обеих Палатах Конгресса проводят собрания или «конференции», в которых принимают участие все члены фракции этой партии в каждой палате. На этих конференциях избираются лидеры большинства и меньшинства и организаторы фракций партии. Собрание фракции большинства в палате также избирает председателей комитетов и подкомитетов.

«Бочка с салом» — на американском политическом жаргоне обозначает «кормушку», «жирный кус», то есть правительственные ассигнования, выделяемые по политическим соображениям. (Примеч. пер.)

«By Their Deeds», Nation, July 20, 1998. See John C Berg, *Unequal Struggle: Class, Gender, Race and Power in the U.S. Congress* (Boulder, Colo.: Westview, 1994), for an analysis of how wider class forces predetermine the scope of congressional power.

John C. Berg, «Vietnam, Angola, Lebanon, and Central America: Limited Possibilities for Congressional Control of Military Intervention», материалы годового отчета American Political Science Association, New Orleans, 1985.

New York Times, March 17, 1998.

Jeremy Weir Alderson, «Spooks and Brass Work the Hill»,
CovertAcHon Quarterly, Summer 1997.

Mark Green et al., *Who Runs Congress?*, 2nd ed. (New York: Bantam, 1972), 56.

«Goodies for the Rich Hidden in Wage Bill», Santa Rosa Press Democrat, October 13, 1996; «GOP Leaders' Tax Breaks for the Rich», Solidarity, May 2000.

Sunday Oregonian, July 12, 1998; and New York Times, September 1, 1998.

«Fast Track Backtrack», Nation, December 1, 1997.

Палата представителей объявляет себя комитетом всей палаты — для обсуждения в этом качестве какого-либо вопроса. (Примеч. пер.)

New York Times, August 9, 1987 и April 8, 1993; Washington Post, June 17, 1987 и August 13, 1991. Например, о том, как демократы использовали пиратов, см. Washington Post, November 16, 1989; New York Times, November 2, 1991.

670

Washington Monthly, April 1972, 18.

Некоторые источники указывают на больший диспаритет: Half of Senate Incumbents Seeking Election Are Financially Unopposed (Washington, D.C.: Common Cause, 1990).

Совещание чернокожих в Конгрессе — «фракция», собрание чернокожих депутатов Конгресса США. (Примеч. пер.)

Все цитаты приводятся по Robert Salladay, «Term Limits' Dark Side Coming to Light», San Francisco Examiner, July 26, 1998; см. также B. Drummond Ayres, «Term Limit Laws Are Transforming More Legislatures», New York Times, April 28, 1997.

Ayres, «Term Limit Laws.»

Материалы судебного процесса U.S. Term Limits и Thornton (1995).

«Election Results», Independent Politics, Winter 1998-99.

Высказывание президента Рейгана цит. по Seattle Times, January 15, 1989; выступление президента Клинтона по PBS в программе News Hour, October 27, 1992. Я называю президента «он» только потому, что все президенты до настоящего времени были мужчинами. Я совсем не имею в виду, что мужчины должны всегда иметь исключительное право занимать эту должность.

См. дискуссию в главе 7.

William Shannon, New York Times, July 22, 1975.

Mark Shields, Washington Post, January 28, 1989.

Associated Press, «Tapes Show More Dirt in Nixon's Presidency», November 1, 1997; Juan Williams, «Reagan Is the Real King of the Special Interest Groups», Washington Post, April 1, 1984; «Team 100 All-Stars», Common Cause Magazine, April/ May /June 1992.

Warren Lenhart, *Ambassadorial Appointments: The Congressional Debate over Qualifications and Implications for U.S. Policy*, Congressional Research Service, Report 91-385F, Washington, D.C., May 1, 1991; а также Associated Press, «Tapes Show More Dirt in Nixon's Presidency», November 1, 1997.

New York Times, June 21, 22, and 25, 1973, and April 4, 1974.

Bruce Miroff, *Pragmatic Illusions* (New York: McKay, 1976); Richard Walton, *Cold War and Counter-Revolution: The Foreign Policy of John F. Kennedy* (Baltimore: Penguin, 1972).

David Wise, *The Politics of lying* (New York: Vintage, 1973), рассматривает примеры манипуляций и обмана в администрациях президентов Эйзенхауэра, Кеннеди, Джонсона и Никсона; Christopher Lydon, «Jimmy Carter Revealed: He's a Rockefeller Republican», *Atlantic Monthly*, July 1977; Frank Browning, «Jimmy Carter's Astounding Lies», *Inquiry*, May 5, 1980.

James Nathan Miller, «Ronald Reagan and the Techniques of Deception», *Atlantic Monthly*, February 1984; *Washington Post*, June 17, 1984 и July 13, 1984, а также September 27, 1986; *New York Times*, December 27, 1985.

New York Times, February 20 и June 30, 1990; Washington Post, October 29, 1991; Peter Dale Scott and Jonathan Marshall, Cocaine Politics (Berkeley: University of California Press, 1991); Pete Brewton, The Mafia, CIA & George Bush (New York: Shapolsky, 1992).

New York Times, June 27, 1997 и March 16, 1998.

Susanne Jonas, «A New Guatemalan Tragedy in the Making?» San Francisco Chronicle, April 26, 2000.

New York Times, March 8, 1996 и July 2, 1997; James Petras, «Clinton and Volun-teerism: The Poverty of American Social Policy», New Political Science \o\ 20, № 2, 1998; Eric Alterman, «Clinton's Foundation», Nation, March 2, 1998. О развенчании иллюзий в отношении администрации Клинтона см. Robert Reich, Locked in the Cabinet (New York: Knopf, 1997).

Justin Lewis, Michael Morgan, and Sutjhally, «Polling Clinton's Appeal», Nation, March 9,1998.

Tom Foltz, «Florida Farmworkers Face Disaster», Guardian, April 3, 1971.

New York Times, April 2, 1971.

Если ни один кандидат не получает большинства голосов Коллегии выборщиков, президент избирается Палатой представителей Конгресса, при этом делегация каждого штата имеет только один голос. Двадцать третья поправка к Конституции предоставила округу Колумбия право иметь число выборщиков, равное их числу от самого малонаселенного штата (3), что вместе с числом сенаторов (100) и числом членов Палаты представителей (435) доводит число членов Коллегии выборщиков до 538. Конституция запрещает любому члену Конгресса или любому другому правительственному чиновнику выступать в качестве выборщика.

См. комментарии на эту тему в: Theodore Arlington и мнение противоположной стороны Saul Brenner «Should the Electoral College be Replaced by the Direct Election of the President? A Debate», PS: Political Science, Spring 1984; см. также Harvey Zeiderstein, Direct Election of the President (Lexington, Mass.: Heath, 1973).

New York Times, March 26, 1996; Carol O'Cleireacain, «The "New Federalism,"» Economic Notes, March/April 1991; Howard Kurtz, «Hostility to «New Federalism» Is Bipartisan among Mayors», Washington Post, December 10, 1984; а также Washington Post, January 7, 1987.

«Привилегия исполнительной власти» — право
конфиденциальности переписки и бесед президента. (Примеч. пер.)

Судебное дело «США против Никсона» (United States и Nixon, 1974); см. также Raoul Berger, *Executive Privilege, A Constitutional Myth* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974).

Исполнительное соглашение заключается президентом с иностранным государством и не требует одобрения Сената. (*Примеч. пер.*)

700

Washington Post, February 7, 1988.

701

Washington Post, December 29, 1986.

702

Телеинтервью в программе Дэвида Фроста (David Frost), May 19, 1977.

Federal Register, vol. 59, № 108.

Письмо Ральфа Надера (Ralph Nader) членам Палаты
представителей от February 3, 1995.

В отношении этих примеров см. New York Times, March 25, 1986; Los Angeles Times, November 4, 1984; письмо государственному секретарю Джорджу Шульцу от члена Палаты представителей Роберта Мразека и семи других членов Конгресса с протестами против продажи оружия Гватемале, October 5, 1988; отчет General Accounting Office № B-213137, Propriety of Funding Methods Used by the Department of Defense in Combined Exercises in Honduras, Washington, D.C., June 22, 1984; отчет GAO см. Peoples Weekly World, August 21, 1993.

Цит. по New York Times, August 18, 1992.

«Хромая утка» — политический деятель, завершающий пребывание на своем посту, а на новый срок не избранный, политический «слабак», неспособный взять на себя необходимую ответственность. (*Примеч. пер.*)

См. классические высказывания Макса Вебера (Max Weber) «Bureaucracy», в Hans Gerth and C. Wright Mills (eds.), From Max Weber: Essays in Sociology (New York: Oxford University Press, 1958), 196-244.

Duane Lockard, *The Perverted Priorities of American Politics* (New York: Macmillan, 1971), 282.

См. дискуссию в отношении Всемирной торговой организации в главе 11.

Сравнение затрат на административные расходы и производственные издержки в государственном и частном секторах см. John Schwarz, *Americas Hidden Success*, rev. ed. (New York: Norton, 1988); а также Charles Goodsell, *The Case of Bureaucracy*, 2nd ed. (Chatham, N.J.: Chatham House, 1985).

«Don't Privatize Social Security», Labor Party Press, March 1999; San Francisco Chronicle, August 31, 1992; а также Lisbeth Schorr, *Within Our Reach: Breaking the Cycle of Disadvantage* (Garden City, N.Y.: Doubleday Anchor, 1988); «Ten Excellent Reasons to Strengthen Social Security and Oppose Privatization», *Solidarity*, July/August 2000.

«Health Care Crisis Is Worse», Solidarity, April/May 1997.

Conrail — Consolidated Rail, система государственных железных дорог в США. (Примеч. пер.)

По этим различным примерам см. отчет организации «Математики по исследованию политики научными методами» (Mathematica Policy Research): New York Times, November 1, 1990; отчет National Safety Council, New York Times, October 7, 1990; Susan Mayer and Christopher Jencks, «War on Poverty: No Apologies, Please», New York Times, November 9, 1995.

Schwarz, *America's Hidden Success*, 59-69; Margery Turner, *Rent Control and the Availability of Affordable Housing in the District of Columbia* (Washington, D.C.: Urban Institute, 1988); CAP Council report, *United Auto Workers*, October/November 1996.

Christine Triano and Nancy Watzman, *Voodoo Accounting*, a report by Public Citizen and OMB Watch, Washington, D.C., 1992.

Molly Ivins's column, Fort Worth Star-Telegram, August 12, 2000; также Harvey Wasser-man, «The Mega-Battle over Utility Deregulation», Nation, March 16, 1998.

«Protecting Your Water Supply», newsletter, East Bay Municipal Utility District, California, September/October 2000.

New York Times, March 9, 1997.

Отчет Associated Press, January 27, 1996; Kevin Smith and Kenneth Meier, The Case against School Choice (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1995).

Mano Singham, «The War against Public Schools», Z Magazine, October 1995.

«No, The Private Sector Doesn't Do It Better», Labor Party Press, September 1998; John Hanrahan, *Government by Contract* (New York: Norton, 1983); New York Times, December 2, 1992.

Cm. Michael Parenti, *Blackshirts and Reds* (San Francisco: City Lights, 1997), 87-120.

New York Times, April 23, 1986.

New York Times, July 17, 1997; Associated Press, July 16 и August 1, 1998.

General Accounting Office, High Risk Sm*s#GAO/HR/95-l,
Washington, D.C., February 1995.

Susan Fainstein and Norman Fainstein, «The Political Economy of American Bureaucracy», in Carol Weiss and Allen Barton (eds.), *Making Bureaucracies Work* (Beverly Hills, Calif.: Sage, 1980), 285.

Fainstein and Fainstein, «The Political Economy of American Bureaucracy», 286.

Jay M. Gould and Benjamin A. Goldman, with Kate Millpointer, *Deadly Deceit: Low-Level Radiation, High-Level Cover-Up* (New York: Four Walls Eight Windows, 1998); Leonard Cole, *Clouds of Secrecy: The Army's Germ Warfare Tests over Populated Areas* (Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield, 1988); New York Times, January 1 и 5, 1994, and October 30, 1996.

Washington Post, April 18, 1995; New York Times, June 28, 1996; San Francisco Examiner, June 28, 2000.

Myron Peretz Glazer and Penina Migdal Glazer, *The Whistleblowers: Exposing Corruption in Government and Industry* (New York: Basic, 1991); Scott Winokur, «Top Tax Man's Tale of Demotion», *San Francisco Examiner*, July 25, 2000; *New York Times*, May 24, 2000.

733

San Francisco Examiner, August 3, 1998.

Erik Larsen, «Sailor Court Martialled», On Guard (Citizen Soldier, New York), no. 14, 1993.

New York Times, November 16, 1996; and Nation, May 19, 1997.

Edwin Sutherland, *White Collar Crime* (New York: Holt, Rinehart & Winston, 1949), 232.

Michael Pertshuk, *Revolt against Regulation* (Berkeley: University of California Press, 1982); Washington Post, February 2, 1989.

Washington Post, March 27, 1987.

Ron Nixon, «The Corporate Assault on the FDA», CovertAction Quarterly, Winter 1995-96.

New York Times, August 30, 1997; Gail Eisnitz, *Slaughterhouse: The Shocking Story of Greed, Neglect, and Inhumane Treatment Inside the U.S. Meat Industry* (Amherst, N.Y.: Prometheus, 1997).

«As Food Quality Drops, the USDA Just Shrugs» and «National Organic Rules Revised by the USDA», отчет по всем материалам см. Organic Gardening, May/June 2000.

«Something to Chew On», Заявление Environmental Working Group, New York Times, February 23, 1999; см. также <<http://www.foodnews.org>>.

Ron Nixon, «Working in Harm s Way», Southern Exposure, Fall/Winter 1995; General Accounting Office, Sweatshops in the U.S. (Washington, D.C.: Government Printing Office, 1988).

San Francisco Chronicle, June 27, 2000; New York Times, February 5 and December 8, 1993; In These Times, August 7-20, 1991, 4-5; Barry Mehler, «Rightist on the Rights Panel», Nation, May 7, 1988.

Jack Walker, «The Origins and Maintenance of Interest Groups in America», *American Political Science Review* 77, 1983, 397; Grant McConnell, *Private Power and American Democracy* (New York: Knopf, 1966), 210.

Капер, каперство (от нидерл. карег — морской разбойник) — нападение вооруженных частных торговых судов воюющего государства с его разрешения (т. н. каперские свидетельства) на неприятельские торговые суда или суда нейтральных государств, перевозящие грузы для неприятельского государства. Запрещено Парижской декларацией о морской войне 1856. (*Примеч. пер.*)

Следует отметить, что все эти банки частные. (*Примеч. пер.*)

Mark Evans, «The Problem with the Fed», North Coast Xpress, May 1993.

New York Times, March 26, 1996.

Высказывание Джерри Найта (Jerry Knight) в газете Washington Post, September 26, 1983.

Высказывание члена Палаты представителей Фернанда Джермена (Fernand St. Germain), председателя Комитета по банковской деятельности, цит. по Washington Post, April 12, 1984.

Max Farrand, *The Framing of the Constitution of the United States* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1913), pp. 156—57. См. аргументы Верховного судьи Дж. Маршалла (John Marshall) *judicial review* in the landmark case по поводу судебного дела *Marbury v. Madison* (1803).

Цит. по Felix Frankfurter, *Mr. Justice Holmes and the Supreme Court* (New York: Atheneum, 1965), 54.

Russell Galloway, *The Rich and the Poor in Supreme Court History, 1790-1982* (Greenbrae, Calif.: Paradigm, 1982), 163, and 180—81; см. также Sheldon Goldman, «Johnson and Nixon Appointees to the Lower Federal Courts: Some Socio-Political Perspectives», *Journal of Politics* 34, 1972, 934-42.

Joel Grossman, *Lawyers and Judges: The ABA and the Politics of Judicial Selection* (New York: Wiley, 1965).

Dexter Perkins, Charles Evans Hughes (Boston: Little, Brown, 1956),
16.

Herman Schwartz, *Packing the Courts* (New York: Scribner, 1988); Sheldon Goldman; «Reaganizing the Judiciary», *Judicature* 68, April-May 1985, 313-29.

Study by Robert Carp, Donald Songer, and Ronald Stidham reported in New York Times, August 1, 1996.

Time, June 3, 1996; Peoples Weekly World, June 19, 1999.

Судебный активизм — расширенное толкование Конституции.
(Примеч. пер.)

Национальные банки — категория частных коммерческих банков в США. (Примеч. пер.)

Об этом и о принципе ненарушаемости договора см. судебные дела *Allegeyer v. Louisiana* (1897), *Lochner u New York* (1905), *Adair* и *United States* (1908).

Судебное дело Santa Clara County и Southern Pacific Railroad (1886).

Cm. Peter Kellman, в By What Authority, Spring 2000, 6.

См. судебные дела Hammer и Dagenhart (1918); Carter и Carter Coal Co. (1936); а также Morehead и New York (1936).

«*Равные, но сегрегированные*» — расистская доктрина сегрегации «цветных» в США. (Примеч. пер.)

В одном из более ранних судебных дел Верховный суд провозгласил, что женщины не имеют права заниматься юридической практикой; см. *Bradwell и State* (1872).

Сторонники свободы слова допускают ограничение законом письменной или устной клеветы, даже клеветнического заявления, когда оно направлено против общественного деятеля. Оно считается защищенным первой поправкой к Конституции. См. судебные дела *New York Times Co. v. Sullivan* (1964) и *Time Inc. v. Hill* (1967).

Слушания в одном из подкомитетов Юридического комитета Палаты представителей Конгресса США, *Amnesty and Pardon for Political Prisoners* (Washington, D.C.: Government Printing Office, 1927), 54. См. также Charles Goodell, *Political Prisoners in America* (New York: Random House, 1973) и — о сравнительно недавних случаях в главе Ю данной книги.

Холмс привел аналогичный аргумент в судебном деле Debs и United States (1919). В последующих судебных делах он выступил против большинства членов Верховного суда, защищая первую поправку к Конституции; см. судебные дела Abrams и United States (1919) и Gitlow и New York (1925).

Судебное дело Yates et al. u United States (1957).

Судебное дело First National Bank и Bellotti (1978); см. также судебное дело Buckley и Valeo (1976).

Burt Neuborne, «Pushing Free Speech Too Far», New York Times, July 15, 1996.

Судебное дело Reno и American Civil Liberties Union (1997).

Для ознакомления с образцами такого мышления см. высказывания Уинсона и Джексона (Vinson and Jackson) в судебном деле Dennis и United States.

Билль о правах — 10 первых поправок к Конституции США. Совокупность конституционных норм, гарантирующих права граждан в их взаимоотношениях с органами государственной власти. (Примеч. пер.)

См. судебные дела Near и Minnesota (1931), Dejongeu Oregon (1937), McCollum и Board of Education (1948).

В отношении гражданских свобод см. судебное дело *Gideon v. Wainwright* (1963), *Escobedo v. Illinois* (1964) и *Miranda v. Arizona* (1966); в отношении перераспределения избирательных участков см. судебные дела *Baker и Carr* (1962), *Reynolds v. Sims* (1964), *Wesberry v. Sanders* (1964); в отношении экономических прав бедных см. *King v. Smith* (1968), *Sniadich и Family Finance Corporation* (1969), *Shapim и Thompson* (1969) и *Hunter и Erickson* (1969).

Galloway, The Rich and the Poor in Supreme Court History, 163.

Судебное дело Loving и Virginia (1967).

Общие критические материалы см. Tinsley Yarbrough, *The Rehnquist Court and the Constitution* (New York: Oxford University Press, 2000); David Kairys, *With Liberty and Justice for Some: A Critique of the Conservative Supreme Court* (New York: New Press, 1993); Herman Schwartz (ed.), *The Burger Years* (New York: Penguin, 1988).

Соответственно судебные дела: Gateway Coal Co. и United Mine Workers (1974); First National Maintenance Corp. и NLRB (1981); Communications Workers of America v. Beck (1988); Lehnert и Ferris Faculty Association (1991).

Судебные дела Lying и International Union (1988); Public Employees Retirement System of Ohio и Betts (1989); Pauley и Bethenergy Mines (1991); Trans World Airlines и Independent Federation of Flight Attendants (1989).

Судебное дело Frank Greenberg Executor и H&H Music Company (1992).

Dandridge и Williams (1970); Rosado и Wyman (1970). О неспособности федеральных и штатных судов выполнить обещание в отношении равноправия Charles Haar and Daniel Fessler, *The Wrong Side of the Tracks* (New York: Simon & Schuster, 1986).

San Antonio Independent School District и Rodriguez (1973).

Eric Nadler, «Supreme Court Backs Agribusiness», Guardian, July 2, 1980.

Nordlingerv. Hahn(9S2).

Судебные дела Laird и Tatum (1972) и Greer и Spock (1976).

Судебное дело United States и Caldwell (1972); Zurcheru Stanford Daily (1978).

Судебные дела *Members of the City Council of Los Angeles et al.* и *Taxpayers for Vincent et al.* (1984); *Clark* и *Community for Creative Non-Violence* (1984).

Судебные дела Hazelwood School District и Kuhlmeir (1988); Todd и Rush County (1998); см. также Los Angeles Times, October 6, 1998.

Судебное дело Hustler Magazine и Falwell (1988).

Судебное дело Board of Regents, University of Wisconsin и Southworth (2000).

Судебное дело Will и Michigan Department of State Police (1989). По поводу коллизий в суде с проигрышем для штата см. Alexander Charns, *Cloak and Gavel: FBI Wiretaps, Bugs, Informers, and the Supreme Court* (Champaign: University of Illinois Press, 1992).

Судебное дело/. Roderick McArthur Fund и FBI (1996).

Теории эволюции Чарльза Дарвина. (Примеч. пер.)

Об игроках школьных команд: судебные дела Engels и Vitale (1962); Wallace и Jaffree (1985); and Santa Fe Independent School District и Doe (2000). О «креационизме»: судебное дело Edwards и Aguillard (1987).

Судебные дела Murray и Curlett (1963); Lemon и Kurtzman (1971);
Wah u Tax Commission (1970); David Burnham, «Alter the Catholic
Church's Tax Status?» New York Times, July 29, 1988.

Пятью голосами против четырех — т.е. с минимальным перевесом голосов, так как в Верховном суде всего девять членов.
(Примеч. пер.)

Судебные дела соответственно Bowen и Kendrick (1988), Mueller и Alien (1983), Rosenberger и University of Virginia (1995), Agostini и Felton (1997), Mitchell и Helms (2000).

Правило по делу Миранды — предупреждение задержанного или арестованного полицией об оценке судом самоинкриминирующих показаний. Задержанного официально предупреждают о том, что у него есть право молчать, право на адвоката и право не говорить ничего порочащего в отношении себя. (Примеч. пер.)

Solem и Helm (1983). О самых худших решениях Верховного суда
см. Joel Joseph, Black Mondays (Bethesda, Md.: National, 1987).

Судебное дело Harmelin и Michigan (1991).

Судебное дело United States и Watts (1997).

Судебное дело Ingraham и Wright (1977), а также судебное дело De Shaney и Winnebago County Department of Social Services (1989).

Судебное дело Соу и Iowa (1988).

Судебные дела Maryland и Blue (1990); Florida и Bostick (1991); County of Riverside и McLaughlin (1991).

О праве на апелляцию: судебное дело McCleshey и Zant (1991) и Кеепеу и Татауо-Reyes (1992). О негуманных условиях: судебное дело Wilson и Seiter (1991).

Судебное дело Coker и Georgia (1977).

Судебные дела Ford v. Wainwright (1986); Penry u Lynaugh (1989).

Судебное дело McClesky и Kemp (1987).

Судебные дела: Wilkins и Missouri (1989); Standford и Kentucky (1989); Thompson и Oklahoma (1988).

Судебное дело Herrera и Collins (1993).

Судебное дело Crosby и National Foreign Trade Council (2000).

Судебные дела Haig и Agee (1981) и Regan и Wald (1984).

Судебные дела Mahan и Howell (1973) и Davis и Bandemer (1986).

См. соответственно судебные дела: First National Bank of Boston и Bellotti (1978); Citizens Against Rent Control et al. и City of Berkeley et al (1981); Buckley и Valeo (1976); Colorado Republican Committee и Federal Election Commission (1996).

Судебное дело Nixon и Shrink Missouri Government PAC (2000).

Судебное дело U.S. Term Limits и Thornton (1995).

Судебное дело Timmons и Twin Cities Area New Party (1997).

Судебное дело Alesander и Mineta (2000); Adams и Clinton (2000).

Судебное дело Wisconsin и New York (1996).

Судебный активизм — расширенное толкование Конституции.
(Примеч. пер.)

См. судебные дела Mentor Savings Bank, FSB и Vinson (1986); Palmare и Sidoti (1984); Franklin и Gwinnett County Public Schools (1992); Davis и Monroe County Board of Education (1999).

Судебное дело United States и Virginia (1996).

Судебное дело United States v. Morrison (2000). Иск был предъявлен студенткой Вирджинского политехнического института против двух игроков студенческой спортивной команды после того, как она узнала, что колледж не наложит на них дисциплинарного взыскания.

См. судебные дела соответственно Planned Parenthood и Casey (1992) и Hodgson и Minnesota (1990). In Webster v. Reproductive Health Services (1989). Верховный суд предоставил штатам широкие полномочия вводить ограничения на аборты путем запрета использования государственных денежных средств, медицинского персонала, оборудования и помещений.

Судебное дело Jane Bray и Alexandria Women s Clinic (1993).

Судебное дело Madsen и Women's Health Clinic (1994), а также судебное дело National Organization for Women и Scheidler (1994).

Судебное дело Stenberg и Carhart (2000).

Правовая защита интересов исторически ущемленных групп населения — такими группами населения в США являются чернокожие и американские индейцы. (Примеч. пер.)

Судебные дела *Lorance v. AT&T Technologies* (1989); *City of Richmond и J. A. Crosson Co.*, (1989); *Martin и Wilks* (1989); *Adarand Constructors и Репа* (1995).

Судебное дело Ward's Cove Packing Co. и Atonio (1989).

Судебные дела Missouri и Jenkins (1995); Montgomery County, Md.y Public Schools и Eisenberg (2000).

Судебное дело Presley и Etowah County Commission (1992).

Судебное дело Reno и Bossier Parish (2000). О предыдущем примере лишения афроамериканцев права голоса см. также Shaw и Reno (1993).

Janis Judson, *The Hidden Agenda: Non-Decision-Making on the U.S. Supreme Court* (University of Maryland, Ph.D. dissertation, 1986); Los Angeles Times, November 9, 1989.

Herman Schwartz, «Second Opinion», Nation, June 17, 1991.

Garrett Epps, «Black Robe Activism», Nation, May 5, 1997.

Различные соображения в отношении предельных сроков пребывания судей в должности см. главу 14.

В отношении классических высказываний плюралистов см. The Group Basis of Politics (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1952); Robert Dahl, Who Governs? (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1961).

Max Lerner, *America as a Civilization* (New York: Simon & Schuster, 1957), 398.

Dahl, Who Governs?, 272. См. также Robert Dahl, Modern Political Analysis (Engle-wood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1970).

COINTELPRO — программа контрразведки. (Примеч. пер.)

В отношении убийства Джона Кеннеди см. также цитаты в главе 10. См. также Philip Melanson, *The Martin Luther King Assassination* (New York: Shapolsky, 1991); Mark Lane and Dick Gregory, *Murder in Memphis: The FBI and the Assassination of Martin Luther King* (New York: Thunder Mouth, 1993); Baba Zak A. Kondo, *Conspiracies: Unraveling the Assassination of Malcolm X* (Washington, D.C.: Nubia, 1993); Karl Evanzz, *The Judas Factor: The Plot to Kill Malcolm X* (New York: Thunder Mouth, 1992); George Breitman et al., *The Assassination of Malcolm X* (New York: Pathfinder, 1976).

Война в Персидском заливе против Ирака сразу же после ее начала пробудила пыл ура-патриотов. Но до самого начала боевых действий, несмотря на непрерывную интервенционистскую пропаганду всех крупных средств массовой информации, большинство американской общественности выступало за дипломатическое урегулирование, а не за военное столкновение.

Makani Themba, *Making Policy, Making Change: How Communities Are Taking the Law into Their Own Hands* (Oakland: Chardon, 1999); Center for Public Integrity, *Citizen Muckraking: How to Investigate and Right Wrongs in Your Community* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000); *Not for Sale!*, newsletter of Center for Commercial-Free Public Education, Spring 2000.

Washington Post, March 9, 1980.

Frank Kofcky, *Harry S. Truman and the War Scare of 1948* (New York: St. Martins, 1993), 190.

Брандеса цитирует David McGowan, *Derailing Democracy* (Monroe, Maine: Common Courage, 2000), 42; см. также H. H. Gerth and C. Wright Mills (eds.), *From Max Weber: Essays in Sociology* (New York: Oxford University Press, 1958).

Обзор приводится в National Law Journal, отчет — в People's Daily World, September 12, 1986.

Открытое предприятие — предприятие, принимающее на работу как членов профсоюза, так и тех, кто не состоит в профсоюзе. (Примеч. пер.)

James Ridgeway, «Mondo Washington», Village Voice, June 27, 2000.

Bernard Sanders, *Outsider in the House* (New York and London: Verso, 1997), 207-9.

See Daniel M. Berman and John T. O'Connor, *Who Owns the Sun? Preparing for the New Solar Economy* (White River Junction, Vt: Chelsea Green, 1996).

Correspondence, New York Times, July 20, 1993.

Хиропрактика — разновидность мануальной терапии. (Примеч. пер.)

Nation, January 17, 1994.

Christopher Gunn and Hazel Dayton Gunn, *Reclaiming Capital: Democratic Initiatives and Community Development* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991); PBS brochure for *Lively hood*, documentary series on work in America with Will Durst, 1999.

Martin Espinoza, «The Public Power Advantage», San Francisco Bay Guardian, August 19, 1992, 19-23.

New York Times, June 3, 1987.

См., например, Tor Wennerberg, «Undermining the Welfare State in Sweden», Z Magazine, June 1995.

См. Michael Parenti, *Blackshirts and Reds: Rational Fascism and the Overthrow of Communism* (San Francisco: City Lights, 1997), chapters 6 and 7; а также Parenti, *To Kill a Nation: The Attack on Yugoslavia* (New York and London: Verso, 2000), chapters 18 and 19.



Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.



z-library.sk

z-lib.gs

z-lib.fm

go-to-library.sk



[Official Telegram channel](#)



[Z-Access](#)



<https://wikipedia.org/wiki/Z-Library>